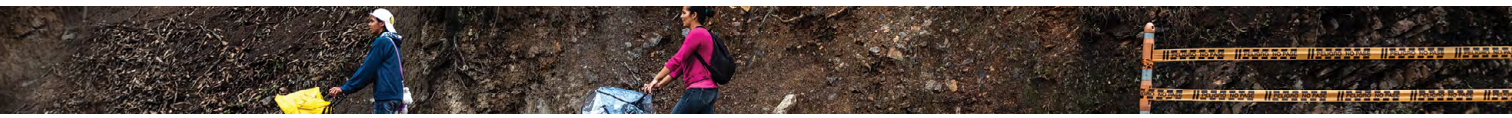
МОМ
ООН МИГРАЦИЯ

ДОКЛАД О МИГРАЦИИ В МИРЕ 2022



Мнения, выраженные в настоящем докладе, представляют собой точку зрения авторов и не обязательно отражают взгляды Международной организации по миграции (МОМ). Употребляемые обозначения и изложение материала в настоящем докладе не означают выражения со стороны МОМ какого бы то ни было мнения относительно правового статуса той или иной страны, территории, города или района или их властей или относительно делимитации их границ.

МОМ придерживается принципа, согласно которому гуманная и упорядоченная миграция приносит пользу и мигрантам, и обществу. В качестве межправительственной организации МОМ совместно со своими партнерами по международному сообществу осуществляет деятельность, направленную на: оказание помощи в решении оперативных задач в области миграции; разъяснение проблем, связанных с миграцией; поощрение социального и экономического развития посредством миграции; и обеспечение уважения человеческого достоинства и благополучия мигрантов.

Издатель: Международная организация по миграции
17 route des Morillons
P.O. Box 17
1211 Geneva 19
Switzerland
Тел.: +41 22 717 9111
Факс: +41 22 798 6150
Электронная почта: hq@iom.int
Веб-сайт: www.iom.int

Фотографии на обложке

Верхняя: Действующий под управлением мэрии Боготы пункт ориентации и помощи на автобусной станции Боготы, где гуманитарные партнеры, такие как МОМ, предлагают услуги венесуэльским мигрантам и беженцам. © МОМ 2019 / Мусе Мохаммед

Средняя: Защита от береговой эрозии в Кокс-Базаре. Сампаны. © МОМ 2016 / Аманда Неро

Нижняя: Многие венесуэльцы, путешествующие по континенту, делают это пешком, неся всех своих детей и пожитки. «Каминантес», или пешеходы, ходят по основным автодорогам и по труднопроходимой местности. © МОМ 2019 / Мусе Мохаммед

Обязательная ссылка при цитировании: McAuliffe, M. и A. Triandafyllidou (eds.), 2021. *ДОКЛАД О МИГРАЦИИ В МИРЕ 2022*. Международная Организация по Миграции (МОМ), Женева.

ISBN 978-92-9268-475-4 (PDF)

© IOM 2022

Некоторые права защищены. Эта работа доступна в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivs 3.0 IGO License (CC BY-NC-ND 3.0 IGO).*

Более подробно условия использования описаны здесь Copyright and Terms of Use.

Эта публикация не должна использоваться, публиковаться или распространяться в целях, в первую очередь предназначенных для или направлены на получение коммерческой выгоды или денежной компенсации, за исключением образовательных цели, напр. для включения в учебники.

Разрешения: Запросы на коммерческое использование или дополнительные права и лицензии должны быть отправлены на publications@iom.int.

* https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/igo/legalcode

PUB2022/068/L*

МОМ
ООН МИГРАЦИЯ

ДОКЛАД О МИГРАЦИИ В МИРЕ 2022

Этот труд является плодом теснейшего сотрудничества между большим количеством партнеров и соавторов, работавших под руководством редакторов Доклада о миграции в мире. Работа над изданием (Доклада о миграции в мире 2022) была начата в марте 2020 года и увенчалась представлением доклада Генеральным директором на 112-й сессии Совета МОМ в декабре 2021 года.

Изложенные в докладе выводы, толкования, заключения и рекомендации не обязательно отражают мнения МОМ или ее государств-членов.

Употребляемые обозначения и изложение материала в настоящем докладе не означают выражения со стороны МОМ какого бы то ни было мнения относительно правового статуса той или иной страны, территории, города, района или их властей или относительно делимитации их границ.

Были предприняты все разумные усилия для обеспечения точности данных, приведенных в настоящем докладе, в том числе путем перепроверки данных. Вместе с тем, к нашему сожалению, в данных могут сохраняться определенные погрешности. Если не указано иное, в докладе не упоминаются данные или события, имевшие место после июня 2021 года.

Описание сюжетов, запечатленных на фотографиях, содержится на странице v.

Редакторы, рецензенты и издательская группа

Редакторы	Мари Маколифф (МОМ) и Анна Триандафиллиду (Университет Райерсона)
Рецензенты МОМ	Сумьядип Банерджи, Маттео Бусто, Мередит Байрон, Элизабет Коллетт, Гарри Кук, Пабло Эскрибано, Дипали Фернандес, Клэр Галес-Дэвис, Хорхе Андрес Гальо, Сэм Гранди, Лоренцо Гуаданьо, Кэролайн Хендерсон, Дина Ионеско, Финеас Яси, Азра Карим Раджпут, Хизер Коменда, Лука Ламорте, Андреа Милан, Хулиана Кинтеро и Анита Вадуд
Академические рецензенты	Тарик Абу-Чади, Сесилия Кэннон, Майкл Клеменс, Йогеш Двиведи, Джибрил Фаал, Алан Гамлен, Ахмет Ичдуйгу, Бинод Хадрия, Сьюзан Мартин, Петра Мольнар, Шрипрапха Петчарамесри, С. Ирудая Раджан, Юджиния Сиапера и Салли Йеа
Технический редактор	Валери Хаггер
Администрация проекта	Либерти Беринья и Аурели Бен Габриэль
Корректор	Карл Мюллер
Макет доклада	Кармело Торрес
Интерактивная веб-страница доклада	Мари Маколифф, Селин Болоз, Х. Игнасио Мартин-Галан, Хакин Вейра Гонсалес, Рэй Лейеса и Дж. К. Борлонган
Исследовательская группа МОМ	Мари Маколифф, Селин Болоз, Адриан Китимбо, Пабло Рохас Коппари*, Дженна Блоуер*, Тэхун Ли*, Жозиан Матар*, Бен Бриндл*, Адам Сойер* * часть проекта
Переводы	Подразделения французского и испанского перевода, Отдел руководящих органов, МОМ

Выражение благодарности

Редакторы выражают глубокую благодарность авторам тематических глав, а также всем рецензентам из числа сотрудников МОМ и из академических кругов, которые представили конструктивные отзывы о проектах глав. Мы особенно благодарны Генеральному директору МОМ Антониу Виторину и членам старшего руководящего звена МОМ, которые активно поддержали подготовку этого Доклада о миграции в мире, включая Эуджению Амбрози, Угочи Дэниелс, Эми Поуп, Вен Ли, Еву Окерман Бёрье, Чарльза Квенина, Ренате Хельд, Кармелу Годо, Ненетт Мотус, Мишель Кляйн Соломон, Диего Белтранда, Марсело Писани, Мохаммеда Абдикера, Элизабет Коллетт, Хельгу Браш, Винсента Гувера, Алехандро Гиди, Аиссату Кейн, Османа Бельбейзи, Иори Като, Манфреда Профази и Луку Даллольо.

Мы также хотели бы выразить признательность правительствам Австралии, Ирландии и Канады за их финансовую поддержку, а также Фонду Роберта Боша, Женевскому отделению Фонда Фридриха Эберта, Комитету МОМ по распределению миграционных ресурсов (МИРАК) и многим региональным и страновым отделениям МОМ повсюду в мире.

Особая благодарность выражается также сотрудникам «Гарвард дэйта саенс ревю» (особенно Сяо-Ли Мэну и Ребекке Маклеод), «США для МОМ» и «США для УВКБ» за организацию Всемирного симпозиума по вопросам миграции и перемещения в мае 2021 года.

Авторский коллектив

Глава 1: *Обзор доклада: технологические, геополитические и экологические преобразования, формирующие наше будущее в контексте миграции и мобильности*
Авторы: Мари Маколифф и Анна Триандафиллиду
Научные ассистенты и другие соавторы: Селин Болоз, Тэхун Ли и Селин Болоз. Добавление B: Кармела Годо, Кристина Мехо, Вонесай Ситхоле, Эммануэль Куарши, Ненетт Мотус, Итайи Вирири, Рудольф Максвальд, Сара Карл, Сусанна Мельде, Андреа Ортис, Райан Шредер, Элиза Цакири, Амр Таха, Ивона Закоска-Тодоровска, Кьяра Мария Тоньетти, Стефани Аллеманн, Хелен Легофф, Ионела Тимофте, Саймон Лоранн Ван Аш, Александер Догген, Агнес Эбенбергер, Абди Херси, Эрика Гевара и Эсекьель Техидо

Глава 2: *Миграция и мигранты: глобальный обзор*
Основные соавторы: Мари Маколифф, Тэхун Ли и Ги Абель
Научные ассистенты и другие соавторы: Мохаммад Ризки, Сильван Ланге, Джоуи Кабана и Виржини Фонг

Глава 3: *Миграция и мигранты: региональные аспекты и изменения*
Основные соавторы: Адриан Китимбо, Дженна Блоуер, Мари Маколифф, Ги Абель и Тэхун Ли
Научные ассистенты и другие соавторы: Пабло Эскрибано, Рудольф Максвальд, Марк Маккарти, Эсекьель Техидо, Далила Полак, Кристофер Запп, Эммануэль Куарши, Абди Херси, Джастин Макдермотт, Цион Тадессе Абебе, Асма Саид, Кристина Мехо, Хинд Кинани, Таня Дедович, Ирен Пазини, Амр Таха, Стефани Аллеманн, Питер Брумфилд, Ивона Закоска-Тодоровска, Итайи Вирири, Нари Шим, Дэмьен Джуссельм, Хинд Айссауи Беннани, Сара Карл и Элиза Цакири

Глава 4: *Исследования и аналитические материалы по вопросам миграции: последние публикации Организации Объединенных Наций*
Основные соавторы: Пабло Рохас Коппари и Мари Маколифф
Научный ассистент: Кристина Шавер

Глава 5: *«Великий разрушитель»: влияние COVID-19 на миграцию, мобильность и мигрантов во всем мире*
Авторы: Мари Маколифф, Луиза Фелин Фрейер, Рональд Скелдон и Дженна Блоуер
Научные ассистенты: Бен Бриндл и Тэхун Ли

Глава 6: *Мир и безопасность как факторы стабильности, развития и безопасной миграции*
Авторы: Адриан Китимбо, Аманда Люси и Мехари Таддел Мару
Научный ассистент: Бен Бриндл

Глава 7: *Международная миграция как «стремянка» возможностей: что на самом деле показывают глобальные данные?*
Авторы: Эйлин Каллоти, Джейн Сьютер, Итаи Вирири и Сара Крета

Глава 8: *Дезинформация о миграции: извечная проблема с новыми техническими аспектами*
Авторы: Эйлин Каллоти, Джейн Сьютер, Итаи Вирири и Сара Крета

Глава 9: *Миграция и медленно наступающие последствия изменения климата: подведение итогов и принятие мер*
Авторы: Мариам Траоре Шазальноэль и Алекс Рэндалл
Научные ассистенты: Юлия Дука и Чан Хиеу Хан Хоанг

Глава 10: *Торговля людьми на путях миграции: тенденции, вызовы и новые формы сотрудничества*
Авторы: Селин Болоз, Марика Макадам и Джозеф Тейе Теуе
Научный ассистент: Джозиан Матар и Дженна Блоуер

Глава 11: *Искусственный интеллект, миграция и мобильность: последствия для политики и практики*
Авторы: Ана Бедуши и Мари Маколифф
Научный ассистент: Джозиан Матар

Глава 12: *Размышления о вкладе мигрантов в эпоху растущей дестабилизации и дезинформации «ПОВТОР»*
Авторы: Мари Маколифф, Адриан Китимбо and Бинод Хадрия
Научный ассистент: Мишель Нгуен

Фотографии

Глава 1
Фадму держит свою девочку в ожидании приема в клинике в Харгейсе, Сомали. © МОМ 2020 / Мусе Мохаммед

Часть I
Поселение для внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) Шахрак Сабз в Афганистане было основано в 2018 году вынужденными переселенцами, спасающимися от засухи. По состоянию на февраль 2021 года в этом районе сейчас проживает более 30 000 ВПЛ. © МОМ 2020 / Мусе Мохаммед

Глава 2
Многие из более чем 300 000 венесуэльских беженцев и мигрантов, пересекающих границу Эквадора и Колумбии, проходят через этот пограничный пункт в Ипиалес, Колумбия. Другие, чтобы попасть в Эквадор, выбирают «трохас», или неформальные и более опасные маршруты, которые проходят в сельской местности через горы и реки. © МОМ 2020 / Мусе Мохаммед

Глава 3
В рамках мероприятий по реинтеграции 355 вернувшихся мигрантов прошли профессиональную подготовку и пользовались сопровождением при создании микропредприятий, поиске работы или приобретении опыта работы в Буркина-Фасо. © IOM 2018 / Александер Би

Глава 4
Сотрудница приемного отделения пункта первичного медицинского осмотра МОМ в Чанике.
© МОМ 2019 / Мусе Мохаммед

Часть II
Пустой аэропорт Женевы во время COVID-19. © МОМ 2021 / Пега Гийо

Глава 5
Джамила работает медсестрой в одном из центров МОМ в Кокс-Базаре. Учреждение было преобразовано в изолятор для предположительно инфицированных COVID-19. Вместе с группой подготовленных врачей, медсестер и акушерок Джамила находится на переднем крае борьбы с COVID-19 в лагере. © МОМ 2020 / Нейт Уэбб

Глава 6
Французский фотожурналист иранского происхождения Реза Дегати провел трехдневный учебный семинар по фотографии в Абиджане, Кот-д'Ивуар. Тренинг был предназначен для мигрантов, возвращающихся в свою страну после трудных заграничных поездок. В тренинге также приняли участие шесть молодых фотографов. Изучив технические аспекты фотографии, участники применяли свои новые навыки на практике, посещая мероприятия по реинтеграции и отдыху, организованные МОМ для репатриантов и членов общины.
© МОМ 2019 / Мохамед Али Диабате

Глава 7
Выход со станции метро в Москве. Более 90 процентов всех улиц этого города убирают трудовые мигранты, проживающие в подвалах. Большинство из них получают только треть заработной платы, обещанной в соответствующих документах. Уборщики улиц часто подвергаются нападениям националистов.
© МОМ 2018 / Эльёр Нематов

Глава 8
«Лохарано» - это проект, запущенный МОМ и Министерством иностранных дел Мадагаскара с целью вовлечения мадагаскарской диаспоры в экономическое развитие Мадагаскара. Этот снимок был сделан в одном из классов, где волонтеры проводят уроки работы с компьютером. © МОМ 2019 / Натали Орен

Глава 9
Островитяне прощаются с сотрудниками МОМ, покидающими острова Картерет.
© МОМ 2016 / Мусе Мохаммед

Глава 10
Все несовершеннолетние в центре TAC в Босасо - это несопровождаемые дети из Эфиопии. Контрабандисты обманом завлекли их в Сомали, посулив надежду добраться до Залива, но затем бросили в пути, отобрав деньги. МОМ, ЮНИСЕФ и местный партнер TAS предоставляют им убежище и помощь, пока они ожидают воссоединения семей. © МОМ 2020 / Мусе Мохаммед

Глава 11
Настоящие чувства. © Корали Фогелаар, 2020

Глава 12
Робейро, бывший комбатант незаконного военизированного формирования в Колумбии, несет собранный урожай перца чили. Робейро является одним из 300 бенефициаров проекта по созданию источников дохода, осуществляемого МОМ в Колумбии. © МОМ 2009 / Диего Самора

Добавления
Даниэла остановилась в приюте »Соль де пастос», транзитном центре в Ипиалес, Колумбия, прежде чем отправиться в Эквадор. В этом транзитном центре МОМ и другие агентства предоставляют убежище, медицинскую и психологическую помощь, питание и другие услуги. © МОМ 2019 / Анджела Уэллс

Использованная литература
Нур Абди Гараад - сомалийский репатриант в Бурко, который открыл свой собственный магазин по продаже одежды в центре города. © МОМ 2020 / Мусе Мохаммед

Содержание

Редакторы, рецензенты и издательская группа ... iii

Выражение благодарности ... iii

Авторский коллектив ... iv

Фотографии ... v

Список диаграмм и таблиц ... viii

Список добавлений ... xii

Предисловие ... xiii

Глава 1: Обзор доклада: Технологические, геополитические и экологические преобразования, формирующие наше будущее в контексте миграции и мобильности ... 1

Часть I: Основные данные и информация о миграции и мигрантах ... 18

Глава 2: Миграция и мигранты: Глобальный обзор ... 21

Глава 3: Миграция и мигранты: Региональные аспекты и изменения ... 61

Глава 4: Исследования и аналитические материалы по вопросам миграции: Последние публикации Организации Объединенных Наций ... 135

Часть II: Сложные и вновь возникающие проблемы миграции ... 156

Глава 5: «Великий Разрушитель»: Влияние COVID-19 на миграцию, мобильность и мигрантов во всем мире ... 159

Глава 6: Мир и безопасность как факторы стабильности, развития и безопасной миграции ... 185

Глава 7: Международная Миграция как «Стремянка» возможностей: Что на самом деле показывают глобальные данные? ... 203

Глава 8: Дезинформация о миграции: Извечная проблема с новыми техническими аспектами ... 229

Глава 9: Миграция и медленно наступающие последствия изменения климата: Подведение итогов и принятие мер ... 247

Глава 10: Торговля людьми на путях миграции: Тенденции, вызовы и новые формы сотрудничества ... 271

Глава 11: Искусственный интеллект, миграция и мобильность: Последствия для политики и практики ... 299

Глава 12: Размышления о вкладе мигрантов в эпоху растущей дестабилизации и дезинформации ... 323

Добавления ... 329

Использованная литература ... 423

Список диаграмм и таблиц

Глава 1

Таблица 1. Основные факты и цифры о МОМ (1951, 2016 и 2021 годы) 9
Таблица 2. Основные факты и цифры, приведенные в Докладах о миграции в мире 2000 и 2022 годов 11

Глава 2

Таблица 1. Международные мигранты, 1970–2020 годы 24
Рисунок 1. Международные мигранты по основным регионам проживания, 2005-2020 годы (в млн человек) 25
Рисунок 2. 20 основных стран назначения (слева) и происхождения (справа) международных мигрантов в 2020 году (в млн чел.) 26
Рисунок 3. 20 главных коридоров международной миграции из одной страны в другую, 2020 год 28
Рисунок 4. Международные мигранты в разбивке по полу, 2000–2020 годы 29
Рисунок 5. Приток иностранных граждан в страны ОЭСР на постоянное жительство, 2000–2018 годы (в млн человек) 31
Рисунок 6. Число погибших мигрантов в разбивке по регионам, 2014–2020 годы 32
Рисунок 7. Меры контроля за международными и внутренними поездками в связи с COVID-19: январь 2020 года – июнь 2021 года, все страны 34
Рисунок 8. Меры в отношении международных поездок, связанные с COVID-19: март 2020 года – июль 2021 года, все страны 35
Рисунок 9. Авиапассажирские перевозки по всему миру, 1945–2020 годы 36
Рисунок 10. Трудящиеся-мигранты в разбивке по странам назначения с разным уровнем дохода, 2013, 2017 и 2019 годы 38
Таблица 2. Трудящиеся-мигранты в разбивке по полу и странам назначения с разным уровнем дохода, 2019 год 38
Рисунок 11. Географическое распределение трудящихся-мигрантов в разбивке по полу (млн чел.), 2019 год 39
Рисунок 12. Потоки международных денежных переводов в страны с низким и средним уровнем дохода (1990–2020 годы) 41
Таблица 3. 10 ведущих стран-получателей/отправителей денежных переводов (2005–2020 годы) (в млрд долл. США по текущему курсу) 42
Рисунок 13. 20 ведущих стран/территорий-получателей международных денежных переводов по общей сумме в млрд долл. США (слева) и доле в ВВП (справа), 2019–2020 годы 43
Рисунок 14. 20 ведущих стран-отправителей международных денежных переводов по общей сумме в млрд долл. США (слева) и доле в ВВП (справа), 2019–2020 годы 44
Рисунок 15. Число беженцев в разбивке по 5 ведущим странам происхождения, 2005-2020 годы (в млн человек) 47
Рисунок 16. Число беженцев в разбивке по 5 ведущим принимающим странам по состоянию на 2020 год (в млн человек) 48
Рисунок 17. Число беженцев, расселенных основными странами переселения в 2005–2020 годах 49
Таблица 4. Количество беженцев, нуждающихся в переселении, и количество беженцев, переселенных во всем мире, с 2005 года 50
Рисунок 18. 20 стран с крупнейшим контингентом ВПЛ, перемещенных в результате конфликтов и насилия, на конец 2020 года, в млн человек 53
Рисунок 19. Перемещения в результате конфликтов (вверху) и перемещения в результате стихийных бедствий (внизу) в 2020 году с указанием местоположений 56
Рисунок 20. Новые внутренние перемещения в результате конфликтов и бедствий в 2010-2020 годах (в млн) 57

Глава 3

Рисунок 1. Мигранты, переехавшие в Африку, внутри Африки и из нее в 1990–2020 годах 63
Рисунок 2. 20 ведущих стран Африки по количеству мигрантов в 2020 году 64
Рисунок 3. Меры контроля за международными и внутренними поездками в связи с COVID-19 в Африке: январь 2020 года – июнь 2021 года 65
Рисунок 4. Меры в отношении международных поездок, связанные с COVID-19, в Африке: март 2020 года – июль 2021 года 66
Рисунок 5. Ведущие африканские страны-получатели и страны-источники международных денежных переводов в 2019 и 2020 годах 67
Рисунок 6. 10 ведущих стран Африки по общему количеству беженцев и п росителей убежища в 2020 году 68
Рисунок 7. 20 ведущих стран Африки по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2020 году 69
Рисунок 8. Мигранты, переехавшие в Азию, внутри Азии и из нее в 1990–2020 годах 77
Рисунок 9. 20 ведущих стран/территорий Азии по количеству мигрантов в 2020 году 78
Рисунок 10. Меры контроля за международными и внутренними поездками в связи с COVID-19 в Азии: январь 2020 года – июнь 2021 года 79
Рисунок 11. Меры в отношении международных поездок, связанные с COVID-19, в Азии: март 2020 года – июль 2021 года 80
Рисунок 12. Ведущие азиатские страны-получатели и страны-источники международных денежных переводов в 2019 и 2020 годах 81
Рисунок 13. 10 ведущих стран Азии по общему количеству беженцев и просителей убежища в 2020 году 82
Рисунок 14. 20 ведущих стран Азии по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2020 году 83
Рисунок 15. Мигранты, переехавшие в Европу, внутри Европы и из нее в 1990–2020 годах 92
Рисунок 16. 20 ведущих стран Европы по количеству мигрантов в 2020 году 93
Рисунок 17. Меры контроля за международными и внутренними поездками в связи с COVID-19 в Европе: январь 2020 года – июнь 2021 года 94
Рисунок 18. Меры в отношении международных поездок, связанные с COVID-19, в Европе: март 2020 года – июль 2021 года 95
Рисунок 19. 20 ведущих европейских стран-получателей и стран-источников международных денежных переводов в 2019 и 2020 годах 96
Рисунок 20. 10 ведущих стран Европы по общему количеству беженцев и просителей убежища в 2020 году 97
Рисунок 21. 20 ведущих стран Европы по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2020 году 98
Рисунок 22. Мигранты, переехавшие в Латинскую Америку и Карибский бассейн, внутри этого региона и из него в 1990–2020 годах 103
Рисунок 23. Ведущие страны Латинской Америки и Карибского бассейна по количеству мигрантов в 2020 году 104
Рисунок 24. Меры контроля за международными и внутренними поездками в связи с COVID-19 в Латинской Америке и Карибском бассейне: январь 2020 года – июнь 2021 года 105
Рисунок 25. Меры в отношении международных поездок, связанные с COVID-19, в Латинской Америке и Карибском бассейне: март 2020 года – июль 2021 года 106
Рисунок 26. Ведущие страны-получатели и страны-источники денежных переводов в Латинской Америке и Карибском бассейне в 2019 и 2020 годах 107
Рисунок 27. 10 ведущих стран Латинской Америки и Карибского бассейна по общему количеству беженцев и просителей убежища в 2020 году 108
Рисунок 28. Ведущие страны Латинской Америки и Карибского бассейна по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2020 году 109

Рисунок 29. Мигранты, переехавшие в Северную Америку, внутри Северной Америки и из нее в 1990–2020 годах 114
Рисунок 30. Миграция в основных странах Северной Америки в 2020 году 115
Рисунок 31. Меры контроля за международными и внутренними поездками в связи с COVID-19 в Северной Америке: январь 2020 года – июнь 2021 года 116
Рисунок 32. Меры в отношении международных поездок, связанные с COVID-19, в Северной Америке: март 2020 года – июль 2021 года 117
Рисунок 33. Страны-получатели и страны-источники денежных переводов в Северной Америке в 2019 and 2020 годах 118
Рисунок 34. Количество беженцев и просителей убежища в странах Северной Америки в 2020 году 118
Рисунок 35. Страны Северной Америки в разбивке по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2020 году 119
Рисунок 36. Мигранты, переехавшие в Океанию, внутри Океании и из нее в 1990–2020 годах 122
Рисунок 37. Миграция в основных странах Океании в 2020 году 123
Рисунок 38. Меры контроля за международными и внутренними поездками в связи с COVID-19 в Океании: январь 2020 года – июнь 2021 года 124
Рисунок 39. Меры в отношении международных поездок, связанные с COVID-19, в Океании: март 2020 года – июль 2021 года 125
Рисунок 40. Ведущие страны-получатели и страны-источники международных денежных переводов в Океании в 2019 и 2020 годах 126
Рисунок 41. Количество беженцев и просителей убежища, для которых страны Океании являлись принимающими странами или странами происхождения, в 2020 году 126
Рисунок 42. Ведущие страны Океании по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2020 году 127

Глава 4

Таблица 1. Сильные и слабые стороны академических и неакадемических исследований 136
Таблица 2. Члены Сети Организации Объединенных Наций по вопросам миграции, включая членов Исполнительного комитета 140
Таблица 3. Примеры основных глобальных материалов, опубликованных с 2019 года по июнь 2021 года 150

Глава 5

Рисунок 1. Подтвержденные случаи COVID-19 и случаи смерти по регионам Организации Объединенных Наций спустя один год 160
Рисунок 2. Пассажирские авиаперевозки в 1980–2018 годах 163
Рисунок 3. Меры правительств по минимизации передачи COVID-19 в разбивке по количеству стран 165
Рисунок 4. Меры правительств по минимизации передачи COVID-19 в Африке, Азии, Европе, Латинской Америке и Карибском бассейне в разбивке по количеству стран 167
Рисунок 5. Общее количество перевезенных авиапассажиров в мире в 1945–2020 годах 168
Таблица 1. Последствия COVID-19 на протяжении всего миграционного цикла 169

Глава 6

Таблица 1. Глобальный мир, нестабильность государства, человеческое развитие и перемещение населения (выборочные страны) 192
Рисунок 1. Потоки денежных переводов, прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и официальной помощи в целях развития (ОПР) в страны с низким и средним уровнем дохода, 1990–2020 годы 199

Глава 7

Рисунок 1. Международные мигранты по регионам в 1990-2019 годах: мигранты, переехавшие в Европу, а также в Латинскую Америку и Карибский бассейн (ЛАК), внутри этих регионов и из них 204
Таблица 1. Рейтинги человеческого развития, нестабильности и паспортов для избранных стран 207
Рисунок 2. Модель механизмов, порождающих миграцию 208
Рисунок 3. Переход мобильности 210
Рисунок 4. Распространенность эмиграции, 1960–2019 годы 212
Таблица 2. Иммигранты в разбивке по регионам Организации Объединенных Наций, 1995–2020 годы 214
Таблица 3. 20 ведущих стран происхождения и назначения по количеству (в млн чел.) и доле в общей численности населения 215
Рисунок 5. Иммигранты и эмигранты в разбивке по категориям стран с разными уровнями Индекса человеческого развития, 2020 год 217
Рисунок 6. Связь между показателями Индекса человеческого развития и численностью иммигрантов/эмигрантов, 2005 год 217
Таблица 4. Количество стран в классификации ИЧР, 1995–2019 годы 218
Рисунок 7. Мигранты в, между и из каждой из четырех категорий ИЧР (низкий, средний, высокий и очень высокий), 1995–2020 годы 220
Рисунок 8. Государства-члены Шенгенской зоны 223
Рисунок 9. Миграция между странами с очень высоким ИЧР 224
Рисунок 10. Государства-члены ЭКОВАС 225
Рисунок 11. Миграция между странами с низким ИЧР 226

Глава 8

Рисунок 1. Процесс дезинформации в Интернете 234
Рисунок 2. Шаги разоблачения 240

Глава 10

Рисунок 1. Три совокупных элемента торговли людьми, как они определены в статье 3 а) Протокола о торговле людьми 273
Рисунок 2. Процент выявленных жертв по видам потоков торговли людьми и субрегионам, 2018 год (или самые последние доступные данные) 282
Рисунок 3. Количество выявленных жертв торговли людьми в разбивке по формам эксплуатации и регионам обнаружения, 2018 год 284
Рисунок 4. Процент выявленных жертв в разбивке по секторам эксплуатации и внутри-/межсубрегиональным видам торговли людьми 285
Рисунок 5. Воронка уголовного правосудия по делам о торговле людьми и основные вызовы 289
Рисунок 6. Основные компоненты права на эффективное средство правовой защиты для жертв торговли людьми 291

Глава 11

Рисунок 1. Искусственный интеллект и цикл миграции 303

Список добавлений

Глава 1
Добавление A. Международная организация по миграции: 70 лет 329
Добавление B. Освещение работы региональных отделений МОМ в год 70-летия Организации 333

Глава 2
Добавление A. Сокращенная выдержка: *Заключительный доклад о концептуальных основах, концепциях и определениях в области международной миграции* (27 апреля 2021 года) 368

Глава 3
Добавление A. Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам: регионы и субрегионы 371

Глава 4
Добавление A. Органиграмма системы Организации Объединенных Наций 376
Добавление B. Краткая хронология процессов договоров и Сети Организации Объединенных Наций 377

Глава 5
Добавление A. 378
Добавление B. 379

Глава 6
Добавление A. Тенденции и факторы конфликтов 400
Добавление B. Документы ООН по миростроительству: доклады Генерального секретаря 403

Глава 7
Добавление A. Возможности, миграция и Индекс человеческого развития 405
Добавление B. Как я попала в научную перепалку о цифрах по миграции и что я из нее вынесла 407
Добавление C. 410

Глава 9
Добавление A. Основные определения 411
Добавление B. Дополнительные политические инициативы Организации Объединенных Наций, связанные с медленно протекающими явлениями и миграцией 412

Глава 10
Добавление A. Статус ратификации международных договоров, касающихся миграции 414
Добавление B. Формы эксплуатации, отраженные в региональных документах 415
Добавление C. Механизмы межгосударственных консультаций, занимающиеся вопросами торговли людьми 416

Глава 11
Добавление A. Определения ИИ 418
Добавление B. Использование ИИ в разных секторах 420

Предисловие

Миграция и мобильность людей вполне могут быть извечными явлениями, затрагивающими почти все общества во всем мире. Однако со временем в них происходят многие важные изменения. Изучение этих изменений в масштабности, направлении, демографии и частотности может помочь нам понять, как эволюционирует миграция, и может обеспечить информационную основу для разработки эффективных политики, программ и оперативных мер реагирования на местах.

По текущим глобальным оценкам Организации Объединенных Наций в 2020 году в мире насчитывалось около 281 миллиона международных мигрантов, что составляет 3,6 процента населения мира. Они представляют собой незначительное меньшинство населения мира, а это означает, что пребывание в стране рождения остается нормой в огромном числе случаев. Подавляющее большинство людей не мигрируют через границы; гораздо больше людей мигрируют внутри стран, хотя мы наблюдаем замедление этого в течение последних двух лет, поскольку отсутствие мобильности, связанное с COVID-19, повсюду сковало сообщества.

Пандемия COVID-19 также высветила взаимосвязь между миграцией и мобильностью, поскольку ограничения на поездки в связи с COVID-19 приводят к тому, что сотни миллионов людей не могут путешествовать месяцами, ввиду чего многие тысячи мигрантов остаются в затруднительном положении и нуждаются в помощи.

Миграция - сложная проблема. Будучи таковой, она может до угрожающей степени усугубляться дезинформацией и политизацией. Основная цель флагманского Доклада о миграции в мире – в ясных и точных выражениях описать изменения, происходящие в сфере миграции и мобильности во всем мире, чтобы читатели могли лучше понять свою собственную работу. В качестве агентства ООН по миграции МОМ обязана демистифицировать сложность и разнообразие мобильности людей. В докладе также признается неизменное обязательство МОМ отстаивать основные права и ее миссия поддержки наиболее нуждающихся мигрантов. Это особенно актуально в тех областях, в которых МОМ работает над оказанием гуманитарной помощи людям, которые подверглись перемещению, в том числе из-за погодных явлений, конфликтов и преследований, или тем, кто оказался в затруднительном положении во время таких кризисов, как COVID-19.

Аналогичным образом, МОМ по-прежнему привержена оказанию поддержки государствам-членам, использующим различные формы данных, исследования и аналитические материалы в процессе разработки политики и в обзорных процессах. По сути, это отражено и в Уставе МОМ, в котором подчеркивается необходимость проведения исследований в области миграции как выполнения неотъемлемой функции Организации. Доклад о миграции в мире является флагманским компонентом этого важного направления работы.

Вместе с тем мы также знаем, что ключевые особенности миграции различаются в зависимости от местоположения и что конкретные аудитории (такие как должностные лица, занимающиеся политикой, специалисты-практики, средства массовой информации, исследователи, преподаватели и студенты) имеют разные потребности в информации и аналитике, используя этот доклад в качестве пособия в своей работе. Поэтому, помимо представления основных глобальных и региональных миграционных данных и тенденций, а также актуальных тематических вопросов, этот Доклад о миграции в мире дополняется рядом цифровых инструментов, которые гарантируют, что доклад не останется на «виртуальной полке».

Я с гордостью сообщаю, что редакционная группа Доклада о миграции в мире за издание доклада 2020 года получила признание в двух номинациях Международного конкурса дизайна годовых докладов 2021 года - в категориях онлайн и pdf. Вдохновленная этим успехом, МОМ расширила спектр материалов доклада для цифровой эпохи. Новая интерактивная онлайн-платформа позволяет пользователям изучать основные данные и взаимодействовать с ними в очень наглядной и увлекательной форме. Это дополняется инструментарием онлайн-преподавателей для поддержки учителей во всем мире, которые стремятся предоставить подросткам и молодежи сбалансированные, достоверные и интересные учебные материалы по основам знаний о миграции и мигрантах.

Постоянный рост дезинформации о миграции означает, что Доклад о миграции в мире стал ключевым источником для тех, кто проверяет достоверность фактов, повсюду мире, помогая опровергать ложные новости о миграции в самых разных местах. Чтобы помочь специалистам по проверке фактов, мы разработали простой набор инструментов, который поможет развенчать основные мифы о миграции. Мы также работаем с партнерами над разработкой инструментария для официальных лиц, занимающегося вопросами политики в области цифровых технологий, чтобы помочь им использовать его содержимое в широком диапазоне контекстов, связанных с политикой.

Мы осознаем, что многим, в том числе должностным лицам государств-членов, нужны публикации и материалы на их собственном официальном языке или языках. Языковой перевод - это конструктивный, практичный и экономный способ поддержки развития и укрепления технического потенциала для тех, кто работает в сфере миграции во всем мире. Мы удовлетворены согласием доноров с тем, что издание Доклада о мировой миграции 2020 года было впервые доступно на всех шести языках Организации Объединенных Наций (английском, арабском, испанском, китайском, русском и французском языках), при этом ключевые главы переведены также на немецкий и португальский языки, суахили и турецкий язык. Наша цель - при поддержке доноров из всех секторов еще больше расширить лингвистический охват этого нынешнего издания.

Повышение полезности и расширение охвата нашего флагманского доклада является особенно отрадным аспектом эволюции роли Организации и ее вклада в дискурс о миграции во всем мире. Сейчас, в 70-ю годовщину нашей Организации, важно поразмыслить о постоянной потребности в мощном функциональном потенциале МОМ в плане поддержки гуманитарного реагирования и использования экспертного опыта программирования в области миграции. Вместе с тем некоторые читатели могут и не знать, что МОМ входит

в число самых давних сторонников и авторов исследований и анализа явления миграции, основав первый научный журнал по международной миграции в 1961 году и приступив к выпуску Доклада о миграции в мире более двух десятилетий назад.

В нынешнюю пору повышенного интереса и активности в отношении миграции и мигрантов мы надеемся, что это издание Доклада о миграции в мире 2022 года и связанные с ним инструменты станут для вас ключевым ресурсом. Мы надеемся, что они помогут вам ориентироваться в этой остросюжетной и динамичной теме в периоды неопределенности и что доклад натолкнет вас на размышления в более спокойные моменты. Но самое главное, мы надеемся, что из доклада вы узнаете что-то новое, что может стать для вас подспорьем в вашей собственной работе, будь то теоретические или прикладные исследования и анализ, разработка политики, коммуникация или практика работы в области миграции.

Антониу Виторину
Генеральный директор

MARIE MCAULIFFE
ANNA TRIANDAFYLLIDOU

1 ОБЗОР ДОКЛАДА: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ, ФОРМИРУЮЩИЕ НАШЕ БУДУЩЕЕ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИИ И МОБИЛЬНОСТИ[1]

Введение

Последние два года, прошедшие с момента выпуска *Доклада о миграции в мире 2020 года* 28 ноября 2019 года, примерно за три недели до первого обнаружения COVID-19, были непохожими на все, что мы могли вообразить. Они не были периодом обычной повседневной работы. Поэтому мы не можем делать стандартные, но тем не менее правдивые наблюдения об огромных преимуществах, которые миграция приносит миру, о передовой практике в отношении безопасной и хорошо управляемой миграции и о том, как кризисы в сочетании с дезинформацией рискуют отвлечь наше внимание и привести к использованию миграции в качестве политического оружия[2]. Хотя эти наблюдения остаются в силе, самая серьезная пандемия за более чем столетие обнажила некоторые другие «горькие истины». При реагировании на этот глобальный кризис в сфере здравоохранения снова и снова демонстрировались новаторские подходы, изобретательность, умение, сострадание, стойкость и надежда. И все же присутствует ощущение того, что некоторые из основных ценностей, лежащих в основе хорошо функционирующей системы глобального управления[3], временами сводились к риторике или подпитке для политических «заявлений». Политическими лидерами и руководителями промышленных отраслей время от времени игнорировались такие ценности, как равенство, устойчивость, сотрудничество, содействие, терпимость и инклюзивность, под давлением необходимости реагировать на пандемию в условиях гиперконкуренции на международной арене. Неудивительно, что некоторые из тех, кто размышляет о последствиях COVID-19, призвали вернуться к целостному пониманию мира и места, которое в нем занимают люди[4].

Именно в этом контексте в настоящем *Докладе о миграции в мире* основное внимание уделяется изменениям в области миграции за последние два года с упором на анализ, учитывающий исторические и современные факторы - исторические в порядке признания того, что миграция и перемещение происходят в более широком и долгосрочном социальном контексте, контексте безопасности, политическом и экономическом контексте; современные в порядке признания того, что мы все еще во многих отношениях боремся со значительным глобальным потрясением, вызванным серьезной пандемией, которая подвергла испытанию даже самые жизнестойкие системы, страны, общины и группы людей. Признавая, что мы продолжим испытывать на себе системные последствия COVID-19 в течение многих следующих лет, мы в настоящем *Докладе о миграции в мире 2022 года* предлагаем ознакомление с первоначальным исследованием текущих данных и других доказательств, чтобы ответить на ключевой вопрос: «Как COVID-19 изменил миграцию и мобильность для людей повсюду в мире?». Однако в нем также содержатся ответы на многие другие вопросы, выходящие за рамки COVID-19, включая такие важные темы, как связь между миром и миграцией, дезинформация о миграции, борьба с торговлей людьми на путях миграции и последствия изменения климата.

---

1 Мари Маколифф, Руководитель Отдела исследований и публикаций по вопросам миграции МОМ; Анна Триандафиллиду, Кафедра исследований передового опыта Канады в области миграции и интеграции, Университет Райерсона.

2 См. рассмотрение этих вопросов в главе 1 *Доклада о миграции в мире 2020*.

3 См., например, ООН, 2015.

4 Gardini, 2020.

Что произошло в области миграции?

За последние два года с момента публикации последнего *Доклада о миграции в мире* в конце 2019 года в области миграции произошло многое. Глобальная пандемия COVID-19 возникла во время повышенной неопределенности, вызванной фундаментальными изменениями в технологиях, которые вызвали огромные сложности и беспокойство в мире, и так уже претерпевавшем значительные преобразования5[5].

COVID-19 радикально изменил мобильность во всем мире, и хотя изначально существовали ожидания и надежда, что пандемия ограничится 2020 годом, штаммы вируса, волны инфицирования и проблемы программирования вакцинации привели к тому, что пандемия продолжилась и на протяжении 2021 года. COVID-19 стал поистине тектоническим глобальным событием, тестирующим жизнестокость стран, общин, систем и секторов. К концу первого года пандемии в мире было зарегистрировано 116,2 миллиона случаев COVID-19, 2,58 миллиона человек скончались[6]. Что касается мобильности, то во всем мире было введено 108 000 международных ограничений на поездки, связанных с COVID-19[7]. В 2020 году число авиапассажиров упало на 60% (1,8 миллиарда) по сравнению с 2019 годом (4,5 миллиарда), что свидетельствует о массовом снижении мобильности во всем мире[8]. В главе 5 этого доклада представлен анализ воздействия COVID-19 на миграцию, мобильность и мигрантов в течение первого года пандемии.

За последние два года произошли также **крупные миграции и перемещения**; это были события, которые привели к большим лишениям и травмам, а также к человеческим жертвам. Прежде всего речь идет о перемещении миллионов людей из-за конфликтов (например, внутри Сирийской Арабской Республики, Йемена, Центральноафриканской Республики, Демократической Республики Конго и Южного Судана и за их пределы) или из-за серьезной экономической и политической нестабильности (такой, с которой столкнулись миллионы венесуэльцев и афганцев). Во многих частях мира в 2020 и 2021 годах также имели место крупномасштабные перемещения вследствие стихийных бедствий, вызванных климатическими и погодными явлениями, в том числе в Китае, на Филиппинах, в Бангладеш, Индии, Соединенных Штатах Америки и на Гаити[9].

Мы также наблюдаем **рост масштабов международной миграции, хотя и меньшими темпами из-за COVID-19**. По оценкам, в 2020 году количество международных мигрантов во всем мире составило почти 281 миллион человек, из которых почти две трети являлись трудовыми мигрантами[10]. Эта цифра по-прежнему отражает весьма малую долю населения мира (3,6%), а это означает, что подавляющее большинство людей во всем мире (96,4%), по оценкам, проживают в стране, в которой они родились. Однако расчетное количество и доля международных мигрантов в 2020 году из-за COVID-19 были ниже примерно на 2 миллиона человек, чем могло бы быть в ином случае[11]. Вероятно, чем дольше будут действовать ограничения на международную мобильность во многих частях мира, тем слабее будет рост числа международных мигрантов в будущие годы.

Долгосрочные данные о международной миграции научили нас, что **миграция не является однородной во всем мире**, а формируется под воздействием экономических, географических, демографических и других факторов, в результате чего на протяжении многих лет развиваются различные модели миграции, такие как миграционные «коридоры» (более подробно см. в главе 2 этого доклада). Крупнейшие коридоры, как правило, пролегают из развивающихся стран в страны с более крупной экономикой, такие как Соединенные

5 См. главу 1 *Доклада о миграции в мире 2020 года.*

6 ВОЗ, 2021.

7 МОМ, 2021a (по состоянию на 8 марта 2021 года).

8 ИКАО, 2021.

9 IDMC, 2021.

10 ДЭСВ ООН, 2021; МОТ, 2021.

11 ДЭСВ ООН, 2021.

Беглый взгляд на основные данные о миграции

Международные мигранты[a]

281 млн **международных мигрантов** в мире в 2020 году, или 3,6% населения мира

↑ Больше, чем **272 млн** (или 3,5%) в 2019 году

Женщины[a]	**135 млн международных мигрантов-женщин** в мире в 2020 году, или 3,5% всех женщин в населении мира	↑ Больше, чем **130 млн** (или 3,4%) в 2019 году
Мужчины[a]	**146 млн международных мигрантов-мужчин** в мире в 2020 году, или 3,7% всех мужчин в населении мира	↑ Больше, чем **141 млн** (или 3,6%) в 2019 году
Трудовые мигранты[b]	**169 млн трудящихся-мигрантов** в мире в 2019 году	↑ Больше, чем **164 млн** в мире в 2017 году
Пропавшие мигранты[c]	Около **3900 мигрантов, погибших и пропавших** в мире в 2020 году	↓ Меньше, чем почти **5400** в 2019 году

Международные денежные переводы[d]

USD 702 млрд **международных переводов** в мире в 2020 году. Хотя международные денежные переводы сократились из-за COVID-19, фактическое снижение (2,4%) было намного меньше, чем первоначально прогнозировалось (20%).

↓ Меньше, чем USD **719 млрд** в 2019 году

Страны с низким и средним уровнем дохода[d]	В 2020 году **540 млрд** долл. США **международных переводов** были получены странами с низким и средним уровнем дохода	↓ Меньше, чем USD **548 млрд** в 2019 году

Перемещенные лица

89,4 млн чел. жили в условиях перемещения в мире на конец 2020 года (включая беженцев, просителей убежища, перемещенных венесуэльцев и ВПЛ)

↑ Больше, чем **84,8 млн** в 2019 году

Беженцы[e]	**26,4 млн беженцев** в мире в 2020 году	↑ Больше, чем **26 млн** в 2019 году
Просители убежища[e]	**4,1 млн просителей убежища** в мире в 2020 году	↓ Меньше, чем **4,2 млн** в 2019 году
Перемещенные венесуэльцы[e]	**3,9 млн перемещенных венесуэльцев** в мире в 2020 году (за исключением беженцев или просителей убежища)	↑ Больше, чем **3,6 млн** в 2019 году
Внутренне перемещенные лица (ВПЛ)[f]	**55 млн ВПЛ в мире в 2020 году:** 48 млн вследствие конфликта и насилия; 7 млн вследствие стихийных бедствий	↑ Больше, чем **51 млн** в 2019 году

Мобильность

Мобильность была ограничена ввиду COVID-19, но количество стихийных бедствий увеличилось

Ограничения ввиду COVID-19[g]	**108 000 ограничений на поездки ввиду COVID-19** в мире в первый год пандемии	Новые ограничения; в 2019 году отсутствовали.
Международные авиапассажиры[h]	**1,8 млрд авиапассажиров** в мире в 2020 году (международных и внутренних рейсов)	↓ Гораздо меньше, чем **4,5 млрд** в 2019 году
Число перемещений (бедствия)[f]	**Число перемещений вследствие стихийных бедствий** составило **30,7 млн** в мире в 2020 году	↑ Значительно больше, чем **24,9 млн** в 2019 году
Число перемещений (конфликт)[f]	**Число перемещений вследствие конфликта и насилия** составило **9,8 млн** в мире в 2020 году	↑ Больше, чем **8,6 млн** в 2019 году

Примечание: Более подробные данные и их рассмотрение см. в главе 2.

Источники: (a) ДЭСВ ООН,, 2021; (b) МОТ, 2021; (c) МОМ, n.d..a; (d) Ratha et al., 2021; (e) УВКБ,, 2021; (f) IDMC, 2021; (g) МОМ, 2021a; (h) ИКАО, 2021.

Штаты, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и Германия; большие коридоры также могут отражать затяжной конфликт и связанное с ним перемещение, например, из Сирийской Арабской Республики в Турцию (второй по величине коридор в мире). Хотя многие долгосрочные коридоры, вероятно, сохранятся в ближайшем будущем, COVID-19 пролил свет на интенсификацию цифровизации и потенциал для большей автоматизации труда во всем мире, что может повлиять на основные коридоры трудовой миграции (см. рассмотрение ниже).

Технологические, геополитические и экологические преобразования, формирующие наше будущее в контексте миграции и мобильности

Беспрецедентные темпы изменений в геополитической, экологической и технологической сферах за последние годы привели к тому, что некоторые аналитики и комментаторы отчеканили или использовали такие выражения, как «эпоха ускорений»[12], «четвертая промышленная революция»[13] и «эпоха перемен»[14]. Некоторое время назад COVID-19 усилил ощущение неопределенности, вызванное эпохальными изменениями, а также физически отмежевал большую часть мира на продолжительные периоды времени. Пандемия требует жизнестойкости и в то же время предлагает возможность задуматься о нашем коллективном будущем.

Подобно другим международным явлениям, на миграцию исторически влияли такие тектонические геополитические события, как две мировые войны, холодная война и крупные террористические акты (например, 11 сентября), которые могут обозначить «поворотные моменты» в регулировании миграции. а также в более широком дискурсе и настроениях[15]. Пандемия COVID-19 является последним тектоническим геополитическим событием, вызванным глобальной чрезвычайной ситуацией в сфере здравоохранения, и, хотя она ничуть не близка к завершению, она уже оказала глубокое влияние на миграцию и мобильность во всем мире. Существующие знания, доказательства и аналитические выводы позволяют нам выстраивать новую информацию о COVID-19 в определенной системе координат по мере появления новых данных. Вместо того, чтобы смотреть только на то, что происходит здесь и сейчас, нам нужно понимать изменения с точки зрения долгосрочных моделей и процессов миграции. Значение и последствия COVID-19 можно в достаточной мере понять и сформулировать только в том случае, если они контекстуализированы и основаны на современных знаниях о миграции[16].

Также важно поместить миграцию и мобильность в более широкие процессы системных изменений, действие которых определяет, формирует и затрудняет принятие мер реагирования правительствами (на разных уровнях) и негосударственными субъектами (например, гражданским обществом, промышленностью, гражданами). Основные технологические, геополитические и экологические преобразования особенно актуальны и помогают нам лучше понять стратегические вопросы, формирующие контекст, в котором люди мигрируют, государства формулируют и осуществляют политику, а широкий круг государственных и негосударственных субъектов сотрудничает и содействует в исследовании миграции и мобильности, а также политике и практике в этой области.

12 Friedman, 2016.

13 Schwab, 2016.

14 Mauldin, 2018.

15 Faist, 2004; McAuliffe and Goossens, 2018; Newland et al., 2019.

16 McAuliffe et al., 2020.

Технологические преобразования

Технологические достижения с 2005 года, приведшие к так называемой «четвертой промышленной революции», коренным образом меняют то, как социальные, политические и экономические системы функционируют во всем мире[17]. Мы стали свидетелями растущей мощи «больших технологий», увеличения производственных возможностей для самостоятельной публикации ложной информации и дезинформации, стремления бизнеса «оцифровать или погибнуть», значительного увеличения объема производимых данных (в основном за счет взаимодействия, создаваемого пользователями), что приводит к увеличению «датификации» человеческих взаимодействий, а также к быстрой разработке и развертыванию возможностей искусственного интеллекта (ИИ) в частном и государственном секторах[18].

Цифровые технологии приобретают все более решающее значение во всем процессе миграции. Люди могут собирать информацию и получать советы в режиме реального времени во время миграционных поездок, что вызывает как интерес, так и подчас беспокойство. Использование приложений для обмена информацией и установления связи между географически разбросанными группами поднимает обоснованные вопросы о том, в какой степени цифровые технологии используются для поддержки нелегальной миграции, а также для того, чтобы мигранты могли избежать злоупотреблений и эксплуатации со стороны контрабандистов и торговцев людьми[19]. Мигранты также разработали приложения для поддержки лучшей интеграции в принимающих странах, сохраняя при этом социальные связи и финансовую поддержку своих семей и общества на родине, в том числе за счет растущего распространения приложений «мобильных денег»[20]. More Совсем недавно мы стали свидетелями того, как мигранты разрабатывают онлайн-чат-боты с использованием технологий машинного обучения для оказания психологической поддержки, а также для помощи в выполнении сложных требований миграционной политики и оформления виз, хотя цифровой захват в различных миграционных системах все большего объема личной информации вызывает опасения по поводу конфиденциальности и других вопросов прав человека (см. главу 11 настоящего отчета).

Другие связи между миграцией и технологиями также проявляются в дискуссиях о миграции. По мере того как технологии искусственного интеллекта постепенно внедряются в ключевых секторах, их более широкие последствия для спроса на рабочих-мигрантов и внутренних рынков труда являются областями пристального внимания политиков и предприятий как в странах происхождения, так и в принимающих странах[21]. Недавние дискуссии также коснулись технологии блокчейн и ее последствий для миграции, особенно для международных денежных переводов, а также для цифровой идентичности и глобальной мобильности[22]. Технологии социальных сетей также все больше влияют на миграционную политику, сопровождаясь всплеском активности на платформах социальных сетей крайне правых сил, стремящихся повлиять на общественные прения и, в конечном счете, на политические решения (см. главу 8 настоящего доклада).

Кардинальные технологические изменения углублялись до COVID-19, но значительно активизировались во время пандемии, а это означает, что глубокая цифровизация уже оцифрованного мира станет одним из наиболее значительных долгосрочных последствий COVID-19. Формирование систем миграции и мобильности для уменьшения воздействия неравенства в мире, страдающем от многочисленных «цифровых разрывов»[23],

17 Friedman, 2016; Schwab, 2016; Triandafyllidou, 2018.

18 Desjardins, 2019; Hirsh-Pasek et al., 2018; McAuliffe, 2021; Skog et al., 2018; Zuboff, 2019.

19 McAuliffe, 2016; Sanchez, 2018.

20 Kitimbo, 2021.

21 Hertog, 2019; McAuliffe, 2018.

22 Latonero et al., 2019; Juskalian, 2018.

23 «Цифровые разрывы» означают неравный доступ к цифровым технологиям, обусловленный разделением по экономическим, географическим, демографическим и гендерным линиям. См. ITU, 2020.

будет иметь особое значение для обеспечения реализации Целей в области устойчивого развития (ЦУР) и других многосторонних соглашений.

Геополитические преобразования

Усиление конкуренции между государствами приводит к обострению геополитической напряженности и рискует подорвать многостороннее сотрудничество. Центры экономического, политического и военного могущества радикально сдвинулись за последние два десятилетия и теперь более равномерно распределены в международной системе[24]. В результате растет геополитическая конкуренция, особенно между глобальными державами, часто разыгрываемая через подконтрольные им силы. Обстановка усиливающейся конкуренции между ключевыми государствами, в которую вовлечено большее число государств, подрывает международное сотрудничество через многосторонние механизмы, такие как механизмы Организации Объединенных Наций[25]. Мы живем в период, когда брошен вызов основным ценностям, лежащим в основе глобального управления. Ценности справедливости, подотчетности, беспристрастности, честности, правосудия и порядочности активно подрываются, поскольку некоторые политические лидеры игнорируют общие интересы, отдавая предпочтение личным интересам, даже если это разъедает законы, процедуры и институты, которые в целом стремились утверждать все нации и народы без исключения или неприятия некоторых из них из-за присущих им особенностей или верований[26]. Как мы видели на протяжении всей истории, постоянная и систематическая коррозия может оборачиваться посягательствами на права человека и, в конечном счете, на группы людей в обществах[27].

Стремясь к достижению нового баланса в геополитических дебатах и ратуя за огромные преимущества многосторонней системы, многие государства и Организация Объединенных Наций активно продвигают ряд ключевых инициатив, направленных на создание лучших условий для обществ повсюду в мире, особенно для самых нуждающихся. Несмотря на вызовы геополитически мотивированной конкуренции, был достигнут определенный прогресс в достижении ЦУР[28], а также в решении конкретных вопросов миграции и перемещения посредством двух Глобальных договоров о миграции и о беженцах[29]. Накануне проведения Форума по рассмотрению проблем международной миграции 2022 года — главной межправительственной платформы по осуществлению Глобального договора о миграции, в том числе в части, касающейся ЦУР — подготовка к нему идет полным ходом, и ряд процессов регионального обзора уже завершен в 2020 и 2021 годах[30]. Недавно Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций в своем докладе 2021 года, озаглавленном *Наша общая повестка дня*, настоятельно призвал к усилению поддержки многосторонности во все более сложном, конкурентном и неопределенном мире[31]. В докладе *Наша общая повестка дня* описываются действия Организации Объединенных Наций, направленные на укрепление и ускорение осуществления многосторонних соглашений (включая ЦУР) и внесение ощутимые положительные изменения в жизнь людей, живущих во всем мире.

---

24 Menon, 2015.

25 Natalegawa, 2020.

26 Fotaki, 2014.

27 Rawnsley, 2018.

28 ООН 2021a. В этом докладе о ходе работы в 2021 году документируется прогресс в достижении ЦУР, а также подчеркивается, что COVID-19 привел к серьезным сбоям.

29 Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции; Глобальный договор о беженцах.

30 СМООН, 2021.

31 ООН, 2021b.

Экологические преобразования

Интенсификация экологически негативной деятельности человека приводит к чрезмерному потреблению и перепроизводству, связанным с неустойчивым экономическим ростом, истощением ресурсов и коллапсом биоразнообразия, а также продолжающимся изменением климата. Растет признание того факта, что крайне негативные последствия деятельности человека, которые можно объединить общим названием «плоды господства человека», не совместимы с сохранением экологических систем планеты. Аналитики сообщают, что в нескольких ключевых областях мир находится на «грани слома» или приближается к ней, в том числе в отношении изменения климата, коллапса биоразнообразия и массового вымирания тысяч видов[32], в то время как загрязнение достигает рекордных уровней, изменяя экосистемы во всем мире[33].

COVID-19 ослабил человеческую деятельность в основных сферах (например, в транспорте/путешествиях, строительстве, гостиничном бизнесе), что позволило немного восстановиться окружающей среде[34], а также дало возможность задуматься о способности людей достигать выдающихся результатов во время кризиса. Однако есть сильное ощущение, что это всего лишь пауза и что после окончания пандемии человеческая активность восстановится, что сведет на нет связанные с пандемией выгоды[35]. Последствия для миграции и перемещения значительны, поскольку люди все чаще обращаются к международной миграции как средству адаптации к воздействиям окружающей среды (см. главу 9 *Доклада о миграции в мире 2020*), или сталкиваются с перемещением из своих домов и общин из-за медленно наступающих последствий изменения климата (см. главу 9 настоящего доклада), или же подвергаются перемещению в результате сильных стихийных бедствий (см. главы 2 и 3 настоящего доклада).

Сквозь годы: МОМ отмечает свое 70-летие

В 2021 году исполняется 70 лет МОМ, что дает возможность поразмыслить об Организации и ее работе, особенно с 2016 года, когда она вошла в систему Организации Объединенных Наций в качестве смежного учреждения. МОМ является ведущей межправительственной организацией, содействующей (с 1951 года) гуманной и упорядоченной миграции на благо всех, со 174 государствами-членами и присутствием более чем в 100 странах. Первоначально созданная как Временный межправительственный комитет по миграционному движению из Европы (ВМКМДЕ) в 1951 году, она играла роль, обусловленную хаосом и перемещением населения в Западной Европе после Второй мировой войны (о первых годах существования МОМ см. текстовую вставку ниже).

МОМ в первые годы своего существования

Уполномоченная помочь европейским правительствам определить страны для переселения примерно 11 миллионов человек, перемещенных во время Второй мировой войны, МОМ (или ВМКМДЕ, как она тогда называлась) в 1950-х годах организовала перевозку почти миллиона мигрантов.

Поочередная смена названий - с ВМКМДЕ на Межправительственный комитет по европейской миграции (МКЕМ) в 1952 году, Межправительственный комитет по миграции (МКМ) в 1980 году и Международную организацию по миграции (МОМ) в 1989 году - отражает полувековой переход Организации от логистического агентства к миграционному агентству.

32 ЮНЕП, 2020a.

33 ЮНЕП, 2020b.

34 Arora et al., 2020.

35 Freire-González and Vivanco, 2020.

Хотя история МОМ помнит антропогенные и стихийные бедствия за последние полвека – Венгрия 1956 года, Чехословакия 1968 года, Чили 1973 года, вьетнамские «люди в лодках» 1975 года, Кувейт 1990 года, Косово и Тимор 1999 года, а также цунами в Азии и землетрясение в Пакистане 2004/2005 годов – его кредо о том, что гуманная и упорядоченная миграция приносит пользу мигрантам и обществу, неуклонно получает международное признание.

Начав как агентство оперативной логистики, она расширила свою сферу деятельности и превратилась в ведущее международное агентство, работающее с правительствами и гражданским обществом для углубления понимания проблем миграции, поощрения социального и экономического развития посредством миграции и защиты человеческого достоинства и благополучия мигрантов.

Источник: МОМ, 2021b.

Со временем роль и обязанности МОМ значительно расширились в соответствии с растущим значением миграции как ключевого вопроса управления на международном, региональном, национальном и субнациональном уровнях[36]. То, что начиналось как упор на логистику в поддержку переселения людей, перемещенных в результате конфликта, расширилось и охватило широкий спектр вопросов, как гласит Устав МОМ и как показано в таблице 2 ниже[37]. Дополнительная информация об эволюции МОМ как организации, особенно с 2016 года, содержится в добавлении A[38].

Таблица 1. Основные факты и цифры о МОМ (1951, 2016 и 2021 годы)

	1951	2016	2021
Число государств-членов	23*	166	174
Число государств-наблюдателей	–	6	8
Число полевых площадок по всему миру	18**	408	450**
Число сотрудников (без учета консультантов)	352**	10 184	16 257**
Число национальностей, представленных в штате	19**	163	172**
Разница между числом сотрудников женского (♀) и мужского (♂) пола	–	4 764 ♀ и 5 420 ♂ (47% ♀ и 53% ♂)	7 640 ♀ и 8 614 ♂** (47% ♀ и 53% ♂)**
Общий совокупный доход за год (начисленные и добровольные взносы)	26,1 млн долл. США**	1 615,6 млн долл. США	2 182,7 млн долл. США**

Примечание: – означает, что данных за этот год не имеется.
* Соответствует количеству государств-участников до вступления в силу Устава 30 апреля 1954 года.
** Цифры в столбце 1951 года, отмеченном двойной звездочкой, основаны на данных 1952 года. Цифры в столбце 2021 года, отмеченном двойной звездочкой, приведены по состоянию на 31 декабря 2020 года.

Источники: Progress Report of the Director General covering the period 1 June 1952 to 31 August 1952, PIC/70, 18 September 1952; Financial Statements, including report of the external auditors, covering the period 1 February to 31 December 1952, MC/8, 27 March 1953; Financial Report for the Year Ended 31 December 2016, C/108/3, 18 May 2017; IOM Snapshot 2021; Observer States, as of April 2021; Financial Report for the Year Ended 31 December 2020, C/112/3, 31 May 2021; and Annual Report for 2020, C/112/INF/1, 25 June 2021.

36 Martin, 2014.

37 МОМ, 2020a.

38 Следует отметить, что на момент подготовки доклада в штаб-квартире МОМ в Женеве происходила реструктуризация. Ознакомиться с информацией об организационной структуре МОМ можно по адресу www.iom.int/.

Как видно из таблицы 1, присутствие МОМ по всему миру со временем расширилось, отчасти в силу повышенного внимания к управлению миграцией, но также из-за неблагоприятной реальности, связанной с ростом числа внутренних перемещений и гуманитарной и иной поддержки, в которой нуждались некоторые группы мигрантов. Как отмечается в главах 2 и 3 настоящего доклада, долгосрочные тенденции в отношении миграции и перемещения варьируются в зависимости от целого ряда факторов, в том числе географических. Так, региональные отделения МОМ часто отражают региональную динамику, связанную с изменяющимися с течением времени тенденциями и событиями в области миграции и перемещения. На практике это означает, что хотя Организация Объединенных Наций выделяет шесть географических регионов (см. состав регионов в добавлении A к главе 3), МОМ определяет девять географических регионов: Восточная Африка и Африканский Рог; Западная и Центральная Африка; Южная часть Африки; Ближний Восток и Северная Африка; Азия и Тихий океан; Юго-Восточная Европа, Восточная Европа и Центральная Азия; Европейская экономическая зона, Европейский союз и НАТО; Южная Америка; Центральная Америка, Северная Америка и Карибский бассейн.

Основа работы всех региональных отделений (и штаб-квартиры) отражает Стратегическую концепцию МОМ[39], принятую в 2019 году, и ее Устав с особым упором на принцип, согласно которому гуманная и упорядоченная миграция приносит пользу мигрантам и обществу. Как межправительственная организация МОМ действует вместе со своими партнерами в международном сообществе, чтобы: оказывать помощь в решении оперативных проблем миграции; развивать понимание вопросов миграции; поощрять социально-экономическое развитие посредством миграции; и защищать человеческое достоинство и благополучие мигрантов. Однако конкретные действия, связанные с выполнением ее мандата на региональном уровне, отражают конкретные потребности и миграционные реалии на местах, как указано в добавлении B.

Серия *докладов о миграции* в мире

Первый доклад о миграции в мире был опубликован 22 года назад - первоначально как разовый доклад, предназначенный для улучшения понимания миграции политиками и широкой общественностью. Он был задуман в то время, когда последствия глобализации ощущались во многих частях мира и во многих разнообразных отношениях. Так, в первом докладе о миграции в мире отмечается, что своим появлением он отчасти обязан последствиям влияния глобализации на модели миграции, и поэтому в докладе «рассматривается все более глобальная экономика, которая привела к беспрецедентному притоку вновь прибывших во многие страны...»[40]. В докладе подчеркивался тот факт, что миграция, хотя и представляет собой «извечное явление», ускоряется в рамках более широких глобализационных преобразований экономических и торговых процессов, способствующих более активному перемещению рабочей силы, а также товаров и капитала.

В таблице 2 ниже представлена сводка основных статистических данных, приведенных в первом издании (*Докладе о миграции в мире 2000)*, в сопоставлении с данными, фигурирующими в настоящем издании. В ней показано, что, несмотря на относительное постоянство некоторых аспектов - доли женщин среди международных мигрантов, а также общей пропорции мигрантов к населению мира, -другие аспекты претерпели кардинальные изменения. К примеру, объем международных денежных переводов вырос со 128 млрд долл. США до 702 млрд долл. США, что подчеркивает значимость международной миграции как движущей силы развития. Неудивительно, что и сама Международная организация по миграции (МОМ) увеличилась в размерах, причем за последние два десятилетия значительно вырос ее членский состав - с 76

39 МОМ, 2019a.

40 МОМ, 2000.

государств до ее нынешнего членского состава, насчитывающего 174 государства (таблица 1). Следует также отметить приводимые в таблице 2 данные о росте числа международных мигрантов во всем мире (примерно на 87%), а также числа беженцев (примерно на 89%) и внутренне перемещенных лиц (примерно на 160%), при всем этом они составляют весьма малую долю от общего населения мира.

Таблица 2. Основные факты и цифры, приведенные в Докладах о миграции в мире 2000 и 2022 годов

	2000	2022
Оценочное количество международных мигрантов	173 млн	281 млн
Оценочная доля мигрантов в населении мира	2,8%	3,6%
Оценочная доля женщин среди международных мигрантов	49,4%	48,0%
Оценочная доля детей среди международных мигрантов	16,0%	14,6%
Регион с самой высокой долей международных мигрантов	Океания	Океания
Страна с самой высокой долей международных мигрантов	Объединенные Арабские Эмираты	Объединенные Арабские Эмираты
Численность трудящихся-мигрантов	–	169 млн
Общий объем международных денежных переводов (в долл. США)	128 млрд	702 млрд
Численность беженцев	14 млн	26. млн
Численность внутренне перемещенных лиц	21 млн	55 млн

Источники: В отношении источников см. МОМ, 2000 и настоящее издание доклада (главу 2).
Примечания: Даты оценок данных в таблице могут отличаться от даты публикации доклада (в отношении более подробной информации о датах оценок см. доклады); разбивку по регионам см. в главе 3 настоящего доклада. Данные за 2000 год могут отличаться от первоначально опубликованных из-за стандартной практики пересмотра исторических оценок во время выпуска каждого нового свода данных. См., например, ДЭСВ ООН, 2021. Для целей этой таблицы под дети означают лиц в возрасте 19 лет и младше.

Вклад *Доклада о миграции в мире 2000 года* в миграционную политику, а также в исследования в области миграции оказался своевременным, и успех, достигнутый в этой связи, положил начало серии *докладов о миграции в мире*. Начиная с 2000 года МОМ выпустила 11 докладов о миграции в мире, в которых основное внимание неизменно уделяется представлению актуальных, достоверных и фактологически обоснованных материалов, способствующих углублению понимания миграции разработчиками политики, специалистами-практиками, исследователями и широкой общественностью. Для этой цели в 2016 году серия была усовершенствована: вместо освещения единой темы в каждом выпуске был создан глобальный справочный доклад для широкой аудитории. Теперь каждое издание состоит из следующих двух частей:

- Часть I: Основные данные и информация о миграции и мигрантах;
- Часть II: Сбалансированный и основанный на фактах анализ сложных и вновь возникающих проблем миграции.

Новые цифровые инструменты, доступные благодаря сотрудничеству экспертов

Сейчас серия *докладов о миграции в мире* включает ряд цифровых инструментов, предназначенных для использования в различных условиях. Эти инструменты были разработаны в сотрудничестве с ведущими мировыми экспертами в области анализа миграционных данных, визуализации данных, образования и научно-политического взаимодействия.

Интерактивная визуализация данных в новом *Докладе о миграции в мире* была разработана с учетом необходимости предоставлять результаты в широком диапазоне форматов для расширения их доступности и полезности. Интерактивная визуализация данных, начатая в мае 2021 года, позволяет пользователям как читать «заголовки» сводок о долгосрочных тенденциях, так и взаимодействовать с элементами данных для изучения конкретных периодов времени, коридоров или стран. Новый интерактивный формат стал центральным компонентом онлайн-платформы *Доклада о миграции в мире*, которая впервые удостоилась золотой награды Международного конкурса дизайна годовых докладов 2021 года[41]. Дополнительные инструменты для людей, работающих в сфере миграции и изучающих миграцию, такие как инструментарий для преподавателей и инструментарий для будущих должностных лиц, демонстрируют растущую значимость миграции, а также полезность доклада[42]. МОМ поддерживает партнерские отношения с широким кругом экспертов в деле разработки и представления как доклада, так и связанных с ним инструментов на самых разных языках, призванных расширить его использование на местах[43].

Доклад о миграции в мире 2022 года

Это издание строится по принципу двух предыдущих докладов (2018 и 2020 годов) и содержит обновленную статистику миграции на глобальном и региональном уровнях, а также описательный анализ сложных проблем миграции.

Часть I, содержащая «основные данные и информацию о миграции», включает отдельные главы о глобальных миграционных тенденциях и моделях; региональных аспектах и изменениях; и рассмотрение последних материалов системы Организации Объединенных Наций, включая МОМ, посвященных исследованиям и анализу проблем миграции. Эти три главы были подготовлены в учреждении сотрудниками МОМ с использованием главным образом аналитических материалов экспертов, специалистов-практиков и должностных лиц МОМ, работающих в разных частях мира, и на основе данных, полученных от широкого круга соответствующих организаций. Авторство восьми глав Части II принадлежит специалистам, занимающимся прикладными и академическими исследованиями в области миграции, включая научных сотрудников МОМ. Они охватывают целый ряд «сложных и вновь возникающих проблем миграции», включая следующее:

- воздействие COVID-19 на миграцию, мобильность и мигрантов;
- мир и безопасность как движущие силы развития и безопасной миграции;
- миграция как «стремянка» возможностей;
- дезинформация о миграции;
- миграция и медленно наступающее изменение климата;

41 IADA, 2021.

42 См. https://worldmigrationreport.iom.int/about.

43 См. страницу «Партнеры» на веб-сайте *Доклада о миграции в мире* (https://worldmigrationreport.iom.int/about), где фигурируют многие академические учреждения, а также ведущие центры политического анализа и образовательные организации.

- торговля людьми на путях миграции;
- искусственный интеллект и миграция; и
- вклад мигрантов во всем мире.

Хотя выбор этих тем по необходимости носит селективный и субъективный характер, все главы Части II настоящего доклада имеют непосредственное отношение к некоторым из наиболее известных и важных дискуссий о миграции в сегодняшнем мире. Многие из этих тем таят в себе истоки головоломок, с которыми сталкиваются разработчики политики в своем стремлении сформулировать эффективные, соразмерные и конструктивные ответы на сложные вопросы государственной политики в области миграции. Соответственно, эти главы предназначены для информационной поддержки текущих и будущих прений и дискуссий по вопросам политики путем четкого определения ключевых проблем, критического обзора соответствующих исследований и анализа и рассмотрения полученных выводов в целях будущих исследований и разработки политики. Предполагается, что содержание этих глав не носит характера указаний, в смысле продвижения тех или иных политических «решений» - особенно в связи с тем, что непосредственный контекст является важной детерминантой параметров политики, - а является информативным и полезным подспорьем в возможных напряженных дискуссиях по спорным вопросам.

Часть I: Основные данные и информация о миграции и мигрантах

Глава 2 содержит обзор глобальных данных и тенденций в отношении международных мигрантов (контингентов) и международной миграции (потоков). В ней также рассматриваются конкретные группы мигрантов, а именно: трудящиеся-мигранты, беженцы, просители убежища, внутренне перемещенные лица и апатриды, а также денежные переводы. Кроме того, в этой главе идет речь о существующем массиве программных данных МОМ, в частности касающихся пропавших без вести мигрантов, помощи в добровольном возвращении и реинтеграции, переселения и отслеживания перемещений. Хотя эти данные в целом не являются глобальными или репрезентативными, они могут дать представление об изменениях, происшедших в соответствующем программировании и операциях МОМ во всем мире.

За глобальным обзором следует глава 3, в которой рассматриваются основные региональные аспекты миграции и изменения в области миграции. Это рассмотрение проводится по шести регионам мира, определенным Организацией Объединенных Наций: Африке, Азии, Европе, Латинской Америке и Карибском бассейне, Северной Америке и Океании. Анализ по каждому из этих регионов включает в себя: a) обзор и краткое рассмотрение основных данных демографической статистики; и b) сжатое описание «основных особенностей и изменений» в области миграции в регионе, основанное на широком спектре данных, информации и результатов анализа, в том числе проведенного международными организациями, исследователями и аналитиками. В целях учета разнообразия моделей, тенденций и проблем миграции внутри каждого из шести регионов приводится описательная характеристика «основных особенностей и последних изменений» на субрегиональном уровне.

Существует значительный объем исследований и аналитических разработок по вопросам миграции, которые выполняются и публикуются широким кругом таких субъектов, как академические круги, правительства, неправительственные организации и аналитические центры. В главе 4 приводится широкий обзор материалов системы Организации Объединенных Наций, включая Сеть Организации Объединенных Наций по вопросам миграции, действующей в рамках поддержки текущей реализации Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, Глобального договора о беженцах и Целей в области устойчивого развития.

Часть II: Сложные и вновь возникающие проблемы миграции

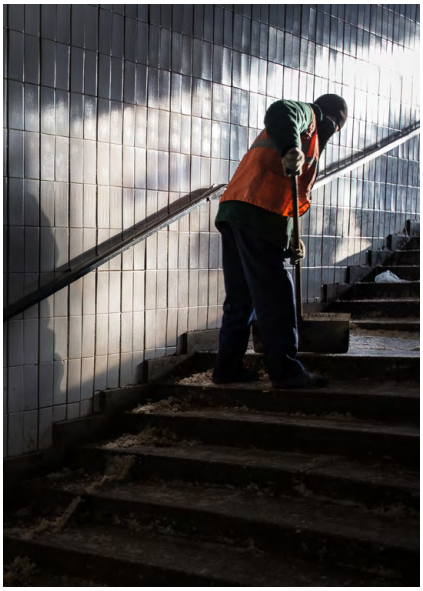
Глава 5 –«Великий разрушитель»: влияние COVID-19 на миграцию, мобильность и мигрантов во всем мире

- В этой главе представлен анализ воздействия пандемии на миграцию и мобильность с особым упором на отсутствие мобильности и уязвимость мигрантов. Он охватывает первый год пандемии COVID-19.
- Для людей, которые мигрировали, были перемещены и/или были частью высокомобильной группы до COVID-19, вероятность непосредственного воздействия пандемии особенно высока. Помимо последствий для здоровья, многие оказались в ловушке отсутствия мобильности и работы, без поддержки доходов или другой социальной защиты. Пандемия COVID-19 привела к тому, что многочисленные группы мигрантов оказались в затруднительном положении, причем некоторые из них столкнулись с нищетой, задержаниями и жестоким обращением.
- COVID-19 показал, что широко признанные нормы, ранее считавшиеся краеугольными камнями международной мобильности, были быстро отброшены перед лицом пандемии. Пандемия также выявила неравенство, повсеместно и глубоко укоренившееся в современных обществах повсюду в мире, а также продемонстрировала, что трудящиеся-мигранты и диаспора являются передовиками не только в основных профессиях, но и в стимулировании глобального развития человеческого потенциала как отправители денежных переводов.

Глава 6 – Мир и безопасность как факторы стабильности, развития и безопасной миграции

- В этой главе на основе имеющихся фактических данных исследуется взаимосвязь между конфликтом, нестабильностью и отсутствием безопасности; развитием; и миграцией, показывая, что нестабильность или конфликт отрицательно влияют на развитие и, следовательно, вызывают перемещение, поиск убежища и небезопасную миграцию.
- В главе идет речь также не только об этих хорошо задокументированных связях, но и показано, как миграция может способствовать стабильности и развитию и тем самым смягчать условия, которые приводят к нелегальной миграции и перемещению.
- В ней освещаются некоторые прагматичные миротворческие инициативы, такие как стабилизация общин, которые в контексте миграции и перемещения доказали свою эффективность в построении и поддержании мира на местном уровне. В ней также показано, как мигранты посредством различных видов деятельности вносят свой вклад в миростроительство. Они делают это, ратуя за мир, занимаясь посредничеством, создавая учреждения для обслуживания населения и поддерживая свои семьи и общины денежными переводами.

Глава 7 – Международная миграция как «стремянка» возможностей: что на самом деле показывают глобальные данные?



- В этой главе рассматриваются основные вопросы: «Кто мигрирует за границу, и куда направляются эти люди?» В ней представлен анализ ряда статистических данных и используются некоторые из существующих исследований по детерминантам миграции и процессу принятия решений.

- Анализ данных о контингенте международных мигрантов и индексе человеческого развития показывает, что в период с 1995 по 2020 год миграция из стран с низким и средним уровнем развития увеличилась, но лишь незначительно, что подтверждает существующий макроэкономический анализ, который показывает, что международная миграция из стран с низким уровнем дохода исторически была ограниченной.

- Однако, в отличие от прежнего понимания международной миграции, анализ указывает на наличие «поляризующего» эффекта, при котором миграционная активность все больше ассоциируется с высокоразвитыми странами. Это поднимает ключевой вопрос о миграционных устремлениях потенциальных мигрантов из развивающихся стран по всему миру, которые, возможно, хотят реализовать возможности посредством международной миграции, но не могут этого сделать, поскольку для них недоступны законные пути.

Глава 8 – Дезинформация о миграции: извечная проблема с новыми техническими аспектами

- В этой главе рассматриваются факторы, формирующие дезинформацию о миграции, с точки зрения общества, политики, средств массовой информации и технологий. В ней описывается передовые практики повышения общественной устойчивости к дезинформации и основные выводы из текущих исследований со ссылкой на важные пробелы в нашем понимании дезинформации и существующие препятствия на пути продвижения этой работы.

- В главе освещаются фактические данные и практические примеры со всего мира и из различных контекстов. В ней также предлагаются рекомендации и выводы для политиков и других заинтересованных сторон, стремящихся противодействовать дезинформации в целом и в отношении миграции в частности.

Глава 9 – Миграция и медленно наступающие последствия изменения климата: подведение итогов и принятие мер

- В этой главе речь идет о миграции в контексте медленно наступающих последствий изменения климата с учетом сохраняющихся пробелов в политике и знаниях в этой области. В ней освещаются некоторые из основных вызовов, связанных с пониманием и принятием мер в отношении медленно наступающих климатических воздействий и проблем миграции, и исследуется, как миграционная политика и практика могут сыграть роль в реагировании на некоторые из наиболее насущных вызовов.

- Взгляд в будущее, в котором ожидается ухудшение медленно развивающихся климатических явлений, приводит к выводу о том, что надлежащая политика и практика управления миграцией могут и должны стать частью решения. В этой главе описаны недавние примеры инициатив в области миграционной политики, направленных на устранение воздействия климата на миграцию, в том числе в аспектах медленно развивающихся явлений.

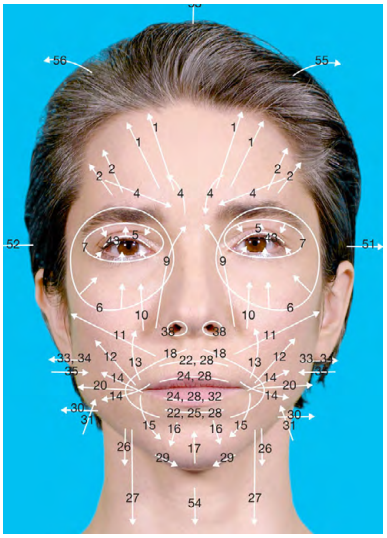
- На глобальном уровне в ходе политических дискуссий были выявлены некоторые отправные точки, в которых лица, ответственные за разработку миграционной политики, могли бы сыграть важную роль в содействии позитивным изменениям, особенно в плане облегчения миграции в контексте медленно развивающихся климатических явлений, при этом как у развитых, так и у развивающихся государств растет интерес к обсуждению миграции, связанной с воздействием климата, с политической точки зрения.

Глава 10 – Торговля людьми на путях миграции: тенденции, вызовы и новые формы сотрудничества

- В этой главе представлен обзор текущих тенденций и моделей торговли людьми с учетом имеющихся данных о мигрантах, ставших жертвами торговли людьми, и о торговцах людьми. В ней рассматриваются текущие проблемы и перспективные пути предотвращения торговли мигрантами, включая судебное преследование торговцев людьми, защиту жертв и сотрудничество в противодействии торговле людьми.

- Существует широко распространенный глобальный консенсус в отношении неотложной необходимости предотвращения торговли людьми и борьбы с ней на путях миграции, при этом лишь по немногим другим вопросам, связанным с миграцией, было достигнуто такое же согласие в международном сообществе. Однако то, как добиться этого на практике, пользуется меньшим консенсусом, и по-прежнему ощущается нехватка политической воли для проведения эффективной политики в этих целях. В главе предлагаются идеи для действий в этой связи в нескольких областях.

Глава 11 – Искусственный интеллект, миграция и мобильность: последствия для политики и практики



- В этой главе рассматриваются последствия ИИ для политики и практики в контексте миграции и мобильности сквозь призму существующих международных правил, стандартов и принципов в области прав человека. Это важно из-за возможности ущемления или укрепления прав человека в результате проектирования, разработки, внедрения и распространения технологий ИИ по всему миру.
- Исследуется использование ИИ на протяжении «миграционного цикла» с размышлениями о ключевых стратегических вызовах и возможностях в этой важной области новых технологий, в том числе в связи с «будущим сферы труда» и долгосрочными миграционными тенденциями.
- Хотя ИИ, безусловно, может принести ряд преимуществ для политики и практики, существует диапазон рисков для государственных и негосударственных субъектов (включая мигрантов), которые необходимо тщательно контролировать, особенно с точки зрения регулирования и прав человека.

Глава 12 – Размышления о вкладе мигрантов в эпоху растущей дестабилизации и дезинформации – «ПОВТОР»

- Эта глава впервые появилась в Докладе о миграции в мире 2020 года. Исследование, проведенное для этой главы, вдохновило нас на более глубокое изучение темы дезинформации, в результате чего появилась глава 8, посвященная дезинформации о миграции (в этом издании).
- Однако последние два года показали нам, что проблема не уменьшилась. Фактически, в связи с дезинформацией о COVID-19 огромные вызовы, связанные со сбалансированным и точным определением вклада мигрантов, только усугубились. Поэтому глава воспроизводится еще раз, чтобы напомнить нам о важности темы и чтобы новые читатели могли воспользоваться ее содержанием.

В целом, этот доклад о миграции в мире был подготовлен для того, чтобы помочь нам углубить наше коллективное понимание различных проявлений и сложностей миграции в условиях системных и ускоряющихся изменений. Мы надеемся, что все читатели смогут узнать что-то новое из этого издания, а также использовать его содержание в своей работе, учебе или другой деятельности.

ЧАСТЬ I

ОСНОВНЫЕ ДАННЫЕ И ИНФОРМАЦИЯ О МИГРАЦИИ И МИГРАНТАХ

2 МИГРАЦИЯ И МИГРАНТЫ: ГЛОБАЛЬНЫЙ ОБЗОР

Введение

Описание и анализ изменения характера миграция во всем мире с различных точек зрения, в том числе учитывающих экономические, социальные измерениями и аспекты безопасности (и связанные с ними основы правовой политики), необходимо начинать с понимания основных показателей. Миграция населения вполне может быть извечной практикой, затрагивающей почти все общества во всем мире; и тем не менее в ней происходят важные изменения. Изучение сдвигов в масштабах, направлениях, демографическом составе и частотности миграции может пролить свет на то, как она эволюционирует, а также указать на долгосрочные тенденции, которые были сформированы как историческими, так и недавними событиями.

Текущие глобальные оценки показывают, что в 2020 году в мире насчитывалось около 281 млн международных мигрантов, что соответствует 3,6 процента населения мира[1]. Прежде всего важно отметить, что речь идет об очень незначительном меньшинстве населения мира, а это означает, что в подавляющем большинстве случаев нормой остается жизнь в стране своего рождения. Подавляющее большинство людей не мигрируют через границы; гораздо больше людей мигрируют внутри стран[2]. При этом эти оценки относятся к популяциям мигрантов, а не к событиям перемещения. Пандемия COVID-19 высветила взаимосвязь между миграцией и мобильностью, поскольку ограничения на поездки в связи с COVID-19 привели к беспрецедентному отсутствию мобильности во всем мире. На момент написания (июль 2021 года) ограничения на поездки во многих странах были (повторно) введены или ужесточены, поскольку штаммы вируса циркулируют на всей планете, проверяя коллективную устойчивость мира перед лицом глобального кризиса в области здравоохранения, невиданного в предыдущем столетии.

Когда глобальные пандемии не препятствуют режимам мобильности, подавляющее большинство людей мигрирует за рубеж по причинам, связанным с работой, семьей и учебой, что предполагает миграционные процессы, протекающие в основном без возникновения фундаментальных вызовов, с которыми могли бы столкнуться либо сами мигранты, либо страны их прибытия. Другие, напротив, покидают свои дома и страны в связи с целым рядом вынуждающих и подчас трагических обстоятельств, таких как конфликты, преследования и бедствия. Хотя люди, подвергшиеся перемещению, в частности беженцы и внутренне перемещенные лица (ВПЛ), составляют относительно небольшой процент от всех мигрантов, они зачастую больше других нуждаются в помощи и поддержке.

Эта глава, посвященная основным глобальным миграционным данным и тенденциям, а также новым данным о мобильности и поездках в связи с COVID-19, призвана помочь разработчикам политики,

1 ДЭСВ ООН, 2021a.

2 По последним оценкам, в 2009 году во всем мире насчитывалось 740 млн внутренних мигрантов. (ПРООН, 2009).

специалистам-практикам и исследователям проблем в области миграции лучше понять более широкую картину миграции за счет ознакомления с обновленным глобальным обзором информации о миграции и мигрантах. В главе использованы источники текущих статистических данных, собранных Департаментом Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН), Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международной организацией труда (МОТ), Всемирным банком, Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН), Центром мониторинга внутренних перемещений (ЦМВП), Международной организацией по миграции (МОМ) и Оксфордским университетом[3]. В главе представлен обзор глобальных данных и тенденций в отношении международных мигрантов (контингентов) и международной миграции (потоков). Кроме того, в ней рассматриваются конкретные группы мигрантов, а именно: трудящиеся-мигранты, беженцы, просители убежища, ВПЛ и пропавшие без вести мигранты, а также международные денежные переводы и ограничения на передвижения, связанные с COVID-19.

В главе также идет речь о совокупности программных данных МОМ, в частности касающихся помощи в добровольном возвращении и реинтеграции, переселения и отслеживания перемещений[4]. Хотя эти данные, как правило, не являются глобальными или репрезентативными, они могут дать представление об изменениях, происходящих в соответствующем программировании и операциях во всем мире. В качестве агентства Организации Объединенных Наций по вопросам миграции, которое осуществляет мероприятия, имеющие прямое отношение ко всем темам, обсуждаемым в этой главе, МОМ располагает данными, позволяющими получить более полное представление о миграции и ее различных динамических процессах, включая разнообразные потребности мигрантов.

Определения миграции, мигрантов и другие ключевые термины

Помимо общих определений терминов «миграция» и «мигрант», таких как те, что содержатся в словарях, существует целый ряд конкретных определений ключевых терминов, связанных с миграцией, в том числе в правовой, административной, научно-исследовательской и статистической областях[a]. Универсально согласованных определений терминов «миграция» или «мигрант» не существует, однако широко признается несколько определений, которые были разработаны в различных обстоятельствах, например, те из них, которые были изложены в *Рекомендациях ДЭСВ ООН по статистике международной миграции* 1998 года[b]. Статистический отдел Организации Объединенных Наций и целевая группа Группы экспертов Организации Объединенных Наций по статистике миграции недавно завершили работу над пересмотренными концептуальными рамками статистики международной миграции и мобильности для руководства процессом обновления Рекомендаций 1998 года[c]. Концептуальная основа была одобрена Статистической комиссией Организации Объединенных Наций на ее 52-й сессии в марте 2021 года, что подготовило почву для пересмотренных рекомендаций по международным мигрантам и мобильности, которые лучше учитывают различные аспекты мобильности, включая миграцию[d]. Концептуальная основа кратко описана в добавлении A.

3 С учетом периода, охватываемого настоящим докладом, статистические данные, использованные в этой главе, были актуальными по состоянию на 30 июня 2021 года, если не указано иное.

4 Данные МОМ о жертвах торговли людьми представлены в главе 10 настоящего доклада.

Технические определения, концепции и категории, относящиеся к мигрантам и миграции, неизбежно создаются с учетом географических, юридических, политических, методологических, хронологических и других факторов. Например, существует множество возможностей определения миграционных явлений, в том числе исходя из данных о месте рождения, гражданстве, месте жительства и продолжительности пребывания[e]. Они имеют важное значение при количественной оценке и анализе последствий миграции и воздействии мигрантов, как бы они ни определялись. Мы предлагаем читателям для ознакомления с конкретными определениями и моделями категоризации, лежащими в основе разработки данных, обратиться к первоисточникам, указанным в главе. Читатели могут также счесть полезным справочным материалом *Глоссарий МОМ по миграции* (издание 2019 года). *Глоссарий* доступен на платформе публикаций МОМ: https://publications.iom.int/books/international-migration-law-ndeg34-glossary-migration.

a См., например, Poulain and Perrin, 2001.
b ДЭСВ ООН, 1998.
c Статистический отдел Организации Объединенных Наций, 2021.
d Статистическая комиссия Организации Объединенных Наций, 2021.
e См., например, de Beer et al., 2010.

Международные мигранты: цифры и тенденции

ДЭСВ ООН производит оценки численности международных мигрантов во всем мире. Материал ниже опирается на эти оценки, которые выполнены на основе данных, представленных государствами[5]. В нынешних *Рекомендациях Организации Объединенных Наций по статистике международной миграции* «международный мигрант» определяется как любое лицо, которое меняет страну своего обычного проживания, с выделением «краткосрочных мигрантов» (меняющих страну своего обычного проживания на срок как минимум трех месяцев, но менее одного года) и «долгосрочных мигрантов» (делающих это на срок не менее одного года). Однако не все страны используют это определение на практике[6]. Некоторые страны используют другие критерии для определения международных мигрантов, например, применяя другие минимальные сроки проживания. Различия в концепциях и определениях, как и в методологиях сбора данных, существующие между странами, мешают полной сопоставимости национальных статистических данных о международных мигранта. Текущий пересмотр рекомендаций Организации Объединенных Наций рассматривается в текстовой вставке ниже.

По имеющимся оценкам, за последние 50 лет произошло увеличение численности международных мигрантов. В 2020 году в стране, не являющейся страной их рождения, проживали почти 281 млн человек, или примерно на 128 миллионов больше, чем 30 годами ранее (в 1990 году - 153 миллиона) и более чем в три раза больше их предполагаемой численности в 1970 году (84 миллиона). Доля международных мигрантов в общей численности населения мира также увеличилась, но прирост был незначительным. Подавляющее большинство людей живут в стране, в которой они родились. Воздействие COVID-19 на мировую популяцию международных мигрантов довольно сложно оценить, и одна из причин этого заключается в том, что

5 Данные также представляются ДЭСВ ООН по территориям и административным единицам. В отношении краткого описания источников данных о контингентах ДЭСВ ООН, его методологии и ограничений просьба ознакомиться с ДЭСВ ООН, 2021b.
6 ДЭСВ ООН, 1998.

последние доступные данные относятся к середине 2020 года[7], т. е. к довольно раннему периоду пандемии. Тем не менее, по оценкам, COVID-19 мог сократить прирост числа международных мигрантов примерно на два миллиона человек. Другими словами, если бы не COVID-19, численность международных мигрантов в 2020 году, вероятно, составила бы около 283 млн человек[8].

Таблица 1. Международные мигранты, 1970–2020 годы

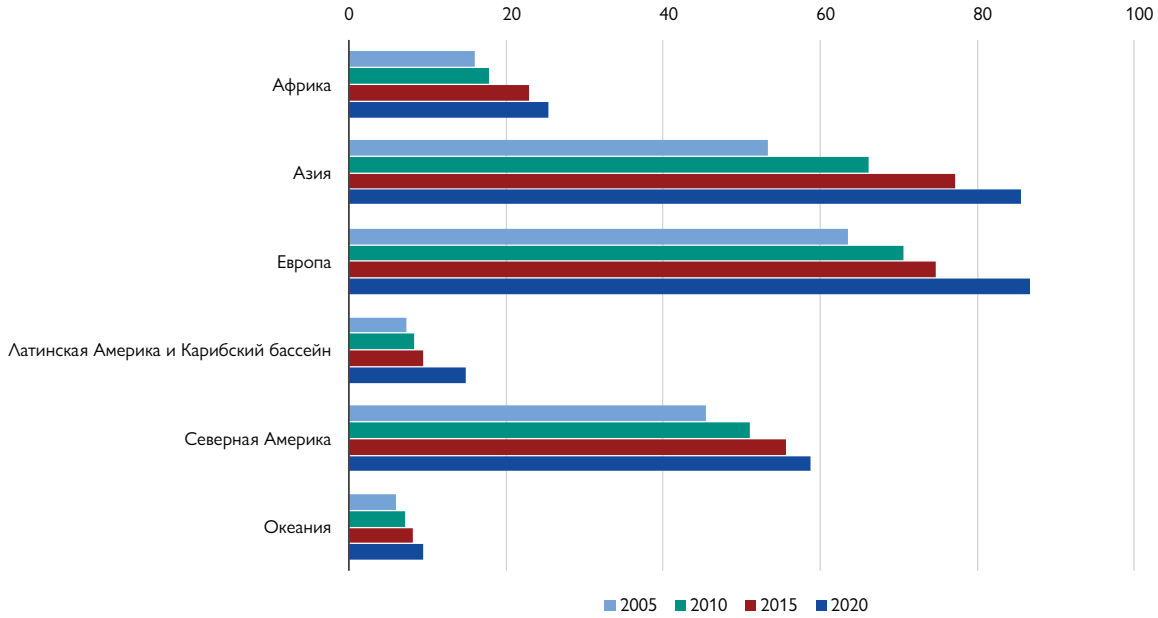
Год	Число международных мигрантов	Мигранты в % от населения мира
1970	84 460 125	2,3
1975	90 368 010	2,2
1980	101 983 149	2,3
1985	113 206 691	2,3
1990	152 986 157	2,9
1995	161 289 976	2,8
2000	173 230 585	2,8
2005	191 446 828	2,9
2010	220 983 187	3,2
2015	247 958 644	3,4
2020	280 598 105	3,6

Источник: ДЭСВ ООН, 2008; ДЭСВ ООН, 2021a.
Примечание: Количество субъектов (таких как государства, территории и административные районы), в отношении которых были предоставлены данные в публикации ДЭСВ ООН 2020 года «Контингент международных мигрантов» (International Migrant Stock), составило 232 субъекта. В 1970 году таких субъектов насчитывалось 135.

Рассмотрение популяций международных мигрантов по регионам Организации Объединенных Наций показывает, что Европа в настоящее время является крупнейшим местом назначения международных мигрантов, насчитывая 87 млн мигрантов (30,9% от всех международных мигрантов), за которой следует Азия с 86 млн международных мигрантов (30,5%)[9]. Северная Америка является местом назначения для 59 млн международных мигрантов (20,9%), за ней следует Африка с 25 млн мигрантов (9%). За последние 15 лет число международных мигрантов в Латинской Америке и Карибском бассейне более чем удвоилось от примерно 7 млн до 15 млн человек, что характеризует этот регион самым высоким темпом роста численности международных мигрантов и местом назначения 5,3 процента всех международных мигрантов. В Океании проживает около 9 млн международных мигрантов, или около 3,3 процента всех мигрантов. Рост числа международных мигрантов, проживающих в каждом регионе в период 2005-2020 годов, показан на рисунке 1.

7 ДЭСВ ООН, 2021b.
8 ДЭСВ ООН, 2021c.
9 ДЭСВ ООН, 2021a.

Рисунок 1. Международные мигранты по основным регионам проживания, 2005-2020 годы (в млн человек)



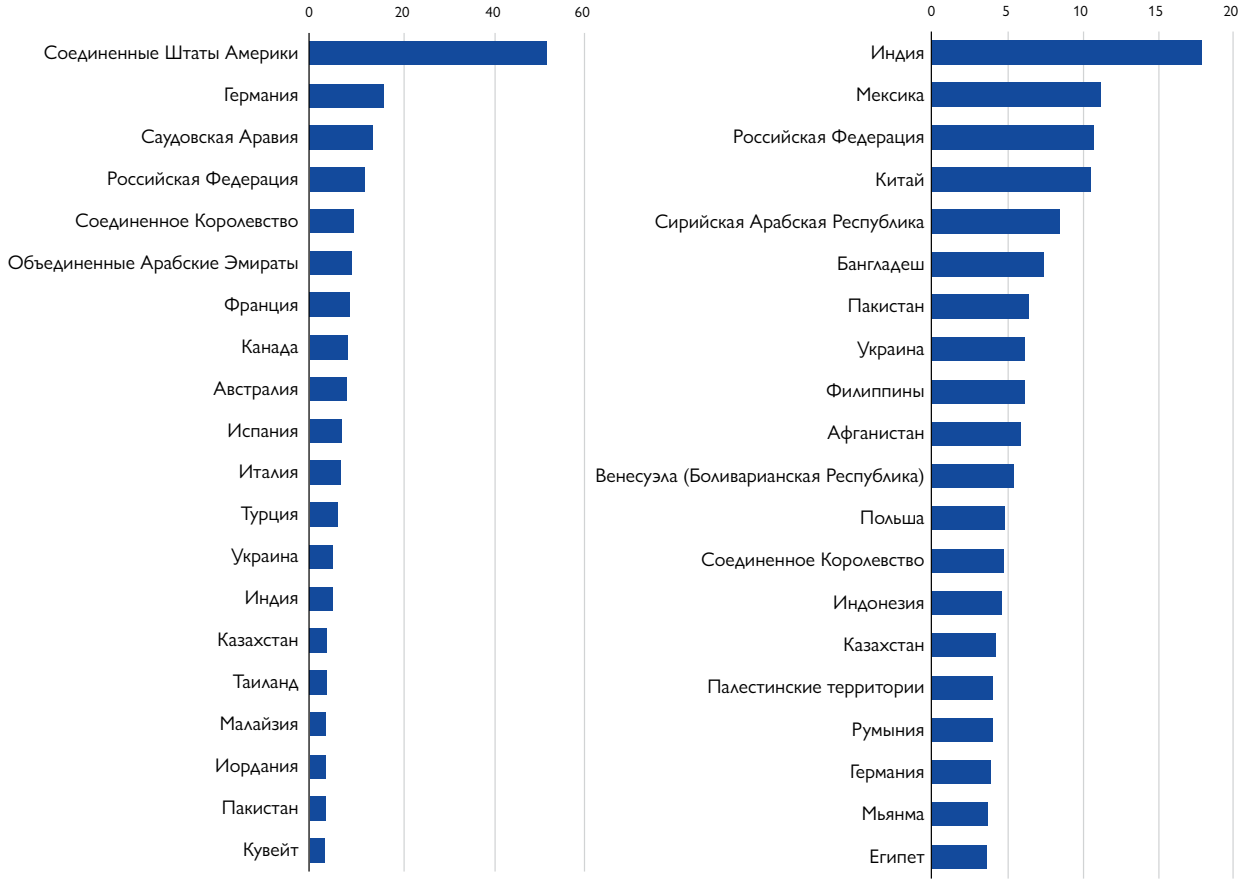
Источник: ДЭСВ ООН, 2021a.

На Океанию приходится самая большая доля международных мигрантов в общей численности населения, при этом 22 процента населения родились в другой стране. Северная Америка занимает второе место по доле международных мигрантов — 15,9%, за ней следует Европа — 11,6%. В Латинской Америке и Карибском бассейне, Африке и Азии доля международных мигрантов составляет, соответственно, 2,3%, 1,9% и 1,8%.

Как и в течение последних 50 лет, Соединенные Штаты Америки остаются основной страной назначения мигрантов, в которой проживают более 51 млн международных мигрантов. Германия стала второй по значимости страной назначения с почти 16 млн международных мигрантов, а Саудовская Аравия является третьей из основных стран назначения, насчитывая 13 млн международных мигрантов. В Российской Федерации и Соединенном Королевстве, замыкающих первую пятерку стран назначения, проживают, соответственно, около 12 млн и 9 млн международных мигрантов. Список 20 основных стран назначения для мигрантов приведен в левой части рисунка 2.

Поскольку почти 18 млн выходцев из Индии проживают за рубежом, она имеет самое большое количество эмигрантов в мире, что делает ее ведущей страной происхождения в глобальном масштабе. Мексика является второй по значению страной происхождения, из которой выехали около 11 млн человек. Третья главная страна происхождения - Российская Федерация, за которой следует Китай (около 10,8 миллионов и 10 миллионов соответственно). Пятой по значимости страной происхождения является Сирийская Арабская Республика, так как более 8 млн сирийцев проживают за границей, в основном в качестве беженцев в результате крупномасштабного перемещения в течение последнего десятилетия (см. рассмотрение этого вопроса в разделе о беженцах ниже). На правой части рисунка 2 представлены 20 основных стран происхождения мигрантов в 2020 году.

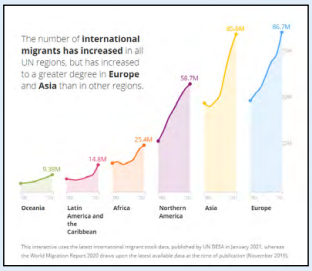
Рисунок 2. 20 основных стран назначения (слева) и происхождения (справа) международных мигрантов в 2020 году (в млн чел.)

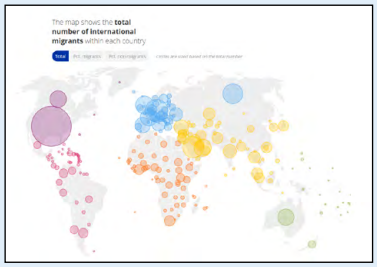


Источник: ДЭСВ ООН, 2021a.

Платформа визуализации данных Доклада о миграции в мире

В мае 2021 года МОМ внедрила новый веб-портал Доклада о миграции в мире, который объединяет основанные на фактах нарративы о миграции с интерактивной визуализацией самых последних данных и тенденций в области глобальной миграции[a].





Этот цифровой формат позволяет в понятном виде представить данные путем отображения интерактивных визуализаций глобальных тенденций миграции. Исходя из анализа, проведенного в докладе, сайт размещает статистику и карты миграции на уровне стран, интерактивные визуализации миграционных коридоров и в дополнение к глобальным и региональным данным перечни ведущих стран-получателей и стран-источников денежных переводов начиная с 1995 года. На основе данного доклада были добавлены новые интерактивные компоненты по ограничениям в связи с COVID-19.

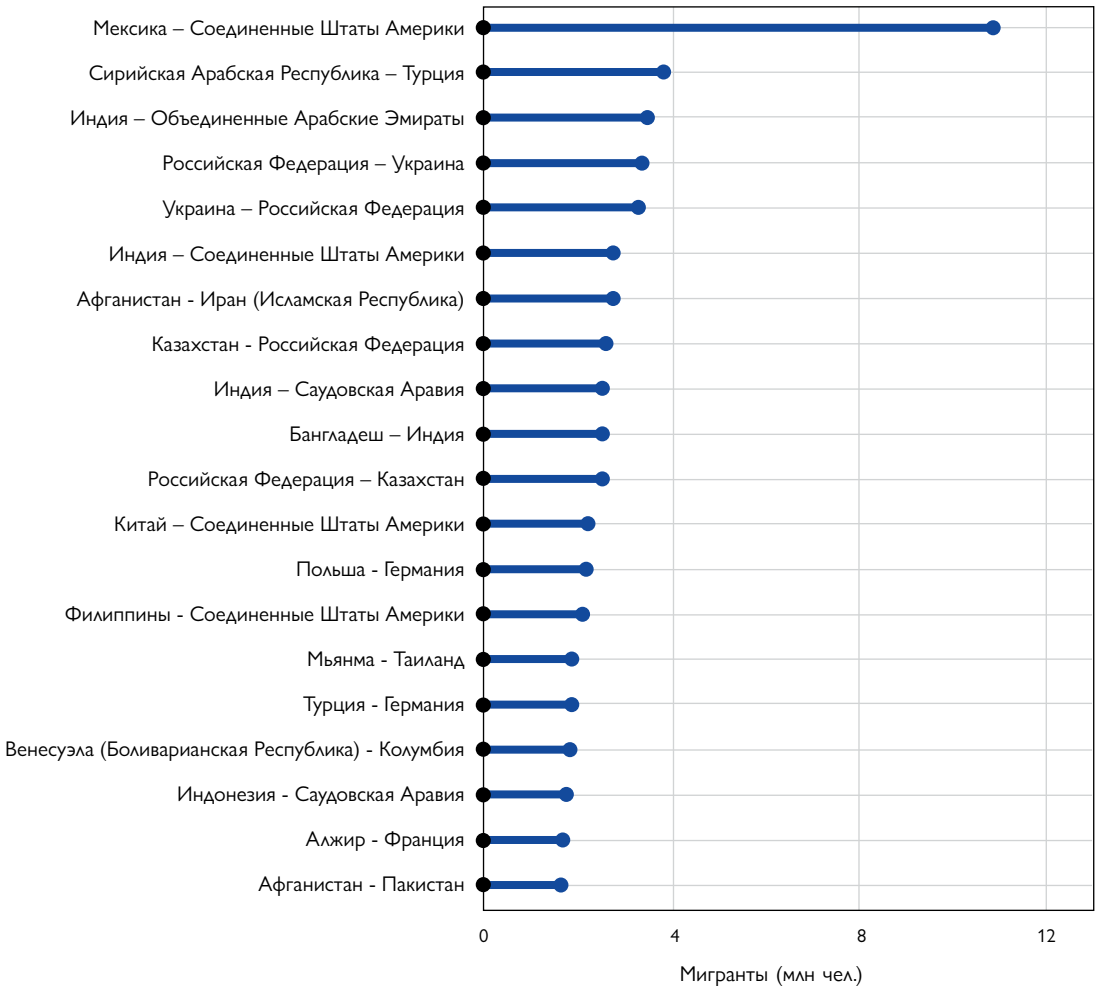
Создавая визуальный контекст для информации, визуализация данных упрощает восприятие статистических величин и существующих тенденций, дополняя обширный анализ, представленный в докладе. Интерактивная платформа доступна на английском, французском и испанском языках.

a МОМ, 2020a.

Имеющиеся данные о международных мигрантах включают оценки взаимосвязи между любыми двумя странами в плане происхождения и назначения мигрантов, что позволяет оценить двусторонние миграционные «коридоры» в глобальном масштабе. Размер миграционного коридора из страны A в страну B измеряется как количество людей, родившихся в стране A, которые проживали в стране B в 2020 году. Коридоры отражают накопление миграционных перемещений с течением времени и дают представление о том, каким образом определенные модели миграции привели к образованию значительных групп населения из лиц, родившихся за рубежом, в конкретных странах назначения.

Как видно на рисунке 3, коридор Мексика-Соединенные Штаты Америки является крупнейшим в мире, по нему переместились почти 11 млн человек. Второй ведет из Сирийской Арабской Республики в Турцию и включает в основном беженцев, перемещенных в результате десятилетней гражданской войны в Сирийской Арабской Республике. С другой стороны, третий по величине коридор в мире из Индии в Объединенные Арабские Эмираты (свыше 3 млн человек) состоит в основном из трудовых мигрантов. Двусторонний коридор между Российской Федерацией и Украиной занимает четвертое и пятое места среди крупнейших коридоров мира. Около 3 млн человек, родившихся в Российской Федерации, сейчас проживают в Украине, и примерно столько же людей переехало из Украины в Российскую Федерацию.

Рисунок 3. 20 главных коридоров международной миграции из одной страны в другую, 2020 год



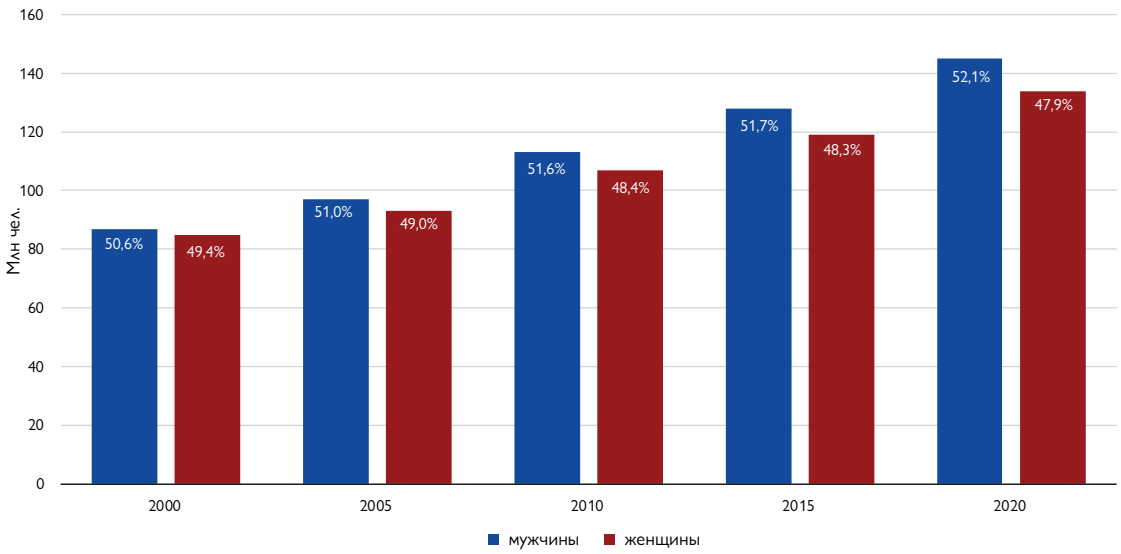
Источник: ДЭСВ ООН, 2021a.

Примечание: Коридоры измеряются количеством международных мигрантов (в млн чел.), родившихся в стране, указанной первой, и проживающих во второй. Коридоры отражают накопление миграционных перемещений с течением времени и дают представление о том, каким образом определенные модели миграции привели к образованию значительных групп населения из лиц, родившихся за рубежом, в конкретных странах назначения.

Большинство международных мигрантов (около 78%) были в трудоспособном возрасте (от 15 до 64 лет). С 1990 года доля международных мигрантов в возрасте 19 лет и моложе снизилась с 18,9% до 14,6%, в то время как доля международных мигрантов старше 64 лет осталась неизменной на уровне около 12,2%.

В настоящее время в мире среди международных мигрантов насчитывается больше мужчин, чем женщин, и за последние 20 лет разрыв увеличился. В 2000 году соотношение мужчин и женщин составляло 50,6% к 49,4% (или 88 млн мужчин-мигрантов к 86 млн женщин-мигрантов). В 2020 году это соотношение составляет 51,9% к 48,0%, или 146 млн мужчин-мигрантов к 135 млн женщин-мигрантов. Доля женщин-мигрантов с 2000 года снижается, а доля мужчин-мигрантов увеличилась на 1,4 процентных пункта. В отношении разбивки по полу см. рисунок 4.

Рисунок 4. Международные мигранты в разбивке по полу, 2000–2020 годы



Источник: ДЭСВ ООН, 2021a.

Смешение понятий «миграция» и «мигрант»

В общем смысле **миграция** — это процесс перемещения из одного места в другое. Мигрировать означает переехать, будь то из сельской местности в город, из одного района или провинции в данной стране в другую в этой же стране или из одной страны в новую страну. Это предполагает действие.

В отличие от этого **мигрант** - это человек, описываемый таковым по одной или нескольким причинам в зависимости от контекста (см. текстовую вставку «Определения миграции, мигрантов и другие ключевые термины» выше). Хотя во многих случаях «мигранты» действительно совершают миграцию в том или ином виде, это не всегда так.

В некоторых ситуациях людей, которые никогда не участвовали в миграции, могут называть мигрантами - например, детей людей, родившихся за границей, обычно называют мигрантами второго или третьего поколения[a]. Это может даже распространяться на ситуации, связанные с безгражданством, когда целые группы люди не могут получить гражданство, несмотря на то что они родились и выросли в стране. Власти могут даже называть таких людей нелегальными мигрантами[b].

a См.,например, Neto, 1995; Fertig and Schmidt, 2001.
b Kyaw, 2017.

Международные миграционные потоки

Хотя данные о контингентах мигрантов широко доступны, данные о глобальных миграционных перемещениях (потоках) гораздо более ограниченны. Имеющиеся оценки ДЭСВ ООН по глобальным контингентам мигрантов обширны и глобальны по охвату; однако база данных о миграционных потоках охватывает только 45 стран[10]. Фиксация данных о миграционных потоках является чрезвычайно сложной задачей по нескольким причинам. Во-первых, в то время как международные миграционные потоки обычно считаются охватывающими притоки и оттоки в страны и из них, больше внимания уделялось регистрации притоков. Например, хотя такие страны, как Австралия и Соединенные Штаты, учитывают трансграничные перемещения, многие другие учитывают только въезды, а не отправления[11]. Кроме того, источником данных о миграционных потоках в некоторых странах выступают административные процедуры, связанные с иммиграционным статусом (например, выдача/продление действия документов/ отзыв вида на жительство), которые, таким образом, используются для получения косвенных данных относительно миграционных потоков. Помимо этого, миграционные перемещения часто трудно отделить от немиграционных поездок, таких как туризм или командировки[12]. Для отслеживания миграционных перемещений также требуются значительные ресурсы, инфраструктура и системы информационных технологий/знаний. Это создает особые проблемы для развивающихся стран, где возможности по сбору, администрированию, анализу и представлению данных о мобильности, миграции и других областях часто ограничены. Наконец, физическая география многих стран создает огромные проблемы для сбора данных о миграционных потоках. Например, контроль въезда в страну и управление границами особенно сложны в некоторых регионах из-за архипелажных и разъединённых границ, а также усложняются традициями неформальной миграции в целях работы[13].

В настоящее время существует два основных международных набора данных о международных миграционных потоках, которые оба составляются из национальных статистических данных: Набор данных о международных миграционных потоках ДЭСВ ООН и База данных о международной миграции ОЭСР. С 2005 года ДЭСВ ООН компилирует данные о потоках международных мигрантов в отдельные страны и из них на основе имеющихся на национальном уровне статистических данных. К моменту написания этого раздела (июль 2021 года) не было обновлений в наборе данных о потоках ДЭСВ ООН, самым последним из которых была версия 2015 года. Набор данных о миграционных потоках 2015 года включает данные по 45 странам, в отличие от 29 стран в 2008 году и 15 стран в 2005 году[14].

ОЭСР собирает данные о международных миграционных потоках с 2000 года, что позволяет проводить анализ тенденций по подгруппе основных стран назначения, показанных на рисунке 5 (хотя данные не стандартизированы, как поясняется в примечании под рисунком). Последние доступные данные показывают, что в 2018 году было зарегистрировано 10-процентное увеличение миграционного притока на постоянное жительство по сравнению с предыдущим 2017 годом. В Соединенных Штатах, одной из основных стран назначения, в 2018 году было зарегистрировано около 1,1 млн новых въездов, что на 2,7% меньше, чем в предыдущем году. Еще одной страной, в которой были зафиксированы заметные изменения, стала Чили, где рост составил 64%. Что касается европейских стран ОЭСР, то в 2018 году общая миграция увеличилась примерно на 136 000 человек (на 3,2% больше, чем в 2017 году). В Европе Соединенное Королевство и Италия зафиксировали сокращение постоянных потоков, соответственно, на 6,5% и 5,2%. Вместо этого в Европе по их росту лидировали Испания (+23%, или увеличение примерно на 106 000 человек) и Португалия (+52%, или увеличение примерно на 32 000 человек).

10 ДЭСВ ООН, 2015.

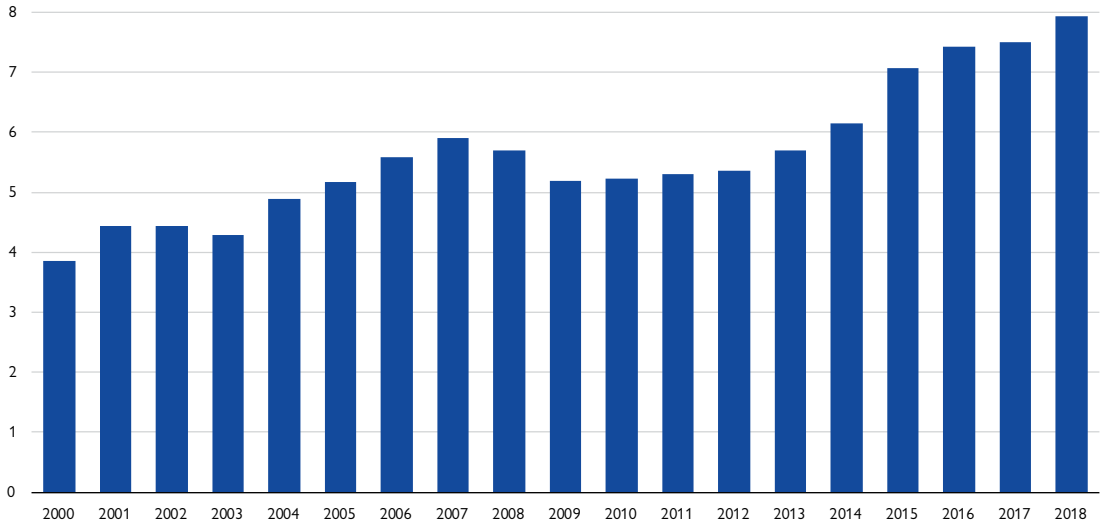
11 Koser, 2010; McAuliffe and Koser, 2017.

12 Skeldon, 2018.

13 Gallagher and McAuliffe, 2016.

14 В отношении данных о потоках мигрантов ДЭСВ ООН, а также данных по конкретным странам см. ДЭСВ ООН, 2015.

Рисунок 5. Приток иностранных граждан в страны ОЭСР на постоянное жительство, 2000–2018 годы (в млн человек)



Источник: ОЭСР, n.d.a.

Примечание: Данные не стандартизированы и поэтому отличаются от статистических данных о притоке мигрантов в отдельные страны на постоянное жительство, которые содержатся в серии ОЭСР «Обозрение международной миграции». Обычно в статистику ОЭСР включаются 35 следующих стран: Австралия, Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Израиль, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Латвия, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Республика Корея, Словакия, Словения, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты, Турция, Финляндия, Франция, Чехия, Чили, Швеция, Швейцария, Эстония и Япония. В некоторые годы данные по тем или иным странам не предоставлялись: в 2000 году данные были предоставлены по 31 стране. Примечательно, что данные по Греции не сообщались в 2000-2004 годах, а по Турции были предоставлены только за 2010, 2016, 2017 и 2018 годы.

Влияние COVID-19 на мобильность во всем мире рассматривается в этой главе ниже, а также в главе 5 настоящего доклада.

Небезопасные миграционные потоки

Некоторые миграционные коридоры создают гораздо больше проблем, чем другие, как для мигрантов, так и для властей. Поездки мигрантов иногда могут являться небезопасными и даже оканчиваться смертельным исходом, что часто обусловлено целым рядом социальных, политических, экономических, экологических и политических факторов, которые могут серьезно повлиять на то, как люди совершают миграцию[15]. После трагических событий октября 2013 года, когда более 360 человек погибли при затоплении двух лодок у итальянского острова Лампедуза, МОМ начала сбор и компиляцию информации о мигрантах, которые погибли или пропали без вести на миграционных маршрутах по всему миру в рамках своего проекта «Пропавшие без вести мигранты»[16]. Источники данных включают официальные отчеты береговой охраны и судмедэкспертов, сообщения в СМИ, сообщения и доклады неправительственных организаций и учреждений Организации Объединенных Наций, а также опросы мигрантов[17].

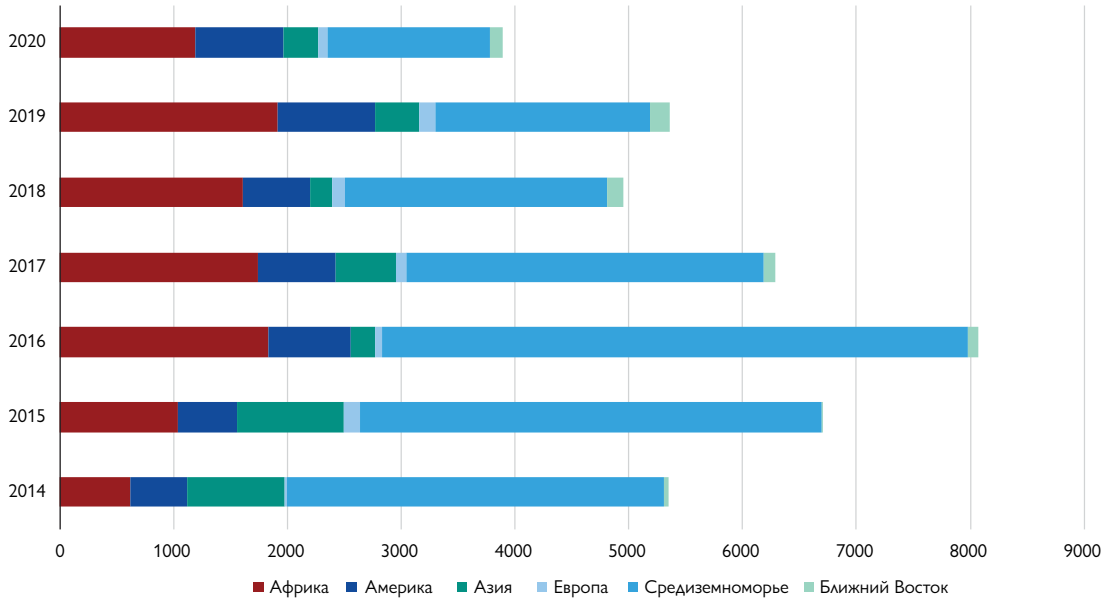
15 McAuliffe et al., 2017.

16 См. https://missingmigrants.iom.int/.

17 МОМ, n.d.

В 2020 году было зарегистрировано самое низкое общее количество смертельных случаев за шесть лет сбора данных (около 3900) по сравнению с предыдущим 2019 годом, когда было зарегистрировано почти 5400 случаев (см. рис. 6). Снижение смертности в период 2019 и 2020 годов отчасти отражает ограничения в отношении мобильности, введенные из-за пандемии COVID-19. Вполне вероятно, что в 2021 году также будет зафиксировано снижение числа смертей в целом, поскольку во всем мире будут сохраняться ограничения на поездки. Всего в период с 2014 по 2020 год в Средиземном море произошло наибольшее количество смертельных происшествий, унесших жизни более 21 200 человек. В 2020 году Средиземное море по-прежнему оставалось местом с самым высоким известным числом случаев гибели людей во время миграции, где было зарегистрировано более 1460 смертельных случаев. Согласно тенденции, наблюдавшейся в течение предыдущих шести лет, более высокая доля случаев гибели людей приходилась на «Центральный средиземноморский маршрут»[18].

Рисунок 6. Число погибших мигрантов в разбивке по регионам, 2014–2020 годы



Источник: MOM, n.d. (дата доступа: 20 сентября 2021 года).
Примечание: Данные включают зарегистрированные случаи смерти, а также сообщения о числе пропавших без вести. Подробную информацию о методологии и географических регионах см. на веб-странице проекта «Пропавшие без вести мигранты» (https://missingmigrants.iom.int/).

Проект «Пропавшие без вести мигранты» сталкивается с заметными вызовами при сборе данных. Например, большинство зарегистрированных случаев смерти касаются людей, путешествующих нелегальными маршрутами, которые часто проходят в море или в отдаленных районах (во избежание обнаружения), а это означает, что останки часто не находят. Немногие официальные источники собирают и публикуют данные о гибели мигрантов. Полагаться на показания других таких же мигрантов и источников в средствах массовой информации может быть проблематичным из-за неточностей и неполного освещения. Тем не менее проект проливает свет на ранее малоизученную и игнорировавшуюся тему, подчеркивая необходимость решения этой сохраняющейся трагической проблемы, в том числе в контексте осуществления Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции.

18 Там же.

Последствия COVID-19 для мобильности

Пандемия COVID-19 стала самой серьезной за столетие за счет сочетания высокой интенсивности передачи, многообразия штаммов вируса и тяжести заболевания, вытесняя политиков в ранее неизведанное пространство. В то время как основное внимание всегда уделялось реагированию на глобальный кризис в сфере здравоохранения (например, тестированию на вирус, лечению заболеваний, разработке вакцин и программированию вакцинации), часть ответных мер включала кардинальные изменения в свободе передвижения людей повсюду в мире, что в очередь оказало огромное влияние на глобальную мобильность людей. Отсутствие мобильности, связанное с COVID-19, стало «великим разрушителем» миграции[19].

Правительства повсюду в мире внедряли различные меры для ограничения распространения вируса, и с начала 2020 года был введен ряд ограничений, которые со временем эволюционировали. Появились новые наборы данных для отслеживания мер политики реагирования в глобальном масштабе, такие как база данных Системы отслеживания реагирования правительств на COVID-19 Оксфордского университета[20], которая зафиксировала широкий спектр ответных мер правительств по всему миру, включая требования «оставаться дома», закрытие рабочих мест, закрытие школ, ограничения на собрания, ограничения на внутренние передвижения внутри страны и меры контроля за международными поездками. Кроме того, МОМ начала отслеживать глобальные ограничения на поездки в начале пандемии, опираясь на ряд данных и сообщая о результатах через свою панель мониторинга воздействия COVID-19 на мобильность[21]. См. дополнительные данные, исследования и анализ в тематической главе 5 доклада, посвященной воздействию COVID-19.

Некоторые страны, такие как Израиль, Катар, Нигерия, Новая Зеландия, Сальвадор и Сингапур, быстро ввели значительные ограничения на международные поездки (к началу марта 2020 года), в то время как другие приняли меры спустя недели или месяцы[22]. Некоторые страны полностью прекратили въезд иностранных граждан, другие запретили въезд гражданам определенных стран, а определенные страны полностью закрыли границы, чтобы остановить выезд и въезд всех людей, включая своих собственных граждан[23]. Некоторые страны также ввели карантинные меры, требующие, чтобы пассажиры, въезжающие в страну, сразу по прибытии помещались в карантин в течение минимального периода времени (обычно от 10 до 14 дней).

В целом меры по ограничению поездок в связи с COVID-19 — как внутренних, так и международных — были быстро введены в действие подавляющим большинством стран мира, и их пик пришелся на конец марта — начало апреля 2020 года (см. рис. 7). Хотя в начале пандемии преимущественно вводились ограничения на международные поездки, в первые недели применялось большее разнообразие мер контроля (включая предварительные проверки), что, вероятно, было обусловлено стремлением правительств оценить серьезность кризиса в период чрезвычайной неопределенности. Как только серьезность COVID-19 стала очевидной, количество как международных, так и внутренних ограничений на поездки резко возросло.

19 McAuliffe, 2020.

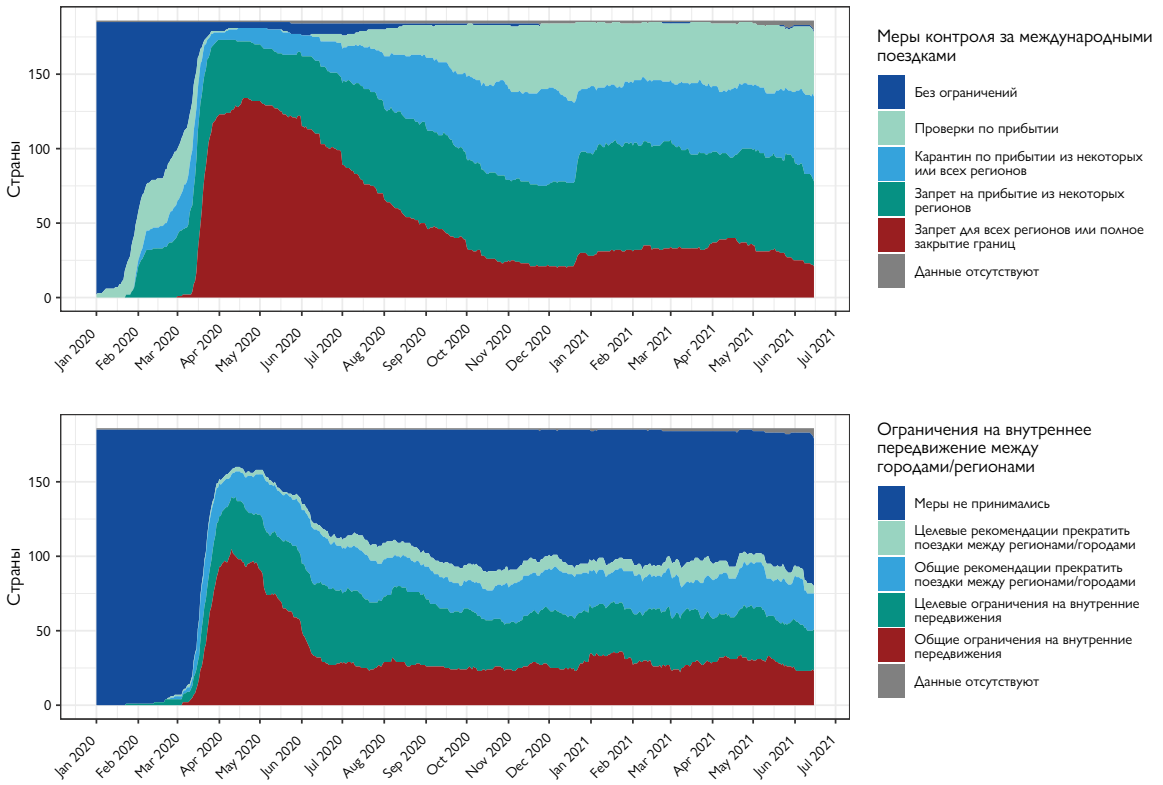
20 Hale et al., 2021.

21 См. https://migration.iom.int/.

22 Hale et al., 2021.

23 МОМ, 2020b; *Al Jazeera*, 2020.

Рисунок 7. Меры контроля за международными и внутренними поездками в связи с COVID-19: январь 2020 года – июнь 2021 года, все страны



Источник: Hale et al., 2021.

Примечания: Используемые категории взяты из Системы отслеживания реагирования правительств Оксфордского университета; категории, включенные в набор данных, предназначены только для ограничений, связанных с COVID-19, и не отражают другие ограничения на поездки, которые также могут действовать, например, связанные с визовыми ограничениями, запретами на въезд на основании гражданства, ограничениями на выезд/выезд и внутренние передвижения.

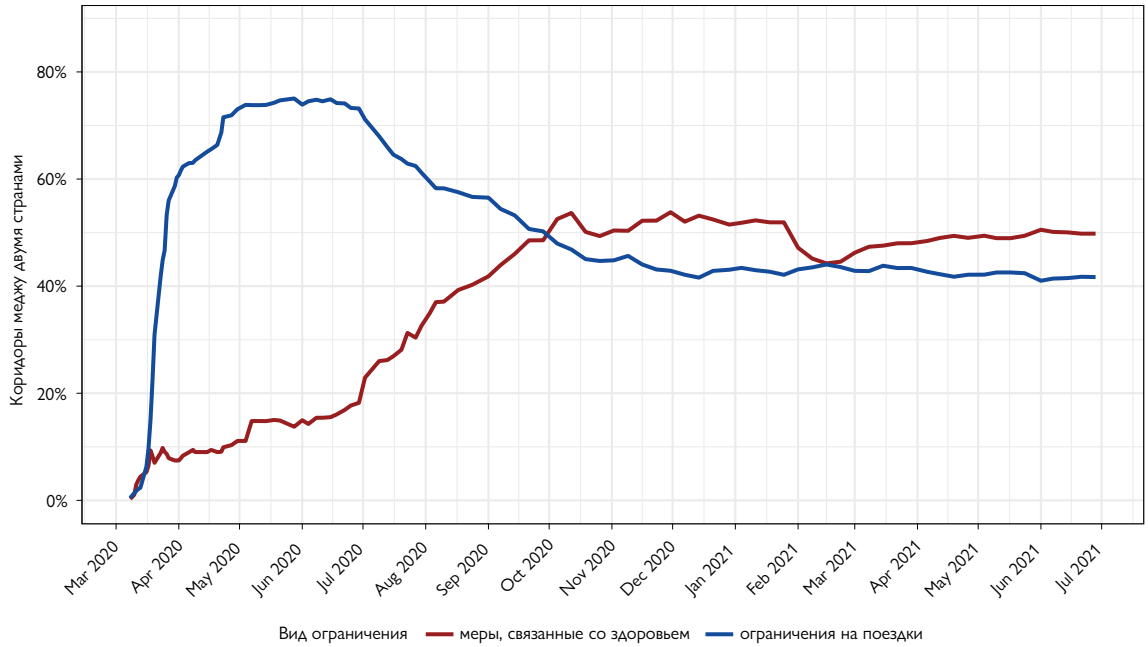
Различия в эволюции ограничений можно увидеть на рисунке 7, который показывает, что некоторые ограничения на международные поездки, связанные с COVID-19, оставались в силе во всех странах мира даже через год после объявления пандемии Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) 10 марта 2020 года[24]. Внутренние ограничения, напротив, со временем ослабли. Тем не менее из этих данных можно выделить три ключевых момента:

- хотя во всех странах имеются те или иные ограничения на международные поездки, существует сочетание проверок, карантина и запретов (полных/конкретных);
- через год после начала пандемии более чем в половине всех стран действовали запреты на поездки (полные или конкретные); и
- через год после начала пандемии более трети всех стран ввели внутренние ограничения на поездки.

24 ВОЗ, 2020.

При анализе эволюции связанных с COVID-19 ограничений на международные поездки с течением времени можно выявить, что ограничения на поездки/пересечение границ и меры, связанные со здоровьем, изменились по мере разработки и развертывания технологий и логистических возможностей по поддержке мер в сфере здравоохранения. Предварительное тестирование, карантин и въезд с предъявлением сертификатов о вакцинации, внедряемые в разных странах, привели к тому, что в октябре 2020 года ограничения на поездки были вытеснены мерами, связанными с состоянием здоровья.

Рисунок 8. Меры в отношении международных поездок, связанные с COVID-19: март 2020 года – июль 2021 года, все страны

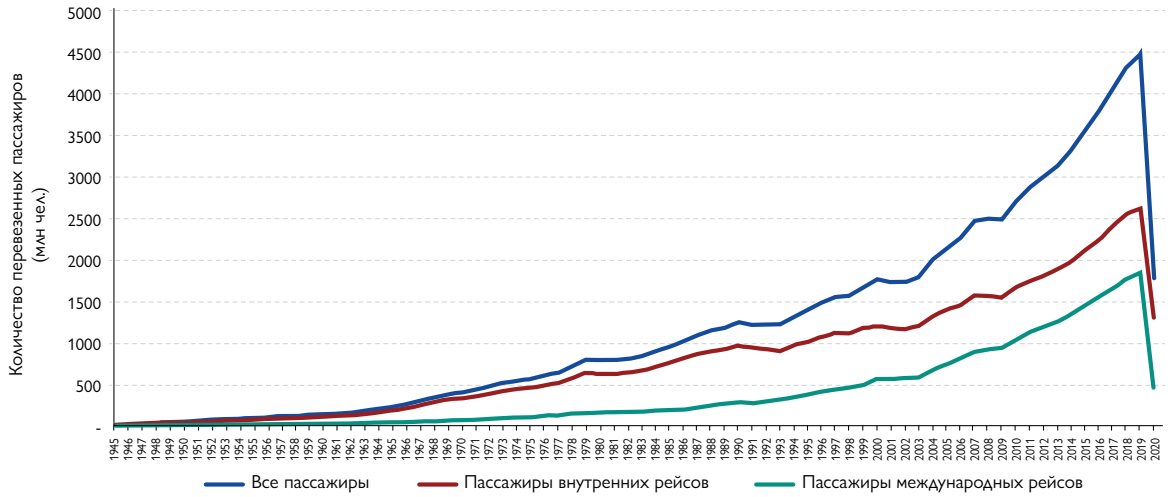


Источник: MOM, 2021a.

Примечания: Этот анализ охватывает только страны (но не территории). Меры, связанные со здоровьем, включают медицинский осмотр и мониторинг, тестирование/медицинские справки и карантинные меры. Ограничения на поездки включают ограничения в отношении пассажиров на основании гражданства или прибытия из определенного географического места. Дополнительную информацию о методологии см. на странице МОП, посвященной ограничениям на мобильность.

Влияние связанных с COVID-19 ограничений на поездки становится очевидным при изучении данных о пассажирах авиарейсов. Из долгосрочных данных о пассажирах явствует, что в 2020 году ограничения на поездки из-за COVID-19 оказали серьезное влияние как на международные, так и на внутренние авиаперевозки. Общее количество перевезенных авиапассажиров сократилось на 60%: от около 4,5 млрд человек в 2019 году до 1,8 млрд человек в 2020 году (рис. 9).

Рисунок 9. Авиапассажирские перевозки по всему миру, 1945–2020 годы



Источник: ICAO, 2021.

В целом мы видим, что COVID-19 оказал серьезное воздействие на поездки и, следовательно, на миграцию, при этом ограничения остаются в силе дольше, чем многие ожидали, отчасти из-за проблем, связанных с новыми штаммами вируса и набегающими «волнами» инфекций. Долгосрочные последствия еще предстоит полностью понять, но анализ, изложенный в главе 5, указывает на трансформацию миграции и мобильности в нескольких ключевых областях.

COVID-19 и мигранты в затруднительном положении

Ограничения на мобильность, введенные во время пандемии COVID-19, создали крупные проблемы для некоторых мигрантов и усугубили их уязвимость. Из-за закрытия границ тысячи мигрантов, в том числе сезонные рабочие, лица, временно проживающие в стране, иностранные студенты, мигранты, путешествующие ради получения медицинской помощи, бенефициары помощи в добровольном возвращении и реинтеграции, моряки и другие лица, оказались в затруднительном положении.

К середине 2020 года из-за ограничений, связанных с пандемией, за пределами своих стран застряли почти 3 млн человек, большинство из которых ранее часто совершали поездки, такие как трудящиеся-мигранты, студенты и туристы. Многие из этих путешественников остались без консульских услуг, в том числе без помощи в отношении их правового статуса в стране, а у некоторых даже не было достаточно денег для еды и крова. Большинство из них застряли в странах Ближнего Востока и Северной Африки (около 1,3 млн человек) и в меньшем количестве в странах Азии и Тихоокеанского региона (около 977 000 человек).

Конкретные проблемы, с которыми сталкивались эти мигранты, существенно различались, как и их обстоятельства, но в целом делились на две категории. В первую очередь возникли вопросы, связанные с передвижением. Они были обусловлены отсутствием мобильности, возникшим в результате введения чрезвычайных ограничений на перевозки и передвижения. Другими важными вызовами были расходы и логистика, связанные с возвращением домой. Кроме того, отсутствие сотрудничества между странами происхождения, назначения и транзита еще больше усугубило проблемы с передвижением.

Во-вторых, имелись факторы уязвимости, связанные с миграционным статусом мигрантов. Статус может исключать возможность государственной поддержки, что подвергает людей риску или ставит в условия крайней нищеты. К другим факторам уязвимости относятся ксенофобия и стигматизация, бедственное положение в море и повышенный риск для здоровья тех, кто живет в переполненных приютах, и/или тех, кто не имеет доступа к программам вакцинации против COVID-19.

Источники: MOM, 2020c; Benton et al., 2021.

Трудящиеся-мигранты

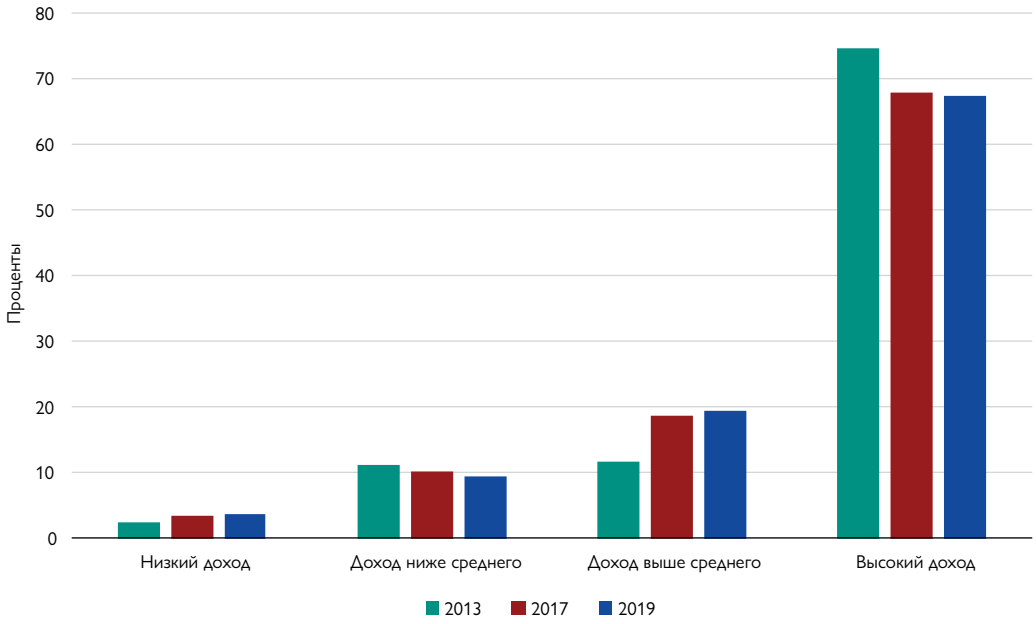
Согласно последним из имеющихся оценок в 2019 году в мире насчитывалось около 169 млн трудящихся-мигрантов, что составляло почти две трети (62%) от общего контингента международных мигрантов в количестве (в то время) 272 млн человек[25]. Стоит отметить, что эти оценки предшествуют пандемии COVID-19, которая во многом повлияла на международную трудовую миграцию, хотя и обеспечивают ориентир, по которому можно будет оценивать последствия COVID-19 в будущем[26]. Сопоставление с общей численностью международных мигрантов трудоспособного возраста, а именно в возрасте 15 лет и старше (245,6 млн человек), обнаруживает, что среди них доля трудящихся-мигрантов составляет 68,8%.

В 2019 году в странах с высоким уровнем дохода проживали 67% трудящихся-мигрантов, или примерно 113,9 млн человек. Еще 49 млн трудящихся-мигрантов (29%) проживали в странах со средним уровнем дохода, а 6,1 млн (3,6%) — в странах с низким уровнем дохода. Хотя мы не можем сравнивать количество трудящихся-мигрантов в разные промежутки времени, полезно изучить изменения в пропорциональном распределении. Концентрация международных трудящихся-мигрантов в странах с уровнем дохода выше среднего и высоким доходом оставалась стабильной на уровне 86,4% в 2013 году, 86,5% в 2017 году и 86,9% в 2019 году. Однако в этих двух категориях с течением времени произошли заметные изменения; а именно: с 2013 по 2019 год в странах с высоким уровнем дохода наблюдалось снижение числа трудящихся-мигрантов на 7,3 процентных пункта (с 74,7% до 67,4%), в то время как в странах с уровнем дохода выше среднего отмечалось увеличение на 7,8 процентных пункта (с 11,7% до 19,5%) (см. рис. 10). Возможно, на этот явный сдвиг повлиял экономический рост в странах со средним уровнем дохода и/или повлияли изменения в предписаниях, регулирующих трудовую иммиграцию в странах с высоким уровнем дохода. Среди групп стран, различаемых по уровню дохода, доля трудящихся-мигрантов в общей рабочей силе была довольно малой в странах с низким уровнем дохода (2,3%) и в странах с уровнем дохода ниже и выше среднего (1,4% и 2,2% соответственно), но намного выше в странах с высоким уровнем дохода (18,2%).

25 Содержание этого подраздела основано на данных, приведенных в МОТ, 2021, и заимствовано из этого источника. В отношении пояснительных примечаний, более глубокого анализа, ограничений и оговорок, связанных с представленными цифрами и тенденциями, просьба ознакомиться с этим документом. В более общем плане информацию о занятости в странах ОЭСР работников, родившихся за границей, можно найти в ОЭСР, n.d.b.

26 См., например, МОТ, 2021.

Рисунок 10. Трудящиеся-мигранты в разбивке по странам назначения с разным уровнем дохода, 2013, 2017 и 2019 годы



Источник: МОТ, 2018; МОТ, 2021.

В 2019 году число трудящихся-мигрантов мужского пола превысило число трудящихся-мигрантов женского пола на 28,8 млн человек при наличии 98,9 млн мужчин (58,5%) и 70,1 млн женщин (41,5%) , причем среди международных мигрантов трудоспособного возраста было больше мужчин (128 млн, или 52,1%, по сравнению с 117,6 млн, или 47,9% женщин). Это представляет собой незначительный сдвиг в сторону углубления гендерной дифференциации трудящихся-мигрантов в сравнении с 2013 годом, когда доля мужчин среди трудящихся-мигрантов составляла 55,7%, а женщин – 44,3%. См. таблицу 2 для дальнейшей разбивки по уровню дохода и полу.

Таблица 2. Трудящиеся-мигранты в разбивке по полу и странам назначения с разным уровнем дохода, 2019 год

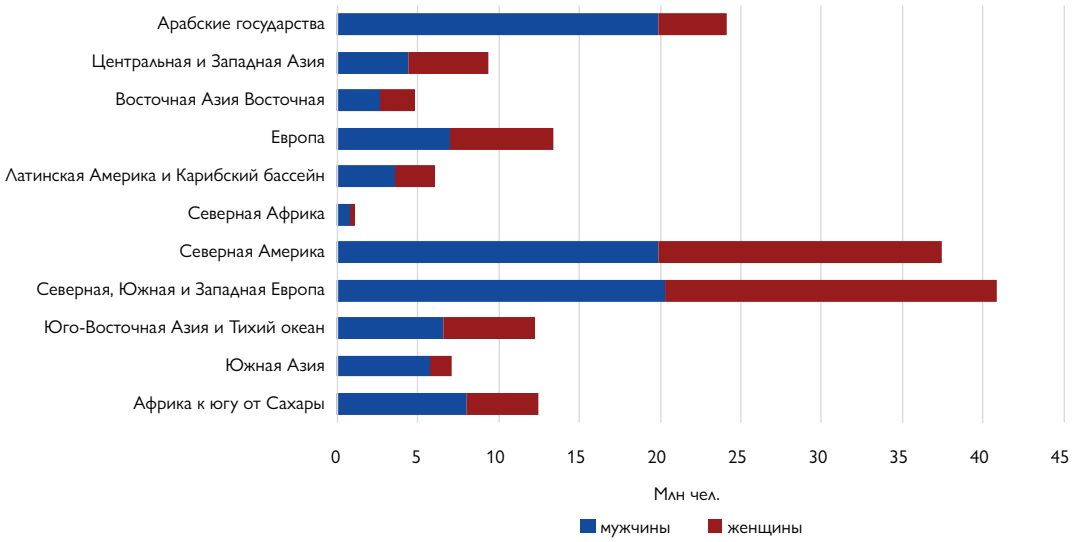
	Трудящиеся-мигранты (млн чел.)			Доля всех трудящихся-мигрантов (%)		
	М	**Ж**	Всего	**М**	**Ж**	Всего
Низкий доход	3,7	2,4	6,1	2,2	1,4	3,6
Доход ниже среднего	10,5	5,6	16,0	6,2	3,3	9,5
Доход выше среднего	19,5	13,5	33,0	11,5	8,0	19,5
Высокий доход	65,3	48,5	113,9	38,6	28,7	67,4
Итого	**98,9**	**70,1**	**169,0**	**58,5**	**41,5**	**100,0**

Источник: МОТ, 2021.

Как явствует из этих данных, в настоящее время контингент международных трудовых мигрантов характеризуется как гендерной дифференциацией, так и географической концентрацией. Во всем мире гораздо больше трудящихся-мигрантов мужского пола, чем женского пола (см. таблицу 2), причем гендерный состав этого контингента отличается значительным преобладанием мужчин в странах с низким уровнем дохода и с доходом ниже среднего, что контрастирует с гендерным распределением трудящихся-мигрантов в странах с высоким уровнем дохода.

Что касается географического распределения, то, как показано на рисунке 11 ниже, 102,4 млн человек , или почти 61% всех трудящихся-мигрантов, проживают в трех субрегионах: Северной Америке; арабских государствах; и Северной, Южной и Западной Европе[27]. Следует отметить, что среди трудящихся-мигрантов резкий гендерный дисбаланс наблюдается в двух регионах: Южной Азии (5,7 млн мужчин по сравнению с 1,4 млн женщин) и в арабских государствах (19,9 млн мужчин по сравнению с 4,2 млн женщин). Регион арабских государств является одним из главных направлений для трудящихся-мигрантов, где они составляют 41,4% от всего работающего населения, часто доминируя в ключевых секторах.

Рисунок 11. Географическое распределение трудящихся-мигрантов в разбивке по полу (млн чел.), 2019 год



Источник: МОТ, 2021.

Примечание: Рисунок отражает географические регионы и субрегионы МОТ и не означает официального одобрения или признания со стороны МОМ. В отношении дополнительной информации о региональных разбивках просьба ознакомиться с приложением A в (МОТ, 2021. Просьба учесть, что в остальной части этой главы содержатся ссылки на географические регионы ДЭСВ ООН.

27 По классификации МОТ, категория «арабские государства» включает следующие страны и территории: Бахрейн, Иордания, Ирак, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовская Аравия, Сирийская Арабская Республика и палестинские территории.

Программы помощи в добровольной репатриации и реинтеграции МОМ

МОМ осуществляет программы помощи в добровольной репатриации и реинтеграции (ПДРР) с 1979 года. Поддержка, оказываемая МОМ мигрантам в рамках ПДРР, состоит из целого ряда мероприятий, которые обычно включают в себя: предоставление консультаций перед отъездом, покупку авиабилетов, административную помощь и помощь в поездках и, где это возможно, оказание помощи в реинтеграции.

В 2005-2014 годы МОМ в рамках ПДРР оказывала помощь в среднем 34 000 мигрантам в год. В последние годы в связи с расширением миграции количество возвращений увеличивалось (вплоть до начала пандемии COVID-19). В 2019 году поддержку по линии ПДРР получили 64 958 мигрантов, вернувшихся из 136 принимающих или транзитных стран в 164 страны или территории происхождения. Однако в 2020 году этот показатель резко снизился из-за COVID-19. В течение 2020 года поддержка по линии ПДРР была предоставлена 42 181 мигранту (15 149 в первом квартале, 2 588 во втором квартале, 10 521 в третьем квартале и 13 923 в четвертом квартале), вернувшимся из 139 принимающих или транзитных стран или территорий (из 88 в первом квартале, 41 во втором квартале, 84 в третьем квартале и 122 в четвертом квартале) в 150 стран или территорий происхождения (в 136 в первом квартале, 70 во втором квартале, 110 в третьем квартале и 132 в четвертом квартале).

Источники: МОМ, 2020d; МОМ, 2020e; МОМ, 2002f.

Международные денежные переводы

Переводы - это финансовые или натуральные трансферты, осуществляемые мигрантами непосредственно семьям или общинам в странах их происхождения. Всемирный банк собирает глобальные данные о международных денежных переводах, несмотря на многочисленные пробелы в данных, различия в определениях и методологические проблемы при составлении точных статистических данных[28]. Однако его данные не отражают незарегистрированные потоки через формальные или неформальные каналы и фактическую величину глобальных денежных переводов, в связи с чем она, вероятно, больше имеющихся оценок[29]. Этот вопрос вышел на первый план во время пандемии в 2020 году после гораздо более позитивного результата для международных потоков денежных переводов, вопреки первоначальным мрачным прогнозам; отчасти это произошло из-за перехода от неформальных каналов к формальным, среди прочего, в ответ на ограничения в связи с COVID-19, повлекшие за собой отсутствие мобильности (см. текстовую вставку ниже)[30]. Несмотря на эти проблемы, доступные данные отражают долгосрочную тенденцию к увеличению международных денежных переводов в последние годы: со 128 млрд долл. США в 2000 году до 702 млрд долл. США в 2020 году.

Несмотря на первоначальный прогноз о 20-процентном общемировом сокращении международных денежных переводов в 2020 году (сделанный в апреле того же года)[31], годовые данные показывают, что

28 Если не указано иное, содержание большей части этого подраздела основано на данных Всемирного банка о миграции и денежных переводах и заимствовано из этого источника (Всемирный банк, n.d.). В частности, использованы такие основные источники информации, как наборы данных Всемирного банка о ежегодных денежных переводах (там же), *Аналитическая записка по миграции и развитию 34* (Ratha et al., 2021) и его пресс-релиз от 12 мая (Всемирный банк, 2021a). Для ознакомления с пояснительными примечаниями, более глубоким анализом, предостережениями, ограничениями и методологиями, связанными с представленными цифрами и тенденциями, просьба обратиться к этим источникам, а также к *Информационным бюллетеням Всемирного банка по миграции и развитию*, включая последний из них, опубликованный в 2016 году.

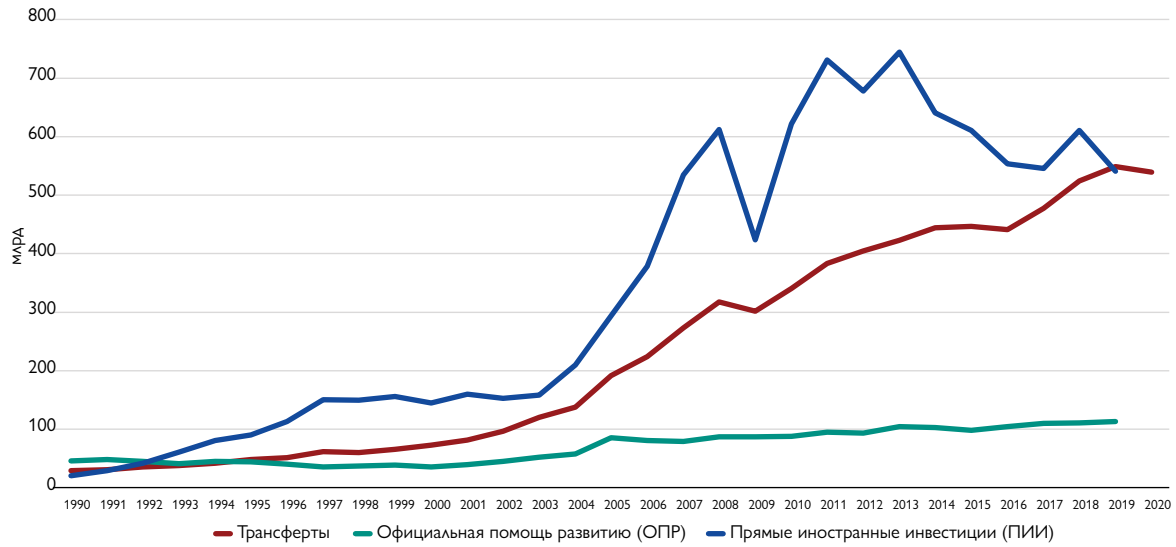
29 Всемирный банк, 2016.

30 МВФ, 2020; МОМ, 2020g; МОМ, 2020h; МОМ, 2020i; МОМ, 2021b.

31 Ratha et al., 2020a.

в 2020 году во всем мире произошло лишь небольшое снижение объема денежных переводов (на 2,4%) до 702 млрд долл. США по сравнению с 719 млрд долл. США в 2019 году. Однако до 2020 года три года подряд наблюдался рост: с 2016 по 2019 год глобальные (входящие) потоки денежных переводов увеличились примерно на 7,2%, то есть с 597 млрд долл. США в 2016 году до 640 млрд долл. США в 2017 году, а в 2017-2018 годах - на 8,4% (с 640 млрд долл. США до 694 млрд долл. США) и в 2018-2019 годах на 3,6% (с 694 млрд долл. США до 719 млрд долл. США) соответственно. В соответствии с этой тенденцией денежные переводы в страны с низким и средним уровнем дохода (на которые приходится большая часть общемирового объема) сократились с 548 млрд долл. США в 2019 году до 540 млрд долл. США в 2020 году после положительной тенденции с 2016 по 2018 год, когда они увеличились с 441 млрд долл. США в 2016 году до 478 млрд долл. США в 2017 году и до 524 млрд долл. США в 2018 году. С середины 1990-х годов объем международных денежных переводов значительно превысил уровень официальной помощи в целях развития, определяемой как государственная помощь, направленная на содействие экономическому развитию и повышению благосостояния развивающихся стран (см. рис. 12 ниже)[32].

Рисунок 12. Потоки международных денежных переводов в страны с низким и средним уровнем дохода (1990–2020 годы)



Источник: Всемирный банк, n.d. (дата доступа: июнь 2021 года).
Примечание: Все величины приведены в млрд долл. США по текущему (номинальному) курсу.

В 2020 году Индия, Китай, Мексика, Филиппины и Египет были (в порядке уменьшения) пятью ведущими странами-получателями денежных переводов, хотя Индия и Китай значительно опережали остальных по их объему, при этом общий размер входящих денежных переводов превысил 59 млрд долл. США для каждой страны (см. таблицу 3). В 2020 году, как и с 2005 года, страны Группы 7 Франция и Германия оставались в первой десятке стран-получателей в мире (см. таблицу 3). Следует, однако, отметить, что большая часть притоков представляет собой не трансферты домохозяйств, а переводы из заработной плате трансграничных работников, которые работают в Швейцарии, проживая во Франции или Германии[33].

32 См., например, документ ОЭСР, n.d.c, где содержатся также данные об официальной помощи в целях развития. Растет количество исследований, в которых рассматриваются последствия для развития и социально-экономические последствия этой тенденции.

33 Eurostat, 2020.

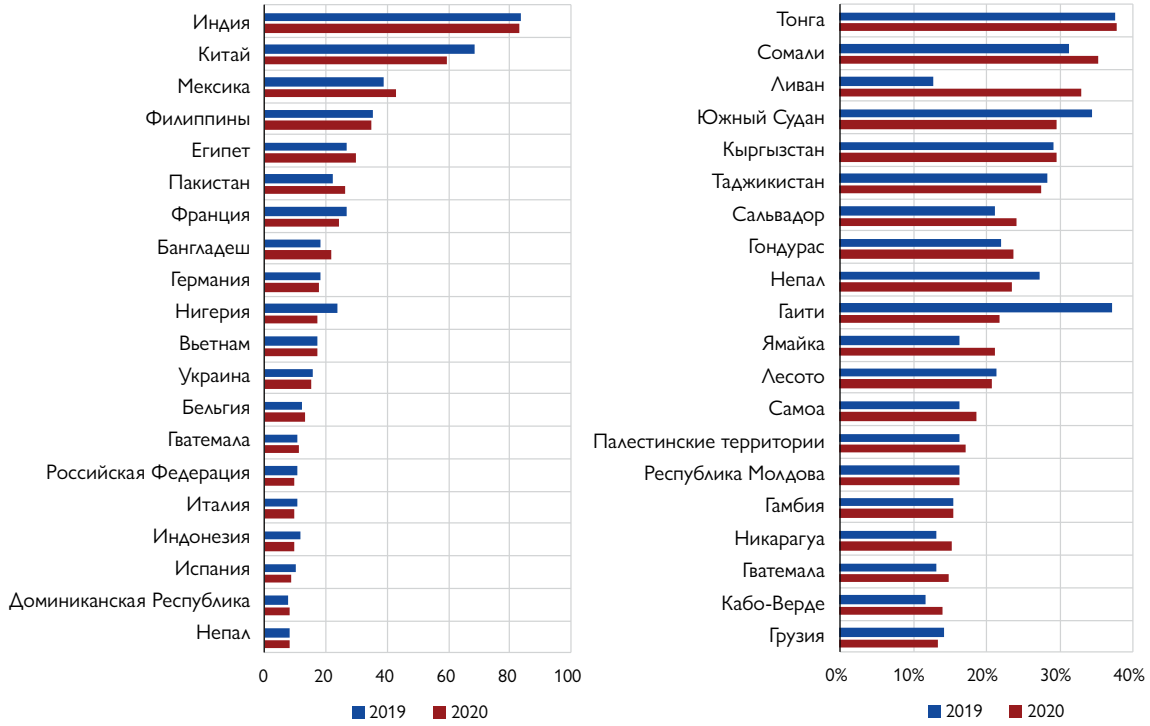
Таблица 3. 10 ведущих стран-получателей/отправителей денежных переводов (2005–2020 годы) (в млрд долл. США по текущему курсу)

Ведущие страны-получатели денежных переводов							
2005		2010		2015		2020	
Китай	23,63	Индия	53,48	Индия	68,91	Индия	83,15
Мексика	22,74	Китай	52,46	Китай	63,94	Китай	59,51
Индия	22,13	Мексика	22,08	Филиппины	29,80	Мексика	42,88
Нигерия	14,64	Филиппины	21,56	Мексика	26,23	Филиппины	34,91
Франция	14,21	Франция	19,90	Франция	24,07	Египет	29,60
Филиппины	13,73	Нигерия	19,74	Нигерия	20,63	Пакистан	26,11
Бельгия	6,88	Германия	12,79	Пакистан	19,31	Франция	24,48
Германия	6,86	Египет	12,45	Египет	18,33	Бангладеш	21,75
Испания	6,66	Бельгия	10,99	Германия	15,58	Германия	17,90
Польша	6,47	Бангладеш	10,85	Бангладеш	15,30	Нигерия	17,21
Ведущие страны-отправители денежных переводов							
2005		2010		2015		2020	
Соединенные Штаты	47,75	Соединенные Штаты	50,53	Соединенные Штаты	60,72	Соединенные Штаты	68,00
Саудовская Аравия	14,30	Саудовская Аравия	27,07	Объединенные Арабские Эмираты	40,70	Объединенные Арабские Эмираты	43,24
Германия	12,71	Российская Федерация	21,45	Саудовская Аравия	38,79	Саудовская Аравия	34,60
Швейцария	10,86	Швейцария	18,51	Швейцария	26,03	Швейцария	27,96
Соединенное Королевство	9,64	Германия	14,68	Российская Федерация	19,69	Германия	22,02
Франция	9,47	Италия	12,88	Германия	18,25	Китай	18,12
Республика Корея	6,90	Франция	12,03	Кувейт	15,20	Российская Федерация	16,89
Российская Федерация	6,83	Кувейт	11,86	Франция	12,79	Франция	15,04
Люксембург	6,74	Люксембург	10,66	Катар	12,19	Люксембург	14,20
Малайзия	5,68	Объединенные Арабские Эмираты	10,57	Люксембург	11,19	Нидерланды	13,92

Источник: Всемирный банк, n.d. (дата доступа: июнь 2021 года).
Примечание: Все величины приведены в млрд долл. США по текущему (номинальному) курсу.

Единого мнения о том, как можно определить «чрезмерную зависимость» от международных денежных переводов, не существует, но зависимость от денежных переводов в основном измеряется как отношение денежных переводов к валовому внутреннему продукту (ВВП). В настоящее время существует 29 стран (из 177 стран, о которых имеются сведения), где соотношение денежных переводов к ВВП превышает 10 процентов. В первую пятерку стран-получателей денежных переводов по доле от ВВП в 2020 году вошли Тонга (37,7%), затем Сомали (35,3%), Ливан (32,9%), Южный Судан (29,5%) и Кыргызстан (29,4%). Хотя многие страны в 2020 году сохранили тот же уровень, что и в 2019 году, доля от ВВП в Ливане утроилась, поскольку его ВВП резко упал в 2020 году. Напротив, доля экономики денежных переводов Гаити в ВВП сократилась вдвое из-за ограниченного доступа к местной валюте и, возможно, роста стоимости трансфертов. Сильная зависимость от денежных переводов может культивировать культуру иждивенчества в принимающей стране, потенциальное снижение уровня участия в рабочей силе и замедление экономического роста[34]. Излишняя зависимость от денежных переводов также делает экономику более уязвимой к внезапным изменениям в поступлениях денежных переводов[35].

Рисунок 13. 20 ведущих стран/территорий-получателей международных денежных переводов по общей сумме в млрд долл. США (слева) и доле в ВВП (справа), 2019–2020 годы

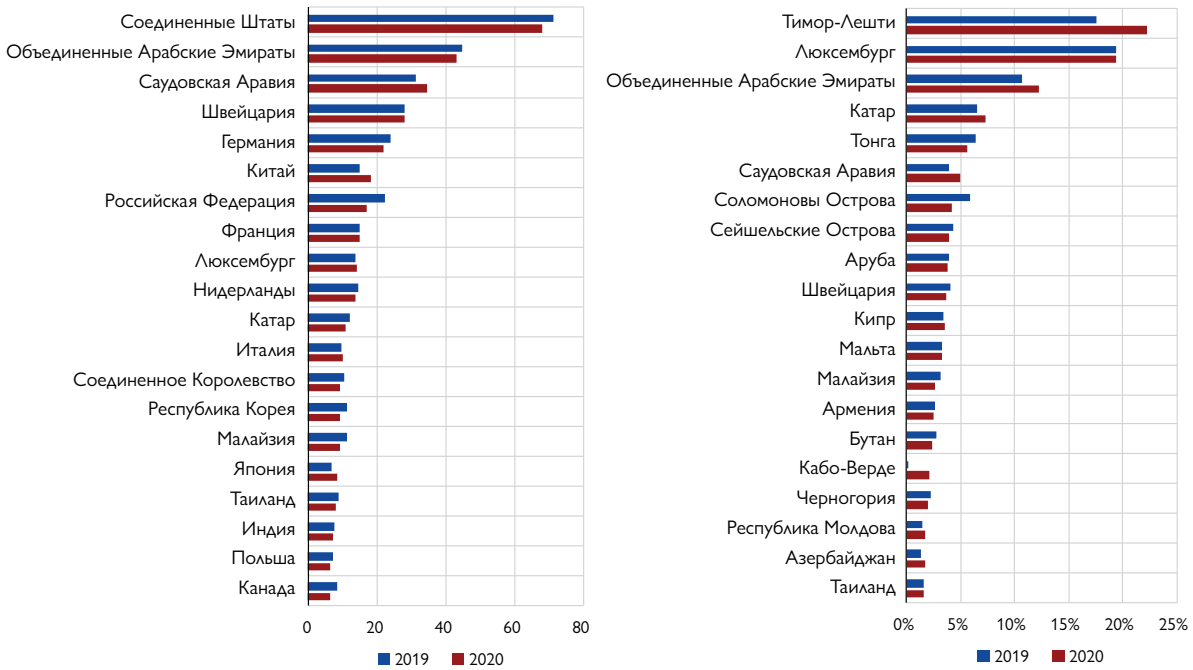


Источник: Всемирный банк, n.d. (дата доступа: июнь 2021 года).
Примечание: Все величины приведены в млрд долл. США по текущему (номинальному) курсу. Йемен не включен, поскольку данные о денежных переводах не обновлялись.

34 Amuedo-Dorantes, 2014.
35 Ghosh, 2006.

Страны с высоким уровнем дохода почти всегда являются основным источником международных денежных переводов. На протяжении десятилетий Соединенные Штаты неизменно были страной, отправляющей больше всего денежных переводов в мире, с общим оттоком в размере 68 млрд долл. США в 2020 году, за которыми следуют Объединенные Арабские Эмираты (43,24 млрд долл. США), Саудовская Аравия (34,60 млрд долл. США) и Швейцария (27,96 млрд долл. США). Пятой страной-отправителем по объему денежных переводов как в 2019, так и в 2020 году была Германия (с общим оттоком в размере 23,94 млрд долл. США и 22,02 млрд долл. США соответственно). Помимо своей роли основного получателя, Китай (классифицированный Всемирным банком как страна с уровнем дохода выше среднего) также был важным источником международных денежных переводов: 15,14 млрд долл. США в 2019 году и 18,12 млрд долл. США в 2020 году.

Рисунок 14. 20 ведущих стран-отправителей международных денежных переводов по общей сумме в млрд долл. США (слева) и доле в ВВП (справа), 2019–2020 годы



Источник: Всемирный банк, n.d. (дата доступа: июнь 2021 года)
Примечание: Все величины приведены в млрд долл. США по текущему (номинальному) курсу.

COVID-19, международные денежные переводы и цифровизация

В течение 2020 года многие аналитики по всему миру внимательно следили за последней информацией и анализом, чтобы понять воздействие последствий COVID-19 для миграции и мобильности на международные денежные переводы[a]. На протяжении 2020 года данные о денежных переводах из нескольких стран не соответствовали прогнозам Всемирного банка о значительном глобальном сокращении денежных переводов, при этом некоторые страны сообщали о рекордном ежемесячном притоке после середины 2020 года.

Согласно докладу Всемирного банка за май 2021 года[b], во время кризиса COVID-19 потоки денежных переводов оказались устойчивыми. В 2020 году официально зарегистрированные потоки денежных переводов достигли размера 702 млрд долл. США, что всего на 2,4% ниже 719 млрд долл. США в 2019 году, и это полностью противоречит предыдущим оценкам (572 млрд долл. США в апреле 2020 года[c] и 666 млрд долл. США в октябре 2020 года[d]).

Наряду с мерами политики, направленными на поддержку денежных переводов и улучшение экономических условий, переход от неформальных каналов (таких как перевозка наличных через границу) к более формальным каналам за счет усиления цифровизации финансовых переводов, по-видимому, является одним из наиболее важных факторов, объясняющих более медленное, чем ожидаемое снижение потоков денежных переводов. Таким образом, официальные данные, скорее всего, будут отражать больше денежных переводов, даже если истинный размер общих международных денежных переводов (официальных и неофициальных) мог сократиться. Например, в Мексике потоки денежных переводов перешли от неформальных к формальным каналам, поскольку в 2020 году пересечение границы было ограничено и единственным вариантом перевода денежных средств стали электронные трансферты[e].

Несколько стран приняли меры для поощрения использования цифровых услуг во время пандемии, а платформы мобильных денег сделали перевод денежных средств дешевле и быстрее, чем традиционные наличные банковские переводы. Благодаря мобильным деньгам денежные переводы стали более отслеживаемыми, что делает этот метод более безопасным, чем неофициальные каналы[f].

Однако стоимость отправки денежных переводов домой, особенно в странах Африки к югу от Сахары, по-прежнему остается высокой, несмотря на глобальные усилия по снижению стоимости международных денежных переводов, предпринимаемые с конца 2000-х годов. По состоянию на март 2021 года отправка денежных переводов по всему миру обходится в среднем в 6,38% от отправляемой суммы (задача ЦУР ООН - сократить ее стоимость до менее 3%), а ее общая стоимость в 26% коридоров между странами превышает 5% на человека (цель ЦУР ООН - достижение нулевых затрат в таких коридорах)[g].

COVID-19 может дать дополнительный толчок к использованию технологий для дальнейшего расширения каналов денежных переводов и снижения затрат.

a MOM, 2020g; MOM, 2020h; MOM, 2020i, MOM, 2021b.
b Ratha et al., 2021.
c Ratha et al., 2020a.
d Ratha et al., 2020b.
e Dinarte et al., 2021.
f Aron and Muellbauer, 2019.
g Всемирный банк, 2021b.

Беженцы и просители убежища

К концу 2020 года в мире насчитывалось в общей сложности 26,4 млн беженцев, из которых 20,7 млн человек подпадали под мандат УВКБ ООН и 5,7 млн беженцев были зарегистрированы Ближневосточным агентством Организации Объединенных Наций для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР)[36]. Общее количество беженцев является самым высоким за всю историю наблюдений, хотя с 2012 года ежегодные темпы его роста замедлились.

Кроме того, насчитывалось еще около 4,1 млн человек, стремившихся получить международную защиту и ожидавших определения своего статуса беженца, которых называют просителями убежища. В 2020 году были поданы в общей сложности 1,1 млн заявлений о предоставлении убежища. Это 45-процентное снижение по сравнению с 2 млн заявлений в предыдущем году представляет собой самое большое сокращение за один год с 2000 года, когда УВКБ начало глобально агрегировать просьбы о предоставлении убежища, и стало прямым результатом ограничений мобильности из-за COVID-19. Больше всего ходатайств о предоставлении убежища по-прежнему получили Соединенные Штаты: примерно 250 800 заявлений, что на 14% меньше, чем в предыдущем году (301 000 заявлений). Второе место заняла Германия с 102 600 новых ходатайств, что является заметным снижением по сравнению с 2019 годом (142 500 ходатайств) и самым низким показателем почти за 10 лет.

В конце 2020 года лица в возрасте до 18 лет составляли около 38% беженцев (8 млн из 20,7 млн беженцев, подпадающих под мандат УВКБ). В 2020 году несопровождаемые и разлученные с семьями несовершеннолетние (НРСН) подали около 21 000 индивидуальных ходатайств о предоставлении убежища, что меньше, чем 25 000 ходатайств в предыдущем году.

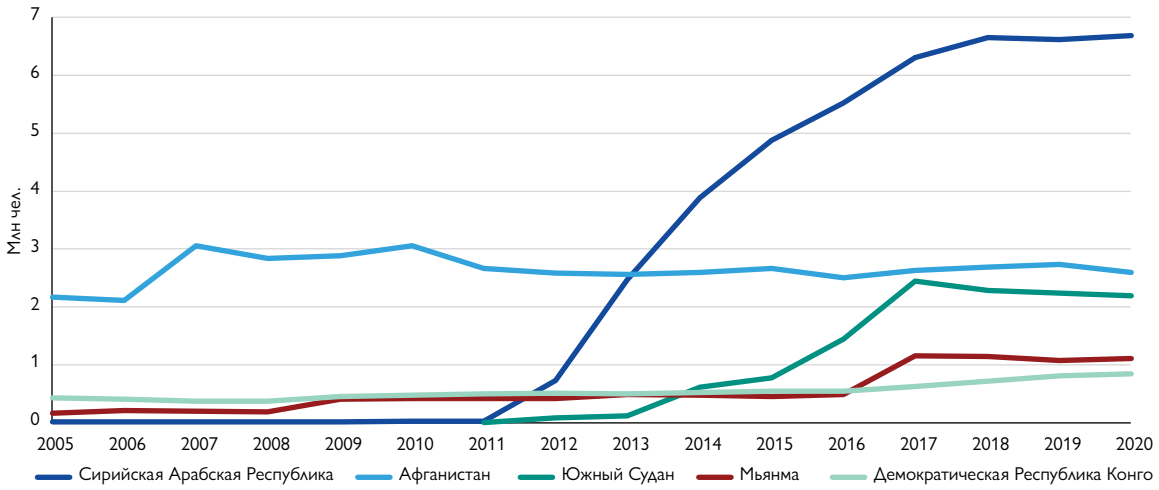
Как описывалось в предыдущих докладах, динамика неурегулированных или возобновленных конфликтов в ключевых странах существенно влияла на текущие цифры и тенденции. Из всех беженцев, подпадающих под мандат УВКБ на конец 2020 года, на 10 ведущих стран происхождения — Сирийская Арабская Республика, Афганистан, Южный Судан, Мьянма, Демократическая Республика Конго, Сомали, Судан, Центральноафриканская Республика, Эритрея и Бурунди – приходится более 80% от общего количества беженцев. Многие из этих стран лидировали среди стран происхождения как источники беженцев в течение по крайней мере семи лет.

В результате продолжающегося десятилетнего конфликта в Сирийской Арабской Республике число беженцев из этой страны достигло около 6,7 млн человек. Это примерно на 100 000 человек больше, чем в предыдущем году, ввиду чего она седьмой год подряд является ведущей страной происхождения беженцев. В Афганистане продолжаются нестабильность и насилие, в силу которых он является крупным источником беженцев на протяжении более 30 лет, а также занимает второе место в мире, будучи страной происхождения 2,6 млн беженцев в 2020 году; однако это меньше, чем в 2019 году (2,7 млн беженцев). Южный Судан оставался третьей по количеству беженцев страной происхождения, поскольку в итоге крупномасштабного насилия, захлестнувшего страну в середине 2016 года, на конец 2020 года беженцев насчитывалось 2,2 млн человек. Беженцы из Сирийской Арабской Республики, Афганистана, Южного Судана, Мьянмы и Демократической

36 Содержание этого подраздела основано на данных, приведенных в УВКБ, 2021a, и заимствовано из этого источника. Для ознакомления с пояснительными примечаниями, более глубоким анализом, оговорками, ограничениями и методологиями, связанными с представленными цифрами и тенденциями, просьба обратиться к этому документу. Другими важными источниками информации являются предыдущие доклады УВКБ серии «Глобальные тенденции», а также его База данных о статистике народонаселения (УВКБ, n.d.a).

Республики в Конго составляли более половины всех беженцев в мире. На рисунке 15 показаны тенденции в динамике численности беженцев в пяти основных странах происхождения с 2005 по 2020 год. Отчетливо иллюстрируется воздействие сирийского конфликта; в 2010 году Сирийская Арабская Республика была страной происхождения для менее чем 30 000 беженцев и просителей убежища, тогда как она же была третьей в мире принимающей страной для более чем одного миллиона беженцев, в основном выходцев из Ирака[37].

Рисунок 15. Число беженцев в разбивке по 5 ведущим странам происхождения, 2005-2020 годы (в млн человек)

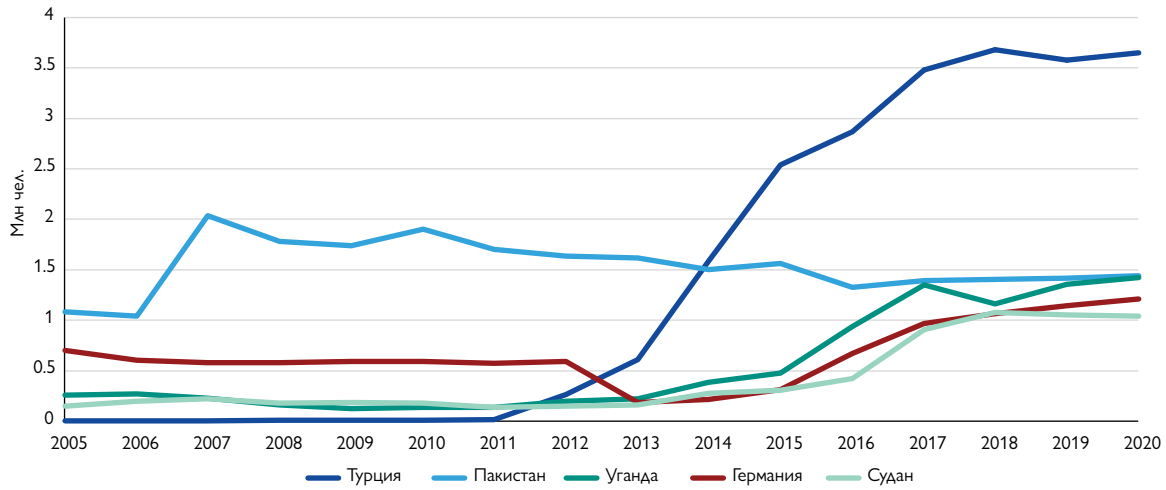


Источник: УВКБ, n.d.a. (дата доступа: 23 июня 2021года).
Примечание: Южный Судан стал отдельной страной в 2011 году.

Как и в предыдущие годы, более половины всех беженцев проживали в 10 странах. В 2020 году пятый год подряд Турция была крупнейшей принимающей страной в мире, в которой проживало более 3,6 млн беженцев, в основном сирийцев. Учитывая существенную долю сирийцев в общем составе беженцев во всем мире, приграничная страна Ливан также вошла в первую десятку. Пакистан и Исламская Республика Иран также вошли в первую десятку стран, принимающих беженцев, как две основные страны, дающих приют беженцам из Афганистана - страны происхождения второго по величине контингента беженцев. Остальные страны включали Уганду, Германию, Судан, Бангладеш и Эфиопию. Подавляющее большинство (73%) беженцев были размещены в соседних странах. По данным УВКБ, на наименее развитые страны, такие как Бангладеш, Демократическая Республика Конго, Йемен, Объединенная Республика Танзания, Руанда, Судан, Уганда, Чад, Эфиопия и Южный Судан, приходилось 27% от общего числа беженцев в мире (6,7 млн человек).

37 UNHCR, 2011.

Рисунок 16. Число беженцев в разбивке по 5 ведущим принимающим странам по состоянию на 2020 год (в млн человек)



Источник: УВКБ, n.d.a (дата доступа: 23 июня 2021года).

В 2020 году более 250 000 беженцев вернулись в страны своего происхождения, что на 21% меньше, чем в предыдущем году (317 000 человек). Почти половина возвращенцев (122 000 человек) вернулись в Южный Судан, при этом большинство из них прибыли из Уганды (74 000 человек). В 2020 году Южный Судан по количеству вернувшихся беженцев опередил Сирийскую Арабскую Республику.

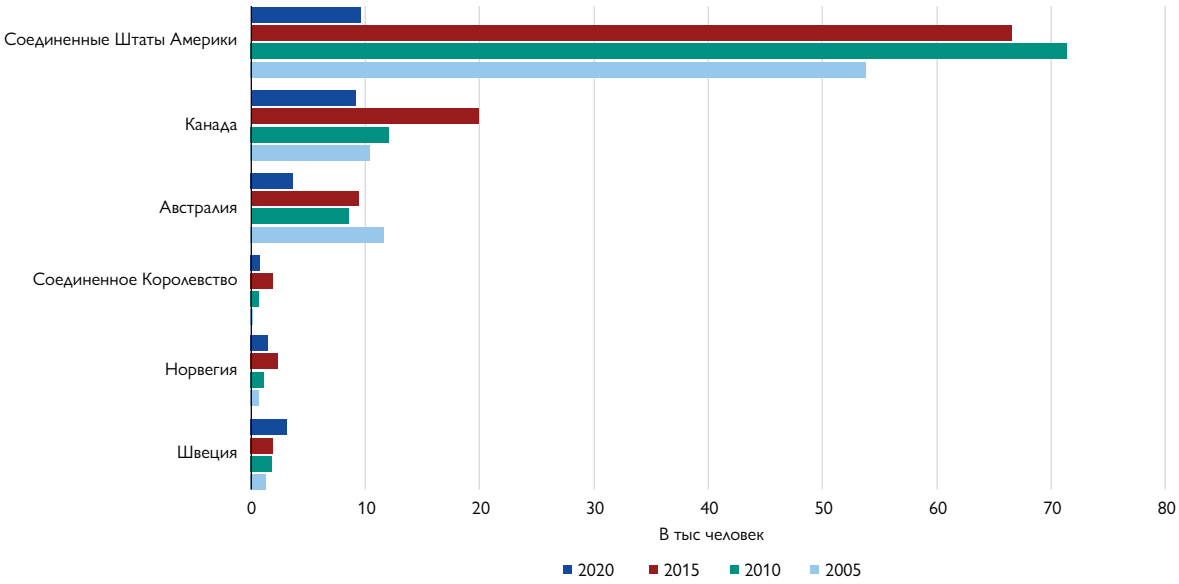
Хотя существует много проблем с подсчетом тех, кто воспользовался возможностями интеграции на местах, по оценкам УВКБ, в 2020 году 28 стран сообщили как минимум об одном натурализованном беженце (по сравнению с 25 странами в 2019 году), при этом общее количество, составившее почти 34 000 натурализованных беженцев за год, хотя и свидетельствует о заметном уменьшении по сравнению с почти 55 000 новых натурализованных беженцев в 2019 году, но все же больше по сравнению с 23 000 человек, зарегистрированными в 2016 году. В 2020 году 85% натурализаций беженцев имели место в Европе, большая часть которых (приблизительно 25 700 беженцев) натурализовались в Нидерландах. На втором и третьем местах оказались Канада (примерно 5 000 человек) и Франция (примерно 2 500 человек).

В 2020 году для переселения во всем мире было принято около 34 400 беженцев, что представляет собой огромное снижение по сравнению с 2019 годом, когда было переселено более 107 700 человек. Основными странами переселения были Соединенные Штаты и Канада, в которых проживало около 9 600 и 9 200 беженцев соответственно, что является чрезвычайно резким сокращением по сравнению с предыдущим годом на 27 500 человек (США) и 30 100 человек (Канада). Европейский союз расселил в общей сложности 11 600 беженцев. Сирийцы были основными бенефициарами, составляя треть переселенных беженцев, за ними следуют конголезцы (12%).

Резкое сокращение переселения беженцев можно частично объяснить влиянием пандемии, которая серьезно ограничила международные передвижения по всему миру. Еще одной причиной снижения числа беженцев, переселившихся в Соединенные Штаты, было существенное сокращение потолка приема беженцев (количество беженцев, допущенных к переселению каждый финансовый год) и усиленные проверки на

предмет безопасности в отношении беженцев из стран «высокого риска», что привело к сокращению числа беженцев, принятых из этих стран. На рисунке 17 представлен обзор статистики переселения по основным странам с 2005 по 2020 год.

Рисунок 17. Число беженцев, расселенных основными странами переселения в 2005–2020 годах



Источник: УВКБ, n.d.b (дата доступа: 23 июня 2021 года).

За последние 10 лет резко возросло, почти удвоившись, количество беженцев, нуждающихся в переселении. По оценкам УВКБ, в 2011 году в переселении нуждалось около 805 000 беженцев, а к 2021 году их число увеличилось до 1,4 млн человек[38].

Число переселенных беженцев в разные годы колебалось. В 2005 году было переселено почти 81 000 беженцев по сравнению с примерно 34 000 беженцев в 2020 году. Однако в 2019 году число переселенных беженцев составило почти 108 000 человек. В целом переселение не поспевает за значительным ростом потребностей (см. таблицу 4).

38 УВКБ, 2021b.

Таблица 4. Количество беженцев, нуждающихся в переселении, и количество беженцев, переселенных во всем мире, с 2005 года

	Общая прогнозируемая потребность в переселении (включая многолетнее планирование), в количестве чел.	Число прибывших переселенцев
2005	–	80 734
2006	–	71 660
2007	–	75 271
2008	–	88 772
2009	–	112 455
2010	–	98 719
2011	805 535	79 727
2012	781 299	88 918
2013	859 305	98 359
2014	690 915	105 148
2015	958 429	106 997
2016	1 153 296	172 797
2017	1 190 519	102 709
2018	1 195 349	92 348
2019	1 428 011	107 729
2020	1 440 408	34 383
2021	1 445 383	–

Источник: УВКБ, n.d.b (дата доступа: 23 июня 2021 года).
Примечание: *Доклад УВКБ о прогнозируемых глобальных потребностях в переселении* опубликован в 2011 году.

Роль МОМ в переселении

МОМ играет ключевую роль в переселении во всем мире. Оказание существенной поддержки государствам в расселении беженцев и других лиц, прибывающих по гуманитарным причинам, является одной из основных целей и входит в число его крупнейших текущих мероприятий. Помимо традиционных программ переселения беженцев и приема по гуманитарным соображениям, все больше государств заинтересованы в других формах приема, таких как частное спонсорство, предоставление стипендий учащимся и схемы трудовой мобильности, или в настоящее время осуществляют их. Данные МОМ о перемещении для получения помощи в переселении относятся к общему числу беженцев и других подмандатных лиц, переезжающих при содействии МОМ из различных стран отправления в пункты назначения по всему миру за данный период.

В 2019 году около 107 000 человек совершили поездки под эгидой МОМ в рамках программ переселения, при этом проводились масштабные операции по вывозу из Афганистана, Египта, Иордании, Ирака, Кении, Ливана, Объединенной Республики Танзании, Турции, Уганды, Украины и Эфиопии[a]. Из упомянутого числа переселенцев около 30 000 человек, нуждающихся в международной защите, были переселены в 18 различных европейских стран, что составляет 30% от общего числа случаев переселения и приема по гуманитарным соображениям при содействии МОМ в мире.

В 2020 году МОМ поддержала свыше 27 государств в обеспечении переселения, гуманитарного приема и переезда в общей сложности 40 536 беженцев и других лиц, находящихся в уязвимом положении, при этом проводились масштабные операции по вывозу из Афганистана, Греции, Иордании, Ливана и Турции. В первую тройку стран переселения вошли США, Канада и Швеция. Из вышеупомянутого общего числа 3063 бенефициара, нуждающихся в международной защите, были перемещены из Греции, Италии и Мальты в 14 стран назначения в Европейской экономической зоне, и большинство из них были перевезены чартерными рейсами.

МОМ поддерживает свои государства-члены в реализации различных схем переселения, переезда и других схем приема по гуманитарным соображениям, многие из которых являются хорошо зарекомендовавшими себя программами, а другие представляют собой специальные меры реагирования на конкретные кризисы вынужденной миграции.

Учитывая высокие потребности и нехватку имеющихся мест для переселения, МОМ продолжает взаимодействовать с заинтересованными сторонами для повышения доступности безопасных и законных каналов. В соответствии с соглашениями о сотрудничестве МОМ предоставляет заинтересованным сторонам необходимую информацию и делится данными с ключевыми партнерами, такими как УВКБ, страны переселения и агентства по расселению. МОМ на регулярной основе работает в тесном сотрудничестве с УВКБ, стремясь проверять и лучше согласовывать агрегированные данные, касающиеся переселения, особенно в отношении показателей отправления. В отношении дополнительной информации о мероприятиях МОМ по переселению см. www.iom.int/resettlement-assistance.

a МОМ, 2020j.

Внутренне перемещенные лица

Центр мониторинга внутренних перемещений (ЦМВП) собирает данные о двух аспектах внутреннего перемещения: новые перемещения за данный период и общий контингент внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) в данный момент времени. Эта статистическая информация классифицируется по двум общим причинам перемещения: a) бедствия и b) конфликт и насилие. Вместе с тем ЦМВП признает наличие проблем, связанных с разграничением между бедствиями и конфликтами как непосредственными причинами перемещения, и подчеркивает растущую необходимость в определении более эффективных способов регистрации перемещения в контексте многих движущих факторов[39]. Меры по сдерживанию распространения COVID-19 препятствуют сбору данных о перемещении[40].

Согласно оценкам по состоянию на 31 декабря 2020 года общий контингент внутренне перемещенных лиц в мире, которые были перемещены в результате конфликтов и насилия в 59 странах и территориях, был самым многочисленным за всю историю наблюдений с момента начала мониторинга ЦМВП в 1998 году, достигнув 48 млн человек, что представляет собой увеличение по сравнению с 45,9 млн человек в 2019 году. Как и в случае тенденций в отношении беженцев (рассмотренных в предыдущем разделе), наличие неразрешимых и новых конфликтов привело практически к удвоению после 2000 года общей численности людей, подвергшихся внутреннему перемещению в результате конфликтов и насилия, и к резкому увеличению их количества после 2010 года.

На рисунке 18 показаны 20 стран мира с наибольшим числом (контингентом) ВПЛ, перемещенных в результате конфликтов и насилия к концу 2020 года. Большинство стран находились либо на Ближнем Востоке, либо в Африке к югу от Сахары. К концу 2020 года наибольшее количество лиц, перемещенных в результате конфликта (6,6 млн человек), отмечалось в Сирийской Арабской Республике, за которой следовала Демократическая Республика Конго (5,3 млн человек). В Колумбии находился третий по величине контингент численностью 4,9 млн человек, за ней следовали Йемен (3,6 млн человек) и Афганистан (3,5 млн человек). Свыше 35 млн (почти 74%) из общемировых 48 млн перемещенных лиц проживают только в десяти странах[41].

Что касается доли ВПЛ в населении страны, то в Сирийской Арабской Республике, где конфликт затянулся более чем на десятилетие, свыше 35% населения были перемещены в результате конфликта и насилия. В Сомали зарегистрирована вторая по величине доля (19%), затем следуют Центральноафриканская Республика, Южный Судан и Колумбия (более 12%). Тем не менее важно отметить, что в некоторых случаях, особенно в случаях затянувшихся перемещений, таких как в Колумбии, часть людей, вернувшихся в места своего происхождения и в свои дома, могут все еще числиться среди внутренне перемещенных лиц. Это объясняется тем, что в некоторых случаях не было достигнуто долгосрочного решения[42]. Такие организации, как ЦМВП, руководствуются Рамочной основой Межучрежденческого постоянного комитета по поиску долгосрочных решений в интересах внутренне перемещенных лиц, в которой установлены восемь

39 ЦМВП освещает проблемы в сборе данных о перемещениях, обусловленных осуществлением проектов развития, криминальным насилием или медленно надвигающимися бедствиями, а также усилия по преодолению этих затруднений. См. ЦМВП, 2019: 72–73.

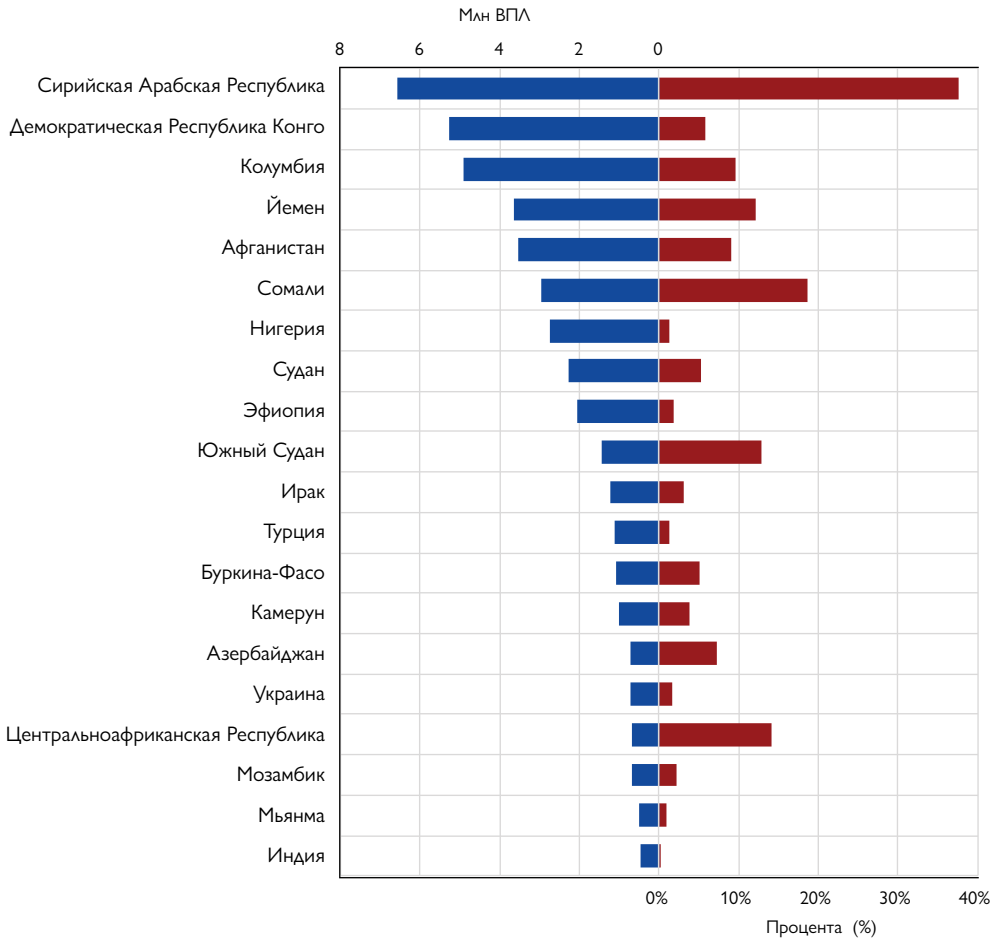
40 ЦМВП, 2020:4.

41 В число этих десяти стран входят: Сирийская Арабская Республика, Демократическая Республика Конго, Колумбия, Йемен, Афганистан, Сомали, Нигерия, Судан, Эфиопия и Южный Судан.

42 Долгосрочное решение достигается, «когда ВПЛ уже не испытывают особые потребности в помощи и защите, которые связаны с их перемещением, и такие лица могут пользоваться своими правами человека без какой-либо дискриминации, обусловленной их перемещением». См., например, Brookings Institution and University of Bern, 2010.

критериев долгосрочного решения при определении того, когда людей уже не следует рассматривать в качестве внутренне перемещенных лиц[43].

Рисунок 18. 20 стран с крупнейшим контингентом ВПЛ, перемещенных в результате конфликтов и насилия, на конец 2020 года, в млн человек



Источник: *ЦМВП*, 2021.

Примечания: Контингент ВПЛ означает количество перемещенных лиц, накопившееся с течением времени. Данные о численности населения, использованные для подсчета доли лиц, перемещенных в результате конфликтов, основаны на оценках численности постоянных жителей стран, произведенных ДЭСВ ООН (2021a).

43 Эти критерии включают: защиту и безопасность; достаточный жизненный уровень; доступность средств к существованию; восстановление жилья, земли и собственности; доступ к документам; воссоединение семьи; участие в ведении государственных дел; и доступ к эффективным средствам правовой защиты и правосудию. См., например, Brookings Institution and University of Bern, 2010; ЦМВП, 2019.

В 2020 году общее число лиц, перемещенных в результате стихийных бедствий в мире, составило около 7 млн человек в 104 странах и территориях. Сообщалось, что в конце 2020 года эти люди все еще жили в условиях перемещения из-за стихийных бедствий, произошедших в 2020 году. Как отметил ЦМВП, эта цифра является «весьма консервативной оценкой», поскольку она не охватывает тех, кто живет в условиях перемещения в результате бедствий, имевших место до 2020 года.

Статистика ВПЛ: рекомендации

В январе 2021 года Группой экспертов по статистике беженцев и ВПЛ (ЭГРИС), которая была создана в 2016 году для содействия составлению официальной статистики о беженцах, просителях убежища и внутренне перемещенных лицах, были опубликованы новые рекомендации[a]. Эти рекомендации представляют собой обновление технического доклада 2018 года[b], который стал первым всемирно признанным сводом стандартов официальной статистики вынужденного перемещения, содержащим рекомендации по подготовке и распространению статистических данных о внутреннем перемещении. Доклад Группы экспертов состоит из шести глав (не считая введения и примечаний), в которых рассматриваются:

- **нормативно-правовая и политическая основа и определения**: международные и региональные стандарты защиты ВПЛ и широко используемые нестатистические определения ВПЛ;
- **статистическая рамочная основа по внутреннему перемещению**: спецификация групп населения, подпадающих под действие рекомендаций, и статистические определения притока, контингента и оттока ВПЛ;
- **долгосрочные решения и основные факторы уязвимости, связанные с перемещением:** анализ факторов уязвимости ВПЛ и оценка прогресса на пути к долгосрочным решениям;
- **описание основных переменных и показателей:** рекомендуемые переменные, включая возраст и пол, и таблицы для различных категорий лиц, подпадающих под статистическую рамочную основу по внутреннему перемещению;
- **источники для сбора статистических данных о ВПЛ:** источники данных, включая переписи и обследования, доступные для подготовки статистических данных о ВПЛ, их соответствующие проблемы и преимущества; и
- **принципы и механизмы координации статистики ВПЛ:** стандарты качества и роль координации в деле получения оперативных данных и укрепления статистических систем по вынужденному перемещению.

Группа стран при технической поддержке со стороны членов ЭГРИС будет постоянно поощрять применение этих рекомендаций в целях создания систем данных и статистического потенциала.

a EGRIS, 2020.
b EGRIS, 2018.

Новые перемещения в 2020 году

К концу 2020 года произошло в общей сложности 40,5 млн новых внутренних перемещений - в 42 странах и территориях в результате конфликтов и насилия и в 144 странах и территориях в результате стихийных бедствий. 76% (30,7 млн) этих новых перемещений были вызваны стихийными бедствиями, а 24% (9,8 млн) - конфликтами и насилием[44].

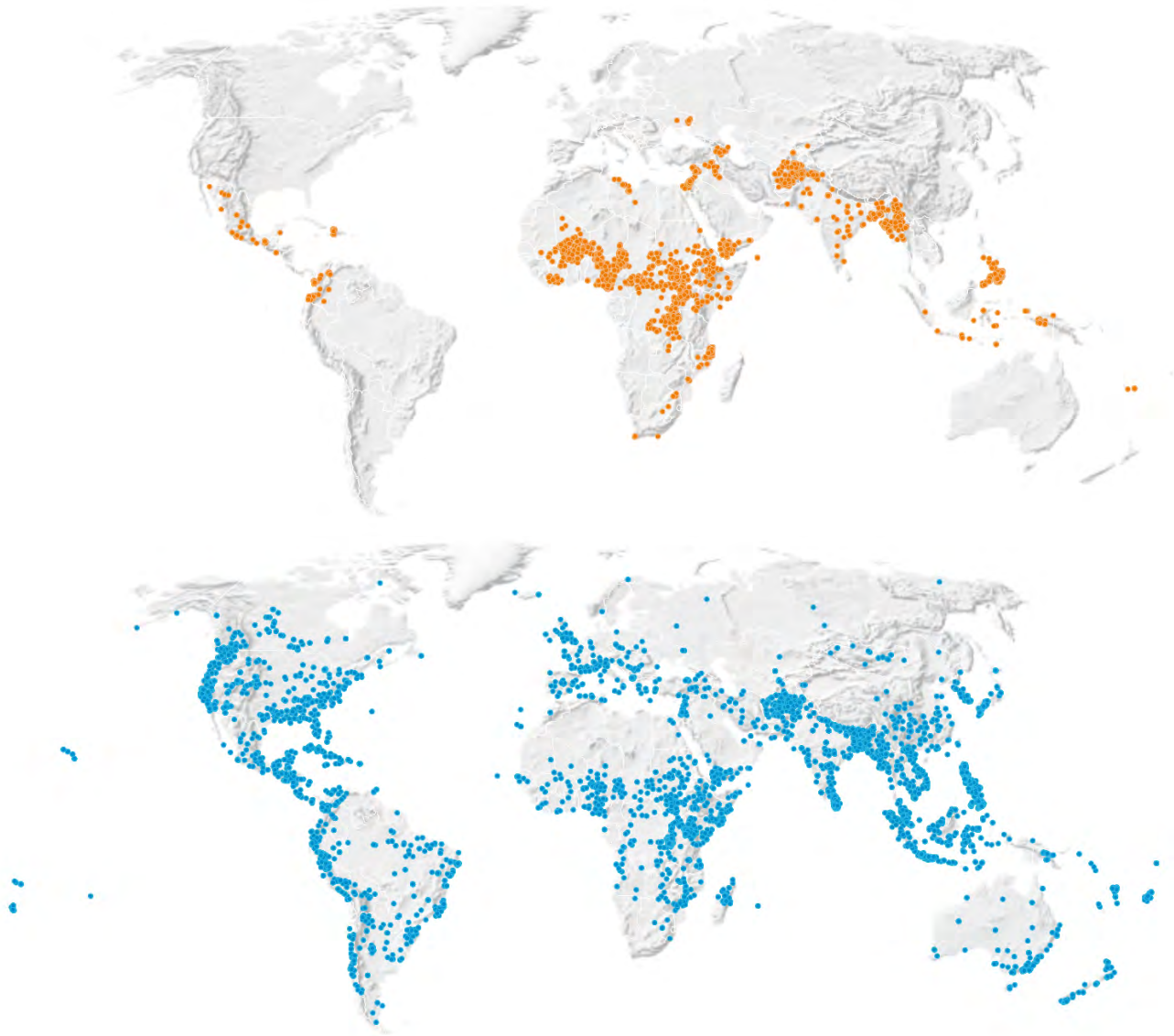
В 2020 году Демократическая Республика Конго (2,2 млн) и Сирийская Арабская Республика (1,8 млн) возглавили список стран с наибольшим количеством новых перемещений, вызванных конфликтами и насилием, что существенно повлияло на общемировые показатели. За ними следуют Эфиопия (1,7 млн), Мозамбик (0,6 млн) и Буркина-Фасо (0,5 млн). В 2020 году на Филиппинах было зафиксировано самые большие абсолютные цифры новых перемещений, вызванных стихийными бедствиями (примерно 5,1 млн)[45].

В любой отдельно взятый год количество людей, впервые перемещенных в результате стихийных бедствий, значительно превышает количество людей, перемещенных в результате конфликтов и насилия, и гораздо больше стран страдают от перемещений в результате стихийных бедствий. Это становится очевидным при изучении количества стран и территорий, в которых произошли новые перемещения в 2020 году: в 144 странах в результате стихийных бедствий по сравнению с 42 странами в результате конфликтов и насилия (см. рис. 19). Как и в предыдущие годы, стихийные бедствия, связанные с погодой, вызвали подавляющее большинство (30 млн) всех новых перемещений, при этом ураганы обусловили 14,6 млн перемещений, а наводнения — 14,1 млн перемещений.

44 Содержание этого подраздела основано на данных, приведенных в ЦМВП, 2020, 2021, и заимствовано из этих источников. Для ознакомления с пояснительными примечаниями, более глубоким анализом, оговорками, ограничениями и методологиями, связанными с представленными цифрами и тенденциями, просьба обратиться к этим документам. К числу других основных источников информации относятся предыдущие доклады ЦМВП серии «Глобальные оценки» (имеются по адресу www.internal-displacement.org/global-report/), а также его База данных о внутренних перемещениях в мире (ЦМВП, n.d.),

45 IDMC highlights possible reasons for these changes, including stabilization of front lines of conflicts, ceasefires, restrictions on freedom of movement and changes in methodology for data collection.

Рисунок 19. Перемещения в результате конфликтов (вверху) и перемещения в результате стихийных бедствий (внизу) в 2020 году с указанием местоположений

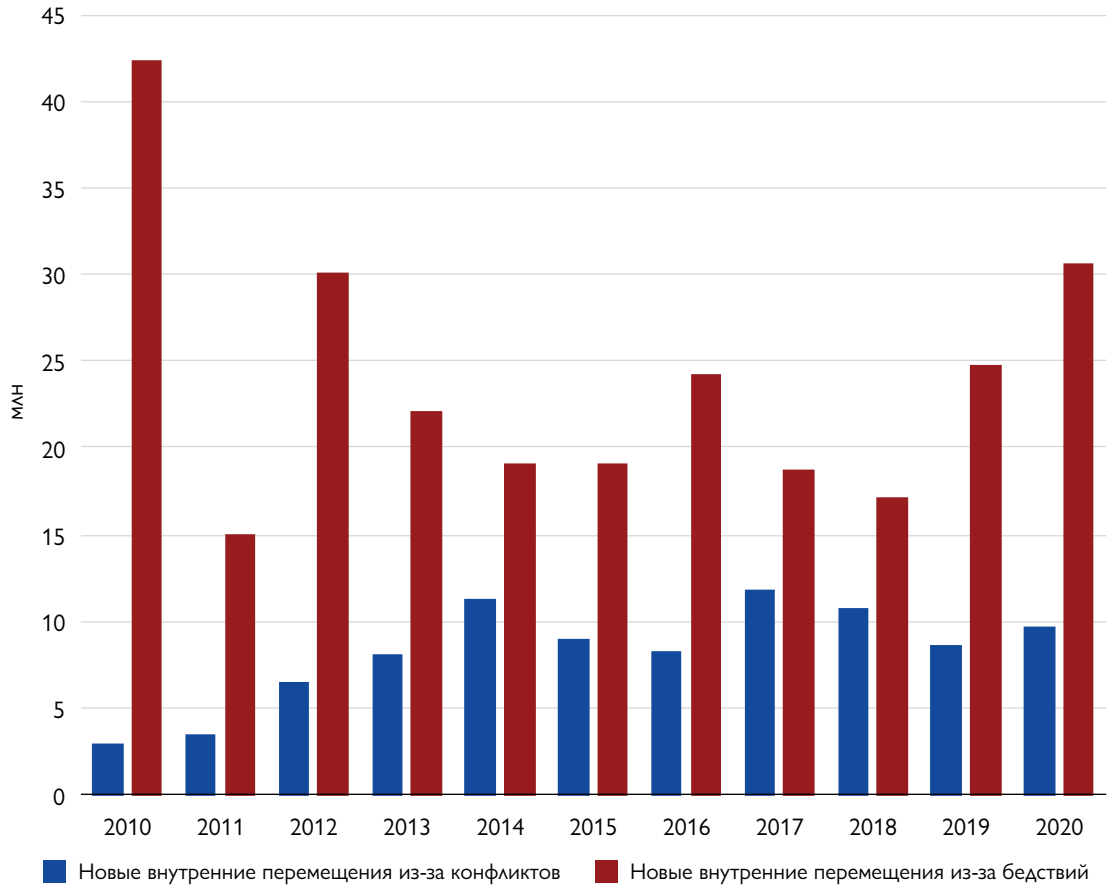


Источник: ЦМВП, 2021.

Примечание: Данная карта приводится исключительно в целях иллюстрации. Показанные границы и названия и обозначения, употребляемые на этой карте, не означают официального одобрения или признания со стороны Международной организации по миграции.

Как показано на рисунке 20, в предыдущие годы число новых перемещений, обусловленных бедствиями, ежегодно превышало число новых перемещений, вызванных конфликтами и насилием. Вместе с тем ЦМВП отмечает, что значительная часть всех новых перемещений в мире, вызванных бедствиями, как правило, состояла в краткосрочной эвакуации, осуществляемой относительно безопасным и организованным образом.

Рисунок 20. Новые внутренние перемещения в результате конфликтов и бедствий в 2010-2020 годах (в млн)



Источник: ЦМВП, n.d. (дата доступа: май 2021 года).
Примечания: Термин «новые перемещения» означает число передвижений в контексте перемещения, которые имели место за данный год, а не численность общего контингента ВПЛ, накопившегося вследствие перемещения в течение определенного времени. Данные о новых перемещениях касаются лиц, которые были перемещены более одного раза, и не соответствуют числу людей, перемещенных в течение данного года.

Матрица отслеживания перемещений МОМ

Программа МОМ «Матрица отслеживания перемещений» (МОП) предназначена для сбора и анализа данных в целях распространения важной многоуровневой информации о перемещении и мобильности населения. Сбор и анализ данных по линии МОП позволяет директивным и исполнительным органам предоставлять этим группам населения более качественную помощь с учетом конкретных условий и на основе фактических данных. Данные представляются в виде карт, инфографики, докладов, интерактивных веб-визуализаций и экспорта необработанных или пользовательских данных. В зависимости от конкретной ситуации в рамках МОП проводится сбор информации о населении, местоположениях, условиях, потребностях и факторах уязвимости с использованием одного или нескольких из следующих методологических инструментов:

- отслеживание мобильности и многосекторальных потребностей на уровне районов и местоположений для мониторинга потребностей и оказания адресной помощи;
- мониторинг тенденций передвижения («потока») и общей ситуации в пунктах происхождения, транзита и назначения;
- регистрация перемещенных лиц и домохозяйств для выбора бенефициаров, определения уязвимых групп и программирования;
- проведение обследований для сбора конкретной подробной информации от групп населения, представляющих интерес.

В 2020 году по линии МОП в более чем 80 странах отслеживались свыше 30 млн ВПЛ, 26 млн возвращенцев и 5 млн мигрантов. База данных МОП МОМ является одним из крупнейших источников глобальных ежегодных оценок внутреннего перемещения, составляемых ЦМВП. Более подробную информацию о МОП МОМ см. по адресу http://dtm.iom.int.

Выводы

Важно понимать миграцию и перемещение, а также то, как они меняются в глобальном масштабе, учитывая их значимость для государств, местных общин и отдельных лиц. Миграция людей может быть извечным явлением, которое восходит к самым ранним периодам истории, но ее проявления и последствия изменялись с течением времени по мере все большей глобализации мира[46]. Это стало особенно очевидно в период, когда COVID-19 продолжает существенно подрывать международную миграцию и мобильность (и многие другие аспекты современного общества) более чем 18 месяцев после того, как ВОЗ впервые объявила пандемию[47]. Текущие ограничения мобильности остаются ключевой характеристикой многих обществ повсюду в мире, поскольку количество подтвержденных случаев инфицирования штаммами вируса снова растет при продолжающемся развертывании вакцинации, хотя и весьма неравномерном в глобальном масштабе. Ограничения мобильности — международной и внутренней — стали одним из опорных элементов реагирования на COVID-19 и с тех пор сохраняются, хотя и с определенными эволюциями и колебаниями. В тематической главе о воздействии COVID-19 (глава 5 настоящего доклада) содержится гораздо более подробное рассмотрение этих вопросов с упором на первые 12 месяцев пандемии и ее долгосрочные последствия.

46 McAuliffe and Goossens, 2018; Triandafyllidou, 2018.

47 ВОЗ, 2020.

Сейчас, как никогда ранее в истории, мы располагаем большим объемом информации о миграции и перемещении во всем мире; и все же сама природа миграции во взаимосвязанном мире подразумевает, что ее динамику трудно зафиксировать в статистических терминах. При всем этом во время пандемии мы наблюдали очень быстрое появление совершенно новых наборов данных, в том числе от МОМ (рис. 8) и других учреждений Организации Объединенных Наций, а также от академических институтов[48]. Кроме того, некоторые крупные технологические компании, включая «Фейсбук» и «Гугл», в начале пандемии начали публиковать анонимные данные о мобильности, которые были основаны на записях о мобильности пользователей, представляя сведения об огромном количестве собранных данных по единичным записям и одновременно подчеркивая существующие опасения относительно последствий для прав человека (в том числе права на тайну частной жизни) накопления таких данных и их использования[49]. Мы также видим, как растущая цифровизация миграции и мобильности – для которой как воздух нужны данные - все чаще используется в рамках текущих усилий по разработке и внедрению технологий искусственного интеллекта в миграционных системах (см. главу 11 настоящего доклада). Сокращение глобального неравенства также поддерживается сбором и анализом данных. В Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и легальной миграции подчеркивается обязательство улучшать международное сотрудничество в области миграции, а также собирать данные о миграции и проводить исследования и анализ, чтобы мы могли лучше понять тенденции и развивающиеся модели, и процессы в целях поддержки разработки основанных на фактических данных мер. Последние изменения в этой области описаны в главе 4 с особым упором на работу, проводимую Сетью Организации Объединенных Наций по вопросам миграции.

В контексте продолжающейся глобализации, а также расширения сбора данных и связанных с ними процессов цифровизации становится все более актуальным быть в курсе долгосрочных тенденций и меняющихся моделей миграции и перемещения. В этой главе мы представили глобальный обзор миграции и мигрантов на основе имеющихся текущих данных. Несмотря на пробелы в данных и задержки, можно сделать несколько общих выводов. Например, на глобальном уровне мы можем видеть, что в течение длительного времени мигранты поселялись в одних регионах (таких как Азия и Европа) гораздо чаще, чем в других (таких как Африка, Латинская Америка и Карибский бассейн); и что эта тенденция, вероятно, сохранится в долгосрочной перспективе, несмотря на острые последствия пандемии в последние месяцы. Аналогичным образом, статистика показывает, что трудящиеся-мигранты продолжают тяготеть к регионам с более широкими возможностями по мере роста экономики и развития рынков труда и что некоторые группы трудящихся-мигрантов сильно разнятся по полу (см. рис. 11). Вместе с тем дополнительный анализ в этом докладе (глава 7) указывает на то, что произошли изменения в составе миграционных коридоров, а также на то, что в последние годы наблюдается более высокая мобильность из высокоразвитых стран.

Несмотря на дополнительные трудности со сбором данных во время пандемии, глобальные данные также показывают, что перемещение, вызванное конфликтом, повсеместным насилием и другими факторами, остается на рекордно высоком уровне. Неразрешимые, неурегулированные и возобновляющиеся конфликты и акты насилия привели к увеличению числа беженцев повсюду в мире. Хотя горстка стран продолжают предлагать решения для беженцев, в целом этого оказалось совершенно и неизменно недостаточно для удовлетворения глобальных потребностей. Кроме того, согласно оценкам в конце 2020 года насчитывалось больше внутренне перемещенных лиц, чем когда-либо прежде. Недавние трагические события в Афганистане указывают на то, что в ближайшем будущем мы, вероятно, станем свидетелями еще большего увеличения числа перемещенных лиц во всем мире по мере продолжения перемещения внутри и из этой страны в течение оставшейся части 2021 года и в 2022 году.

48 См., например, Систему отслеживание реакции правительств Оксфордского университета (данные используются в этой главе) и набор данных по COVID-19 Университета Джонса Хопкинса (упомянут в главе 5 настоящего доклада).

49 Toh, 2020; Zuboff, 2021.

IEP
Institut de Formation Professionnelle Cambre-Afrique
TEL: 25 37 11 22
LIEBHERR

3 МИГРАЦИЯ И МИГРАНТЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ И ИЗМЕНЕНИЯ

В предыдущей главе дается обзор миграции в глобальном масштабе с конкретным упоминанием международных мигрантов и миграционных потоков, а также последствий COVID-19 для мобильности во всем мире. Были также описаны конкретные группы мигрантов, в том числе трудящиеся-мигранты, беженцы, просители убежища, и внутренне перемещенные лица (ВПЛ), а также денежные переводы. Настоящая глава сфокусирована главным образом на региональном уровне, что позволяет изобразить более детальную картину миграции, в которой мигранты и перемещения в разных частях мира предстают в ином, но дополняющим общее представление свете[1].

Наша отправная точка является преимущественно географической, а не тематической с учетом того, что сегодня география является одним из фундаментов, лежащих в основе миграции точно так же, как это было в прошлом. Несмотря на растущую глобализацию, география является одним из наиболее значимых факторов, формирующих модели миграции и перемещения. Многие люди, которые мигрируют через границы, делают это в своих ближайших регионах - в близлежащие страны, в страны, куда можно легче попасть, которые могут быть более знакомыми и из которых также можно легче вернуться. Для людей, которые перемещаются, быстрое попадание в условия безопасности имеет первостепенное значение. Поэтому люди, как правило, перемещаются в ближние более безопасные места, будь то в пределах их собственных стран или через международные границы.

Эта глава призвана помочь разработчикам политики, специалистам-практикам и исследователям в области миграции получить более полное представление о международной миграции во всем мире, используя географическую перспективу для представления региональных обзоров миграции. В этой главе анализируется положение в шести регионах мира, которые определены Организацией Объединенных Наций и используются Департаментом Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН) и другими организациями:

- Африка;
- Азия;
- Европа;
- Латинская Америка и Карибский бассейн;
- Северная Америка;
- Океания.

Для каждого из этих регионов анализ включает: a) обзор и краткое обсуждение ключевых статистических данных о миграции, основанных на данных, собранных и представленных ДЭСВ ООН, Верховным комиссаром Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ), Центром мониторинга внутренних перемещений (ЦМВП), Системой отслеживания реагирования правительств на COVID-19 Оксфордского университета и по линии «Матрицы отслеживания перемещений» (МОП) МОМ; а также b) краткое описание «основных особенностей и событий» в области миграции в регионе, основанное на широком спектре данных, информации и аналитических материалах международных организаций, исследователей и аналитиков.

Для учета разнообразия моделей, тенденций и проблем миграции в каждом из шести регионов на субрегиональном уровне представлены описательные нарративы «основных особенностей и последних изменений». Например, для Азии этот каскадный подход позволяет представить аналитические выводы из статистических данных по Азии в целом, а затем краткую информацию о субрегионах, включая Восточную Азию, Южную Азию, Юго-Восточную Азию, Ближний Восток и Центральную Азию. Разбивка по регионам и субрегионам приводится в добавлении A. Эти субрегиональные обзоры содержат информацию о характере миграции из субрегионов, внутри них и по направлению к ним[2]. Помимо этого, было уделено внимание отдельным явлениям, существующим в субрегионе, таким как трудовая миграция и международные денежные переводы, нелегальная миграция, торговля людьми и перемещение (внутреннее и международное). Субрегиональные обзоры предназначены не для исчерпывающего описания, а для иллюстрации основных тенденций и последних изменений в области миграции за предыдущие два года.

Важно отметить, что эта глава строится на основе глав, посвященных региональным особенностям в предыдущих *Докладах о миграции в мире* 2018 и 2020 годов, и содержит обновленную информацию о статистике и текущих проблемах, включая связанные с последствиями COVID-19. В течение двух последних лет, прошедших с момента представления последнего *Доклада о миграции в мире,* имели место значительные изменения, которые были отражены в этой главе, включающей данные и информацию вплоть до конца июня 2021 года. В ней рассматриваются недавние глобальные события, такие как проблемы, связанные с воздействием COVID-19 на миграцию и мобильность в различных субрегионах, а также недавние события перемещения в результате конфликтов и стихийных бедствий. Глава опирается на существующую базу фактических данных, а источники приводятся в сносках и разделе об использованной литературе. Мы рекомендуем читателям обращаться к источникам, цитируемым в этой главе, чтобы узнать больше об интересующих их темах. Также могут представлять интерес тематические главы этого издания, в том числе посвященные COVID-19 (глава 5), миру, безопасности и миграции (глава 6), изменению климата (глава 9) и торговле людьми (глава 10).

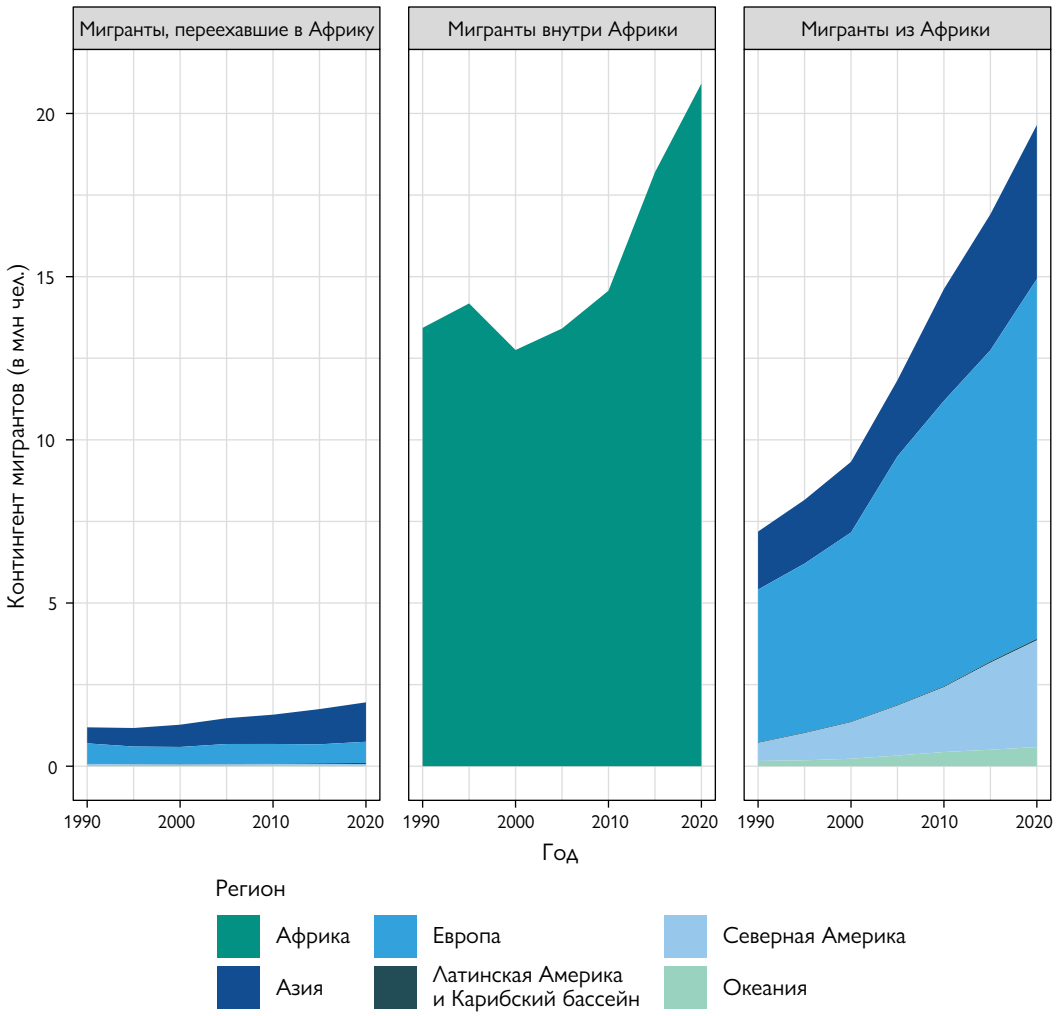
Африка[3]

В процессы миграции в Африке вовлечено большое количество международных мигрантов, перемещающихся как внутри региона, так и из него. Как показано на рисунке 1, в 2020 году свыше 21 млн африканцев проживали в другой африканской стране, что значительно больше, чем в 2015 году, когда, согласно оценкам, в других странах региона проживали около 18 млн африканцев. Число африканцев, проживающих в других регионах, также выросло за тот же период: с 17 млн в 2015 году до более чем 19,5 млн в 2020 году.

На рисунке 1 показано, что с 2000 года международная миграция внутри африканского региона значительно возросла. А с 1990 года число африканских мигрантов, проживающих за пределами региона, увеличилось более чем вдвое, причем рост их количества в Европе является наиболее выраженным. В 2020 году большинство мигрантов африканского происхождения, живущих за пределами региона, проживали в Европе (11 млн человек), Азии (почти 5 млн человек) и Северной Америке (около 3 млн человек).

Одним из самых поразительных аспектов, который обращает на себя внимание при рассмотрении международных мигрантов в Африке, является, как это показано на рисунке 1, малое количество мигрантов, которые родились за пределами региона и затем переехали в Африку. С 2015 года по 2019 год число мигрантов, родившихся за пределами региона и в большинство своем прибывших из Азии и Европы, практически не изменилось (около 2 млн человек).

Рисунок 1. Мигранты, переехавшие в Африку, внутри Африки и из нее в 1990–2020 годах



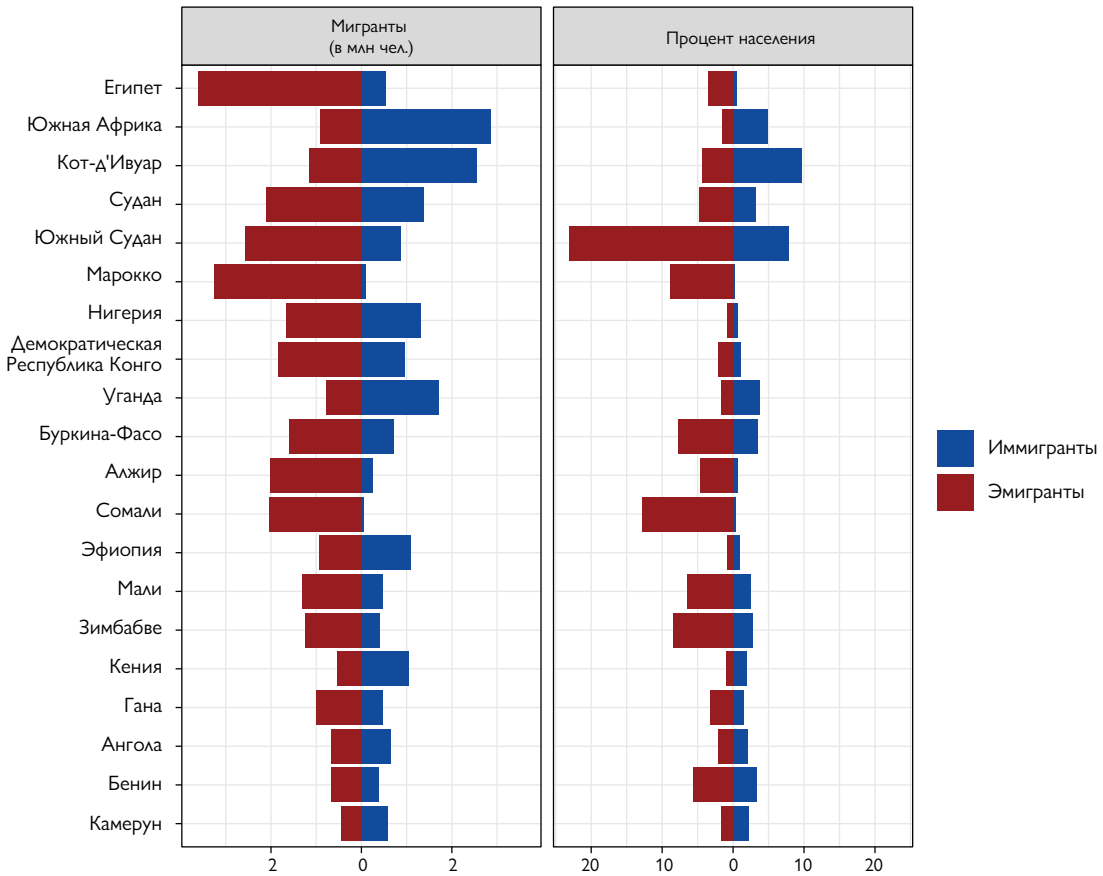
Источник: ДЭСВ ООН, 2021.

Примечание: Под «мигрантами, переехавшими в Африку» понимаются мигранты, проживающие в регионе (т.е. в Африке), которые родились в других регионах (например, Европе или Азии). «Мигранты внутри Африки» означают мигрантов, родившихся в регионе (т.е. в Африке) и проживающих за пределами страны своего рождения, но в африканском регионе. «Мигранты из Африки» означают людей, родившихся в Африке, которые проживают за пределами этого региона (например, в Европе или Северной Америке).

Африканские страны с наибольшим числом эмигрантов, как правило, находятся на севере региона. Они показаны в левой части рисунка 2, где страны выстроены по общему количеству мигрантов (комбинация иммигрантов в страну и эмигрантов из страны). В 2020 году Египет был страной, наибольшее количество выходцев из которой проживало за рубежом, затем следовали Марокко, Южный Судан, Судан, Сомали и Алжир. Что касается количества иммигрантов, то Южная Африка остается наиболее привлекательной страной назначения в Африке, в которой проживают около 2,9 млн международных мигрантов; однако это означает сокращение более чем на 9% по сравнению с 2015 годом, когда в стране было более 3,2 млн международных мигрантов. Другие страны с высокой

долей иммигрантов в общей численности населения, но не входящие в ведущую двадцатку, включают Габон (19%), Экваториальную Гвинею (16%), Сейшельские Острова (13%) и Ливию (12%).

Рисунок 2. 20 ведущих стран Африки по количеству мигрантов в 2020 году



Источник: ДЭСВ ООН, 2021.

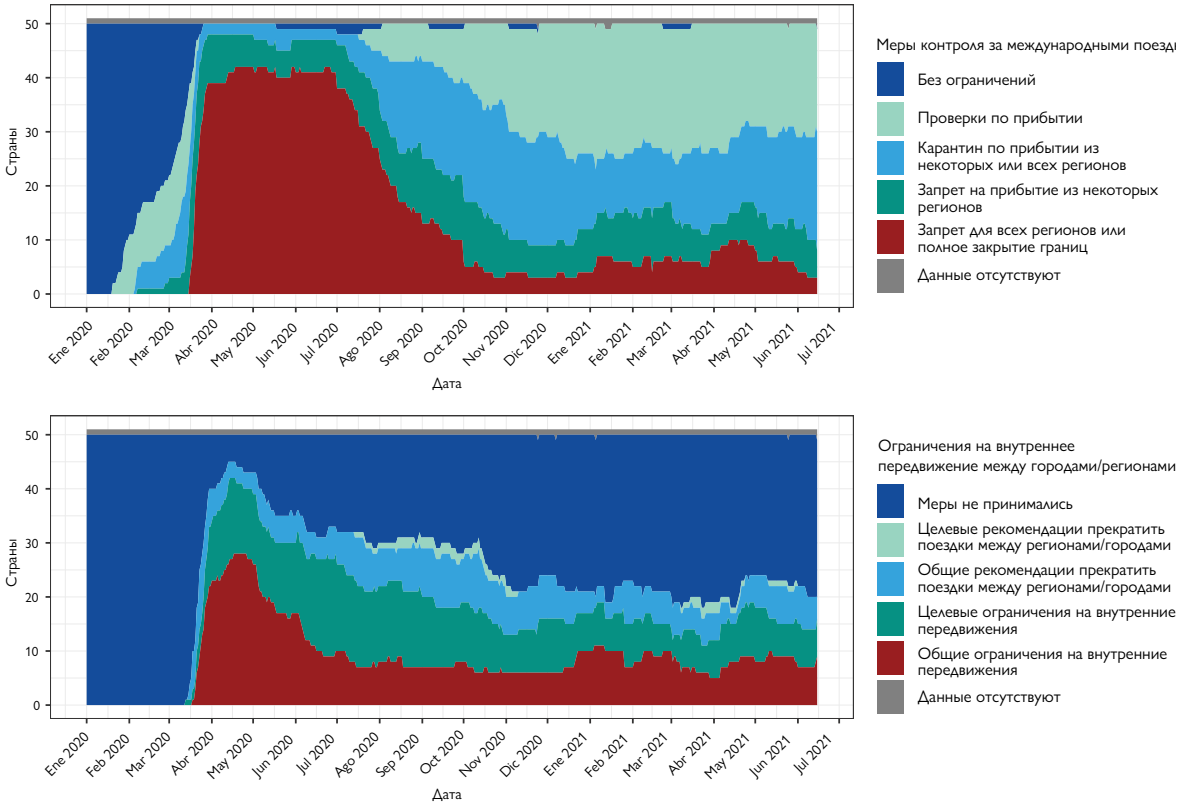
Примечание 1: Данные о численности населения, использованные для расчета процентной доли иммигрантов и эмигрантов, основаны на данных ДЭСВ ООН об общей численности постоянного населения стран, которое включает население, родившееся за рубежом.

Примечание 2: «Иммигранты» означают родившихся за рубежом мигрантов, проживающих в стране. «Эмигранты» означают людей, родившихся в стране, которые в 2021 году проживали за пределами страны своего рождения.

С начала 2020 года большинство африканских стран ввели ряд связанных с COVID-19 ограничений на поездки как по международным, так и по внутренним маршрутам. Примечательно, что контроль за международными поездками был введен за несколько недель до вступления в силу ограничений на внутренние передвижения (рис. 3). Меры контроля за международными поездками, такие как проверка прибывающих, были введены в действие раньше всех и оставались в силе почти во всех странах региона. Однако другие международные ограничения, пик которых пришелся на период с марта по июнь 2020 года, начали ослабевать в июле, при этом меры контроля, такие как запрет на въезд из некоторых регионов и полное закрытие границ, резко сократились, и к середине 2021 года большинство стран региона отказались от них.

В Африке ограничения на внутреннее передвижение ввели несколько меньше стран, чем на международные поездки. Эти ограничения, которые были самыми значительными в период с марта по апрель 2020 года, начали сокращаться в середине года с небольшим повышением во время «новых волн» инфицирования.

Рисунок 3. Меры контроля за международными и внутренними поездками в связи с COVID-19 в Африке: январь 2020 года – июнь 2021 года



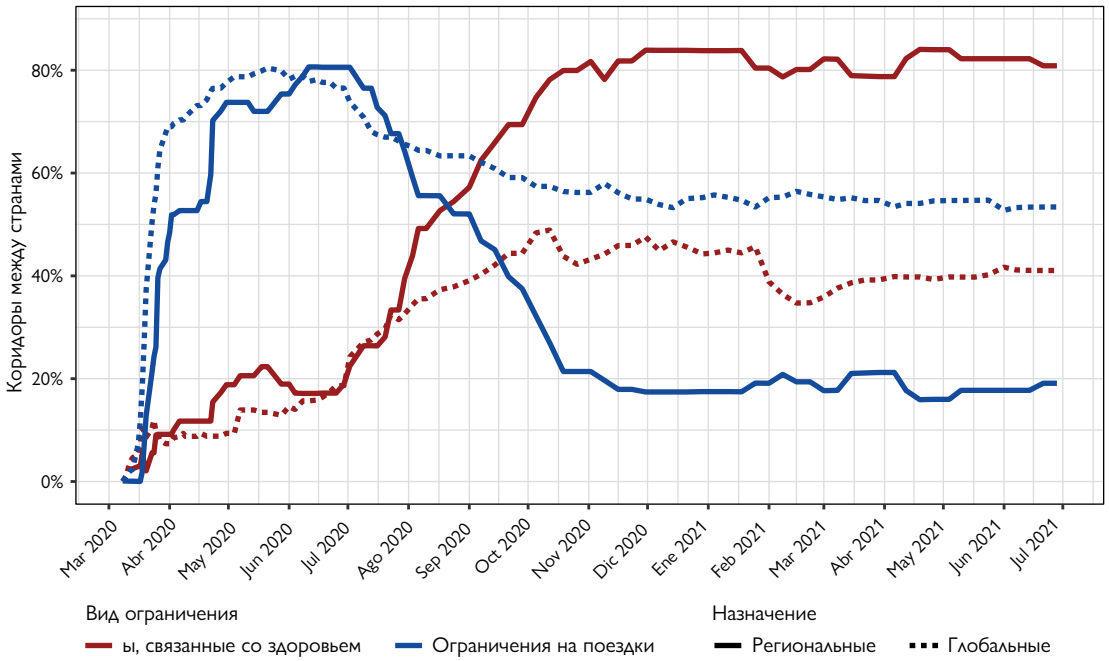
Источник: Hale et al.,

Примечания: Используемые категории взяты из Системы отслеживания реагирования правительств Оксфордского университета; категории, включенные в набор данных, предназначены только для ограничений, связанных с COVID-19, и не отражают другие ограничения на поездки, которые также могут действовать, например, связанные с визовыми ограничениями, запретами на въезд на основании гражданства, ограничениями на выезд/выезд и внутренние передвижения.

В первые месяцы пандемии произошло резкое распространение связанных с COVID-19 ограничений на поездки, введенных как в странах Африки (обозначены сплошной синей линией), так и в странах за пределами региона (пунктирная синяя линия) (рис. 4). На пике применения этих мер ограничения на поездки были введены в отношении около 80% коридоров (внутрирегиональных и мировых). Такие меры выровнялись примерно в середине 2020 года и вскоре начали отменяться, при этом ограничения на поездки внутри Африки сокращались гораздо быстрее. К концу 2020 года меры, связанные со здоровьем, такие как карантинные требования и требования отрицательных результатов теста на COVID-19, получили большее распространение, чем ограничения на поездки внутри Африки. Вместе с тем вызывает удивление, что, в отличие от ограничений на поездки - которые оставался относительно более распространенными в странах за пределами Африки, чем в странах на континенте, - внутри Африки было введено значительно больше

медико-санитарных мер по сравнению с аналогичными мерами контроля в странах за пределами континента. Как показано на рисунке ниже, по состоянию на 30 июня 2021 года меры, связанные со здоровьем, были введены для более чем 80% коридоров между странами (в пределах региона).

Рисунок 4. Меры в отношении международных поездок, связанные с COVID-19, в Африке: март 2020 года – июль 2021 года



Источник: МОМ, 2021a.

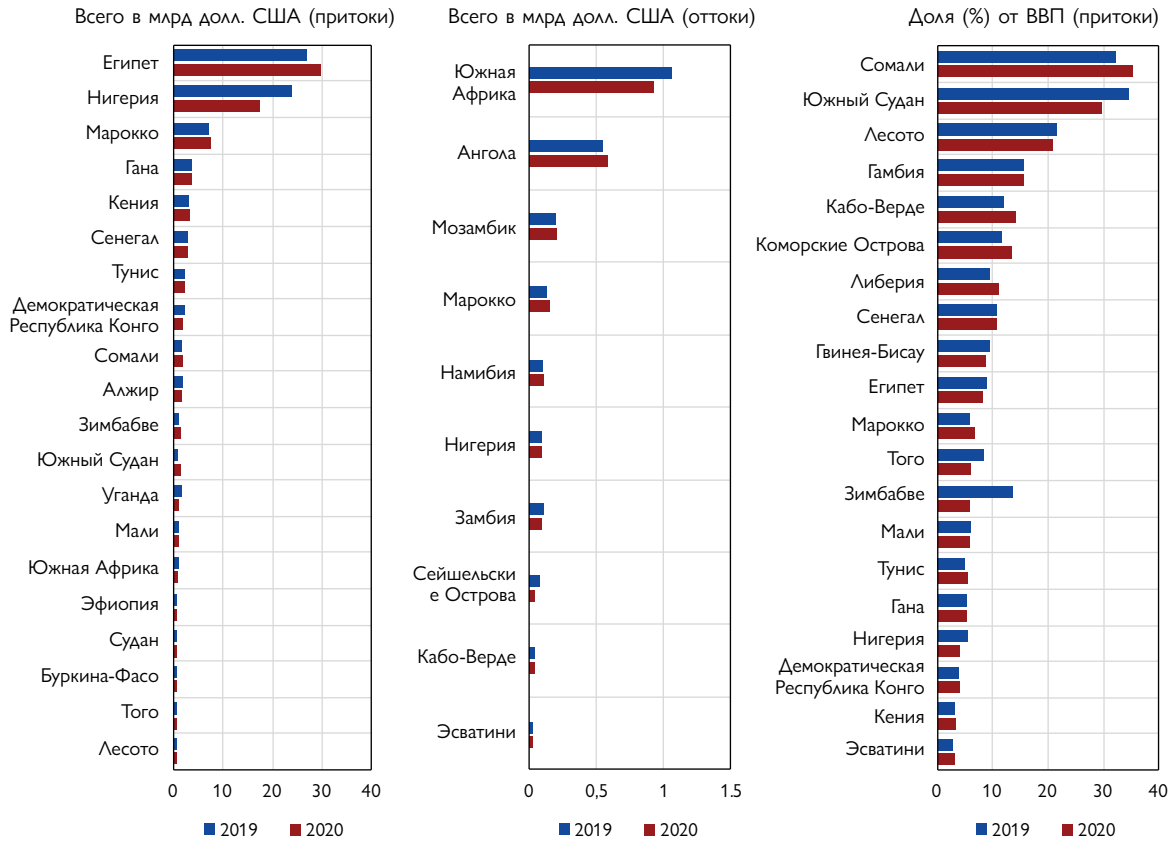
Примечания: Меры, связанные со здоровьем, включают проверки и мониторинг состояния здоровья, тестирование/медицинские справки и карантинные меры. Ограничения на поездки включают ограничения в отношении пассажиров на основании гражданства или прибытия из определенного географического места. Дополнительную информацию о методологии см. на странице МОП, посвященной ограничениям на мобильность.

В 2020 году Египет, Нигерия, Марокко, Гана и Кения вошли в пятерку крупнейших стран-получателей международных денежных переводов в Африке (см. рис. 5). Приток только в Египет и Нигерию превысил 15 млрд долл. США для каждой страны и составил 56% от общего объема денежных переводов в регион. Однако в процентах от валового внутреннего продукта (ВВП) в первую пятерку стран-получателей денежных переводов в 2020 году вошли Сомали (35%), за которой следуют Южный Судан (30%), Лесото (21%), Гамбия (16%) и Кабо-Верде (14%). В 2020 году в сопоставлении с 2019 годом произошло сокращение примерно на 3 процента общего объема денежных переводов в Африку, что объясняется в основном 28-процентным сокращением потоков денежных переводов в Нигерию, вторую по величине страну-получатель денежных переводов в регионе. Вместе с тем в 2020 году, несмотря на пандемию COVID-19, денежные переводы в регион, если не считать Нигерию, выросли почти на 6 процентов вследствие неожиданно больших поступлений в Египет и Марокко.

В то же время, как показано на рисунке 5, Южная Африка и Ангола были ведущими странами-источниками денежных переводов в регионе, при этом отток денежных средств из этих двух стран в 2020 году составил, соответственно, около 921 млн долл. США и 576 млн долл. США. Хотя оттоки денежных переводов из

Южной Африки сократились в 2020 году по сравнению с 2019 годом, они увеличились из Анголы, Мозамбика и Намибии, являющихся второй, третьей и пятой по величине странами-источниками денежных переводов.

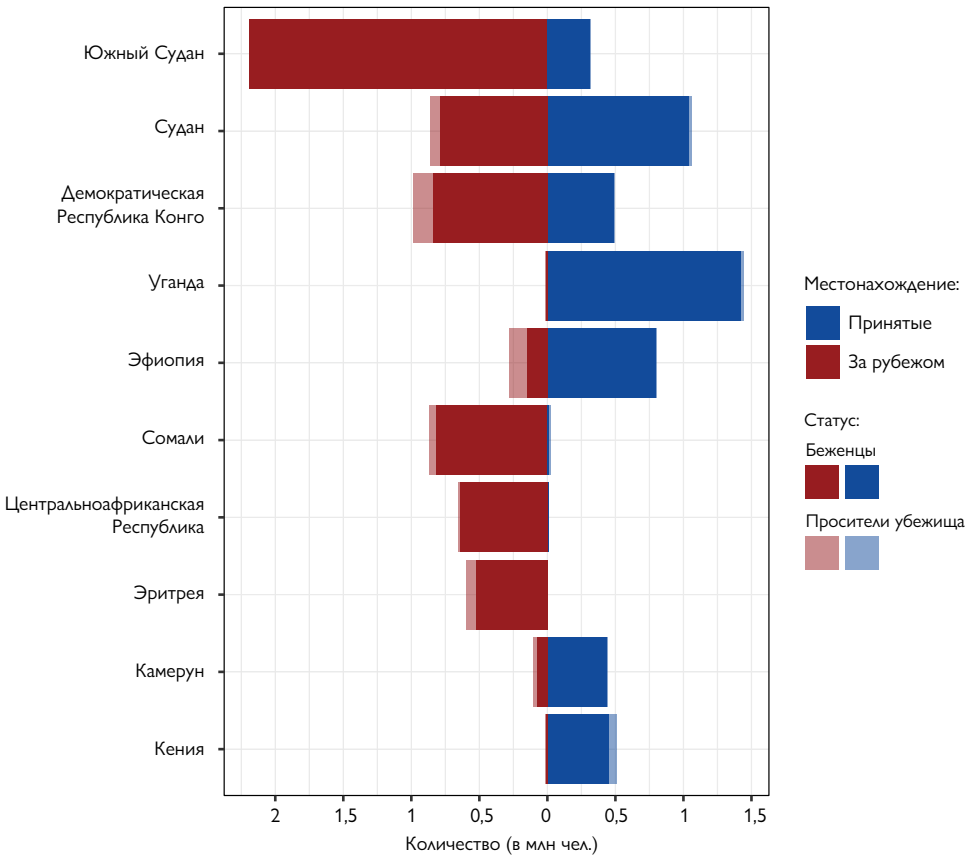
Рисунок 5. Ведущие африканские страны-получатели и страны-источники международных денежных переводов в 2019 и 2020 годах



Источник: Всемирный банк, 2021.

Как показано на рисунке 6, одной из основных особенностей региона является перемещение внутри Африки и из нее. Большинство беженцев и лиц, ищущих убежища на континенте, были размещены в соседних странах внутри региона. На рисунке 6 показаны 10 ведущих стран Африки в порядке убывания общего количества беженцев и просителей убежища как принятых в данной стране, так и происходящих из нее. В 2020 году источником наибольшего числа беженцев в Африке был Южный Судан (2 млн человек), который по этому показателю занимает четвертое место в мире после Сирийской Арабской Республики, Боливарианской Республики Венесуэла и Афганистана, причем большинство беженцев приняты в соседних странах, таких как Уганда. Из-за затяжных конфликтов в обеих странах Демократическая Республика Конго и Сомали заняли второе и третье места по количеству беженцев в регионе. Большая часть этих беженцев также приняты в соседних странах. Другие крупные группы беженцев происходят из Судана и Центральноафриканской Республики. Уганда оставалась главной страной по количеству принятых беженцев в регионе и четвертой страной в мире после Турции, Колумбии и Пакистана, поскольку в стране проживало около 1,4 млн человек; большинство из которых прибыли из Южного Судана и Демократической Республики Конго. Другими крупными странами, принимавшими беженцев в 2020 году, были Судан и Эфиопия.

Рисунок 6. 10 ведущих стран Африки по общему количеству беженцев и п росителей убежища в 2020 году



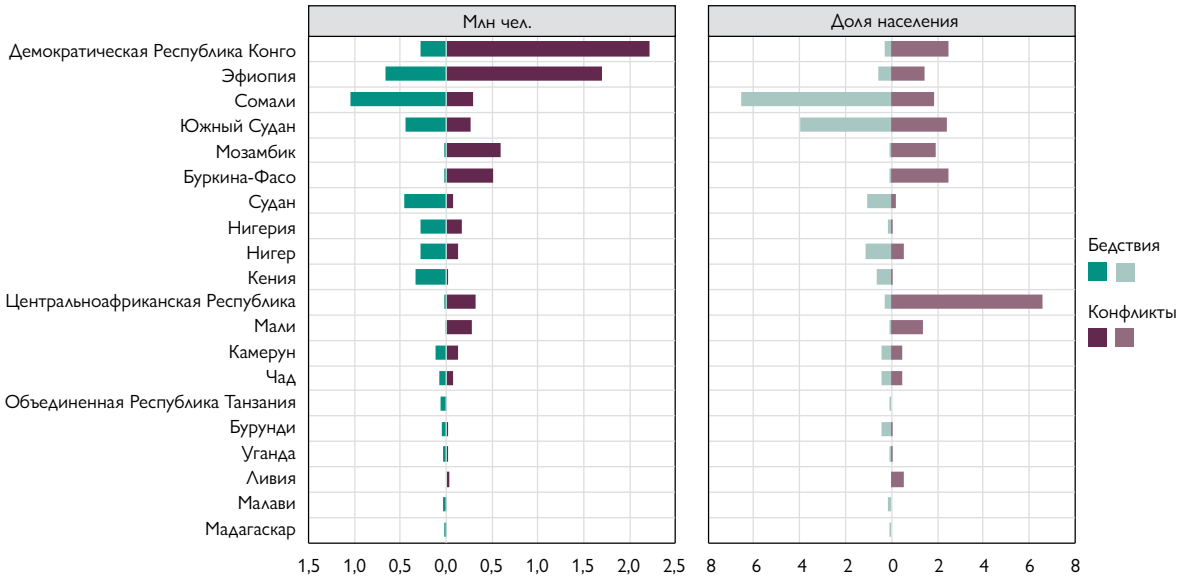
Источник: УВКБ, n.d.a.

Примечание: Определение «принятые» относится к тем беженцам и просителям убежища из других стран, которые проживают в принимающей стране (правая часть диаграммы); «за рубежом» относится к беженцам и просителям убежища из данной страны, которые находятся за пределами страны своего происхождения. Десять ведущих стран определены на основе данных за 2020 год, которые рассчитываются путем суммирования беженцев и просителей убежища, прибывших в страны и выехавших из стран.

В 2020 году крупнейшие новые внутренние перемещения в Африке имели место в странах к югу от Сахары, причем большинство из них было вызвано конфликтами (см. рис. 7). Крупнейшие в регионе перемещения в результате конфликта произошли в Демократической Республике Конго и Эфиопии. К концу 2020 года в Демократической Республике Конго имели место немногим более 2 млн новых перемещений в результате конфликта, а в Эфиопии — более 1,6 млн. Хотя в Центральноафриканской Республике масштабы перемещений вследствие конфликта не столь значительны в абсолютных цифрах, в этой стране отмечалась самая высокая доля перемещенного населения в процентном отношении ко всему ее населению (около 7%).

Первое и второе места по масштабам перемещений в результате стихийных бедствий занимали, соответственно, Сомали и Эфиопия. В Сомали причиной многих перемещений стали проливные дожди и последовавшие за ними наводнения. В странах Африки к югу от Сахары связанные со стихийными бедствиями явления еще больше усугубили кризисы, особенно в странах, уже находящихся в состоянии конфликта, что вызвало новые и вторичные перемещения.

Рисунок 7. 20 ведущих стран Африки по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2020 году



Источник: IDMC, n.d.; ДЭСВ ООН, 2021.

Примечания: Термин «новые перемещения» означает число передвижений в контексте перемещения, которые имели место в 2020 году, а не численность общего контингента ВПЛ, накопившегося вследствие перемещения в течение определенного времени. Данные о числе новых перемещений включают лиц, которые были перемещены более одного раза, и не соответствуют числу людей, перемещенных в течение года.

Данные о численности населения, использованные для подсчета доли новых перемещений, вызванных бедствиями и конфликтами, основаны на оценках численности общего постоянного населения стран, произведенных ДЭСВ ООН за 2021 год, а данные о процентной доле используются только в соответствующих иллюстративных целях.

Основные особенности и изменения в Африке[4]

Западная и Центральная Африка

Пандемия COVID-19 и соответствующие меры по ее сдерживанию оказали широкомасштабное воздействие на миграцию и мобильность в Западной и Центральной Африке, нарушив внутрирегиональное передвижение и поставив мигрантов в затруднительное положение. Большинство международных мигрантов из Западной и Центральной Африки перемещаются в пределах субрегиона. Многие мигрируют по экономическим причинам, в том числе для работы как в неформальном, так и в официальном секторах[5]. Однако в первые месяцы пандемии ограничения на поездки и передвижение, в частности закрытие границ, привели к приостановке действия механизмов свободного передвижения, таких как договоренности Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС), которое долгое время способствовало повышению мобильности внутри субрегиона[6]. В период с марта по апрель 2020 года до 12 стран субрегиона закрыли свои границы[7]. В результате в период с января по апрель 2020 года в Западной и Центральной Африке почти на 50 процентов сократились внутрирегиональные миграционные потоки в ключевых транзитных пунктах[8]. Закрытие границ также привело к тому, что тысячи мигрантов, включая сезонных рабочих, студентов и скотоводов, которые традиционно перемещаются по

коридору отгонного животноводства между Мавританией и Чадом, оказались в тяжелом положении. К середине 2020 года примерно 50 000 мигрантов застряли в карантинных и транзитных центрах, а также на международных границах в Западной и Центральной Африке[9]. Ограничения на поездки также оказали разрушительное воздействие на торговлю и средства к существованию жителей приграничных общин, включая мигрантов, так как многие из них заняты в неформальном секторе, в котором работает большинство населения как Западной, так и Центральной Африки[10]. Кроме того, поскольку официальные каналы найма приостановили функционирование, а границы оказались закрыты, некоторые мигранты в Западной Африке прибегли к использованию незаконных каналов миграции, в связи с чем сообщалось, что контрабандисты взимают более высокую плату за содействие поездкам между странами. Однако в первые месяцы кризиса из-за ужесточения пограничного контроля и общего сокращения передвижений населения незаконный ввоз мигрантов из субрегиона сократился, при этом потоки нелегальной миграции, например, в Европу также временно сократились[11]. Хотя многие страны вновь открыли свои границы, различные ограничения в области здравоохранения и путешествий остаются и продолжают оказывать влияние на миграцию и мобильность в субрегионе. Пандемия также усложнила политические приоритеты, в том числе связанные с регулированием миграции; однако, как показывают некоторые аналитические выводы, возникает также возможность укрепить управление миграцией и сотрудничество в субрегионе, и в некоторых странах есть стимул для этого[12].

Кризис в Центральном Сахеле, характеризующийся недавней вспышкой конфликта и насилия, привел к одной из самых серьезных гуманитарных катастроф в Африке. В последние годы в районе Центрального Сахеля, который охватывает Буркина-Фасо, Нигер и Мали, наблюдается рост насилия, вызванный сочетанием факторов, включая конкуренцию за природные ресурсы, отсталость и бедность. Негосударственными вооруженными группами в сельской местности особенно активно используется насилие для получения доступа к природным ресурсам, а государственные органы все чаще переезжают в города. Кроме того, межобщинное насилие в сельских районах, в том числе конфликт между фермерами и скотоводами из-за отгонного животноводства, также осложнило и без того сложную гуманитарную ситуацию, а последствия изменения климата, такие как непредсказуемые погодные условия и рекордно жаркие периоды, усугубили межобщинную напряженность и насилие. По оценкам, к концу 2020 года в этих трех государствах 1,9 млн человек были внутренне перемещенными лицами, и в том же году тысячи людей погибли в результате насилия[13].

Изменение климата и экстремальные погодные явления являются серьезными факторами перемещения, продолжая при этом влиять на средства к существованию миллионов людей и усиливая конкуренцию за природные ресурсы. В Центральной и Западной Африке изменение климата способствовало продолжительным засухам и непредсказуемым осадкам, влияя на модели землепользования фермеров и скотоводов[14]. Сильные засухи, которые стали более частыми, не только подрывают основу средств к существованию, но и вынуждают многих скотоводов переселяться[15]. Более распространенными также стали штормовые нагоны и наводнения, которые только в 2020 году затронули более 2 млн человек в 18 странах субрегиона, приведя к уничтожению скота, земли и товаров, и усугубили продолжающееся отсутствие продовольственной безопасности[16]. Например, в Демократической Республике Конго и Камеруне проливные дожди и наводнения обусловили примерно 279 000 и 116 000 новых перемещений соответственно[17]. Кроме того, изменение климата усугубило существующие трения в общинах из-за ограниченного доступа к воде и пастбищам, что привело к росту насилия в соперничестве за контроль над этими природными ресурсами. В этой связи следует отметить регион Среднего пояса Нигерии и границу между Буркина-Фасо и Мали, где этой ситуацией воспользовались экстремистские группы, которые используют текущую напряженность для продвижения своих целей[18].

Одной из характерных особенностей положения в Западной и Центральной Африке по-прежнему является перемещение, вызванное проявлениями насильственного экстремизма, в результате которых миллионы людей были вынуждены покинуть свои дома. В бассейне озера Чад, включая Нигерию, Чад, Нигер и Камерун, экстремистские группы, такие как «Боко Харам», активизировали свои нападения и похищения гражданских лиц, продолжая при этом вербовать детей для участия в боевых действиях[19]. В последние годы также появились новые экстремистские группы, тогда как другие расширились за счет установления связей с региональными или международными группами[20]. Помимо «Боко Харам», существует несколько других активных групп, действия которых не только вызвали перемещения, но и привели к гибели людей и отбросили назад общества, нивелировав годы достижений в области развития в бассейне озера Чад и Сахеле[21]. Их экспансии в Западной Африке отчасти способствовали контрабандисты и сети торговли людьми, а также прозрачные границы в субрегионе[22]. Экстремистские группы продолжают пользоваться скрытой межэтнической враждой, бедностью и отсутствием государственного контроля в некоторых сельских районах для привлечения новобранцев и реализации своих планов[23]. Тем временем новые коалиции вооруженных групп в Центральной Африке сломали жизни многим людям. Например, каждый четвертый житель Центральноафриканской Республики был либо беженцем, либо ВПЛ, и за первые шесть месяцев 2020 года внутри страны было перемещено почти столько же людей, сколько за весь 2019 год[24].

Женщины и девочки составляют значительное число мигрантов в Западной и Центральной Африке, и многие из них сталкиваются с целым рядом гендерных рисков. Женщины в субрегионе мигрируют по разным причинам, в том числе в поисках экономических возможностей, чтобы воссоединиться со своими семьями и продолжить свое образование[25]. В Западной Африке почти половина всех мигрантов внутри субрегиона и из него составляют женщины[26]. Растущее число женщин-мигрантов в субрегионе также проявляется в количестве возвращающихся мигрантов, среди которых отмечается все больше женщин[27]. Экономические факторы остаются основной движущей силой миграции, и, хотя женщины-мигранты заняты как в формальной, так и в неформальной трудовой деятельности, большинство из них по-прежнему работают в неформальной экономике, в том числе в таких областях, как торговля и домашнее хозяйство[28]. Женщины, мигрирующие из субрегиона и внутри него, сталкиваются с рядом проблем и рисков как во время миграции, так и после прибытия в страны назначения. Сексуальная эксплуатация и насилие во время миграционных поездок, нестабильные условия занятости в странах назначения и низкая заработная плата — таковы некоторые из проблем, с которыми сталкиваются многие из них[29].

Восточная и южная части Африки

Пандемия COVID-19 нанесла огромный ущерб миллионам мигрантов, включая беженцев, как в восточной, так и в южной частях Африки. В первые недели и месяцы пандемии несколько стран субрегиона полностью закрыли свои границы и ограничили передвижение, что привело к значительному снижению миграции и мобильности внутри субрегиона[30]. Помимо закрытия границ, некоторые страны приостановили прием новых просителей убежища и беженцев, в результате чего многие люди — по крайней мере временно — остались без защиты[31]. Например, Уганда, принимающая одну из крупнейших групп беженцев в мире, в начале 2020 года фактически прекратила проведение своей политики «открытых дверей» для беженцев и просителей убежища. Кроме того, беженцы, проживающие в переполненных лагерях, и беженцы в отдаленных районах, находящиеся вдали от государственных медицинских учреждений, сталкиваются с рядом проблем, в том числе с плохим доступом к тестированию и лечению или его отсутствием, одновременно испытывая трудности с соблюдением физического и социального дистанцирования, что делает их особенно уязвимыми к заражению COVID-19[32]. По мере перехода стран к локдауну, в результате которого многие мигранты остались

без работы и средств для возвращения домой, тысячи людей в субрегионе оказались в затруднительном положении[33]. Пандемия также повлияла на нелегальную миграцию из региона. В первые несколько месяцев пандемии наблюдалось снижение числа нелегальных мигрантов, прибывающих из региона в Европу, хотя к середине 2020 года их число вновь возросло[34]. Однако сокращение числа мигрантов из района Африканского Рога, следующих в страны Залива через Йемен, оказалось гораздо более устойчивым, поскольку их количество в 2020 году снизилось на 73%[35]. В том же году тысячи мигрантов из стран Африканского Рога также вернулись из Йемена, часто с помощью контрабандистов, поскольку многие лишились источников дохода из-за сбоев, вызванных пандемией, а также стали сталкиваться с ростом злоупотреблений в области прав человека[36]. Закрытие границы между Йеменом и Саудовской Аравией в 2020 году также означало, что многие мигранты, направлявшиеся в Саудовскую Аравию, уже не могли добраться до желаемых пунктов назначения[37]. Последствия пандемии способствовали срыву мирных процессов и миротворческих операций по всему миру, в том числе в Восточной Африке, и тем самым затягиванию конфликтов, которые продолжают приводить к перемещению населения в субрегионе[38]. В то же время в некоторых районах южной части Африки пандемия использовалась для подпитки ксенофобии и превращения мигрантов в козлов отпущения[39]. Незарегистрированные мигранты и просители убежища, как и другие мигранты, сильно пострадали от мер по введению локдаунов, которые ухудшили их и без того тяжелые социально-экономические условия, при этом многие из них не могли получить доступ к соответствующим услугам поддержки в связи с пандемией[40]. Хотя некоторые страны субрегиона охватили мигрантов, таких как беженцы и просители убежища, своими медицинскими мерами в связи с COVID-19, включая вакцинацию, другие по-прежнему исключали их, в особенности не распространяя эти меры на нелегальных мигрантов[41].

Одной из основных особенностей восточной и южной частей Африки является трудовая миграция, в рамках которой внутри субрегиона и из него перемещается значительное количество трудящихся-мигрантов. С годами масштабы внутрирегиональной миграции в восточной и южной частях Африки увеличились, что отчасти объяснялось ростом числа трудящихся-мигрантов в субрегионе[42]. В Восточной Африке усилия по интеграции, такие как принятие Протокола об общем рынке Восточной Африки, хотя и сталкиваются с серьезными проблемами в плане реализации, постепенно облегчили трансграничную занятость[43]. Недавно достигнутые договоренности, такие как Протокол о свободном передвижении и отгоне скота, одобренный в июне 2021 года, также могут еще больше ускорить внутрирегиональную миграцию после ратификации и реализации государствами-членами Межправительственной организации по развитию (ИГАД)[44]. Другие региональные экономические сообщества, такие как Общий рынок востока и юга Африки (КОМЕСА), также разработали программы для дальнейшего облегчения легальной трудовой миграции между государствами-членами[45]. Также широко распространена внутрирегиональная нелегальная миграция, в том числе по экономическим причинам[46]. Как и в Восточной Африке, в государствах-членах Сообщества по вопросам развития стран юга Африки (САДК) также увеличилось количество международных трудящихся-мигрантов, включающих трудовых мигрантов из южной части Африки и из-за ее пределов[47]. Все большее число людей также мигрирует за пределы субрегиона. Основными направлениями для эмигрантов из стран Восточной Африки, таких как Кения, традиционно были Северная Америка и Европа. В 2020 году самая большая кенийская диаспора проживала в Соединенных Штатах (около 157 000 человек) и Соединенном Королевстве (около 139 000 человек)[48]. Государства Залива также стали важным местом назначения для растущего числа трудящихся-мигрантов из Уганды, Кении и Эфиопии[49]. В последние годы наличие крупных общин диаспоры в составе выходцев из субрегиона привело к значительному притоку в него международных денежных переводов. Например, Кения, третий по величине получатель денежных переводов в странах Африки к югу от Сахары после Нигерии и Ганы, в 2020 году получила более 3 млрд долл. США, что на 9% больше, чем в 2019 году[50]. Этот рост потоков денежных переводов в Кению в значительной степени стимулировался увеличением потоков из Соединенные Штатов[51]. Другие страны субрегиона, значительная часть населения

которых проживает за границей, такие как Сомали и Уганда, также входят в десятку крупнейших стран-получателей денежных переводов в Африке к югу от Сахары[52]. Южная Африка также является основным местом назначения для многих мигрантов из субрегиона и является крупнейшим источником денежных переводов в Африке.

Всплеск террористических нападений, а также непрекращающиеся конфликты в некоторых районах южной и восточной частей Африки по-прежнему являются важными факторами перемещения. В северном Мозамбике интенсификация нападений с применением насилия со стороны группировки «Ахлю-Сунна валь-Джамаа» привела к резкому увеличению числа перемещенных лиц. Эти крайне жестокие нападения погрузили в еще более глубокий кризис северные провинции страны, такие как Кабу-Делгаду, которые все еще преодолевают разрушительные последствия циклона «Кеннет»[53]. К концу 2020 года конфликты и насилие вызвали более полумиллиона перемещений в Мозамбике, который в 2020 году занимал четвертое место в мире по количеству новых перемещений, обусловленных конфликтами[54]. В Восточной Африке несколько стран также продолжают сталкиваться со спорадическими вспышками насилия и периодическими конфликтами. Нападения «Аш-Шабаб» в Сомали, а также общегосударственные и региональные военные операции против этой группы боевиков продолжают вынуждать людей покидать их дома, в то время как в Южном Судане, несмотря на мирное соглашение, восстановившее определенную стабильность, конфликт между местными ополченцами продолжался и в 2020 году[55]. Одним из крупнейших факторов перемещения в районе Африканского Рога, оказывающим влияние на Восточную Африку, является продолжающийся конфликт в Тыграе, Эфиопия; столкновения унесли тысячи жизней и привели к внутреннему и трансграничному перемещению населения как в Тыграе, так и в соседних Афаре и Амхаре[56]. Согласно оценкам в Эфиопии к концу 2020 года в результате конфликтов и насилия были перемещены 1,7 млн человек, что является третьим по величине показателем в мире после Демократической Республики Конго и Сирийской Арабской Республики[57]. Кроме того, из страны по причине насилия бежали тысячи людей, многие из которых были приняты в соседнем Судане[58].

Восточная Африка продолжает оставаться одновременно принимающим субрегионом и субрегионом происхождения для некоторых из крупнейших групп беженцев в мире. В 2020 году Южный Судан был страной происхождения четвертой по величине группы беженцев в мире (более двух миллионов человек)[59]. Сомали, еще одна страна субрегиона, пострадавшая от многолетнего конфликта и насилия, стала местом происхождения более 800 000 беженцев[60]. Район восточной части и Африканского Рога и район Великих озер по-прежнему являются местами происхождения большинства африканских беженцев, а из всего региона в 2020 году выехали более 5 млн человек[61]. В 2020 году регион также принял значительное число беженцев (около 4,5 млн человек)[62]. Уганда с более чем 1,4 млн беженцев была четвертой страной по количеству принятых беженцев в мире, которые прибыли в основном из Южного Судана[63]. Несколько стран субрегиона, таких как Уганда, сохранили свою политику открытых дверей, а также все чаще принимают прогрессивные национальные нормативно-правовые рамки в отношении беженцев, отчасти в духе Глобального договора о беженцах[64].

Экстремальные погодные явления, в том числе наводнения, засухи и ураганы, сказываются на источниках средств к существованию в субрегионе, часто приводя к значительному перемещению населения. Несколько стран Восточной Африки, уже охваченных конфликтами и насилием, за последние два года пережили разрушительные бедствия. Например, Кения, Эфиопия, Сомали и Южный Судан пострадали от одних из самых сильных за последние десятилетия наводнений, которое создало условия для катастрофического нашествия саранчи, нанесшего ущерб источникам средств к существованию во всем регионе в 2020 году[65]. В 2020 году в Южном Судане бедствия, особенно наводнения, привели к более чем 440 000 новых перемещений, вызванных стихийными бедствиями[66]. В том же году в Эфиопии было

зарегистрировано около 664 000 новых перемещений, вызванных стихийными бедствиями[67]. Несколько стран на юге Африки также пострадали от медленно и быстро наступающих бедствий. Например, в Мозамбике, стране, все еще не оправившейся от разрушительных последствий циклонов «Идай» и «Кеннет», в январе 2021 года циклон «Элоиза», вызвавший оползень, поставил выживание сотен тысяч людей в зависимость от гуманитарной помощи[68]. В таких странах, как Объединенная Республика Танзания, недавние наводнения также были связаны с повышением температуры поверхности вод Индийского океана, которое способствует возникновению условий, подобных феномену Ла-Ниньо, а в некоторых частях страны сильные засухи привели к снижению уровня воды в таких водоемах, как озеро Танганьика[69]. Эти климатические эффекты воздействуют на уже существующие движущие силы миграции, в том числе связанные с экономическими факторами, причем больше всего страдают общины, зависимые от неорошаемого земледелия.

Северная Африка

Последствия пандемии COVID-19 и связанных с ней ограничений на передвижение для мигрантов и миграции в Северной Африке привели к изменению моделей нелегальной миграции, вынужденному отсутствию мобильности, принудительному возвращению и дискриминации. Хотя Северная Африка остается основным транзитным районом для мигрантов из других частей Африки, пытающихся добраться до Европы, в 2020 году закрытие границ в субрегионе привело к сокращению общего числа мигрантов, отправляющихся в Европу через Средиземное море[70]. Однако между различными маршрутами из Северной Африки наблюдались большие различия: например, число людей, пользующихся Центральным средиземноморским маршрутом, увеличилось в 2020 году по сравнению с 2019 годом[71]. Пандемия и соответствующие меры по ее сдерживанию также оказали неблагоприятное и особое воздействие на мигрантов, включая лиц, содержащихся под стражей в странах с серьезными проблемами в области защиты, таких как Ливия, где перенаселенность, плохие санитарные условия и отсутствие безопасной воды сделали их уязвимыми для заражения COVID-19[72]. Другие мигранты в субрегионе оказались в затруднительном положении из-за закрытия границ или из-за приостановление программ добровольного возвращения[73]. В некоторых случаях власти принудительно возвращали мигрантов, оставляя их беспомощными в пустыне[74]. Принудительное возвращение мигрантов из Северной Африки и других частей мира побудило Сеть ООН по вопросам миграции выступить с заявлением, призывающим приостановить эти меры во время пандемии[75]. Однако некоторые страны Северной Африка, например Алжир – по согласованию со странами происхождения, включая Мали, – временно отменили ограничения на поездки и, в частности, позволили МОМ содействовать безопасному возвращению застрявших мигрантов[76]. Пандемия также нанесла значительный финансовый ущерб большому числу мигрантов в субрегионе, поскольку многие потеряли источники дохода. Мигранты также сталкивались с дискриминацией и стигматизацией, усугубляемыми лишением доступа к жизненно важным услугам, таким как медицинская помощь, хотя некоторые страны, в частности Египет, охватили мигрантов своими мерами в области здравоохранения и планами вакцинации[77]. Кроме того, женщины-мигранты пострадали от пандемии COVID-19 несоразмерно больше, а в таких странах, как Тунис, женщины не только чаще мужчин сообщали о потере дохода, но и больше подвергались риску сексуальной эксплуатации[78].

Северная Африка числится среди крупнейших получателей международных денежных переводов в мире, что обусловлено значительным количеством эмигрантов из субрегиона. Эмиграция, особенно из стран Магриба, таких как Алжир, Марокко и Тунис, издавна является характерной особенностью Северной Африки[79]. Из других стран субрегиона, включая Египет, также происходят крупные группы эмигрантов. Двумя основными направлениями для мигрантов из Северной Африки являются Европа и Азия. В 2020 году в Европе в общей сложности находилось более 5 млн мигрантов из Марокко, Алжира и Туниса[80]. Хотя Европа

является основным местом назначения для мигрантов из этих трех стран, азиатские страны, в частности члены Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССЗ), являются основными пунктами назначения мигрантов из Египта[81]. Например, в 2020 году в Саудовской Аравии проживали почти миллион египетских мигрантов, около 900 000 человек — в Объединенных Арабских Эмиратах и более 400 000 человек — в Кувейте[82]. Учитывая его большую диаспору, субрегион за эти годы стал одним из крупнейших получателей международных денежных переводов в мире. В 2020 году приток международных денежных переводов в Египет достиг рекордных 30 млрд долл. США, что сделало его пятым по величине получателем в мире[83]. Несмотря на пандемию COVID-19, денежные переводы в Египет увеличились примерно на 11%, в то время как в Марокко они выросли на 6,5%[84]. Денежные переводы в Марокко и Тунис составляют более 5% ВВП, тогда как в Египте эта цифра превышает 8%[85]. Международные потоки денежных переводов в субрегион потенциально могут расти и дальше, поскольку Европейский союз (ЕС) стремится расширять каналы легальной миграции в регионе с помощью таких инструментов, как Кадровый резерв ЕС и Партнерство талантов, являющихся частью Нового пакта ЕС о миграции и убежище; при этом Северная Африка является одним из субрегионов, которые выиграют от этих новых схем[86].

Северная Африка по-прежнему является местом происхождения и назначения большого числа беженцев и ВПЛ, при этом конфликты и насилие играют важную роль в перемещении внутри субрегиона и из него. В течение десятилетия такие страны, как Ливия, были вовлечены в конфликты и политическую нестабильность, вынуждающие сотни тысяч людей покидать свои дома и серьезно ограничивающие доступ к основным услугам[87]. Доставка гуманитарной помощи также часто сталкивается с препятствиями, а такие службы, как водоснабжение, здравоохранение и образовательная инфраструктура, регулярно подвергаются нападениям[88]. В 2020 году в Ливии находилось более 278 000 ВПЛ, многие из которых были перемещены в результате конфликта и насилия[89]. Хотя подписание соглашения о прекращении огня в октябре 2020 года привело к сокращению военных действий, более миллиона человек по-прежнему нуждаются в гуманитарной помощи[90]. Судан также продолжает переживать сложную политическую, гуманитарную и политическую ситуацию. Сопряженные с насилием конфликты в таких районах, как Кордофан и Дарфур, привели к перемещению многих людей, в то время как страна по-прежнему принимает у себя одну из самых больших групп беженцев в мире, большинство из которых являются выходцами из Южного Судана[91]. Среди других беженцев в Судане есть беженцы из соседних стран, таких как Эфиопия и Эритрея, а также из более отдаленных стран, охваченных конфликтом, включая Йемен и Сирийскую Арабскую Республику[92]. К концу 2020 года Судан принял около 1 млн беженцев и более 2,3 млн ВПЛ[93].

Многие мигранты в субрегионе продолжают испытывать множество проблем в связи с обеспечением защиты, при этом женщины и девочки особенно уязвимы в плане жестокого обращения. Помимо оскорблений и избиений, мигранты сталкивались с эксплуатацией, а также с плохими условиями жизни[94]. Эти реалии еще больше усугубляются в странах со слабым верховенством закона, где боевики, контрабандисты и торговцы людьми действуют безнаказанно. В Ливии мигрантов регулярно забирают и удерживают в «официальных» центрах содержания под стражей, где они сталкиваются с множеством злоупотреблений[95]. Другие мигранты оказываются взаперти в складских помещениях или в неофициальных центрах лишения свободы, оставленные на милость контрабандистов и торговцев людьми[96]. Международным организациям часто отказывают в доступе в эти центры, где многие находятся в ужасающих условиях[97]. Однако эти реалии не сводятся к положению задержанных мигрантов; многие в городских условиях сталкиваются с препятствиями в доступе к удовлетворению основных потребностей и получению услуг и живут в тяжелых нищенских условиях[98]. Женщины и девочки особенно подвержены таким злоупотреблениям, как изнасилования, в том числе во время своих поездок в субрегион и транзитом через него[99].

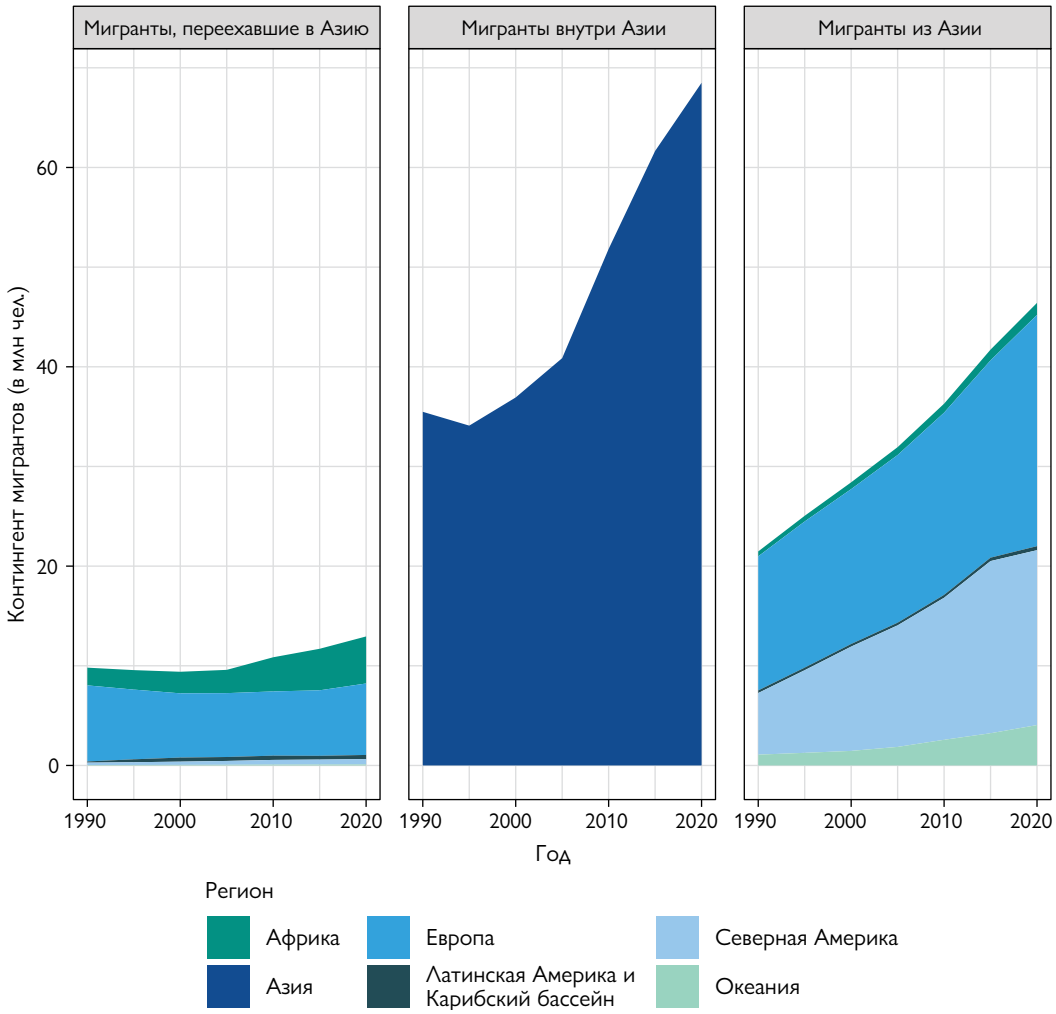
Северная Африка остается крупным транзитным узлом и отправным пунктом для мигрантов из субрегиона и стран Африки к югу от Сахары, пытающихся попасть в Европу и за ее пределы. Десятки тысяч мигрантов пытаются добраться до Европы из Северной Африки по двум основным маршрутам: Центральному средиземноморскому маршруту (в основном из Ливии и Туниса в Италию) и Западному средиземноморскому маршруту (в основном из Марокко и Алжира в Испанию)[100]. Несмотря на пандемию COVID-19, в 2020 году увеличилось количество прибытий как по Центральному, так и по Западному средиземноморским маршрутам. Количество прибытий в Европу по обоим маршрутам увеличилось на 86%, а именно: от более чем 41 000 до почти 77 000 прибытий[101]. По маршрутам центрального Средиземноморья в направлении Италии наибольшее число прибытий приходилось на тунисцев[102]. Мучительные путешествия по обоим маршрутам привели к множеству случаев гибели людей, и только в 2020 году в качестве погибших или пропавших без вести в море были зарегистрированы более 1500 мигрантов из Западной и Северной Африки, направлявшихся в Испанию, Мальту и Италию[103]. Многие мигранты полагаются на услуги контрабандистов, рассчитывая, что они доставят их в Северную Африку и через нее в Европу; например, те, кто пытается попасть в Ливию из стран Африки к югу от Сахары, в основном незаконно переправляются по двум маршрутам, включая Западный маршрут (используемый жителями Западной Африки, следующими транзитом через Нигер, Мали и Алжир) и Восточный маршрут (используемый в основном мигрантами из Восточной Африки, следующими транзитом через Судан и Чад). Мигранты часто подвергаются жестокому обращению во время этих поездок, и некоторые из них становятся жертвами торговли людьми, в том числе оказываясь в ситуациях, когда они не могут заплатить контрабандистам по прибытии в пункт назначения[104].

Азия[105]

В 2020 году Азия, в которой проживает около 4,6 млрд человек, была регионом происхождения свыше 40% всех международных мигрантов в мире (около 115 млн человек). В том же году более половины из них (69 млн человек) проживали в других странах Азии, что представляет собой существенное увеличение по сравнению с 2015 годом, когда, согласно оценкам, мигрантов внутри континента насчитывалось 61 млн человек. Как показано на средней панели рисунка 8, внутрирегиональная миграция в Азии с течением времени существенно увеличилась по сравнению с 35 млн человек в 1990 году. За последние два десятилетия в Северной Америке и Европе также значительно увеличились группы населения, состоящие из родившихся в Азии мигрантов. В 2020 году миграция из Азии в Северную Америку достигла 17,5 млн человек, что означало небольшое увеличение по сравнению с 17,3 млн человек в 2015 году, тогда как в Европе в 2020 году насчитывалось 23 млн мигрантов из Азии, численность которых увеличилась с почти 20 млн человек в 2015 году. Миграция из Азии в Северную Америку и Европу в значительной степени способствовала увеличению числа азиатских мигрантов за пределами региона, в 2020 году достигнув в общей сложности более 46 млн внешнерегиональных мигрантов.

С 1990 года число мигрантов неазиатского происхождения в Азии остается на относительно низком уровне. Крупнейшую группу мигрантов, прибывших в регион из стран за пределами Азии, составляют европейцы. В их число входят мигранты из европейской части бывшего Советского Союза, ныне проживающие в Центральной Азии. За тот же период выросло число африканцев, составляющих еще одну многочисленную группу мигрантов в Азии.

Рисунок 8. Мигранты, переехавшие в Азию, внутри Азии и из нее в 1990–2020 годах



Источник: ДЭСВ ООН, 2021.

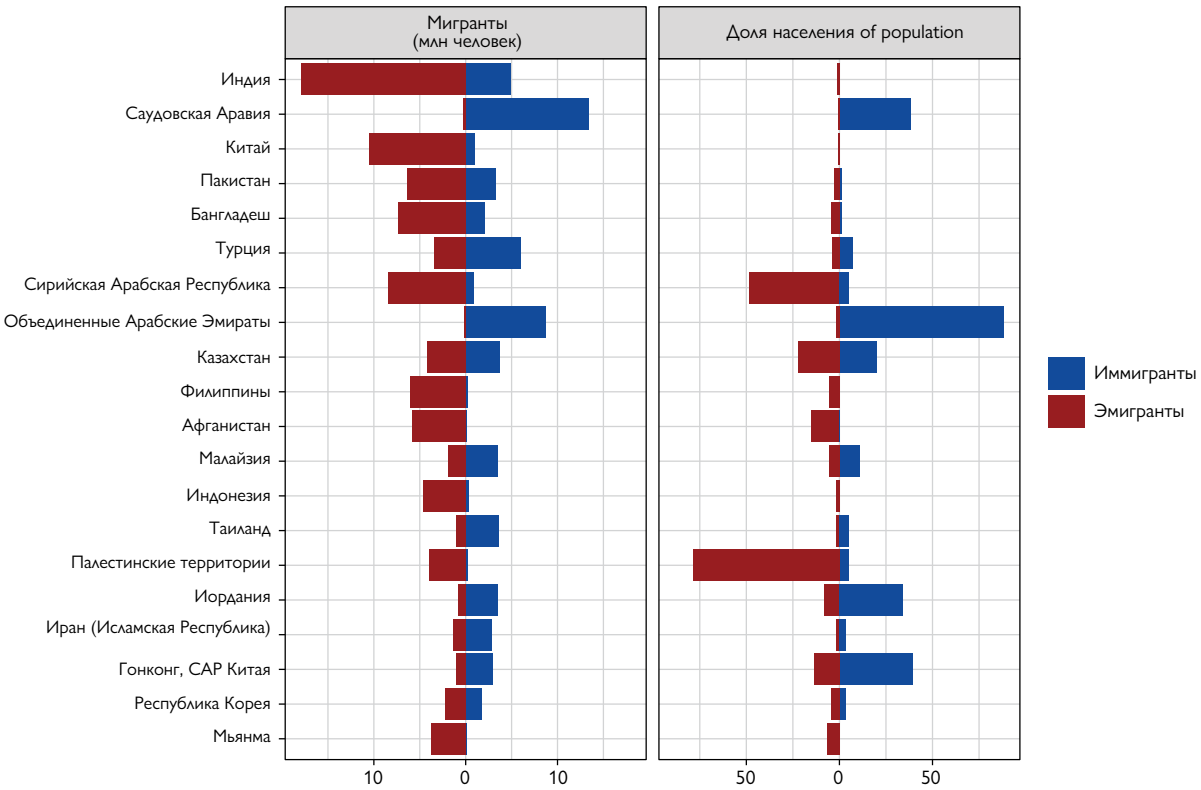
Примечание: Под «мигрантами, переехавшими в Азию» понимаются мигранты, проживающие в регионе (т.е. в Азии), которые родились в других регионах (например, Европе или Африке). «Мигранты внутри Азии» означают мигрантов, родившихся в регионе (т.е. в Азии) и проживающих за пределами страны своего рождения, но в азиатском регионе. «Мигранты из Азии» означают людей, родившихся в Азии, которые проживают за пределами этого региона (например, в Европе или Северной Америке).

Два азиатских «густонаселенных гиганта» Индия и Китай являются странами происхождения абсолютного большинства мигрантов, проживающих за рубежом (рис. 9). При этом важно отметить, что такое абсолютное большинство эмигрантов представляет собой малую часть всего населения Индии и Китая. Мигранты из Китая образовали четвертый крупнейший контингент рожденных за рубежом мигрантов в мире после Индии, Мексики и Российской Федерации. Почти 2 млн родившихся в Китае эмигрантов проживали в Соединенных Штатах, которые также были принимающей страной для других крупных групп азиатских мигрантов из Индии, Филиппин и Вьетнама. К числу других стран происхождения крупных групп мигрантов, проживающих за рубежом, относятся Бангладеш и Сирийская Арабская Республика.

В странах ССЗ мигранты образуют высокую долю всего населения стран (рис. 9). Например, в 2020 году на мигрантов приходилось 88% населения в Объединенных Арабских Эмиратах; почти 73% в Кувейте; 77% в Катаре; и 55% в Бахрейне. Многие мигранты прибыли из Африки, Южной Азии (например, Индии, Пакистана, Бангладеш и Непала) и Юго-Восточной Азии (например, Индонезии и Филиппин).

Также важно отметить, что текущие данные о мигрантах, родившихся за рубежом, также отчасти отражают такие значительные исторические события, как Раздел 1947 года, приведший к массовому перемещению людей между Индией и Пакистаном. Об этом свидетельствуют данные за 2020 год, которые показывают, что в обеих странах проживают, соответственно, свыше 5 млн и 3 млн родившихся за рубежом мигрантов.

Рисунок 9. 20 ведущих стран/территорий Азии по количеству мигрантов в 2020 году



Источник: ДЭСВ ООН, 2021.

Примечание 1: Данные о численности населения, использованные для расчета процентной доли иммигрантов и эмигрантов, основаны на данных ДЭСВ ООН об общей численности постоянного населения стран, которое включает население, родившееся за рубежом.

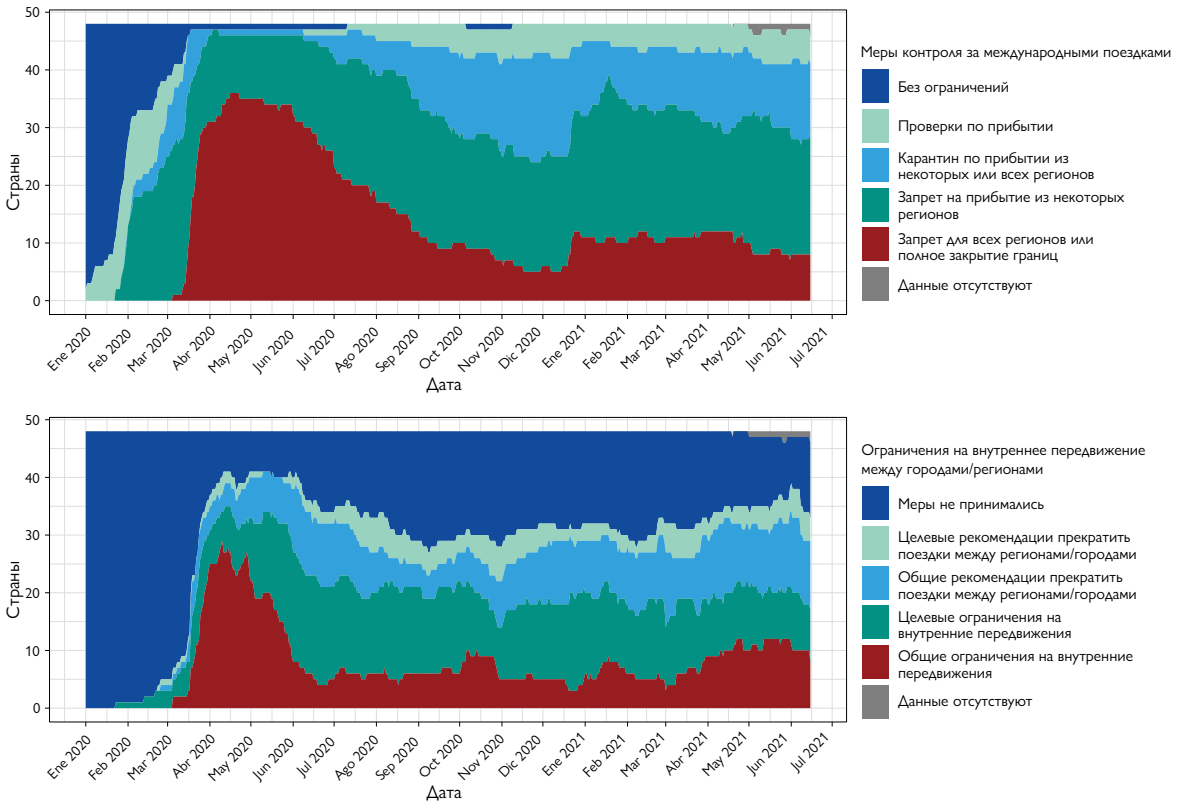
Примечание 2: «Иммигранты» означают родившихся за рубежом мигрантов, проживающих в стране. «Эмигранты» означают людей, родившихся в стране, которые в 2021 году проживали за пределами страны своего рождения.

Азиатские страны одни из самых первых ввели связанные с COVID-19 ограничения на международные и внутренние передвижения, чтобы сдержать распространение вируса. Подобно таким регионам, как Африка, контроль за международными поездками вступил в силу раньше, чем внутренние ограничения, а такие меры, как проверка прибывающих, были введены в действие уже в январе 2020 года (рис. 10). За ними вскоре последовали карантинные меры и запрет на въезд из некоторых регионов, при этом полное закрытие границ было введено только примерно с марта 2020 года, когда практически все страны региона имели ту или иную форму контроля над международными поездками.

Примечательно, что почти все страны Азии в течение 2020 года сохраняли такие ограничения на международные поездки, как проверка прибывающих, и к середине июня 2021 года эта мера все еще действовала для большинства стран. Карантинные меры снизились лишь незначительно, тогда как международный контроль, включая запреты на въезд и полное закрытие границ, со временем снизился, причем в последнем случае снизился гораздо быстрее.

Внутренние ограничения на передвижение, обычно введенные через некоторое время после международного контроля, значительно усилились примерно с середины марта 2020 года, а затем начали снижаться в середине мая. Однако это снижение не было равномерным для всех мер: такие ограничения, как рекомендации не ездить между регионами или городами — как конкретные, так и общие — снижались гораздо более постепенно, чем остальные меры. Тем не менее все меры внутреннего контроля в разные моменты усиливались, в том числе в первом квартале 2021 года.

Рисунок 10. Меры контроля за международными и внутренними поездками в связи с COVID-19 в Азии: январь 2020 года – июнь 2021 года

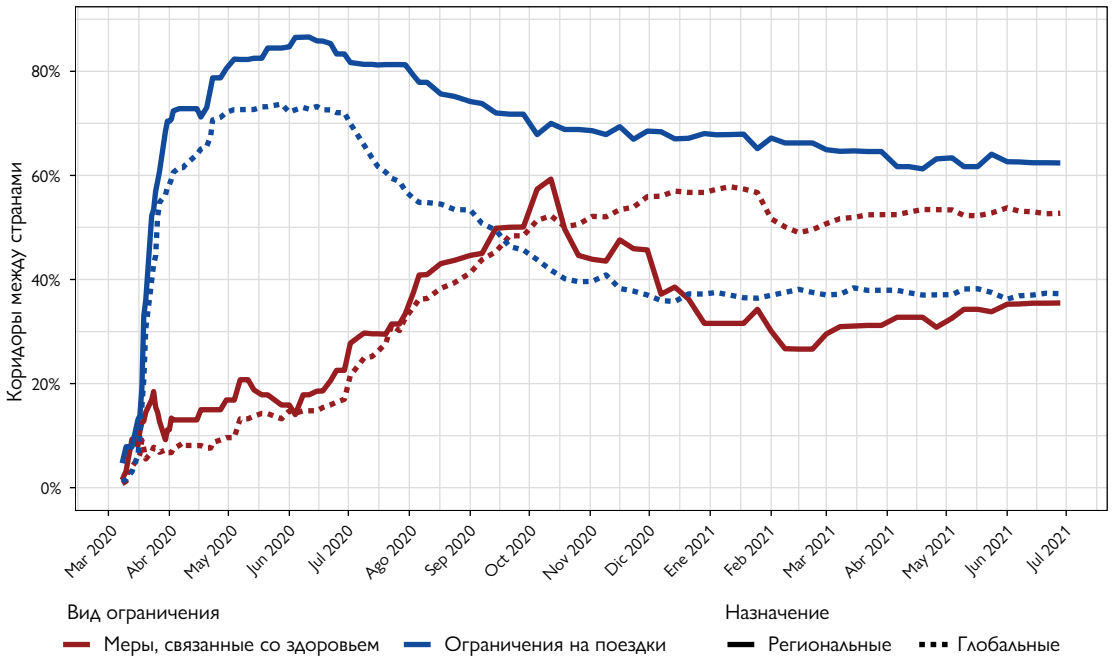


Источник: Hale et al., 2021.

Примечания: Используемые категории взяты из Системы отслеживания реагирования правительств Оксфордского университета; категории, включенные в набор данных, предназначены только для ограничений, связанных с COVID-19, и не отражают другие ограничения на поездки, которые также могут действовать, например, связанные с визовыми ограничениями, запретами на въезд на основании гражданства, ограничениями на выезд/выезд и внутренние передвижения.

В первые месяцы 2020 года в Азии наблюдался очень быстрый рост количества ограничений на поездки (внутрирегиональных и глобальных). Эти ограничения начали постепенно снижаться примерно в середине того же года. Однако в отличие от таких регионов, как Африка, где наблюдалось более резкое снижение ограничений на поездки внутри региона по сравнению с другими регионами мира, в Азии наблюдалась обратная динамика: в 2020 году и в первой половине 2021 года отмечался более строгий контроль внутрирегиональных поездок (см. рис. 11). . Медико-санитарные меры со временем усиливались, и к концу 2020 года меры, введенные в отношении стран за пределами Азии, превзошли ограничения на поездки за пределами региона. Однако медико-санитарные меры (в регионе) начали снижаться примерно в октябре 2020 года, и по состоянию на 30 июня 2021 года эти меры сохранялись менее чем в 40% коридоров между странами.

Рисунок 11. Меры в отношении международных поездок, связанные с COVID-19, в Азии: март 2020 года – июль 2021 года



Источник: MOM, 2021a.

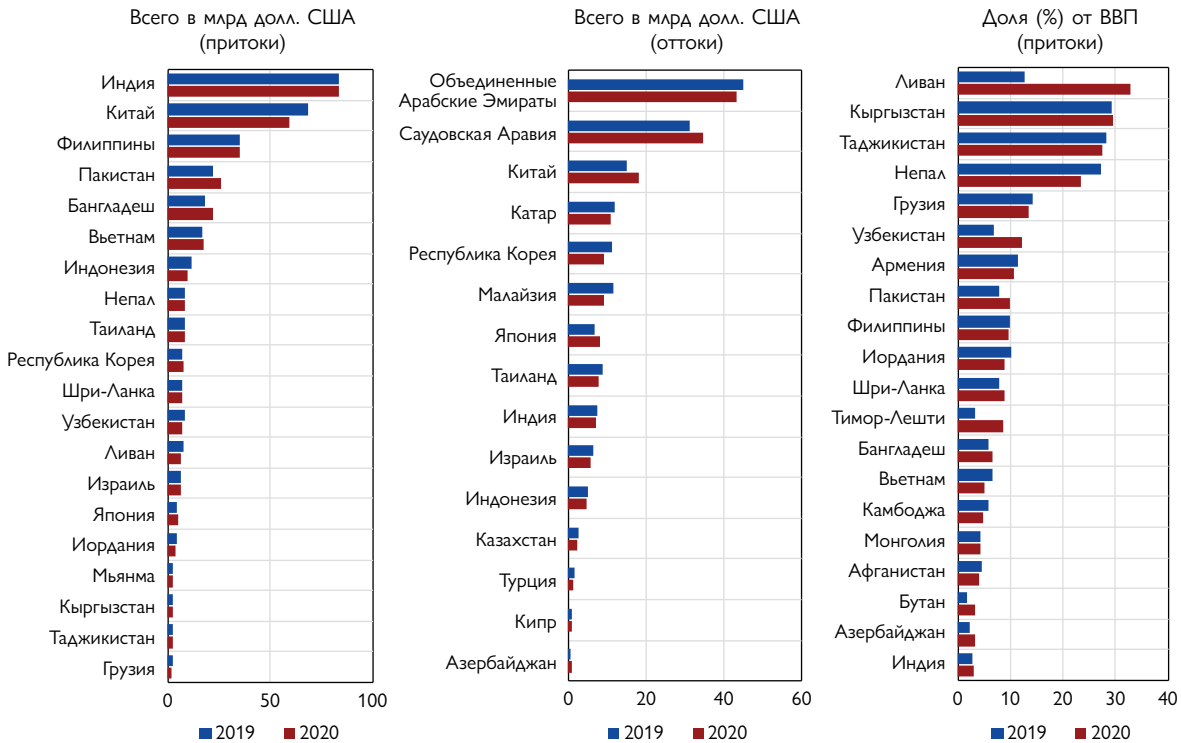
Примечания: Меры, связанные со здоровьем, включают проверки и мониторинг состояния здоровья, тестирование/медицинские справки и карантинные меры. Ограничения на поездки включают ограничения в отношении пассажиров на основании гражданства или прибытия из определенного географического места. Дополнительную информацию о методологии см. на странице МОП, посвященной ограничениям на мобильность.

В 2020 году Индия и Китай получили самые большие объемы международных денежных переводов в Азии на общую сумму в размере свыше 140 млрд долл. США. Другими крупными получателями денежных переводов были Филиппины, Пакистан и Бангладеш (см. рис. 12). В процентном отношении к ВВП одними из самых значительных получателей в 2020 году были Ливан (33%), Кыргызстан (29%), Таджикистан (27%) и Непал (24%). По сравнению с 2019 годом входящие потоки денежных переводов в Азию в 2020 году немного сократились примерно на 2 процента. В Индии, крупнейшей стране-получателе в регионе, денежные

переводы сократились всего на 0,2%, достигнув 83 млрд долл. США. Однако в Пакистане объем денежных переводов вырос более чем на 17% и достиг рекордного уровня в 26 млрд долл. США.

Что касается оттока денежных переводов, две страны ССЗ – Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия – были крупнейшей и второй по величине странами-источниками денежных переводов в Азии. В 2020 году денежные переводы, отправленные из Объединенных Арабских Эмиратов, достигли 43 млрд долларов США, хотя это означало снижение по сравнению с 2019 годом, когда отток составил почти 45 млрд долларов США. Однако денежные переводы из Саудовской Аравии за тот же период выросли с 31 млрд долларов США в 2019 году до 34 млрд долларов США в 2020 году. Другие страны, такие как Китай, Катар и Республика Корея, также были источниками значительных потоков денежных переводов.

Рисунок 12. Ведущие азиатские страны-получатели и страны-источники международных денежных переводов в 2019 и 2020 годах

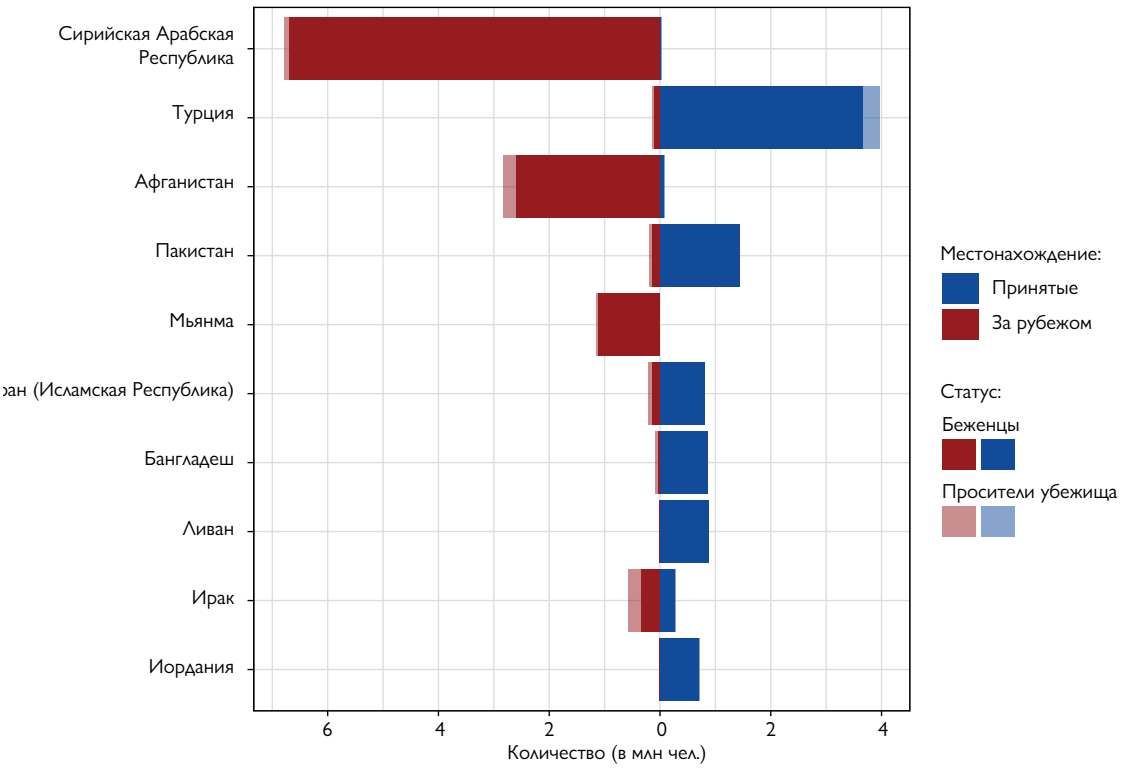


Источник: Всемирный банк, 2021.

Как показано на рисунке 13, одной из основных особенностей региона является международное перемещение внутри Азии и из Азии. В 2020 году основными странами происхождения беженцев в мире были Сирийская Арабская Республика и Афганистан. Влияние сирийского конфликта на перемещение явно можно видеть на рисунке 13, из которого явствует, что количество беженцев и просителей убежища из Сирийской Арабской Республики превосходит число беженцев из остальной части субрегиона. В 2020 году подавляющее большинство беженцев из стран Азии проживало в соседних странах. Например, беженцы из Сирийской Арабской Республики были преимущественно приняты в Турции (более 3,6 млн человек), Ливане (около 0,9 млн человек) и Иордании (почти 0,7 млн человек), тогда как беженцы из Афганистана,

число которых немного сократилось - с 2,7 млн человек в 2019 году до 2,6 млн человек в 2020 году, - в основном в Пакистане и Исламской Республике Иран. Однако события в Афганистане в середине 2021 года, связанные с выводом союзных войск и быстрым возвращением талибов, несомненно, приведут к увеличению числа беженцев из Афганистана в 2021 году. Из-за насилия и преследований, которым подвергается народ рохинджа, Мьянма была страной происхождения третьего по величине контингента беженцев в регионе и пятой по величине группы людей, перемещенных через границы в мире в 2020 году, причем большинство этих беженцев размещено в Бангладеш. Как показано на рисунке 13, важно также отметить, что страны происхождения, такие как Ирак, Пакистан и Исламская Республика Иран, также сами принимают беженцев.

Рисунок 13. 10 ведущих стран Азии по общему количеству беженцев и просителей убежища в 2020 году

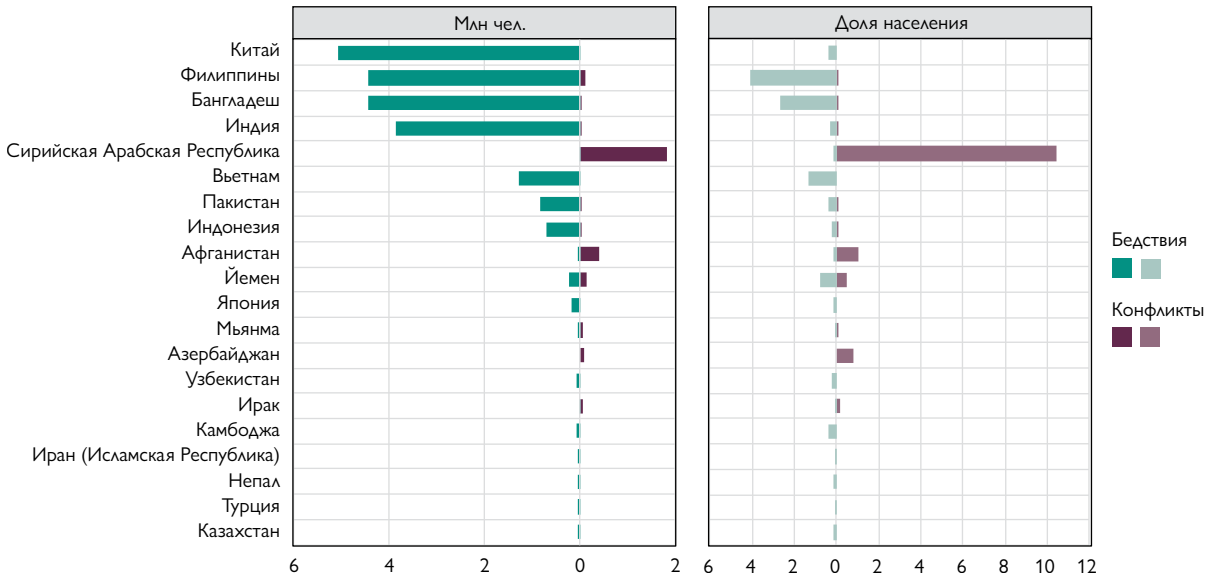


Источник: УВКБ, n.d.b.

Примечание: Определение «принятые» относится к тем беженцам и просителям убежища из других стран, которые проживают в принимающей стране (правая часть диаграммы); «за рубежом» относится к беженцам и просителям убежища из данной страны, которые находятся за пределами страны своего происхождения. Десять ведущих стран определены на основе данных за 2020 год, которые рассчитываются путем суммирования беженцев и просителей убежища, прибывших в страны и выехавших из стран.

Самые значительные новые внутренние перемещения в Азии были обусловлены стихийными бедствиями (рис. 14). На конец 2020 года в Китае имело место около 5 млн новых перемещений, вызванных стихийными бедствиями. Примечательно, что на Филиппинах было зарегистрировано почти столько же, как в Китае, новых перемещений, вызванных стихийными бедствиями, которых насчитывалось свыше 4 миллионов. Более того, в 2020 году такие стихийные бедствия, как наводнения, вызванные муссонами, оползни и сильные циклоны, обусловили крупномасштабные перемещения в Бангладеш (более 4 миллионов), Индии (почти 4 миллиона) и Вьетнаме (около 1 миллиона). Конфликты также способствовали новым внутренним перемещениям в Азии, причем наибольшее их число было зарегистрировано в Сирийской Арабской Республике (почти 2 миллиона). Другие страны, в которых произошли крупные перемещения в результате конфликта, включают Афганистан (404 000) и Йемен (143 000). Гуманитарный кризис в Йемене — один из самых серьезных в мире; два интенсивных сезона дождей в период с февраля по сентябрь, в результате которых в 2020 году было перемещено более 200 000 человек, усугубили уже существующий гуманитарный кризис в стране.

Рисунок 14. 20 ведущих стран Азии по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2020 году



Источник: IDMC, n.d.; ДЭСВ ООН, 2021.

Примечания: Термин «новые перемещения» означает число передвижений в контексте перемещения, которые имели место в 2020 году, а не численность общего контингента ВПЛ, накопившегося вследствие перемещения в течение определенного времени. Данные о числе новых перемещений включают лиц, которые были перемещены более одного раза, и не соответствуют числу людей, перемещенных в течение года.

Данные о численности населения, использованные для подсчета доли новых перемещений, вызванных бедствиями и конфликтами, основаны на оценках численности общего постоянного населения стран, произведенных ДЭСВ ООН за 2021 год, а данные о процентной доле используются только в соответствующих иллюстративных целях.

Основные особенности и изменения в Азии[106]

Ближний Восток

Мигранты в субрегионе столкнулись со значительными проблемами, вызванными пандемией COVID-19, и связанными с ней ограничениями на поездки и передвижение, которые усугубили существующие проблемы со здоровьем, ухудшили их экономическое положение, поставили многих в затруднительное положение и вынудили тысячи людей вернуться в свои страны. Например, в нескольких странах ССЗ мигранты подвергаются повышенному риску заражения COVID-19 из-за скученности в местах проживания и характера их работы, а также неадекватного доступа к медицинскому обслуживанию[107]. Кроме того, ввиду объявления странами локдауна и вынужденного прекращения компаниями своей деятельности многие мигранты также потеряли работу или столкнулись с задержками в оплате труда, что повлияло на их способность удовлетворять основные потребности или погасить долги[108]. Многие были вынуждены вернуться в страны своего происхождения[109]. Система «кафала», связывающая трудящихся-мигрантов своим работодателям, усугубили плохие условия труда и жизни многих трудящихся-мигрантов в странах Залива. Эти условия были особенно тяжелыми для домашних работников, которые из-за локдауна иногда оказывались у недобросовестных работодателей[110]. Вызывало беспокойство положение нелегальных мигрантов в центрах содержания под стражей в таких странах, как Саудовская Аравия и Йемен, поскольку были опасения, что стеснительные и антисанитарные условия их содержания сделают их крайне уязвимыми в плане заражения COVID-19[111]. Закрытие границ также поставило в затруднительное положение многих мигрантов в странах Залива и других районах субрегиона. Тысячи мигрантов, пытавшихся попасть в Саудовскую Аравию, застряли в Йемене, часто оставаясь без еды, крова и воды[112]. Пандемия также затронула ВПЛ и беженцев на Ближнем Востоке. Их скученные условия жизни в таких странах, как Ливан, означали, что многие беженцы подвергались повышенному риску заражения COVID-19[113]. Однако несколько стран региона, включая Ливан, со временем включили мигрантов в свои меры реагирования в области здравоохранения, такие как продолжающиеся кампании по вакцинации[114]. Другие страны, такие как Марокко и Иордания, также включают мигрантов в свои национальные программы вакцинации от COVID-19[115].

Хотя в ряде стран был достигнут прогресс в разрешении конфликтов и миростроительстве, конфликты и насилие остаются главными факторами перемещения в субрегионе. Соглашения о прекращении огня в таких странах, как Ирак, привели к сокращению числа перемещений, но новые наступления правительственных сил в Сирийской Арабской Республике и Йемене привели к изгнанию большого числа людей из своих домов[116]. В 2020 году наступление сирийского правительства в провинции Идлиб вызвало крупнейшее перемещение с начала войны[117]. Тем временем боевые действия в Нагорном Карабахе в сентябре 2020 году, последовавшие за месяцами напряженности в отношениях между Арменией и Азербайджаном, привели к гибели многих людей и перемещению многих тысяч людей за два месяца конфликта[118]. Это была наибольшая эскалация конфликта между двумя странами после перемирия 1994 года[119]. Хотя соглашение о прекращении огня, подписанное в ноябре 2020 года между Азербайджаном, Арменией и Российской Федерацией, обусловило деэскалацию боевых действий[120], многие люди остаются перемещенными лицами, и к концу 2020 года десятки тысяч людей все еще нуждались в гуманитарной помощи[121].

В последние годы некоторые страны региона пострадали от крупных стихийных бедствий, при этом постоянно выражаются опасения, что масштабы перемещения людей из-за изменения климата могут резко увеличиться. Несколько стран Ближнего Востока уязвимы к последствиям изменения климата и связанным с погодой стихийным бедствиям, а для некоторых стран, уже охваченных конфликтом, стихийные

бедствия усугубили текущие гуманитарные кризисы. В 2020 году в результате наводнения в Йемене, вызвавшего почти четверть миллиона новых перемещений, перемещению подверглись больше людей, чем из-за конфликтов и насилия[122]. Недавно возникшие двуединые проблемы Йемена – широкомасштабные перемещения, обусловленные стихийными бедствиями и конфликтами, – подчеркивают сложность гуманитарного кризиса в стране. Другие страны, такие как Иордания, Ливан и Сирийская Арабская Республика, в последние годы также сталкивались с периодическими наводнениями, что усугубляло положение беженцев и ВПЛ, живущих в лагерях[123]. Кроме того, несмотря на трудность выявления случаев перемещения населения, вызванного медленно наступающими опасными явлениями, в частности опустыниванием, есть основания полагать, что в таких странах, как Сирийская Арабская Республика, затяжная засуха, уничтожавшая источники средств к существованию еще до начала конфликта, могла сыграть свою роль в формировании сложного набора факторов, спровоцировавших гражданскую войну в стране[124].

Этот регион продолжает принимать один из крупнейших в мире контингентов беженцев и просителей убежища, одновременно являясь местом происхождения огромного количества таких лиц. В 2020 году Сирийская Арабская Республика с почти семью миллионами беженцев, покинувших страну, по-прежнему являлась крупнейшим источником беженцев в мире[125]. В других странах субрегиона, таких как Ирак, также значительное число населения было перемещено за рубеж. Помимо этого, на Ближнем Востоке по-прежнему расположены места назначения крупнейших групп беженцев, в основном из стран в пределах субрегиона[126]. Например, Ливан и Иордания входят в пятерку ведущих стран мира, принимающих беженцев (в процентном отношении к населению страны)[127]. Один из каждых восьми человек в Ливане и пятнадцати человек в Иордании является беженцем, многие из которых прибыли из Сирийской Арабской Республики или с палестинских территорий[128]. На Ближнем Востоке приняты около 5,7 млн беженцев с палестинских территорий, подпадающих под мандат Ближневосточного агентства Организации Объединенных Наций для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), что делает его субрегионом, принимающим один из крупнейших контингентов беженцев в мире[129].

Центральная Азия

В 2020 году страны Центральной Азии, сильно зависящие от международных денежных переводов, столкнулись со значительным снижением притока денежных переводов в результате пандемии. Из-за карантина и ограничений на передвижение в ключевых странах назначения, таких как Российская Федерация, многие трудящиеся-мигранты из субрегиона потеряли работу, подверглись значительному сокращению заработной платы или были вынуждены взять неоплачиваемый отпуск[130]. Потеря дохода имела серьезные экономические последствия, особенно для таких стран, как Кыргызстан и Таджикистан, которые в значительной степени зависят от международных денежных переводов. Например, в 2020 году денежные переводы в Кыргызстане и Таджикистане составили, соответственно, 29% и 27% ВВП. Потоки денежных переводов в Европу и Центральную Азию сократились почти на 10% в 2020 году, в то время как потоки из Российской Федерации в такие страны, как Таджикистан и Кыргызстан, сократились, соответственно, на 37% и 17% в результате последствий COVID-19 в Российской Федерации[131]. Потоки денежных переводов в страны Центральной Азии в значительной степени отражают модели миграции внутри субрегиона и из него, которые тесно связаны с работой и получением дохода. Российская Федерация, крупнейшее место назначения для мигрантов из субрегиона, остается страной с наибольшим объемом денежных переводов в страны Центральной Азии[132]. Выездная миграция, которая издавна характерна для Центральной Азии, практически прекратилась, поскольку страны назначения закрыли свои границы, в результате чего многие потенциальные трудящиеся-мигранты застряли и не могут покинуть свою страну[133]. Между тем закрытие границ также поставило в затруднительное положение тысячи мигрантов, пытающихся вернуться в страны

своего происхождения, в том числе транзитом через Казахстан, который предоставляет разрешение на транзит тем, кто возвращается в Таджикистан по суше, Кыргызстан и Узбекистан[134].

В последние годы в Центральной Азии произошли значительные стихийные бедствия, которые привели к перемещению десятков тысяч людей. Поскольку в субрегионе наблюдается постоянное повышение температуры, некоторые недавние внезапно наступающие бедствия были связаны с растущим воздействием изменения климата. Только в 2020 году проливные дожди и сильные наводнения в Узбекистане и Казахстане привели, соответственно, к 70 000 и 32 000 новых перемещений[135]. Прогнозируется, что экологические изменения вызовут увеличение частотности и интенсивности стихийных бедствий такого типа и могут привести к дальнейшему перемещению населения в субрегионе. Люди, живущие в районах пастбищ, сталкиваются с еще большими рисками, чем те, кто живет в засушливых районах, и в большей степени подвержены ущербу, причиняемому проливными дождями и наводнениями[136]. Эти бедствия представляют угрозу для средств к существованию людей; поскольку по мере интенсификации сильных штормов, засух, лесных пожаров, наводнений и селей возрастают риски для сельскохозяйственного производства, вызывая широкомасштабное отсутствие продовольственной безопасности в регионе[137].

Большинство международных мигрантов из Центральной Азии мигрировали в другие регионы, в основном в направлении Российской Федерации, которая на сегодняшний день является наиболее важным пунктом назначения для мигрантов из субрегиона. К концу 2020 года в Российской Федерации проживало около 5 млн мигрантов из Центральной Азии[138]. Большинство из них, свыше 2,5 млн человек, родились в Казахстане[139]. Мигранты, родившиеся в Узбекистане, составляют вторую по величине группу (более одного миллиона человек)[140]. В 2020 году около 40% процентов всех международных мигрантов в Российской Федерации были выходцами из Центральной Азии[141]. Значительное их число составляют трудящиеся-мигранты, покидающие свои страны из-за высокого уровня безработицы и в поисках лучшей оплаты и условий труда в Российской Федерации. Казахстан с его растущей экономикой, основанной на таких природных ресурсах, как нефть, также стал местом назначения для мигрантов из субрегиона[142].

Хотя в миграции из Центральной Азии доминируют мужчины, женщины из субрегиона также все чаще переезжают в такие страны, как Российская Федерация, в качестве трудящихся-мигрантов. Хотя мужчины традиционно составляли большинство трудящихся-мигрантов из субрегиона, в последние годы также растет число женщин-трудовых мигрантов, работающих в Российской Федерации[143]. Многие женщины-трудовые мигранты в Центральной Азии являются выходцами из Кыргызстана; так, около 51% кыргызских мигрантов в Российской Федерации составляют женщины[144]. Большинство из них работают в сфере услуг, включая общественное питание, и в качестве домашней прислуги[145]. В меньшей степени растет число женщин-мигрантов из других стран субрегиона, таких как Таджикистан. Женщины составляют около 41% всех таджикских мигрантов в Российской Федерации (42% таджикских мигрантов во всем мире)[146]. Большая часть эмиграции из Центральной Азии объясняется отсутствием экономических возможностей или поиском более высокой заработной платы и лучших условий труда. Однако играют роль также и другие факторы, такие как принудительные, ранние и подневольные браки. Было показано, что в Кыргызстане способствует эмиграции практика, известная как «похищение невест», при этом некоторые женщины используют миграцию, чтобы избежать принудительных и ранних браков[147]. Хотя трудовая миграция помогла некоторым из этих стран сократить безработицу за счет экспорта избыточной рабочей силы и тем самым извлечь выгоду из притока денежных переводов, она также создала нагрузку на многие домохозяйства и способствовала распаду семей[148].

Восточная Азия

Пандемия увеличила количество случаев ксенофобии и дискриминации в отношении мигрантов, переезжающих внутри субрегиона и из него, а ограничения в связи с пересечением границ оказали масштабное воздействие на миграцию и мобильность. Широкую огласку получили случаи дискриминации и ксенофобии в отношении китайских мигрантов и их потомков в других частях мира[149]. В некоторых случаях люди, которых принимали за лиц китайского происхождения, подвергались физическим нападениям, поскольку их все чаще ошибочно ассоциировали с передачей COVID-19[150]. С другой стороны, поступали сообщения о дискриминационной практике по отношению к мигрантам во время раннего реагирования на пандемию в субрегионе в связи с широким диапазоном мер, таких как карантинные требования, предписания о ношении масок и доступ к социальным пособиям и субсидиям местных органов власти, предоставляемым только на основании гражданства[151]. Более того, из-за локдаунов и ограничений на поездки многие мигранты не могут вернуться в страны, где они устроились на работу. Например, в начале 2020 года Япония запретила въезд неяпонским гражданам или постоянным резидентам, а также лицам, имевшим разрешение на работу, но временно выехавшим из страны в отпуск или на работу[152]. Эти ограничения также подорвали недавно предпринятые усилия, в том числе таких стран, как Япония, по восполнению нехватки рабочей силы за счет дальнейшего увеличения числа трудящихся-мигрантов в стране. Аналогичным образом, в Республике Корея также наблюдалось снижение числа прибывающих трудящихся-мигрантов[153].

Китай, миллионы населения которого проживают за рубежом, обладает одним из крупнейших транснациональных сообществ в мире и остается в числе ведущих получателей международных денежных переводов. По имеющимся оценкам, в 2020 году насчитывалось 10 миллионов китайских международных мигрантов, большое количество которых проживало в Канаде, Италии, Австралии, Республике Корея, Японии, Соединенных Штатах и Сингапуре[154]. Наличие у Китая большой диаспоры означает, что страна получает значительную долю (почти 9%) всех денежных переводов в мире (702 млрд долл. США). В 2020 году по притоку международных денежных переводов Китай уступал только Индии, получив почти 60 млрд долл. США[155]. Кроме того, что Китай был одним из крупнейших получателей денежных переводов, он также занимал третье место среди ведущих отправителей денежных переводов в Азии (более 18 млрд долл. США) после Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии, что свидетельствует о растущем количестве международных мигрантов в стране[156].

Помимо того, что Восточная Азия является местом происхождения одного из самых больших в мире контингента иностранных студентов, она все чаще становится ключевым направлением для студентов из других субрегионов. Китай является крупнейшей страной происхождения иностранных студентов в мире, большинство из которых проживает в Северной Америке[157]. По оценкам, в 2019–2020 учебном году в Соединенных Штатах обучалось 372 000 китайских студентов, при этом большую часть недавнего роста их количества обеспечили аспиранты[158]. Другими странами субрегиона со значительным числом обучающихся за границей граждан являются Республика Корея и Япония[159]. Восточная Азия также все чаще становится основным направлением для иностранных студентов. Некоторые страны, такие как Китай, уже давно осуществляют политику и планы по привлечению иностранных студентов, и за последние несколько лет он стал для них важнейшей страной назначения в Азии, в которой обучается почти полмиллиона иностранных студентов[160]. Большинство этих студентов приехали из других стран Азии и из стран Африки[161]. До пандемии COVID-19 в Республике Корея и Японии также наблюдался рост числа иностранных студентов. К апрелю 2020 года в Республике Корея было более 153 000 иностранных студентов, обучающихся в корейских колледжах и университетах, хотя из-за пандемии COVID-19 их количество сократилось по сравнению с предыдущим годом (около 160 000 студентов)[162]. Как и в Китае, большинство иностранных студентов в Республике Корея прибыли из других стран Азии.

В последние годы в субрегионе имели место несколько крупных перемещений в результате стихийных бедствий, большинство из которых произошло в Китае. В 2020 году в Китае состоялось более 5 млн новых перемещений, вызванных стихийными бедствиями, что стало самым худшим результатом почти за пять лет[163]. Речь идет также о крупнейших событиях перемещения населения среди тех, что произошли где-либо в мире[164] Большинство перемещений состоялись в сезон наводнений, когда люди не только были вынуждены покинуть свои дома, но и сотнями теряли свою жизнь, а экономические потери исчислялись миллиардами долларов США[165]. Хотя недавнему перемещению населения способствовали такие факторы, как землепользование и строительство в поймах рек, изменение и изменчивость климата также играют свою роль[166]. Стихийные бедствия стали непредсказуемыми и крайне разрушительными в последние годы, поскольку в Китае участились периоды аномально жаркой погоды и проливные дожди[167]. Действительно, недавние наводнения в Китае были вызваны экстремальными осадками, при этом средняя интенсивность, а также количество и продолжительность осадков, например, на юге страны являются одними из самых высоких за последние десятилетия[168]. Другие страны субрегиона, такие как Япония, также испытали большие перемещения в последние годы. В 2020 году в Японии было зарегистрировано около 186 000 новых перемещений, вызванных стихийными бедствиями[169].

Южная Азия

Пандемия вызвала массовое возвращение миллионов трудящихся-мигрантов в субрегион, а также перемещение больших групп населения из городских центров в сельские районы. По мере того, как в 2020 году вводились локдауны и ограничения на поездки, миллионы мигрантов из этого субрегиона теряли работу или подвергались сокращениям заработной платы, причем некоторые из них остались без крова[170]. Многие из этих мигрантов в первые недели и месяцы пандемии также не смогли вернуться в свои страны происхождения из-за отмены рейсов или неготовности их правительств принять большое количество репатриантов[171]. Однако несколько стран в конечном итоге начали репатриацию своих граждан. Например, Индия приступила к массовой эвакуации и репатриации своих граждан начиная с мая 2020 года[172]. Вначале свыше полумиллиона застрявших мигрантов смогли вернуться домой из более чем 137 стран в рамках кампании, получившей официальное название «Миссия Ванде Бхарат»[173]. К концу 2020 года были репатриированы более 3 миллионов индийских мигрантов[174]. В других странах субрегиона, таких как Непал, также наблюдалось массовое возвращение их застрявших граждан на родину. Пандемия также изменила модели миграции внутри стран. Это было особенно очевидно в Индии, где миллионы трудящихся-мигрантов вернулись из городов в сельские районы, что способствовало новой волне заболеваемости COVID-19 в сельской местности Индии[175]. Кроме того, ограничения на поездки серьезно мешали широкому использованию трудящихся-мигрантов из субрегиона, особенно в первые месяцы пандемии. В крупных странах происхождения трудящихся-мигрантов, включая Индию и Бангладеш, наблюдалось резкое сокращение оттока населения[176].

Как быстро наступающие, так и медленно наступающие стихийные бедствия являются важной особенностью Южной Азии, часто приводя к перемещению миллионов людей. Южная Азия была одним из субрегионов, наиболее пострадавших от стихийных бедствий в 2020 году. При 9,3 млн новых перемещений, вызванных стихийными бедствиями, на этот субрегион приходится почти треть всех новых перемещений в мире, вызванных стихийными бедствиями[177]. Средние температуры в Южной Азии повышались в течение последних нескольких десятилетий, и в настоящее время этот субрегион является одним из наиболее уязвимых к последствиям изменения климата, включая повышение температуры; субрегион страдает от частых экстремальных погодных явлений, ливневых дождей и повышения уровня моря[178]. Проливные дожди в субрегионе, которые ежегодно обрушиваются на страны Южной Азии, а также

сильные штормы и циклоны усугубляются изменением климата. Циклон «Амфан», крупнейшее стихийное бедствие в мире в 2020 году, привел к эвакуации миллионов людей из таких стран, как Бангладеш и Индия[179]. Некоторые исследования показывают, что этот субрегион подвержен наибольшему риску перемещения населения в результате наводнений[180] и что многие люди в субрегионе также уязвимы ко все более высоким температурам[181].

Трудовая миграция из Южной Азии является ключевой особенностью, формирующей один из крупнейших притоков международных денежных переводов в мире. Безработица и низкая заработная плата способствуют тому, что большое количество выходцев из Южной Азии покидают субрегион, чтобы работать в таких местах назначения, как страны ССЗ. Большое количество международных мигрантов, многие из которых являются временными трудовыми мигрантами, прибывают в страны Залива из Индии и Бангладеш. Согласно оценкам в 2020 году в Объединенных Арабских Эмиратах проживало 3,5 млн индийцев и более одного миллиона бангладешцев. Саудовская Аравия также была местом назначения более 2,5 млн мигрантов из Индии и более одного миллиона мигрантов из Бангладеш[182]. Индия, имеющая самое большое количество международных эмигрантов в мире, продолжает оставаться крупнейшим получателем международных денежных переводов на планете[183]. В 2020 году в стране было зарегистрировано поступление международных денежных переводов на сумму 83 млрд долл. США. Несмотря на пандемию COVID-19, этот показатель был лишь незначительно меньшим (0,2%) по сравнению с предыдущим годом[184]. Пакистан и Бангладеш также входят в десятку крупнейших получателей денежных переводов в мире, так как в 2020 году в эти страны поступили, соответственно, 26 млрд долл. США и 22 млрд долл. США[185]. Как в Пакистане, так и в Бангладеш прогнозы не оправдались, и в 2020 году наблюдался значительный рост денежных переводов. Общий объем денежных переводов в субрегион в 2020 году увеличился на 5%[186].

Поскольку конфликты и акты насилия в некоторых странах субрегиона продолжились, Южная Азия остается местом происхождения и назначения большого числа беженцев. Такие страны, как Афганистан, переживают более чем 20-летний конфликт, в результате которого к концу 2020 года насчитывалось 2,6 млн афганских беженцев, что означает для страны третье место в мире по численности населения, перемещенного через границы[187]. Большинство из этих людей, свыше 85%, принимают Пакистан и Исламская Республика Иран[188]. Конфликт и насилие в стране привели также к появлению большого числа ВПЛ. В конце 2020 года из-за конфликта и насилия около 3,5 млн афганцев были перемещены внутри страны, и в том же году страна вошла в десятку стран с наибольшим числом новых перемещений, вызванных конфликтом, несмотря на продолжающиеся переговоры и прекращение огня[189]. По сути, несмотря на то, что за несколько месяцев до подписания мирного соглашения между США и афганскими талибами в феврале 2020 года интенсивность конфликта снизилась, насилие с тех пор набирает все больший размах[190]. Произошел всплеск террористических нападений, многие из которых преднамеренно были направлены против гражданских лиц[191]. Некоторые из них включали жестокие нападения на детей. В частности, в результате взрыва в мае 2021 года возле школы афганских хазарейцев погибло 85 человек, большинство из которых были ученицами[192]. Несколько стран субрегиона, таких как Пакистан, Исламская Республика Иран и Бангладеш, продолжали принимать большое количество беженцев, при этом к концу 2020 года все три упомянутые страны входили в десятку ведущих принимающих стран мира[193]. Эти три страны в совокупности принимали 13% от общего числа людей в мире, перемещенных через границы[194].

Юго-Восточная Азия

Пандемия серьезно нарушила миграцию и мобильность в Юго-Восточной Азии, при этом меры, введенные для контроля за распространением COVID-19, несоразмерно повлияли на мигрантов. К началу июня 2021 года в субрегионе было зарегистрировано почти 35 млн подтвержденных случаев COVID-19[195]. Больше всего пострадали Филиппины, где было зарегистрировано более 1,4 млн таких случаев[196]. Все страны субрегиона ввели ряд ограничений на поездки, включая карантинные меры, тестирование и закрытие границ. Несколько стран также ввели меры в отношении внутренних поездок и передвижений, такие как приостановка работы общественного транспорта и ограничение внутренних рейсов. Кроме того, многие трудящиеся-мигранты, особенно из низкоквалифицированных секторов, были вынуждены находиться на карантине в переполненных общежитиях, что делало их более уязвимыми к заражению COVID-19[197]. Карантин и ограничения на поездки непропорционально сильно повлияли на трудящихся женщин-мигрантов[198]. В 2020 году, когда такие страны, как Таиланд, начали закрывать свои границы, тысячи безработных трудящихся-мигрантов из Камбоджи, Мьянмы и Лаосской Народно-Демократической Республики поспешили вернуться домой, пока у них еще была такая возможность[199]. Ограничения на поездки также привели к беспрецедентному отсутствию мобильности. На Филиппинах сотни медсестер с действующими договорами трудоустройства в таких странах, как Германия, Сингапур, Саудовская Аравия и Соединенное Королевство, не смогли выехать из страны из-за ограничений на поездки[200]. Между тем, несколько стран, таких как Вьетнам и Филиппины, внедрили системы поддержки своих трудящихся-мигрантов, пострадавших от пандемии, помогая вернуться домой тем, кто оказался в затруднительном положении[201].

Некоторые из крупнейших внутренних и трансграничных перемещений в субрегионе в последние годы были вызваны религиозной и этнической напряженностью, разжигающей конфликты и насилие. Рохинджа составляют крупнейшую группу перемещенного населения без гражданства в мире[202]. Многих из них принимает Бангладеш, куда они бежали после резкого роста насилия против них в Мьянме, особенно в штате Ракхайн в 2017 году. Дальнейшие перемещения были зарегистрированы в течение нескольких месяцев после выборов в Мьянме в ноябре 2020 года[203]. Государственный военный переворот в Мьянме в феврале 2021 года вызвал массовые протесты и жестокие военные репрессии, и эти события привели к возобновлению конфликта с негосударственными вооруженными группировками в нескольких штатах и поставили под угрозу общенациональное соглашение о прекращении огня (ОСПО), подписанное в 2015 году[204]. В конце 2020 года Бангладеш приняла свыше 860 000 беженцев, большинство из которых составляли представители народа рохинджа[205]. В 2020 году более половины беженцев из числа рохинджа в Бангладеш составляли дети[206]. Другие страны субрегиона, такие как Малайзия, также принимают значительное количество беженцев, многие из которых принадлежат к народу рохинджа. Вместе с тем в 2021 году выражались серьезные опасения, в том числе со стороны экспертов Организации Объединенных Наций, в связи с решением властей Малайзии депортировать в Мьянму более 1000 мигрантов, среди которых были несопровождаемые дети и другие уязвимые лица[207].

Многие люди в Юго-Восточной Азии особенно уязвимы перед экологическими бедствиями, которые ежегодно приводят к большим перемещениям. В 2020 году в субрегионе были зарегистрированы значительные события перемещения в результате стихийных бедствий, при этом больше всего пострадали такие страны, как Филиппины, Вьетнам и Индонезия[208]. Только на Филиппинах в 2020 году было зарегистрировано 4,4 млн перемещений в результате бедствий, а во Вьетнаме и Индонезии, соответственно, — 1,3 млн и более 700 000 перемещений, вызванных бедствиями[209]. Несколько стихийных бедствий, в том числе сезон тайфунов, извержение вулкана Тааль, циклоны, ураганы и наводнения стали причиной того, что люди были вынуждены покинуть свои дома в нескольких странах субрегиона. Значительное число перемещений на Филиппинах также было вызвано упреждающими эвакуациями[210]. В целом в 2020 году Филиппины, Вьетнам

и Индонезия пережили более 6 млн перемещений, и все три страны вошли в первую десятку стран мира с наибольшим числом перемещений, вызванных стихийными бедствиями[211].

Ключевым аспектом миграции остается трудовая миграция внутри субрегиона и из него. Учитывая большое количество филиппинских трудящихся-мигрантов в различных частях мира, Филиппины продолжают оставаться одним из крупнейших получателей международных денежных переводов в мире. В 2020 году приток международных денежных переводов в страну составил 35 млрд долл. США (почти 10% ВВП), что является четвертым по величине показателем в мире после Индии, Китая и Мексики[212]. В 2020 году поступление денежных переводов на Филиппины оказалось устойчивым, снизившись менее чем на 1%, несмотря на пандемию COVID-19, в основном благодаря увеличению притока денежных средств из США, которые на сегодняшний день являются крупнейшим источником денежных переводов в страну (почти 40%)[213]. Другие ключевые источники денежных переводов в страну включают Японию, Сингапур и Саудовскую Аравию, что отражает некоторые из основных направлений филиппинских трудящихся-мигрантов. В 2020 году Вьетнам также вошел в число десяти ведущих получателей переводов в мире, зарегистрировав поступление 17 млрд долл. США[214]. Хотя денежные переводы важны для некоторых стран Юго-Восточной Азии, многие трудовые мигранты из этого субрегиона подвергаются множеству злоупотреблений, особенно в неформальных секторах, где трудящиеся более уязвимы для эксплуатации, включая принудительный труд[215].

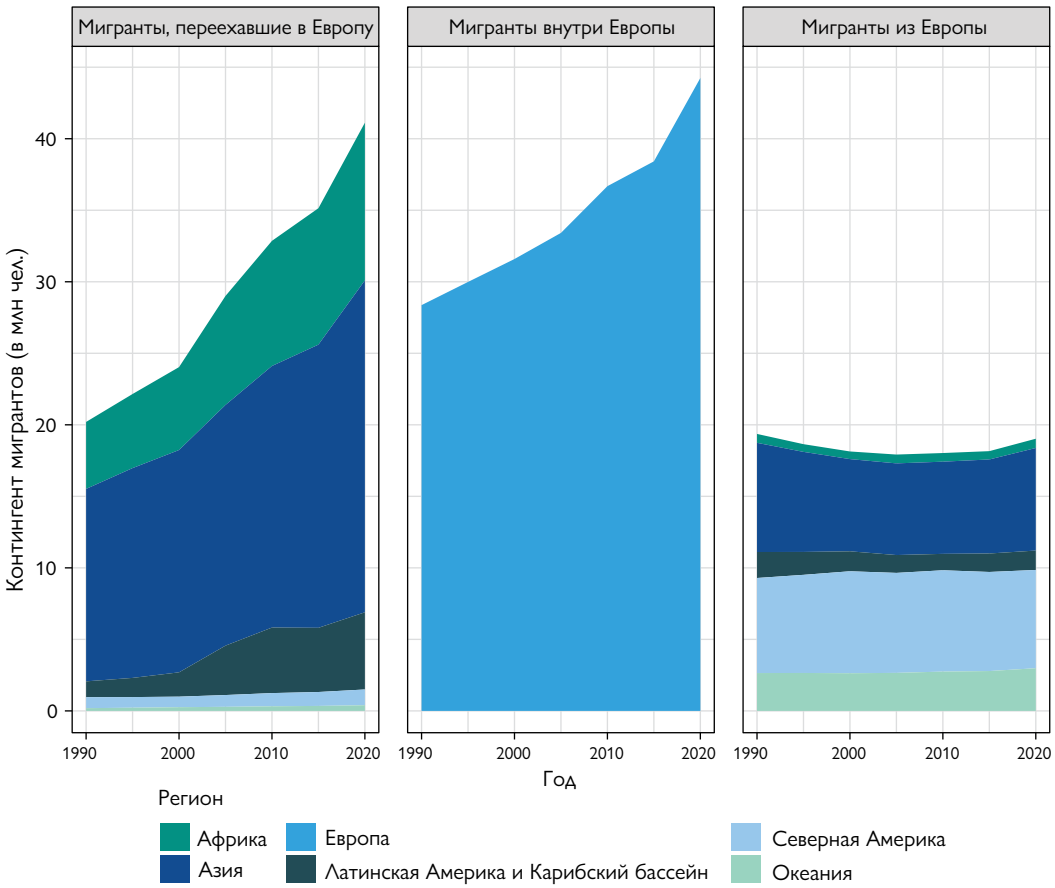
В процессах перемещений в Юго-Восточную Азию, внутри нее и из нее превалирует нелегальная миграция, которой часто способствуют сети контрабандистов. Страны региона являются местами происхождения, транзита и назначения для нелегальных мигрантов. Нелегальная миграция соседствует с легальной, и мотивы, движущие их участниками, схожи, что находит отражение в основных миграционных маршрутах, которыми пользуются мигранты[216]. В субрегионе незаконный ввоз мигрантов происходит по двум основным маршрутам: основным местом назначения мигрантов из Филиппин, Бангладеш и Индонезии является Малайзия, в то время как мигранты из Мьянмы, Камбоджи и Лаосской Народно-Демократической Республики в основном направляются в Таиланд[217]. Торговля мигрантами также не является чем-то необычным, причем часто их переправляют в более зажиточные страны, включая Таиланд и Малайзию[218]. Другие страны за пределами субрегиона также являются основными пунктами назначения мигрантов из Юго-Восточной Азии, ставших жертвами торговли людьми. В Азии 75% жертв торговли людьми составляют выходцы из Юго-Восточной Азии[219]. Значительное число жертв торговли людьми продается для трудовой и сексуальной эксплуатации[220].

Европа[221]

В 2020 году в Европе проживали почти 87 млн международных мигрантов, что почти на 16% больше, чем в 2015 году, когда в регионе проживало около 75 млн международных мигрантов. Чуть более половины из них (44 млн человек) родились в Европе, но жили в других странах региона; с 2015 года, когда их насчитывалось 38 млн человек, их число увеличивалось. В 2020 году численность неевропейских мигрантов в Европе превысила 40 млн человек.

В 1990 году европейцев, живущих за пределами Европы, было примерно столько же, сколько неевропейцев, проживающих в Европе. Однако, в отличие от роста миграции в Европу, количество европейцев, проживающих за пределами Европы, в основном сократилось за последние 30 лет и лишь в последние годы вернулось к уровню 1990 года. В 2020 году около 19 млн европейцев проживали за пределами континента, в основном в Азии и Северной Америке (см. рис. 15). Как показано на рисунке ниже, с 2010 по 2020 год также наблюдался некоторый постепенный рост числа европейских мигрантов в Азии и Океании.

Рисунок 15. Мигранты, переехавшие в Европу, внутри Европы и из нее в 1990–2020 годах



Источник: ДЭСВ ООН, 2021.

Примечание: Под «мигрантами, переехавшими в Европу» понимаются мигранты, проживающие в регионе (т.е. в Европе), которые родились в других регионах (например, Африке или Азии). «Мигранты внутри Европы» означают мигрантов, родившихся в регионе (т.е. в Европе) и проживающих за пределами страны своего рождения, но в европейском регионе. «Мигранты из Европы» означают людей, родившихся в Европе, которые проживают за пределами этого региона (например, в Латинской Америке и Карибском бассейне или Северной Америке).

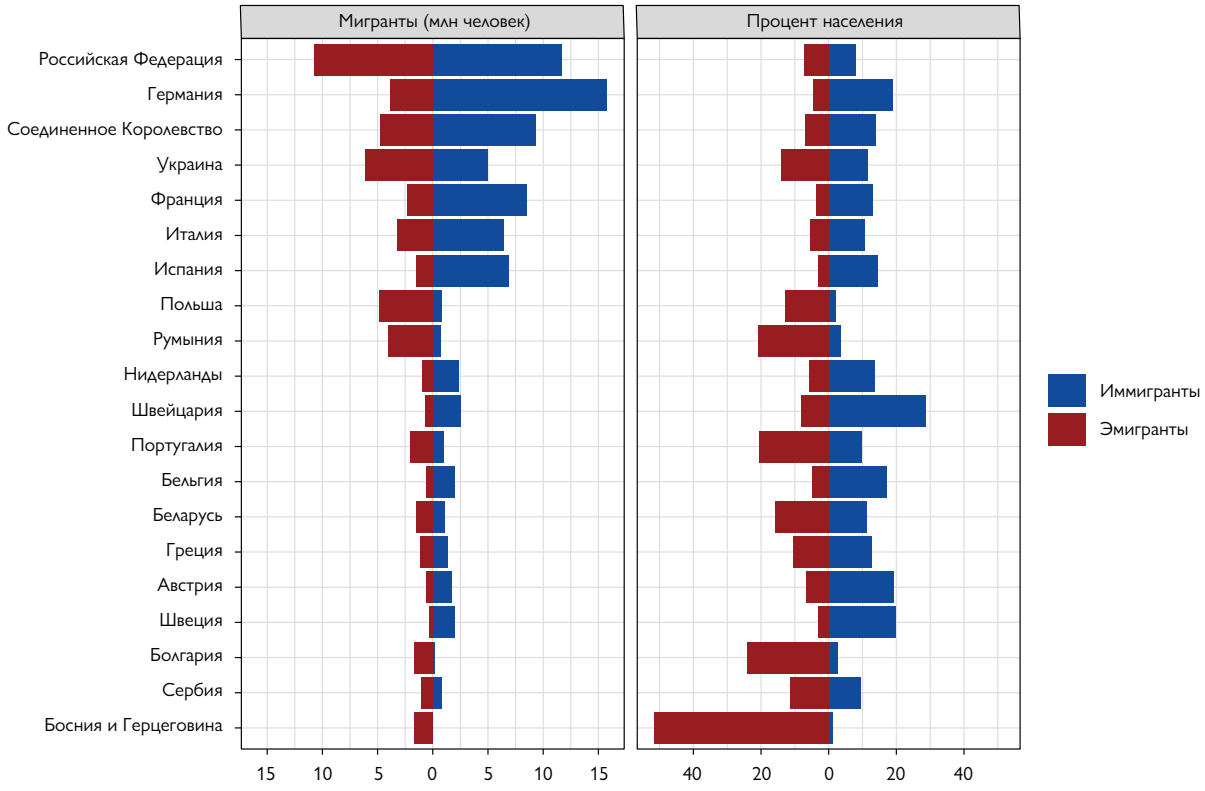
Многие страны восточной части Европы, такие как Российская Федерация, Украина, Польша и Румыния, являются странами происхождения крупнейших контингентов эмигрантов в регионе (рис. 16). В 2020 году Российская Федерация, будучи страной происхождения почти 11 млн эмигрантов, занимала первое место в Европе по количеству своего населения, проживавшего за рубежом. После Российской Федерации и Украины (около 6 млн человек) третье и четвертое места по наибольшему количеству европейских эмигрантов занимали Польша и Соединенное Королевство (соответственно, 4,8 млн и 4,7 млн человек). По сравнению с численностью всего населения в 2020 году Босния и Герцеговина имела самую высокую долю эмигрантов, многие из которых выехали в период распада бывшей Югославии. Португалия, Болгария и Румыния, страны с давней историей эмиграции, также имели высокую долю населения, проживающего за рубежом.

С учетом наличия в стране почти 16 млн мигрантов в 2020 году Германия имела в составе населения наибольшее среди всех стран Европы количество лиц, родившихся за рубежом. В период 2015-2020 годов число иммигрантов в Германии увеличилось более чем на 5 млн человек. Крупнейшие группы иммигрантов

прибыли из Польши, Турции, Российской Федерации, Казахстана и Сирийской Арабской Республики. В 2020 году население Соединенного Королевства и Франции включало, соответственно, 9,4 млн и 8,5 млн лиц, родившихся за рубежом. Во Франции мигранты, родившиеся в странах Северной Африки, образовали одну из крупнейших групп населения, родившегося за рубежом. В Соединенном Королевстве самые многочисленные группы мигрантов составили выходцы из Индии, Польши и Пакистана. С учетом групп населения, родившегося за рубежом, численностью примерно 6,8 млн и 6,4 млн человек Испания и Италия в 2020 году занимали, соответственно, пятое и шестое места среди наиболее привлекательных для мигрантов стран назначения в Европе; с 2015 года в обеих странах увеличилось количество мигрантов, родившихся за рубежом. Многие из родившихся за рубежом людей в населении Испании и Италии приехали из других стран Европы, в частности из Румынии и Албании, или из таких стран Северной Африки и Латинской Америки, как Марокко,

Колумбия и Эквадор. Миграции людей из стран бывшего Советского Союза, таких как Украина, Казахстан и Узбекистан, обязаны своим существованием некоторые из крупнейших европейских миграционных коридоров. Как иллюстрирует рисунок 16, из 20 стран региона, имеющих наибольшее количество мигрантов, первое место по величине доли мигрантов в населении занимала Швейцария (29%), за которой следовали Швеция (20%), Австрия (19%) и Германия (19%).

Рисунок 16. 20 ведущих стран Европы по количеству мигрантов в 2020 году



Источник: ДЭСВ ООН, 2021.

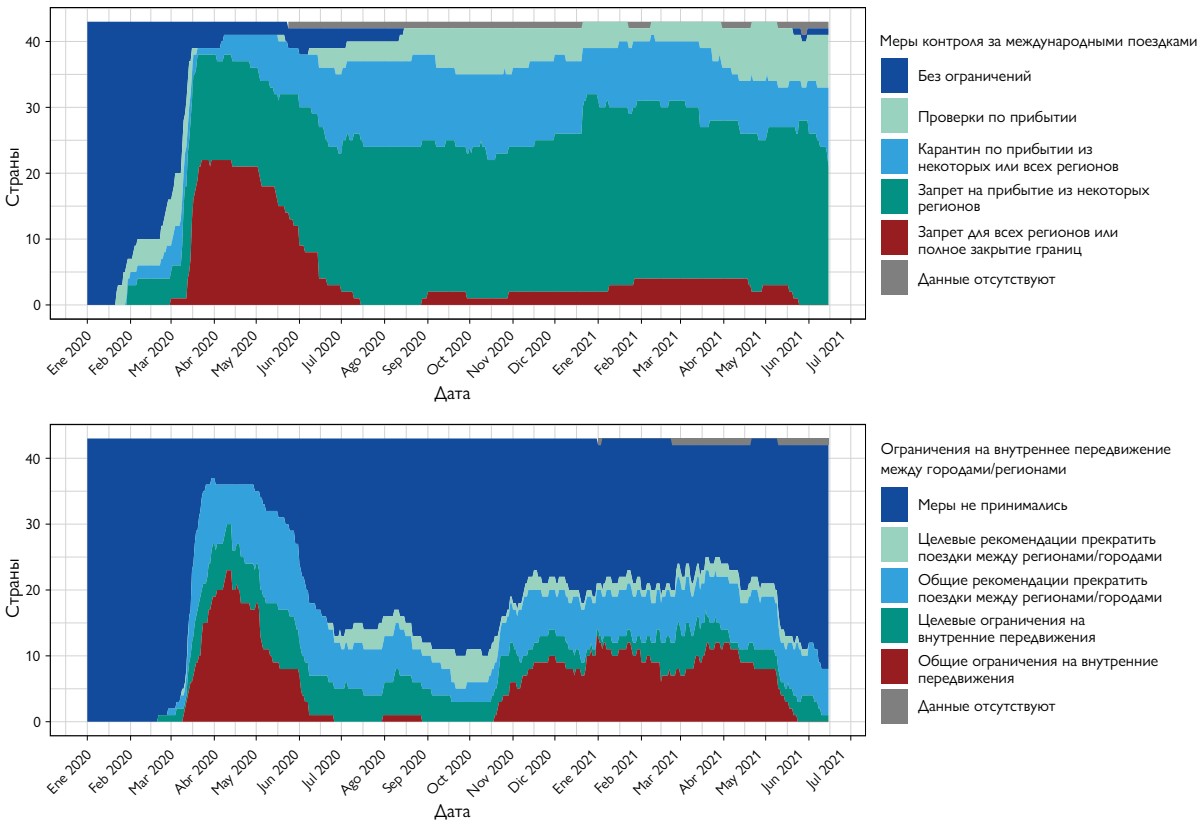
Примечание 1: Данные о численности населения, использованные для расчета процентной доли иммигрантов и эмигрантов, основаны на данных ДЭСВ ООН об общей численности постоянного населения стран, которое включает население, родившееся за рубежом.

Примечание 2: «Иммигранты» означают родившихся за рубежом мигрантов, проживающих в стране. «Эмигранты» означают людей, родившихся в стране, которые в 2021 году проживали за пределами страны своего рождения.

Европейские меры контроля за международными и внутренними поездками в связи с пандемией COVID-19 вступили в силу в начале 2020 года, достигнув своего пика в период с марта по май 2020 года. Хотя международные меры контроля за поездками, такие как проверки и обязательный карантин для прибывающих, оставались относительно жесткими, другие меры, такие как запрет на въезд во все регионы или полное закрытие границ, резко сократились, и к июню 2021 года практически все страны отменили эти меры.

Как показано на рисунке 17 ниже, ограничения на внутреннее передвижение, которые были максимальными в марте и апреле 2020 года, начали ослабевать примерно в мае. Они снова ужесточились в ноябре, когда число случаев COVID-19 во всем мире резко возросло, хотя так и не вернулись к тому же уровню, что и в начале 2020 года. С мая 2021 года наблюдается заметное снижение по всем показателям внутреннего перемещения. Например, к середине 2020 года выборочные и внутренние ограничения на передвижение были сняты почти во всех странах региона.

Рисунок 17. Меры контроля за международными и внутренними поездками в связи с COVID-19 в Европе: январь 2020 года – июнь 2021 года

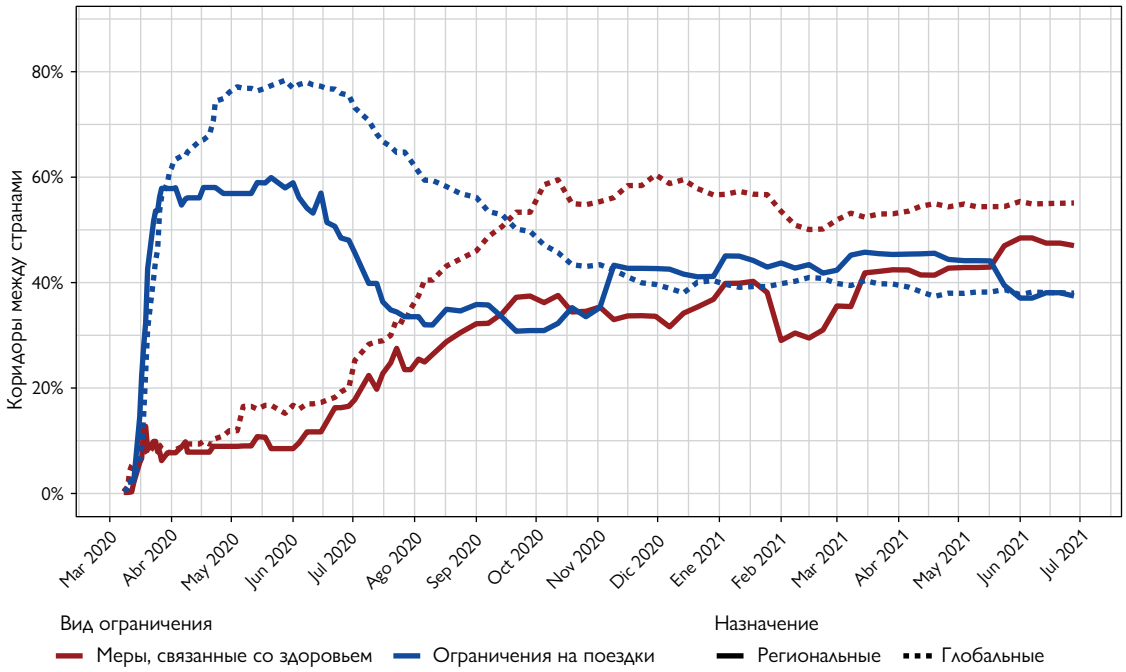


Источник: Hale et al., 2021.

Примечания: Используемые категории взяты из Системы отслеживания реагирования правительств Оксфордского университета; категории, включенные в набор данных, предназначены только для ограничений, связанных с COVID-19, и не отражают другие ограничения на поездки, которые также могут действовать, например, связанные с визовыми ограничениями, запретами на въезд на основании гражданства, ограничениями на выезд/выезд и внутренние передвижения.

В первые месяцы 2020 года ограничения на поездки в Европу быстро росли, причем те из них, которые были нацелены на страны за пределами региона, превышали внутрирегиональные ограничения на поездки в течение большей части этого года (рис. 18). Однако со временем эти ограничения уменьшились, и к 30 июня 2021 года только примерно в 40% коридоров между европейскими странами и коридоров, в которых участвуют страны за пределами Европы, сохранялись меры контроля за поездками. С другой стороны, меры, связанные со здоровьем, которые в первые месяцы пандемии наращивались гораздо более плавно, к концу 2020 года превзошли ограничения на поездки, при этом больше всего усилились меры, касающиеся стран за пределами региона. К июню 2021 года свыше 50% коридоров (как глобальных, так и внутри региона) охватывались мерами, связанными со здоровьем.

Рисунок 18. Меры в отношении международных поездок, связанные с COVID-19, в Европе: март 2020 года – июль 2021 года



Источник: МОМ, 2021a.

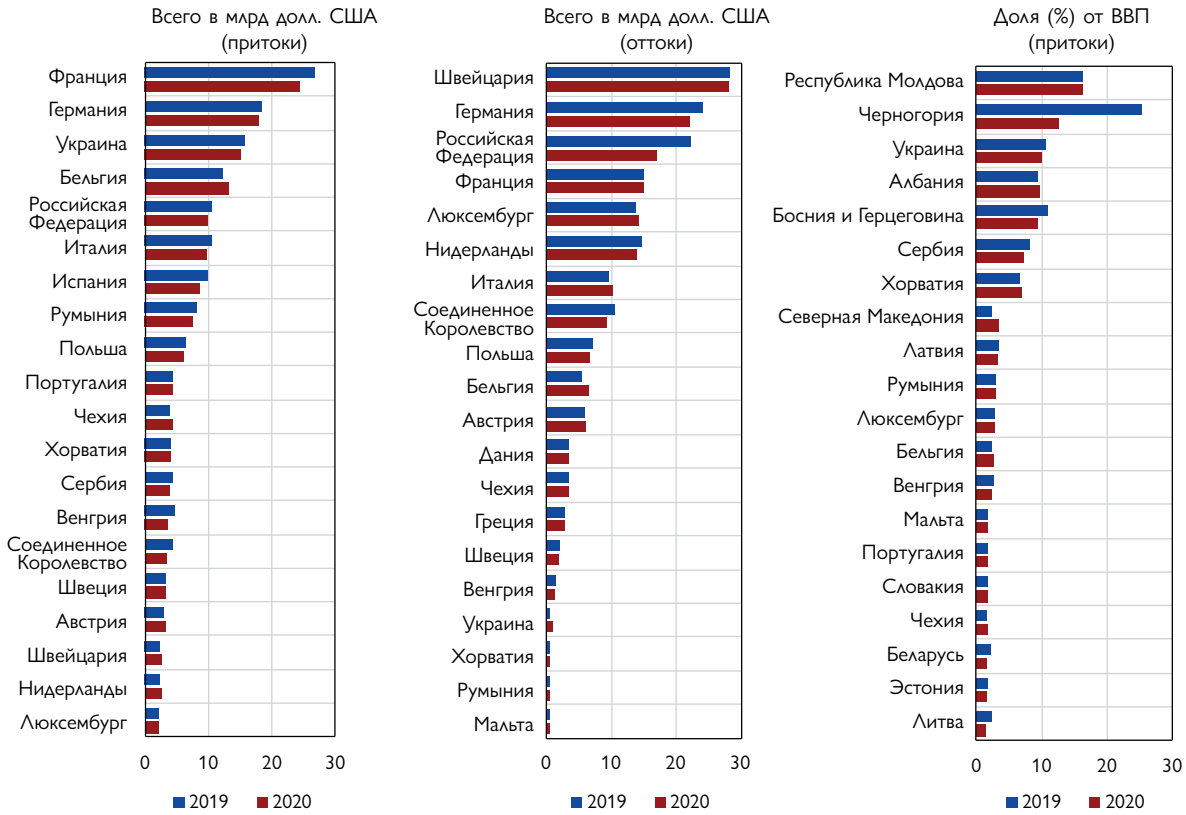
Примечания: Меры, связанные со здоровьем, включают проверки и мониторинг состояния здоровья, тестирование/медицинские справки и карантинные меры. Ограничения на поездки включают ограничения в отношении пассажиров на основании гражданства или прибытия из определенного географического места. Дополнительную информацию о методологии см. на странице МОП, посвященной ограничениям на мобильность.

В 2020 году ряд стран с самой развитой экономикой в мире числились среди получателей самых значительных объемов международных денежных переводов в регионе (рис. 19). Например, наибольшую долю международных денежных переводов в Европе получила Франция, за которой следует Германия. Важно отметить, что большую часть денежных поступлений в эти две страны составляют не переводы домохозяйств, а переводы, связанные с заработной платой трансграничных работников, которые работают в Швейцарии и проживают во Франции и Германии. В процентном отношении к ВВП в число основных получателей переводов в 2020 году вошли Республика Молдова (16%), Черногория (13%) и Украина (10%). В 2020 году по сравнению с предыдущим годом потоки денежных переводов в Европу сократились на 6%, а

в восьми странах, входящих в десятку крупнейших получателей денежных переводов в регионе, наблюдается снижение. В 2020 году Франция, крупнейший получатель денежных переводов в регионе, получила около 25 млрд долл. США, что на 9% меньше, чем в 2019 году.

В 2020 году Швейцария была источником денежных переводов на сумму почти 28 млрд долл. США, что сделало ее крупнейшим отправителем в Европе в 2020 году. За ней следуют Германия, Российская Федерация, Франция и Люксембург. За исключением Люксембурга, в 2020 году в пяти странах-отправителях наибольших объемов денежных переводов наблюдалось снижение оттока по сравнению с 2019 годом.

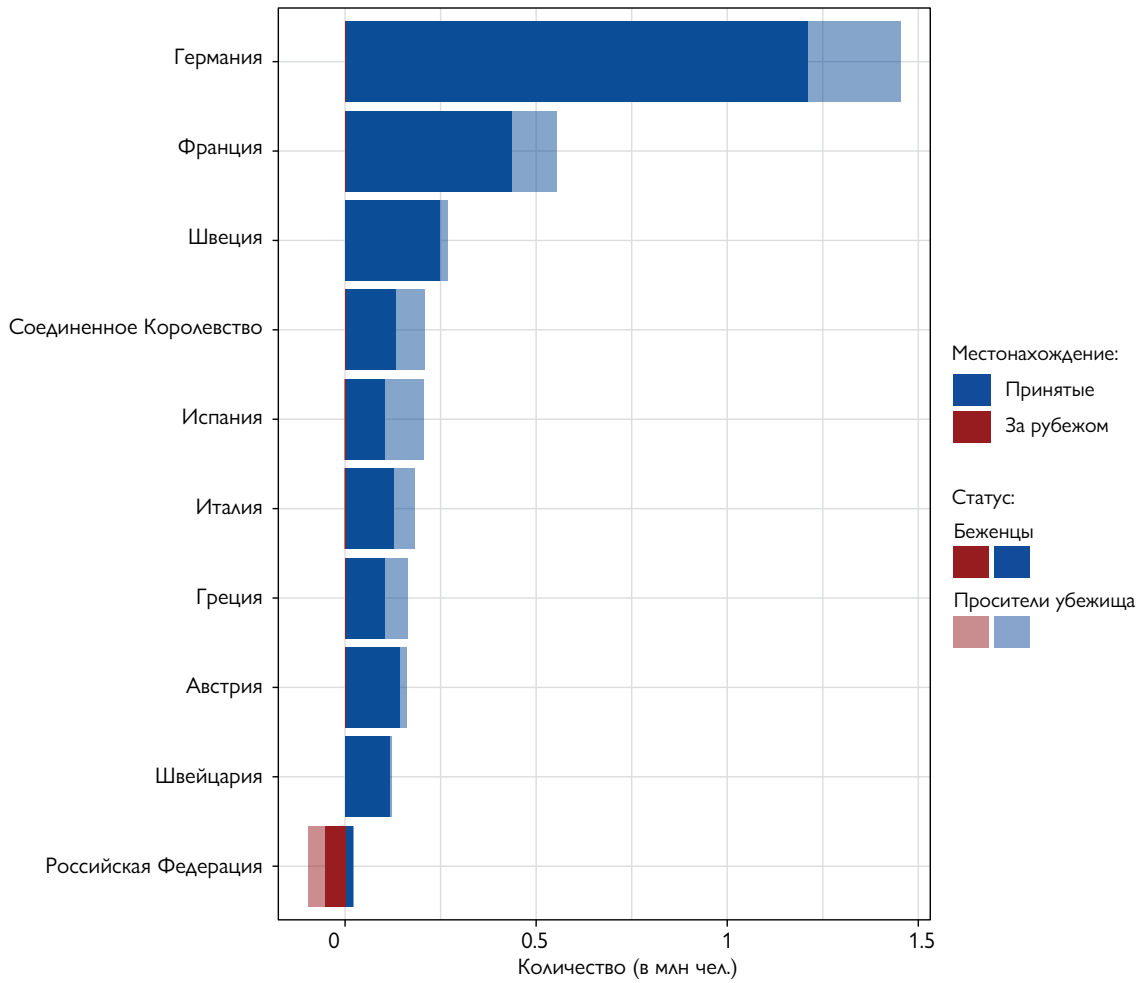
Рисунок 19. 20 ведущих европейских стран-получателей и стран-источников международных денежных переводов в 2019 и 2020 годах



Источник: Всемирный банк, 2021.

В 2020 году Германия продолжала принимать самый большой контингент беженцев и просителей убежища в Европе (рис. 20). Германия также занимала пятое место в мире среди ведущих стран, принимающих беженцев. Большинство беженцев, около 50%, прибыли из Сирийской Арабской Республики. Второе и третье места в Европе по числу принятых беженцев занимали Франция и Швеция, где проживали, соответственно, свыше 436 000 и более 248 000 беженцев. К концу 2020 года Российская Федерация была страной происхождения крупнейшей группы беженцев в Европе, насчитывавшей около 53 000 человек. Другие страны происхождения значительного числа беженцев в Европе, не указанные в приведенном ниже рисунке, включают Украину (около 35 000 человек) и Хорватию (около 23 000 человек).

Рисунок 20. 10 ведущих стран Европы по общему количеству беженцев и просителей убежища в 2020 году

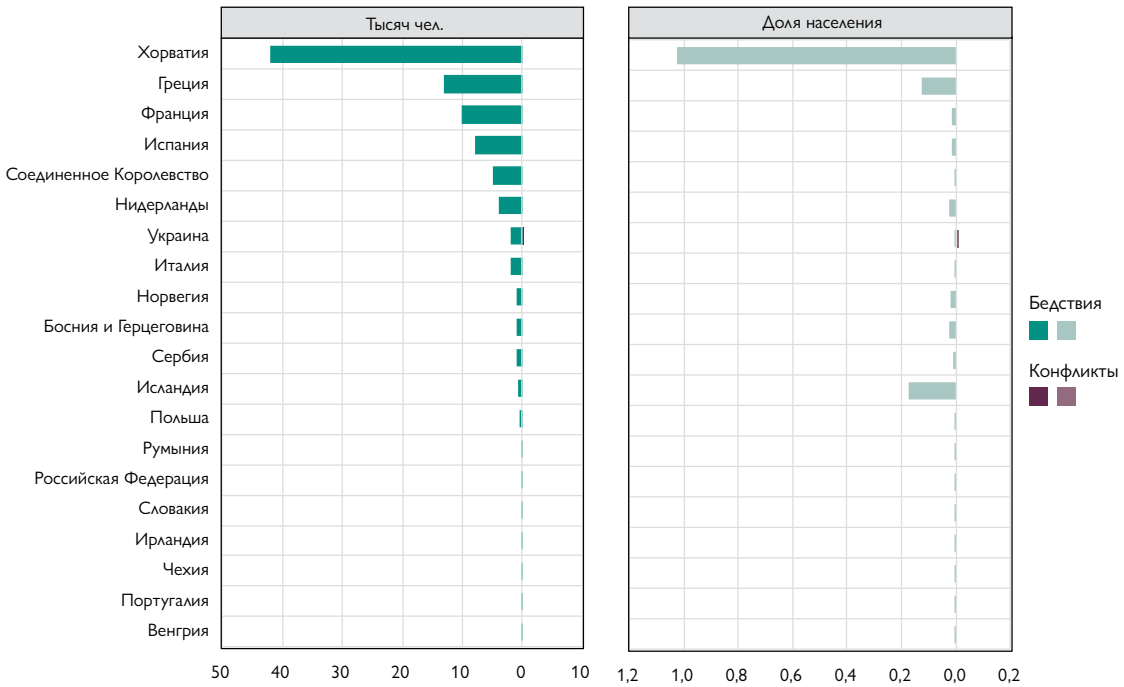


Источник: УВКБ, n.d.b.

Примечание: Определение «принятые» относится к тем беженцам и просителям убежища из других стран, которые проживают в принимающей стране (правая часть диаграммы); «за рубежом» относится к беженцам и просителям убежища из данной страны, которые находятся за пределами страны своего происхождения. Десять ведущих стран определены на основе данных за 2020 год, которые рассчитываются путем суммирования беженцев и просителей убежища, прибывших в страны и выехавших из стран.

Большинство новых внутренних перемещений в Европе в 2020 году имели место в результате бедствий, а не конфликтов (рис. 21). Наибольшее число связанных с бедствиями перемещений (42 000) были зарегистрированы в Хорватии. С наступлением глобальной пандемии в марте 2020 года в Загребе произошло землетрясение магнитудой 5,4 балла, вызвавшее 1600 новых перемещений. После этого события всего девять месяцев спустя в стране произошло самое сильное из когда-либо зарегистрированных землетрясений магнитудой 6,4 балла. Землетрясение с эпицентром примерно в 50 км к юго-востоку от Загреба сделало непригодными для проживания более 10 000 домов и вызвало долгосрочное перемещение 40 000 человек[222]. Другими странами, затронутыми перемещениями в результате стихийных бедствий в 2020 году в основном из-за штормов и сильных наводнений, были Греция (13 000), Франция (10 000) и Испания (почти 8000).

Рисунок 21. 20 ведущих стран Европы по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2020 году



Источник: IDMC, n.d.; ДЭСВ ООН, 2021.

Примечания: Термин «новые перемещения» означает число передвижений в контексте перемещения, которые имели место в 2020 году, а не численность общего контингента ВПЛ, накопившегося вследствие перемещения в течение определенного времени. Данные о числе новых перемещений включают лиц, которые были перемещены более одного раза, и не соответствуют числу людей, перемещенных в течение года. Данные о численности населения, использованные для подсчета доли новых перемещений, вызванных бедствиями и конфликтами, основаны на оценках численности общего постоянного населения стран, произведенных ДЭСВ ООН за 2021 год, а данные о процентной доле используются только в соответствующих иллюстративных целях.

Основные особенности и изменения в Европе[223]

Юго-Восточная и Восточная Европа

LВоздействие COVID-19 на миграцию в субрегионе включало дальнейшее ужесточение иммиграционной политики в нескольких странах, а также привело к возвращению большого числа трудящихся-мигрантов в страны их происхождения. В рамках реагирования на пандемию некоторые страны, такие как Венгрия, приняли ограничительные меры, которые, по широко распространенному мнению, потенциально подвергали просителей убежища риску высылки[224]. Новый закон, принятый Венгрией в 2020 году, содержит предписание в отношении возвращения просителей убежища, прибывающих на границу, в страну отправления с требованием представлять заявление о своем намерении в посольстве Венгрии[225]. По мере того, как страны и территории приступали к вакцинации своего населения от COVID-19 в первой половине 2021 года, некоторые мигранты в субрегионе, особенно те, у кого не было документов, не охватывались программами вакцинации, что усилило их уязвимость перед заражением COVID-19[226]. Вместе

с тем некоторые страны субрегиона, такие как Сербия, включили всех мигрантов в свои национальные стратегии вакцинации[227]. Воздействие пандемии на трудящихся-мигрантов в различных частях Европы также привело к значительной возвратной миграции в субрегион. Динамика миграции в Юго-Восточной и Восточной Европе исторически характеризовалась эмиграцией, а не иммиграцией, но последствия пандемии 2020 года в значительной степени остановили и даже обратили вспять эти модели. Многие мигранты из субрегиона, в том числе из таких стран, как Болгария и Сербия, предпочли вернуться домой из-за безработицы, отсутствия социальной защиты или желания быть со своими семьями[228]. Например, согласно оценкам в период с марта по май 2020 года более полумиллиона болгар вернулись домой[229]. Те же тенденции были видны и в Румынии, куда в 2020 году вернулись около миллиона граждан[230].

Помимо того, что Российская Федерация является одной из основных стран происхождения международных мигрантов, она также продолжает оставаться важной страной назначения для международных мигрантов в мировых масштабах. В 2020 году Российская Федерация вошла в первую десятку стран происхождения и назначения международных мигрантов во всем мире[231]. При наличии диаспоры в составе около 11 млн человек страна занимала третье место после Индии и Мексики по численности населения, проживающего за рубежом[232]. Большинство из них проживали в государствах-членах зоны свободной торговли Содружества Независимых Государств (ЗСТ СНГ), включая Казахстан, Беларусь, Украину и Узбекистан, а также в таких странах, как США и Германия. В Российской Федерации проживает около 12 млн международных мигрантов, что делает ее четвертой страной назначения в мире после США, Германии и Саудовской Аравии[233]. Международные мигранты прибыли в Российскую Федерацию в основном из Украины (более 3 млн человек), Казахстана (более 2,5 млн человек) и Узбекистана (около 1 млн человек)[234]. Из-за большого количества международных мигрантов в стране Российская Федерация продолжает оставаться одним из крупнейших источников международных денежных переводов, входя в первую десятку стран-источников в мире[235]. В то же время в 2020 году она также входила в число крупнейших получателей денежных переводов в Европе[236].

Основными особенностями субрегиона являются трансграничное и внутреннее перемещение, вызванное как конфликтами, так и стихийными бедствиями. Например, тысячи людей в Российской Федерации были вынуждены покинуть свои дома из-за наводнений и лесных пожаров в 2019 году[237]. Больше всего пострадали от наводнений такие города, как Иркутск, где тысячи домов стали непригодными для проживания[238]. Тяжелейшая гуманитарная ситуация в субрегионе по-прежнему находится на востоке Украины, где в 2021 году, как считается, 3,4 млн человек нуждаются в гуманитарной помощи[239]. По всей стране свыше 1,4 млн человек находятся в положении внутренне перемещенных лиц, многие из которых вынуждены жить в таких условиях после эскалации боевых действий в 2014 году[240]. Хотя в 2020 году было достигнуто соглашение о прекращении огня, которое привело к сокращению боевых действий, нарушения продолжаются, сохраняется отсутствие безопасности и наносится ущерб имуществу и средствам к существованию людей по обе стороны от линии соприкосновения, которая проходит через Донецкую и Луганскую области. Конфликт также вынудил тысячи украинцев покинуть страну, вследствие чего к 2020 году из Украины выехало около 35 000 беженцев[241].

Ряд стран Западных Балкан являются ключевыми транзитными зонами, для которых характерны смешанные миграционные потоки мигрантов из Азии и Африки. В последние годы десятки тысяч мигрантов, пытающихся попасть в Северную или Западную Европу, прибыли в такие страны, как Босния и Герцеговина, по Западнобалканскому маршруту[242]. Хотя некоторые из них пытаются избежать тяжелых экономических условий, многие также бегут от конфликтов, отсутствия безопасности или преследований, включая мигрантов из таких стран, как Афганистан, Ирак, Пакистан, Исламская Республика Иран и Сирийская

Арабская Республика[243]. Большинство мигрантов, прибывающих в Боснию и Герцеговину, являются одинокими мужчинами, хотя среди них также есть несопровождаемые и разлученные дети и семьи с детьми[244]. Другие страны субрегиона, такие как Албания и Северная Македония, также все чаще становятся основными транзитными зонами для мигрантов, которые часто отправляются в опасные путешествия через эти страны с помощью контрабандистов[245]. Например, в начале 2021 года десятки сирийцев, пытаясь добраться до Италии, несколько часов терпели бедствие в Адриатическом море, пока их не спасли и не доставили обратно на берег власти Албании[246]. Увеличение числа незаконных мигрантов на Западных Балканах вызвало напряженность в некоторых общинах, а также используется в качестве политического инструмента[247].

Северная, Западная и Южная Европа

Пандемия COVID-19 оказала значительное воздействие на миграцию и мобильность в субрегионе, изменив отношение общественности к миграции в некоторых странах и повлияв на мобильность рабочей силы, а также затронув права человека мигрантов. Вклад мигрантов в основные секторы экономики многих стран во время пандемии, по-видимому, изменил отношение общества, и особенно в тех странах, где росли антииммигрантские настроения[248]. Например, опрос 2020 года в Соединенном Королевстве показал, что значительное большинство населения (62%) высказалось за автоматическое предоставление гражданства работникам по уходу, которые помогали в реагировании на COVID-19, в то время как 50% поддержали предоставление гражданства другим работникам жизнеобеспечения, включая работников торговли и сельского хозяйства[249]. Это значительный сдвиг в восприятии, сложившемся пять лет назад, когда почти половина британской общественности предпочитала меньшее число низкоквалифицированных иммигрантов[250]. В других странах, таких как Швейцария, респонденты продемонстрировали положительное отношение к иностранцам, и опрос показал, что иммигранты чувствовали поддержку во время пандемии[251]. Как и в других регионах, локдауны и ограничения на поездки повлияли на мобильность рабочей силы, что имело широкомасштабные экономические последствия для субрегиона. Однако для решения проблемы нехватки рабочей силы, особенно в основных секторах, таких как сельское хозяйство, здравоохранение и социальный уход, а также транспорт, несколько стран приняли меры, которые облегчили доступ на свои рынки труда граждан третьих стран, уже находящихся в субрегионе[252]. Между тем меры по сдерживанию распространение вируса, включая ограничения на передвижение, также отрицательно сказались на правах мигрантов[253]. В некоторых случаях было приостановлено воссоединение семей мигрантов, а некоторые страны временно приостановили регистрацию и прием ходатайств о предоставлении убежища[254]. Кроме того, некоторые страны временно закрыли свои порты и потребовали от нелегальных мигрантов, в том числе пересекающих Средиземное море, оставаться на карантине в море[255]. Однако несколько стран региона также приняли меры, направленные на оказание помощи мигрантам во время пандемии, в том числе путем временной легализации тех, кто не имеет документов, и охвата их мерами медицинского характера, такими как программы вакцинации[256].

Нелегальная миграция остается важной особенностью субрегиона, и в некоторых странах этот вопрос продолжает доминировать в политике и политических дискуссиях. По состоянию на июнь 2021 года Европейский союз все еще вел переговоры о новом Пакте ЕС о миграции и убежище, который, среди прочего, направлен на решение проблемы нелегальной миграции путем укрепления партнерских отношений со странами происхождения и транзита, улучшения управления внешними границами блока и содействия сбалансированному распределению обязанностей[257]. Прифронтовые страны, такие как Испания, Италия, Мальта и Греция, продолжают призывать к большей «солидарности» в новом пакте, с тем чтобы облегчить давление нелегальной миграции, с которым они сталкиваются[258]. Хотя в 2020 году количество прибывающих

по миграционным маршрутам, включая Восточный средиземноморский маршрут, сократилось, на маршруты через западную часть Средиземноморья и через Атлантику западнее африканского побережья, которые ведут в Испанию, нагрузка значительно увеличилось[259]. Эти проблемы и связанные с ними человеческие страдания снова вышли на первый план в начале 2021 года, когда тысячи людей, в основном из Марокко, достигли испанского анклава Сеута[260]. В ответ испанские власти направили в город войска; и тысячи мигрантов были возвращены в Марокко[261].

Недавно в нескольких странах были внесены спорные предложения и изменения в политику в области предоставления убежища, и это вызывало обеспокоенность по поводу того, какое влияние они могут оказать на лиц, ищущих защиты. Например, поправки к датскому Закону об иностранцах, которые могли бы привести к вынужденному перемещению просителей убежища в другие страны для обработки их ходатайств, рассматриваются как пренебрежение ответственностью в соответствии с международным правом и неспособность защитить наиболее уязвимых лиц[262]. Новый закон предусматривает экстернализацию убежища и международной защиты с целью переложить эти обязанности на «страны-партнеры» за пределами Европы, мера, которая угрожает еще больше осложнить переговоры по Пакту ЕС о миграции и убежище, в ряде своих положений направленному на укрепление солидарности между государствами-членами ЕС в их реагировании на проблему беженцев и просителей убежища[263]. Кроме того, этот закон рассматривается как противоречащий духу Конвенции о беженцах 1951 года, а также Глобальному договору о беженцах[264]. Другие страны субрегиона, такие как Соединенное Королевство, в 2021 году также выдвинули новые иммиграционные планы, которые могут серьезно ограничить предоставление убежища, в том числе за счет аутсорсинга обработки заявлений в «безопасных странах»[265]. Некоторые учреждения Организации Объединенных Наций предупреждают, что такие меры, если они будут реализованы, подорвут международную систему защиты[266]. Подобные меры отмечались в Греции, которая в начале 2021 года стремилась вернуть в Турцию сотни мигрантов[267]. Страна также приняла чрезвычайные меры для сдерживания мигрантов из Турции от проникновения в Европейский союз, в том числе с помощью высокотехнологичных «звуковых пушек»[268].

Хотя страны с низким уровнем доходов являются наиболее уязвимыми к последствиям изменения климата, различные быстро наступающие бедствия, некоторые из которых связаны с изменением климата, также привели к перемещению тысяч людей в субрегионе. В 2020 году лесные пожары привели к 23 000 новых перемещений в Греции, Испании и Франции[269]. Самым жарким в Европе за всю историю наблюдений был 2020 год, когда температура превышала норму во все времена года. В том же году шторм «Глория» вызвал перемещение тысяч людей во Франции и Испании, поскольку огромные волны разрушали дома, а реки выходили из берегов[270]. В Испании несколько человек погибли[271]. Другие погодные явления, такие как шторм «Деннис», стали причиной более 1000 перемещений в Соединенном Королевстве, а к концу года наводнение в некоторых частях Франции привело к почти 5000 перемещений[272]. Обе страны пострадали от новых перемещений к концу того же года, когда на них обрушился шторм «Белла», вызвавший свыше 3000 перемещений[273]. В начале 2021 года Европейская комиссия приняла новую Стратегию адаптации к изменению климата, в которой «излагается, как Европейский союз может адаптироваться к неизбежным последствиям изменения климата и стать устойчивым к изменению климата к 2050 году»[274]. К середине 2021 года стало ясно, что в Европе в течение лета проявлялись аналогичные модели перемещения, в основном из-за сильных лесных пожаров, штормов и наводнений.

Женщины и девочки составляют значительную долю нелегальных мигрантов, прибывающих в Северную, Западную и Южную Европу, в то время как трудящиеся женщины-мигранты в субрегионе постоянно сталкиваются с проблемами на рынке труда. В период с 2018 по 2020 год женщины составили 20% из почти 77 000 человек, прибывших в Европу морским и наземным путем по

Восточному, Центральному и Западному средиземноморским маршрутам, а также по Западноафриканскому атлантическому маршруту[275]. Большинство этих женщин и девочек достигли Европы (большая часть - Греции) по Восточному средиземноморскому маршруту (70%), в то время как 21% прибыли в Испанию по маршрутам Западному средиземноморскому и Западноафриканскому атлантическому маршрутам и около 9% - в Италию и Мальту по Центральному средиземноморскому маршруту[276]. Однако в 2020 году число женщин-нелегальных мигрантов, въезжающих в Европу, значительно сократилось по сравнению с предыдущими годами; это также соответствовало общему снижению числа прибывших, которое происходило в основном по причине пандемии COVID-19. В 2020 году на женщин приходилось менее одного из 10 случаев обнаружения вдоль внешних границ Европейского Союза, тогда как годом ранее с ними был связан каждый четвертый такой случай[277]. Тем временем трудящиеся женщины-мигранты в субрегионе продолжают находиться в так называемом «вдвойне неблагоприятном положении» на основании того, что они являются мигрантами и женщинами[278]. В некоторых странах уровень безработицы среди женщин-мигрантов выше, чем среди мужчин-мигрантов, и эти различия особенно значительны в таких странах Южной Европы, как Италия, Греция и Португалия[279]. Если сравнивать с рожденными в стране женщинами, женщины-мигранты не только имеют более высокие уровни безработицы, но и чаще всего вынуждены заниматься низкоквалифицированной работой, такой как работа по дому[280]. В субрегионе и во многих частях мира пандемия COVID-19 усилила эту динамику, в результате чего многие женщины-мигранты, часто занятые на культурно обесцененных работах, более уязвимы для заражения вирусом[281].

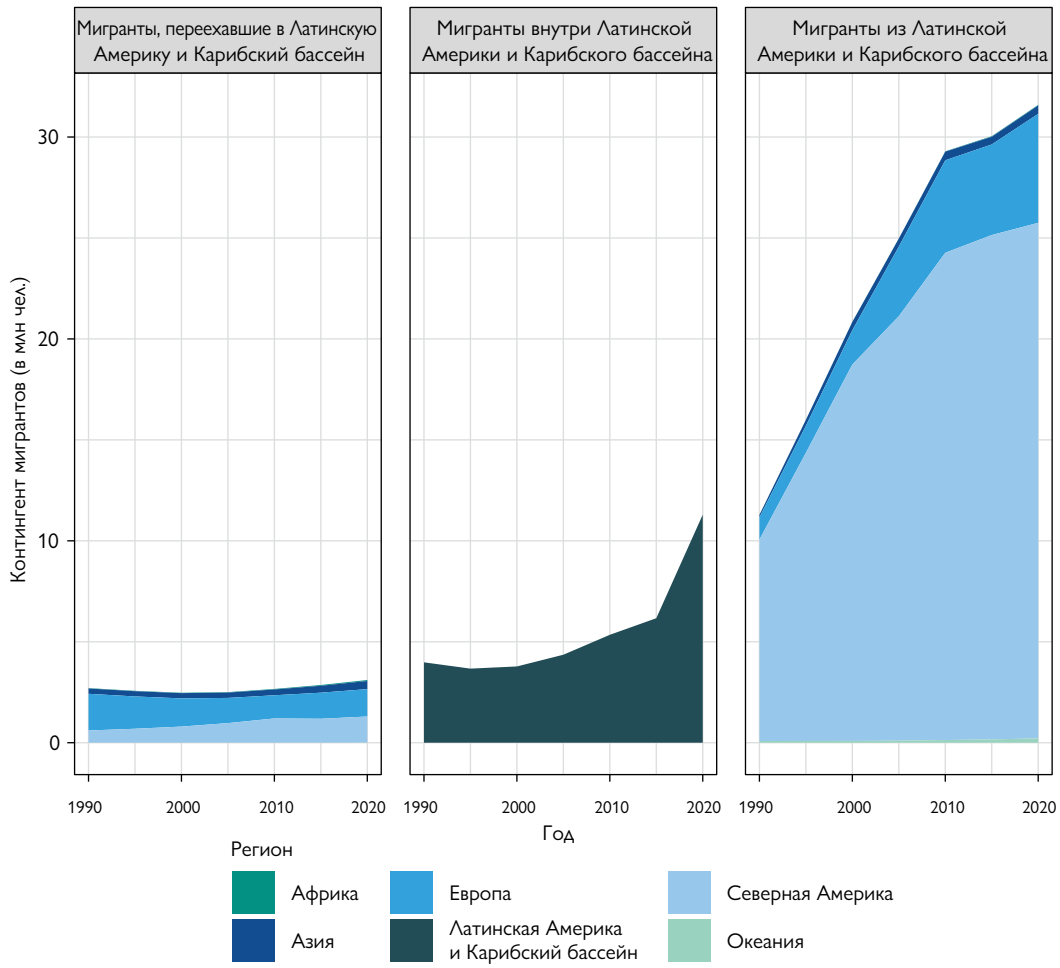
Латинская Америка и Карибский бассейн[282]

Основной особенностью региона Латинской Америки и Карибского бассейна является миграция в Северную Америку. В 2020 году свыше 25 млн мигрантов проделали путешествие на север и проживали в Северной Америке (рис. 22). Как показано на рисунке, количество выходцев из Латинской Америки и Карибского бассейна значительно возросло в Северной Америке с течением времени, поскольку согласно оценкам в 1990 году их насчитывалось 10 млн человек. Еще 5 млн мигрантов из этого региона в 2020 году находились в Европе. Хотя с 2015 года их количество увеличилось незначительно, по сравнению с 1990 годом число мигрантов из Латинской Америки и Карибского бассейна, проживающих в Европе, увеличилось более чем в четыре раза. В других регионах, таких как Азия и Океания, в 2020 году проживало очень небольшое количество мигрантов из Латинской Америки и Карибского бассейна (соответственно, более 400 000 и 200 000 мигрантов).

Общее число мигрантов из других регионов, живущих в Латинской Америке и Карибском бассейне, оставалось относительно неизменным в течение последних 30 лет, составляя примерно 3 млн человек. Они включали в основном европейцев (число которых незначительно уменьшилось за этот период) и североамериканцев, количество которых увеличилось. В 2020 году число европейцев и североамериканцев, живущих в Латинской Америке и Карибском бассейне, оставалось на уровне, соответственно, около 1,4 млн и 1,2 млн человек. Вместе с тем около 11 млн мигрантов в Латинской Америке и Карибском бассейне прибыли из других стран региона.

Текущая ситуация в Венесуэле оказала значительное влияние на миграционные потоки в регионе и остается одним из крупнейших кризисов перемещения и миграции во всем мире[283]. Приблизительно 5,6 млн венесуэльцев покинули страну по состоянию на июнь 2021 года[284], и около 85% из них (примерно 4,6 млн человек) переехали в другую страну Латинской Америки и Карибского бассейна[285]. Подавляющее большинство мигрантов уехали в течение последних пяти лет[286]. Среди основных стран назначения венесуэльских беженцев и мигрантов в регионе фигурируют Колумбия, Перу, Чили, Эквадор и Бразилия[287].

Рисунок 22. Мигранты, переехавшие в Латинскую Америку и Карибский бассейн, внутри этого региона и из него в 1990–2020 годах



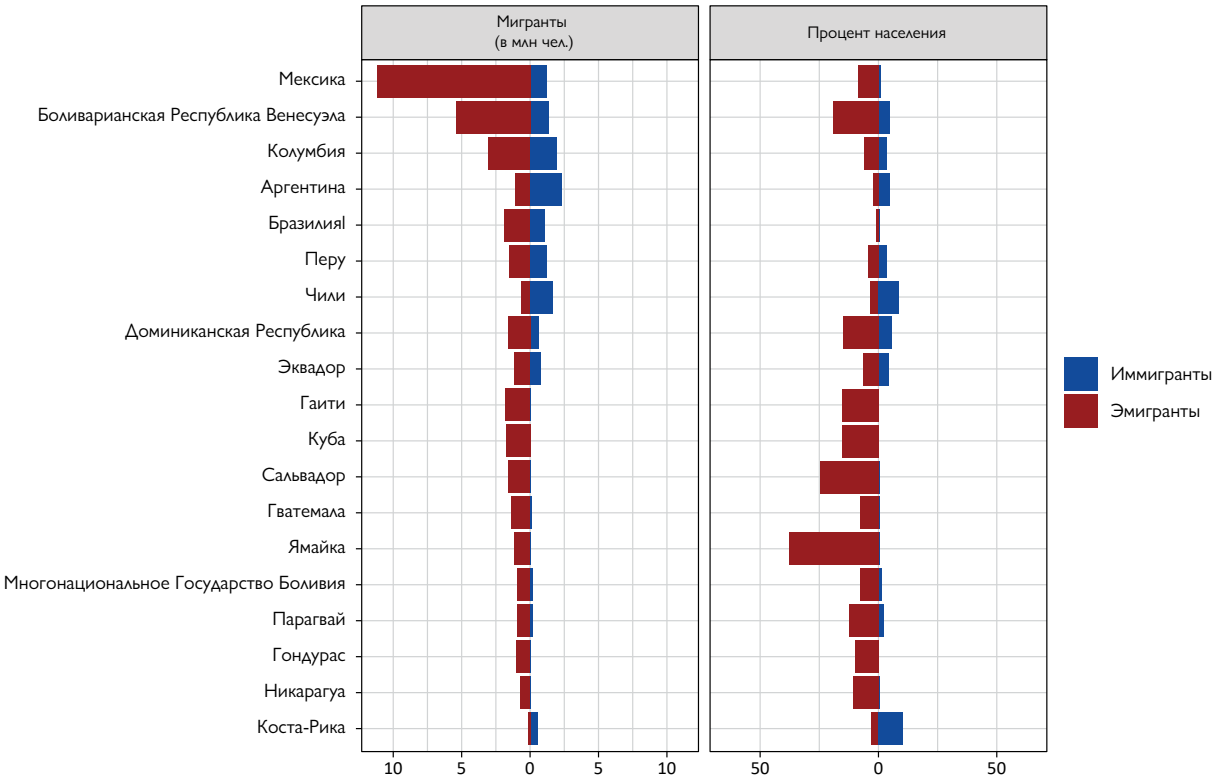
Источник: ДЭСВ ООН, 2021.

Примечание: Под «мигрантами, переехавшими в Латинскую Америку и Карибский бассейн» понимаются мигранты, проживающие в регионе (т.е. в Латинской Америке и Карибском бассейне), которые родились в других регионах (например, Европе или Азии). «Мигранты внутри Латинской Америки и Карибского бассейна» означают мигрантов, родившихся в регионе (т.е. в Латинской Америке и Карибском бассейне) и проживающих за пределами страны своего рождения, но в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна. «Мигранты из Латинской Америки и Карибского бассейна» означают людей, родившихся в Латинской Америке и Карибском бассейне, которые проживают за пределами этого региона (например, в Европе или Северной Америке).

Эмиграция остается важной особенностью Латинской Америки и Карибского бассейна. В 2020 году Мексика, у которой за рубежом проживало около 11 млн граждан, по-прежнему оставалась страной региона с наибольшим количеством эмигрантов (рис. 23). Мексика также занимает второе место после Индии среди стран с крупнейшими диаспорами в мире, при этом большинство членов мексиканской диаспоры проживают в Соединенных Штатах. За Мексикой следуют Боливарианская Республика Венесуэла и Колумбия, соответственно, с более чем 5 млн и 3 млн эмигрантов. Наибольшее количество эмигрантов в процентном

отношении к населению имеет Ямайка, за ней следуют Сальвадор и Боливарианская Республика Венесуэла. В 2020 году в Аргентине проживали самые большие группы населения иностранного происхождения в регионе (в составе более чем 2 млн мигрантов), которые в основном являлись выходцами из соседних стран, таких как Парагвай и Многонациональное Государство Боливия. Колумбия занимала второе место по количеству иммигрантов, за ней следовала Чили. Среди 20 стран с наибольшим количеством мигрантов в Коста-Рике была самая большая доля иммигрантов в населении (10%), за ней следует Чили.

Рисунок 23. Ведущие страны Латинской Америки и Карибского бассейна по количеству мигрантов в 2020 году



Источник: ДЭСВ ООН, 2021.

Примечание 1: Данные о численности населения, использованные для расчета процентной доли иммигрантов и эмигрантов, основаны на данных ДЭСВ ООН об общей численности постоянного населения стран, которое включает население, родившееся за рубежом.

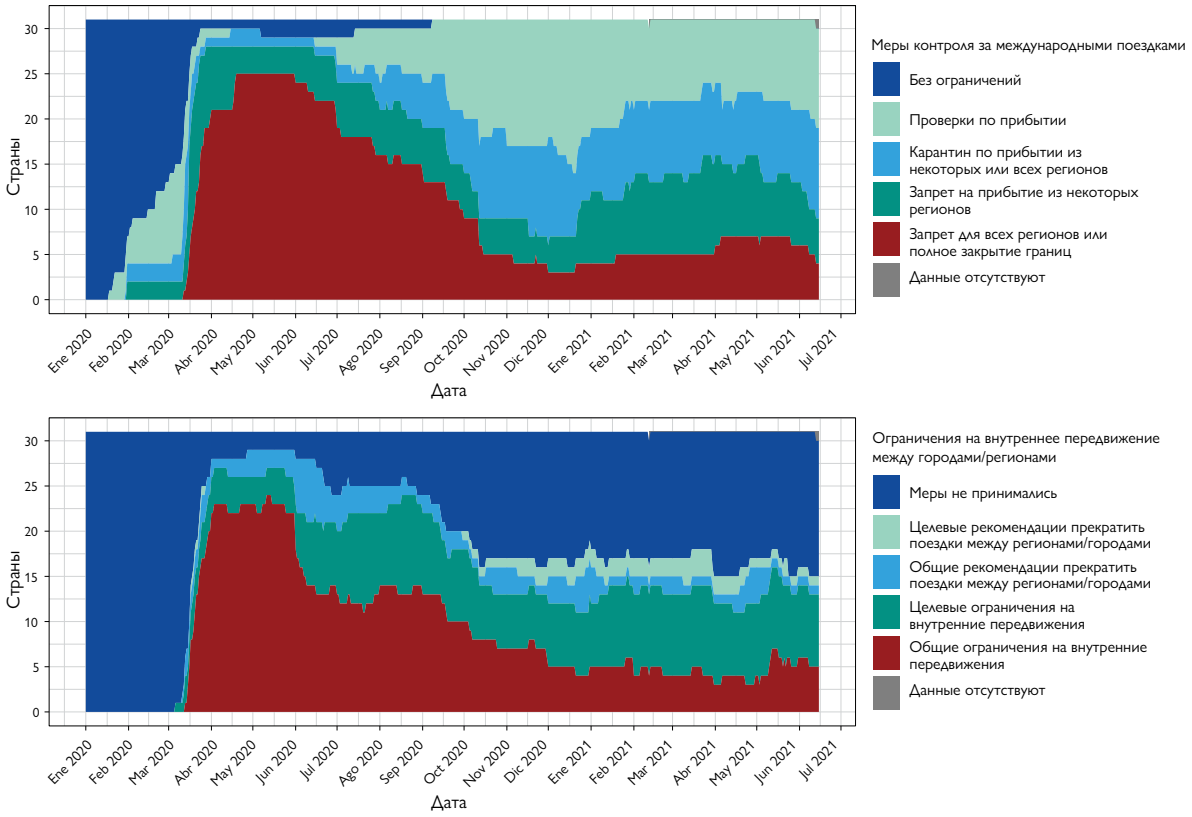
Примечание 2: «Иммигранты» означают родившихся за рубежом мигрантов, проживающих в стране. «Эмигранты» означают людей, родившихся в стране, которые в 2021 году проживали за пределами страны своего рождения.

Как и в других регионах, почти все страны Латинской Америки и Карибского бассейна ввели ограничения на поездки и передвижения, как внутренние, так и международные, в первые месяцы 2020 года. Большинство международных мер контроля за поездками, введенных в действие за несколько недель до вступления в силу внутреннего контроля, достигли своего пика в период с марта по июнь 2020 года. В отличие от остальных мер контроля за международными поездками, которые начали смягчаться в середине 2020 года, карантинные требования сохранялись практически во всех странах региона. Поскольку в конце 2020 и в начале 2021 года

страны региона столкнулись с новыми волнами инфицирования, несколько стран, отменивших некоторые ограничения на международные поездки, вновь ввели их. Из различных ограничений на международные поездки больше всего постепенно отменялось общее закрытие границ, и лишь несколько стран сохранили их по состоянию на середину июня 2021 года (см. рис. 24).

Тем временем ограничения на внутреннее передвижение также постепенно снижались по сравнению с пиком в начале пандемии (почти 30 стран ввели те или иные ограничения). К середине 2021 года значительное число стран отменили эти меры, при этом ограничения на внутреннее передвижение (общие) сократились больше всего.

Рисунок 24. Меры контроля за международными и внутренними поездками в связи с COVID-19 в Латинской Америке и Карибском бассейне: январь 2020 года – июнь 2021 года

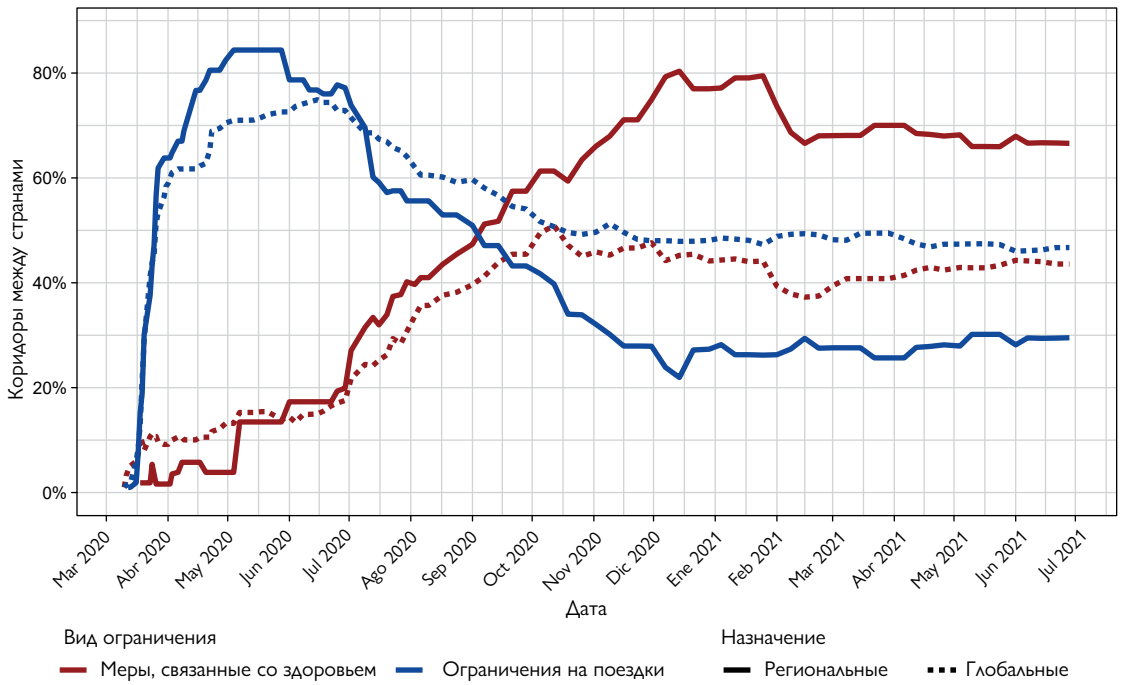


Источник: Hale et al., 2021.

Примечания: Используемые категории взяты из Системы отслеживания реагирования правительств Оксфордского университета; категории, включенные в набор данных, предназначены только для ограничений, связанных с COVID-19, и не отражают другие ограничения на поездки, которые также могут действовать, например, связанные с визовыми ограничениями, запретами на въезд на основании гражданства, ограничениями на выезд/выезд и внутренние передвижения.

В первой половине 2020 года в более чем 80% коридоров между странами в Латинской Америке и Карибском бассейне в той или иной форме действовали ограничения на поездки, связанные с COVID-19. В тот же период в более чем 70% коридоров, в которых участвуют страны за пределами региона (глобальных коридоров), также действовали меры контроля за поездками. Подобно тому, как происходило в Европе, эти ограничения на поездки со временем уменьшились, при этом внутрирегиональный контроль уменьшился больше всего; к 30 июня 2021 года только примерно в 30% коридоров (внутри региона) сохранились эти ограничения. К сентябрю 2020 года меры, связанные со здоровьем, которые постепенно усиливались в первые месяцы пандемии, стали более жесткими, чем ограничения на внутрирегиональные поездки. Как показано на рисунке 25, меры, связанные со здоровьем, в Латинской Америке и Карибском бассейне оставались в силе примерно в 70% коридоров в регионе.

Рисунок 25. Меры в отношении международных поездок, связанные с COVID-19, в Латинской Америке и Карибском бассейне: март 2020 года – июль 2021 года



Источник: МОМ, 2021a.

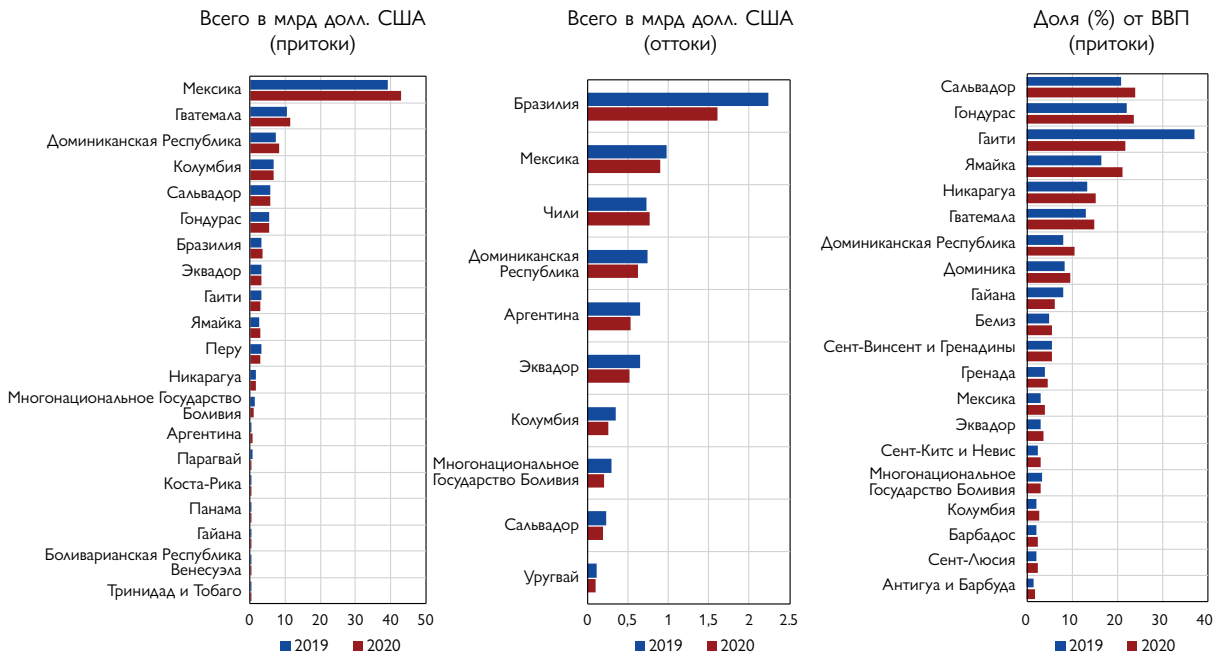
Примечания: Меры, связанные со здоровьем, включают проверки и мониторинг состояния здоровья, тестирование/медицинские справки и карантинные меры. Ограничения на поездки включают ограничения в отношении пассажиров на основании гражданства или прибытия из определенного географического места. Дополнительную информацию о методологии см. на странице МОП, посвященной ограничениям на мобильность.

В 2020 году Мексика занимала третье место в мире после Индии и Китая среди стран-получателей крупнейших объемов денежных переводов и, безусловно, лидировала в регионе (43 млрд долл. США) (см. рис. 26). В пятерку стран-получателей крупнейших денежных переводов в Латинской Америке и Карибском бассейне вошли Гватемала, Доминиканская Республика, Колумбия и Сальвадор, хотя у них приток переводов был намного меньшим, чем в Мексике. Однако по процентному отношению к ВВП в первую пятерку стран-

получателей денежных переводов в регионе в 2020 году входили Сальвадор (24%), затем Гондурас (24%), Гаити (22%), Ямайка (21%) и Никарагуа. (15%). В 2020 году потоки денежных переводов в Латинскую Америку и Карибский бассейн достигли почти 104 млрд долл. США, что является самым высоким показателем на сегодняшний день и ростом на 6,5% по сравнению с 2019 годом, оставаясь более устойчивыми, чем потоки в любой другой регион мира. У десяти ведущих получателей в регионе, за исключением Гаити, наблюдался рост в среднем почти на 8% по сравнению с 2019 годом. Этому росту способствовало несколько факторов, в том числе переход от неформальных к формальным каналам отправки денежных переводов, пакеты экономических стимулов в Соединенных Штатах в ответ на пандемию и сохранение занятости мигрантов в жизненно важных секторах в странах назначения[288].

Крупнейшим источником денежных переводов в Латинской Америке и Карибском бассейне была Бразилия, за которой следовали Мексика и Чили. Только из Бразилии в 2020 году было отправлено около 1,6 млрд долл. США денежных переводов, хотя это значительно меньше, чем свыше 2 млрд долл. США, отправленных в 2019 году. За исключением Чили, отток денежных переводов из остальных ведущих стран-отправителей сократился в 2020 году по сравнению с 2019 годом.

Рисунок 26. Ведущие страны-получатели и страны-источники денежных переводов в Латинской Америке и Карибском бассейне в 2019 и 2020 годах



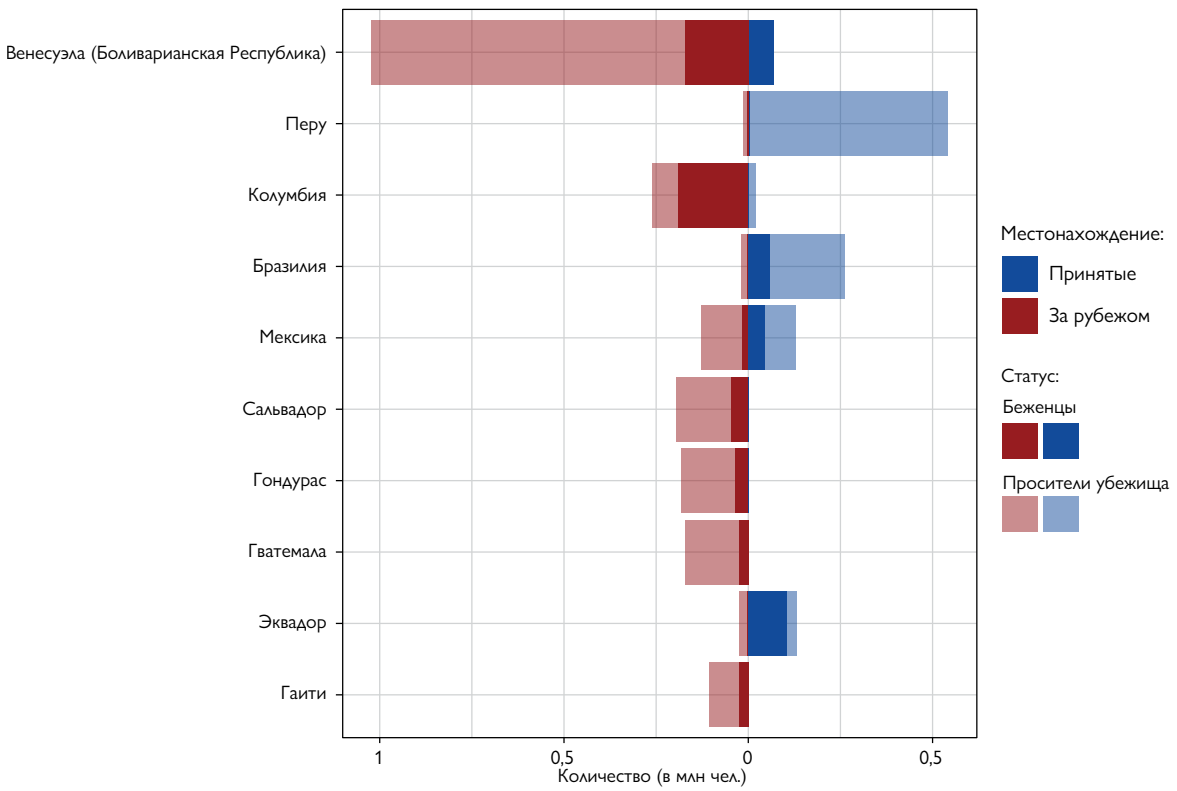
Источник: Всемирный банк, 2021.

В 2020 году венесуэльцы составляли второй по величине в мире контингент перемещенных за рубеж лиц после сирийцев. Агентство Организации Объединенных Наций по делам беженцев выделяет отдельную категорию «венесуэльцев, перемещенных за границу», чтобы отразить продолжающийся кризис перемещения; причем в эту категорию не входят венесуэльские просители убежища и беженцы. К концу 2020 года насчитывалось

около 171 000 зарегистрированных беженцев из Боливарианской Республики Венесуэла и почти 4 млн венесуэльцев, перемещенных без официального статуса беженца. Примерно 73% беженцев и мигрантов ищут убежища в соседних странах. Колумбия по-прежнему принимает большинство венесуэльских беженцев и мигрантов (более 1,7 млн человек).

В конце 2020 года около 450 000 человек из Сальвадора, Гватемалы и Гондураса искали убежища в других странах (рис. 27). Дополнительную информацию о беженцах и просителей убежища можно найти в разделе «Основные особенности и изменения в Латинской Америке и Карибском бассейне» ниже.

Рисунок 27. 10 ведущих стран Латинской Америки и Карибского бассейна по общему количеству беженцев и просителей убежища в 2020 году

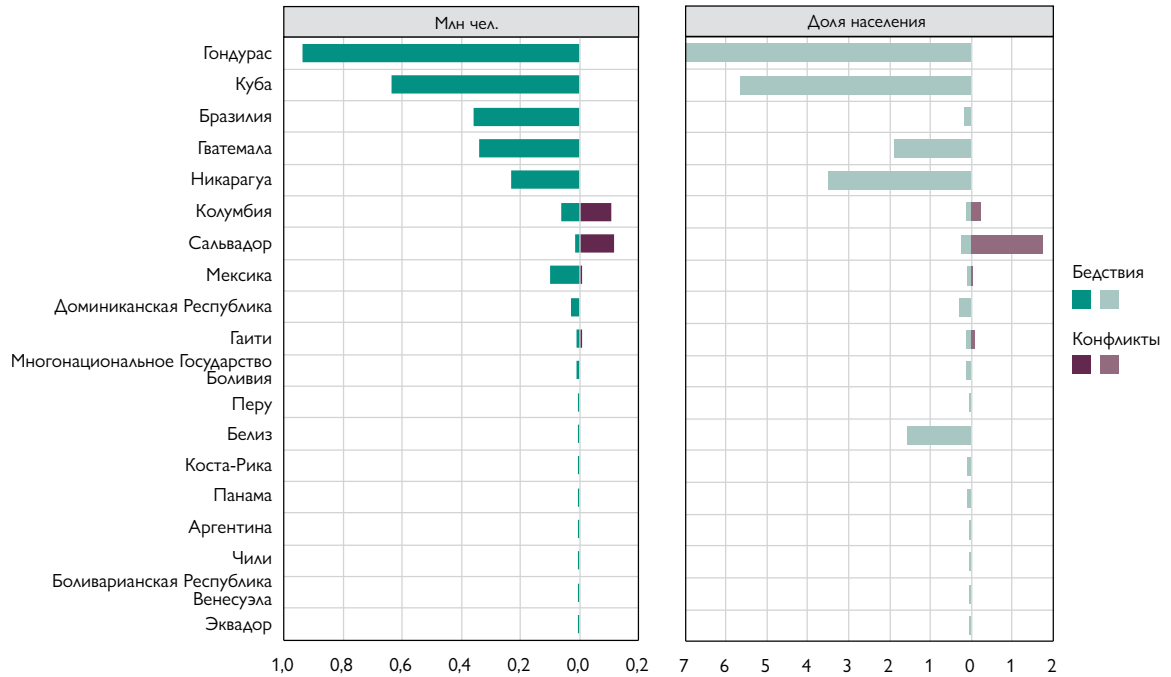


Источник: УВКБ, n.d.b.

Примечание: Определение «принятые» относится к тем беженцам и просителям убежища из других стран, которые проживают в принимающей стране (правая часть диаграммы); «за рубежом» относится к беженцам и просителям убежища из данной страны, которые находятся за пределами страны своего происхождения. Десять ведущих стран определены на основе данных за 2020 год, которые рассчитываются путем суммирования беженцев и просителей убежища, прибывших в страны и выехавших из стран.

Большинство новых внутренних перемещений в Латинской Америке и Карибском бассейне в 2020 году были вызваны стихийными бедствиями, а не насилием и конфликтами (рис. 28). В Гондурасе зарегистрировано наибольшее количество внутренних перемещений, вызванных стихийными бедствиями (937 000), за ним следуют Куба (639 000), Бразилия (358 000) и Гватемала (339 000). Эти крупномасштабные перемещения были вызваны связанными с погодой явлениями, включая ураган «Лаура» (в августе 2020 года) и ураганы «Эта» и «Йота» (в ноябре 2020 года). В 2020 году наибольшее количество новых внутренних перемещений, связанных с насилием и/или конфликтом было зарегистрировано в Колумбии и Сальвадоре: 106 000 в Колумбии и 114 000 в Сальвадоре.

Рисунок 28. Ведущие страны Латинской Америки и Карибского бассейна по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2020 году



Источник: IDMC, n.d.; ДЭСВ ООН, 2021.

Примечания: Термин «новые перемещения» означает число передвижений в контексте перемещения, которые имели место в 2020 году, а не численность общего контингента ВПЛ, накопившегося вследствие перемещения в течение определенного времени. Данные о числе новых перемещений включают лиц, которые были перемещены более одного раза, и не соответствуют числу людей, перемещенных в течение года.

Данные о численности населения, использованные для подсчета доли новых перемещений, вызванных бедствиями и конфликтами, основаны на оценках численности общего постоянного населения стран, произведенных ДЭСВ ООН за 2021 год, а данные о процентной доле используются только в соответствующих иллюстративных целях.

Основные особенности и изменения в Латинской Америке и Карибском бассейне[289]

Центральная Америка и Карибский бассейн

Пандемия COVID-19 серьезно оказала глубокое воздействие на миграцию и мобильность в Центральной Америке и Карибском бассейне, а также усугубила существующую уязвимость среди мигрантов, в том числе находящихся в пути. В первые недели и месяцы после начала пандемии закрытие границ и другие ограничения на передвижение, обусловленные COVID-19, привели к сокращению числа мигрантов, направляющихся из субрегиона на север[290]. Многие мигранты либо отложили свои поездки, либо застряли в местах транзита[291]. Пандемия и связанные с ней ограничения также вынудили некоторых мигрантов совершать еще более опасные путешествия, в том числе через Дарьенский пробел, считающийся одним из самых опасных миграционных маршрутов в мире[292]. Кроме того, несмотря на ограничения в отношении мобильности из-за пандемии, последние сообщения показали, что в субрегионе продолжалось использование контрабандистов[293]. Помимо срыва процессов предоставления убежища и других программ переселения в нескольких странах субрегиона, ограничения в отношении мобильности вынуждали многих мигрантов оставаться в самодельных лагерях в неадекватных гигиенических условиях и с ограниченным запасом продуктов питания и воды[294]. Например, в панамской провинции Дарьен многие нелегальные мигранты, прибывшие как из стран субрегиона, так и стран за его пределами, такие как африканцы, кубинцы и гаитяне, оказались в затруднительном положении, поскольку несколько стран закрыли свои границы[295]. Вместе с тем ряд стран субрегиона оказали определенную помощь мигрантам, например, содействуя возвращению и репатриации тех, кто застрял за границей, и охватив их кампаниями вакцинации[296]. Пандемия также оказала масштабное воздействие на такие ключевые сектора, как туризм, от которого в значительной степени зависят некоторые страны субрегиона, в том числе страны Карибского бассейна.

Миграция в северном направлении остается важной тенденцией, при этом смешанная миграция, в частности из северного района Центральной Америки, оказывается сложной и динамичной в результате ужесточения иммиграционного контроля. Миграция из Центральной Америки и через нее вызвана сложным набором факторов, включая экономическую нестабильность, насилие, преступность и последствия изменения климата, при этом многие люди движутся в северном напрвлении в поисках финансовой и физической безопасности[297]. В конце 2020 года почти 900 000 человек из Гондураса, Гватемалы и Сальвадора были насильственно перемещены (как внутри страны, так и за границу)[298]. Из них более полумиллиона человек были перемещены за границу, причем подавляющее большинство (79%) были приняты в Соединенных Штатах[299]. После 2018 года увеличились количество и частотность «караванов мигрантов» - термин, используемый для описания трансграничного перемещения больших групп людей по суше, - которые часто включают в себя семьи с детьми[300]. Наблюдается рост числа детей, путешествующих через Дарьенский пробел[301]. Из 226 000 мигрантов из Гондураса, Гватемалы и Сальвадора, прибывших на границу Соединенных Штатов в первой половине 2021 финансового года, примерно 34 000 были несовершеннолетними без сопровождения[302]. В порядке реагирования правительства Мексики и Соединенных Штатов усилили применение иммиграционного законодательства, в том числе путем принятия мер, направленных на предотвращение транзита мигрантов, резкого увеличения числа военнослужащих на действительной военной службе на границе Соединенных Штатов и Мексики, увеличения числа случаев задержания и депортации мигрантов, а также, как сообщалось, чрезмерного применения силы в отношении мигрантов со стороны сотрудников служб безопасности[303]. В январе 2020 года каравану мигрантов, следовавшему из Гондураса, было

отказано в разрешении на транзит через Мексику в Соединенные Штаты на границе между Гватемалой и Мексикой[304]. В результате власти Гватемалы и Мексики вернули в Гондурас примерно 2000 мигрантов[305]. Кроме того, число задержанных мигрантов в Мексике увеличилось с примерно 8500 человек в январе 2019 года до 13 500 человек в январе 2020 года[306].

Динамика миграции в Карибском бассейне по-прежнему характеризуется главным образом эмиграцией, хотя недавнее прибытие венесуэльских беженцев и мигрантов усугубило сложные ситуации в субрегионе. Большинство международных мигрантов из стран Карибского бассейна являются мигрантами из других регионов, при этом Северная Америка (в основном Соединенные Штаты) и Европа являются двумя основными регионами назначения. Некоторые из крупнейших коридоров проходят между Кубой и Соединенными Штатами, а также Доминиканской Республикой и Соединенными Штатами[307]. Хотя внутрирегиональная миграция остается относительно небольшой, она также неуклонно росла с течением времени, и к середине 2020 года число международных мигрантов из субрегиона составило почти 860 000 человек, почти удвоившись с 1990 года[308]. Региональные межправительственные организации и инициативы, такие как Организация восточнокарибских государств (ОВКГ) и Единый рынок и экономическое пространство в Карибском бассейне (КСМЭ) Карибского сообщества (КАРИКОМ), поддерживающие расширение свободы передвижения, способствовали росту миграции внутри субрегиона. В последние годы также наблюдался значительный рост иммиграции в некоторые страны Карибского бассейна, в значительной степени обусловленный прибытием венесуэльских мигрантов и беженцев. В сентябре 2019 года в Карибском бассейне проживало около 100 000 венесуэльцев, но к концу 2021 года ожидается, что число венесуэльцев вырастет до более чем 220 000 человек[309]. Некоторые из основных направлений для венесуэльцев включают Доминиканскую Республику, Тринидад и Тобаго, Гайану и Кюрасао[310]. К августу 2020 года в Доминиканской Республике проживало более 100 000 венесуэльцев, что составляло свыше 1% от общей численности населения[311]. В таких местах, как Аруба и Кюрасао, венесуэльские мигранты составляют значительную долю населения (более 10%)[312]. В ответ на растущее присутствие венесуэльцев в Карибском бассейне принимаются программы по легализации, призванные обеспечить законный статус имеющим на это право венесуэльцам, в частности, в Тринидаде и Тобаго, Доминиканской Республике и Кюрасао[313].

Изменение окружающей среды и стихийные бедствия влияют на передвижение и перемещение людей в субрегионе[314]. Интенсивные погодные явления, включая тропические штормы и ураганы, прямо или косвенно воздействуют на миграцию в субрегионе. Например, в 2020 году ураган «Лаура» вызвал более миллиона перемещений в Доминиканской Республике, Гаити, Кубе и Соединенных Штатах, тогда как ураганы «Эта» и «Йота» привели к 1,7 млн перемещений в нескольких странах субрегиона[315]. В Центральной Америке экологические потрясения в предгорных зонах варьируются от наводнений и штормов до селей и оползней, в то время как засушливые районы в основном страдают от засух[316]. Например, в Гватемале люди обычно мигрируют из-за засух и наводнений, которые повреждают урожаи и, как следствие, порождают отсутствие продовольственной безопасности и бедность[317]. Для дальнейшего решения проблемы изменения климата и миграции несколько стран Центральной Америки и Карибского бассейна включают вопросы миграции и мобильности в свои климатические стратегии. Например, в климатической стратегии Гватемалы основное внимание уделяется мобильности людей[318], тогда как в новом определяемом на национальном уровне вкладе Мексики содержится призыв уделять больше внимания климатической миграции[319].

Южная Америка

Глобальная пандемия нарушила миграцию в Южной Америке, повлияв на возвратную миграцию и перемещение. Первый подтвержденный случай COVID-19 в Южной Америке был зарегистрирован в Бразилии в феврале 2020 года, и к концу июля в этом субрегионе было зарегистрировано самое большое число подтвержденных случаев в мире[320]. К апрелю 2020 года 92% стран американского континента закрыли свои границы, чтобы ограничить распространение вируса COVID-19[321]. Несколько стран также ввели периоды локдауна и карантинные меры. Такие страны, как Многонациональное Государство Боливия, Колумбия, Эквадор и Перу, ввели одни из самых длительных и строгих мер локдауна в мире[322]. Эти меры в сфере общественного здравоохранения препятствовали миграции и мобильности, что привело к созданию небезопасных условий для многих мигрантов. Некоторые мигранты, проживающие в странах с ухудшающимися социально-экономическими условиями и потерявшие работу в результате пандемии, приняли трудное решение вернуться в страны своего происхождения[323]. Среди возвращающихся домой были боливийские и перуанские мигранты из Чили и парагвайские мигранты из Бразилии[324]. Массовое возвращение, часто происходившее пешком, в сочетании с ограничениями на передвижение, привело к тому, что многие мигранты оказались в приграничных городах в плохих санитарных условиях[325]. Возвращающиеся мигранты также сталкивались с социально-экономическими и юридическими проблемами, такими как поиск работы, получение легального статуса и ксенофобские проявления[326]. Поскольку многие люди находятся в процессе передвижения, такие страны, как Гайана, Эквадор и Перу, уделяют приоритетное внимание перемещенным лицам в своих стратегиях вакцинации от COVID-19[327].

Легализация перемещенных венесуэльцев остается проблемой для стран Южной Америки, поскольку регион переживает один из крупнейших гуманитарных кризисов в своей новейшей истории[328]. С 2015 года более пяти миллионов человек покинули Боливарианскую Республику Венесуэла из-за продолжающейся экономической и политической нестабильности в стране[329]. Более четырех миллионов венесуэльцев переехали в другие страны Южной Америки[330]. Колумбия принимает наибольшее количество венесуэльцев: к июлю 2021 года в страну въехало более 1,7 млн человек[331]. По состоянию на июль 2021 года основными странами Южной Америки, принимающими наибольшее число венесуэльцев после Колумбии, были Перу (более одного миллиона человек), Чили (почти 460 000 человек) и Эквадор (свыше 360 000 человек)[332]. Для поддержки венесуэльцев были реализованы инициативы по массовой легализации, поскольку более половины из них не имеют легального статуса[333]. В феврале 2021 года Колумбия внедрила политику предоставления перемещенным венесуэльцам статуса временной защиты на следующие 10 лет[334]. Легализация будет иметь долгосрочные положительные последствия, поскольку она способствует социальной интеграции и экономическому вкладу за счет интеграции на рынке труда и доступа к здравоохранению, жилью, образованию и другим необходимым средствам защиты[335]. Поскольку во многих странах никогда не было притока мигрантов в таком масштабе, выдача виз и предоставление убежище были сопряжены со сложностями. Исследование, проведенное в августе 2020 года, показало, что такие страны, как Бразилия и Перу, предоставили гуманитарные визы существенной доле венесуэльцев[336]. Хотя несколько стран выдали вид на жительство значительному числу венесуэльцев, многие из них по-прежнему имеют нелегальный статус[337].

Внутрирегиональная миграция в Южной Америке росла быстрыми темпами, чему немало поспособствовали женщины-мигранты[338]. Приблизительно 80% мигрантов в Южной Америке являются внутрирегиональными мигрантами[339]. С 2010 года число внутрирегиональных мигрантов в Южной Америке увеличилось настолько, что почти сравнялось с количеством южноамериканцев, проживающих за пределами субрегиона[340]. Этот рост является результатом нескольких факторов, включая сокращение иммиграции в

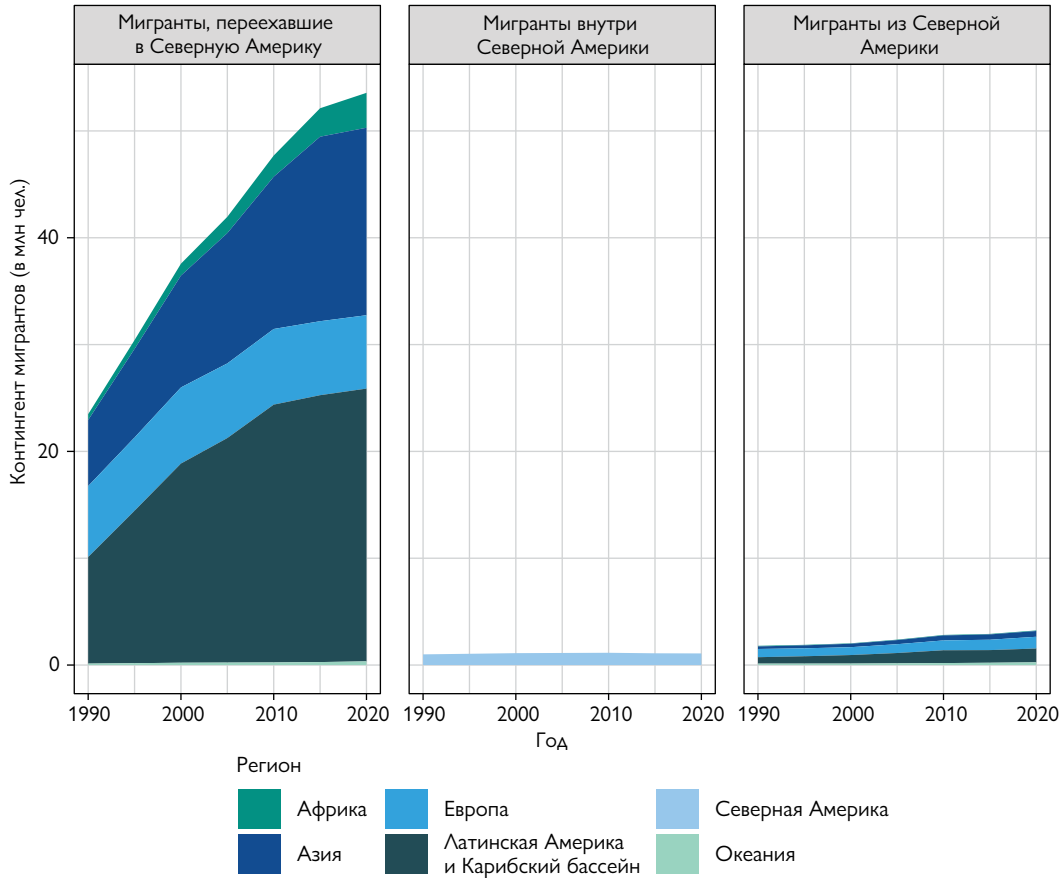
Европу[341], ужесточение иммиграционной политики за рубежом[342], положительные сдвиги в миграционной политике на региональном и национальном уровне, расширение возможностей трудоустройства в Южной Америке[343], развитие средств связи и снижение транспортных расходов[344], а также трансграничное перемещение из Боливарианской Республики Венесуэла[345]. Примечательно, что в крупнейших странах назначения, в Аргентине и Чили, женщины составляют большую доля южноамериканских мигрантов. Женщины-иммигранты в основном берут на себя обязанности по дому и уходу в силу старения населения и расширения участия женщин из среднего класса в составе рабочей силы[346].

Насилие, конфликты и стихийные бедствия являются важными факторами внутреннего перемещения в субрегионе. Крупномасштабному внутреннему перемещению по-прежнему способствует насилие, вызванное политическим кризисом и кризисом в области безопасности. Насилие в Колумбии, которое частично объясняется территориальным контролем, осуществляемым военизированными группировками, в 2020 году вызвало более чем 100 000 новых перемещений[347]. В 2021 году в Колумбии продолжало расширяться перемещение населения, вызванное конфликтом и насилием: в первом квартале было перемещено свыше 27 000 человек, что на 177% больше, чем за тот же период 2020 года[348]. Субрегион также серьёзно пострадал от стихийных бедствий, подхлестнувших мобильность. и перемещение; как быстро, так и медленно наступающие бедствия, такие как наводнения, оползни и засухи, имели для субрегиона широкомасштабные последствия[349]. Например, в 2020 году экстремальный сезон дождей в Бразилии с января по март вызвал примерно три четверти из 358 000 перемещений, обусловленных стихийными бедствиями[350].

Северная Америка[351]

Миграция в Северной Америке характеризуется доминированием миграции в этот регион, главным образом в Соединенные Штаты. Как показано на рисунке 29, в 2020 году в Северной Америке проживали почти 59 млн мигрантов из различных регионов. Их количество увеличилось примерно на 3 млн человек с 2015 года, когда в регионе жили около 56 млн мигрантов. По состоянию на 2020 год большинство этих мигрантов были выходцами из Латинской Америки и Карибского бассейна (около 26 млн человек), за ними следуют Азия (18 млн человек) и Европа (около 7 млн человек). За последние 30 лет число мигрантов в Северной Америке увеличилось более чем вдвое за счет эмиграции из Латинской Америки, Карибского бассейна и Азии, а также благодаря экономическому росту и политической стабильности в Северной Америке. Число североамериканских мигрантов, проживающих в регионе или где-либо еще, было очень скромным по сравнению с проживающим в регионе населением, родившимся за рубежом. В отличие от таких регионов, как Азия и Африка, где преобладает внутрирегиональная миграция, в 2020 году за пределами региона проживало больше мигрантов, родившихся в Северной Америке (около 3 млн человек), чем в другой стране региона (немногим более одного миллиона человек).

Рисунок 29. Мигранты, переехавшие в Северную Америку, внутри Северной Америки и из нее в 1990–2020 годах

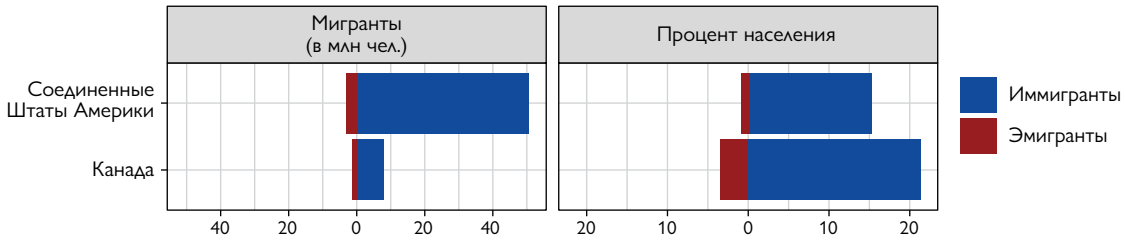


Источник: ДЭСВ ООН, 2021.

Примечание: Под «мигрантами, переехавшими в Северную Америку» понимаются мигранты, проживающие в регионе (т.е. в Северной Америке), которые родились в других регионах (например, Европе или Азии). «Мигранты внутри Северной Америки» означают мигрантов, родившихся в регионе (т.е. в Северной Америке) и проживающих за пределами страны своего рождения, но в североамериканском регионе. «Мигранты из Северной Америки» означают людей, родившихся в Северной Америке, которые проживают за пределами этого региона (например, в Европе или Африке).

В 2020 году в Соединенных Штатах проживала самая многочисленная в мире группа населения, родившегося за рубежом (рис. 30). Свыше 86% населения Северной Америки, родившегося за рубежом, проживали в Соединенных Штатах. Однако, как показано на рисунке 30, в 2020 году доля лиц, родившихся за рубежом, в общем населении Канады (более 21%) была значительно выше, чем в Соединенных Штатах (15%). По сравнению с Соединенными Штатами у Канады была также выше доля эмигрировавших граждан от ее общего населения.

Рисунок 30. Миграция в основных странах Северной Америки в 2020 году



Источник: ДЭСВ ООН, 2021.

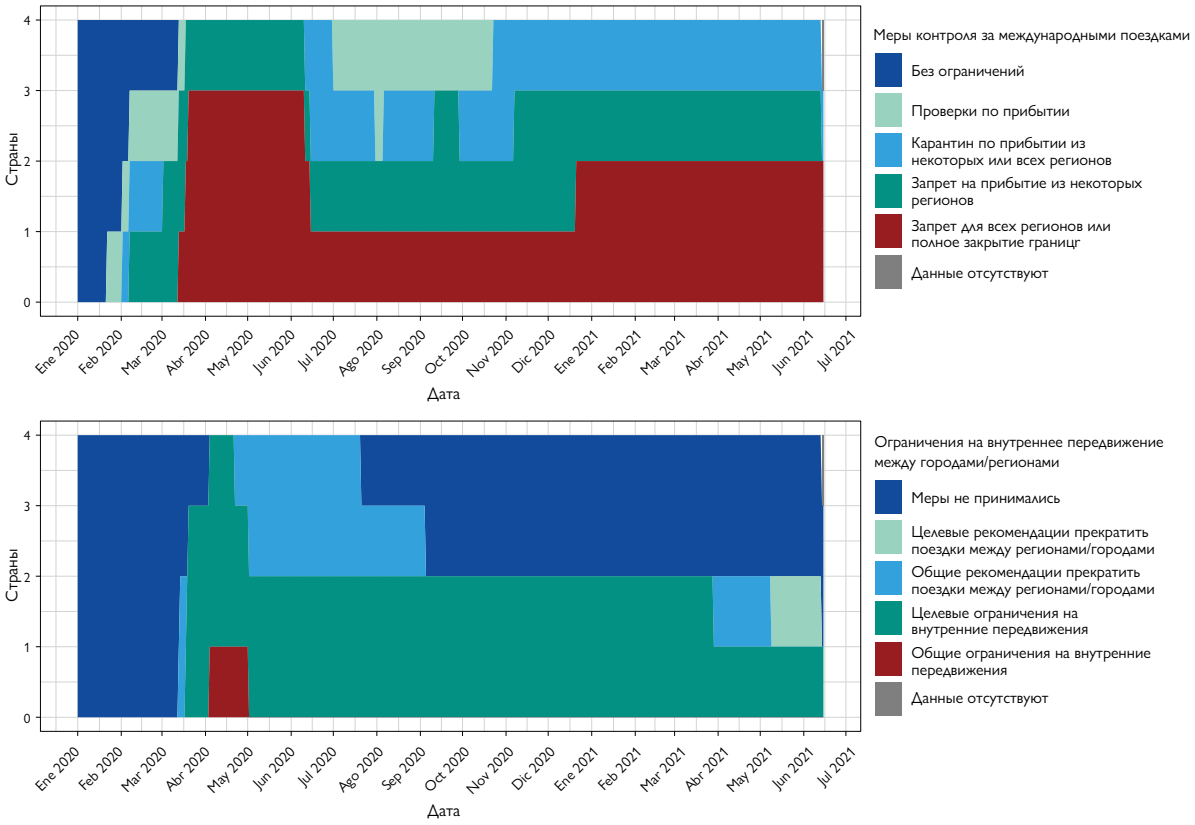
Примечание 1: Данные о численности населения, использованные для расчета процентной доли иммигрантов и эмигрантов, основаны на данных ДЭСВ ООН об общей численности постоянного населения стран, которое включает население, родившееся за рубежом.

Примечание 2: «Иммигранты» означают родившихся за рубежом мигрантов, проживающих в стране. «Эмигранты» означают людей, родившихся в стране, которые в 2021 году проживали за пределами страны своего рождения.

Все страны Северной Америки в начале пандемии COVID-19 быстро ввели контроль за международными и внутренними поездками. Как и в остальных регионах, ограничения на международные поездки были введены на несколько недель раньше, чем внутренний контроль. Такие ограничения, как проверка прибывающих и карантинные меры, сохранялись в течение 2020 года и оставались в силе для всех стран региона по состоянию на середину июня 2021 года (рис. 31). Тем не менее другие меры контроля за международными поездками, такие как запрет на въезд из некоторых регионов и полное закрытие границ, сократились с середины 2020 года, а к концу года снова усилились, поскольку в некоторых странах наблюдалось увеличение или новые волны инфицирования COVID-19.

В первые недели пандемии все страны региона ввели те или иные ограничения на внутреннее передвижение. Однако примерно к сентябрю 2020 года примерно половина отказалась от всех этих мер. Внутренние ограничения, которые остались для некоторых стран, включали целевые и общие рекомендации не совершать поездки между регионами или городами. Интересно, что в отличие от других регионов почти все страны Северной Америки никогда не вводили общих внутренних ограничений на передвижение.

Рисунок 31. Меры контроля за международными и внутренними поездками в связи с COVID-19 в Северной Америке: январь 2020 года – июнь 2021 года

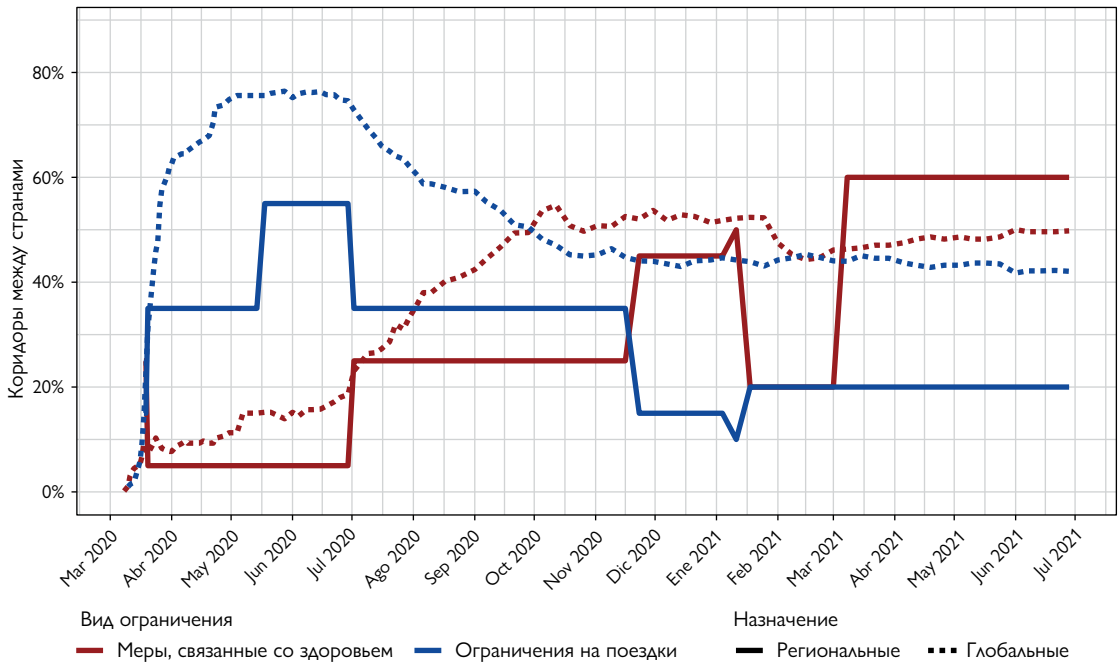


Источник: Hale et al., 2021.

Примечания: Используемые категории взяты из Системы отслеживания реагирования правительств Оксфордского университета; категории, включенные в набор данных, предназначены только для ограничений, связанных с COVID-19, и не отражают другие ограничения на поездки, которые также могут действовать, например, связанные с визовыми ограничениями, запретами на въезд на основании гражданства, ограничениями на выезд/выезд и внутренние передвижения.

С начала пандемии COVID-19 в Северной Америке постепенно менялись ограничения на поездки и меры, связанные со здоровьем. Как показано на рисунке 32, в первые месяцы пандемии ограничений на поездки было больше, чем мер, связанных со здоровьем. Однако со временем меры, связанные со здоровьем, превзошли ограничения на поездки. Вместе с тем следует отметить, что к концу июня 2021 года внутрирегиональных мер, связанных со здоровьем, было принято больше, чем мер в отношении стран за пределами Северной Америки (глобального характера). Это контрастирует с тем, что было в начале пандемии и в течение всего 2020 года, когда было больше глобальных мер, связанных со здоровьем, чем внутрирегиональных.

Рисунок 32. Меры в отношении международных поездок, связанные с COVID-19, в Северной Америке: март 2020 года – июль 2021 года

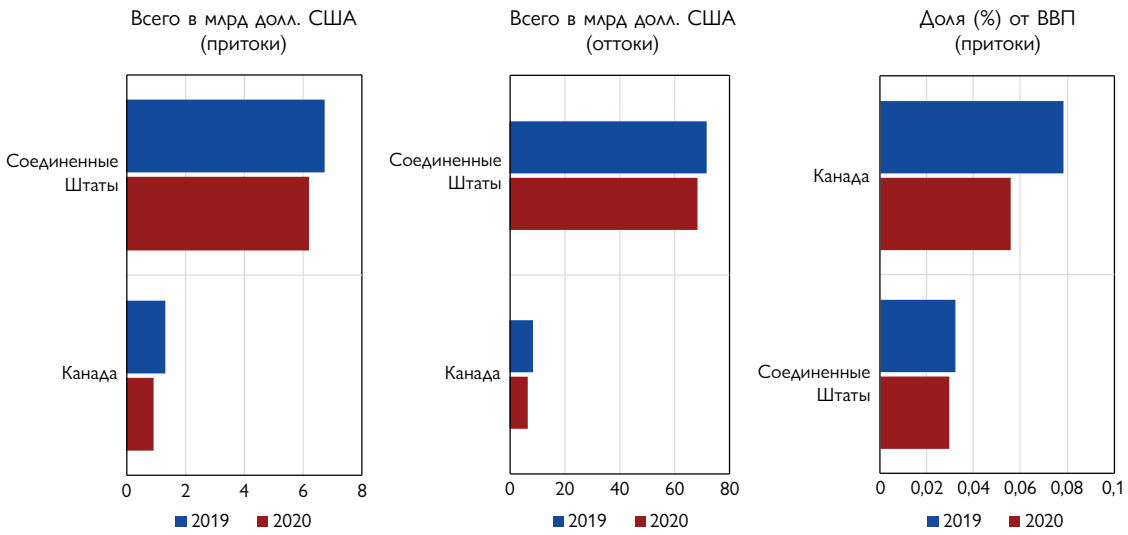


Источник: МОМ, 2021a.

Примечания: Меры, связанные со здоровьем, включают проверки и мониторинг состояния здоровья, тестирование/медицинские справки и карантинные меры. Ограничения на поездки включают ограничения в отношении пассажиров на основании гражданства или прибытия из определенного географического места. Дополнительную информацию о методологии см. на странице МОП, посвященной ограничениям на мобильность. Данный график охватывает только четыре страны, что отражается на общем виде схемы.

Соединенные Штаты как страна с крупнейшей экономикой в мире традиционно были одним из крупнейших источников денежных переводов в мире. В 2020 году из страны было отправлено около 68 млрд долл. США, что сделало ее крупнейшим отправителем в Северной Америке и мире (рис. 33). Однако по сравнению с более чем 71 млрд долл. США в 2019 году в 2020 году потоки денежных переводов из страны сократились.

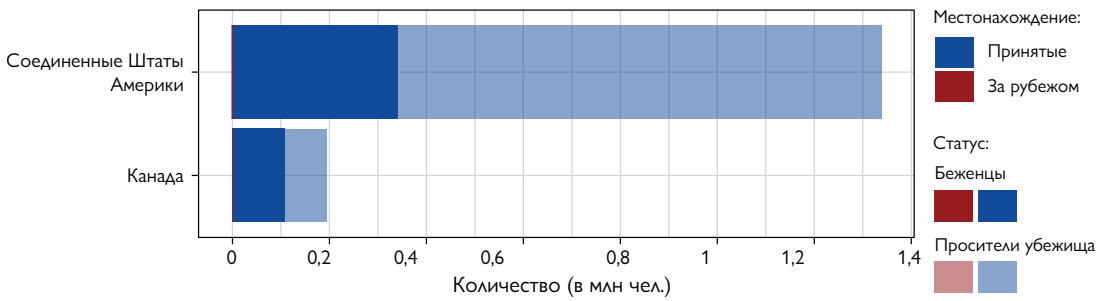
Рисунок 33. Страны-получатели и страны-источники денежных переводов в Северной Америке в 2019 and 2020 годах



Источник: Всемирный банк, 2021.

В 2020 году Соединенные Штаты принимали около 341 000 беженцев. В том же году, как показано на рисунке 34, в стране проживало около миллиона просителей убежища. Большинство просителей убежища в Соединенных Штатах прибыли из стран Латинской Америки, таких как Боливарианская Республика Венесуэла, Мексика, и из стран северной части Центральной Америки, включая Гватемалу, Сальвадор и Гондурас, где сложное сочетание социально-экономических и политических факторов вынудило значительное число людям покинуть страну. В то же время в 2020 году Канада принимала около 110 000 беженцев и более 85 000 просителей убежища. Значительное количество беженцев прибыло в Канаду из таких стран, как Нигерия, Турция и Пакистан.

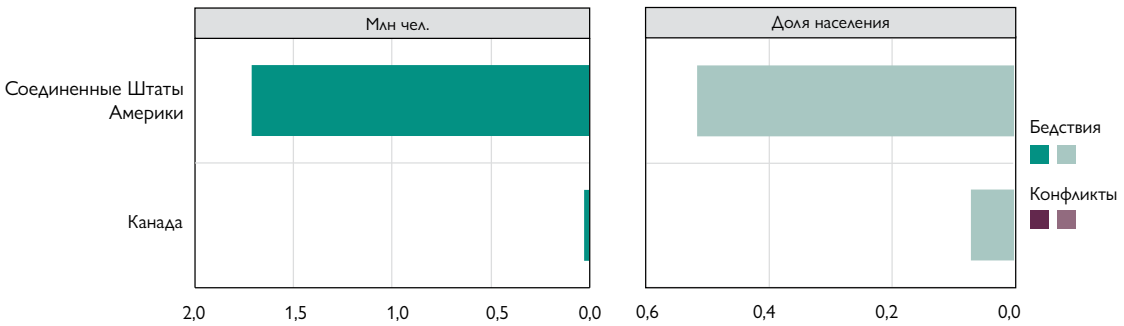
Рисунок 34. Количество беженцев и просителей убежища в странах Северной Америки в 2020 году



Источник: УВКБ, n.d.a.
Примечание: Определение «принятые» относится к тем беженцам и просителям убежища из других стран, которые проживают в принимающей стране (правая часть диаграммы); «за рубежом» относится к беженцам и просителям убежища из данной страны, которые находятся за пределами страны своего происхождения.

Все новые внутренние перемещения в Северной Америке в 2020 году были вызваны стихийными бедствиями (рис. 35)[352]. В Соединенных Штатах зарегистрировано наибольшее число перемещений: более 1,7 млн новых перемещений, обусловленных наводнениями и лесными пожарами. В 2020 году лесные пожары стали причиной 1,2 миллиона новых перемещений во всем мире, причем более одного миллиона новых перемещений произошло в Соединенных Штатах, в основном в западных штатах Калифорния, Колорадо, Юта, Орегон и Вашингтон. Сезон лесных пожаров в Канаде также вызвал новые перемещения, однако масштабы этих перемещений были намного меньше по сравнению с Соединенными Штатами. В целом в 2020 году в Канаде было зарегистрировано 26 000 новых перемещений, при этом крупный пожар в Ред-Лейк, Онтарио, привел к 3800 новым перемещениям. Ежегодно Соединенные Штаты неизменно занимают первое место среди стран Северной и Южной Америки и Карибского бассейна по количеству новых перемещений в результате стихийных бедствий.

Рисунок 35. Страны Северной Америки в разбивке по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2020 году



Источник: IDMC, n.d.; ДЭСВ ООН, 2021.

Примечания: Термин «новые перемещения» означает число передвижений в контексте перемещения, которые имели место в 2020 году, а не численность общего контингента ВПЛ, накопившегося вследствие перемещения в течение определенного времени. Данные о числе новых перемещений включают лиц, которые были перемещены более одного раза, и не соответствуют числу людей, перемещенных в течение года. Данные о численности населения, использованные для подсчета доли новых перемещений, вызванных бедствиями и конфликтами, основаны на оценках численности общего постоянного населения стран, произведенных ДЭСВ ООН за 2021 год, а данные о процентной доле используются только в соответствующих иллюстративных целях.

Основные особенности и изменения в Северной Америке[353]

Несмотря на воздействие пандемии COVID-19 на миграцию и мобильность в Северной Америке, мигранты в регионе сыграли ключевую роль в социально-экономическом реагировании. Ограничения на поездки, закрытие консульств и границ, а также задержки в выдаче виз и слушаниях в иммиграционных судах, среди прочих факторов, способствовали заметному сокращению числа зарегистрированных мигрантов, прибывших в Канаду и Соединенные Штаты с начала пандемии[354]. Например, в Канаде в период с 2019 по 2020 год количество новых удовлетворенных заявлений на получение вида на временное жительство и продление его действия сократилось на 48% (с 2,4 млн до 1,3 млн заявлений), в то время как число разрешений и виз, выданных для постоянных резидентов, сократились на 50% (с 341 000 в 2019 году до 172 000 в 2020 году)[355]. Общее количество иммиграционных и неиммиграционных виз, выданных в Соединенных Штатах, составило немногим более 4 млн виз в 2020 финансовом году, что на 54% меньше по сравнению с 9,2 млн виз, выданных в 2019 финансовом году[356]. Однако, несмотря на то, что ограничения

на поездки и передвижение, связанные с COVID-19, уменьшили для многих мигрантов возможности въехать в страны Северной Америки, и Соединенные Штаты, и Канада сохранили определенные каналы, особенно для временных иностранных рабочих в основных отраслях жизнеобеспечения[357]. Кроме того, мигранты сыграли ключевую роль в экономике субрегиона и его общем реагировании на COVID-19. Например, многие мигранты работают в качестве медицинских работников или в критически важных секторах, таких как производство продовольствия и сельское хозяйство[358]. Однако, поскольку мигранты чрезмерно представлены в отраслях жизнеобеспечения, наряду с другими социально-экономическими факторами, связанными с бедностью, жильем, доступом к социальным и медицинским услугам, отсутствием документов и т. д., они непропорционально сильно страдают от социально-экономических последствий пандемии и потенциально подвергается большему риску заражения[359]. Считается, что 6 млн рабочих иностранного происхождения в Соединенных Штатах заняты в отраслях жизнеобеспечения, а еще 6 млн мигрантов работают в отраслях, на которые негативно повлияла пандемия, таких как гостиничное и ресторанное хозяйство и индивидуальное обслуживание (например, маникюрные и парикмахерские салоны)[360]. Такая же картина наблюдается и в Канаде, где 34% работников сферы личных услуг идентифицируют себя как заметные меньшинства, которые чаще всего заняты в отраслях, негативно затрагиваемых пандемией, что усугубляет медицинские и экономические проблемы[361]. Помимо этого, глобальная пандемия также серьезно подорвала схемы переселения беженцев, как обсуждалось выше в региональном обзоре[362]. Однако в субрегионе были предприняты инициативы по поддержке беженцев и мигрантов. Например, Соединенные Штаты взяли на себя обязательство обеспечивать бесплатную вакцинацию независимо от иммиграционного статуса[363]. В Канаде федеральное правительство предоставляло постоянный вид на жительство просителям убежища, работающим в секторе здравоохранения во время пандемии[364].

Соединенные Штаты и Канада остаются важными пунктами назначения мигрантов, прибывающих из все более разнообразных стран происхождения. В 2020 году в Соединенных Штатах проживали примерно 51 млн международных мигрантов, которые образуют крупнейший такой контингент в мире. В том же году в Канаде проживали свыше 8 млн международных мигрантов; и хотя это гораздо меньший показатель по сравнению с Соединенными Штатами, в 2020 году Канада была восьмой по численности мигрантов страной назначения в мире, причем большинство мигрантов прибыли из Индии, Китая и Филиппин. Мигранты традиционно прибывают в США из Латинской Америки, Карибского бассейна и Азии, в том числе из таких стран, как Мексика, Индия и Китай. Однако с годами страны происхождения становятся разнообразнее. Так, если мигранты мексиканского происхождения по-прежнему составляют большинство международных мигрантов в Соединенных Штатах, их число постепенно сокращается[365]. С другой стороны, в Соединенных Штатах растет количество мигрантов из таких стран, как Доминиканская Республика, Филиппины и Сальвадор[366]. Также заметно увеличиваются контингенты мигрантов из Боливарианской Республики Венесуэла, Афганистана и Нигерии, демонстрирующие один из самых высоких темпов прироста за последнее десятилетие[367].

В связи со старением населения Канада продолжает увеличивать целевые показатели иммиграции. Иммиграционный план Канады на 2021–2023 годы содержит целевые уровни иммиграции, невиданные с 1913 года[368]. План предусматривает прием 401 000 иммигрантов в 2021 году, 411 000 иммигрантов в 2022 году и 421 000 иммигрантов в 2023 году[369]. Цель плана отражает демографические изменения в Канаде, где иммиграция в настоящее время обеспечивает 82% прироста населения страны[370]. Коэффициент фертильности в Канаде в среднем составляет около 1,5, что значительно ниже коэффициента воспроизводства, равного 2,1[371]. Рабочая сила страны также быстро меняется. К 2036 году соотношение работающих и пенсионеров будет составлять 3:1, а к 2040 году, согласно прогнозам, более 23% населения будут иметь возраст старше 65 лет[372]. Необходимость поддерживать и развивать рынок труда Канады отражена в Иммиграционном плане

на 2021–2023 годы, который направлен на прием 60% всех иммигрантов по программам экономического класса[373]. На местном уровне стратегии поддержки канадской экономики нацелены исключительно на предпринимателей-иммигрантов, так как многие владельцы малых и средних предприятий планируют выйти на пенсию в ближайшие годы[374]. Кроме того, существуют программы, направленные на достижение более справедливого распределения иммигрантов с учетом давних проблем регионализации и в рамках процесса, который направлен на содействие иммиграции в небольшие провинции и города Канады[375].

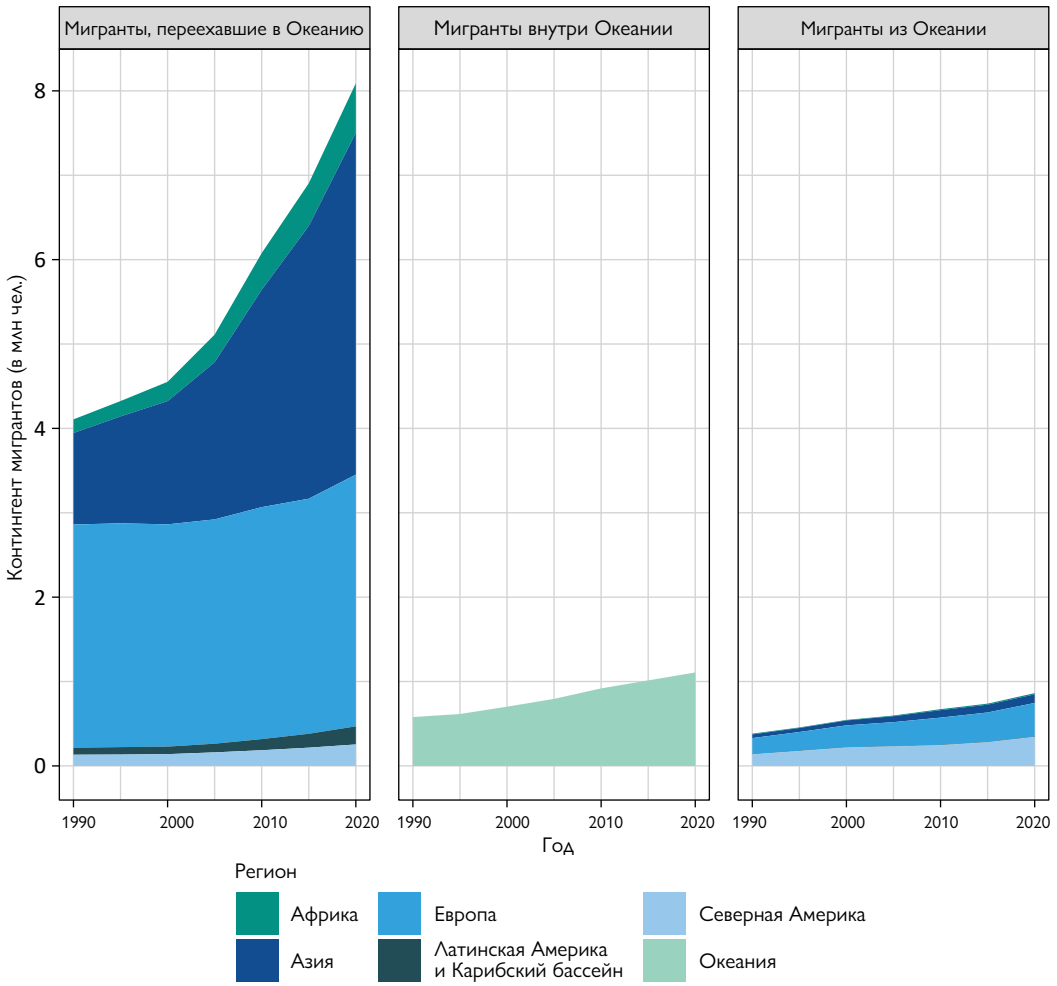
Хотя в последние годы иммиграционная политика в Соединенных Штатах ужесточилась, новые изменения в политике меняют иммиграционную систему. Перепись населения страны за десятилетие, проведенная в 2020 году, выявила почти рекордное снижение прироста населения, показав рост на 7,4% в период с 2010 по 2020 год, что является вторым самым низким показателем с 1790 года[376]. Отчасти в ответ на эти демографические изменения предпринимаются усилия для расширения иммиграции в страну, которые помогают поддерживать рост населения и сохранять существующую рабочую силу[377]. Между тем за последние несколько лет ряд «взаимосвязанных мер», принятых правительством Соединенных Штатов, все больше усложняли въезд в Соединенные Штаты для мигрантов и просителей убежища[378]. Были сфабрикованы доводы, представлявшие иммиграцию как угрозу национальной экономике, была введена ограничительная политика и было принято законодательство, направленные на сдерживание миграции[379]. Однако с начала 2021 года новая администрация Соединенных Штатов провела быстрые изменения в иммиграционной системе, включая отмену запрета на въезд в Соединенные Штаты из преимущественно мусульманских и африканских стран[380], возобновление программы отсрочки мер в отношении прибывающих детей (ОМПД), приостановку строительства стены на южной границе и предложение утвердить процедуру получения гражданства всеми нелегальными иммигрантами по истечении восьми лет[381]. Более того, в первые месяцы 2021 года правительство Соединенных Штатов приостановило действие трех соглашений о сотрудничестве в области предоставления убежища с Сальвадором, Гватемалой и Гондурасом, которые требовали от просителей убежища из субрегиона сначала ходатайствовать о предоставлении защиты в этих странах, а также разрешали выдворение и перемещение некоторых мигрантов из Соединенных Штатов в эти три страны[382]. В марте 2021 года венесуэльцам, проживающим в Соединенных Штатах, был предоставлен статус временной защиты (СВЗ), позволяющий им жить и работать в стране на законных основаниях[383]. Кроме того, в мае 2021 года правительство Соединенных Штатов пересмотрело ограничение на прием беженцев с 15 000 человек до 62 500 человек в 2021 году; в 2022 году их число должно еще увеличиться до 125 000 человек[384]. Также продолжались усилия по воссоединению семей мигрантов, которые были разлучены в предыдущие годы[385].

Число нелегальных мигрантов в Соединенных Штатах продолжает снижаться, отчасти из-за возвратной миграции в Мексику[386]. Общая численность нелегальных мигрантов в Соединенных Штатах по состоянию на 2018 года оценивалась в пределах от 11 до 11,4 млн человек[387]. Согласно оценкам в недавней публикации Центра миграционных исследований к 2019 году численность нелегальных мигрантов в Соединенных Штатах сократилась на 12% по сравнению с 2010 годом, что в значительной степени объясняется возвращением в Мексику примерно 1,9 млн нелегальных мигрантов за этот период[388]. Согласно оценкам в настоящее время граждане Мексики составляют менее половины нелегальных мигрантов в Соединенных Штатах[389]. Вместе с тем растет разнообразие стран происхождения нелегальных мигрантов, проживающих в Соединенных Штатах. В последние годы наблюдается увеличение групп не имеющих документов выходцев из Центральной Америки и Азии, главным образом из Сальвадора, Гватемалы, Гондураса, Боливарианской Республики Венесуэла и Индии[390].

Океания[391]

В 2020 году в регионе проживали почти 8,3 млн международных мигрантов из стран за пределами Океании. Как показано на рисунке 36, мигранты, родившиеся за рубежом, включали главным образом выходцев из Азии и Европы. За последние 30 лет число мигрантов в Океании, родившихся в Азии, выросло, в то время как число выходцев из Европы осталось стабильным. Из всех шести регионов мира Океания в 2020 году была регионом происхождения наименьшего количества выехавших из региона мигрантов, что частично отражает малую общую численность населения региона в сравнении с другими регионами. Мигранты из Океании, проживающие за пределами региона, в основном селились в Европе и Северной Америке.

Рисунок 36. Мигранты, переехавшие в Океанию, внутри Океании и из нее в 1990–2020 годах

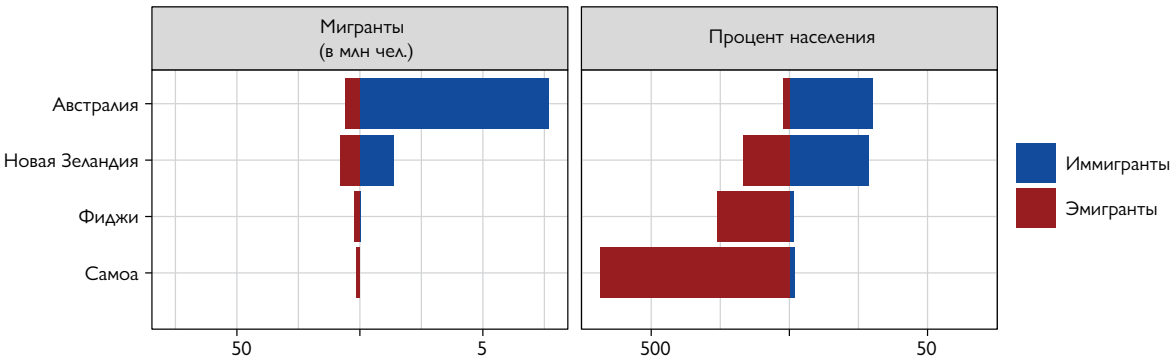


Источник: ДЭСВ ООН, 2021.

Примечание: Под «мигрантами, переехавшими в Океанию» понимаются мигранты, проживающие в регионе (т.е. в Океании), которые родились в других регионах (например, Европе или Азии). «Мигранты внутри Океании» означают мигрантов, родившихся в регионе (т.е. в Океании) и проживающих за пределами страны своего рождения, но в регионе Океании. «Мигранты из Океании» означают людей, родившихся в Океании, которые проживают за пределами этого региона (например, в Европе или Северной Америке).

Подавляющее большинство международных мигрантов в Океании жили либо в Австралии или в Новой Зеландии (рис. 37). Большинство стран региона характеризуются асимметричным миграционным профилем, являясь либо почти исключительно странами происхождения либо исключительно странами назначения. Например, в Самоа и Фиджи большое количество эмигрантов по сравнению с их коренным населением и очень низкая доля населения, родившегося за границей. Их эмигранты находились в основном в Новой Зеландии и Австралии. В общем населении Австралии и Новой Зеландии высокая пропорциональная доля лиц, родившихся за рубежом, составляющая, соответственно, 30% и 29%.

Рисунок 37. Миграция в основных странах Океании в 2020 году



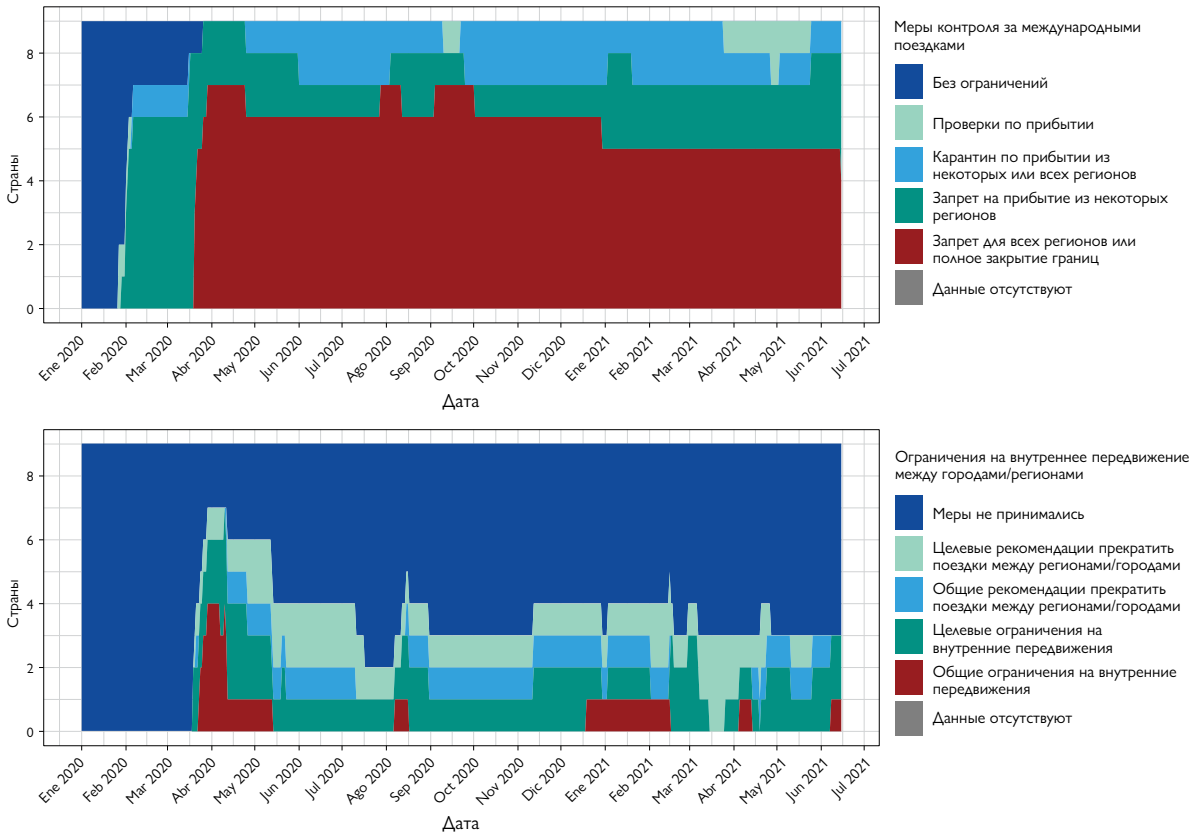
Источник: ДЭСВ ООН, 2021.

Примечание 1: Данные о численности населения, использованные для расчета процентной доли иммигрантов и эмигрантов, основаны на данных ДЭСВ ООН об общей численности постоянного населения стран, которое включает население, родившееся за рубежом.

Примечание 2: «Иммигранты» означают родившихся за рубежом мигрантов, проживающих в стране. «Эмигранты» означают людей, родившихся в стране, которые в 2019 году проживали за пределами страны своего рождения.

Несколько стран Океании ввели контроль за международными поездками в самые первые недели пандемии COVID-19. Несколько недель спустя последовали внутренние ограничения на передвижение. Примерно к апрелю 2020 года практически все страны региона ввели контроль за международными поездками в той или иной форме (рис. 38). По состоянию на середину июня 2020 года такие меры, как проверка прибывающих и обязательные карантины, все еще действовали почти во всех странах. Хотя другие такие ограничения, как запрет на въезд из некоторых регионов и полное закрытие границ, немного сократились, они также остались в силе для нескольких стран региона. Это отличается от ситуации в таких регионах, как Африка, Азия и Европа, где большинство стран отказались от мер контроля, включая полное закрытие границ. Между тем ограничения на внутреннее передвижение, пик которых пришелся на первые месяцы пандемии, со временем ослабли, но остаются в некоторых странах региона.

Рисунок 38. Меры контроля за международными и внутренними поездками в связи с COVID-19 в Океании: январь 2020 года – июнь 2021 года

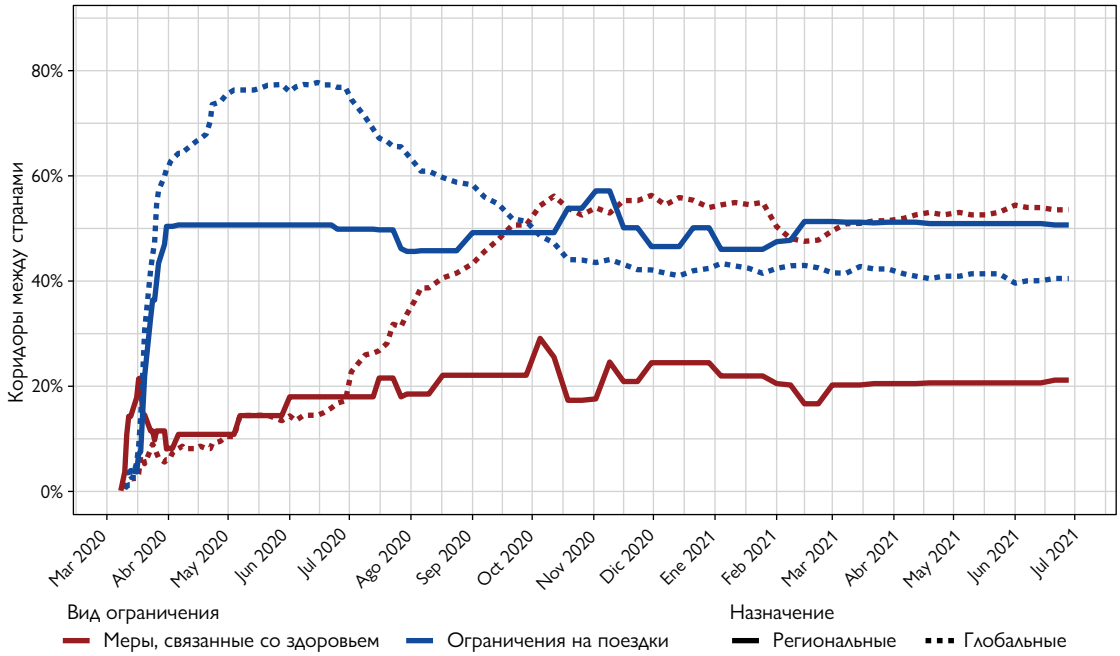


Источник: Hale et al., 2021.

Примечания: Используемые категории взяты из Системы отслеживания реагирования правительств Оксфордского университета; категории, включенные в набор данных, предназначены только для ограничений, связанных с COVID-19, и не отражают другие ограничения на поездки, которые также могут действовать, например, связанные с визовыми ограничениями, запретами на въезд на основании гражданства, ограничениями на выезд/выезд и внутренние передвижения.

Большинство стран Океании быстро ввели ограничения на поездки, при этом меры, связанные со здоровьем, усиливались гораздо более постепенно в первые месяцы пандемии (см. рис. 39). К середине 2020 года, как показано на рисунке ниже, примерно в 80% коридоров в Океании действовали те или иные ограничения на поездки (глобального характера). Эта динамика со временем начала изменяться, поскольку меры, связанные со здоровьем, особенно касавшиеся стран за пределами региона, усиливались и даже превышали ограничения на поездки в некоторые периоды. Примечательно, что, в отличие от других регионов (кроме Азии), к июню 2021 года внутрирегиональные меры, связанные со здоровьем, оставались относительно менее распространёнными (менее 30% коридоров). Кроме того, Океания и Азия также являются единственными регионами, где в целом ограничения на поездки внутри региона (как внутренние, так и глобальные) к середине 2021 года были более строгими, чем меры, связанные со здоровьем.

Рисунок 39. Меры в отношении международных поездок, связанные с COVID-19, в Океании: март 2020 года – июль 2021 года

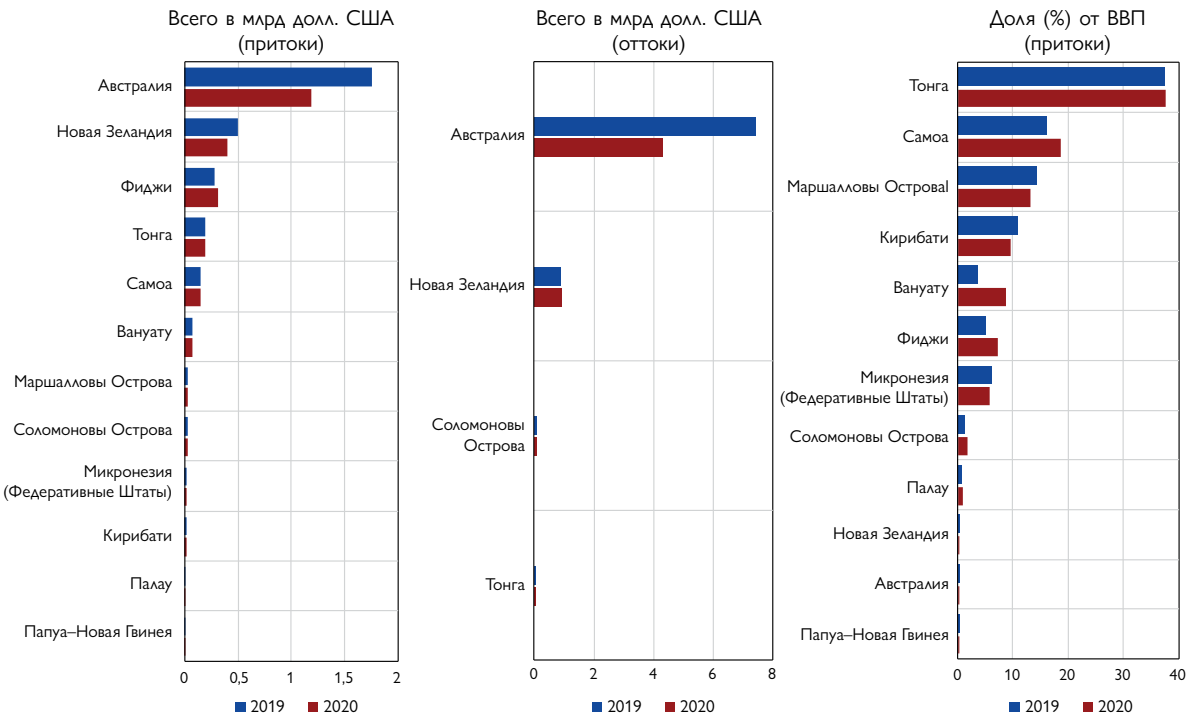


Источник: МОМ, 2021a.

Примечания: Меры, связанные со здоровьем, включают проверки и мониторинг состояния здоровья, тестирование/медицинские справки и карантинные меры. Ограничения на поездки включают ограничения в отношении пассажиров на основании гражданства или прибытия из определенного географического места. Дополнительную информацию о методологии см. на странице МОП, посвященной ограничениям на мобильность.

В 2020 году Австралия была крупнейшим получателем международных денежных переводов в регионе, за ней следовали Новая Зеландия и Фиджи. Общий поток денежных переводов в Океанию в 2020 году сократился примерно на 15%, а в страны региона с самой развитой экономикой Австралию и Новую Зеландию, - соответственно, на 32% и 20%. В число основных получателей из расчета по доле ВВП в 2020 году входят несколько небольших стран, таких как Тонга, Самоа и Маршалловы Острова. Помимо того, что Австралия была крупнейшим получателем международных денежных переводов в регионе, она также была крупнейшим источником денежных переводов в Океании как в 2019, так и в 2020 году. В 2020 году отток денежных переводов из Австралии превысил 4 млрд долл. США, хотя это меньше, чем свыше 7 млрд долл. США в 2019 году.

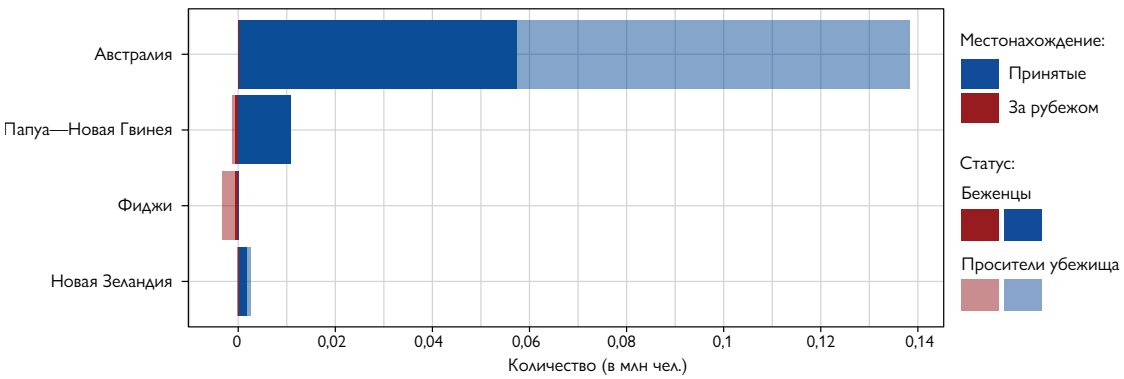
Рисунок 40. Ведущие страны-получатели и страны-источники международных денежных переводов в Океании в 2019 и 2020 годах



Источник: Всемирный банк, 2021.

В 2020 году Океания принимала более 150 000 беженцев и просителей убежища. Крупнейшей принимающей страной в регионе была Австралия, за которой следовали Папуа-Новая Гвинея и Новая Зеландия (рис. 41). Беженцы прибыли из ряда стран, включая Афганистан, Индонезию, Исламскую Республику Иран и Ирак.

Рисунок 41. Количество беженцев и просителей убежища, для которых страны Океании являлись принимающими странами или странами происхождения, в 2020 году

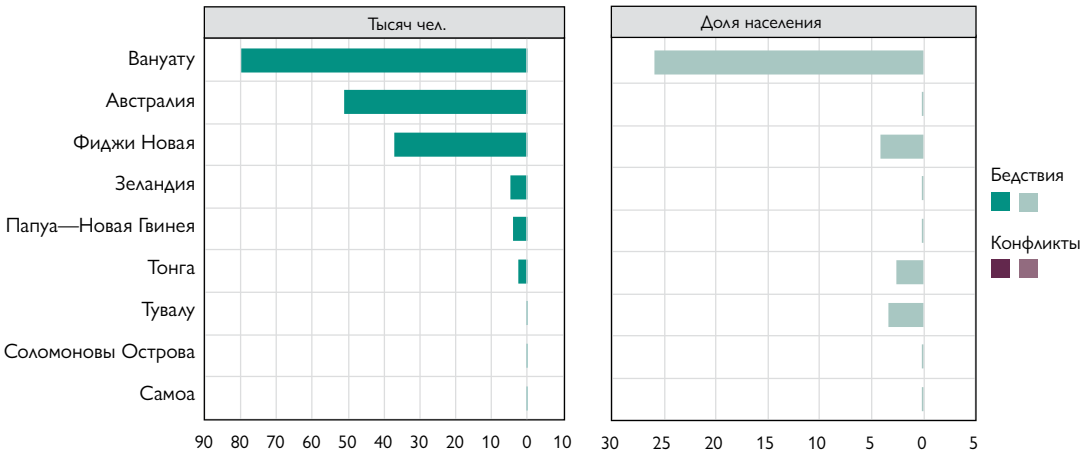


Источник: УВКБ, n.d.a.

Примечание: Определение «принятые» относится к тем беженцам и просителям убежища из других стран, которые проживают в принимающей стране (правая часть диаграммы); «за рубежом» относится к беженцам и просителям убежища из данной страны, которые находятся за пределами страны своего происхождения.

В 2020 году большинство новых внутренних перемещений в Океании были вызваны бедствиями, а не конфликтами. В Вануату в результате стихийных бедствий зарегистрировано наибольшее количество перемещений (80 000), главным образом вызванных циклоном «Гарольд» (рис. 42). От этого шторма пятой категории в 2020 году пострадала почти четверть населения страны. Другие крупномасштабные внутренние перемещения, вызванные стихийными бедствиями, были зарегистрированы в Австралии (51 000), Фиджи (37 000) и Новой Зеландии (почти 5 000). В Австралии новые перемещения были в основном упреждающими эвакуациями из-за интенсивного сезона лесных пожаров в период с июля 2019 года по февраль 2020 года. Пожары уничтожили более 3000 домов и около 17 млн гектаров земли, сильно затронув юго-восточные штаты Виктория и Новый Южный Уэльс[392].

Рисунок 42. Ведущие страны Океании по количеству новых внутренних перемещений (вызванных стихийными бедствиями и конфликтами) в 2020 году



Источник: IDMC, n.d.; ДЭСВ ООН, 2021.

Примечания: Термин «новые перемещения» означает число передвижений в контексте перемещения, которые имели место в 2020 году, а не численность общего контингента ВПЛ, накопившегося вследствие перемещения в течение определенного времени. Данные о числе новых перемещений включают лиц, которые были перемещены более одного раза, и не соответствуют числу людей, перемещенных в течение года. Данные о численности населения, использованные для подсчета доли новых перемещений, вызванных бедствиями и конфликтами, основаны на оценках численности общего постоянного населения стран, произведенных ДЭСВ ООН за 2021 год, а данные о процентной доле используются только в соответствующих иллюстративных целях.

Основные особенности и изменения в Океании[393]

Пандемия COVID-19 привела к экономическим трудностям в регионе Океании, обусловленных отсутствием мобильности рабочей силы и серьезными сбоями в ключевых секторах, таких как туризм, гостиничный бизнес и торговля. Правительства стран региона Океании приняли ряд мер по обеспечению безопасности общественного здоровья, чтобы обуздать передачу COVID-19, и сумели свести к минимуму количество случаев заболевания. Однако эти упреждающие меры, в том числе ограничения на поездки, закрытие границ, приостановка полетов и карантинные меры, негативно сказались на мигрантах, работающих в ключевых отраслях. В частности, трудовые мигранты в регионе столкнулись с серьезными проблемами. Например, мигранты с тихоокеанских островов, участвующие в программах сезонных рабочих

в Австралии и Новой Зеландии, оказались в подвешенном состоянии, поскольку некоторые мигранты в Тонге, Фиджи, Тувалу и Вануату не могли уехать на заранее назначенную работу, а тем, кто уже работал за границей, приходилось договариваться о продолжении работать у своих существующих работодателей или найти работу у другого работодателя[394]. Другие участники программы для сезонных рабочих столкнулись с трудностями при возвращении домой и обеспечении своей занятости вне первоначального трудового договора[395]. Еще одним сектором, серьезно пострадавшим от пандемии, стал туризм и гостиничное дело, которые являются одним из основных источников дохода для тихоокеанских островов. Например, на Фиджи туризм является наиболее важным сектором, и ожидается, что его отрицательная динамика повлияет на общий ВВП примерно на 38%[396]. В связи с экономическими трудностями у тихоокеанских островных государств, которые в значительной степени зависят от денежных переводов, поступление таких переводов является предметом для беспокойства. Хотя меры локдауна привели к ограничению доступа к услугам, основанным на обороте наличных денег, центральные банки сообщили о значительных сдвигах в использовании цифровых платформ[397]; например, Банк Фиджи сообщил об общем росте таких операций на 68% с 2,75 млн фидж. долл. в марте 2020 года до 4,62 млн фидж. долл. в апреле 2020 года[398].

Режимы сезонной трудовой миграции продолжают способствовать эмиграции из тихоокеанских островных государств в Австралию и Новую Зеландию. Программы трудовой миграции, такие как Программа сезонных рабочих и Схема тихоокеанской рабочей силы в Австралии и Схема зарегистрированных сезонных работодателей (3CP) в Новой Зеландии, предусматривают наем мигрантов в основном из стран Тихоокеанского региона и Юго-Восточной Азии для работы в сельском хозяйстве и жилом секторе (в Австралии) и в секторах садоводства и виноградарства (в Новой Зеландии)[399]. Эмиграция из тихоокеанских островных государств в Австралию и Новую Зеландию имеет значительный размах ввиду относительно небольшой численности населения и темпов расширения участия в этих программах, особенно в Австралии, где нет установленных «потолков»[400]. Большинство мигрантов, участвующих в этих программах для сезонных трудящихся-мигрантов, являются выходцами из Вануату и Тонги. Например, согласно оценкам в 2018 году на работу в Австралию и Новую Зеландию эмигрировали 13% населения Тонги в возрасте от 20 до 45 лет[401]. Оценка программ сезонных рабочих показывает, что, хотя экономические возможности, созданные для мигрантов из окружающих тихоокеанских островных государств, стимулируют участие в них, отъезд мигрантов может повлиять на рост населения и традиционные социальные системы, а также создавать издержки упущенных возможностей для местного производства в этих регионах[402]. Кроме того, установлено, что подавляющее большинство работников составляют мужчины[403]. Например, в Австралии в 2017–2018 годах только 14,6% данного контингента составляли женщины[404]. Что касается гендерного равенства, то этот вопрос вызывает беспокойство, поскольку женщины вынуждены выполнять неоплачиваемую работу по дому в отсутствие мужчин и могут упускать возможности в плане приобретения трудового опыта и финансовой выгоды[405].

Изменение окружающей среды и стихийные бедствия играют важную роль в мобильности и перемещении населения в регионе. Тихоокеанский регион подвержен стихийным бедствиям и весьма уязвим перед землетрясениями, наводнениями, лесными пожарами и засухами. Обеспокоенность интенсивностью и частотностью таких событий наглядно подтверждается недавними опустошительными лесными пожарами в Австралии, которые бушевали с июля 2019 года по февраль 2020 года и выжгли 17 млн гектаров земли[406]. Это историческое событие вызвало 65 000 новых перемещений, в основном в порядке упреждающей эвакуации[407]. Стихийные бедствия и перемещение могут иметь более серьезные последствия в зависимости от численности населения, как в случае вулканических извержений в Папуа-Новой Гвинее в июне 2019 года, вызвавших примерно 20 000 перемещений[408], и циклона «Гарольд», обрушившегося на Вануату в апреле 2020 года и вызвавшего перемещение около 80 000 человек, что составило примерно

четверть населения[409]. Изменение окружающей среды и стихийные бедствия обуславливают широкий спектр решений в отношении мобильности отдельных лиц и общин[410]. Решения оставаться в условиях повышенного риска могут обосновываться стратегиями выживания и адаптации, а также черпаться из других ресурсов и социальных сетей[411]. Вместе с тем решения людей о миграции, связанной с изменением окружающей среды, будут продолжать влиять на демографические изменения в регионе.

Наличие просителей убежища и беженцев является характерной чертой региона. В первую тройку стран, принимающих просителей убежища и беженцев, входят Австралия (138 000 человек), Папуа-Новая Гвинея (11 000 человек) и Новая Зеландия (2 500 человек)[412]. За последнее десятилетие примерно 11% всех переселенных беженцев были приняты в Австралии[413]. В 2018/2019 году количество мест в рамках Австралийской гуманитарной программы выросло до 18 762[414]. В 2019/2020 году в рамках своей Гуманитарной программы Австралия предоставила 13 170 мест из выделенных на отчетный год 18 750 мест[415]. Программа на 2019/2020 год не была полностью выполнена из-за временной приостановки в марте 2020 года выдачи в офшорных центрах всех гуманитарных виз ввиду ограничений на поездки в связи с COVID-19[416]. В своем годовом бюджете на 2020/2021 год правительство Австралии сократило ассигнования на 5 000 гуманитарных мест, вернувшись к уровню до 2017 года, предусматривавшему выделение 13 750 мест в год[417]. Ограничения на поездки в связи с COVID-19 означали, что к июлю 2021 года 10 000 человек, согласно оценкам получивших гуманитарные визы за рубежом, останутся за границей и не смогут въехать в Австралию из-за сохраняющихся значительных ограничений на международные поездки[418]. Последующий федеральный бюджет (на 2021/2022 год) подтвердил, что количество мест по программам на несколько лет вперед сохранится на уровне 13 750 мест[419]. К маю 2021 года за рубежом оставалось чуть более 230 человек (около 100 человек в Науру и 130 человек в Папуа-Новой Гвинее), многие из которых были переведены из Австралии более семи лет тому назад[420]. В целом считается, что в период с 2012 по 2020 год Австралия затратила на офшорную обработку примерно 4000 заявлений просителей убежища около 8,3 млрд австралийских долларов[421].

Endnotes

1 Были предприняты все разумные усилия для обеспечения точности данных, приведенных в настоящей главе, в том числе путем перепроверки данных. Вместе с тем, к нашему сожалению, в данных могут сохраняться определенные погрешности.
2 Просьба обратить внимание на то, что субрегионы в значительной степени привязаны к динамике миграции и могут отличаться от субрегионов ДЭСВ ООН. Более подробная информация содержится в добавлении A.
3 Подробную информацию о составе региона Африки см. в добавлении A.
4 Подробную информацию о составе региона Африки см. в добавлении A.
5 MOM, n.d.a; MOM, 2021b; Eyebiyi, 2020.
6 Teye, 2020.
7 Hamadou, 2020.
8 MOM, 2020a.
9 Schöfberger and Rango, 2020.
10 African Union, 2020a; Eyebiyi, 2020.
11 Litzkow, 2020; Schöfberger and Rango, 2020.
12 Le Coz and Hooper, 2021; MOM, 2021c.
13 MOM, 2021d; МККК, 2020.
14 Muggah, 2021.
15 IDMC, 2021.
16 УКГВ ООН, 2020.
17 IDMC, 2021.
18 Muggah, 2021.
19 ООН, 2020.
20 Frimpong, 2020.
21 Ibid.
22 Blake, 2020.
23 ICG, 2020.
24 МККК, 2021; IDMC, 2020.
25 Bisong, 2019; MOM, 2020b.
26 МОТ, 2020.
27 MOM, 2020b.
28 МОТ, 2020.
29 Tyszler, 2019; МОТ, 2020.
30 MOM, 2021e.
31 Okiror, 2020.
32 УВКБ, 2020a; Guadagno, 2020.
33 MOM, 2021e; Schöfberger and Rango, 2020.
34 Abebe and Maunganidze, 2021.
35 MOM, 2021f.
36 Abebe and Daghar, 2021.
37 Ibid.
38 McAuliffe et al., 2020.
39 Zanker and Moyo, 2020.
40 Mukumbang et al., 2020.
41 Walker et al., 2021a, 2021b.
42 African Union, 2020a, 2020b.
43 Okunade, 2021.
44 IGAD, 2021.
45 COMESA, 2019.
46 MOM, 2020c; Black, 2020.
47 African Union, 2020c.
48 ДЭСВ ООН, 2021.
49 МОТ, n.d.
50 Всемирный банк, 2021.
51 Ibid.
52 Ibid.
53 Kleinfeld, 2020.
54 IDMC, 2021.
55 УВКБ, 2020b; Mednick, 2021.
56 MOM, 2021g; УВКБ, 2021a; Mednick, 2021.
57 IDMC, 2021.
58 УКГВ ООН, 2021a.
59 УВКБ, 2021a.
60 Ibid.
61 Ibid.
62 Ibid.
63 Ibid.
64 УВКБ, 2021a.
65 IDMC, 2021.
66 Ibid.
67 Ibid.
68 ACAPS, 2021a.
69 Blocher and Kileli, 2020.
70 УВКБ, 2021b.
71 Ibid.
72 УКГВ ООН, 2021b; McAuliffe and Bauloz, 2020.
73 Schöfberger and Rango, 2020.
74 Fargues et al., 2020.
75 СМООН, 2020.
76 MOM, 2020d.
77 ММС, 2020a; УВКБ, 2021c.
78 ММС, 2021.
79 Idemudia and Boehnke, 2020.
80 ДЭСВ ООН, 2021.
81 Ibid.
82 Ibid.
83 Всемирный банк, 2021.
84 Ibid.
85 Ibid.
86 Dempster and Clemens, 2020; Hein, 2021.
87 MOM, 2021h.
88 ACAPS, 2021b.
89 IDMC, 2021.
90 УКГВ ООН, 2021c.
91 УВКБ, 2021a.
92 Ibid.
93 УВКБ, 2021a; IDMC, 2021.
94 Knoll and Teevan, 2020.
95 УВКБ, 2020c.
96 Ibid.
97 Ibid.
98 European Commission, 2021a.
99 УВКБ, 2020c.
100 Black, 2020; ММС, 2020b.
101 ММС, 2020b.
102 Ibid.
103 УВКБ, 2021b.
104 Ibid.
105 Подробную информацию о составе региона Азии см. в добавлении A.
106 Подробную информацию о составе региона Азии см. в добавлении A.

107 Smith and Zimmer, 2020; Babar, 2020; Hennebry and KC, 2020.
108 Cornwell et al., 2020.
109 Slater et al., 2020.
110 Ibid.
111 УВКПЧ, 2020.
112 МОМ, 2021i.
113 ООН, n.d.; McAuliffe and Bauloz, 2020.
114 Всемирный банк, 2021.
115 УВКБ, 2021h.
116 IDMC, 2021.
117 Ibid.
118 ACAPS, 2020.
119 Ibid.
120 Ibid.
121 МОМ, 2020e; УВКБ, 2021e.
122 IDMC, 2021.
123 Ibid.
124 Ibid.
125 УВКБ, 2021a.
126 Ibid.
127 Ibid.
128 Ibid.
129 Ibid.
130 UNDP, 2020.
131 Всемирный банк, 2021.
132 Ibid.
133 ОЭСР, 2020a.
134 Ibid.
135 IDMC, 2021.
136 CAREC, 2020.
137 Ibid.; IFRC, 2020.
138 ДЭСВ ООН, 2021.
139 Ibid.
140 Ibid.
141 Ibid.
142 Madiyev, 2021.
143 King and Dudina, 2019.
144 ДЭСВ ООН, 2021.
145 Ibid.
146 ДЭСВ ООН, 2021.
147 Hofmann and Chi, 2021.
148 Lemon, 2019.
149 Wang et al., 2021.
150 Ibid.
151 ERD Net, 2020; Jin, 2021; Lee et al., 2021; Li, 2020.
152 Shakuto and Baldari, 2020.
153 ADBI et al., 2021.
154 ДЭСВ ООН, 2021.
155 Всемирный банк, 2021.
156 Ibid.; ДЭСВ ООН, 2021.
157 IIE, 2020.
158 Ibid.
159 Republic of Korea, Ministry of Education, n.d.; JASSO, n.d.
160 Qi, 2021.
161 Cai, 2020.
162 Yonhap, 2020; Republic of Korea, Ministry of Education, n.d.
163 IDMC, 2021.
164 Ibid.
165 Ibid.
166 Ibid.
167 Zhao, 2020.
168 Guo et al., 2020.
169 IDMC, 2021.
170 MOT, 2021.
171 ADBI et al., 2021.
172 İçduygu, 2020.
173 ABDI et al., 2021.
174 Ibid.
175 Ghoshal and Jadhav, 2020.
176 ADBI et al., 2021.
177 IDMC, 2021.
178 NUS, 2020.
179 IDMC, 2021.
180 Ibid.
181 Karim, 2021.
182 ДЭСВ ООН, 2021.
183 Всемирный банк, 2021.
184 Ibid.
185 Ibid.
186 Ibid.
187 УВКБ, 2021a.
188 Ibid.
189 IDMC, 2021.
190 ICG, 2021.
191 ООН, 2021a.
192 Hossaini and Latifi, 2021.
193 УВКБ, 2021a.
194 Ibid.
195 ВОЗ, 2021b.
196 Ibid.
197 Vandergeest et al., 2021.
198 МОМ, 2021j.
199 МОМ, 2020f.
200 Ortiga, 2020; Lema and Baldwin, 2020.
201 ADBI et al., 2021.
202 УВКБ, 2021a.
203 ООН, 2021b.
204 IDMC, 2021.
205 УВКБ, 2021a.
206 Ibid.
207 УВКПЧ, 2021.
208 IDMC, 2021.
209 Ibid.
210 Ibid.
211 Ibid.
212 Всемирный банк, 2021.
213 Ibid.
214 Ibid.
215 ЭСКАТО, 2020.
216 Ibid.
217 Ibid.
218 Ibid.
219 МОМ, n.d.b.
220 Ibid.
221 Подробную информацию о составе Европы см. в добавлении A.
222 IDMC, 2021.
223 Подробную информацию о составе Европы см. в добавлении A.
224 УВКБ, 2020d.
225 Ibid.
226 Vallianatou et al., 2021.
227 Šantić and Antić, 2020; ВОЗ, 2021a; ВОЗ, 2021b.
228 Georgiev, 2020; Oruc et al., 2020.

229 Georgiev, 2020.
230 *The Economist*, 2021.
231 ДЭСВ ООН, 2021.
232 Ibid.
233 Ibid.
234 Ibid.
235 Всемирный банк, 2021.
236 Ibid.
237 IDMC, 2020.
238 Ibid.
239 УКГВ ООН, 2021d.
240 МОМ, 2020g.
241 УВКБ, 2021a.
242 Prtorić, 2020; Oruc et al., 2020.
243 МОМ, 2021k.
244 Ibid.
245 Marusic, 2020.
246 *Al Jazeera*, 2021a.
247 МОМ, 2020h.
248 МОМ, 2020i.
249 Carter, 2020.
250 Kaur-Ballagan and Mortimore, 2017.
251 Wanner and Wisniak, 2020.
252 European Commission, 2021b.
253 Chetail, 2020.
254 European Council on Refugees and Exiles, 2020.
255 Petroni, 2020.
256 Fanjul and Dempster, 2020; European Commission, 2021c; Sköld, 2021.
257 Kirişci et al., 2020.
258 Tagaris, 2021.
259 Frontex, 2021; МОМ, 2021l.
260 *BBC*, 2021a.
261 *BBC*, 2021b.
262 УВКБ, 2021f.
263 Skydsgaard, 2021.
264 УВКБ, 2021f.
265 УВКБ, n.d.b.
266 УВКБ, 2021g.
267 *Reuters*, 2021.
268 Farzan, 2021.
269 IDMC, 2021.
270 Ibid.
271 *Reuters*, 2020.
272 IDMC, 2021.
273 Ibid.
274 European Commission, 2021d.
275 МОМ, 2021m.
276 Ibid.
277 Frontex, 2021.
278 ОЭСР, 2020b.
279 Ibid.
280 Ibid.
281 Foley and Piper, 2020.
282 Подробную информацию о составе Латинской Америки и Карибского бассейна см. в добавлении A.
283 ЮНИСЕФ, 2020.
284 R4V, 2021a.
285 МОТ and UNDP, 2021; R4V, 2021a.
286 R4V, 2021a.
287 Ibid.
288 Всемирный банк, 2021.
289 Подробную информацию о составе Латинской Америки и Карибского бассейна см. в добавлении A.
290 Ernst, 2020.
291 Ibid.
292 MSF, 2021; McAuliffe et al., 2017.
293 МОМ, 2020j.
294 Manzi, n.d.; Bojorquez et al., 2021; УВКБ, 2021a.
295 Teran, 2020.
296 UN ECLAC, 2020; Escobar, 2021.
297 Angelo, 2021; IDMC, 2020; Call, 2021.
298 УВКБ, 2021a.
299 Ibid.
300 Astles, n.d.; Menchu and Palencia, 2021.
301 MMC, 2020c; Meyer, 2021.
302 Meyer, 2021.
303 MMC, 2020c; Astles, n.d.
304 Astles, n.d.
305 Ibid.
306 MMC, 2020c.
307 ДЭСВ ООН, 2021.
308 Ibid.
309 R4V, 2021a.
310 Ibid.
311 Amaral, 2021.
312 Ibid.
313 Ibid.
314 IDMC, 2021.
315 Ibid.
316 Abeldano Zuñiga and Garrido, 2020.
317 Watkins and Garcia Salinas, 2020.
318 Escribano, 2020; Gobierno de la Republica de Guatemala, 2018.
319 Government of Mexico, Ministry of Environment and Natural Resources, 2020.
320 Gideon, 2020.
321 МОМ, 2020k.
322 Taylor, 2020.
323 МОМ, 2020k.
324 Espinoza et al., 2020.
325 Ibid.
326 Freier and Espinoza, 2021.
327 Diaz et al., 2021.
328 R4V, 2020.
329 МОМ, 2020l.
330 Chaves-González and Echeverría-Estrada, 2020.
331 R4V, 2020.
332 Ibid.
333 R4V, 2021a.
334 Ibid.
335 Ibid.
336 ДЭСВ ООН, 2021.
337 R4V, 2021b; Chaves-González and Echeverría-Estrada, 2020.
338 Cerrutti, 2020.
339 МОМ, 2020m.
340 Ibid.
341 Ibid.
342 Cerrutti, 2020.
343 Ibid.
344 МОМ, 2021n.
345 МОМ, 2020m; Cerrutti, 2020.
346 Cerrutti, 2020.
347 IDMC, 2021.

348 *Al Jazeera*, 2021b.
349 IDMC, 2020.
350 IDMC, 2021.
351 Подробную информацию о составе Северной Америки см. в добавлении A.
352 IDMC, 2021.
353 Подробную информацию о составе Северной Америки см. в добавлении A
354 Loweree et al., 2020.
355 IRCC, n.d.
356 United States Department of State, 2021.
357 Triandafyllidou and Nalbandian, 2020. От ограничений на поездки были освобождены работники, чья роль в жизнеобеспечении считалась "существенно важной", как в Канаде (McCarthy Tetrault, 2021) так и в Соединенных Штатах (United States Department of Homeland Security, 2020).
358 ОЭСР, 2020c; Gelatt, 2020.
359 ОЭСР, 2020c.
360 Gelatt, 2020.
361 Statistics Canada, 2020.
362 Monin et al., 2021.
363 United States Department of Homeland Security, 2020.
364 Government of Canada, 2020.
365 Batalova et al., 2021.
366 Ibid.
367 367 Ibid.
368 El-Assal and Thevenot, 2020.
369 Government of Canada, 2020.
370 Thevenot, 2020.
371 Conference Board of Canada, 2021.
372 Ibid.
373 El-Assal and Thevenot, 2020.
374 El-Assal and Taylor, 2019.
375 El-Assal, 2019.
376 Chishti and Capps, 2021.
377 Ibid.
378 Chishti and Bolter, 2020.
379 Chishti and Pierce, 2021.
380 Строгие ограничения на въезд в Соединенные Штаты граждан Йемена, Ирака, Ирана, Ливии, Сирии, Сомали и Судана были введены Исполнительным указом 13769. См. Chishti et al., 2018.
381 Chishti and Pierce, 2021.
382 Rodriguez, 2021.
383 United States Citizenship and Immigration Services, 2021.
384 White House, 2021.
385 Jordan, 2021.
386 Warren, 2021.
387 Baker, 2021; MPI, n.d.; Lopez et al., 2021.
388 Warren, 2021.
389 Passel and Cohn, 2019.
390 Ibid.
391 Подробную информацию о составе Океании см. в добавлении A.
392 IDMC, 2021.
393 Подробную информацию о составе Океании см. в добавлении A.
394 МОМ, 2020n.
395 Ibid.
396 KPMG, 2020.
397 МОМ, 2020n.
398 Ibid.
399 ЭСКАТО, 2020.
400 Ibid.
401 Howes and Orton, 2020.
402 МОМ, 2017.
403 Ibid.
404 ЭСКАТО, 2020.
405 МОМ, 2017.
406 IDMC, 2021.
407 Ibid.
408 IDMC, 2020.
409 IDMC, 2021.
410 Farbotko, 2020.
411 Ibid.
412 УВКБ, 2020e.
413 Ibid.
414 Australian Government, Department of Social Services, 2019.
415 Australian Government, Department of Home Affairs, 2020.
416 Ibid.
417 Love and Spinks, 2020.
418 Refugee Council of Australia, 2021.
419 Ibid.
420 Karlsen, 2016; Refugee Council of Australia, 2021.
421 Refugee Council of Australia, 2020.

United Nations
CERF
Central
Emergency
Response
Fund
IOM
MIGRATION

4 ИССЛЕДОВАНИЯ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ВОПРОСАМ МИГРАЦИИ: ПОСЛЕДНИЕ ПУБЛИКАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Введение

В предыдущих выпусках *Доклада о миграции в мире* отмечалось резкое увеличение количества исследований и аналитических материалов по вопросам миграции в контексте «эпохи информационной перегруженности»[1]. Немногие вопросы пользовались столь же пристальным и постоянным вниманием в политическом и общественном дискурсе, как связанные с миграцией. Ее политическая значимость остается очень высокой, в том числе на фоне пандемии COVID-19. Быстрое распространение дезинформации о миграции и мигрантах, воочию наблюдаемое в последние годы, как никогда ранее повлияло на общественный дискурс (см. главу 8 настоящего доклада). Сообщения о миграции, появляющиеся в средствах массовой информации, зачастую чрезмерно негативны, а ключевые проблемы миграции слишком часто эксплуатируются теми, кто распускает искаженную и ложную информацию о мигрантах и миграции[2]. Поэтому как никогда важно обеспечивать, чтобы разработчики политики имели доступ к строго научному анализу и исследованиям в этой области и признавали их ценность. В число субъектов, проводящих сегодня такой анализ и исследования в области миграции, входит много организаций системы Организации Объединенных Наций, которые создают различные виды данных, исследований и знаний, связанных с миграцией.

По мере изменения самой природы издательского дела эти организации адаптировались и все чаще используют разнообразные средства поддержки, такие как визуализация данных, порталы, статьи в блогах и журналах, вебинары, видео и подкасты, чтобы охватить более широкую аудиторию. В предыдущих выпусках *Доклада о миграции в мире* подчеркивались фундаментальные различия в процессах публикации академических исследований (называемых «белой» литературой) и неакадемических исследований (называемых «серой литературой»), публикуемых различными субъектами, включая межправительственные организации, такие как организации системы Организации Объединенных Наций[3]. Оба вида исследований имеют свои сильные и слабые стороны, как показано в сводной таблице ниже.

1 MOM, 2017.
2 McAuliffe et al., 2019.
3 MOM, 2017, 2019a.

Таблица 1. Сильные и слабые стороны академических и неакademических исследований

	Академические исследования («белая» литература)	Неакademические исследования («серая» литература)
Сильные стороны	• Высокое качество исследований, как правило, обеспечивается посредством экспертного рецензирования; • необходимость ссылаться на существующие научные данные и опираться на них; • опора на сети экспертных знаний.	• Доступны для широкой аудитории, поскольку обычно находятся в свободном доступе в Интернете и характеризуются использованием менее технической терминологии; • быстрые процессы публикации, обеспечивающие своевременные обновления для политических дискуссий; • как правило, менее объемный формат; • способность привлекать экспертные знания в академической и политической сферах.
Слабые стороны	• Отсутствуют в свободном доступе, так как часто размещаются на платных платформах, которыми распоряжаются коммерческие издатели; • длительные сроки публикации из-за процессов рецензирования, не отвечающих потребностям политиков в быстрых исследованиях и анализе, а иногда и использование устаревших данных; • труднодоступны для неэкспертной аудитории из-за своего сугубо технического и/или теоретического характера и использования академической терминологии; • объемные текстовые материалы, особенно в случае монографий и справочников.	• Различающееся качество из-за отсутствия механизмов обеспечения качества некоторых выпускаемых материалов; • возможность игнорирования существующей доказательной базы, что снижает общее качество и актуальность; • некоторые материалы могут быть больше ориентированы на пропаганду и изменение политики или обусловлены политической повесткой дня.

Источники: Banks, 2012; Pappas and Williams, 2011; MOM, 2017, 2019a.

Большая часть опубликованных академических исследований размещаются на платных платформах (то есть не в свободном доступе), и ими часто распоряжаются коммерческие издатели. До настоящего времени распространение академических исследований основывалось на публикации работ коммерческими издательствами, при этом некоторые средства их обнародования (такие как специализированные академические журналы) пользуются гораздо большим авторитетом и влиянием, чем другие. Ключевым преимуществом академических публикаций является то, что они, как правило, рецензируются экспертами в данной области, что обычно повышает надежность и достоверность исследования, в том числе за счет обеспечения адекватного охвата и использования существующих фактических данных. Обратной стороной является то, что это приводит к длительному времени подготовки, что влияет на полезность для разработчиков политики, которым такие материалы часто нужны быстрее, чем способны обеспечить академические исследовательские методологии и издательские режимы. Академические исследователи все чаще поощряются к распространению своих трудов за пределами академических сфер; в частности, исследователи, которые занимаются анализом актуальных

для политики вопросов, зачастую охотно взаимодействуют с разработчиками политики, стремясь наделить их знаниями, которые могут становиться основой для политических дискуссий и формирования политики. Особенно это касается миграции. Эффективный исследовательский вклад для политической аудитории, как правило, обретает форму кратких докладов, подкастов и статей в блогах, а также семинаров по вопросам политики и интерактивных совещаний экспертов.

Некоторые из преимуществ «серой» литературы, в свою очередь, связаны с ее доступностью и более быстрыми процессами публикации, что позволяет исследователям реагировать на проблемы по мере их возникновения. Материалы из «серой» литературы (такие как отчеты об исследованиях, рабочие документы и правительственные/официальные документы) обычно находятся в свободном доступе. К другим достоинствам этой литературы относятся более короткие сроки подготовки, более широкий доступ к неопубликованным исследованиям и наборам данных, а также возможность опираться на экспертные знания в академической и политической сферах[4]. Однако последние события все больше стирают различие между двумя видами исследований. С одной стороны, когда дело касается продления контрактов научных работников и/или пребывания в должности, их все чаще оценивают по политической значимости их исследований. Они все чаще распространяют свои исследования за пределами академических сфер, стремясь поделиться знаниями, которые могут становиться основой для политических дискуссий и формирования политики, что опять же особенно касается миграции. Тем не менее, у ученых сохраняются некоторые препятствия для участия в политических исследованиях, такие как недостаточное профессиональное вознаграждение, трудности с обеспечением финансирования и маневрирование в зачастую сложной, бюрократической и политизированной области. С другой стороны, хотя «серую» литературу иногда критикуют за несоответствие стандартам качества и рецензирования[5], в некоторых кругах были предприняты усилия по повышению научной строгости за счет улучшения механизмов обеспечения качества[6]. Некоторые материалы, например, изданные несколькими международными организациями, рассматривается как ключевой источник фактических данных при разработке политики, иногда не уступающий по качеству академической литературе.

В контексте быстро изменяющейся издательской среды происходит также адаптация организаций системы Организации Объединенных Наций, которые все чаще используют разнообразные инструменты и платформы знаний для охвата более широкой аудитории. Цель этой главы состоит в том, чтобы представить обзор недавних исследований и аналитических материалов по вопросам миграции, уделив особое внимание вкладу организаций системы Организации Объединенных Наций. За последние пять лет для проведения исследований и анализа в рамках системы особое значение имели два ключевых события: принятие Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции в декабре 2018 года, которое привело к многочисленным усилиям по его реализации на национальном и региональном уровнях; и начало пандемии COVID-19, официально объявленной в марте 2020 года[7], которое обусловило повсеместное закрытие границ и ограничения на передвижения, повлиявшие на глобальные модели миграции.

Эта глава состоит из двух основных разделов: в первом рассматривается роль системы Организации Объединенных Наций как производителя знаний о миграции, а во втором представлены избранные недавно изданные материалы соответствующих организаций системы Организации Объединенных Наций.

4 Pappas and Williams, 2011.

5 Banks, 2012; Pappas and Williams, 2011.

6 Например, этот доклад рецензируется академическими экспертами и экспертами МОМ и подлежит обширному процессу проверки данных.

7 ВОЗ, 2020a.

Система Организации Объединенных Наций и производство знаний

Хотя определения межправительственных организаций могут различаться, этот термин относится к «формальным, непрерывно функционирующим структурам, основанным на авторитетном документе о соглашении между членами (в составе двух или более суверенных государств), или существующей международной организации, через которую члены преследуют свои общие интересы»[8]. Начиная с первой половины двадцатого века растет количество, разнообразие и влияние межправительственных организаций[9]. В систему Организации Объединенных Наций, помимо самой Организации Объединенных Наций, входят многие фонды, программы, специализированные и связанные с ней учреждения, среди которых все имеют свои собственные задачи и направления работы, а также собственное руководство и бюджет. Программы и фонды финансируются за счет добровольных, а не начисленных взносов. Специализированные учреждения представляют собой международные организации, финансируемые за счет добровольных, начисленных взносов и взносов частных доноров, и в большей степени ориентированы на техническую работу Организации Объединенных Наций; они отчитываются перед Экономическим и Социальным Советом (ЭКОСОС), но не отчитываются перед Пятым комитетом Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ГА ООН) по административным и бюджетным вопросам. Связанные организации имеют соглашения о сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, во многом схожие с соглашениями специализированных учреждений; но в отличие от них они не вступают в отношения по смыслу статьи 57 Устава Организации Объединенных Наций, а соглашения с ЭКОСОС не заключаются на основании статьи 63 того же Устава. Тем не менее они являются членами Координационного совета руководителей, органа в составе 31 члена, который обеспечивает стратегическое руководство и координацию системы Организации Объединенных Наций (см. приложение A).

Организации системы Организации Объединенных Наций имеют уникальные возможности для сбора данных, в том числе благодаря их присутствию на местах, а также их связям с государственными органами. Несмотря на повышенное внимание к рационализации сбора данных и производства исследований и знаний в целях поддержки реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, проблемы с потенциалом остаются. В научных публикациях отмечается, что межправительственные организации в настоящее время являются одними из основных источников информации о миграции, что отражает более широкий растущий интерес к самой теме[10]. Будучи издателями, институциональными авторами и исследовательскими партнерами научных кругов, организации системы Организации Объединенных Наций вносят разнообразный вклад в базу знаний о миграции и мигрантах. В некоторых случаях такие организации могут быть единственным источником информации, поэтому многочисленные ссылки на их публикации часто встречаются в научной и политической литературе. На протяжении многих лет Организация Объединенных Наций взаимодействовала с академическим миром и научно-исследовательскими учреждениями в области миграции, в том числе через три своих научно-исследовательских института: Научно-исследовательский институт социального развития при Организации Объединенных Наций, Учебный и научно-исследовательский институт Организации Объединенных Наций и Университет Организации Объединенных Наций (УООН). В последнем учреждении размещена сеть по вопросам миграции, в которую входят все институты УООН, работающие над темой миграции, в целях обмена знаниями и исследовательской практикой и разработки политики.

8 Davies and Woodward, 2014:13.

9 Davies and Woodward, 2014.

10 См., например, Mason, 1999; Pécoud, 2015.

Система Организации Объединенных Наций также выступает в качестве связующего звена между исследовательским сообществом и разработчиками политики. Много писали о трениях между политическим и исследовательским мирами[11]. Благодаря информационно-пропагандистской работе, проводимой в рамках системы Организации Объединенных Наций, ее организации смогли «подключить» исследования, основанные на фактических данных, к площадкам разработки политики[12], тем самым информационно подпитывая политические процессы и позволяя взаимное обогащение между этими двумя мирами. Ключевой глобальной сетью, предназначенной для поддержки такого взаимного обогащения, является Академический совет по системе Организации Объединенных Наций (АКУНС). АКУНС, основанный в 1987 году, является независимой некоммерческой ассоциацией ученых, специалистов-практиков, учреждений и отдельных лиц, активно участвующих в работе и исследованиях Организации Объединенных Наций. АКУНС стимулирует и поддерживает диалог и исследования по вопросам, представляющим глобальный интерес, и по международному сотрудничеству[13].

Сотрудничество в системе Организации Объединенных Наций по исследованиям в области миграции

На рубеже тысячелетий предпринимались попытки упорядочить межведомственное сотрудничество по вопросам миграции в системе Организации Объединенных Наций. В декабре 2003 года Генеральный секретарь ООН и несколько правительств официально учредили Глобальную комиссию по вопросам международной миграции (ГКММ). Это была первая глобальная группа по рассмотрению вопросов международной миграции. В своем заключительном докладе[14] ГКММ рекомендовала создать глобальный миграционный фонд, «который должен обеспечить большую координацию, эффективность и согласованность политики между всеми соответствующими глобальными органами, а также позволит обмениваться экспертными знаниями и объединять институциональный опыт».

В ответ на эту рекомендацию в начале 2006 года была создана Группа по проблемам глобальной миграции на базе существующей межучрежденческой Женевской группы по вопросам миграции. На момент прекращения своей работы, после создания Сети Организации Объединенных Наций по вопросам миграции, Группа по проблемам глобальной миграции объединяла 22 учреждения системы Организации Объединенных Наций в целях поощрения принятия более последовательных, всеобъемлющих и более скоординированных подходов к вопросу о международной миграции. Часть его работы была сосредоточена на обмене информацией, результатами исследований и статистическими данными о миграции, а также на развитии совместной исследовательской сети по миграции и развитию с уделением особого внимания наращиванию исследовательского потенциала в развивающихся странах.

В декабре 2018 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций официально одобрила Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, принятием которого увенчались 18-месячный период широких неофициальных консультаций и последовавшие за ним межправительственные переговоры. Параллельно с процессом Глобального договора о миграции Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций была создана Сеть Организации Объединенных Наций по вопросам миграции (СМООН) для обеспечения эффективной, своевременной и скоординированной общесистемной

11 Nutley et al., 2003.

12 ГООНВР, 2017.

13 ACUNS, 2021.

14 ГА ООН, 2005; GCIM, 2005.

поддержки государств-членов в выполнении ими Глобального договора о миграции (см. приложение B). В поддержку процесса разработки Глобального договора о миграции был создан Синдикат лидеров миграционных исследований, призванный помочь навести мосты между политикой и исследованиями (см. об этом в следующем разделе).

В состав СМООН входят те члены системы Организации Объединенных Наций, которые желают участвовать в ее работе и к мандатам которых имеет отношение миграция. МОМ является координатором СМООН и размещает у себя ее секретариат. Исполнительный комитет, действующий в рамках Сети, состоит из представителей девяти структур с четкими полномочиями, техническими экспертными знаниями и возможностями в областях, связанных с миграцией. В соответствии со своим кругом ведения Сеть ставит перед собой цель действовать в качестве источника идей, инструментов, надежных данных и информации, аналитических материалов и политических рекомендаций по вопросам миграции.

Таблица 2. Члены Сети Организации Объединенных Наций по вопросам миграции, включая членов Исполнительного комитета

Органы Секретариата ООН	секретариат Координационного совета руководителей (КСР) Департамент по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ)* Департамент общественной информации (ДОИ) секретариат Межучрежденческого постоянного комитета (МПК) Управление по координации гуманитарных вопросов (УКГВ) Управление Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ)* Управление по поддержке миростроительства (УПМС) Альянс цивилизаций Организации Объединенных Наций (АЦООН) Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН)*
Специальные фонды и программы под эгидой Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций	Объединенная программа Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС) Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ)* Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)* Управление целевых фондов с участием многих партнеров (УЦФМП) Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП) Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИКООН) Программа Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ООН-Хабитат) Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА) секретариат Группы Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию (ГУРООН) Всемирная продовольственная программа (ВПП)

Специализированные учреждения, деятельность которых координируется Экономическим и Социальным Советом	Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО) Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСР) Международная организация труда (МОТ)* Международная морская организация (ИМО) Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) Всемирный почтовый союз (ВПС) Всемирный банк Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)*
Региональные комиссии под эгидой Секретариата, деятельность которых координируется Экономическим и Социальным Советом	Экономическая и социальная комиссия Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО ООН) Экономическая и социальная комиссия Организации Объединенных Наций для Западной Азии (ЭСКЗА ООН) Экономическая комиссия Организации Объединенных Наций для Африки (ЭКА ООН) Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН) Экономическая комиссия Организации Объединенных Наций для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК ООН)
Организация под эгидой Генеральной Ассамблеи, связанная с Организацией Объединенных Наций	Международная организация по миграции (МОМ)*†
Учебные и исследовательские организации, деятельность которых координируется Экономическим и Социальным Советом	Учебный и научно-исследовательский институт Организации Объединенных Наций (ЮНИТАР) Университет Организации Объединенных Наций (УООН)
Другие структуры под эгидой Генеральной Ассамблеи, деятельность которых координируется Экономическим и Социальным Советом	Структура Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин (ООН-женщины) Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН)*

* Член Исполнительного комитета.
† Координатор Сети.

Мандаты, миссии или круг ведения некоторых организаций (таких как МОМ и УВКБ ООН) сосредоточены на конкретных формах миграции и перемещения, в то время как на другие организации возложены обязанности, касающиеся конкретных аспектов или групп людей: на ДЭСВ ООН – в отношении данных; на МОТ – в отношении трудящихся-мигрантов; на УВКПЧ – в отношении прав мигрантов; на ЮНИСЕФ – в отношении детей-мигрантов; на УНП ООН – в отношении аспектов транснациональной преступности, таких как торговля людьми и незаконный ввоз мигрантов; и на ПРООН – в отношении аспектов развития. Их различные мандаты позволяют этим межправительственным организациям собирать значительные объемы данных и/или получать доступ к данным от государств. Многие из этих организаций также организуют диалоги и конференции по вопросам миграции и мобильности и составляют отчеты о них, помимо подготовки и публикации справочных, технических, оперативных, обновленных и определяющих повестку дня исследований и аналитических материалов, в том числе относительно глобальных статистических данных.

Важность совместных исследований в области миграции уже подчеркивалась в опубликованном в 2018 году докладе Объединенной инспекционной группы Организации Объединенных Наций (ОИГ) «Повышение эффективности использования результатов исследований по вопросам политики в контексте Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Описывая практический пример исследования по вопросам миграции и предвосхищая принятие Глобального договора о миграции, автор доклада представил две соответствующие рекомендации по междисциплинарным и совместным исследованиям в области миграции, а также отметил «участие МОМ в качестве специализированного партнера в большинстве указанных совместных проектов»[15]. Во-первых, он призвал организации системы Организации Объединенных Наций в рамках межучрежденческого сотрудничества принять необходимые меры для создания глобальной платформы знаний, как это предусмотрено в Глобальном договоре о миграции. Во-вторых, он рекомендовал членам системы Организации Объединенных Наций, входящим в состав будущей Сети по вопросам миграции, оценить возможность межучрежденческого сотрудничества в отношении принятия решений по приоритетным направлениям исследований, связанных с миграцией.

Система Организации Объединенных Наций: сбор данных и укрепление потенциала

Потребности в данных о миграции, вытекающие из Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, побудили международное статистическое сообщество пересмотреть использование традиционных источников данных о миграции, таких как переписи населения и жилого фонда, обследования домашних хозяйств и административные записи. Кроме того, приняв Глобальный договор о миграции, государства-члены Организации Объединенных Наций признали «…необходимость постоянных усилий на международном уровне для расширения наших знаний о миграции и ее анализа»[16], а также важность сбора и распространения четкой, основанной на фактических данных информации о миграции. Центральное место в этом обязательстве занимает цель 1: сбор и использование точных и дезагрегированных данных в качестве основы для выработки эмпирически обоснованной политики. Помимо создания столь необходимого потенциала для сбора сопоставимых данных о миграции, это обязательство направлено на укрепление партнерских отношений, расширение сотрудничества и создание условий, необходимых для подготовки научных и аналитических исследований, посвященных взаимосвязи между миграцией и устойчивым развитием.

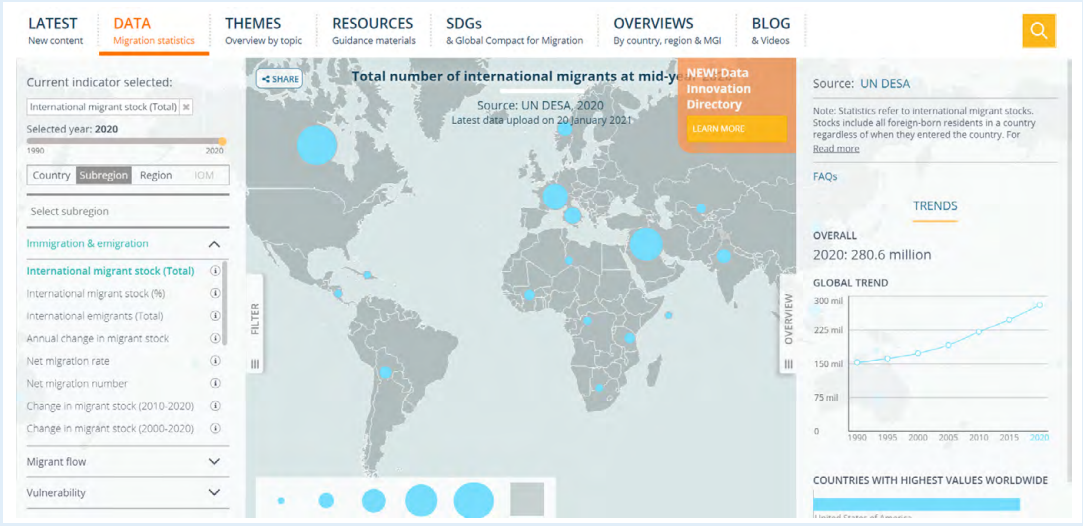
Существует повышенный интерес к поиску альтернативных источников для улучшения сбора и анализа данных о миграции. Лучшее использование и понимание существующих источников данных имеет

15 ОИГ, 2018:40.

16 ГА ООН, 2018a.

важное значение для улучшения управления миграцией и политики. Информация о миграции поступает из различных источников данных, которые имеют разные преимущества и ограничения и могут использоваться для получения различной статистики миграции. Чтобы облегчить доступ к различным наборам данных, собранным различными организациями системы Организации Объединенных Наций, и их понимание, МОМ в декабре 2017 года открыла портал данных о миграции. Он предназначен служить уникальным пунктом доступа к оперативной и всеобъемлющей миграционной статистике и к достоверной информации о данных по миграции в мировом масштабе. Сайт призван помочь политикам, национальным статистическим службам, журналистам и широкой общественности, интересующейся вопросами миграции, ориентироваться во все более сложной среде данных о международной миграции, которые в настоящее время разбросаны по разным организациям и ведомствам.

Портал данных о миграции



Эта карта используется только в целях иллюстрации. Указанные границы и названия, а также обозначения, употребляемые на этой карте, не подразумевают официального одобрения или признания со стороны МОМ.

Портал данных о миграции, который был открыт в декабре 2017 года, управляется и разрабатывается Центром анализа данных о миграции в мире МОМ (ЦАДММ)[a]. Его цель - облегчить понимание миграционных данных, сделав их более доступными, наглядными и понятными. Портал в настоящее время доступен на английском, французском, испанском и немецком языках. На основе отзывов пользователей в июне 2021 года на портале была запущена новая информационная панель. Интерактивная информационная панель соединяет карту портала с двумя сравнительными разделами, которые упрощают анализ международных данных, а также с пилотным разделом национальных данных. В нем объединяются национальные данные из разных источников, включая правительственные данные, визуализированные в одном месте. По состоянию на июнь 2021 года в разделе национальных данных было около 40 показателей национальных данных из государственных источников четырех пилотных стран и оценки проекта «Миронаселение». Раздел международных данных обеспечивает доступ почти к 80 показателям миграционных данных из более чем 20 международных источников. Все показатели обновляются по мере поступления новых наборов данных.

В соответствии со своей целью сделать миграционные данные более понятными, портал предлагает множество инструментов и дополнительных ресурсов, включая письменные отчеты, блоги, справочники и интервью с экспертами по данным, с целью предоставления контекстуальной информации. Он обеспечивает доступ к более чем 45 тематическим страницам, разделенным на пять рубрик, на которых обсуждаются концепции и определения, объясняются преимущества и ограничения имеющихся данных, а также можно получить доступ к полезной инфографике и визуализации данных.

Портал содержит также специальный раздел по регулированию миграции, который включает профили стран. В этом разделе с помощью данных отслеживается прогресс, достигнутый государствами-членами Организации Объединенных Наций в достижении Целей устойчивого развития, имеющих отношение к миграции, и в реализации ими Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции.

a Доступно по адресу www.migrationdataportal.org/.

Сообразно ранее упомянутой рекомендации ОИГ в пункте 43 Глобального договора о миграции содержится призыв к созданию на основе существующих инициатив механизма укрепления потенциала (МУП) в рамках Организации Объединенных Наций, который обеспечивает поддержку усилий государств-членов по его осуществлению. Предполагалось, что МУП будет состоять из фонда начальных средств (МПЦФ для миграции), информационного центра и глобальной платформы знаний. Подчеркивается необходимость привлечения на добровольной основе технических, финансовых и людских ресурсов государств-членов, системы Организации Объединенных Наций и всех заинтересованных сторон в целях укрепления потенциала и развития многостороннего сотрудничества. МПЦФ для миграции способствует финансированию миграционных исследований, предоставляя финансирование для проектов по сбору данных в рамках своего первого тематического блока. Центр Сети по вопросам миграции[17], объединяющий Глобальную платформу знаний и информационный центр, начал функционировать в марте 2021 года и является жизненно важным элементом Глобального договора о миграции, обеспечивающим использование соответствующих знаний, опыта и экспертного потенциала при разработке отвечающих конкретным обстоятельствам решений по запросам государств-членов.

Сеть привержена развитию компонентов Центра Сети по вопросам миграции в качестве строительных блоков для других рабочих потоков при обеспечении постоянного совершенствования «состояния знаний» и предоставления поддержки рабочим группам путем сопоставления сведений о миграции, а также миграционной политики и практики существующих экспертных кругов. В то же время каждый рабочий поток будет на постоянной основе информировать Центр с упором на национальный и региональный опыт.

17 Доступно по адресу https://migrationnetwork.un.org/hub.

Центр Сети Организации Объединенных Наций по вопросам миграции

Центр Сети по вопросам миграции, который начал функционировать 18 марта 2021 года, представляет собой первую платформу знаний и информационный центр, созданные для поддержки государств-членов Организации Объединенных Наций в деле осуществления Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, а также его обзора и принятия последующих мер в связи с ним. Это - виртуальное пространство для встреч, целью которого является создание сообщества практиков, в рамках которого пользователи могут делиться знаниями о миграции и выявлять передовой опыт и инициативы, связанные с Глобальным договором о миграции. Информация тщательно проверяется и рецензируется для обеспечения ее высокого качества; пользователи могут получать доступ к ресурсам, участвовать в вебинарах, знакомиться с публикациями, связанными с Глобальным договором о миграции, и принимать участие в онлайн-дискуссиях по соответствующим темам. В будущем платформа также будет иметь репозиторий практики и позволит правительствам получать доступ к услугам и поддержке.

Центр является частью механизма укрепления потенциала, предусмотренного пунктом 43 Глобального договора о миграции, который вместе с Многосторонним партнерским целевым фондом призван обеспечить слаженности работы всех субъектов, участвующих в деятельности СМООН. Доступный контент можно отфильтровать, выбрав любую из 23 целей Глобального договора о миграции, одну из 10 сквозных тем или географический охват. Пользователи также могут ознакомиться с информацией, предоставленной различными рабочими группами СМООН, получить доступ ко всем документам, относящимся к процессу регионального обзора Глобального договора о миграции, включая материалы, представленные государствами-членами и другими заинтересованными сторонами, и принять участие в модерируемых дискуссиях через онлайн-пространство для дискуссий.

Еще одной важной особенностью Центра является база данных экспертов, которая обеспечивает доступ к целому ряду экспертов по миграции со всего мира, включая ученых, исследователей и специалистов-практиков. Базу данных можно просмотреть по географическому местоположению, области знаний и типу организации.

Сотрудничество между системой Организации Объединенных Наций и научным сообществом в деле исследований в области миграции

Различные организации системы Организации Объединенных Наций поддерживают публикацию академических журналов. Яркими примерами являются ВОЗ, МОТ и ЮНЕСКО, каждая из которых издает ряд академических журналов по своим конкретным областям знаний. Что касается миграции, то вот уже 60 лет МОМ издает журнал «Интернэшнл майгрейшн». Это рецензируемый научный журнал по вопросам миграции, который анализируется социологами всего мира. Он охватывает всю область актуальной политики в области международной миграции, уделяя внимание темам, отражающим проблемы политики, но также предлагая материалы по всем регионам мира. Приоритетами журнала являются географическое разнообразие и материалы, основанные на многодисциплинарных исследованиях. И УВКБ ООН, и МОМ также предлагают особый вклад и финансирование для журнала «Форсд майгрейшн ревью», популярного издания о вынужденной миграции, публикуемого Центром изучения проблематики беженцев Оксфордского университета.

«Интернэшнл майгрейшн»: 60-летний юбилей

В 2021 году журналу «Интернэшнл майгрейшн» исполнилось 60 лет. Еще в 1961 году руководство МОМ признало центральную роль научных исследований в области миграции, аргументируя это тем, что технические исследования миграции должны дополнять политические аспекты, связанные с миграцией. В 1963 году сфера интересов журнала, первоначально сосредоточенная на Европе, была расширена до глобального масштаба, и со временем издание превратилось в редакционно независимый научный журнал, который мы знаем сегодня.

До создания журнала у ведущих ученых и специалистов-практиков запрашивались рекомендации относительно необходимости и характера исследовательских функций в рамках организационного вклада в сфере миграционных исследований. В служебной записке 1959 года были приведены веские доводы в пользу научных исследований в области миграции:

> Существует множество описательных отчетов о миграционных передвижениях, но нет серьезных исследований, объясняющих направление и масштабы потоков в послевоенный период… [В] научных исследованиях принято считать, что правительствам не может предоставляться какая-либо монополия на истину. ... [К]огда проводятся исследования проблем миграции, как и любых других проблем международного значения, с чисто политической проблемы необходимо, так сказать, снимать акцент... [Н]еобходимо и значительно предпочтительнее заниматься проблемами миграции отдельно и в техническом плане.

Аргументы, выдвинутые в 1959 году, так же актуальны и сегодня, но, возможно, не в том смысле, в каком это представлялось тогда. Мы наблюдаем массовые изменения в моделях миграции - от быстрой урбанизации до увеличения роли цифровых технологий в нашей жизни. Поскольку мы являемся свидетелями быстрого распространения дезинформации о миграции и ее влияния на мигрантов, важно и своевременно задуматься о вкладе социологов во всем мире, работающих над вопросами международной миграции, чтобы лучше понять ее многочисленные аспекты и проявления. Как недавно заявил генеральный директор МОМ Антониу Виторину:

> Потребность в точных, строгих и авторитетных отчетах о миграции важна как никогда прежде, поскольку ложные новости распространяются, рискуя подвергнуть системной эрозии общественные ценности, основанные на правде, науке и законе, в том числе в отношении прав мигрантов… Подтверждая активную поддержку журнала «Интернэшнл майгрейшн», которому уже исполнилось шестьдесят лет, мы считаем, что потребность во вкладе журнала как никогда велика[a].

a Vitorino, 2021.

Важно отметить, что организации системы Организации Объединенных Наций вносят средства в академические журналы, чтобы поддерживать рецензируемые научные публикации, ориентированные на политику. Это не влечет за собой вмешательства в свободу действий редакции в отношении содержания журналов, ответственность за которое, с учетом научной независимости, по-прежнему несут редакторы.

В 2017 году МОМ создала Синдикат лидеров миграционных исследований, с тем чтобы лучше поддерживать и распространять знания и опыт в области миграции в период разработки Глобального договора о миграции. В Синдикат вошли эксперты по миграции со всего мира, обладающие глубокими знаниями самых разных аспектов миграции. Его 36 членов были академическими и прикладными исследователями, представляющими ряд дисциплин, которым помогали девять советников с большим опытом в разработке политики и в увязывании политики и исследований, что позволило ведущим экспертам по миграции информационно обеспечивать процесс Глобального договора о миграции последними научными идеями. и результатами прикладных исследований по ключевым вопросам миграции, таким как торговля людьми, нелегальная миграция, миграционные нарративы, права мигрантов, возвращение и реинтеграция[18].

В Глобальном договоре о беженцах, также принятом в декабре 2018 года, предлагалось создать «глобальную научно-исследовательская сеть по вопросам беженцев, других видов принудительного перемещения и безгражданства с участием университетов, научных объединений и научно-исследовательских учреждений, а также УВКБ и других соответствующих заинтересованных сторон»[19]. В 2019 году во время первого Глобального форума по беженцам была учреждена Глобальная академическая междисциплинарная сеть (ГАМС) для достижения результатов в трех областях: проведение исследований в поддержку целей Глобального договора о беженцах; содействие обучению, профессиональной подготовке и обмену знаниями по вопросам беженцев, принудительного перемещения и безгражданства; и поощрение солидарности с принудительного перемещенными учеными в академическом сообществе и предоставление им конкретной поддержки, такой как стипендии.

Кроме того, отмечено, что научное сообщество может сыграть решающую роль в осуществлении Глобального договора о миграции и Глобального договора о беженцах путем проведения исследований, имеющих значение для политики, содействия академическим обменам и просвещения студентов в отношении важности обоих договоров[20]. В частности, было предложено опираться на инициативы, выдвинутые во время переговоров по Глобальному договору о миграции, которые создали пространство для сотрудничества между академическими кругами и субъектами гражданского общества, повысив эффективность и влияние их участия[21].

Организация Объединенных Наций как глобальный распространитель фактов и знаний во время пандемии COVID-19

В последние годы наблюдается рост интереса к исследованиям в области недостоверной информации и дезинформации. Ученые-исследователи, представляющие целый ряд дисциплин, сосредоточили свое внимание на таких аспектах, как проверка фактов, роль онлайн-технологий в распространении недостоверной информации и дезинформации, а также на способах минимизировать ее влияние[22]. С началом пандемии COVID-19 распространение ложной информации увеличилось в геометрической прогрессии[23]. Избыток информации — подчас точной, а иногда и не точной — затрудняет поиск достоверных источников и надежного руководства, когда люди нуждаются в нем. Это явление побудило ЮНЕСКО и ВОЗ ввести в

18 МОМ, 2017.

19 ГА ООН, 2018b.

20 Appleby, 2020

21 Gottardo and Rego, 2021.

22 Fernandez and Alani, 2018; McAuliffe et al., 2019; Pasquetto et al., 2020; Walter et al., 2020.

23 ВОЗ, 2020b.

обиход новые термины, такие как «мизинфодемия»[24]и «инфодемия»[25] для описания «параллельной пандемии дезинформации, непосредственно влияющей на жизнь и средства к существованию во всем мире»[26].

Рост дезинформации также повлиял на то, как академическая сфера реагирует на пандемию COVID-19. Несколько научных издателей сделали бесплатным доступ к материалам об исследованиях по COVID-19 в Интернете, в то время как другие ускоряют публикацию статей о COVID-19. Хотя большая часть проводимых исследований остается в области медицины, прозвучали призывы увеличить объем столь необходимых исследований в области социальных наук и обеспечить, чтобы их результаты не были упущены из виду при разработке эффективных мер реагирования[27]. Несмотря на это, исследователи также выразили обеспокоенность тем, что такая спешка с реагированием на пандемию COVID-19 может поставить под угрозу целостность исследований, заставляя исследователей сокращать исследовательский процесс, влияя на качество и ограничивая возможности для развития междисциплинарного сотрудничества[28]. Многие ученые обеспокоены возможными последствиями этой «ковидизации»[29] исследований, в том числе с точки зрения доступности финансирования для развития других направлений исследований в социальных науках.

Во время пандемии COVID-19 система Организации Объединенных Наций стремилась свести к минимуму распространение дезинформации. Департамент глобальных коммуникаций Организации Объединенных Наций внедрил новую инициативу по принятию мер реагирования на COVID-19 в области коммуникаций, основанную на научных данных, решениях и солидарности в борьбе с дезинформацией. Была сформирована группа быстрого реагирования, призванная помочь обмену фактами и научными данными для преодоления этого всплеска, что включало получение и распространение фактов и точной информации, установление партнерских отношений и совместную работу с предприятиями, средствами массовой информации и журналистами, мобилизацию организаций гражданского общества и активное отстаивание прав пострадавших от дезинформации. В рамках этого реагирования Организация Объединенных Наций объявила инициативу «Проверено», направленную на увеличение объема и доступности надежной информации, а также кампанию «Обещайте сделать паузу», призывающую людей сделать паузу и проявить осторожность, прежде чем делиться информацией в Интернете.

Восприятие обществом мигрантов связано с социальными, экономическими и политическими событиями и определяется ими, и пандемия COVID-19 не является исключением. Распространение дезинформации оказало более серьезное воздействие на группы, которые, как считается, находятся в уязвимом положении, включая мигрантов. Иногда их обвиняли в том, что они занесли вирус в определенную страну или вызвали рост числа случаев заболевания, несмотря на ограниченность доказательств, подтверждающих эти утверждения[30].

В ответ на распространение дезинформации и рост ксенофобских настроений МОМ в партнерстве с Глобальным форумом по миграции и развитию объявили цифровую коммуникационную кампанию «Это касается всей общины», в рамках которой распространяются инклюзивные истории о социальной сплоченности и положительном влиянии миграции на общины, как средство противодействия негативным публичным нарративам и дезинформации о миграции и поощрения более сбалансированного обсуждения. Кампания проводится с участием МОМ, национальных правительств, городов, предприятий и гражданского общества.

24 Posetti and Bontcheva, 2020.

25 ПАОЗ и ВОЗ, 2020; ВОЗ, 2020c.

26 ЮНЕСКО, 2020.

27 Middlemass, 2020; UN, 2020.

28 Bramstedt, 2020.

29 Pai, 2020.

30 Chugh, 2020.

Борьба с распространением ненавистнической риторики и преднамеренным искажением правды в средствах массовой информации все чаще признается в качестве международного приоритета[31]. Поскольку средства массовой информации играют решающую роль в формировании мнения общественности о миграции и государственной политики, МОМ создала Глобальную академию миграции и средств массовой информации с целью поддержать роль средств массовой информации в освещении различных аспектов этой обширной темы, включая освещение недостаточно известных областей, таких как вклад мигрантов в глобальное развитие.

Глобальная академия миграции и средств массовой информации (СМИ)

18 декабря 2020 года Международная организация по миграции и "Айриш эйд", программа правительства Ирландии по развитию зарубежных стран, открыли Глобальную академию миграции и СМИ, которая является всемирной академией для журналистов и студентов, изучающих средства массовой информации, созданной для борьбы с распространением дезинформации и ксенофобии в средствах массовой информации.

Проект будет координироваться Национальным университетом Ирландии в Голуэе и будет располагать базовыми отделениями в университетах Мексики, Марокко, Филиппин и Сербии. Академия будет поддерживать партнерские отношения с медиа-организациями и факультетами журналистики, с тем чтобы предоставить студентам факультетов журналистики и СМИ во всем мире онлайновые инструменты, контекстуальные знания и этические стандарты, которые им понадобятся для полного освещения вопросов миграции в нынешнюю быстро эволюционирующую информационную эпоху.

Академия будет предоставлять информацию о тенденциях, данных, а также глобальных и региональных событиях, затрагивая самые разные темы - от экологической миграции до сведений об учете гендерной проблематики. Любой желающий сможет получить доступ к курсам через веб-сайт. Преподаваемые модули будут внедрены в программы бакалавриата по средствам массовой информации и журналистике в четырех пилотных странах.

Академия поддерживает цель 17 Глобального договора о миграции: «искоренение всех форм дискриминации и поощрение основанных на фактических данных общественных обсуждений в целях формирования общественного мнения о миграции», и ее цели соответствуют Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Недавно изданные материалы организаций системы Организации Объединенных Наций: акцент на 2019 и 2020 годы

Публикации организаций системы Организации Объединенных Наций отражают то, как их конкретные мандаты пересекаются с вопросами международной миграции, в том числе то, как они реагируют на ключевые возникающие проблемы, такие как COVID-19 или осуществление Глобального договора о миграции. Как отмечалось ранее, обе темы доминировали в исследованиях и получении знаний о миграции в 2019 и 2020 годах. Как видно из таблицы ниже, по сравнению с предыдущими годами организации системы Организации Объединенных Наций за отчетный период, охватываемый настоящим докладом, опубликовали меньше материалов по миграции. Это особенно касается тех организаций, чьи основные мандаты напрямую

31 ООН, 2019.

не связаны с данной темой. Из-за ограничений на передвижение и принятых мер по охране здоровья сильно пострадали возможности проведения полевых исследований. Это нашло отражение в виде и объеме публикаций, когда предпочтение отдавалось более коротким материалам, изложению политических позиций и кратким обзорам. Эти препятствия также привели к многочисленным продлениям проектов и задержкам в опубликовании многих заключительных докладов и других результатов.

Как и в научных кругах, организации системы Организации Объединенных Наций поспешили рассмотреть многочисленные аспекты, связанные с пандемией COVID-19, и привести свои ответные меры в соответствие со своими мандатами. Это также отражено в их публикациях, посвященных этой теме с начала пандемии. В таблице 3 ниже приведены некоторые примеры основных публикаций по вопросам миграции, выпущенных организациями системы Организации Объединенных Наций, которые были выбраны из обширного объема материалов, опубликованных Организацией Объединенных Наций в период с 2019 года по июнь 2021 года.

Таблица 3. Примеры основных глобальных материалов, опубликованных с 2019 года по июнь 2021 года

МОМ	Продвижение общего понимания управления миграцией в регионах	2020
	Вклад и подсчеты: руководство по измерению экономического воздействия вашей диаспоры, помимо денежных переводов	2020
	Доклад о миграции в мире 2020 года	2019
	Показатели управления миграцией: глобальная перспектива	2019
	Справочник по реинтеграции - Практическое руководство по разработке, реализации и мониторингу помощи в реинтеграции	2019
ДЭСВ ООН	Основные факты о международной миграции в 2020 году	2021
	Основные факты о международной миграции в 2019 году	2019
	Доклад о международной миграции 2019 года	2019
	Численность международных мигрантов	На текущей основе
	Международные миграционные потоки	Регулярно
	Глобальная база данных Организации Объединенных Наций по вопросам миграции	Регулярно
	Набор данных о международных миграционных потоках	Регулярно
УВКПЧ	Глобальные тенденции: вынужденное перемещение в 2019 году	2020
	Глобальные тенденции: вынужденное перемещение в 2018 году	2019
	База данных статистики народонаселения	Регулярно
МОТ	МОТСТАТ	Регулярно
УНП ООН	Всемирный доклад о торговле людьми за 2020 год	2021
	Портал знаний о незаконном ввозе мигрантов	Регулярно
ПРООН	Мобильность людей, общие возможности: обзор Доклада о развитии человеческого потенциала за 2009 год и планы на будущее	2020
	Союз мигрантов: на пути к Великой миграции	2019
	Поощрение подходов к миграции и перемещению в интересах развития	2019
Всемирный банк	Частный сектор и беженцы: пути к масштабированию[a]	2019
	Миграция и рабочие места: проблемы XXI века	2019
	Данные о миграции и денежных переводах	Регулярно

Экономические и социальные комиссии		ЭСКАТО – Доклад о миграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе за 2020 год: оценка осуществления Глобального договора о миграции	2020
		ЭСКЗА-МОМ: Доклад о положении в области международной миграции за 2019 год: Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции в контексте арабского региона	2020
		ЕЭК ООН – Руководство по интеграции данных для измерения миграции	2019
		ЭКЛА –Демографическая обсерватория Латинской Америки в 2028 году: международная миграция	2019
Межучрежден-ческое сотрудни-чество	УВКБ ООН и Всемирный банк	Доклад о глобальной стоимости инклюзивного образования для беженцев	2021
	ОЭСР, МОТ, МОМ и УВКБ ООН	Доклад Группы 20 о тенденциях в области международной миграции и перемещения за 2020 год[b]	2020
		Доклад Группы 20 о тенденциях в области международной миграции и перемещения за 2019 год[b]	2019

Примечание: Эта таблица не включает все материалы, в частности рабочие документы; в нее включены только основные материалы.
a Подготовлено Группой Бриджспан и Международной финансовой корпорацией, группа Всемирного банка.
b Подготовлено под руководством Организации сотрудничества и развития (ОЭСР), опубликовано совместно с МОТ, МОМ и УВКБ ООН.

МОМ ежегодно самостоятельно размещает на своей платформе публикаций свыше 100 публикаций по вопросам миграции, включая материалы, которые являются результатом исследовательских проектов, осуществляемых в различных частях всего мира. В последние годы платформа онлайн-публикаций МОМ была модернизирована и улучшена. По состоянию на конец 2020 года на платформе содержалось 2247 электронных публикаций на 34 различных языках, доступ к большинству из которых можно было получить бесплатно. В 2019 и 2020 годах МОМ опубликовала широкий спектр исследовательских и аналитических материалов, прежде всего в форме отдельных исследований и докладов, многие из которых были непосредственно связаны с конкретными проектами, подготовленными как в штаб-квартире, так и на местах представительствами МОМ. Например, доклад «Показатели управления миграцией: глобальная перспектива» представляет собой первый глобальный обзор состояния национального управления миграцией во всем мире. В нем анализируются данные показателей управления миграцией (ПУМ) в целях выявления и рассмотрения политических тенденций в ряде областей политики, связанных с миграцией (в частности, в области здравоохранения, образования, безопасности и экономики). Эта публикация основана на результатах развертывания процесса ПУМ в 50 странах[32].

Флагманской публикацией МОМ является *Доклад о миграции в мире*, и в 2019 году было выпущено 10-е издание этой двухгодичной публикации. Она основана на огромном количестве данных и исследований, проведенных в разных частях мира, и представляет собой плод активного сотрудничества, в которое вовлечены как эксперты МОМ со всего мира, так и исследователи миграции и коллеги из Организации Объединенных Наций (см. текстовую вставку ниже). МОМ также продолжает поддерживать журналы по вопросам миграции – *Интернэшнл майгрейшн* и *Майгрейшн полиси практис*, – что является важным вкладом в исследование проблем миграции. Также продолжалась публикация серии «Миграционные исследования». В ней содержатся актуальные для политики исследования и анализ разнообразных и сложных вопросов миграции. Запросы в отношении рефератов, которые поступали в 2019 и 2020 годах, касались таких тем, как связь между миграцией и технологиями; молодежь и миграция; миграция, мобильность и инновации; и недопредставленные географические регионы.

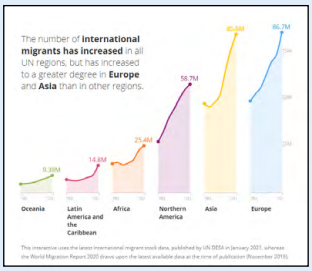
32 МОМ, 2019b.

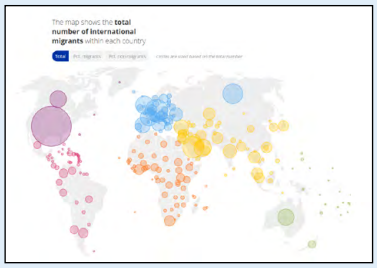
ДЭСВ ООН координирует совокупность данных, в том числе касающихся международной миграции, в рамках процесса, который подчеркивает ограничения в возможностях национальных статистических управлений. Его двухгодичный *Доклад о международной миграции*, последнее издание которого было выпущено в 2019 году, содержит информацию об уровнях и тенденциях в международной миграции в основных частях, регионах и странах мира. В нем также сообщается о статусе ратификации правовых документов, касающихся миграции. Отдел народонаселения ведет Глобальную базу данных о миграции Организации Объединенных Наций, которая представляет собой наиболее полную подборку эмпирических данных о количестве международных мигрантов в разбивке по стране рождения и гражданства, полу и возрасту, согласно переписям населения, реестрам населения, общенациональным репрезентативным обследованиям и другим официальным источникам статистических данных из 232 стран и территорий мира. Он создает два набора данных: «Численность международных мигрантов», последний раз обновлявшийся в январе 2021 года, и «Международные миграционные потоки», который является меньшим набором данных, охватывающим 45 стран и измеряющим количество мигрантов, въезжающих в страну или на территорию и покидающих их за определенный период времени. Последний раз он пересматривался в 2015 году. Рассмотрение обоих наборов данных см. в главе 2 настоящего доклада.

Удостоенный наград *Доклад о миграции в мире 2020 года*

Доклад о миграции в мире — это наиболее строгий и надежный ресурс по данным, исследованиям и анализу глобальной миграции. В эпоху, когда дезинформация распространяется по всему миру с угрожающей скоростью, необходимы объективные, сбалансированные исследования и анализ миграции и мобильности людей. *Доклад о миграции в мире*, который все чаще используется в качестве инструмента проверки фактов для противодействия дезинформации, получил более широкое распространение и цифровое присутствие с момента своего последнего издания. Доступный на всех шести языках Организации Объединенных Наций и с некоторыми главами, переведенными на немецкий, португальский, суахили и турецкий языки, он является наиболее доступной флагманской публикацией среди материалов любого учреждения Организации Объединенных Наций.

В мае 2021 года МОМ открыла новый веб-портал *Доклада о миграции в мире*, который объединяет основанные на фактах нарративы о миграции с интерактивной визуализацией данных о самых последних данных и тенденциях в области глобальной миграции[a]. В середине 2021 года *Доклад о миграции в мире 2020 года* получил два награды Международного конкурса дизайна годовых докладов 2021 года за онлайн-платформу и дизайн доклада[b].





В конце 2021 года была также завершена работа над цифровым инструментарием для преподавателей[c], а в сотрудничестве с Центром глобальной миграции Высшего института международных исследований в области развития при поддержке Женевского научно-политического интерфейса готовится цифровой инструментарий для сотрудников, ответственных за разработку политики, позволяющий обеспечивать информационную поддержку обсуждений миграционной политики и многосторонних дискуссий[d].

a Имеется по адресу https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2020-interactive//.
b IADA, 2021.
c Имеется по адресу https://worldmigrationreport.iom.int/toolkits.
d Имеется по адресу https://gspi.ch/activities/announcing-icp-2021-selected-projects/.

В качестве агентства Организации Объединенных Наций, наделенного полномочиями обеспечивать защиту, помощь и поиск решений для беженцев, УВКБ ООН выпускает множество публикаций и имеет специальный репозиторий исследований – Refworld. Флагманским изданием УВКБ является выпускаемый ежегодно в июне сборник *Глобальные тенденции*. В нем представлены и проанализированы ежегодные мировые тенденции в отношении беженцев и других групп населения, которыми занимается УВКБ. Управление также является основным источником глобальных статистических данных о беженцах и других вызывающих обеспокоенность группах населения, о чем сообщается в его онлайновой базе данных статистики населения.

Международная организация труда (МОТ) является нормотворческим органом, отвечающим за координацию разработки и надзор за внедрением международных трудовых норм. Глобальные оценки МОТ по международным трудящимся-мигрантам в контексте его усилий по совершенствованию сбора и производства статистики трудовой миграции предоставляют собой оценки доли трудящихся-мигрантов в общем числе мигрантов во всем мире. Последний раз они пересматривались в июне 2021 года. МОТ также поддерживает МОТСТАТ, базу данных, которая, помимо данных о трудовой миграции, содержит различные статистические данные, относящиеся к рынку труда, которые также имеют отношение к трудовой миграции.

В декабре 2018 года ЮНИСЕФ опубликовал книгу «Право быть услышанным: прислушиваясь к детям и молодежи в процессе передвижения». В нем освещаются результаты опроса, проведенного с помощью инструмента для обмена сообщениями в социальных сетях, в котором приняли участие более 4000 респондентов-мигрантов в возрасте от 14 до 24 лет. Этот нерепрезентативный опрос дает представление об их опыте, часто скрытом от посторонних глаз.

В рамках своего мандата по оказанию помощи государствам в борьбе с международными преступлениями УНП ООН предпринимает усилия по борьбе с транснациональной организованной преступностью, включая торговлю людьми и незаконный ввоз мигрантов, и выпускает различные публикации на эти темы. Пятый *Глобальный доклад о торговле людьми*, опубликованный в марте 2021 года, содержит обзор моделей и потоков жертв торговли людьми и основан главным образом на случаях торговли людьми, выявленных в период с 2017 по 2019 год. УНП ООН также ведет Портал знаний о незаконном ввозе мигрантов, содержащий информацию для поддержки реализации Протокола 2000 года против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху (сведения о прецедентном праве, аннотированная библиография и нормы законодательства).

Являясь агентством Организации Объединенных Наций по вопросам глобального развития, ПРООН проявляет приверженность осуществлению Целей в области устойчивого развития, которая выражается в широком спектре программ, включая инициативы по выработке долгосрочных мер реагирования на миграцию и перемещение в целях развития. ПРООН регулярно публикует доклады о переплетении миграции и развития, в том числе выпущенный в 2020 году доклад *Мобильность людей, общие возможности: обзор Доклада о развитии человеческого потенциала за 2009 год и планы на будущее*, в котором рассматриваются новые модели мобильности людей, оценивается прогресс, достигнутый в выполнении рекомендаций, изложенных в докладе за 2009 год, анализируются возникающие проблемы и определяются следующие шаги в контексте двух Глобальных договоров и Повестки дня на период до 2030 года.

Экономический и Социальный Совет учредил пять региональных комиссий: в Европе, Азии и Тихом океане, Латинской Америке, Африке и Западной Азии. Они являются региональными форпостами Организации Объединенных Наций в своих регионах. Они содействуют многостороннему диалогу, обмену знаниями и созданию сетей на региональном уровне и совместно работают над развитием внутрирегионального и межрегионального сотрудничества как между собой, так и посредством сотрудничества с другими региональными организациями. Они также работают над содействием реализации согласованных на международном уровне целей в области развития, а в случае миграции они обладают особой компетенцией в отношении осуществления Глобального договора о миграции и его обзора на региональном уровне в период 2020–2021 годов. что также отражено в их публикациях за последние годы.

Группа Всемирного банка представляет собой группу из пяти международных организаций, в первую очередь Международного банка реконструкции и развития и Международной ассоциации развития, совместно именуемых Всемирным банком. Учреждения Группы входят в систему Организации Объединенных Наций, но имеют собственную структуру управления. Они публикуют различные книги, доклады и рабочие документы о взаимосвязи миграции и экономического роста и отслеживают данные о миграции и денежных переводах с помощью собственного набора данных, охватывающего входящие и исходящие потоки. Они регулярно сотрудничают с учреждениями системы Организации Объединенных Наций, как в случае с докладом *Глобальная стоимость инклюзивного образования для беженцев*, совместной публикацией с УВКБ ООН, в которой ставится вопрос о том, «что потребуется», чтобы обеспечить доступ к образованию для всех учащихся-беженцев в развивающихся странах, где живут 85% беженцев в мире. Всемирный банк также реализует Глобальное партнерство по распространению знаний о миграции и развитии (KNOMAD), представляющее собой междисциплинарное партнерство по обмену знаниями, которое привлекает экспертов по вопросам миграции для создания и обобщения знаний для их использования директивными органами в странах происхождения и назначения. Его второй этап, разработанный в 2013 году, продлится с 2018 по 2023 год, а проведение его мероприятий организуется в рамках 11 тематических рабочих групп[33].

33 См. www.knomad.org.

Выводы

В настоящей главе представлен обзор того, как организации системы Организации Объединенных Наций вносят свой вклад в исследования и анализ миграции, а также в наше коллективное понимание миграции. Мы пришли к выводу о том, что миграция по-прежнему остается заметной темой в публичном дискурсе и государственной политике и что, несмотря на все более значительный рост интереса к миграции как к теме исследований, в том числе со стороны некоторых крупных авторов исследований и анализа, она остается предметом споров и поляризации мнений. Ситуация усугубляется ростом дезинформации, поступающей из различных источников и быстро распространяющейся через Интернет и платформы социальных сетей. Хотя это явление возникло еще до пандемии COVID-19, оно продемонстрировало бурный рост в ее условиях. Пандемия COVID-19 повлияла также на распределение ресурсов в сфере исследований, при этом многие исследовательские приоритеты были смещены для решения проблемы последствий глобальной пандемии. Система Организации Объединенных Наций как ключевой производитель знаний и аналитических материалов испытывает влияние этих тенденций и реагирует на них.

В главе показано, какой вклад система Организации Объединенных Наций вносит в процессы производства и распространения знаний о миграции. Ее организации являются ключевыми производителями «серой» литературы, которая, как явствует из этой главы, предлагает большую доступность по сравнению с академическими рецензируемыми исследованиями. Более короткое время подготовки этих материалов и возможность опираться на опыт в академической и политической сферах позволяют внести полезный вклад в разработку политики, основанной на фактических данных.

На протяжении всей главы приводились различные примеры связанных с миграцией данных, исследований и знаний, производимых в системе Организации Объединенных Наций. К ним относятся сбор данных, статистика и статистический анализ; платформы знаний; страновые и региональные доклады; сравнительные исследования; и, помимо прочего, оценки и отзывы. По сути, повышенное внимание к исследованиям и анализу, на основе которых формируются политика и программные меры в области миграции, дает возможность организациям системы Организации Объединенных Наций играть более важную роль в проведении исследований в области миграции за счет использования своих сетей в правительственных, академических и политические кругах.

Стигматизация мигрантов и случаи дискриминации в их отношении, являющиеся прямым или косвенным результатом распространения дезинформации и политизации миграции, также заставляют своевременно задуматься о том, как организации системы Организации Объединенных Наций могут проводить критический и основанный на фактах анализ, опирающийся на научные данные. Не менее важно подумать о том, как они могут действовать более эффективно, чтобы опровергнуть далекую от истины и часто опасную дезинформацию.

Сегодня мы в большей степени, чем когда-либо, призываем разработчиков политики, специалистов-практиков, исследователей и других сторон к изучению и использованию огромного количества письменных материалов по миграции в критическом ключе. Мы продолжаем подчеркивать важность деятельности и инициатив, которые устраняют разрыв между сферами исследований и политики, объединяя ученых, исследователей, специалистов-практиков и разработчиков политики в области миграции, в том числе посредством семинаров, конференций, брифингов и соответствующих консультаций. Здесь также критически важную роль играют организации системы Организации Объединенных Наций. Возможность слушать и делиться знаниями о миграции может поддержать новые подходы к мышлению, развеять мифы и неправду, а также помочь разработать более эффективные меры политики, основанные на фактических данных и строго научных подходах.

ЧАСТЬ II

СЛОЖНЫЕ И ВНОВЬ ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ

NOTRE AÉRO
MON HISTOIR
www.gva.ch/100
100 ANS
GENÈVE
GENÈVE
GENÈVE
GENÈVE
GENÈVE

MARIE MCAULIFFE
LUISA FELINE FREIER
RONALD SKELDON
JENNA BLOWER

5 «ВЕЛИКИЙ РАЗРУШИТЕЛЬ»: ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА МИГРАЦИЮ, МОБИЛЬНОСТЬ И МИГРАНТОВ ВО ВСЕМ МИРЕ[1]

Введение

2020 год войдет в историю как «год COVID-19», а именно год, когда появился новый коронавирус, распространившийся по миру серией волн и к 2021 году повлиявший на жизнь почти каждого человека на планете. В обиходной речи появились новые слова, которые лишь годом ранее имели бы другое или менее выразительное значение: «Zoom», «изоляция», «социальное дистанцирование», «СИЗ», «маска для лица» или «отслеживание контактов». А для миграции особое значение имеют два других понятия: «закрытие границы» и «карантин».

В течение первого года пандемии властями стран, территорий или районов было введено более 108 000 связанных с COVID ограничений на международные поездки в дополнение к поэтапному введению ограничений на внутренние передвижения внутри стран[2]. Как следствие, мировая туристическая индустрия понесла тяжелый урон от пандемии. Первоначальная гонка за введение ограничений оказала значительное и непосредственное влияние на авиаперевозки по всему миру. Так, к началу мая 2020 года количество международных рейсов во всем мире сократилось примерно на 80%[3]. В результате туризм — одна из крупнейших отраслей в мире — в 2020 году столкнулся с аналогичным спадом и понес потери в размере около 2 трлн долл. США, или 2 процента мирового ВВП[4]. Кроме того, COVID-19 стал тормозом международной миграции: по оценкам Организации Объединенных Наций, к середине 2020 года пандемия замедлила рост контингента международных мигрантов примерно на два миллиона человек, или на 27% уменьшила его ожидаемый прирост[5].

Хотя пандемия COVID-19 является прежде всего кризисом в области здравоохранения, это также и экономический кризис, при котором предприятия вынуждены закрываться, а работники увольняются или отправляются в отпуск без сохранения зарплаты. В 2020 году экономика вступила в рецессию со спадом на 5,2% в глобальном масштабе, что является самой глубокой рецессией со времен окончания Второй мировой войны[6]. На начальном этапе пандемии приоритеты сместились, поскольку низкооплачиваемые (часто не имеющие документов) работники стали выполнять «основные услуги», сбор урожая, обработку, упаковку и доставку продуктов питания, обслуживание в супермаркетах и уход за уязвимыми лицами в интернатах и учреждениях по уходу. Медсестры и врачи стали героями, а многие другие специалисты стали работать из дома, изменив характер работы.

---

1 Мари Маколифф, Руководитель Отдела исследований по вопросам политики в области миграции и публикаций МОМ; Луиза Фелин Фрейер, профессор кафедры социальных и политических наук Тихоокеанского университета; Рональд Скелдон, почетный профессор факультета географии Университета Сассекса; Дженна Блоуэр, научный консультант Отдела исследований по вопросам политики в области миграции и публикаций МОМ.

2 МОМ, 2021a (на 8 марта 2021 года).

3 Santos, 2020.

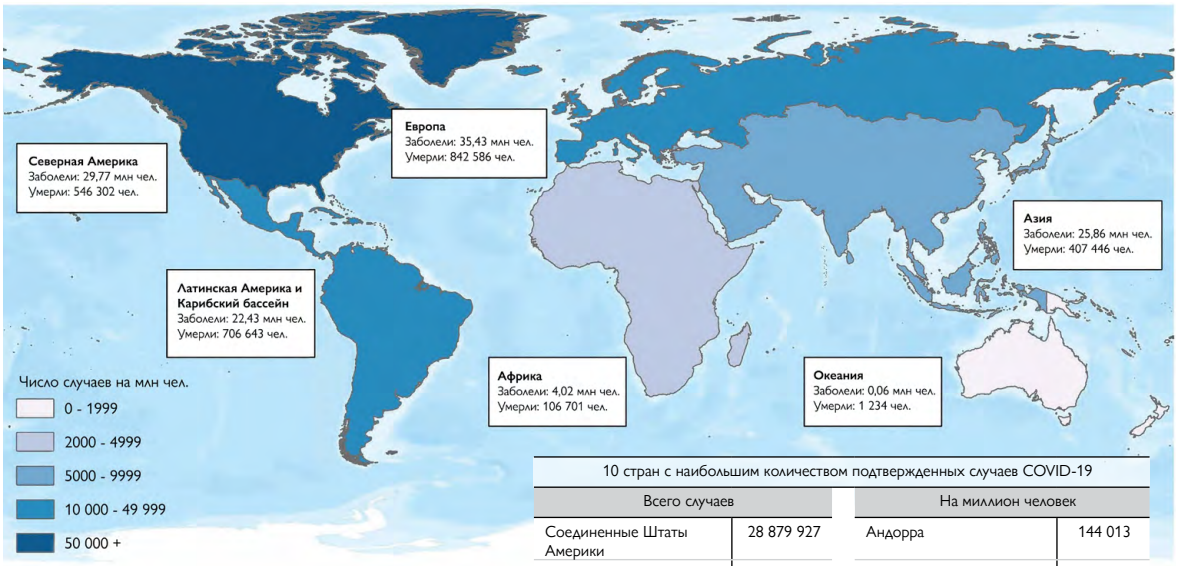
4 ЮНВТО, 2021.

5 ДЭСВ ООН, 2021a.

6 Всемирный банк, 2020a.

К концу первого года[7] в мире было зарегистрировано около 116,2 млн случаев COVID-19, а 2,58 млн человек умерли[8]. До сих пор многое неизвестно об этой болезни, но ясно то, что в мире существуют вариации в ее распространении и воздействии: различия отмечаются по возрасту, полу, классу, этнической принадлежности и стране. Важным фактором, способствующим этим различиям, был вид и эффективность государственной политики в разных частях мира, которая варьировалась в диапазоне от эффективного реагирования к самоуспокоенности и вплоть до отрицания. Будучи новым заболеванием, против которого вакцины отсутствовали, COVID-19 в 2020 году уже унес гораздо больше жизней, чем ожидаемое ежегодное число смертей от гриппа в любой год, которое колеблется от 290 000 до 650 000 человек[9]. Он также был намного смертоносней, чем малярия, от которой в 2019 году умерло около 409 000 человек[10]. Кроме того, оценки «избыточной смертности» показывают, что общее число смертей в мире, связанных с COVID-19, в 2020 году составило не менее 3 миллионов, что на 1,2 миллиона больше, чем официально сообщалось[11].

Рисунок 1. Подтвержденные случаи COVID-19 и случаи смерти по регионам Организации Объединенных Наций спустя один год



10 стран с наибольшим количеством подтвержденных случаев COVID-19

Всего случаев		На миллион человек	
Соединенные Штаты Америки	28 879 927	Андорра	144 013
Индия	11 285 561	Черногория	128 456
Бразилия	11 122 429	Чехия	127 076
Российская Федерация	4 351 553	Сан-Марино	117 176
Соединенное Королевство	4 229 002	Словения	94 343
Франция	3 865 011	Люксембург	94 076
Испания	3 164 983	Израиль	92 524
Италия	3 101 093	Соединенные Штаты Америки	87 137
Турция	2 807 387	Панама	80 615
Германия	2 518 591	Португалия	79 340

Источник: ВОЗ, 2021a.
Примечания: По состоянию на 11 марта 2021 года. «Регионы» означает регионы Организации Объединенных Наций; более подробную информацию о составе регионов см. в главе 3 (добавление A).

7 Первое сообщение о вирусе появилось 21 декабря 2019 года; ВОЗ объявила COVID-19 глобальным кризисом в области общественного здравоохранения 30 января 2020 года и объявила пандемию 11 марта 2020 года (ВОЗ, 2020a).

8 ВОЗ, 2021a; Johns Hopkins CRC, 2021.

9 Steenhuysen, 2017.

10 ВОЗ, 2021b.

11 ВОЗ, 2021c. «Избыточная смертность» определяется ВОЗ как «разница между общим числом случаев смерти в условиях кризиса по сравнению с числом, которое можно было бы ожидать в нормальных условиях». Что касается COVID-19, то избыточная смертность включает как общее число смертей, непосредственно связанных с вирусом, так и случаи смерти через косвенное воздействие, такое как перебои в предоставлении основных медицинских услуг или сбои в поездках. Дополнительную информацию см. в ВОЗ, 2021c.

Хотя основное внимание в этой главе уделяется миграции и мобильности, пандемия оказала значительное влияние на широкий круг социальных, экономических и экологических проблем во всем мире, как это показано в добавлении A.

В этой главе представлен анализ воздействия пандемии на миграцию и мобильность с особым упором на отсутствие мобильности и факторы уязвимости мигрантов. В нем приводятся примеры мер реагирования стран, принятых в политике и на практике, и рассматриваются долгосрочные последствия пандемии для миграции и мигрантов. При этом важно отметить, что цель этой главы состоит в том, чтобы предоставить аналитический обзор основных воздействий и последствий пандемии за первый год[12]. Учитывая объем материала, подготовленного по COVID-19, и продолжающееся производство новых данных и знаний, в этой главе не делается попытка охватить все аспекты или изучить все нюансы, связанные с COVID-19 и мобильностью людей. Скорее, она включает новые статистические данные, такие как данные о подтвержденных случаях заболевания COVID-19, случаях смерти и ограничениях на поездки, но все это в контексте существующих долгосрочных статистических данных и другой информации о миграции. Понимание воздействия COVID-19 требует комплексного анализа такого тектонического глобального события в контексте долгосрочных тенденций[13] при одновременном признании того, что точные последствия пандемии продолжат проявление в предстоящие годы.

Разбор понятий «миграция» и «мобильность» сквозь призму COVID-19

Согласно текущим оценкам численности международных мигрантов, на середину 2020 года в мире насчитывалось около 281 млн мигрантов[14]. Оценки числа внутренних мигрантов более проблематичны, но более 10 лет назад оно оценивалось на уровне 740 млн человек, что более чем втрое превышало число международных мигрантов на то время[15]. Эти оценки в отношении как внутренних, так и международных мигрантов, весьма приблизительны; они основаны на данных о контингентах, используемых для измерения миграции из одной крупной географической единицы в другую, и имеют ограниченное применение в отслеживании перемещений людей, связанных с распространением и воздействием такого заболевания, как COVID-19.

В условиях глобальной пандемии директивным органам необходима информация о перемещениях как на короткие, так и на большие расстояния, особенно о местных взаимодействиях и о краткосрочных перемещениях, т.е. о тех видах перемещений, которые исключены из упомянутых выше оценок в отношении международных мигрантов. Следовательно, основное внимание необходимо уделять «мобильности» — термину, охватывающему как краткосрочные перемещения, в частности международные деловые и туристические поездки, а также регулярные трансграничные поездки на работу и другие формы взаимодействия на короткие расстояния, так и более долгосрочные миграцию и перемещение. Необходимость переосмысления концепций «миграции» и «мобильности» была признана многими экспертами, что было подчеркнуто в последнем выпуске *Доклада о миграции в мире*, а также целевой группой экспертов по концептуальным основам в рамках пересмотра Организацией Объединенных Наций Рекомендаций по статистике международной миграции 1998 года[16]. Политические установки, связанные с миграцией, выходят

12 Первый год определен как период с 11 марта 2020 года (когда ВОЗ объявила пандемию) по 10 марта 2021 года.

13 McAuliffe et al., 2020.

14 ДЭСВ ООН, 2021b. Рассмотрение этого вопроса и определения см. в МОМ, *Доклад о миграции в мире 2020 года*, глава 2.

15 ПРООН, 2009.

16 МОМ, 2019:5; Skeldon, 2018; Статистическая комиссия Организации Объединенных Наций, 2021. Выдержка из заключительного документа целевой группы экспертов содержится в добавлении A к главе 2 настоящего доклада.

далеко за рамки вопросов иммиграции и предоставления убежища и в основном связаны с общественным здравоохранением, внутренним перемещением и международными поездками, что существенно влияет на планирование. COVID-19 усугубил несоответствия между миграцией и мобильностью, акцентируя внимание на том, каким образом мобильность подкрепляет и облегчает различные формы миграции, а также на том обстоятельстве, что отсутствие мобильности может выступать важным фактором, разрушающим планы мигрантов на протяжении всего «миграционного цикла», как показано в следующем разделе.

Одним из ключевых аспектов реагирования на COVID-19 были различные попытки сократить, если не полностью остановить, перемещение людей как носителей вируса. С биологической точки зрения вирус не различает и не отдает предпочтения конкретным людям-хозяевам. Вирус игнорирует на гражданство, этническую принадлежность, пол, возраст, вероисповедание и миграционный статус. Любой, кто находится в непосредственной близости от вируса, подвержен заражению. По этой причине и так же, как в предыдущие пандемии, мигранты не были главным приоритетом в реагировании на пандемию:

> Доказательства и опыт практически всех значимых событий… показали, что, хотя международные и внутренние поездки являются важными факторами, связанными с распространением инфекции, миграция (с точки зрения как традиционной легальной иммиграции, так и нелегальной миграции) не была фактором значительного риска[17].

На самом деле во время пандемии люди в чаще всего не имели возможности совершить миграцию, о чем идет речь в следующем разделе. Однако степень непосредственной близости людей от вируса действительно связана с системным неравенством и социально-экономическими факторами, и поэтому международные мигранты, уже находящиеся в странах назначения, особенно низкоквалифицированные/низкооплачиваемые трудящиеся, с большей вероятностью будут заняты на работах, которые подвергают их риску контакта с вирусом[18]. Во время этого и предыдущих кризисов мигранты часто ошибочно становились мишенями для ксенофобного расизма, особенно лица азиатского происхождения во время COVID-19, независимо от фактов и доказательств[19].

COVID-19 в контексте

COVID-19 стал самой тяжелой пандемией за более чем сто лет после пандемии так называемого «испанского» гриппа 1919 года. Это привело к 10 185 374 подтвержденным случаям заболевания и 503 863 случаям смерти в течение первых шести месяцев после обнаружения вируса[20]. Эти показатели намного превышают последствия других недавних пандемий коронавируса, таких как SARS (2003 год) и MERS (2012 год), и свидетельствуют о гораздо большем количестве первоначальных случаев инфицирования по сравнению с предыдущими серьезными пандемиями, такими как те, что имели место в 1957 году (так называемый «азиатский грипп») и 1968 году (так называемый «гонконгский грипп»). Данные предыдущих современных пандемий показывают, что основной мерой реагирования было предотвращение передвижения людей (как носителей вируса) на международном уровне и внутри стран[21]. Это стало гораздо более сложной задачей, поскольку глобализация углубила транснациональные связи, а глобальная зависимость от международных перевозок в последние годы резко возросла (см. рисунок 2)[22].

17 Greenaway and Gushulak, 2017:322.

18 MOM, 2020a.

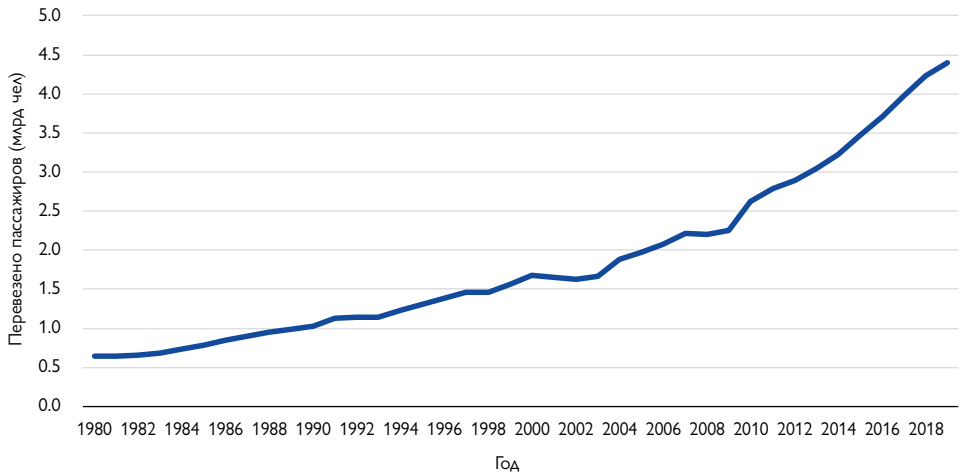
19 MOM, 2020b; Hennebry and KC, 2020; Majidi et al., 2019.

20 BO3, 2020b.

21 Greenaway and Gushulak, 2017.

22 McAuliffe et al., 2017.

Рисунок 2. Пассажирские авиаперевозки в 1980–2018 годах



Источник: ИКАО, 2021.

Увеличение числа международных авиаперевозок и повышенный риск заражения зоонозными коронавирусами в результате активизации взаимодействия человека и животных побудили экспертов в области общественного здравоохранения в течение ряда лет предупреждать о надвигающейся «большой опасности»[23]. В книге о глобализации 2014 года авторы предупреждали о надвигающихся серьезных рисках, вызванных усилением глобализации, включая риск экстремальной глобальной пандемии:

> Почти неизбежно, что по мере того, как мы будем больше соединяться, как все больше и больше людей будут жить в больших городах, близких к аэропортам, которые являются суперраспространителями не только «благ», но и «антиблаг» глобализации, волны этой инфекции захлестнут весь мир[24].

Несмотря на предупреждения о глобальной пандемии и острой необходимости обеспечения повышенной готовности, самая ранняя стадия пандемии потребовала от правительств, Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и негосударственных субъектов срочного реагирования на COVID-19[25]. Сочетание высоких показателей передачи и тяжести заболевания вынудили многих политиков во всем мире ступить на неизведанную территорию. В результате правительства приняли ряд мер по ограничению распространения вируса, в том числе ограничения на передвижение (международное и внутреннее), а также на собрания для публичных мероприятий. Предприятия и школы были вынуждены закрыться, системы общественного и частного транспорта перестали функционировать, а общественная деятельность категорически не поощрялась или запрещалась[26]. Некоторые страны, такие как Сальвадор, Израиль и Катар, с начала до середины марта быстро ввели значительные международные ограничения на передвижение, тогда как другие предприняли аналогичные действия через несколько недель. Некоторые страны запретили въезд гражданам определенных стран (высокого риска), другие запретили въезд всем иностранным гражданам или полностью закрыли границы для выезда и въезда всех людей, включая своих собственных граждан[27]. При этом были исключения из закрытий по ряду различных причин, как описано в текстовой вставке ниже.

23 Hoffower, 2020. Предупреждения поступали от многих, включая Билла Гейтса, Вацлава Смила, Майкла Остерхольма и Роберта Г. Вебстера.

24 Goldin and Mariathasan, 2014.

25 Goldin, 2014; Greenaway и Gushulak, 2017; McAuliffe et al., 2020.

26 Кроме того, были приняты меры в области общественного здравоохранения, такие как обязательный карантин.

27 McAuliffe, 2020.

Исключения для работников жизнеобеспечения общества

В начале пандемии международные поездки были запрещены во многих странах, хотя появились выборочные исключения[a]. Даже там, где были введены строгие ограничения, сохранялась определенная мобильность для обеспечения непрерывного предоставления товаров первой необходимости (например, продуктов питания, лекарств, изделий медицинского назначения) и услуг (например, больница/здравоохранение, розничная торговля/доставка продуктов питания, санитария, почта, безопасность). Низкооплачиваемые работники, должности которых часто занимали трудящиеся-мигранты, находились на «передовой» и подвергались большему воздействию вируса, в то время как более высокооплачиваемые специалисты имели возможность ограничивать свою мобильность. Некоторые из наиболее низкооплачиваемых и ненадежно занятых трудящихся-мигрантов, такие как сезонные сельскохозяйственные рабочие, были признаны необходимыми для функционирования общества и освобождены от ограничений на поездки, что, несмотря на их низкий статус, вновь проявило его несоответствие той важной роли, которую некоторые из них играют в повседневном функционировании обществ[b].

a EC, n.d.

b MOT, 2020a.

Анализ ограничений на международные поездки за первые 12 месяцев кризиса выявил три различных этапа (не)мобильности, как обобщается ниже в выдержке из доклада Института миграционной политики и МОМ от апреля 2021 года[28].

COVID-19 и состояние глобальной мобильности в 2020 году

В 2020 году в трансграничной мобильности можно было выделить три этапа:

1. Блокировка мобильности: с января по май 2020 года. На этом раннем этапе страны ввели множество ограничений на поездки и санитарных требований в ответ на быстро меняющуюся ситуацию в области общественного здравоохранения. В первые три месяца года многие полностью закрыли большинство пунктов въезда и/или запретили выезд из пострадавших регионов. Масштабы закрытия границ были беспрецедентными — даже страны в свободной от границ Шенгенской зоне Европы восстановили импровизированные границы со своими соседями, — и многие закрытия происходили с ограниченным планированием и координацией. К концу марта правительства и органы власти в субнациональных регионах издали или продлили 43 300 ограничений на поездки, и в каждой стране, территории и районе мира было введено не менее 70 запретов на поездки. Передвижение всех видов было резко ограничено с марта по май, когда население находилось под действием национальных локдаунов.

2. Поэтапное открытие: с июня по сентябрь 2020 года. Следующий этап реагирования на кризис привел к постепенному возобновлению работы некоторых пунктов въезда, особенно аэропортов, а также в меньшей степени - наземных и морских портов. Запреты на выезд или пересечение определенных районов в этот период все чаще заменялись медико-санитарными мерами, включая справки о тестах на COVID-19 перед отъездом, карантинные меры или декларации о состоянии здоровья. Во многих районах авиаперевозки были открыты первыми из-за больших возможностей для внедрения новых мер, связанных со здоровьем, и/или региональных соглашений, в частности о «зонах со смягченным карантинным режимом».

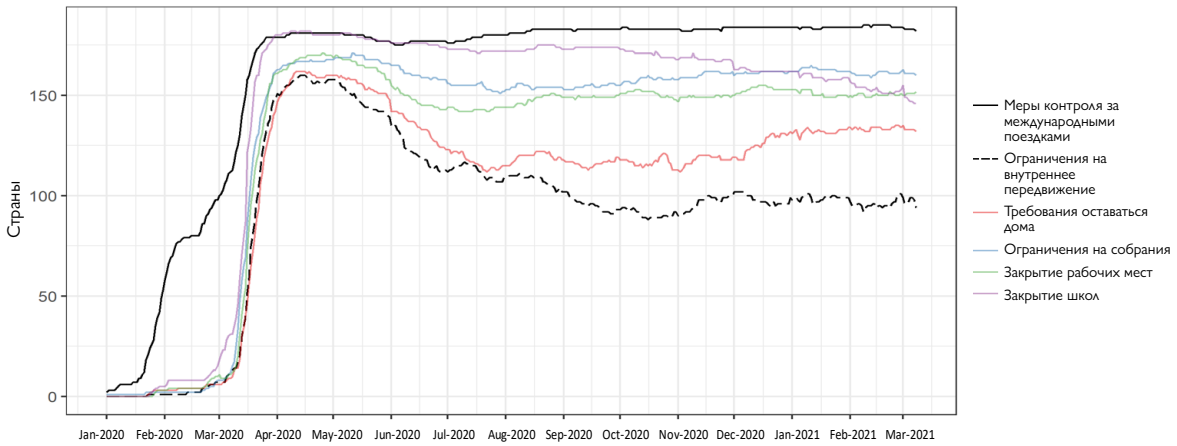
28 Benton et al., 2021.

3. Реагирование на новые вспышки и мутации вируса: с октября по декабрь 2020 года. В остальной части года картина была неоднозначной, поскольку страны стремились наращивать свой потенциал для введения в действие медико-санитарных мер вместо ограничений на поездки, одновременно борясь со второй (а в некоторых случаях и с третьей) волной инфекций и с появлением новых штаммов вируса. Некоторые страны, включая Чили, Мексику и Объединенные Арабские Эмираты, открылись даже для туристов. Медицинские справки стали наиболее распространенной мерой, связанной с поездками, в то время как карантинные требования и проверки со временем стали менее распространенными (вероятно, из-за того, что карантин оказался дорогостоящим, а проверки неэффективными). В декабре правительства ввели ограничения на маршруты в отношении Соединенного Королевства и, в меньшей степени, Южной Африки в ответ на выявленные в этих странах штаммы вируса B.1.1.7 и B.1.351.

Источник: Сокращенный отрывок из Benton et al., 2021:1–2.

Ограничения на поездки были лишь одной из категорий мер, но одной из самых значительных. Это особенно касалось ограничений на международные поездки, которые были введены быстро и в основном оставались в силе в течение первого года. Тем не менее, если рассмотреть более широкий набор мер реагирования, принятых правительствами для минимизации передачи COVID-19, в глобальном масштабе, то мы можем увидеть появление различных моделей после первоначального быстрого введения широкого спектра мер в период с марта по май 2020 года. Данные Системы отслеживания реагирования правительств Оксфордского университета (рисунок 3) показывают, что меры контроля за международными поездками, связанные с COVID-19, неизменно оставались самыми жесткими в период с января 2020 года по март 2021 года[29]. Другие меры, такие как закрытие школ и ограничения на внутреннее передвижение, постепенно снижались с течением времени, тогда как основные меры, включая закрытие рабочих мест, ограничения на собрания и требования «оставаться дома», снизились в середине 2020 года, однако же понемногу вводились снова по мере увеличения скорости передачи и обнаружения новых штаммов.

Рисунок 3. Меры правительств по минимизации передачи COVID-19 в разбивке по количеству стран



Источник: Hale et al., 2021.

Примечания: По состоянию на 10 марта 2021 года. Термин «меры контроля за международными поездками» используется Оксфордским университетом и включает в себя проверки по прибытии, карантин по прибытии, запрет на прибытие или полное закрытие границ. Также важно отметить, что эти категории связаны только с COVID-19 и не отражают другие ограничения на поездки, которые могли уже действовать, например, меры, связанные с визовыми ограничениями, запретами на въезд для конкретных граждан и ограничениями на отбытие/выезд.

29 Термин «меры контроля за международными поездками» используется Оксфордским университетом. См. подробнее примечания к рисункам 3 и 4. Кроме того, следует отметить, что принятие ограничений не обязательно привело к их эффективной реализации. Сложность типов перемещения через границы иногда приводила к путанице в сообщениях и несогласованному применению законодательства.

Постоянно корректируя политику в отношении мер по сокращению передачи вируса, правительствам были вынуждены справляться с быстро меняющейся эпидемиологической ситуацией, необходимостью смягчать негативные экономические последствия, а также уменьшать негативные социальные и образовательные последствия или противодействовать им, обеспечивая при этом, чтобы последствия для здоровья оставались в центре заботы. Необходимость балансировки осуществления множества сложных мер и их воздействия связана с более широкими управленческими и политическими соображениями, ключевым компонентом которых является мобильность людей:

> Таким образом, перед всеми странами стоит сложная задача по уравновешиванию неопределенного и неравномерного воздействия мер общественного здравоохранения и социальных мер на здоровье, доход, свободу, образование и другие блага. При принятии таких решений есть основания полагать, что степень доверия к правительству и консенсус в отношении государственных мер существенно влияют на то, какая политика осуществима, а также на баланс преимуществ и бремени этой политики[30].

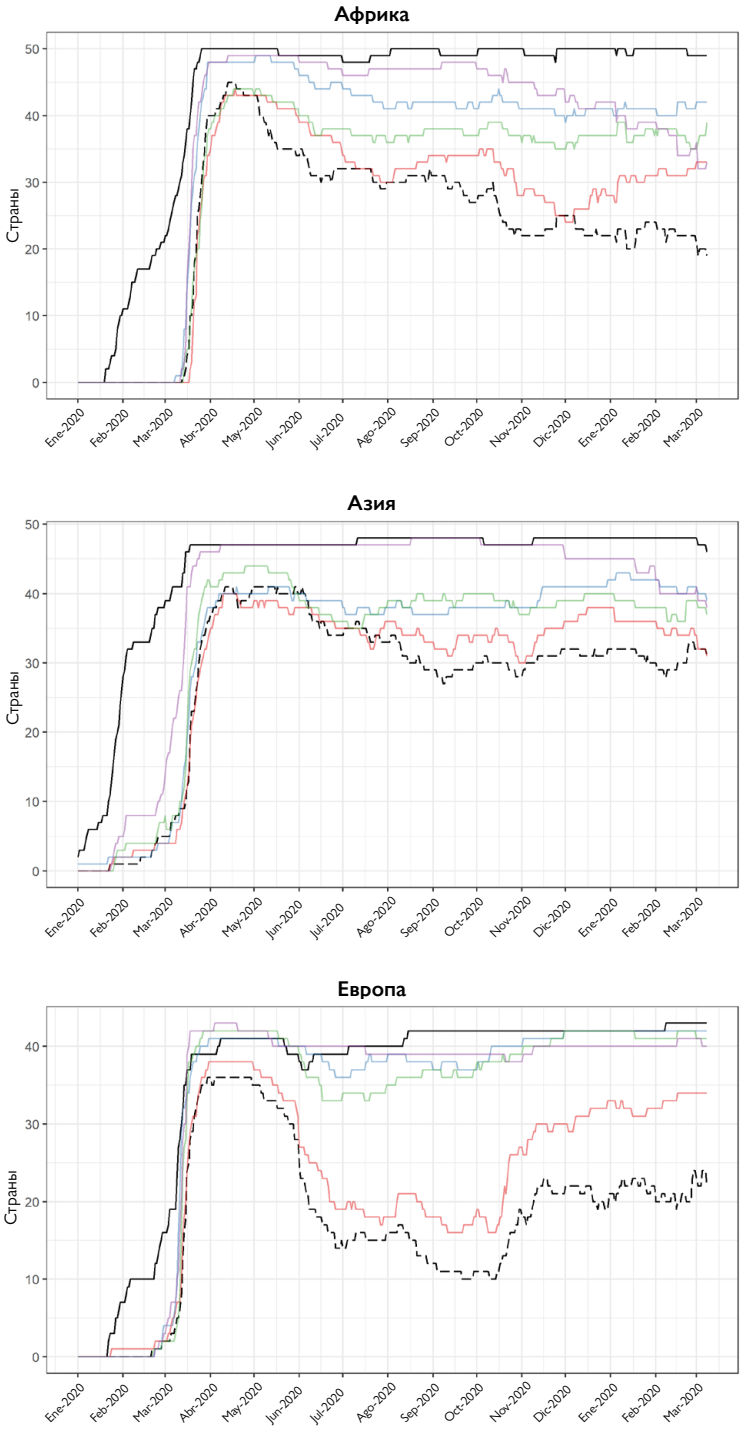
Мы можем увидеть признаки этого взаимодействия, если рассмотрим правительственные меры в разбивке по регионам (рис. 4). Например, как показывает широкое разнообразие моделей в регионах, в некоторых частях мира ключевыми соображениями были осуществимость, а также общественный консенсус. В Азии в течение первых 12 месяцев пандемии сохранялся самый высокий уровень всех ограничительных мер, тогда как в Африке наблюдалось постепенное снижение всех мер, кроме ограничений на международные поездки. Модели в Европе заметно отличаются от других регионов. Европа была единственным регионом, в котором наблюдалось снижение ограничений на международные поездки, а также значительное снижение (с последующим повторным введением) ограничений на внутренние перемещения и требований «оставаться дома». Период летних отпусков в Европе оказал на власти экономическое давление, с тем чтобы они возобновили работу индустрии туризма, а также оправдали ожидания клиентов в отношении доступа к поездкам, связанным с отдыхом. Такое рыночное давление, по-видимому, привело к политическим компромиссам, способствовавшим увеличению числа международных поездок в летнее время[31]. И это вопреки прогнозам некоторых экспертов в области здравоохранения о том, что летние каникулы в Европе приведут к введению локдаунов зимой[32].

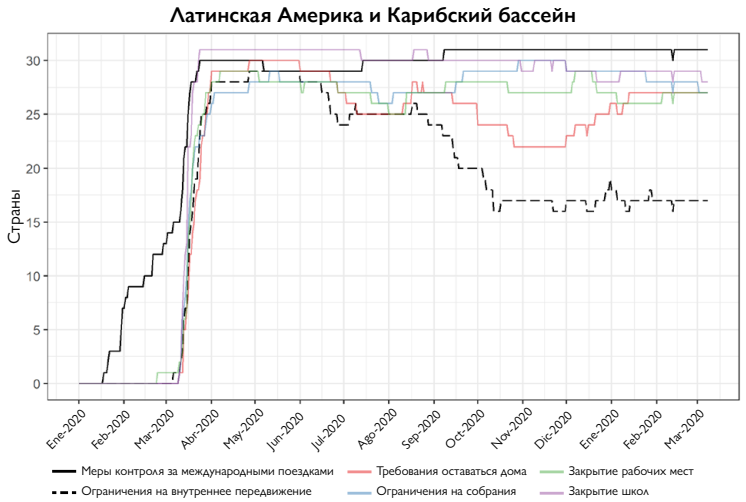
30 Norheim et al., 2020.

31 Dole and Whalan, 2020; Grech et al., 2020.

32 Sridhar, 2020.

Рисунок 4. Меры правительств по минимизации передачи COVID-19 в Африке, Азии, Европе, Латинской Америке и Карибском бассейне в разбивке по количеству стран



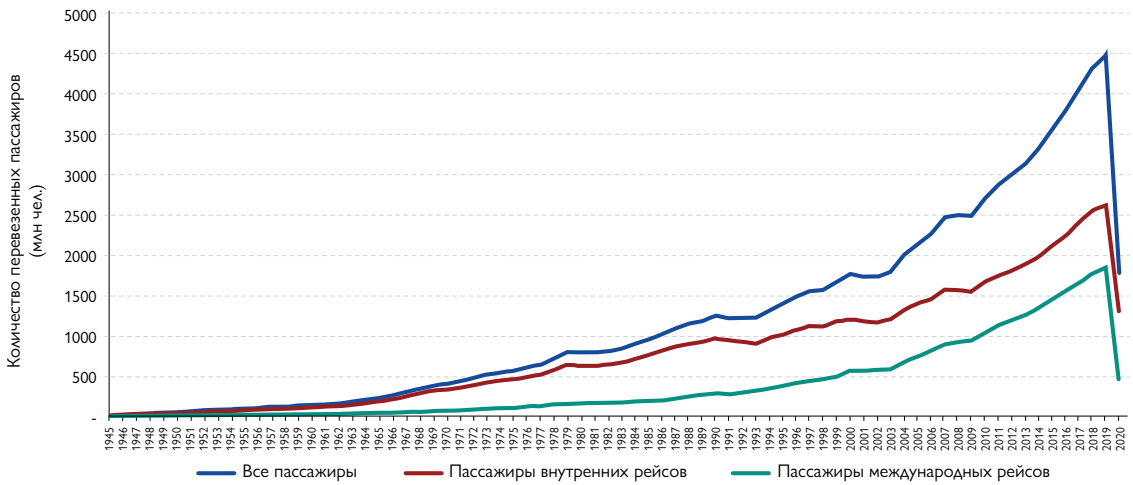


Источник: Hale et al., 2021.

Примечания: По состоянию на 10 марта 2021 года. Термин «меры контроля за международными поездками» используется Оксфордским университетом и включает в себя проверки по прибытии, карантин по прибытии, запрет на прибытие или полное закрытие границ. Также важно отметить, что эти категории связаны только с COVID-19 и не отражают другие ограничения на поездки, которые могли уже действовать, например, меры, связанные с визовыми ограничениями, запретами на въезд для конкретных граждан и ограничениями на отбытие/выезд.

Масштабное влияние связанных с COVID ограничений на поездки становится очевидным при изучении данных о пассажирах. Из долгосрочных данных о пассажиропотоке видно, что в 2020 году ограничения на поездки, обусловленные COVID-19, оказали серьезное влияние как на международные, так и на внутренние авиаперевозки. Общее количество перевезенных авиапассажиров сократилось на 60% с примерно 4,5 млрд человек в 2019 году до 1,8 млрд человек в 2020 году (рисунок 5).

Рисунок 5. Общее количество перевезенных авиапассажиров в мире в 1945–2020 годах



Источник: ИКАО, 2021.

Подробнее об ограничениях мобильности в связи с COVID-19

Дальнейший анализ связанных с COVID-19 ограничений на международные и внутренние поездки, а также эволюция ограничений на международные поездки в зависимости от границ и состояния здоровья представлены в главах 2 и 3 настоящего доклада. В главе 2 представлены глобальные данные и анализ, а в главе 3 представлен анализ на уровне регионов Организации Объединенных Наций.

Влияние COVID-19 и его последствия в виде вынужденного отсутствия мобильности и уязвимости мигрантов

COVID-19 оказался «великим разрушителем», негативно влияющим на мигрантов на протяжении всего цикла международной миграции, начиная с выезда из стран происхождения, въезда в страны транзита и назначения, пребывания в странах транзита и назначения и заканчивая возвращением в страны происхождения[33]. COVID-19 вынудил к отсутствию мобильности, особенно затронув определенные виды мобильности или направив мобильность в неформальные каналы. Однако форма, эффективность и относительное воздействие этих мер варьировались в зависимости от контекста. В этом разделе кратко рассматриваются типы мер и вариации стран происхождения и назначения в зависимости от траектории миграции через страны транзита. Затем будет более подробно обсуждаться вынужденное отсутствие мобильности и повышенная уязвимость мигрантов. Во всех контекстах возникло противоречие между миграцией, вызванной потерей возможностей (в основном, рабочих мест, но также и образования), и политикой, направленной на прекращение передвижения в результате пандемии, и это противоречие создало трудности для многих мигрантов. В разделе делается упор на международную миграцию и мигрантов, а не на краткосрочную мобильность или внутренние перемещения. В таблице 1 представлены сводные данные о возникших проблемах.

Таблица 1. Последствия COVID-19 на протяжении всего миграционного цикла

Стадия	Последствия
Выезд из стран происхождения	Мигранты не могут отправиться в запланированные миграционные поездки, например, в целях устройства на работу, учебу или воссоединения с семьей. Людям, которым необходимо искать убежища или иным образом покинуть нестабильные страны, не разрешается выезжать, что подвергает их риску насилия, жестокого обращения, преследований и/или смерти.
Въезд в страны транзита или назначения	Мигранты (в том числе беженцы и искатели убежища) все чаще не могут въехать в страны транзита и назначения, поскольку постепенно вводятся и/или ужесточаются ограничения. Остро ощущаются последствия в отдельных секторах, в частности в сельском хозяйстве в сезон сбора урожая, и нарушены глобальные цепочки поставок продовольствия.

33 Gmelch, 1983; McAuliffe и Koser, 2017; МОМ, 2020c.

Пребывание в странах транзита и назначения	Последствия оказались глубокими для мигрантов, особенно как для наиболее уязвимых лиц в обществах, которые не имеют доступа к социальной защите и медицинскому обслуживанию и которые также столкнулись с потерей работы, ксенофобным расизмом и риском иммиграционного задержания, не имея возможности вернуться домой. Кроме того, беженцы и внутренне перемещенные лица в лагерях и в подобной лагерной обстановке живут в стесненных и плохих условиях, что не способствует физическому дистанцированию и другим мерам борьбы с коронавирусной инфекцией.
Возвращение в страны происхождения	Объявления о закрытии границ в некоторых странах вызвали массовое возвращение в места происхождения из опасения остаться без дохода или доступа к социальной защите. Невозможность вернуться привела к тому, что большое количество мигрантов оказались в затруднительном положении по всему миру. Некоторые государства проводили операции по массовой репатриации, но многие другие не могли позволить себе такие расходы или не сумели организовать репатриацию, оставляя мигрантов в угрожающем положении.

Источник: McAuliffe, 2020.

Проблемы, возникающие в связи с COVID-19, часто отражают историческую и современную динамику и политику в области эмиграции, иммиграции и перемещения в стране и регионах. Хотя в настоящей главе невозможно охватить всю широту воздействия во всем мире, краткие тематические исследования в добавлении B помогают выявить разнообразие проблем и воздействий, которые ощущаются в разных странах. Эти исследования охватывают по одной стране в каждом регионе Организации Объединенных Наций:

- Кения (Африка) – центральный узел мобильности в Восточной Африке;
- Бангладеш (Азия) – международные денежные переводы;
- Германия (Европа) – признание навыков мигрантов/беженцев в рамках реагирования на COVID-19;
- Колумбия (Латинская Америка и Карибский бассейн) – перемещенное население;
- Соединенные Штаты Америки (Северная Америка) – ужесточение иммиграционной политики и практики;
- Фиджи (Океания) – зависимость от туризма.

Из этих тематических исследований видно, что воздействие и последствия пандемии могут различаться в зависимости от страны. Например, на Фиджи ограничения на поездки разрушили туристическую индустрию, которая исторически генерировала 40% ВВП страны, что имело для нее серьезные экономические последствия. В Бангладеш ограничения на передвижение и закрытие государственных служб, таких как банки, наряду с безработицей среди диаспоры, привели к непредсказуемости потока денежных переводов, являющихся вторым по величине источником зарубежного дохода страны. В Германии отсутствие мобильности нарушило устоявшиеся модели и процессы миграции, вызвав значительную нехватку рабочей силы в ключевых секторах, таких как сельское хозяйство и садоводство. Будучи региональным транзитным узлом как для пассажиров, так и для грузов, Кения значительно пострадала от серьезных угроз для авиационной отрасли и основных экспортных отраслей, что усугубило проблемы со здоровьем людей, скопившихся на перегруженных пограничных пунктах, и повлияло на продовольственную безопасность во всем регионе. В Колумбии пандемия усилила политическую напряженность и создала опасные условия среди растущего перемещенного населения, что вызвало инициативу по массовой легализации и потребность в увеличении гуманитарной помощи. Более подробная информация содержится в добавлении B.

Вынужденное отсутствие мобильности

Потенциальные мигранты серьезно пострадали из-за закрытия границ и ограничений на поездки, связанных с COVID-19. Как отмечалось выше, практически все страны ввели те или иные ограничения на въезд в начале пандемии. Четыре основные взаимосвязанные меры замедлили или даже остановили миграцию: a) ограничения въезда/закрытие границ; b) сбои в визовой программе; c) карантинные меры; и d) прекращение или ограничение полетов. Неотъемлемой частью прекращения мобильности было закрытие границ для всех путешественников, кроме лиц, совершающих существенно важные поездки. Люди не могли покинуть свои страны вследствие закрытия границ и ограничений на выезд, введенных их собственными правительствами, но особенно из-за ограничений на въезд в страны назначения. Страны ввели такие ограничения, несмотря на рекомендации ВОЗ не вводить ограничения на поездки в соответствии с Международными медико-санитарными правилами (ММСП), согласованными государствами-членами ВОЗ[34]. В ММСП говорится о том, что границы предпочтительно должны оставаться открытыми, а контроль должен осуществляться только в очень ограниченных случаях[35], которые включают не только вопросы общественного здравоохранения, но и соображения национальной безопасности или чрезвычайные ситуации[36].

ММСП соответствуют существующим нормам в области прав человека, которые предусматривают право покидать любую страну и возвращаться в свою страну[37]. Введение ограничений на выезд, препятствующих выезду собственных граждан государств, имеет особое историческое значение, учитывая, что в эпоху холодной войны такие ограничения были ограничены несколькими авторитарными странами задолго до COVID-19[38]. Право покинуть свою страну в соответствии с международным правом не сопровождается соответствующим правом на въезд в другую страну, а решение о допуске большинства мигрантов (как правило, осуществляемом в виде выдачи въездных виз) принимается на государственном уровне, на основе двусторонних отношений в контексте политических, экономических и иных соображений[39]. Исходя из принципа невысылки, высылка не должна применяться к беженцам. Тем не менее во время пандемии страны даже запретили просителям убежища въезд на сухопутных границах и вытеснили их обратно в страны транзита. Стоит отметить, что, хотя исключения из ограничений на поездки были обычным явлением для основных работников по экономическим соображениям (например, для сельскохозяйственных рабочих), по соображениям прав человека таких исключений было сделано немного[40].

По сути, ограничения на поездки несоразмерно сильно затронули просителей убежища, беженцев и других перемещенных лиц. В контексте пандемии просителям убежища обычно запрещали подавать заявления на границах. Например, в апреле 2020 года сотни рохинджа дрейфовали в Бенгальском заливе и Андаманском море после того, как Малайзия повернула их лодки, сославшись на опасения по поводу вируса[41]. Аналогичным образом, на средиземноморском побережье Европы людей все чаще вытесняли обратно, при этом аналитики отмечали, что, хотя такая практика имела место до COVID-19, пандемия использовалась как средство для

34 Ferhani and Rushton, 2020. Текущие ММСП, по согласованию с государствами-членами ВОЗ, были пересмотрены после атипичной пневмонии (SARS). ММСП институционализируют концепцию «глобальной безопасности в области здравоохранения», подчеркивая, что безопасность отдельных государств зависит от безопасности всех.

35 Ibid.; Greenaway and Gushulak, 2017.

36 Chetail, 2020; Ponta, 2020.

37 Согласно Всеобщей декларации прав человека (ГА ООН, 1948 год) и Пакту о гражданских и политических правах (ГА ООН, 1966 год).

38 Czaika et al., 2018.

39 Stringer, 2004.

40 Chetail, 2020; Crawley, 2020; Gonzalez Morales, 2021.

41 МОМ, 2020d; BBC, 2020.

дальнейшей легитимизации этих операций[42]. В некоторых странах ограничения на поездки привели к сокращению масштабов нелегальной миграции и числа ходатайств о предоставлении убежища[43]. В других странах правительства объясняли обеспокоенностью в связи с COVID не только закрытие, но и милитаризацию границ, что привело к росту нелегальной миграции и незаконного ввоза мигрантов[44]. Уязвимость мигрантов возросла, особенно когда ограничения не подкрепляются мерами, направленными на защиту уязвимых групп населения в контексте продолжающегося гуманитарного перемещения[45]. Ограничения также сузили доступ к основным общественным благам, включая медицинское обслуживание, для мигрантов, структурно зависящих от получения государственных услуг соседних стран с помощью трансграничной миграции, как, например, в случае зависимости венесуэльцев от колумбийской государственной системы здравоохранения[46].

Мигранты повсюду в мире оказались в затруднительном положении в странах транзита и назначения по причинам, выходящим за рамки ограничений на международные поездки. Потеря работы и дохода, отсутствие работы, отсутствие рейсов, потеря вида на жительство и нехватка ресурсов для возвращения домой являются одними из факторов, влияющих на мобильность[47]. Многие трудящиеся-мигранты содержались в переполненных рабочих помещениях в условиях, способствовавших быстрому распространению болезни, поскольку они находились в подвешенном состоянии, ожидая открытия стран назначения[48] или сталкивались с жесткими ограничениями на передвижение, живя в общежитиях для трудящихся-мигрантов и практически не имея возможности вернуться[49]. В Западной и Центральной Африке 25 000 мигрантов застряли в центрах содержания под стражей, не имея другого выбора, кроме как ждать открытия границ[50]. В странах Северной Африки, таких как Ливия, и странах Персидского залива, таких как Саудовская Аравия и Йемен, задержанные трудящиеся-мигранты столкнулись с жестоким обращением и антисанитарными условиями жизни[51]. Вспышки COVID-19 были параллельно выявлены в лагерях или центрах приема мигрантов в США[52], Греции, Мальте, Германии и Нидерландах[53]. В некоторых странах, таких как Португалия, люди, находившиеся в центрах для содержания под стражей для иммигрантов, были освобождены во избежание проблем общественного здравоохранения, связанных с более высоким риском передачи инфекции в этих учреждениях.

Возвращение и карантин

Закрытие границ также захлопнуло ловушку для тысяч мигрантов, которые потеряли или боялись потерять работу, и не позволило им вернуться домой. В развивающихся странах возвращающееся население включает трудящихся-мигрантов, обосновавшихся в странах назначения, которые находятся в непосредственной близости от стран их происхождения, как, например, в Юго-Восточной Азии, когда в начале пандемии тысячи рабочих-мигрантов уехали из Таиланда в Лаосскую Народно-Демократическую Республику, Камбоджу

42 *Al Jazeera*, 2020a; Crawley, 2020.
43 ОЭСР, 2020.
44 Freier et al., 2021.
45 Ibid.; ММС, 2021; УНП ООН, 2020.
46 Freier, 2020.
47 МОМ, 2020l.
48 ADB Institute et al., 2021.
49 McDonald, 2021.
50 МОМ, 2020l.
51 УВКПЧ, 2020a.
52 Center for Migration Studies of New York, 2020.
53 ECDC, 2020.

и Мьянму[54]. Мигранты пытались избегнуть самого вируса, а также экономических трудностей, учитывая, что отсутствие социальной защиты для многих рабочих-мигрантов означало бы, что отказ от возвращения в свои страны (и потеря работы в странах назначения) может привести к голоду и бездомности[55]. Пандемия вызвала такое отчаяние, что мигранты решили вернуться домой в страны, из которых они бежали из-за социально-экономических трудностей. Однако не все мигранты смогли успешно вернуться либо самостоятельно, либо в рамках программ репатриации, спонсируемых их правительствами. Например, тысячи непальских рабочих застряли на разных пунктах 1700-километровой границы с Индией после того, как в этой стране был введен полный локдаун[56]. Также возникла напряженность между странами назначения и странами происхождения, которые не желали или не могли обеспечить репатриационные рейсы[57]. В некоторых случаях, например в Боливарианской Республике Венесуэла, правительства даже отказывались предоставлять своим гражданам неограниченный доступ на свою территорию[58].

Вместо того, чтобы вводить общие ограничения на мобильность и миграцию, некоторые страны перешли к более целенаправленной и косвенной форме контроля: карантину. Многие государства ввели периоды изоляции от 7 до 14 дней для людей, прибывающих из мест, где наблюдается широкое распространение пандемии, которые могли представлять угрозу для местного населения. Карантинные режимы позволяли жителям вернуться домой, например, но часто с существенными финансовыми затратами, которые, как утверждали некоторые аналитики, были задуманы как препятствие для возвращения[59]. Некоторые карантинные режимы распространялись на целые страны, вызывая недовольство у тех, кто прибыл из некоторых частей этих стран, мало пострадавших от вируса, в то время как другие режимы применялись на субнациональном уровне.

В некоторых странах возвращение мигрантов было уголовно наказуемо. В Боливарианской Республике Венесуэла правительство вначале криминализировало репатриантов как «биотеррористов», виновных в передаче вируса[60], а затем начало заключать в тюрьмы своих возвращающихся граждан, пытавшихся миновать официальные пункты пересечения границы. Кроме того, по возвращении обязательный карантин часто проводился в нездоровых условиях, в некоторых случаях без доступа к водопроводу и медицинскому обслуживанию; возвращенцев часто запирали на государственных объектах без определенных сроков их освобождения. Эти ситуации напоминали скорее произвольные задержания, чем меры защиты[61].

54 Thepgumpanat, 2020.
55 MOM, 2020l.
56 *Al Jazeera*, 2020b.
57 Информация в этом абзаце взята из Cole, 2020
58 OAS, 2020.
59 Taylor and Mills, 2020.
60 *La Vanguardia*, 2020.
61 Grattan, 2020; HRW, 2020a; OAS, 2020.

Возвращение из страны Залива, а что дальше?

7 мая Керала, затаив дыхание, ждал первого репатриационного рейса миссии «Ванде Бхарат» из Абу-Даби, который должен был приземлиться в международном аэропорту Кочина. В 22 ч 57 мин самолет «Эйр Индия» совершил посадку с 177 малаяльцами на борту. Телевизионные камеры навели фокус на выход из терминала прибытия, чтобы показать первого пассажира, вышедшего из этих стеклянных дверей. Какова была его или ее история? Уволен из своей компании или истечение срока действия рабочей визы? Ранее существовавшие заболевания или беременная жена? COVID-положительный или нет? Какова бы ни была причина, эмигрант, безусловно, должен испытывать облегчение при возвращении.

Это было два месяца назад.

Сегодня его чувство облегчения сменилось чем-то более зловещим. Период обязательного карантина закончился; также завершена неделя добровольной самоизоляции. Теперь его беспокоит не вероятность смерти. Он столкнулся с более глубоким, тревожным страхом — а что дальше?

«Мы знали, что дела идут к худшему, когда моя зарплата начала задерживаться с самого февраля», — говорит 36-летний Шелтон Дас, работавший в отделе продаж известной компании по недвижимости в Дохе. «Моей жене, медсестре, тоже не выдали зарплату за февраль. Как только разразился COVID-19, ее клиника сократила часы и дни работы. Это был предлог, чтобы уменьшить ее зарплату. Моя компания уволила пятерых из нас в течение недели после этого. Мы застряли с двумя детьми в возрасте 4,5 и 1,5 года, с нами жила и моя свекровь. Мы уже забронировали билеты домой на лето в апреле. Но они были отменены без возмещения. Во второй раз друзья и родственники из дома перевели нам деньги. Даже автомобиль, которым я владел в Дохе, не было времени продать, поэтому я передал право собственности своему другу».

Шелтон сейчас живет со своими родителями, старшим братом, его семьей и неженатым младшим братом в одном доме. «Куда я могу пойти?», - спрашивает он. Семья его жены поддержала его на этапе карантина, предоставив им дом для проживания. «Но я не могу полагаться ни на кого из наших родственников в плане поддержки моей семьи. Я должен вернуться или повторно мигрировать в какую-то другую страну. Здесь у меня нет вариантов».

По словам Ирудая Раджана, профессора Центра исследований в области развития в Тривандраме, это не первый случай, когда малаяльские NRI [индийцы-нерезиденты] в странах Залива вынуждены возвращаться. «У нас было ирако-кувейтское вторжение в 1990-х годах, исполнение закона о программе «Нитакат» в Саудовской Аравии и экономический спад в Дубае — все это привело к возвращению десятков малаяльцев. Кроме того, понятие «возвращение» является предопределенностью для всех малаяльцев в странах Залива. В отличие от Запада, эти страны не предлагают статус постоянного жителя. Так что, даже если он проработал там 30-40 лет, ему все равно придется вернуться».

Источник: Сокращенный отрывок из George, 2020.

Повышенная уязвимость

Трудящиеся-мигранты, которые остались в странах назначения, и особенно низкооплачиваемые работники, занятые в неформальной экономике и/или в секторах экономики, которые сильно пострадали во время карантина, часто сталкивались со значительными экономическими трудностями. Это особенно верно в отношении мигрантов из развивающихся стран, оказавшихся в странах назначения без систем социального обеспечения, что обычно имеет место в регионе Залива и в некоторых частях Юго-Восточной Азии[62]. Потеря дохода повлияла на качество жизни мигрантов в различных аспектах, такие как доступ к жилью и его качество, а также затронула возможность отправки денежных переводов своим семьям. Кроме того, мигранты (в частности, нелегальные мигранты) часто лишались государственных пособий, включая медицинское страхование или страхование по безработице[63], а нелегальные мигранты часто не получали медицинских услуг или боялись обращаться в больницы или медицинские учреждения, опасаясь задержания или депортации[64].

Кроме того, во всем мире усилилась ксенофобия, и особенно антиазиатский расизм, при этом некоторые средства массовой информации, общественные деятели и политические группы ошибочно связывали мигрантов с распространением вируса[65]. Ненависть и дискриминация в отношении мигрантов во многих странах мира усугублялись дезинформацией и страхами, связанными с пандемией COVID-19. С начала пандемии сообщалось о многочисленных инцидентах проявлений ксенофобии на основании реального или предполагаемого национального происхождения[66]. В мае 2020 года Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций назвал инциденты, связанные с COVID-19, «цунами ненависти и ксенофобии»[67].

Все эти проблемы негативно повлияли на психическое здоровье мигрантов во всем мире. Как упоминалось выше, мигранты, как правило, имеют меньший доступ к медицинскому обслуживанию, включая услуги, связанные с психическим здоровьем, в то время как существуют определенные факторы стресса, влияющие на эту группу населения[68]. Некоторые мигранты находятся на передовой линии, работая в секторах жизнеобеспечения. Сюда входят как высококвалифицированные мигранты (особенно в секторе здравоохранения), так и низкоквалифицированные мигранты (например, работники по уходу, уборщики в больницах, охранники и работники сельского хозяйства или розничной торговли, особенно в супермаркетах). Более уязвимые мигранты потеряли работу и остались без крова или вынуждены жить в тесноте. Кроме того, нелегальное положение, отсутствие социальной поддержки со стороны семьи и друзей и непонимание языка страны назначения являются факторами, ухудшающими эмоциональное состояние мигрантов во всем мире. Иностранные студенты, которые часто оказывались в затруднительном положении в странах назначения после того, как их учебные заведения перешли на обучение за пределами кампуса, также сталкивались с финансовыми и эмоциональными трудностями. В странах, где студенческое общежитие было закрыто из-за карантина, многим иностранным студентам приходилось искать и оплачивать жилье самостоятельно, без надежных сетей поддержки в странах назначения[69].

62 ADB Institute et al., 2021.
63 Martin and Bergmann, 2020.
64 Zambrano-Barragán et al., 2021.
65 HRW, 2020b.
66 УВКПЧ, 2020b.
67 ГС ООН, 2020.
68 МОМ, 2020e.
69 Beckstein, 2020.

Долгосрочные последствия COVID-19 для миграции и мобильности

Как подчеркивалось в предыдущем разделе, некоторые из наиболее тревожных последствий пандемии для мигрантов связаны с вынужденным отсутствием мобильности и вытекающих из этого факторов уязвимости в результате радикальных сдвигов, возникших при внедрении чрезвычайных мер[70], что создает высокую степень неопределенности и нестабильности, сохраняющихся далеко за пределами начальной фазы COVID-19. Некоторые комментаторы задаются вопросом, не подходит ли так называемая «эпоха миграции» к своему концу под воздействием пандемии, которая усилила некоторые важные долгосрочные тенденции, такие как рост авторитарных наклонностей к ограничению многообразия населения и подпитке антииммигрантских настроений[71]. Рост объема недостоверной информации и дезинформации (например, ложных новостей), связанных с COVID-19 – так называемая «мизинфодемия»[72] – также подчеркнул появление основанного на технологиях трайбализма, используемого для преднамеренного подрыва и сокрытия многих преимуществ миграции в современную эпоху[73], что делает более проблематичной обстановку для постпандемической миграции и восстановления мобильности.

Мы также стали свидетелями того, как первоначальные последствия пандемии весьма различались в зависимости от местоположения в глобальной системе. Различия в демографических структурах включают ситуации, когда у пожилых людей уровень смертности выше, чем у молодых; варьируются сезонные, климатические условия и качеств атмосферы; и отмечается неравномерная эффективность государственной политики и мер реагирования со стороны правительства. С точки зрения контроля над миграцией и мобильностью все эти факторы имеют важное значение. Рецессия в некоторых развитых странах назначения и связанная с ней реструктуризация экономики вполне могут привести к сокращению числа международных мигрантов с серьезными последствиями для стран происхождения. Хотя экономические последствия в глобальном масштабе были неравномерными, нет сомнений в том, что COVID-19 вызвал сокращение масштабов миграции. Самые последние оценки численности международных мигрантов показывают, что миграция была резко нарушена, при этом численность мигрантов во всем мире сократилась примерно на 2 миллиона человек по сравнению прогнозируемой с учетом долгосрочных тенденций (до пандемии)[74]. Памятуя об этом, можно предположить, что значительные долгосрочные последствия в отношении того, как миграция и мобильность будут выглядеть в предстоящие годы, вероятно, будут иметь два аспекта: социально-экономическое воздействие и углубление цифровизации.

Социально-экономические последствия

Долгосрочные социально-экономические последствия COVID-19 потенциально столь же серьезны, как и острые проблемы общественного здравоохранения, при этом меры реагирования, призванные смягчить социально-экономические последствия, занимают важное место в международной и национальной повестке дня. По имеющимся оценкам, в 2020 году из-за COVID-19 около 49 млн человек в мире могут оказаться в условиях крайней нищеты[75]. Пандемия уже выявила и усугубила ранее существовавшее социально-

70 Chetail, 2020; Ponta, 2020.

71 Gamlen, 2020; Castles and Miller, 1993; de Haas et al., 2020.

72 «Мизинфодемия» объединяет понятия дезинформации и пандемии. См. WHO et al., 2020.

73 Gyenes and Mina, 2018; McAuliffe et al., 2019.

74 ДЭСВ ООН, 2021a.

75 Mahler et al., 2020.

экономическое неравенство, в том числе затрагивающее мигрантов, и затронет также страны и общины их происхождения[76]. Несмотря на вклад мигрантов в борьбу с пандемией во всем мире[77], они рискуют оказаться особенно уязвимыми, поскольку рынки труда сокращаются, а возможности трудоустройства значительно сужаются.

Несмотря на первоначальный прогноз на 2020 год (сделанный Всемирным банком в апреле 2020 года) относительно глобального 20-процентного сокращения объема международных денежных переводов[78], ежегодные данные показывают, что в 2020 году в мире произошел лишь небольшой спад денежных переводов (на 2,4%) по сравнению с 719 млрд долл. США в 2019 году[79]. Международные денежные переводы продемонстрировали устойчивость, при этом в некоторых коридорах были зафиксированы рекордно высокие уровни. Судя по всему, на международные денежные переводы повлияли четыре ключевых фактора:

(a) переход от неформальных каналов к формальным, поскольку COVID-19 серьезно затронул или закрыл неформальные каналы денежных переводов, такие как перевозка наличных денег через границы и усиление цифровизации потоков денежных переводов[80];
(b) тот факт, что во время кризиса мигранты больше переводят в родные страны и общины, когда у них есть такая возможность[81];
(c) «зрелость» основных миграционных коридоров, поскольку более устоявшиеся диаспоры смогли поддерживать более стабильные экономические условия и продолжали отправлять деньги, в отличие от некоторых более новых коридоров с мигрантами в более нестабильном экономическом положении[82]; и
(d) тот факт, что среди основные работников в затронутых странах часто высока доля мигрантов, что смягчает общий рост уровня безработицы среди трудящихся-мигрантов[83].

Пересмотр глобальных прогнозов показывает, что объемы неофициальных денежных переводов, не включенных в официальную статистику, вероятно, были выше, чем предполагалось ранее[84]. Это подтверждается результатами обследований домохозяйств в некоторых странах, которые указывают на общее снижение денежных переводов, полученных во время COVID-19 (без различия между формальными и неформальными домохозяйствами), несмотря на то что объемы денежных переводов по официальным каналам остаются высокими[85]. Это также подтверждается данными некоторых стран (например, Мексики, Бангладеш, Пакистана), в которых к концу 2020 года зафиксирован рекордно высокий приток денежных средств в результате использования официальных каналов[86]. Однако воздействие на приток средств не было равномерным, и в краткосрочной и среднесрочной перспективе некоторые страны пострадали больше всего, в том числе те, которые очень сильно зависят от международных денежных переводов как доли ВВП (например, в Центральной Азии). Кроме того, страны с высокой концентрацией трудящихся-

76 Crawley, 2020.
77 MOM, 2020f.
78 Ratha et al., 2020.
79 Всемирный банк, 2021.
80 Bradbury et al., 2021; Dinarte et al., 2021; Jawaid, 2020.
81 Kalantaryan and McMahon, 2020.
82 Так, кенийская диаспора в Северной Америке отправляла гораздо большие суммы денежных переводов по сравнению с суммами, отправляемыми кенийскими мигрантами из других регионов (Oucho, 2021). См. также МФСР, 2021; Mandelman and Vilán, 2020.
83 Foresti, 2020; Oxford Business Group, 2020.
84 Всемирный банк, 2021.
85 Avdiu and Meyer, 2021.
86 MOM, 2021b.

мигрантов в сильно пострадавших секторах, таких как перевозки и туризм, также сталкиваются с негативными последствиями в большей степени, чем другие страны. Однако важно также отметить, что мы являемся свидетелями того, как некоторые коридоры денежных переводов (например, из Соединенных Штатов и Соединенного Королевства в Пакистан) по необходимости переключаются с неофициальных каналов денежных переводов (например, доставки наличных денег, привозимых домой при обратных поездках) на использование официальных каналов через. операторов денежных переводов и банки[87]. Это лишь один пример мультипликативного эффекта цифровизации в условиях COVID-19.

Анализ долгосрочных тенденций в области международных денежных переводов, включая недавнее воздействие COVID-19, включен в главу 2 (о глобальном положении) и главу 3 (о региональных реалиях) настоящего доклада.

Комплексная цифровизация миграции, в том числе с помощью искусственного интеллекта

Наряду с другими ключевыми областями, международная миграция как растущее явление в последние годы и десятилетия все больше зависит от процессов цифровизации и связанных с ними технологических достижений. Миграционные исследования позволили накопить богатый объем знаний о влиянии технологий на протяжении всей истории[88].

Что касается миграционной политики и практики, то за последние годы (а в некоторых случаях и десятилетия) государства вложили значительные средства в цифровизацию и автоматизацию для повышения эффективности управления, среди прочих прикладных целей, в условиях значительного увеличения масштабов. Цифровизация повлияла на все аспекты управления миграцией, такие как сбор/распространение информации, системы подачи и обработки заявок на визы, системы пограничного контроля, управление идентификацией (например, биометрия) и документы, удостоверяющие личность, поддержка интеграции и соответствующее программирование, проверка добросовестности, соблюдение нормативных требований и предотвращение мошенничества, а также переселение беженцев. Глубокие технологические изменения происходили еще до COVID-19, но значительно активизировались во время пандемии, поскольку государствам, отраслям и сообществам необходимо было быстро адаптироваться.

В то же время мы наблюдаем активизацию использования искусственного интеллекта (ИИ) в области миграции. Хотя ИИ все чаще применяется в сферах управления миграцией, по крайней мере, с 1990-х годов - первоначально в системах въезда и оформления виз, но все чаще на протяжении всего миграционного цикла (см. главу 11 настоящего доклада), пандемия ускорила гонку за получение от ИИ решений по разворачивающемуся кризису COVID-19. Это было наиболее очевидно в контексте общественного здравоохранения и его пересечения с мобильностью. Были быстро разработаны такие цифровые инструменты, как отслеживание контактов, наблюдение за населением и отслеживание карантина, хотя и с заметно разной эффективностью с точки зрения реализации политики, основанной на последних разработках в области машинного обучения, в частности связанных с распознаванием лиц и биометрическим анализом. Последствия для конфиденциальности во время и после пандемии являются предметом пристальной научной и политической заинтересованности[89].

87 Dinarte et al., 2021; Iqbal, 2020; MOM, 2020g; MOM, 2021b.

88 Например, промышленная революция породила «законы миграции» Равенштейна в Соединенном Королевстве конца девятнадцатого века. (Ravenstein, 1885).

89 Humer and Taylor, 2020; Privacy International, 2020.

Мигранты и сами используют новые технологии новаторскими способами, при этом основное внимание в последнее время уделялось сфере информации и коммуникаций, а также тому, как мигранты, потенциальные мигранты и их семьи и сети взаимодействуют в области миграции с помощью ИКТ (включая мобильные денежные переводы)[90]. Внимание к ИКТ и мигрантам возросло во время массовой миграции в Европу и через Европу в 2015–2016 годах, когда мигранты активно полагались на онлайн-приложения во время своих поездок[91].

Поскольку государства, промышленность, сообщества и сами мигранты должны были быстро адаптироваться к физической изоляции и отсутствию мобильности, пандемия привела к усилению зависимости от цифровых решений, которое создало как проблемы, так и наглядно продемонстрированные возможности и эффективные инструменты. С одной стороны, более полная цифровизация предлагает улучшенный доступ к виртуальным платформам для работы, учебы и общения, как и для распространения информации в режиме реального времени. Цифровые платформы позволяют передавать большое разнообразие входных данных и опыта посредством практического включения; при этом успешные примеры включают взаимодействие Организации Объединенных Наций и других многосторонних организаций в деле реагирования на COVID, распространение онлайн-информационных платформ по COVID, проведение вебинаров, онлайн-конференций и виртуальных семинаров по вопросам COVID, а также увеличение числа ежедневных виртуальных встреч и инициатив, не ограничиваемых большими географическими расстояниями. С другой стороны, такие вызовы, как рост технических возможностей наблюдения со стороны государств, неравенство доступа к цифровым решениям и инициативам (так называемый цифровой разрыв), а также растущая потребность людей демонстрировать «цифровую грамотность» в повседневной жизни создают трудности для многих групп мигрантов, включая тех, кто подвергся перемещению. Кроме того, есть признаки того, что государства и промышленность все чаще обращаются к автоматизации и ИИ в ключевых секторах, таких как сельское хозяйство и социальная помощь, чтобы свести к минимуму риски и снизить затраты на рабочую силу в мире после COVID-19 (и в ожидании следующего «большого кризиса»).

Стратегическое будущее миграции и COVID-19: не слишком ли рано предсказывать?

Пандемия COVID-19 пришлась на период грандиозных глобальных изменений, когда существовавшие десятилетиями системы, стандарты и представления о безопасности, политике и экономике уже подвергались сомнению[a]. При оценке того, как системы миграции и мобильности могут выглядеть в будущем, важно поместить их в рамки более широких системных изменений, которые формируют, облегчают и затрудняют принятие мер реагирования со стороны как государственных, так и негосударственных субъектов. Хотя еще слишком рано определять ключевые особенности миграции в ближайшие десятилетия и степень изменения этих систем в результате COVID-19, три важные геополитические и технологические трансформации остаются центральными в стратегическом анализе будущего миграции (см. главу 1 настоящего доклада):

a) технологические достижения с 2005 года, приведшие к так называемой «четвертой промышленной революции», коренным образом меняют то, как социальные, политические и экономические системы функционируют во всем мире[b];
b) усиление конкуренции между государствами приводит к усилению геополитической напряженности и ослаблению многостороннего сотрудничества[c];

90 Metykova, 2010; Nedelcu, 2013.

91 McAuliffe, 2016; Sanchez, 2018; Zijlstra and van Liempt, 2017.

c) интенсификация экологически негативной деятельности человека: чрезмерное потребление, неустойчивый экономический рост, истощение ресурсов и исчезновение биоразнообразия, изменение климата[d].

Глубокие технологические изменения происходили еще до COVID-19, но значительно активизировались во время пандемии, в том числе в отношении миграции и мобильности. Обстановка усиливающейся конкуренции между ключевыми государствами (с вовлечением большего числа государств) затрудняет международное сотрудничество через многосторонние механизмы[e]; однако завершение работы над Глобальным договором о безопасной, упорядоченной и легальной миграции демонстрирует важность миграции для подавляющего большинства государств[f]. Хотя COVID-19 ослабил человеческую деятельность в ключевых сферах (например, транспорт/путешествия), позволив немного восстановить окружающую среду[g], это может оказаться лишь паузой. После окончания пандемии интенсивная человеческая деятельность может возобновиться, что сведет на нет экологические выгоды, связанные с пандемией.

a Muggah y Goldin, 2019.
b Friedman, 2016; Schwab, 2016.
c Menon, 2015.
d ЮНЕП, 2019.
e Natalegawa, 2020.
f Newland et al., 2019
g Arora et al., 2020.

Заключение

Анализ последствий пандемии COVID-19 через год после ее объявления ВОЗ в середине марта 2020 года показывает, насколько сильно были нарушены миграция и мобильность и насколько устойчивыми были эти сбои. COVID-19 не только унес жизни миллионов людей во всем мире; он изменил нашу повседневную жизнь. Ни одно общество не осталось незатронутым пандемией, но для людей, которые мигрировали, были перемещены и/или входили в высокомобильные группы трудящихся/путешественников до COVID-19, вероятность прямого воздействия пандемии особенно высока. Помимо последствий для здоровья, многие оказались в ловушке отсутствия мобильности и безработицы, без поддержки доходов или другой социальной защиты. COVID-19 привел к крупномасштабному «зависанию» мигрантов, когда некоторые из них столкнулись с нищетой, задержаниями и жестоким обращением.

Международные поездки больше не воспринимаются как нечто само собой разумеющееся теми, кто ранее имел простой доступ к большей части мира[92]. Те, у кого есть «сильные» паспорта, позволяющие путешествовать по большей части планеты в безвизовом режиме, утратили такую возможность, поскольку многие государства находятся в списках «стран высокого риска», а их гражданам запрещен въезд в другие страны. Невозможность путешествовать, потеря дохода и высокая степень неопределенности, с которой сталкиваются многие в странах с высоким уровнем дохода, дают представление о повседневной жизни многих бедняков в мире

92 См., например, Индекс паспортов Хенли (Henley & Partners, 2019).

до пандемии[93]. Тот факт, что некоторые из наиболее маргинализованных в наших обществах сыграли также наиболее важную роль во время кризиса, должен еще больше подчеркнуть системное и растущее неравенство, вызванное несбалансированными экономическими, бюджетно-финансовыми и социальными системами[94]. «Восстановить лучше» еще предстоит увидеть. В конечном итоге наша модель увеличения потребления путешествий может оказаться неустойчивой. Позволит ли этот опыт на основе эмпатии изыскать правильные ответы для «лучшего восстановления», еще предстоит увидеть. В конечном итоге наша модель увеличения потребления ресурсов, необходимых для путешествий, может оказаться неустойчивой.

Проявления воздействий и последствий, связанных с COVID-19, вне всяких сомнений будут значительно различаться в разных местах. Это было подчеркнуто в тематических исследованиях на страновом уровне, которые охватывают каждый из шести регионов Организации Объединенных Наций (см. добавление B). Страновые тематические исследования показывают, что в течение первого года COVID-19 создал очень серьезные проблемы для миграционных систем (особенно в отношении регулирования мобильности) и оказал весьма различное воздействие на мигрантов, включая перемещенное население, что было связано с исходными предпандемийными социально-экономическими, географическими и политическими контекстами и историями. Пандемия отнюдь не закончилась: возникают новые проблемы, связанные с развертыванием вакцинации, новыми вирулентными штаммами, а также усталостью и нетерпением общественности в отношении текущих мер по борьбе с COVID-19. И тем не менее первый год показал нам, что COVID-19 масштабно затронул миграцию и мигрантов повсюду в мире, вызвав высокий спрос на методы измерения его воздействия, позволяющие обеспечить информационную основу для мер реагирования на то, что было и есть быстро эволюционирующим глобальным явлением, создающим чрезвычайную ситуацию в сфере здравоохранения.

Что касается сбоев в системах миграции и мобильности, а также численности мигрантов во всем мире, то анализ первого года показал, что:

- введение чрезвычайных полномочий привело к серьезным сбоям на протяжении миграционного цикла, поскольку **ранее широко принятые нормы, считавшиеся краеугольными камнями международной мобильности, были отменены** странами в самом начале пандемии. Право покинуть свою страну (в том числе по соображениям защиты), а также право вернуться в свою страну были пересмотрены; принцип невысылки как краеугольный камень прав человека во всем мире подвергся серьезному испытанию или был отвергнут, в том числе некоторыми из первых архитекторов системы международной защиты[95]. С одной стороны, желание вернуться к допандемической «нормальности» с более предсказуемыми системами поездок, виз, границ и миграции ясно просматривается во многих частях мира, особенно в тех, которые в значительной степени зависят от высокой мобильности, в частности как страны назначения для международного туризма. Повторное открытие служб и управлений по делам миграции и отмена полных или строгих запретов на поездки тщательно рассматриваются в контексте новых штаммов и программ вакцинации. С другой стороны, углубление цифровизации и быстрое развитие технологий для поддержки большей автоматизации предполагают, что для некоторых трудящихся-мигрантов не будет возврата к нормальной жизни, поскольку промышленность и правительства стремятся расширить цифровизацию для повышения эффективности, оперативности и смягчения рисков, тем самым снижая зависимость. о трудящихся-мигрантах.

93 McAuliffe and Bauloz, 2020; McAuliffe et al., 2017.

94 Crawley, 2020; Hickel, 2020.

95 Например, на момент написания Соединенные Штаты продолжали сохранять Раздел 42, разрешающий выдворение неграждан через границы на основании чрезвычайной ситуации в области здравоохранения.

- Существовавшие ранее предположения о высокой мобильности в рамках миграционных систем, включая предложение товаров и услуг первой необходимости, указывают на **долгосрочную глобализацию, а также на повсеместное неравенство, глубоко укоренившееся в современных обществах повсюду в мире**. Структурные условия и барьеры, формирующие модели миграции, а также эксплуатация трудящихся-мигрантов в последние годы и десятилетия стали очевидными на ранних стадиях пандемии, когда многим промышленно развитым странам необходимо было обеспечить освобождение от ограничений в отношении поездок для некоторых из наиболее маргинализованных категорий в составе международной рабочей силы (например, для сезонных рабочих-мигрантов). Что касается стран происхождения, то степень потребностей в консульской помощи граждан, работающих и проживающих за границей, показала, насколько быстро трудящиеся-мигранты могут оказаться в уязвимом положении, особенно в странах, где социальная защита практически не предоставляется негражданам. Это создало дополнительную нагрузку на страны, которые борются за сдерживание распространения вируса внутри, а также реагируют на потребности своих граждан за границей. Вопреки прогнозам, в некоторых странах происхождения были зарегистрированы рекордно высокие объемы международных денежных переводов, поскольку мигранты и диаспора обратились к официальным цифровым каналам, чтобы помочь семьям на родине во время кризиса, что еще раз подчеркивает, в какой степени международные потоки рабочей силы и денежные переводы формируют общества и экономики.

- Пандемия **еще больше обнажила суровые реалии вынужденной миграции, перемещения и гуманитарного реагирования**. Хотя освобождение от ограничений в отношении поездок для основных работников стало характерной чертой многих направлений внутренней политики, подобные исключения не были обычным явлением для людей, ищущих защиты. Границы оставались закрытыми, и в некоторых странах высылка была разрешена за счет использования чрезвычайных полномочий по соображениям угроз для здоровья. Однако в других странах такие меры, как массовые программы легализации, освобождение лиц из центров содержания под стражей иммигрантов и широкий доступ к медицинскому обслуживанию независимо от иммиграционного статуса, продемонстрировали примат охвата услугами общественного здравоохранения всех групп населения.

Page left intentionally blank

ADRIAN KITIMBO
AMANDA LUCEY
MEHARI TADDELE MARU

6 МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ СТАБИЛЬНОСТИ, РАЗВИТИЯ И БЕЗОПАСНОЙ МИГРАЦИИ[1]

Введение

В начале 2020 года, когда COVID-19 начал распространяться по всему миру, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Антониу Гутерриш призвал к глобальному прекращению огня, предложив всем воюющим сторонам «зачехлить оружие» и сосредоточиться на борьбе с пандемией, которая не пощадила ни одну страну[2]. В обращении Генерального секретаря признается, что, несмотря на продолжающийся глобальный кризис в области здравоохранения, отсутствие безопасности, насилие и конфликты продолжают опустошать многие страны мира, приводя к катастрофическим последствиям для миллионов людей.

В дополнение к ужасным человеческим жертвам, ранениям и уничтожению имущества в результате конфликтов многие люди, живущие в таких условиях, также часто вынуждены покидать свои дома, общины и даже страны в поисках защиты и безопасности. Только в 2020 году во всем мире насчитывалось 26,4 млн беженцев и 4,1 млн лиц, ищущих убежища[3]. Кроме того, в том же году около 48 млн человек были перемещены внутри страны из-за конфликтов и насилия[4], что является самым высоким показателем за всю историю наблюдений. Это отнюдь не новое явление. За последнее десятилетие число людей, перемещенных из-за вооруженного конфликта, насилия и различных форм преследования, увеличилось более чем на 100%[5], а миролюбивые настроения во всем мире за тот же период уменьшились[6]. В настоящее время конфликты являются причиной большинства гуманитарных потребностей в глобальном масштабе, и к 2030 году, по оценкам, две трети самых бедных людей в мире потенциально могут жить в крайне небезопасных, охваченных конфликтами или насилием обществах[7]. В настоящее время почти 86% беженцев в мире приняты в развивающихся странах[8].

Конфликты также подорвали способность многих стран добиваться прогресса в развитии, причем вплоть до того, что были сведены на нет ранее достигнутые успехи. Эти реалии подтолкнули к актуализации в глобальной повестке дня необходимости решения проблемы коренных причин и динамики конфликтов и создания более миролюбивых обществ. Это наиболее четко отражено в ряде глобальных процессов и итоговых документов, в частности, в Целях в области устойчивого развития (ЦУР), например, в их цели 16, обязывающей государства содействовать «миру, правосудию и эффективным учреждениям»[9].

---

1 Адриан Китимбо, научный сотрудник МОМ; Аманда Люси, старший руководитель проекта Института правосудия и примирения; Мехари Тадделе Мару, профессор Центра миграционной политики Института Европейского университета.

2 ООН 2020.

3 УВКБ, 2021.

4 IDMC, 2021.

5 Там же.

6 IEP, 2020.

7 Всемирный банк, 2020.

8 УВКБ, 2021.

9 См. цель 16 ЦУР, ДЭСВ ООН, n.d.

Хотя в последние годы количество конфликтов, несомненно, увеличилось, некоторые страны по-прежнему гораздо меньше страдают от нестабильности, конфликтов и насилия и демонстрируют более высокие уровни мира и безопасности. Эти страны и люди, которые в них живут, в целом имеют более высокий уровень человеческого развития, включая экономическое процветание, и гораздо реже сталкиваются с небезопасными формами миграции или перемещением, вызванным конфликтами. Например, люди из стабильных и более богатых стран отличаются высокой мобильностью, и в большинстве случаев им не приходится принимать мучительное решение о том, стоит ли отправляться в нелегальную миграционную поездку в опасных для жизни условиях, как это делают многие люди из нестабильных и менее развитых стран. И это не случайность. Люди из развитых и миролюбивых обществ имеют более широкий выбор возможностей для безопасной миграции и мобильности, в отличие от людей в более нестабильных условиях, чьи возможности гораздо более ограничены. В некоторой степени доступ к каналам легальной миграции зависит не только от экономического положения или статуса страны и от того, как она взаимодействует с более широким международным сообществом, но и от того, насколько она безопасная, процветающая и стабильная[10]. «Лотерея рождения» означает, что люди из менее мирных и слаборазвитых стран находятся в более невыгодном положении, когда речь идет о доступе к безопасной миграции и вариантам мобильности (анализ тенденций моделей миграции с точки зрения Индекса человеческого развития см. в главе 7 настоящего доклада)[11].

Недавние международные соглашения, такие как Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и Глобальный договор о беженцах, были разработаны в ответ на эти реалии и вызовы. Глобальный договор о миграции не только обязывает государства сокращать негативные и структурные факторы миграции, такие как конфликты, насилие и изменение климата, но и подчеркивает необходимость поддержки законных путей миграции, в которых особенно нуждаются люди, живущие в странах, затронутых конфликтами и отставанием в развитии, и часто вынуждены совершать нелегальные и небезопасные путешествия[12]. Вместе с тем Глобальный договор о беженцах также дополняет другие усилия Организации Объединенных Наций в таких областях, как миграция, мир и безопасность, предотвращение конфликтов и миростроительство[13]. Помимо этого, в знак признания постоянно растущего числа беженцев и просителей убежища во всем мире Глобальный договор о беженцах направлен на содействие «более тесному сотрудничеству в совместном несении ответственности за прием и поддержку беженцев во всем мире»[14].

Именно в этом контексте в настоящей главе обсуждается связь между миром, безопасностью, развитием и миграцией. В ней с использованием существующих данных и исследований изучается взаимодействие между конфликтами, нестабильностью и отсутствием безопасности; развитием; и миграцией, а также показывается, что нестабильность или конфликты отрицательно влияют на развитие и, следовательно, вызывают перемещение, поиск убежища и небезопасную миграцию. В главе также делается попытка выйти за рамки этих очевидных и хорошо задокументированных связей, чтобы показать, как миграция может способствовать стабильности и развитию и, таким образом, смягчать условия, которые приводят к нелегальной миграции и перемещению.

В следующем разделе представлен краткий обзор контекста и ключевых понятий, относящихся к этой главе. Затем следует анализ связей между миром, безопасностью, миграцией и развитием с использованием последних данных и информации по основным индексам, включая Глобальный индекс миролюбия (ГИМ), Индекс человеческого развития (ИЧР) и Индекс нестабильных государств (ИНГ). В главе также рассматриваются текущие инициативы, меры реагирования и вызовы, связанные с укреплением мира и безопасности, а в конце излагаются выводы.

10 McAuliffe et al., 2017.

11 Там же.

12 ООН, 2019.

13 УВКБ, 2018.

14 Newland et al., 2019.

Связь между миром, безопасностью и развитием

Мир, безопасность и развитие являются сложными понятиями, которые необходимо раскрыть, прежде чем можно будет практически пользоваться ими, и между которыми необходимо изучить связи. Традиционно мир определяется как отсутствие войны, конфликта или насилия внутри стран или между ними[15]. Однако эта концептуализация от обратного («негативный» мир) издавна оспаривалась как недостаточная для полного понимания того, что же в действительности означает «мир». Существует широкий консенсус в отношении того, что мир также включает в себя ряд факторов, которые его укрепляют («позитивный» мир), таких как справедливость, права человека и подотчетность, и прочие факторы[16]. Значение термина «безопасность» также эволюционировало с течением времени, выйдя за рамки его традиционного акцента на национальную безопасность государства. Появление таких понятий, как «безопасность человека», было попыткой объединить и увязать аспекты развития, прав человека и национальной безопасности[17].

Три понятия – мир, безопасность и развитие – не всегда считались взаимосвязанными. До окончания холодной войны они рассматривались как разные как в политической, так и в академической сферах[18]. Однако с окончанием холодной войны и в свете нового политического контекста в 1990-х годах это положение изменилось[19]. С тех пор общепризнано, что страны, в которых широко распространены конфликты и насилие, также имеют тенденцию отставать в различных аспектах социально-экономического развития[20]. Связь очевидна и в обратном направлении: низкий уровень социально-экономического развития ассоциируется с высоким уровнем незащищенности и конфликтов. Кроме того, становится все более очевидным, что укрепление мира и безопасности способствует развитию, и что развитие, по-видимому, также укрепляет стабильность[21].

Действительно, связи между миром, безопасностью и развитием широко признаются в концепции международного развития: к примеру, Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года четко отражает этот широкий консенсус, устанавливая, что «не может быть устойчивого развития без мира и мира без устойчивого развития». Подход к сохранению мира[22], основанный на Целях в области устойчивого развития (ЦУР), также подчеркивает важность инклюзивного и устойчивого развития для предотвращения рисков насильственных конфликтов[23]. Вместе с тем появление концепции «триединой связи» – взаимосвязи гуманитарной деятельности, развития и мира (ГДРМ) – это также попытка уловить взаимосвязь между тремя областями и обеспечить большую согласованность в удовлетворении различных потребностей людей и снижении их уязвимости при одновременном укреплении мира[24]. В концепции также признается, что сохранение мира имеет основополагающее значение для достижения всех ЦУР[25].

15 См. Galtung, 1969; Höglund and Kovacs, 2010.

16 Diehl, 2016.

17 См. Igbuzor, 2011; Hussein et al., 2014.

18 Hussein et al., 2014.

19 Там же.

20 См., например, Collier et al., 2003.

21 Martínez-Solimán, 2017; Stewart et al., 2011; Geneva Declaration, 2010.

22 Подход к сохранению мира основан на двух новаторских резолюциях, принятых в 2016 году, цель которых состояла в том, чтобы помочь сохранить мир «на всех этапах конфликта и во всех его измерениях», а также в предотвращении «возникновения, эскалации, продолжения и возобновления конфликтов» (Ponzio, 2018).

23 ООН, 2018.

24 Caparini and Reagan, 2019.

25 ЭКОСОС, n.d.

Хотя мир и безопасность, очевидно, не являются единственными факторами, лежащими в основе экономического роста и развития[26], существует широкий консенсус в том, что они являются важными элементами в создании условий, которые позволяют странам процветать. Например, недавняя работа Института экономики и мира демонстрирует, что менее миролюбивые страны не только испытывают большую экономическую нестабильность, но и ассоциируются с плохими макроэкономическими показателями[27]. Фактически за последние шесть десятилетий рост ВВП на душу населения в очень миролюбивых странах был почти в три раза выше, чем в менее миролюбивых[28]. Другие эмпирические исследования связей между процветанием и миром выявили, что мир не просто является «подходящей средой» для экономического процветания, но и оказывает «механическое» влияние на экономическое процветание стран с явной положительной связью между миром и экономическим процветанием[29].

Более поздние исследования и анализ, направленные на установление связей между 17 ЦУР, показывают, что существует сильная положительная корреляция между ЦУР 16 (мир, справедливость и сильные учреждения) и ЦУР 8 (достойная работа и экономический рост)[30]. Эти связи выходят за рамки роста. и проявляются в других измерениях развития; с точки зрения сокращения масштабов бедности страны с более высоким уровнем мира и стабильности исторически опережали страны, находящиеся в состоянии конфликта. В странах, затронутых конфликтами, с годами наблюдается рост уровня бедности[31]. Мир, справедливость и сильные учреждения также тесно связаны с другими ключевыми аспектами развития, такими как «качественное образование»[32]. Более того, страны, способные создать устойчивые общества благодаря инклюзивному и устойчивому развитию также с меньшей вероятностью скатываются к кризисам, таким как конфликты, что подчеркивает взаимоукрепляющие связи между миром, безопасностью и развитием[33]. Стоит упомянуть, что некоторые аналитики ставят под сомнение эти связи, предполагая, что данные, свидетельствующие о корреляции между отсутствием безопасности и отсталостью в развитии, достовернее, чем устанавливающие взаимосвязь между миром и развитием[34], поскольку существует ряд мирных стран с низким уровнем развития.

Конфликт, перемещение и нелегальная миграция

Несмотря на то, что существуют значительные исследования о том, как конфликты и насилие могут привести к нелегальной миграции, когда нет доступных путей защиты, мы меньше знаем о том, как мир и безопасность связаны с миграцией. Нам нужно лучше понять положительное уравнение: как мир и безопасность связаны с международной миграцией. Существует относительная нехватка литературы не только о том, как мир и безопасность сводят к минимуму перемещение и нелегальную миграцию, но также и о том, как они делают миграцию более легальной, безопасной и предсказуемой. Однако неудивительно, что имеющиеся исследования и аналитические материалы в подавляющем большинстве случаев сосредоточены на вызванных

26 В этой главе термин «развитие» используется для обозначения как экономического роста, так и человеческого развития, при этом учитывается тот факт, что, хотя экономический рост не всегда идет рука об руку (или положительно коррелирует) с различными аспектами развития, такими как образование и увеличение доходов на душу населения, он по-прежнему является важным элементом, способствующим экономическому процветанию, как это признано в ЦУР 8, поскольку «устойчивый и всеохватный экономический рост может способствовать прогрессу, создавать достойные рабочие места для всех и повышать уровень жизни».

27 IEP, 2020.

28 IEP, 2018.

29 Ho and Dinov, 2013.

30 Fonseca et al., 2020.

31 Hong, 2015.

32 Fonseca et al., 2020.

33 Всемирный банк, 2018a.

34 Denney, 2013.

конфликтами миграции и перемещении, учитывая распространение конфликтов и насилия в последние годы[35], которые привели к разорению мест проживания миллионов людей. По сути, хотя конфликты и насилие являются не единственными факторами, способствующими перемещению и нелегальной миграции, они остаются мощными движущими факторами этих явлений.

Многочисленные исследования и другие данные показывают, как войны, конфликты и насилие создают угрозы для жизни людей, вынуждая многих уезжать или покидать свои дома[36]. Только в 2020 году миллионы людей были вынуждены покинуть свои дома в результате конфликтов и насилия почти в 60 странах и территорий, большинство из которых относят к числу стран с низким и средним уровнем дохода (СНСД)[37]. Исследования последних лет показали, что сочетание ряда факторов, включая конфликты, политическую нестабильность и экономическую нестабильность, являлось причиной значительного увеличения числа людей, пытавшихся въехать в Европу незаконным путем, в том числе во время так называемой «европейского миграционного кризиса 2015 года»[38]. Однако важно добавить, что многие из тех, кто попал в Европу нелегальными путями, впоследствии были признаны беженцами. Исследования объясняют, почему конфликты и преследования были основными причинами нелегальной миграции большинства людей из Афганистана, Эритреи, Ирака, Сомали, Судана и Сирийской Арабской Республики, нелегально въехавших в Европу в 2015 и 2016 годах[39]. Эта динамика не ограничивается людьми, прибегающими к нелегальному въезду в Европу. Недавний рост нелегально прибывших в Соединенные Штаты Америки мигрантов из стран Северного треугольника, включая Сальвадор, Гондурас и Гватемалу, также во многом объясняется высоким уровнем отсутствия безопасности и беспрецедентным уровнем насилия, организованного бандами и другими преступными организациями[40]. Вместе с тем важно подчеркнуть, что конфликт и насилие — это только часть истории; незаконная миграция представляет собой сложный процесс, который часто включает целый ряд факторов, в том числе социально-экономические и политические аспекты[41]. Например, ограниченный характер легальных каналов миграции для людей с низким доходом, находящихся в нестабильных условиях, является еще одной важной детерминантой нелегальной миграции[42].

Основные определения

Нелегальная миграция
Перемещение лиц, которое происходит вне законов, предписаний или международных соглашений, регулирующих въезд в государство происхождения, транзита или назначения или выезд из него.

Легальная миграция
Миграция, которая происходит в соответствии с законами страны происхождения, транзита и назначения.

Перемещение
Передвижение лиц, которых заставили или вынудили бежать или покинуть свои дома или места обычного проживания, в частности в результате или во избежание последствий вооруженного конфликта, ситуаций повсеместного насилия, нарушений прав человека и стихийных или антропогенных бедствий.

Источник: МОМ, 2019a.

35 См. добавление A о тенденциях и факторах конфликта.
36 См., например, Schmeidl, 1997; Castles, 2006; Hayes et al., 2016; Adhikari, 2013.
37 IDMC, 2021.
38 Cummings et al., 2015.
39 Aksoy and Poutvaara, 2019.
40 Carlson and Gallagher, 2018; Clemens, 2017; MSF, 2017.
41 McAuliffe and Koser, 2017; de Haas, 2011; Jayasuriya, 2014.
42 McAuliffe et al., 2017 ; Triandafyllidou et al., 2019.

История о двух разных вариантах опыта миграции

Доступ к легальным каналам миграции остается крайне неравным, поскольку граждане некоторых стран имеют гораздо больше возможностей для миграции и мобильности, чем граждане других стран. Этот разрыв — с точки зрения возможности и невозможности получить доступ к каналам законной миграции — связан с несколькими факторами, включая социально-экономические, политические причины и соображения безопасности. В отличие от граждан малообеспеченных и политически нестабильных стран, граждане более привилегированных стран, политически стабильных и экономически процветающих, часто могут путешествовать без визы или, в случае потребности в визе, с большей вероятностью получают и визы, и разрешения на въезд[43]. Как показывает определенный анализ, те, кому не нужна виза, как правило, считаются принадлежащими к категории с низким уровнем риска и «желательных» гостей, тогда как выходцы из стран с более нестабильными условиями воспринимаются как представляющие больший риск (часто увязываемый с просроченным сроком пребывания или безопасностью) и считаются «нежелательными», и поэтому в большинстве случаев от них требуется подавать заявление на получение визы до въезда в страну[44].

В одном из первых исследований по вопросу визовых ограничений, анализирующих, как этот контроль закрепляет неравный доступ в зарубежные страны, сделан вывод о том, что «для владельцев паспортов из стран ОЭСР [Организации экономического сотрудничества и развития] мир кажется легкодоступным с относительно небольшим количеством введенных ограничений. Но для владельцев паспортов из бедных авторитарных стран, в истории которых были насильственные политические конфликты, поездки по-прежнему строго ограничены»[45]. Отдельное исследование программ безвизового въезда показывает, что, хотя число этих схем значительно увеличилось с конца 1960-х годов, они принесли пользу не всем[46]. Страны, не входящие в ОЭСР, особенно нестабильные и слаборазвитые страны Африки, не только были не охвачены при расширении таких программ, но и в 2010 году столкнулись с еще большим неприятием их прав на мобильность по сравнению с 1969 годом[47]. Данные Индекса паспортов Хенли за 2020 год и *Глобального доклада о мобильности* подтверждают это, показывая, что, хотя с течением времени наблюдается значительное увеличение числа стран, которые можно посетить без предварительного получения визы, эта тенденция в основном развивается в отношении стран с высоким уровнем дохода при сохранении статичности положения для стран с низким уровнем дохода[48]. Кроме того, государства, находящиеся в состоянии конфликта, значительно ухудшили свои показатели за последние десять лет, а такие страны, как Йемен и Сирийская Арабская Республика, занимают последние места в индексе паспортов[49].

Другой недавно опубликованный материал, в котором анализируется, кто получает визу B в Соединенных Штатах, еще больше подчеркивает эту динамику, показывая, что граждане более бедных стран с меньшей вероятностью получали краткосрочные туристические визы, чем граждане более зажиточных стран[50]. По мере увеличения валового внутреннего продукта (ВВП) страны происхождения потенциального мигранта количество отказов в выдаче визы снижалось. Расходы, связанные с подачей заявления на получение визы,

43 McAuliffe et al., 2017; Neumayer, 2005.
44 Neumayer, 2005.
45 Там же.
46 Mau et al., 2015.
47 Там же.
48 Henley & Partners, 2020.
49 Там же.
50 Zhou, 2020.

демонстрируют в целом схожие модели с большими различиями в ценах на визы по всему миру[51]. Граждане политически нестабильных и более бедных стран платят за визы гораздо более высокие цены по сравнению с гражданами более богатых и более стабильных стран. Согласно некоторым утверждениям это еще больше сдерживает доступа граждан определенных стран к законным каналам миграции в более богатые страны назначения[52].

Глобальный договор о миграции как наиболее всеобъемлющая основа для сотрудничества в области международной миграции отчасти дает ответ на проблему отсутствия возможностей для легальной миграции и на возросшую озабоченность по поводу небезопасной и нелегальной миграции. Борьба с нелегальной миграцией является ключевым компонентом достижения общей цели Глобального договора по обеспечению безопасной, упорядоченной и легальной миграции; например, среди общих обязанностей Глобальный договор включает стремление «содействовать безопасной, упорядоченной и легальной миграции, одновременно сокращая масштабы и негативные последствия нелегальной миграции при помощи международного сотрудничества…»[53]. Ряд обязательств по Глобальному договору имеют прямое отношение к нелегальной миграции, в частности «следить за тем, чтобы отчаяние и ухудшение условий жизни не вынуждали людей искать средства к существованию в других местах посредством нелегальной миграции» (цель 2). Кроме того, Глобальный договор ставит своей целью сотрудничество, «обеспечивая безопасность государств, общин и мигрантов и способствуя безопасным и законным трансграничным перемещениям людей, не допуская нелегальной миграции» (цель 11[54]. Весьма примечательно, что цель 5 Глобального договора обязывает государства обеспечивать упрощение «доступа к каналам легальной миграции и повышение их гибкости»[55].

Понимание связи между миром, нестабильностью, миграцией и развитием

LМеждународная миграция граждан миролюбивых и экономически благополучных стран в целом носит безопасный, упорядоченный и легальный характер. Напротив, миграция многих граждан из стран, характеризующихся низким уровнем дохода и шаткими условиями, с большой долей вероятности будет небезопасной и нелегальной и зачастую обусловлена кризисами[56]. Почти половина всех международных мигрантов из стран с низким уровнем дохода были просителями убежища или беженцами[57]. Кроме того, в последние годы ряд наиболее значительных притоков мигрантов в несколько стран с высоким уровнем дохода характеризовался совпадением с событиями, связанными с массовым передвижением и перемещением населения в странах с низкими доходами и нестабильностью. Например, массовая миграция в Европу в 2015 и 2016 годах или недавние массовые перемещения из стран Северного треугольника Центральной Америки в Соединенные Штаты совершались гражданами из политически нестабильных развивающихся стран, многие из которых отправились в нелегальные поездки, чтобы добраться до места назначения.

51 Recchi et al., 2020.
52 Там же.
53 ООН, 2019.
54 Там же.
55 Там же.
56 ДЭСВ ООН, 2021.
57 Там же.

Таблица 1 иллюстрирует некоторые из этих динамичных явлений, показывая, как мир и нестабильность коррелируют с развитием и перемещением.

Таблица 1. Глобальный мир, нестабильность государства, человеческое развитие и перемещение населения (выборочные страны)

Страна (в порядке рейтинга по ГИМ)	Глобальный индекс миролюбия (ГИМ), место в 2021 году	Индекс нестабильных государств (ИНГ), место в 2021 году	Индекс человеческого развития (ИЧР), место в 2019 году	Беженцы и просители убежища (страна происхождения), 2020 год	Количество ВПЛ (конфликты и насилие), 2020 год
Исландия	1	177	4	10	
Новая Зеландия	2	176	14	67	
Австрия	6	166	18	33	
Канада	10	171	16	192	
Сингапур	11	165	11	116	
Япония	12	161	19	162	
Норвегия	14	178	1	21	
Швеция	15	172	7	41	
Австралия	16	170	8	40	
Германия	17	167	6	242	
Бутан	22	96	129	7219	
Соединенное Королевство	33	150	13	259	
Коста-Рика	39	149	62	1033	
Ботсвана	41	122	100	344	
Сьерра-Леоне	46	45	182	14 151	5500
Уругвай	47	158	55	455	
Чили	49	144	43	2792	
Франция	55	159	26	222	
Корея (Республика)	57	159	23	854	
Доминиканская Республика	82	107	88	4806	
Бангладеш	91	39	133	83 583	427 000
Китай	100	95	85	283 451	
Кот-д'Ивуар	103	28	162	71 815	308 000

Страна (в порядке рейтинга по ГИМ)	Глобальный индекс миролюбия (ГИМ), место в 2021 году	Индекс нестабильных государств (ИНГ), место в 2021 году	Индекс человеческого развития (ИЧР), место в 2019 году	Беженцы и просители убежища (страна происхождения), 2020 год	Количество ВПЛ (конфликты и насилие), 2020 год
Боливия (Многонациональное Государство)	105	73	107	1923	
Гватемала	111	59	127	170 668	242 000
Таиланд	113	87	79	3918	41 000
Уганда	114	24	159	19 136	1000
Мьянма	131	23	147	1 096 724	505 000
Эфиопия	139	11	173	276 393	2 060 000
Мексика	140	90	74	127 137	357 000
Колумбия	144	61	83	152 008	4 922 000
Нигерия	146	12	161	426 013	2 730 000
Мали	148	19	184	175 730	326 000
Российская Федерация	154	74	52	97 133	1100
Ливия	156	17	105	23 034	278 000
Сомали*	158	2		868 351	2 968 000
Ирак	159	20	123	574 121	1 224 000
Южный Судан	160	4	185	2 193 685	1 436 000
Сирийская Арабская Республика	161	3	151	6 782 383	6 568 000
Йемен	162	1	179	54 904	3 635 000
Афганистан	163	9	169	2 833 569	3 547 000
Первое место в рейтинге означает	Очень высокое миролюбие	Самая нестабильная страна	Очень высокий уровень человеческого развития		
Низкий рейтинг означает	Очень низкое миролюбие	Наименее нестабильная страна	Низкий уровень человеческого развития		

Источники: Глобальный индекс миролюбия 2020 года (IEP, 2020); Индекс нестабильных государств 2020 года (Fund for Peace, 2021); Индекс человеческого развития 2019 года (UNDP, 2020); данные о беженцах и просителях убежища (УВКБ, 2021год); данные о ВПЛ (IDMC, 2021).

Примечание: Сомали не включена в рейтинг по ИЧР.

В таблице 1 очевидны несколько ключевых аспектов. Во-первых, страны, занимающие высокие позиции в Глобальном индексе миролюбия (ГИМ), как правило, имеют хорошие результаты по Индексу человеческого развития (ИЧР), который является составным показателем эффективности стран по нескольким параметрам, включая здоровье, образование и достойный уровень жизни. Несмотря на некоторые исключения, к которым относятся, например, такие страны, как Сьерра-Леоне, Бутан и Ботсвана, занимающие относительно высокие позиции в ГИМ, но демонстрирующие низкий уровень человеческого развития, общая тенденция, по-видимому, предполагает, что более высокий уровень человеческого развития идет рука об руку с высоким уровнем миролюбия.

Во-вторых, страны, находящиеся в конце Индекса нестабильных государств (ИУГ), что означает их более стабильное состояние, по-видимому, имеют высокие уровни человеческого развития, а очень нестабильные страны почти во всех случаях ассоциируются с низким ИЧР. Вместе с тем ясно и то, что не все страны, отличающиеся стабильностью или низким уровнем неустойчивости, имеют высокий уровень человеческого развития. Иными словами, стабильность иногда сосуществует с низким ИЧР, что, возможно, свидетельствует о том, что стабильность является необходимым, но недостаточным фактором для развития.

В-третьих, страны с высокими показателями индекса миролюбия также являются странами происхождения меньшего числа беженцев и просителей убежища и имеют меньше или вовсе не имеют внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) в результате конфликта. Количество беженцев и просителей убежища из таких стран, как Сингапур, Швеция, Чили или Республика Корея, в 2019 году резко контрастирует с количеством беженцев из менее мирных стран, таких как Мьянма, Эфиопия, Йемен и Южный Судан. Эта реальность особенно остро ощущается в таких странах, как Сирийская Арабская Республика, в которой из-за затянувшегося конфликта более половины ее населения все еще находятся в ситуации вынужденного перемещения[58]. Более пристальный взгляд на то, где принимаются большинство беженцев и просителей убежища, отражает эту тенденцию; хотя беженцы и просители убежища составляли лишь около 3% всех международных мигрантов в странах с высоким уровнем дохода, в странах с низким уровнем дохода этот показатель достигает 50%[59], что отчасти отражает тот факт, что несколько стран с низким уровнем дохода находятся в непосредственной близости от стран в состоянии конфликта и по-прежнему несут большую часть бремени размещения подавляющего большинства беженцев. Эти вопиющие различия — между миролюбивыми странами с высоким уровнем дохода и более нестабильными и менее развитыми странами — также видны в количестве ВПЛ в результате конфликтов. В этой связи отнюдь неудивительно, что менее миролюбивые страны имеют гораздо большее количество ВПЛ в результате конфликтов: в 2020 году в таких странах, как Южный Судан, Афганистан и Сомали, насчитывались миллионы ВПЛ, в то время как в более стабильных странах, таких как Уругвай, Япония и Ботсвана, в том же году не было зарегистрировано ни одного ВПЛ в результате конфликта[60]. Эти наблюдения еще раз подтверждают, что мир и безопасность не только помогают активизировать развитие, но и способствуют менее сумбурным передвижениям населения.

Хотя в таблице 1 не отражено количество трудящихся-мигрантов, их распределение по различным регионам и группам стран с разным уровнем доходов дополнительно иллюстрирует, как мирные и экономически процветающие страны поощряют миграцию по выбору, которая является легальной и более предсказуемой. Например, хотя число международных мигрантов из стран как с низким, так и с высоким уровнем дохода, за последние 20 лет увеличилось, в первых из них это было в значительной степени обусловлено перемещением населения. Однако в странах с высоким уровнем дохода этому росту международной мобильности в значительной степени способствовали трудящиеся-мигранты[61]. Это особенно характерно для Европейского

58 УВКБ, 2021.

59 ДЭСВ ООН, 2021.

60 IDMC, 2021.

61 ДЭСВ ООН, 2021; Strey et al., 2018.

союза (ЕС), где люди весьма мобильны и часто мотивированы такими связанными с работой факторами, как занятость и более высокая заработная плата[62]. Страны с высоким уровнем дохода остаются основными направлениями для трудящихся-мигрантов, и в 2019 году из 169 млн трудящихся-мигрантов во всем мире 67,7% были трудоустроены в этих странах, тогда как в странах с низким уровнем дохода были заняты только 3,6% трудящихся-мигрантов[63]. Трудящиеся-мигранты в странах с высоким уровнем дохода были в основном сосредоточены в Северной, Южной и Западной Европе (почти 24%) и Северной Америке (около 22%)[64].

Стабилизация общин и предотвращение перемещения

С увеличением в последние годы числа конфликтов[65] все большее значение приобретают усилия по укреплению мира и стабильности. Благодаря различным инициативам и подходам в области миростроительства международные организации уделяют особое внимание устранению факторов, вызывающих конфликты и насилие, и стремлению не допустить, чтобы страны, ранее находившиеся в состоянии конфликта, вновь погрузились в кризис. Принятие в различных организациях таких идей, как ГДРМ, отражает эти усилия, поскольку «триединая связь» призвана «лучше решать проблемы как насущных потребностей людей, затронутых конфликтом, так и основных причин затяжных кризисов»[66]. Такие организации, как МОМ, наряду с другими учреждениями Организации Объединенных Наций, регулярно стремится вносить свой вклад в различные общесистемные усилия в области миростроительства, касающиеся аспектов мобильности в контексте кризисов и сохранения мира[67]. Это охватывает такие ключевые области, как отношения перемещенных лиц с принимающей общиной; электоральная поддержка правительств в расширении доступа мигрантов к избирательным процессам в странах их происхождения; предотвращение насильственного экстремизма (ПНЭ), включая такие аспекты, как поддержка молодежи из группы риска и предоставление психосоциальных услуг по профилактике и восстановлению; а также, что важно, стабилизация общины[68].

Стабилизация общин, понимаемая как не связанный с принуждением подход к восстановлению стабильности на уровне общины или на местном уровне в условиях воздействия кризиса, приобрела особенно важное значение в усилиях по миростроительству. Стабилизация общин все чаще рассматривается как ключевой фактор, помогающий общинам выйти из кризиса и закладывающий основу для достижения долговременных решений[69]. Этот подход, по-видимому, вытекает из более широкой концепции «стабилизации». Хотя стабилизация не имеет универсального определения, некоторые аналитики конфликтов определяют ее как «усилия по прекращению социальных, экономических и политических потрясений и по реконструкции, которые включают в себя усилия по развитию или перестройке институтов, способствующих самоуправлению, социально-экономическому развитию и безопасности, и имеют решающее значение для достижения политических целей до, во время или после конфликта»[70]. Другие исследователи подчеркивают, что, несмотря на отсутствие объединяющего определения, ясно, что применение этой концепции все больше ограничивается

62 Там же.

63 МОТ, 2021.

64 Там же.

65 См. добавление A о тенденциях и факторах конфликта.

66 Interpeace, n.d.

67 МОМ, 2020.

68 МОМ, n.d.a.

69 Grundy and Zingg, 2020; МОМ, 2020. Долгосрочные решения достигаются, «когда ВПЛ уже не испытывают потребностей в конкретной помощи и защите в связи с их перемещением и такие лица могут пользоваться своими правами человека без какой-либо дискриминации, обусловленной их перемещением». См., например, IASC, 2010.

70 Bensahel et al., 2009.

несколькими реалистичными и прагматичными действиями и целями вместо поощрения демократия или построения либеральных государств[71]. Некоторые аналитики утверждают, что стабилизация коренится в связи между незащищенностью, отсталостью и нестабильностью, и разъясняют, что она «поднимает проблему нестабильности в плане слабого государственного управления и бедности и, следовательно, позволяет реагировать на нестабильность соответствующим образом»[72].

Стабилизация общин в контексте миграции и перемещения направлена как на снижение «вероятности (повторного) возникновения кризисов и дальнейшего перемещения», так и на создание «на уровне общины устойчивости к дестабилизирующим влияниям в будущем»[73]. Посредством стабилизации общин такие организации, как МОМ, стремятся «оказывать помощь правительствам, государствам и сообществам, претерпевающим значительные социально-экономические и политические изменения во время и после кризиса, с целью (восстановления) стабильности и безопасности, предотвращения дальнейшей вынужденной миграции, восстановления доверия между членами общин, уязвимыми группами населения и местными властями и создания основы для долговременных решений, прочного мира и устойчивого развития»[74].

Подход к миростроительству посредством стабилизации общин охватывает несколько секторов и использует различные инициативы в ответ на факторы отсутствия безопасности и нестабильности. К ним относятся, среди прочего, поддержка потенциала местного самоуправления, улучшение доступа и предоставления основных услуг, таких как образование, водоснабжение и здравоохранение, урегулирование жалоб и др. Важно отметить, что для обеспечения успеха и устойчивости стабилизация общин осуществляется по инициативе и с участием общин, при этом общины и уязвимые группы населения, такие как беженцы и ВПЛ, уполномочены играть ключевую роль на всех этапах разработки, реализации и мониторинга проекта[75]. Стабилизация общин доказала свою особую эффективность в качестве подхода к миростроительству не только потому, что она вовлекает пострадавшие местные общины и население в усилия по восстановлению мира и стабильности, но и потому, что она позволяет адаптировать ее к инициативам, разработанным для реагирования на конкретные и меняющиеся потребности и вызовы нестабильных и кризисных ситуаций[76]. Программы стабилизации общин были реализованы в нескольких государствах, переживающих кризисы, связанные с конфликтами, и совсем недавно в таких странах, как Чад[77], Ирак[78] и Сомали[79]. Кроме того, эти инициативы могут применяться и действительно применялись не только в общинах, но и на транзитных путях мигрантов и в районах их расселения. Однако стоит отметить, что, хотя стабилизация общин становится все более важной в усилиях по миростроительству, целенаправленный выбор или применение этого подхода могут быть затруднены в некоторых контекстах, особенно в районах, которые сильно затронуты крупномасштабной нелегальной миграцией за пределы страны или подвержены риску такой миграции. Более того, в то время как стабилизация общин соответствует цели на микроуровне с учетом того, что это локальный подход, на макроуровне необходимы другие меры вмешательства, поскольку многие из сегодняшних конфликтов и проблем отсутствия безопасности, которые приводят к нелегальной миграции и перемещению, являются крупномасштабными по своему характеру. Другими словами, необходимы как глобальные/региональные, так и локальные меры вмешательства.

71 Pedersen et al., 2019.
72 Carter, 2013.
73 Grundy and Zingg, 2020.
74 МОМ, 2016.
75 МОМ, n.d.b.
76 МОМ, 2016.
77 МОМ, 2020.
78 МОМ, 2019b.
79 Grundy and Zingg, 2020.

Ливан: налаживание отношений между беженцами и принимающими общинами посредством мероприятий по стабилизации общин

Работа МОМ в различных районах планеты сосредоточена на налаживании отношений между группами, особенно между перемещенными лицами и принимающими общинами, с целью ослабления напряженности и предотвращения насильственных инцидентов, вызванных, среди прочего, воспринимаемыми различиями и относительными лишениями. Примером такой работы является деятельность в Ливане, где приняты многие перемещенные лица из Сирийской Арабской Республики.

На протяжении многих лет основных услуг было недостаточно для охвата местных общин и перемещенного населения. Интеграция молодых беженцев была особенно сложной в северном Ливане, где общины беженцев обвинялись принимающими общинами в росте преступности и ухудшении состояния окружающей среды.

В 2017-2019 годах МОМ реализовала в Ливане проект, финансируемый правительством Канады, призванный снизить напряженность путем поощрения культуры конструктивного сотрудничества посредством таких мероприятий, как, среди прочего, восстановление дорог и проведение кампаний по расчистке. Проект также способствовал укреплению потенциала местных органов власти и гражданского общества реагировать на напряженность и смягчать ее. Бенефициары сообщили, что мероприятия позволили общинам расширить свои сети и установить новые отношения с членами различных общин. Было отмечено, что налаженные отношения привели к изменению представлений о других группах, способствуя снижению напряженности.

Источник: Сокращенный отрывок из Lukunka and Grundy, 2020.

Мигранты как активные участники укрепления мира и безопасности

Дискурс об участии диаспоры в миростроительстве часто фокусируется на негативной роли мигрантов в обеспечении мира и безопасности, такой как разжигание конфликтов, обострение напряженности и даже угроза безопасности для стран их происхождения[80]. Однако в таких дискурсах отсутствует адекватное признание масштабной природы диаспоры, или они сводятся к концентрации на небольших элементах внутри этих общин[81]. С течением времени это отношение меняется, и диаспоры все чаще рассматриваются как ключ к различным усилиям по миростроительству в странах, затронутых конфликтами. В частности, в их знании местных обычаев и традиций, а также их глубоком понимании текущих конфликтов состоит их сравнительное преимущество перед неправительственными организациями (НПО) и агентствами по оказанию помощи[82]. Обширные транснациональные сети диаспор, а также их способность привлекать значительные финансовые ресурсы также позволяют им оказывать положительное влияние на страны своего происхождения[83].

Все больше исследуются и анализируются различные методы, с помощью которых мигранты вносят свой вклад в дело мира[84]. Одним из способов является деятельность активистов, когда диаспоры, например, проводят кампании против продолжающегося конфликта и высказывают свои мнения, повышая осведомленность и привлекая внимание к проблемам в странах своего происхождения. Деятельность ирландской диаспоры в

80 Nordien, 2017; Toivanen and Baser, 2019.
81 Féron and Lefort, 2019.
82 Nordien, 2017.
83 Osman, 2008.
84 Freitas, 2012; Turner, 2008; Leung et al., 2017.

Соединенных Штатах в 1980-х и 1990-х годах часто приводилась в качестве примера успешной кампании и лоббирования политического участия их стран назначения и проживания, с тем чтобы помочь ускорить мирные процессы в стране их происхождения или культурного наследия[85]. Также хорошо освещались усилия различных других групп диаспоры, такие как политическая активность зимбабвийских мигрантов в Соединенном Королевстве, направленные на социально-экономические и политические изменения в стране их происхождения[86].

Южносуданские НПО под руководством беженцев и миростроительство в поселениях беженцев в Уганде

В Уганде проживает почти 900 000 беженцев из Южного Судана, спасавшихся от гражданской войны, разразившейся в 2013 году. До создания правительства национального единства в 2020 году задержки с выполнением мирных соглашений, подписанных в 2015 и 2018 годах, создавали тревожные перспективы для возвращения беженцев в Южный Судан, но они также подпитывали проводимую беженцами пропагандистскую, просветительскую и миротворческую работу в поселениях беженцев. Отказываясь полагаться исключительно на политических лидеров и международные институты, субъекты гражданского общества стратегически сосредоточили большую часть своих усилий на низовом уровне, активно пытаясь построить «Южный Судан, которого мы хотим», начиная с поселений в Уганде.

Привлечение внимания беженцев к политическим процессам, связанным с мирным соглашением 2018 года, является ключевым приоритетом для южносуданского гражданского общества в Уганде. Благодаря информационным сессиям и семинарам в поселениях, где доступ к информации и Интернету часто ограничен, организации под руководством беженцев проливают свет на подробности его разработки. Однако работа южносуданских групп в Уганде не ограничивается переговорами на высоком уровне и мирными соглашениями или информированием беженцев об их содержании. При международном финансировании инициативы по миростроительству на низовом уровне направлены на привитие навыков ненасильственного разрешения конфликтов и ослабление этнических стереотипов посредством межкультурных диалогов и представлений, а также посредством проектов, направленных на смягчение разжигания ненависти.

Сокращенный отрывок из Gatkuoth and Leter, 2020.

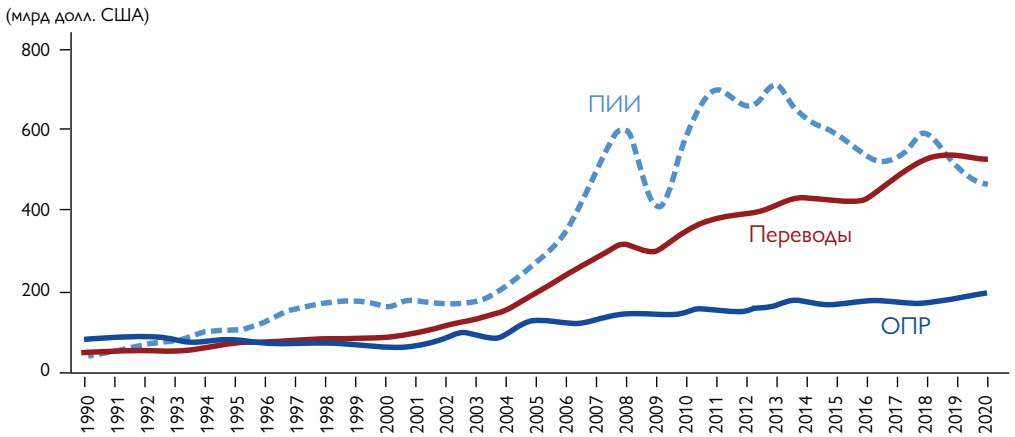
Помимо деятельности активистов и повышения осведомленности, мигранты также способствовали мирным процессам — в качестве либо сторон, либо активных участников переговоров, — в которых они выполняют функцию сближения мнений и способствуют конструктивному диалогу. Они в силу знания контекста ситуаций могут помочь посредникам установить, какие различные стороны участвуют в конфликте, а иногда также могут убедить эти группы принять участие в мирных переговорах[87]. Их информированность, как показали исследования, играют большую роль в укреплении уверенности и доверия как между участниками конфликта, так и между посредниками[88]. Например, афганская диаспора продолжает активно участвовать в мирных процессах в своей стране, в том числе путем организации мирных переговоров и участия в них[89]. Мигранты из ряда стран, таких как Сомали и Судан, также вносят значительный вклад в мирные процессы и переговоры

85 Vanore et al., 2015.
86 Kuhlmann, 2010.
87 Vanore et al., 2015.
88 Там же.
89 Schlein, 2019.

в странах своего происхождения[90]. Эти усилия распространяются также на такие области, как правосудие переходного периода, там, где они могли поддержать и поддержали процессы установления истины и примирения[91]. Вклад мигрантов в миростроительство также включал восстановление и создание ключевых институтов, таких как агентства диаспоры[92], которые могли не существовать или могли быть подорваны во время конфликта[93]. В дополнение к участию в дискуссиях и разработке ключевых политических документов и законов, которые могут определить политическое будущее страны[94], мигранты также вернулись к осуществлению общинных программ и программ социальной сплоченности, были назначены на ключевые должности в правительстве или баллотировались на политические посты, как это, в частности, имело место в таких странах, как Латвия и Бенин[95].

Возможно, наиболее задокументированный вклад мигрантов в миростроительство — это деятельность, направленная на постконфликтное восстановление и развитие. Как уже отмечалось в этой главе, точно так же, как мир является основой развития, так и развитие является основой поддержания мира. Вклад мигрантов в развитие, в том числе в странах, выходящих из состояния конфликта, имеет давнюю историю и изучается на протяжении ряда десятилетий. Например, проводились широкие исследования в отношении международных денежных переводов, которые показали, что они имеют основополагающее значение не только для поддержки семей и местных общин, но и являются важным экономическим активом на макроуровне, составляющим значительную долю ВВП в некоторых странах[96]. Как показано на рисунке 1 ниже, в странах с низким и средним уровнем доходов денежные переводы превышают как официальную помощь в целях развития, так и прямые иностранные инвестиции[97]; в этой связи см. главу 2 настоящего доклада, где представлен анализ тенденций международных денежных переводов в глобальном масштабе.

Рисунок 1. Потоки денежных переводов, прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и официальной помощи в целях развития (ОПР) в страны с низким и средним уровнем дохода, 1990–2020 годы



Источник: Всемирный банк, 2021a.

90 Brinkerhoff, 2011.
91 Haider, 2014; Wiebelhaus-Brahm, 2016.
92 Schöfberger, 2020.
93 Vanore et al., 2015.
94 Там же.
95 BBC, 2019.
96 McAuliffe et al., 2019.
97 Всемирный банк, 2021a.

Кроме того, есть данные, свидетельствующие о том, что для людей в некоторых условиях, особенно для тех, кто находится в бедственном экономическом положении или находится в условиях кризиса и подвергается риску конфликта, увеличение денежных переводов может снизить риск конфликта[98]. Утверждается, что денежные переводы могут уменьшить стимулы к гражданским войны во времена экономического кризиса, помогая удовлетворять потребности граждан в обеспечении благосостояния, когда государства не в состоянии это сделать[99]. В соответствии с этими выводами некоторые исследователи показали, что, сокращая масштабы бедности и укрепляя как средний доход, так и человеческий капитал, денежные переводы сдерживают насилие и устраняют стимулы к нему, таким образом снижая насильственные социальные и гражданские беспорядки[100]. Иными словами, с улучшением экономических перспектив снижается вероятность того, что люди примут участие в насилии[101]. Даже там, где страны уже находятся в состоянии конфликта, денежные переводы, по-видимому, играют положительную роль, способствуя деэскалации вооруженных столкновений. Относительно недавняя работа о том, могут ли денежные переводы «купить мир», демонстрирует негативную причинно-следственную связь как с возникновением, так и с продолжением конфликта, поскольку денежные переводы уменьшают или изменяют стимулы для участия в гражданской войне[102]. Однако важно также признать, что денежные переводы не всегда связаны с деятельностью, которая укрепляет мир или уменьшает конфликт. Некоторые исследования, например, связывают эти поступления с поддержкой вооруженных групп или повстанческих движений[103]. Другие также отмечают негативное влияние денежных переводов на качество управления страной, снижение гражданской активности в некоторых контекстах и, как следствие, снижение качества институтов[104]. Помимо денежных переводов, другие формы вклада мигрантов в развитие, такие как инвестиции в облигации диаспоры, инновации и предпринимательство, контингенты человеческого капитала (включая возвращение с новыми и специальными знаниями, навыками и опытом), а также помощь в восполнении нехватки рабочей силы, остаются чрезвычайно важными для миростроительства[105]. Кроме того, «социальные денежные переводы» мигрантов или идеи, ценности и практика, которые они приносят с собой[106], также могут «вносить свой вклад в формирование отношения местного населения, которое более восприимчиво к процессам миростроительства»[107].

Заключение

В последние годы были предприняты значительные международные усилия по содействию безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Глобальный договор о миграции, принятый большинством государств-членов Организации Объединенных Наций в 2018 году, является кульминацией и значительным шагом вперед в этих усилиях. Миграция по собственному выбору, которая безопасна и более предсказуема, как показано в этой главе, на самом деле является нормой для граждан многих стран с высоким уровнем мира и стабильности. Это то, что мы стремились изучить и подчеркнуть: обеспечить лучшее понимание взаимосвязи между миром, безопасностью, развитием и миграцией и выразить точку зрения, которая часто отсутствует в дискуссиях о перемещении населения.

98 Regan and Frank, 2014.
99 Там же.
100 Hassan and Faria, 2015.
101 Там же.
102 Batu, 2019.
103 Brinkerhoff, 2011.
104 Abdih et al., 2008.
105 McAuliffe et al., 2019.
106 Levitt, 1998.
107 Vanore et al., 2015.

В этой главе не упускаются из виду и не игнорируются некоторые негативные детерминанты миграции, особенно конфликты и насилие. Было бы невозможно исследовать, как мир и безопасность способствуют более предсказуемым передвижениям населения, не обсуждая, как отсутствие мира и безопасности подрывает мобильность и даже препятствует той миграции, которую мы все стремимся увидеть. Скорее, в дополнение к демонстрации того, как конфликты и отсталость приводят к перемещению и нелегальной миграции, наша цель и ключевой вклад заключаются в том, чтобы показать, как мир и безопасность лежат в основе и действительно являются необходимым условием для безопасной, упорядоченной и легальной миграции.

Нелегальная миграция и перемещение остаются ключевыми областями, вызывающими озабоченность у правительств во всем мире. в международных заголовках продолжают доминировать ужасающие истории и изображения мигрантов, страдающих от жестокого обращения и даже угрозы смерти во время нелегальных миграционных поездок, в сочетании со значительным увеличением числа перемещенных лиц в результате конфликтов и насилия. Несмотря на пандемию COVID-19, многие люди продолжают совершать опасные путешествия по Средиземному и Красному морям, при которых нередки примеры, когда сотни людей умирают или пропадают без вести. По мере того, как мир продолжает бороться с такими гуманитарными катастрофами, а различные субъекты, в том числе разработчики политики, думают, как реагировать и в первую очередь предотвращать такие трагедии, важно задуматься о том, как и почему граждане некоторых стран меньше страдают в результате таких событий и у них гораздо больше возможностей оставаться мобильными на международном уровне, не подвергаясь таким же мучительным испытаниям.

Данная глава отвечает на эти вопросы, демонстрируя, что мир и безопасность являются ключом к пониманию этой динамики и различий в миграционном опыте. Мир и безопасность там, где они присутствуют, не только обеспечивают более предсказуемые и менее обусловленные перемещением населения передвижения, но и играют важную роль в стимулировании экономического роста и развития, что, в свою очередь, также сокращает нелегальную миграцию и снижает вероятность втягивания стран в конфликты. Судя по имеющимся данным, вызванное конфликтами перемещение и нелегальная миграция реально гораздо меньше присутствуют в очень мирных и экономически процветающих странах. Ясно также и то, что граждане этих стран, в отличие от жителей нестабильных и небезопасных государств, имеют гораздо более широкий доступ к легальным каналам миграции.

Устранение коренных факторов, вызывающих конфликты и насилие, жизненно важно для построения и поддержания мирных и стабильных обществ, которые, в свою очередь, способствуют безопасной миграции. В этой главе были освещены некоторые прагматические инициативы в области миростроительства, такие как стабилизация общин, которые доказали свое решающее значение для построения и поддержания мира на местном уровне в контексте миграции и перемещения. Мы также продемонстрировали, как мигранты посредством различных видов деятельности вносят свой вклад в миростроительство. Они делают это, выступая за мир, а также занимаясь посредничеством, построением общественно полезных институтов и поддержкой своих семей и общин денежными переводами. Примеры, включенные в эту главу, иллюстрируют некоторые из этих основных аспектов их вклада.

Глядя вперед, для всех соответствующих субъектов, включая правительства и международные организации, будет по-прежнему важно и далее признавать, а также использовать множество положительных и уникальных аспектов вклада, который мигранты могут и продолжают вносить в дело мира, стабильности и развития. Кроме того, крайне важно, чтобы все ключевые заинтересованные стороны продолжали работу по реализации как Глобального договора о миграции, так и Глобального договора о беженцах, поскольку центральным элементом обоих договоров является обязательство укреплять мир путем сокращения и предотвращения негативных факторов миграции, таких как конфликт и насилие. Помимо этого, также никогда не был более актуальным призыв Глобального договора о миграции к более широким законным и легальным миграционным каналам, а его реализация поможет сократить разрыв в том, что кто-то может, а кто-то не может законно и безопасно получить доступ к поездкам за границу или мигрировать в другие страны.

MARIE MCAULIFFE
GUY ABEL
LINDA OUCHO
ADAM SAWYER

7 МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ КАК «СТРЕМЯНКА» ВОЗМОЖНОСТЕЙ: ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ПОКАЗЫВАЮТ ГЛОБАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ?[1]

Введение

Международная миграция тесно связана с возможностью позитивных достижений, чаще всего в экономическом плане. Давний популярный нарратив о международной миграции тесно переплетается с понятием улучшений, будь то в связи с индивидуальными достижениями, доходом домохозяйства или устойчивостью общины и стратегиями преодоления трудностей[2]. Люди мигрируют в поисках лучшей жизни. Это уже давно является краеугольным камнем исследований, анализа и политики в области международной миграции:

> Как и многие птицы, но в отличие от большинства других животных, люди являются мигрирующим видом. Действительно, миграция так же стара, как и само человечество… Тщательное изучение практически любой исторической эпохи обнаруживает постоянную склонность к географической мобильности среди мужчин и женщин, которых побуждают к странствиям различные мотивы, но почти всегда с определенной идеей материального улучшения[3].

Есть много историй о мигрантах, которые прибыли в новую страну без гроша за душой и сумели построить успешный бизнес, стать уважаемыми общественными деятелями, финансировать образование целого поколения членов своей большой семьи на родине или лично достичь высочайшего академического уровня благодаря упорному труду. Точно так же в публикациях встречаются сетования некоторых критиков на то, что люди переезжают, чтобы получить доступ к режимам социального обеспечения или определенным профессиям, причем в основном в негативных, а иногда и в политизированных выражениях. Хотя эти несколько поверхностные повествовательные примеры могут быть совершенно разными по сюжету и точке зрения, они тесно ассоциируются как с достижениями, так и с тем фактом, что миграция предлагает мигрирующим людям некоторую положительную и ощутимую выгоду. Другими словами, трудно представить, что кто-то активно мигрирует, чтобы оказаться в худшей ситуации. Переезд за границу с ухудшением положения чаще всего связан с «вынужденной миграцией» (иначе называемой перемещением) и может быть вызван войной, преследованием, стихийным бедствием или другими причинами. Неудивительно, что перемещение тесно связано с непредсказуемыми и тяжелыми потерями[4].

Помимо нарративов о миграции, международная *эмиграция* была политикой, проводимой правительствами некоторых стран на протяжении многих десятилетий в рамках более широких экономических программ[5]. Эмиграция поддерживала развитие международной торговли, дипломатии и сохранение мира, помогала укреплять культурные связи, а также обеспечивать источник иностранных доходов. В других странах

1 Мари Маколифф, Руководитель Отдела исследований по вопросам политики в области миграции и публикаций МОМ; Ги Абель, профессор Азиатского института демографических исследований при Шанхайском университете; Линда Оучо, директор Отдела исследований и данных Африканского центра политики в области миграции и развития; и Адам Сойер, независимый исследователь.

2 Castles et al., 2014; Massey et al., 2005.

3 Massey et al., 2005:2.

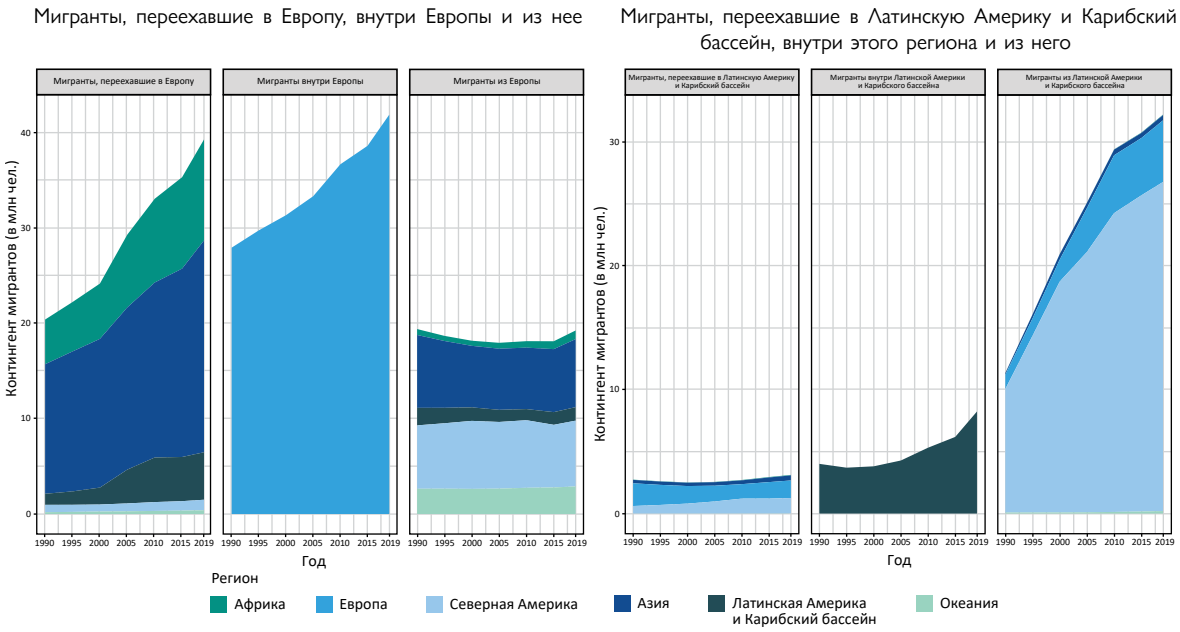
4 Ayeb-Karlsson, 2020; Ibáñez and Vélez, 2008; Turton, 2003.

5 Lee, 2016; Premi and Mathur, 1995; Xiang, 2016.

международная иммиграция была важным политическим рычагом на пути «государственного строительства» в период, когда усилилась международная конкуренция между государствами и активизировался поиск «ценных работников со всего мира»[6].

В количественном выражении число международных мигрантов во всем мире выросло примерно с 84 млн человек в 1970 году до 281 млн человек в 2020 году, хотя с учетом глобального прироста населения доля международных мигрантов в населении мира увеличилась совсем ненамного - с 2,3% до 3,6%[7]. Однако изменение численности и доли международных мигрантов не было равномерным, оно характеризовалось значительными вариациями в показателях в области миграции повсюду в мире. С течением времени проявились отчетливые региональные модели (см. рисунок 1), часто подкрепленные крупными, исторически сложившимися миграционными коридорами, отражающими как географическую приближенность, так и геоэкономические различия.

Рисунок 1. Международные мигранты по регионам в 1990–2019 годах: мигранты, переехавшие в Европу, а также в Латинскую Америку и Карибский бассейн (ЛАК), внутри этих регионов и из них



Источник: ДЭСВ ООН, 2019a.

Примечание:
Под «мигрантами, переехавшими в Европу» понимаются мигранты, проживающие в регионе (т.е. в Европе), которые родились в других регионах (например, Африке или Азии). «Мигранты внутри Европы» означают мигрантов, родившихся в регионе (т.е. в Европе) и проживающих за пределами страны своего рождения, но в европейском регионе. «Мигранты из Европы» означают людей, родившихся в Европе, которые проживают за пределами этого региона (например, в Латинской Америке и Карибском бассейне или Северной Америке).

Примечание:
Под «мигрантами, переехавшими в Латинскую Америку и Карибский бассейн» понимаются мигранты, проживающие в регионе (т.е. в Латинской Америке и Карибском бассейне), которые родились в других регионах (например, Европе или Азии). «Мигранты внутри Латинской Америки и Карибского бассейна» означают мигрантов, родившихся в регионе (т.е. в Латинской Америке и Карибском бассейне) и проживающих за пределами страны своего рождения, но в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна. «Мигранты из Латинской Америки и Карибского бассейна» означают людей, родившихся в Латинской Америке и Карибском бассейне, которые проживают за пределами этого региона (например, в Европе или Северной Америке).

6 Alarcón, 2011; Bhuyan et al., 2015; Fargues, 2011; Moran, 2011.

7 ДЭСВ ООН, 2021. Рассмотрение определений см. в главе 2. Хотя внутренняя миграция (особенно урбанизация) также сыграла значительную роль в предоставлении возможностей посредством мобильности, в этой главе основное внимание уделяется международной миграции.

На рисунке 1 видно, что за последние 30 лет на региональном уровне появились весьма отчетливые тенденции, такие как сильное предпочтение жителей Латинской Америки и Карибского бассейна мигрировать в Северную Америку и увеличение почти вдвое миграции в Европу из других регионов. В этих региональных картинах очевидна дополнительная вариабельность на уровне стран, при этом на некоторые страны с течением времени приходится большая доля международных мигрантов (например, доля мигрантов в Объединенных Арабских Эмиратах выросла с 71% в 1990 году до 88% в 2019 году), в то время как другие страны сталкиваются с растущей эмиграцией и снижением фертильности до такой степени, что надвигаются вызовы «депопуляции» (в Латвии, Литве и Боснии и Герцеговине с 2009 года численность населения сократилась более чем на 10%)[8].

В этой главе мы рассмотрим ключевые вопросы: «кто мигрирует за рубеж?» и «куда они направляются?». Мы анализируем ряд статистических данных на страновом и региональном уровнях и опираемся на некоторые из существующих исследований по детерминантам миграции и процессу принятия решений. В следующем разделе резюмируются некоторые из ключевых дискуссий о международной миграции, в том числе в контексте развития. Затем представлен анализ миграции в период с 1995 года по 2020 год[9] со ссылкой на человеческое развитие, а в третьем разделе рассмотрены существующие политические рычаги. Глава завершается описанием некоторых основных политических и программных последствий и предстоящих вызовов.

Концепции и контекст

На протяжении многих десятилетий проводились обширные исследования и изучение причин, лежащих в основе миграции, как внутренней, так и международной, которые прослеживались от современной эпохи и вплоть до 1880-х годов[10]. Текущее изучение движущих сил и факторов миграции в основном включает попытки объяснить модели миграции, а также структуры и процессы, формирующие и влияющие на передвижение людей из одной страны в другую. В результате был проведен значительный объем исследований и анализа детерминант международной миграции, в ходе которых были выявлены многочисленные факторы, лежащие в основе моделей и процессов миграции, в том числе связанные с экономикой и торговлей, социальными и культурными связями, демографией и демографическими изменениями, равно как и с безопасностью и защитой, а также географией и близостью[11].

Значительное внимание уделялось субъектности и структуре, а также тому, как люди, рассматривающие вопрос о миграции, преодолевают ряд «промежуточных препятствий», при этом количество и характер этих препятствий связаны с человеческими способностями в контексте развития[12]. Хотя все еще бытует популистское мнение о том, что так называемые «экономические мигранты» активны в своих стремлениях к миграции и обладают значительной степенью субъектности, это не более чем упрощение. С учетом долгосрочных данных, отраженных в академических трудах по политэкономии миграции, исследования и анализ последних десятилетий, в частности, обнаружили широкую вариативность способности трудовых мигрантов делать выбор в зависимости от политических ограничений и вариантов, с которыми они

8 Рассмотрение этого вопроса см. в *Докладе о миграции в мире 2020 года*, глава 3.

9 В главе использованы данные о контингенте международных мигрантов за 2020 год (ДЭСВ ООН, 2021) и данные индекса человеческого развития за 2019 год (ПРООН, 2020), которые являются последними данными, доступными на момент составления доклада.

10 Ravenstein, 1885, 1889.

11 См., например, работы по кумулятивной причинности (Massey, 1990), неоклассической экономике (Todaro, 1989), теории мировых систем (Portes and Walton, 1981), теории социального капитала (Massey et al., 1987), новой экономике трудовой миграции (Stark and Bloom, 1985) и теория социальных сетей (Boyd, 1989).

12 Lee, 1966; Sen, 1999.

сталкиваются; эти ограничения включают условия кабального труда, а также трудовую миграцию, когда люди вынуждены поступаться своими правами в неблагоприятных условиях[13]. Например, степень, в которой трудовые мигранты могут действовать самостоятельно и выбирать аспекты своей миграции, может быть сильно ограничена, хотя в большинстве случаев остается некоторый выбор, в том числе в отношении того, мигрировать ли, куда мигрировать, как мигрировать, а также возвращаться ли домой и когда[14]. Тем не менее, возможность (потенциальных) мигрантов осуществлять выбор в отношении международной миграции может быть крайне ограничена в зависимости от того, где они родились и в каких обстоятельствах они живут.

Миграция и «лотерея рождения»

Изучение общего качества жизни в различных странах и возможностей в отношении миграции с точки зрения доступа к визе обнаруживает, что доступность вариантов миграции частично связана с «лотереей рождения» и, в частности, с национальным паспортом потенциального мигранта. Например, как представляется, некоторые национальные группы имеют гораздо меньше шансов получить доступ к визам и безвизовым режимам[15]. В таблице 1 ниже приведены сводные данные глобальных индексов человеческого развития (рассмотрение Индекса человеческого развития см. в добавлении A), нестабильности и доступа к визам для избранных стран[16]. Так, Индекс паспортов, представляющий собой глобальный рейтинг стран по степени свободы въезда для их граждан[17], показывает, что способность человека относительно легко въехать в страну во многом определяется гражданством. Доступ к въезду также в целом отражает статус страны и ее отношения в международном сообществе и указывает на то, насколько стабильной, безопасной и процветающей она является по сравнению с другими странами. Эти данные также показывают два других аспекта: существуют значительные различия между странами с высоким уровнем человеческого развития и другими странами; и страны среднего уровня развития могут быть важными странами происхождения, транзита и назначения одновременно. Граждане стран с очень высоким уровнем человеческого развития могут путешествовать без визы в большинстве стран мира[18]. Эти страны являются также важными и предпочтительными странами назначения[19]. Вместе с тем ограничения на въезд, действующие для стран в нижней части таблицы, указывают на то, что для их граждан использование легальных каналов миграции является проблематичным. По всей видимости, для потенциальных мигрантов из этих стран наиболее реалистичным (если не единственным) вариантом являются незаконные каналы. Также важно отметить, что страны с низким ИЧР с гораздо большей вероятностью имеют крупные контингенты внутренне перемещенных лиц и/или являются странами происхождения большого числа беженцев[20].

13 Ruhs, 2013.

14 Khalaf and Alkobaisi, 1999; Ullah, 2011.

15 Здесь мы отмечаем, что разные типы виз предполагают разные уровни обработки и проверки заявлений; однако индекс Хенли обеспечивает полезный синтез параметров доступа к легальной миграции на глобальном уровне в разбивке по странам.

16 Индекс человеческого развития представляет собой составной индекс, позволяющий измерять средние достижения по трем основным параметрам человеческого развития: ожидаемая продолжительность жизни, образование и достойный уровень жизни. По Индексу паспортов измеряются визовые ограничения, действующие в 227 странах, территориях и регионах, что указывает на способность людей относительно легко путешествовать по другим международным направлениям. Чем выше рейтинг, тем в большее количество стран человек с паспортом данной страны может въезжать без визы. Индекс нестабильных государств, составляемый Фондом мира, представляет собой ежегодный рейтинг 178 стран на основе определения уровня их стабильности и давления, с которым они сталкиваются. Он включает социальные, экономические, политические и военные показатели.

17 Henley & Partners, 2021.

18 Там же.

19 Esipova et al., 2018; Keogh, 2013; McAuliffe and Jayasuriya, 2016; ДЭСВ ООН, 2021.

20 IDMC, 2020; УВКБ, 2020.

Таблица 1. Рейтинги человеческого развития, нестабильности и паспортов для избранных стран

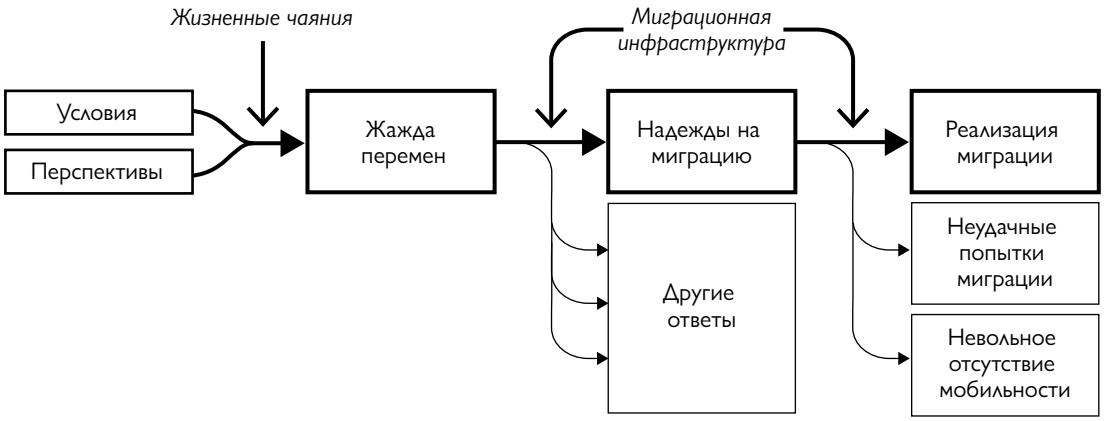
	Страны (в порядке рейтинга ИЧР)	Индекс человеческого развития 2019 года	Индекс паспортов 2021 года	Индекс нестабильных государств 2020 года
		Место	Место	Место
Очень высокий уровень человеческого развития	Норвегия	1	8	177
	Германия	6	3	166
	Австралия	8	9	169
	Сингапур	11	2	162
	Канада	16	9	171
	Соединенные Штаты	17	7	149
	Франция	26	6	160
	Италия	29	4	143
	Малайзия	62	12	120
Высокий уровень человеческого развития	Шри-Ланка	72	99	52
	Мексика	74	23	98
	Таиланд	79	65	82
	Тунис	95	72	95
	Ливан	92	100	40
	Ливия	105	101	20
	Индонезия	107	72	96
	Египет	116	90	35
Средний уровень человеческого развития	Кыргызстан	120	79	73
	Ирак	123	109	17
	Марокко	121	78	80
	Индия	131	84	68
	Бангладеш	133	100	39
	Камбоджа	144	88	55
	Кения	143	72	29
	Пакистан	154	107	25
Низкий уровень человеческого развития	Уганда	159	75	24
	Судан	170	100	8
	Гаити	170	92	13
	Афганистан	169	110	9
	Эфиопия	173	96	21
	Йемен	179	106	1
	Эритрея	180	98	18
Первое место в рейтинге означает:		Очень высокий уровень человеческого развития	Паспорт обеспечивает гражданину самую высокую мобильность	Самая нестабильная страна
Последнее место в рейтинге означает:		Низкий уровень человеческого развития	Паспорт обеспечивает гражданину самую низкую мобильность	Наименее нестабильная страна

Источники: ПРООН, Индекс человеческого развития 2019 года (Доклад о человеческом развитии 2020); Хенли энд Партнерс, Индекс паспортов 2021 года (The Henley Passport Index 2021, Q2); Индекс нестабильных государств Фонда мира 2020 года.

Примечание: Последние доступные данные на момент составления доклада.

Вместе с тем мы также знаем, что гражданство само по себе не объясняет эволюцию миграционных моделей, поскольку параметры визовой политики и мобильности являются лишь одним (хотя и важным) фактором того, кто и куда мигрирует с течением времени. В контексте более широких дискуссий о движущих силах миграции и развитии различимых моделей миграции за последние годы и десятилетия разработаны модели для объяснения явления миграции, которые, как показано на рисунке 2, стремятся учитывать как структурные аспекты, так и субъектность мигрантов.

Рисунок 2. Модель механизмов, порождающих миграцию



Источник: Carling, 2017.

Важно отметить, что в этой модели признается, что желание перемен не обязательно приводит к желанию мигрировать, а там, где оно существует, желание мигрировать не обязательно приводит к миграции — наличие миграционной инфраструктуры[21] (или ее отсутствие) является важным фактором результатов миграции, при этом миграционная инфраструктура определяется как различные человеческие и технические элементы, которые обеспечивают и формируют миграцию (например, миграционные «агенты», действующие на коммерческой основе, включая контрабандистов; режимы регулирования и политические рамки; технологические аспекты, такие как ИКТ и транспорт; и транснациональные социальные сети)[22].

В рамках этой миграционной инфраструктуры возможность (отсутствие) доступа к визе может иметь огромное значение, и не в последнюю очередь потому, что это единственный элемент, который со временем радикально не расширился, в отличие от заметного роста числа «агентов», ИКТ, транспорта и подключенных сетей[23]. Напротив, недавно проведенный анализ показывает, что визовый доступ привел к раздвоению мобильности, при этом граждане богатых стран имеют гораздо больше возможностей доступа к регулируемым режимам мобильности, чем граждане бедных стран[24]. Это важно, потому что там, где это

21 Xiang and Lindquist, 2014.

22 Carling, 2017.

23 Lahav, 1999; McAuliffe., 2017a; Triandafyllidou and McAuliffe, 2018.

24 Mau et al., 2015.

возможно, мигранты предпочтут мигрировать легальными маршрутами по визам[25]. Между путешествием по визе и путешествием без визы есть существенная разница. С точки зрения мигранта опыт таких путешествий может сильно отличаться по ряду важных аспектов, которые могут повлиять на самого мигранта, а также на его/ее семью, включая тех, кто может остаться в стране происхождения. Во-первых, визы означают право на въезд в страну и, таким образом, обеспечивают форму легитимности при въезде и путешествии по стране. Действительная виза дает больше шансов на защиту от эксплуатации. И наоборот, путешествие без визы подвергает людей гораздо большему риску быть задержанными и депортированными властями, а также подвергнуться эксплуатации и злоупотреблениям со стороны тех, кто предлагает незаконные миграционные услуги, таких как контрабандисты или торговцы людьми, и им приходится действовать в значительной степени за пределами регулируемых систем[26]. Во-вторых, путешествовать по визам, несомненно, гораздо проще в плане логистики, поскольку возможностей для путешествий гораздо больше. В некоторых случаях это может означать разницу между осуществимым или неосуществимым путешествием. В-третьих, визы обеспечивают более высокий уровень определенности и уверенности в поездке, которая, скорее всего, состоится в соответствии с планом, в том числе в отношении затрат[27].

Неудивительно, что в этой связи гораздо большее предпочтение зачастую отдается поездкам по визе. Таким образом, доступ к визам в контексте принятия решений занимает важное место в умах потенциальных мигрантов и, как было показано, является ключевым фактором при изучении ими возможностей в плане миграции еще в стране происхождения[28]. Например, в недавнем исследовании поиска работы в Интернете и миграционных намерений было установлено, что наличие виз является определяющим фактором того, как люди осуществляют поиск работы в Интернете[29]. Аналогичным образом, было установлено, что изменения в визовых режимах влияют на восприятие потенциальными мигрантами возможностей, предоставляемых миграцией, а также на осуществление их возможной миграции[30].

Намерения (потенциальных) мигрантов как часть индивидуальных и коллективных процессов принятия мигрантами решений уже много лет находятся в центре внимания исследований и анализа вопросов миграции и по-прежнему вызывают особый интерес как у ученых, так и у разработчиков политики[31]. Как показано на рисунке 2 выше, намерения не всегда приводят к результатам в виде миграции, и в большинстве исследований принят многоуровневый подход к рассмотрению миграции, который включает различные этапы (такие как «желание», «исследование/планирование», «подготовка» и «первоначальный/фактический платеж») и который в целом выявляет, что по мере того, как процесс продвигается с течением времени, все меньше и меньше людей могут сохранять свое желание и реализовывать свои миграционные намерения, а количество и доля тех, кто добирается до последней категории «оплаты», как правило, весьма невелики[32]. Изучение намерений в отношении миграции — даже если тщательно прорабатывать и детализировать их — могут лишь настолько приблизить нас к пониманию миграции[33].

25 Jayasuriya et al., 2016; Koser and Kuschminder, 2015; Maroufof, 2017; McAuliffe et al., 2017. Просьба обратить внимание, что, хотя «легальная» миграция не обязательно требует виз, речь идет о визах, потому что они часто являются обязательным требованием, особенно для мигрантов из развивающихся стран. Кроме того, в отличие от «легальности», термин «виза» гораздо понятнее мигрантам и широкой общественности.

26 McAuliffe, 2017a.

27 McAuliffe et al., 2017.

28 Jayasuriya, 2014; Manik, 2014.

29 Sinclair and Mamertino, 2016.

30 Czaika and de Haas, 2016; Gaibazzi, 2014; Jayasuriya et al., 2016; Manik, 2014; McAuliffe and Jayasuriya, 2016.

31 Clemens and Mendola, 2020; Lee, 1966; McAuliffe, 2017; Neumayer, 2010; Van Hear et al., 2012.

32 McAuliffe and Jayasuriya, 2016.

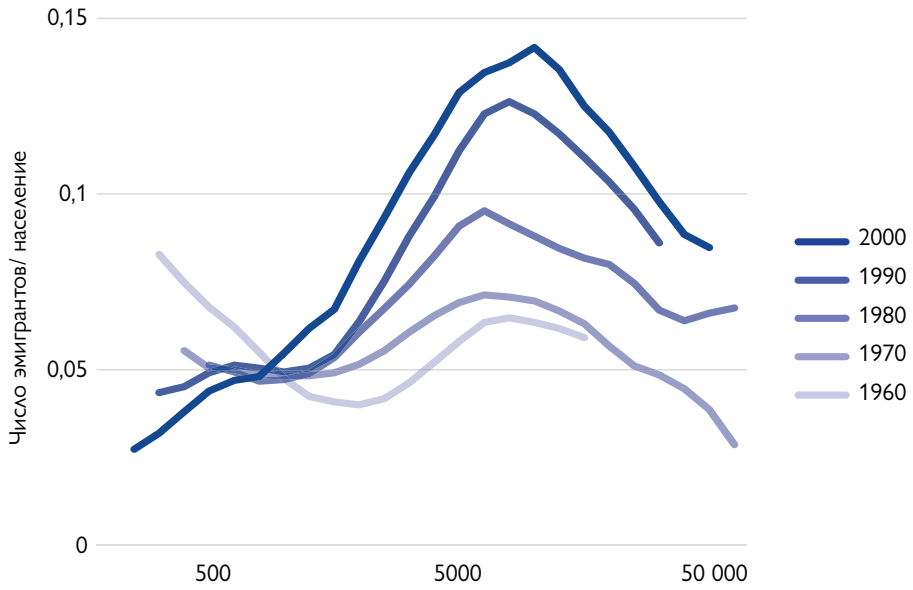
33 В работе Tjaden et al. (2018) исследованы связи между намерениями и миграционными потоками, однако это ограничивается узким и конкретным географическим охватом.

Миграция и развитие: переход мобильности и «горбатая миграция»

Существенные ограничения или препятствия, с которыми сталкиваются люди (особенно в странах с низким уровнем человеческого развития) при доступе к визовым режимам для осуществления международной миграции, также находят свое отражение в макроэкономическом анализе миграции. Одно из направлений исследований связи между «зрелостью» миграции и человеческим развитием, к примеру, показывает, что в странах с низким уровнем доходов отмечается низкий уровень эмиграции, и это объясняется тем, что низкий уровень дохода является препятствием для накопления средств, необходимых для осуществления миграции, с учетом того, что другие факторы (например, демография) также играют свою роль[34]. Рассмотрение ресурсов связано с концепцией «невольного отсутствия мобильности», при котором люди, которые хотели бы мигрировать за границу, не могут сделать это по ряду причин, включая затраты[35].

Кроме того, анализ взаимосвязи между доходом страны и международной миграцией показывает, что эмиграция увеличивается с повышением уровня доходов и что в определенный момент более высокие доходы, способствующие увеличению эмиграции, могут стать стабилизирующим фактором и сократить отток населения. Другими словами, по мере увеличения ВВП на душу населения эмиграция сначала увеличивается, а затем уменьшается. Это явление, отраженное на рисунке 3[36], было названо некоторыми аналитиками «переходом мобильности»[37].

Рисунок 3. Переход мобильности



Источник: Адаптировано из Clemens, 2014:7–8.
Примечания: Клеменс установил, что общее более высокое экономическое развитие (более высокий доход) связано с сокращением эмиграции. Подробное рассмотрение анализа данных см. в Clemens (2014).

34 Clemens, 2014; Dao et al., 2018; Zelinsky, 1971.
35 Carling, 2002.
36 Clemens, 2014.
37 Akerman, 1976; Clemens, 2014; Dao et al., 2018; de Haas, 2010; Gould, 1979.

Как показано на рисунке 3, согласно анализу Клеменса, который на момент проведения анализа (с использованием данных о ВВП за 2005 год) включал такие страны, как Эквадор, Египет. , Фиджи и Северная Македония[38], уровень эмиграции начинает снижаться, если ВВП страны превышает уровень дохода на душу населения в размере 7 000–8 000 долл. США. Кроме того, по мере роста доходов уровень эмиграции снижается, о чем свидетельствует так называемый «миграционный горб»[39].

Взаимодействие экономического развития и международной миграции — или «переходы мобильности» — вызывает большой интерес у исследователей и политиков во всем мире, поскольку оно ставит под сомнение широко распространенное представление о том, что зарубежная помощь в целях развития будет способствовать «стабилизации» населения и снижению уровня эмиграции из стран с низким уровнем доходов за счет появления более широких возможностей дома[40]. Аналитики обнаружили, что экономическое развитие стран с низким уровнем дохода положительно коррелирует с эмиграцией: «экономический рост исторически приводил к увеличению эмиграции почти во всех развивающихся странах»[41]. Однако более поздний анализ обнаружил, что при рассмотрении более коротких периодов времени взаимосвязь между уровнем дохода страны и эмиграцией становится менее ясной, при этом было обнаружено, что экономический рост в бедных странах совпадает с меньшей эмиграцией[42]. Однако этот вывод горячо оспаривался в ходе дискуссии, посвященной техническим ошибкам в моделировании (дополнительную справочную информацию см. в добавлении B)[43]. Важно отметить, что большая часть исследований и анализа перехода мобильности сосредоточена на эмиграции из стран с низким уровнем дохода, что почти определенно объясняется озабоченностью политических и академических кругов (нелегальной) миграцией в страны с очень высоким ИЧР[44].

Как видно из рисунка 3, по мере роста уровня доходов страны эмиграция снижается, образуя на схеме так называемый «горб». Тем не менее вместо «миграционного горба», связанного со снижением уровня эмиграции по мере роста доходов, ученые ранее выявили так называемое «плато», которое ставит под сомнение представление о том, что уровень эмиграции снижается по мере развития стран с течением времени[45]. Другие исследователи ставят под сомнение временные периоды, применяемые для теоретического обоснования основополагающей миграционной динамики, связанной с «горбами» или «переходами мобильности»[46]. Однако, поскольку общее количество и качество данных, касающихся мигрантов, человеческого развития (включая экономические показатели), мобильности и миграционной политики со временем улучшается, возможно, возникает несколько иная картина. Согласно одной точке зрения эмиграция в богатые страны и из них является ключевой характеристикой современных моделей миграции, в то время как миграция из развивающихся стран остается гораздо более ограниченной. Это подчеркивается в недавних аналитических работах с особым акцентом на очень широкие доверительные интервалы, показанные на рисунке 4, что означает, что мы не можем быть уверены, что эмиграция снижается с ростом доходов; однако распространенность эмиграции носит нелинейный характер (это означает, что не существует прямой положительной связи между уровнем эмиграции и уровнем дохода страны).

38 См., например, интерактивную информационную панель Всемирного банка по ВВП на душу населения (ППС) на сайте: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP. PCAP.PP.CD.

39 Zelinsky, 1971. См. в de Haas (2010) обсуждение разницы между понятиями «переход мобильности» и «миграционный горб», которые со временем стали путаться/смешиваться.

40 Clemens, 2020; de Haas, 2010, 2019.

41 Clemens and Postel, 2018.

42 Benček and Schneiderheinze, 2020.

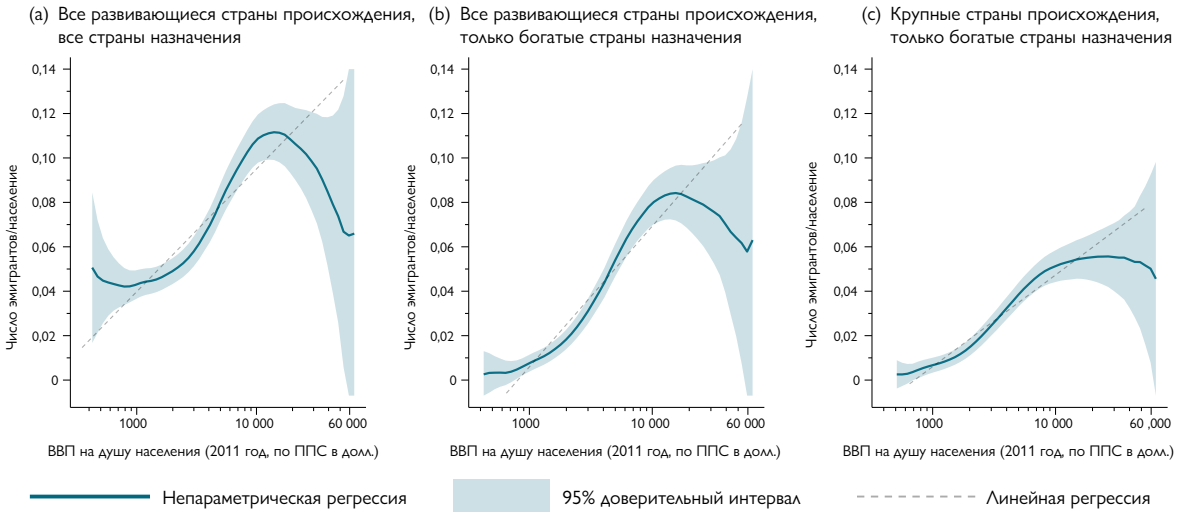
43 Vermeulen, 2020.

44 См., например, работы Carling et al., 2020; Czaika and Hobolth, 2016; de Haas, 2020; and Tjaden et al., 2018, в которых не рассматривается эмиграция из высокоразвитых стран.

45 Martin and Taylor, 1996.

46 См., например, обсуждение в de Haas, 2010; and Clemens, 2020.

Рисунок 4. Распространенность эмиграции, 1960–2019 годы



Источник: Clemens, 2020.

Кто мигрирует за рубеж и в каком направлении? Международная миграция в мире с 1995 года по 2020 год

Пытаясь ответить на этот вопрос, важно признать, что описание полной картины на глобальном уровне в рамках настоящего Доклада о миграции в мире – непростая задача. Как широко признавалось на протяжении многих лет, статистические данные, подкрепляющие наше коллективное понимание моделей и тенденций международной миграции, не так хорошо разработаны, как имеющиеся в других областях. Тем не менее отмечается возобновление интереса к статистике миграции, и в последние годы в этой связи было предложено или осуществляется несколько крупных инициатив[47].

Хотя статистические данные о миграционных потоках ограничены конкретными, узкими географическими регионами (рассмотрение этого вопроса см. в главе 2)[48], глобальную картину моделей и тенденций международной миграции можно составить на основе данных о численности международных мигрантов, «рожденных за рубежом»[49]. Анализ долгосрочных тенденций изменения численности мигрантов позволяет понять, куда люди мигрируют и из каких стран они эмигрируют[50]. Статистические оценки ДЭСВ ООН широко признаны в качестве основного источника данных о международных мигрантах во всем мире, при

47 См., например, Международный форум по статистике миграции (под совместным руководством МОМ, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и ДЭСВ ООН), Глобальный центр анализа миграционных данных и Группа экспертов ООН по статистике миграции.

48 Оценки миграционных потоков публикуются ДЭСВ ООН для 47 стран (см. ДЭСВ ООН, 2021) и ежегодно ОЭСР для более чем 30 государств-членов.

49 См. ДЭСВ ООН, 2021.

50 Abel and Sander, 2014; МОМ, 2017, 2019.

этом по различным категориям мигрантов (таких как трудящиеся-мигранты, пропавшие без вести мигранты, внутренне перемещенные лица, беженцы и просители убежища) составляются отдельные базы данных[51].

Поскольку в этой главе международная миграция рассматривается с новой точки зрения возможностей (или их отсутствия), обстоятельства вынужденного перемещения оставлены без внимания с учетом отсутствия выбора и сопутствующих вынужденному перемещению потерь. Таким образом, данные о международном перемещении (беженцев и просителей убежища) были вычтены из статистики международных мигрантов, собранной ДЭСВ ООН, для получения оценочной общей численности международных мигрантов за вычетом вынужденно перемещенных лиц[52]. Полное описание соответствующих методов см. в добавлении С.

Для этого анализа мы также использовали ИЧР, который позволяет получить дополнительную перспективу по сравнению с макроэкономическим анализом, основанным на данных о доходах страны. Такой макроэкономический вклад в наше понимание глобальной миграции заключается в анализе связанных с миграцией данных по экономическим показателям, таким как валовой внутренний продукт или средний доход домохозяйства. Результаты этого исследования оказались плодотворными, но имеется значительное количество литературы, в которой предполагается, что миграция мотивируется соображениями дохода, а также целым рядом других факторов[53]. Точно так же, как развитие представляет собой нечто больше, чем экономическое измерение, возможность улучшить благополучие вне экономических аспектов влияет на тенденции миграции повсюду в мире. Поэтому наш анализ опирается на широкий набор показателей, представленных в ИЧР (см. рассмотрение ИЧР в добавлении А). А именно, в нашем анализе используются данные по ИЧР и численности мигрантов за период с 1995 года по 2020 год. Начав анализ с 1995 года, можно включить больше стран, по которым не было отчетных данных, когда был впервые опубликован ИЧР; это также учитывает геополитические изменения в Восточной Европе после распада бывшего Советского Союза. На момент составления доклада самые последние доступные данные о контингентах мигрантов относились к 2020 году. Однако воздействие COVID-19 на мигрантов и миграцию, вероятно, будет значительным и может оказать серьезное влияние на модели миграции в будущем (более подробно см. главу 5).

Кто мигрирует?

Как отмечалось выше, хотя глобальная численность международных мигрантов существенно возросла за последние 25 лет, увеличившись с примерно 161 млн мигрантов в 1995 году до 281 млн мигрантов в 2020 году, доля международных мигрантов в населении мира за эти годы выросла незначительно, увеличившись с 2,8% до 3,6%. В таблице 2 показана разница между 1995 и 2020 годами с разбивкой по регионам Организации Объединенных Наций[54]. Хотя абсолютная численность иммигрантов увеличилось на десятки миллионов во всех регионах, доля международных мигрантов в процентах от населения каждого региона увеличилась лишь незначительно в Африке, Азии, Латинской Америке и Карибском бассейне, тогда как в Европе, Северной Америке и Океании доля международных мигрантов увеличилась примерно на 4 процентных пункта или чуть больше в каждом из этих регионов.

51 В отношении анализа и источников данных см. главу 2 настоящего отчета.

52 Мы отмечаем, что это может не охватывать стихийные бедствия и другие перемещения, не касающиеся категорий беженцев и просителей убежища; однако данные по такому перемещению не консолидированы ни в одном существующем наборе данных.

53 См. обсуждение в этой главе выше.

54 Разбивку по регионам ООН можно найти в добавлении А к главе 3 настоящего доклада.

Таблица 2. Иммигранты в разбивке по регионам Организации Объединенных Наций, 1995 - 2020 годы

Регион	Год	Число иммигрантов (в млн чел.)	Доля иммигрантов в населении (%)
Африка	1995	10,1	1,4
	2020	15,8	1,2
Азия	1995	39,2	1,1
	2020	71,1	1,5
Европа	1995	50,8	7,0
	2020	81,7	10,9
Латинская Америка и Карибский бассейн	1995	6,2	1,3
	2020	13,3	2,0
Северной Америке	1995	30,7	10,4
	2020	53,3	14,5
Океания	1995	4,9	16,8
	2020	9,0	21,2

Источник: ДЭСВ ООН, 2021.

В таблице 3 показаны как эмигранты (для стран происхождения), так и иммигранты (для стран назначения), дополнительно дезагрегированные на уровне стран, с 20 ведущими странами для каждой категории, перечисленными в порядке убывания. Страны Европы и Азии являются как странами происхождения, так и странами назначения для десятков миллионов мигрантов.

Таблица 3. 20 ведущих стран происхождения и назначения по количеству (в млн чел.) и доле в общей численности населения

Происхождение					
1995			2020		
Страна	Эмигранты	(%)	Страна	Эмигранты	(%)
Российская Федерация	11,38	7,1	Индия	17,79	1,3
Индия	7,15	0,7	Мексика	11,07	7,9
Мексика	6,95	7,0	Российская Федерация	10,65	6,8
Украина	5,60	9,9	Китай	9,80	0,7
Бангладеш	5,37	4,5	Бангладеш	7,34	4,3
Китай	4,70	0,4	Пакистан	6,14	2,7
Соединенное Королевство	3,61	5,9	Украина	6,05	12,2
Пакистан	3,33	2,6	Филиппины	6,01	5,2
Казахстан	3,30	1,2	Польша	4,82	11,3
Италия	3,20	5,3	Соединенное Королевство	4,62	6,4
Германия	3,04	3,6	Индонезия	4,58	1,6
Турция	2,73	4,5	Венесуэла, Боливарианская Республика	4,49	13,6
Филиппины	2,43	3,4	Казахстан	4,20	18,3
Индонезия	1,93	1,0	Румыния	3,98	17,1
Португалия	1,91	15,9	Германия	3,85	4,4
Марокко	1,88	6,5	Египет	3,57	3,4
Польша	1,76	4,4	Турция	3,28	3,7
Беларусь	1,74	14,7	Марокко	3,25	8,1
Республика Корея	1,68	3,6	Италия	3,25	5,1
Афганистан	1,67	8,5	Вьетнам	3,07	3,1

Назначение					
1995			2020		
Страна	Иммигранты	(%)	Страна	Иммигранты	(%)
Соединенные Штаты Америки	24,60	9,3	Соединенные Штаты Америки	43,43	13,1
Российская Федерация	11,91	8,0	Германия	14,22	17,0
Германия	7,28	9,0	Саудовская Аравия	13,00	37,3
Индия	6,69	0,7	Российская Федерация	11,58	7,9
Франция	5,96	10,3	Соединенное Королевство	8,92	13,1
Украина	5,77	11,3	Объединенные Арабские Эмираты	8,43	85,3
Саудовская Аравия	4,94	26,5	Франция	8,09	12,4
Канада	4,69	16,1	Канада	7,81	20,7
Австралия	4,11	22,9	Австралия	7,41	29,1
Соединенное Королевство	3,99	6,9	Испания	6,63	14,2
Казахстан	2,89	18,3	Италия	6,13	10,1
Пакистан	2,46	2,0	Украина	4,57	10,4
Гонконг, САР Китая	2,09	34,4	Индия	4,48	0,3
Кот-д'Ивуар	2,02	14,2	Таиланд	3,53	5,1
Объединенные Арабские Эмираты	1,78	73,6	Казахстан	3,39	18,1
Италия	1,70	3,0	Малайзия	3,08	9,5
Израиль	1,55	29,5	Кувейт	2,98	69,8
Иордания	1,53	33,4	Гонконг, САР Китая	2,85	38,1
Аргентина	1,51	4,3	Иордания	2,69	26,4
Узбекистан	1,43	6,3	Япония	2,49	2,0

Уровень по ИЧР:

Низкий Средний Высокий Очень высокий

Источники: ПРООН, 2020; ДЭСВ ООН, 2021.

Примечание: Узбекистану не присваивался рейтинг по ИЧР до 2000 года. В то время ИЧР классифицировал Узбекистан как страну со средним ИЧР. В соответствии с определениями ДЭСВ ООН эмигранты являются «рожденными за рубежом», и поэтому основные политические изменения (например, раздел 1947 года, распад Советского Союза) могут находить отражение в данных (дальнейшее обсуждение определений можно найти в главе 2). Некоторые категории международных мигрантов не охвачены (см. методы в добавлении C).

В период с 1995 по 2020 год среди 20 ведущих стран происхождения мигрантов сменилось лишь несколько стран (в 1995 году Португалия, Беларусь, Республика Корея и Афганистан входили в число 20 ведущих стран, но к 2020 году их заменили Боливарианская Республика Венесуэла, Румыния, Египет и Вьетнам). Вместе с тем мы видим, что в 2020 году гораздо меньше стран происхождения со средним ИЧР и нет стран с низким ИЧР; однако это отчасти связано с прогрессом в развитии стран и их новой классификацией (более подробно обсуждается ниже). К 2020 году преобладание стран с высоким и очень высоким ИЧР среди стран происхождения являлось довольно значительным, так как на их долю приходилось 16 из 20 основных стран происхождения.

Что касается стран назначения по состоянию на 1995 и 2020 годы, то по сравнению с 20 ведущими странами происхождения были очевидны более значительные изменения: пять стран выбыли из списка (Пакистан, Кот-д'Ивуар, Аргентина, Израиль и Узбекистан) и были заменены Испанией, Таиландом, Малайзией, Кувейтом и Японией. За исключением Российской Федерации, Казахстана, Индии, Иордании и Украины, во всех странах назначения, входящих в списки 20 ведущих в 1995 и 2020 годах, за этот период наблюдалось увеличение числа и доли иммигрантов. Кроме того, в таблице 3 показано значительное увеличение числа иммигрантов во многих странах назначения, особенно в Соединенных Штатах Америки, Саудовской Аравии, Германии, Соединенном Королевстве и Объединенных Арабских Эмиратах. Это подчеркивает, что, хотя может быть полезным рассмотрение международных мигрантов на глобальном и региональном уровнях, существуют четко различимые долгосрочные коридоры между странами, на которые приходится значительная часть международной миграции, что потенциально может маскировать степень неравномерности миграции в глобальном масштабе[55].

Миграционные тенденции сквозь призму человеческого развития

Текущие данные показывают, что большинство международных мигрантов (79,6%, или 190 млн человек) проживают в странах с очень высоким ИЧР. Мы, например, можем видеть что все 10 ведущих стран назначения в таблице 3 являются странами с очень высоким ИЧР, и большинство остальных ведущих стран назначения в таблице 3 также имеют очень высокий ИЧР (остальные страны являются странами с высоким ИЧР). Это согласуется с долгосрочными тенденциями и существующими знаниями, которые показывают, что международная миграция со временем превратилась в средство для реализации возможностей домохозяйств, семей и общин, включая существенное увеличение доходов домохозяйств за счет международных денежных переводов[56].

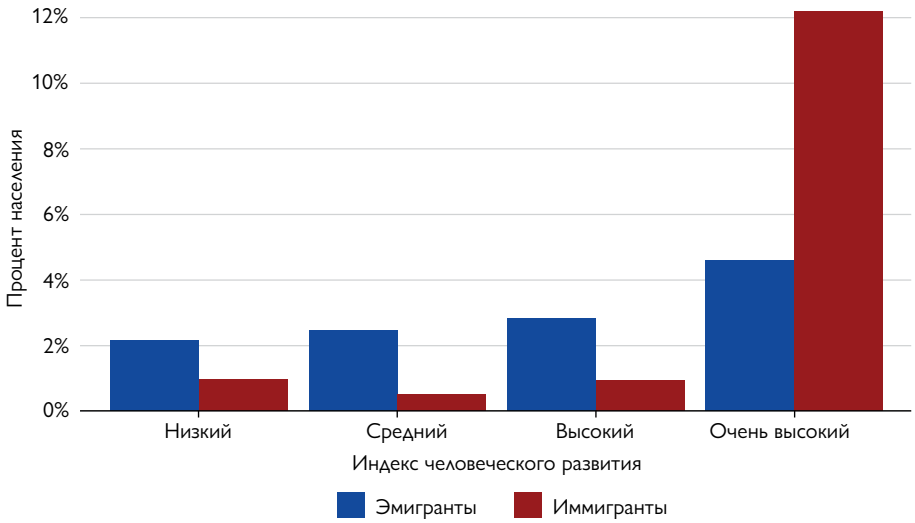
Текущие данные также показывают, что большинство из 20 ведущих стран происхождения относятся к странам с очень высоким (8) или высоким (8) ИЧР. В 2020 году оставшиеся четыре страны происхождения были странами со средним ИЧР.

Это также показано на рисунке 5 ниже, на котором четко видно, что международные мигранты сконцентрированы в странах с очень высоким и высоким ИЧР, что наиболее заметно для иммигрантов, но также демонстрирует значительную распространенность среди эмигрантов. Иными словами, в более развитых странах мира происходит гораздо больше миграции, а в категориях стран со средним и низким ИЧР отмечаются меньшие количества и пропорции. Интересно, что в отличие от анализа перехода мобильности, рассмотренного выше (см. рисунок 3), страны с очень высоким ИЧР вместе взятые дали высокую долю эмигрантов по отношению к общей численности населения (4,6%), что выше, чем в категориях с высоким, средним и низким ИЧР. Кроме того, в количественном выражении страны с очень высоким ИЧР произвели 76 млн мигрантов, уступая только странам с высоким ИЧР (86 млн человек).

55 Миграционные коридоры подробно обсуждаются и графически представлены в Докладе о миграции в мире 2020 года, глава 3. (МОМ, 2019).

56 Clemens and Pritchett, 2008; de Haas, 2005; Ratha, 2013.

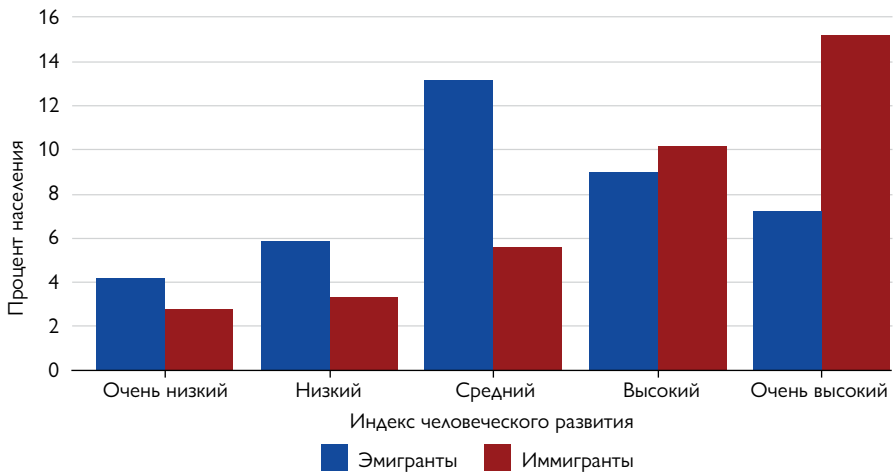
Рисунок 5. Иммигранты и эмигранты в разбивке по категориям стран с разными уровнями Индекса человеческого развития, 2020 год



Источники: ДЭСВ ООН, 2021; ПРООН, 2020.
Примечание: Некоторые категории международных мигрантов не охвачены (см. методы в добавлении C).

Этот график на рисунке 5 показывает, что гораздо больше эмигрантов родились в более богатых странах и, по-видимому, переехали в другие более богатые страны. Однако другой, более ранний анализ, как представляется, выявляет модели, сильно отличающиеся от рисунка 6 ниже, в котором используются данные по ИЧР за 2005 год[57].

Рисунок 6. Связь между показателями Индекса человеческого развития и численностью иммигрантов/эмигрантов, 2005 год



Источник: de Haas, 2010:4, воспроизведено в de Haas, 2020.
Примечание: Классификация автора (отличается от 4 категорий ИЧР, используемых ПРООН)

57 de Haas, 2010, 2020.

На рисунке 6 представлена связь между ИЧР и международными мигрантами, хотя используется созданная автором на основе показателей ИЧР пятая категория «очень низкий ИЧР» (не входит в четыре категории ПРООН), при этом применяются «средние значения миграции», а не агрегированные по категориям данные о контингенте мигрантов и населении[58]. На рисунке 6 показано, что доля эмигрантов в процентах от населения ниже в категориях с высоким и очень высоким ИЧР по сравнению со средним ИЧР, что согласуется с анализом «переходов мобильности» (рисунок 3), но отличается от текущих эмпирических данных на рисунке 6 выше.

На обоих рисунках видны более низкие уровни эмиграции из стран с низким ИЧР; однако оба набора двумерных графиков обнаруживают другие уровни эмиграции из более богатых стран. Чтобы изучить разницу между данными об эмиграции для категорий с высоким ИЧР, представленных на рисунках 5 и 6, мы сначала рассмотрели изменения с 1995 года. В целом, похоже, происходят два важных, но разных процесса изменений:

- значительные изменения в классификации ИЧР; и
- интенсификация миграции в высокоразвитые страны, а также из них.

Они поочередно рассматриваются ниже.

Изменения индекса человеческого развития с 1995 года: все выше и выше

ИЧР был разработан экономистом Махбубом уль-Хаком и впервые был использован ПРООН в 1990 году в качестве центрального элемента ее Доклада о развитии человеческого потенциала за 1990 год в стремлении лучше охватить человеческие аспекты в анализе развития, в котором ранее доминировали экономические показатели[59]. Первоначально ИЧР касался 130 стран, число которых увеличилось до 163 в 1995 году, постепенно достигнув в общей сложности 189 стран (см. таблицу 4). Все страны, которые были реклассифицированы с течением времени, перешли в более высокую категорию в соответствии с методами ИЧР, за исключением Сирийской Арабской Республики (в 2015 году она опустилась со средней на низкую)[60]. К 2019 году 66 стран (или 34%) были классифицированы как страны с очень высоким ИЧР, а еще 53 (или 27%) – с высоким ИЧР[61].

Таблица 4. Количество стран в классификации ИЧР, 1995–2019 годы

Классификация	1995	2000	2005	2010	2015	2019
Очень высокий	23	31	43	48	62	66
Высокий	27	36	45	57	54	53
Средний	59	62	54	46	46	37
Низкий	54	60	59	52	41	33
Нет данных	49	23	11	9	9	6

Источник: ПРООН, 2020.

58 de Haas, 2010.

59 Stanton, 2007.

60 См. обсуждение методов в Stanton, 2007 и ПРООН, 2020.

61 Критику методов ИЧР см. в Wolff et al., 2011, а ответ ПРООН в UNDP, 2011.

Итак, отчасти мы можем видеть, что реклассификация стран помогает объяснить различные модели миграции в разные моменты времени. Однако, сохраняя неизменными классификации ИЧР 1995 года (т. е. не корректируя выходные данные для реклассификаций с течением времени), мы также можем видеть, что помимо проблем с реклассификацией имеет место конкретная основная миграционная динамика.

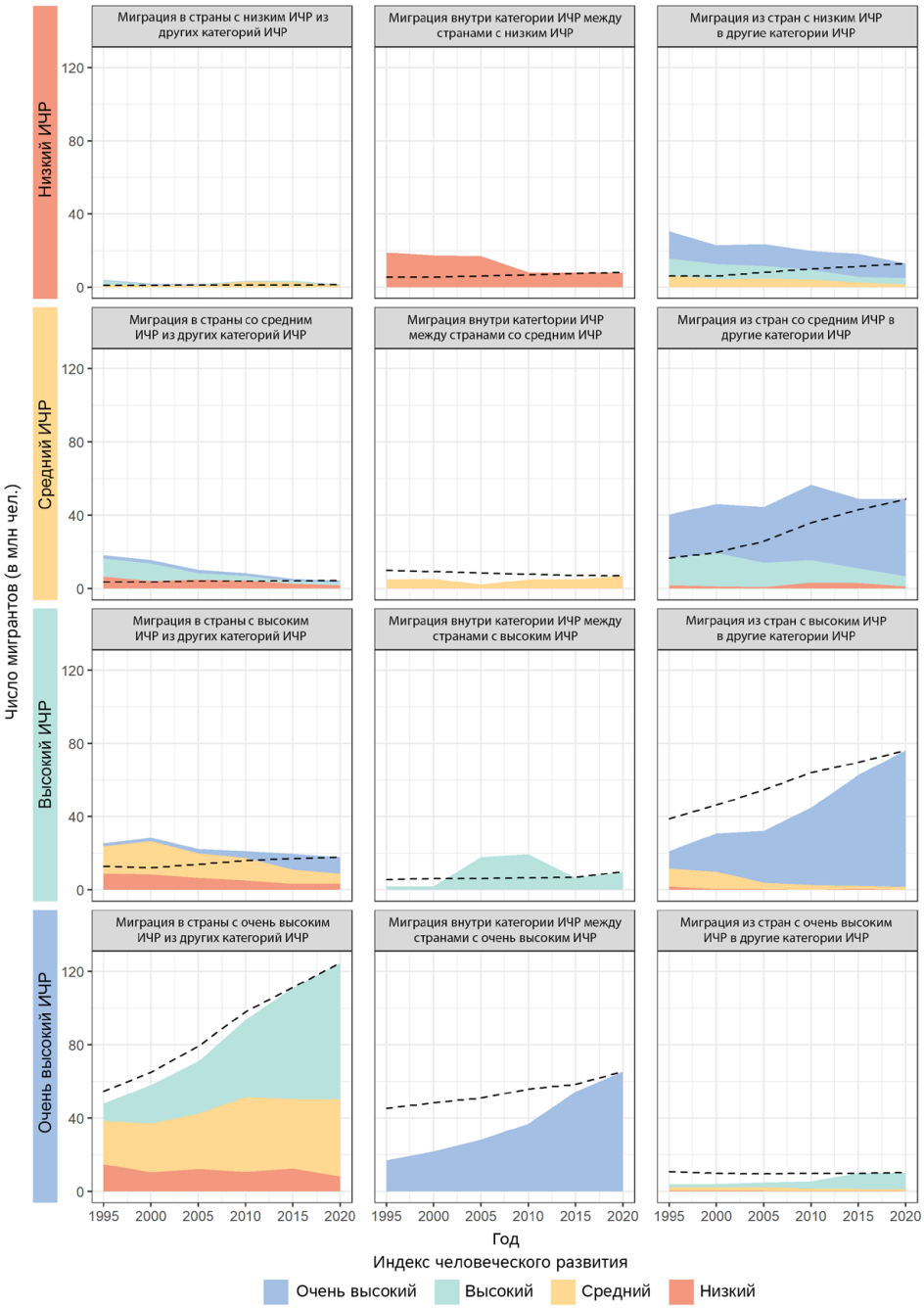
На рисунке 7 ниже показан феномен «стремянки» за большой период времени, который даже при применении классификации 2019 года ко всем годам (обозначены черными пунктирными линиями) обнаруживает следующее.

- Заметное увеличение «миграции в» по категориям ИЧР (графики слева), при этом очень немногие люди мигрируют в страны с низким ИЧР, больше людей мигрируют в страны со средним ИЧР, еще больше — в страны с высоким ИЧР и наибольшее число - в страны с очень высоким ИЧР (даже при применении категорий 2019 года).

- На рисунке 7 прослеживается отчетливая закономерность, которая показывает, что «миграция из» одной страны, классифицированной по ИЧР, в другую категорию (графики справа) также следует принципу «стремянки» для движения вверх. Однако реклассификация явно повлияла на эту закономерность за длительный период, что привело к более явному акценту на категорию с очень высоким ИЧР.

- Особый интерес представляют данные о «миграции внутри» (средние графики), которые показывают значительные различия по классификации ИЧР: более высокие уровни миграции в страну с той же классификацией ИЧР наблюдаются между странами с низким ИЧР и между странами с очень высоким ИЧР. Мы также можем видеть влияние реклассификации, особенно заметное для стран с очень высоким ИЧР. Тем не менее эмиграция как в страны с очень высоким ИЧР, так и из них является отчетливой и явной характеристикой текущих миграционных тенденций.

Рисунок 7. Мигранты в, между и из каждой из четырех категорий ИЧР (низкий, средний, высокий и очень высокий), 1995–2020 годы



– Общий итог на основе классификации ИЧР 2020 года

Источники: ПРООН, 2020; ДЭСВ ООН, 2021.

Примечания: Графики «Миграция в» относятся к миграции в эту категорию ИЧР из других категорий ИЧР; графики «Миграция из» относятся к миграции из этой категории ИЧР в другие категории ИЧР. Точки данных с пятилетними интервалами в цветных полосах отражают классификацию ИЧР в то время; черные пунктирные линии указывают на использование классификации ИЧР 2020 года для всех точек данных (т. е. с 1995 по 2020 год). Некоторые категории международных мигрантов не включены (см. методы в добавлении C).

Из этих данных можно сделать два важных вывода:

1. Очевидно, что миграция из стран с высоким и очень высоким уровнем человеческого развития в другие страны с высоким и очень высоким уровнем развития является ярко выраженной и значительно увеличилась с 1995 года (даже с учетом реклассификации стран).
2. Возникает вопрос, является ли степень сдвига, относящаяся к модели «миграционного горба», столь же актуальной сегодня, как и раньше – анализ двумерных данных показывает корреляции, которые можно было бы извлечь из более глубокого изучения.

Особое значение имеет важный фактор политики, а также то, как с течением времени менялась политика стран в отношении виз и мобильности. Как подчеркнуто в обсуждении выше (и смоделировано на рисунке 2), такая политика может позволить превратить варианты миграции из «несбыточных мечтаний» в конкретные варианты, а недавние исследования указали на растущее неравенство в мобильности[62]. Для дальнейшего изучения этого вопроса мы рассмотрим соглашения о мобильности на региональном уровне (например, Шенгенское соглашение и протокол ЭКОВАС о свободном передвижении).

Почему понимание моделей миграции важно для процессов разработки политики?

Миграционная политика разрабатывается и осуществляется преимущественно на национальном уровне и часто находится под влиянием геополитических отношений между странами на двустороннем уровне (т.е. между двумя субъектами) и может привести к безвизовым соглашениям, согласованным между двумя (или более) странами. Примеры двусторонних соглашений включают Транстасманское соглашение о поездках между Австралией и Новой Зеландией[63], Соглашение о взаимной отмене визовых требований между Российской Федерацией и Республикой Корея[64] и Соглашение между Европейским сообществом и Барбадосом о краткосрочном отказ от визы на пребывание[65], хотя в настоящее время существует много сотен подобных двусторонних договоренностей[66].

Политика помогает странам создавать системы, которые реагируют на изменения внутри страны (например, нехватка рабочей силы с определенными навыками), а также за ее пределами (например, двусторонние отношения) и определяют, кто может получить доступ к стране. Таким образом, данные важны для определения тенденций и потоков из региона, в него и внутри региона, чтобы давать информационную основу для политических процессов. Страны с имеющимися ресурсами, знаниями и опытом могут собирать, анализировать и представлять данные для принятия политических мер, особенно в отношении легальной миграции. С другой стороны, данные о нелегальной миграции, происходящей за пределами или в нарушение регулируемых систем, основаны на оценках и прогнозах доступных небольших наборов данных, которые можно использовать для информирования процесса разработки политики. Однако для того, чтобы государства разрабатывали процессы миграционной политики, такие как двусторонние визовые соглашения или двусторонние соглашения о трудовой миграции, они должны применять систематические процедуры для рассмотрения соответствующих данных и тенденций в странах происхождения и назначения, руководствуясь

62 Mau et al., 2015; Triandafyllidou et al., 2019.

63 Australian Productivity Commission and New Zealand Productivity Commission, 2012.

64 Правительство Российской Федерации и Правительство Республики Корея, 2020.

65 European Community and Barbados, 2009.

66 European Union, 2021.

комплексной аналитической основой[67]. Внимание в значительной степени обязательно уделяется динамике миграции, тенденциям и данным на страновом уровне, а основное внимание уделяется двусторонним переговорам и заключению соглашений.

Важно отметить, что визовая политика разработана как мера контроля над мобильностью, позволяющая каждой отдельной стране осуществлять экстерриториальный контроль над потенциальными въезжающими (например, деловыми путешественниками, туристами, студентами и трудящимися-мигрантами)[68]. Учитывая объем и сложность политики каждой конкретной страны в области въезда и пребывания неграждан, большая часть анализа, проводимого во всем мире, проводится на уровне страны (т. е. с упором на одну страну). Однако в рамках проекта ДЕМИГ[69] была проанализирована эволюцию миграционной политики с 1850-х годов с целью оценки ее влияния на модели и тенденции международной миграции. Исследователи обнаружили, что визовая политика претерпела изменения в период с 1995 по 2019 год, что привело к тому, что пограничный контроль, политика въезда и выезда постепенно стали более ограничительными[70]. Другой анализ указывает на то, что страны назначения заключают соглашения, предоставляющие бесплатный визовый доступ своим союзникам, но налагающие ограничения на более бедные страны или страны, которые они считают недружественными[71]. Это может создать больше возможностей для миграции граждан стран с высоким ИЧР по сравнению с гражданами развивающихся стран, которые сталкиваются с большими ограничениями. В долгосрочной перспективе это может привести к системному неравенству между странами и дальнейшему углублению неравенства в мобильности между странами и регионами, хотя и оказывать большее миграционное «давление», которое может значительно увеличить масштабы торговли людьми и незаконного ввоза мигрантов.

Строгое соблюдение законов и предписаний может удержать некоторых мигрантов от выбора одного направления вместо другого[72], тогда как страны с более слабыми режимами регулирования могут непреднамеренно создать среду, в которой процветает незаконная миграция в результате отсутствия эффективного регулирования и адекватных ресурсов. Обеспечение безопасных условий для законной миграции важно для снижения рисков, с которыми сталкиваются мигранты, у которых в противном случае не было бы иного выбора, кроме как передвигаться нелегально. Свободное передвижение людей, товаров и услуг и условия труда, основанные на взаимопонимании между государствами-членами, могут снизить некоторые связанные с миграцией риски внутри региональных блоков.

Региональные соглашения, облегчающие мобильность

Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС) и Шенгенская зона продемонстрировали, как соглашения о мобильности, достигнутые с помощью многосторонних подходов, основанных на двусторонних договоренностях, могут открыть дополнительные возможности мобильности и поддержать развитие и большее равенство, одновременно снижая давление (в том числе связанное с

67 de Haas, 2011.

68 Mau et al., 2015.

69 Проект «Детерминанты международной миграции: теоретическая и эмпирическая оценка влияния политики, происхождения и назначения» (ДЕМИГ) осуществлялся в 45 странах Западной Европы, Северной Америки, Латинской Америки, Азии, Центральной и Восточной Европы, Африки и Ближнего Востока, Австралии и Новой Зеландии. См. EC, 2016 and de Haas et al., 2016.

70 de Haas et al., 2019.

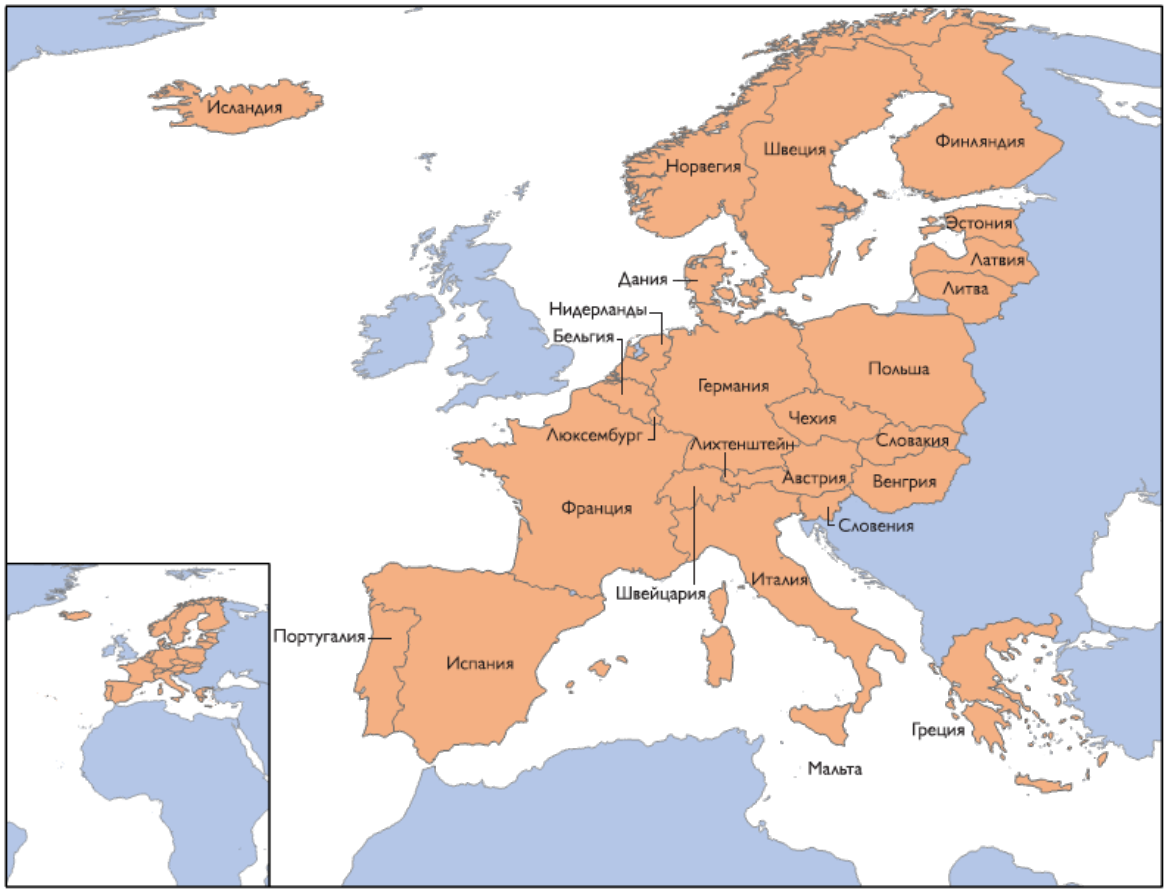
71 Czaika and Neumayer, 2017.

72 Helbling and Leblang, 2018.

торговлей людьми и незаконным ввозом). Однако со временем они развивались по-разному, с явными различиями в способах реализации свободы передвижения.

С 1985 года в отношении Шенгенского соглашения Европейского союза наблюдался постепенный прогресс, при котором процесс отмены внутренних пограничных проверок между государствами-членами сопровождался укреплением внешней границы вокруг Шенгенской зоны. Несмотря на события (такие как крупномасштабное перемещение людей в Шенгенскую зону и транзитом через нее в 2015–2016 годах и пандемия COVID-19), которые оказали значительное давление на аспекты политики Европейского Союза в отношении границ, въезда и предоставления убежища/статуса беженца, Шенгенское соглашение осталось нерушимым, обеспечивая возможность мобильности для 400 млн граждан Европы[73].

Рисунок 8. Государства-члены Шенгенской зоны

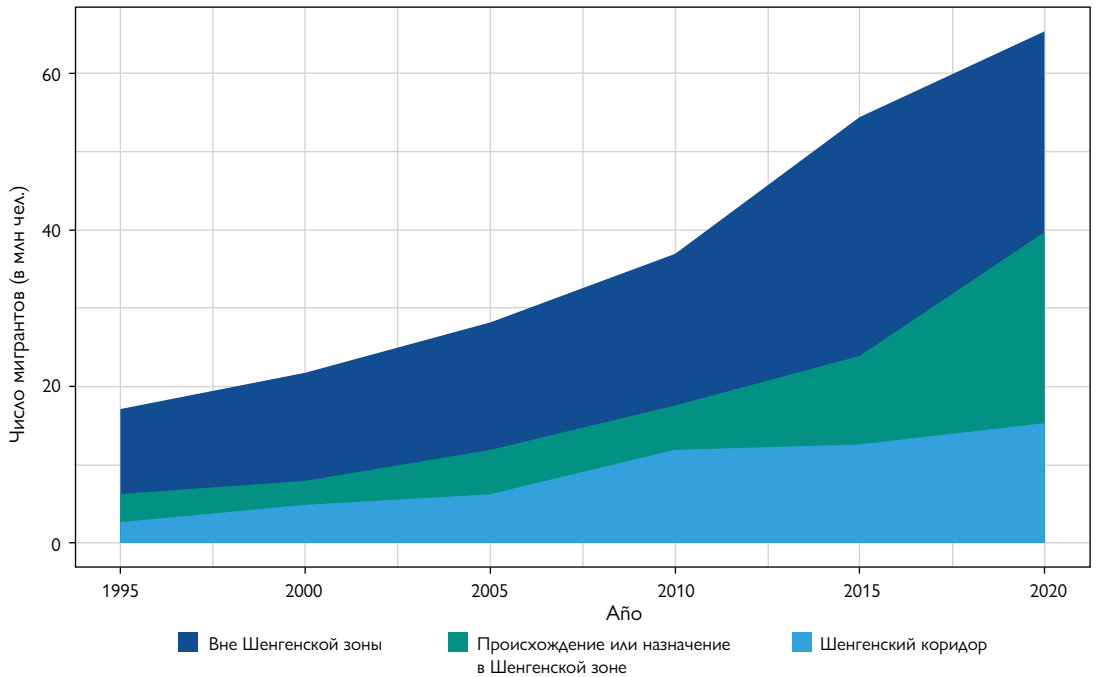


Источник: ArchaeoGLOBE Project, 2018.
Примечание: Данная карта приводится исключительно в целях иллюстрации. Показанные границы и названия и обозначения, употребляемые на этой карте, не означают официального одобрения или признания со стороны Международной организации по миграции.

73 European Commission, 2020.

Значимость Шенгенского соглашения о мобильности можно видеть на рисунке 9. Хотя в 2020 году страны Шенгенского соглашения представляли лишь 39% стран мира с очень высоким ИЧР (26 из 66 стран), и часть общей численности совокупного населения стран с очень высоким ИЧР, в период 1995 - 2020 годов пропорциональный рост миграции из стран с очень высоким ИЧР был намного выше для стран Шенгенского соглашения, чем для нешенгенских стран.

Рисунок 9. Миграция между странами с очень высоким ИЧР



Источники: ПРООН, 2020; ДЭСВ ООН, 2021.

Примечания: Точки данных с пятилетними интервалами в цветных полосах отражают ситуации, при которых миграционный коридор i) не включал страны Шенгенской зоны; ii) включал страны происхождения или назначения в Шенгенской зоне; или iii) включал страны Шенгенской зоны в качестве стран как происхождения, так и назначения. Определение в качестве страны Шенгенского соглашения совпадает с реализацией политики Шенгенской зоны (см. Schengen Visa Info, 2020). Все страны Шенгенского соглашения относятся к странам с очень высоким ИЧР.

В ЭКОВАС процесс достижения свободы передвижения в регионе был непрерывным с 1979 года. В первые годы свободное перемещение товаров, услуг, людей и рабочей силы происходило с определенными ограничениями. Однако по мере того, как страны региона начали развиваться, а в некоторых государствах-членах возникали конфликты, трансграничные передвижения стали более ограничительными, поскольку страны отреагировали национальными законами, подрывающими понятие свободного передвижения. Конфликт в Либерии из-за конкуренции за ресурсы и рост нелегальной миграции между государствами-членами ослабил некоторые из принятых стратегий реализации, поскольку приоритет отдавался безопасности, а не выгодам от торговли[74]. В ЭКОВАС также отсутствовал установленный и эффективный механизм, который мог бы контролировать, среди прочего, торговлю людьми, оружием и наркотиками. Однако подход к сокращению нелегальной миграции из западноафриканских государств заключался не в ограничении мобильности,

74 Opanike and Aduloju, 2015.

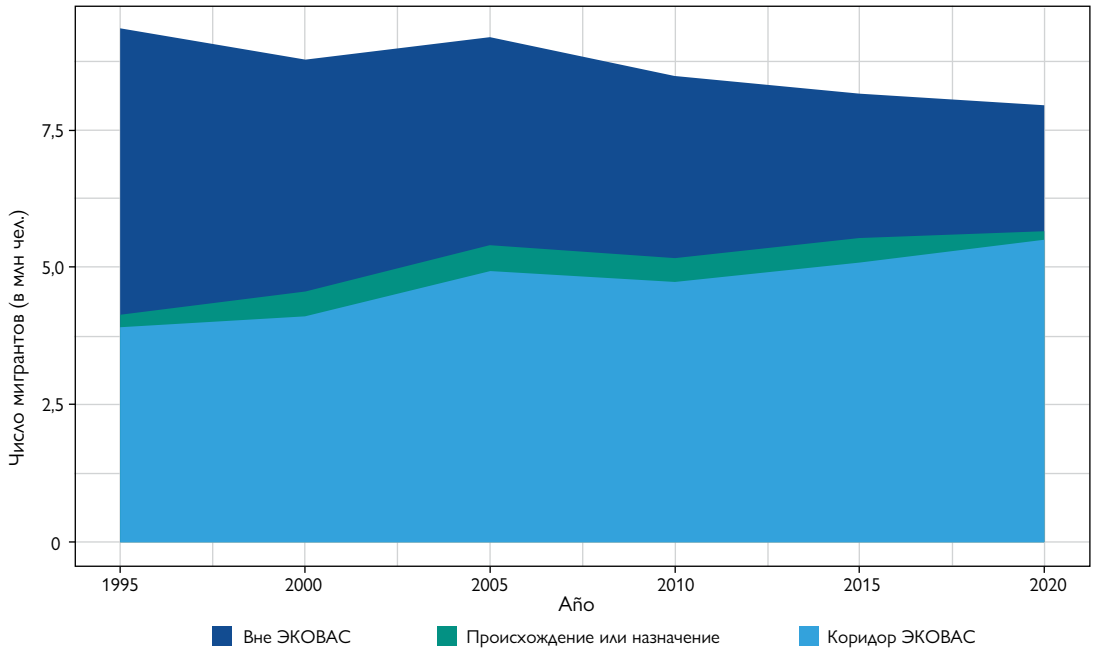
а в повышении осведомленности о рисках нелегальной миграции, а также в расширении возможностей, имеющихся в регионе, облегчаемом мобильностью, особенно для молодежи.

Рисунок 10. Государства-члены ЭКОВАС

Источники: ArchaeoGLOBE Project, 2018.
Примечания: Данная карта приводится исключительно в целях иллюстрации. Показанные границы и названия и обозначения, употребляемые на этой карте, не означают официального одобрения или признания со стороны Международной организации по миграции.

На рисунке 11 показано, что миграция с участием стран ЭКОВАС почти полностью состоит из миграции между региональными государствами-членами этой экономической организации. Масштабы миграции меньше по сравнению с Шенгенской зоной, а большинство стран ЭКОВАС относятся к странам с низким ИЧР, но, несмотря на эти различия, та же динамика проявляется в схожих пропорциях. Из 10 млн международных мигрантов, переехавших в страны ЭКОВАС или из них в 2020 году, более 6 млн переехали в страны ЭКОВАС. Когда у людей появится возможность переехать, чтобы получить доступ к большему количеству возможностей, многие так и поступят.

Рисунок 11. Миграция между странами с низким ИЧР



Источники: ПРООН, 2020; ДЭСВ ООН, 2021.

Примечания: Точки данных с пятилетними интервалами в цветных полосах отражают ситуации, при которых миграционный коридор i) не включал страны ЭКОВАС; ii) включал страны происхождения или назначения в ЭКОВАС; или iii) включал страны ЭКОВАС в качестве стран как происхождения, так и назначения. За одним исключением, членство в ЭКОВАС было постоянным на протяжении рассматриваемого здесь периода времени (ECOWAS, 2021). ЭКОВАС включает Гану (средний ИЧР); страны, не входящие в ЭКОВАС, не включают Индию и Пакистан.

Выводы

Нарратив о миграции издавна основывался на представлении о возможностях, при которых люди, мигрирующие за границу, делают это для того, чтобы добиться лучшей жизни. Миграция стала прочно ассоциироваться с достижениями, с социальным и экономическим прогрессом отдельных людей, семей, общин и наций. Хотя это могло отражать долгосрочную реальность, существовавшую задолго до современной эпохи, могут быть основания для вывода о том, что международная миграция больше не предоставляет возможности в той степени, в какой это было на протяжении истории. Текущие данные свидетельствуют о том, что вместо того, чтобы служить «стремянкой» возможностей, каналы международной миграции для миллионов людей в развивающихся странах еще больше сузились.

Наш анализ глобальной численности международных мигрантов и данных по ИЧР показывает, что в период 1995 - 2020 годов миграция из стран с низким и средним ИЧР увеличилась, но незначительно. Сочетание миграционных чаяний и миграционной инфраструктуры (или ее отсутствия) не привело к высоким темпам роста международной миграции из стран с низким и средним ИЧР, даже с учетом изменения категорий рейтингов ИЧР с течением времени. Это согласуется с существующими данными макроэкономического

анализа, которые показывают, что международная миграция из стран с низким уровнем дохода исторически была очень ограниченной.

С другой стороны, анализ, проведенный в этой главе, показывает, что, вопреки прежним представлениям о миграции людей из стран с высоким доходом, а именно тому, что по мере того, как уровень доходов в стране превышает пороговое значение, показатели международной миграции снижаются, масштабы и доля внешней миграции из стран с высоким и очень высоким ИЧР значительно увеличились. Фактически, этот двумерный анализ миграционного контингента за последнюю четверть века указывает на наличие «поляризующего» эффекта, при котором миграционная активность все больше ассоциируется с высокоразвитыми странами. Эта корреляция поднимает ключевой вопрос о доступе к визе и соответствующей миграционной политике, особенно в контексте миграционных чаяний (рисунок 2), которые питают потенциальные мигранты по всему миру, желающие реализовать свои возможности посредством международной миграции, но будучи не в состоянии это сделать. Новое исследование показывает, что граждане богатых стран имеют гораздо больше возможностей для доступа к режимам регулируемой мобильности, чем граждане бедных стран[75].

Необходимость переоценки миграции как «стремянки» возможностей имеет значение для Повестки дня в области устойчивого развития (ЦУР) на период до 2030 года и Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции[76]. В условиях, когда ограничительная политика, связанная с миграцией, такая как управление границами, требования въезда и ограничения на пребывание, стала более заметной во всем мире, представляется, что существуют системные риски для полной реализации ЦУР и достижений в области человеческого развития (как указано в Докладе о человеческом развитии 2019 года). Ситуация еще больше осложнилась пандемией COVID-19, которая временно приостановила миграцию и мобильность по всему миру и вынудила все страны пересмотреть свою миграционную и пограничную политику для нового постпандемического мира.

75 Mau et al., 2015.

76 Глобальный договор о миграции ориентирует страны происхождения, транзита и назначения, предлагая стратегии, призванные создать благоприятную среду, в которой безопасная и упорядоченная миграция может осуществляться более легально.

EILEEN CULLOTY
JANE SUITER
ITAYI VIRIRI
SARA CRETA

8 ДЕЗИНФОРМАЦИЯ О МИГРАЦИИ: ИЗВЕЧНАЯ ПРОБЛЕМА С НОВЫМИ ТЕХНИЧЕСКИМИ АСПЕКТАМИ[1]

Введение

Многие сферы жизни стали объектами дезинформации. Это происходит повсюду в мире и касается возрождения болезней, которые можно предотвратить с помощью вакцин, разрушения политики и усиления социальных разногласий. Дезинформация может быть вековым явлением, но она процветает в цифровой среде. Цифровые технологии произвели революцию в расширении доступа к информации и возможностей для самовыражения, но они также создали мир, в котором относительно легко манипулировать информацией и координировать вредоносные кампании против отдельных лиц и групп, включая мигрантов, а также организаций и даже стран.

Нормотворчество не поспевает за этими изменениями. Примерно половина населения земного шара и почти 70% людей в возрасте от 15 до 24 лет имеют доступ к Интернету[2]. Большая часть этой онлайн-активности принадлежит нескольким технологическим компаниям. «Фейсбук», крупнейшая в мире платформа социальных сетей, имеет 2,85 миллиарда пользователей, и ей принадлежит «Вотсап», у которого один миллиард пользователей[3]. Через эти и другие платформы дезинформация распространяется с огромной скоростью и в крупных масштабах. Например, видео о теории заговора о COVID-19 было просмотрено более восьми миллионов раз в течение недели после его выпуска[4]. Платформы изо всех сил пытались заблокировать видео, поскольку пользователи по всему миру загружали новые версии и переводили его на множество языков.

Платформы уже давно пытаются сдержать дезинформацию о миграции и экстремистов, которые ее распространяют. Однако в дезинформации против мигрантов нельзя винить только технологии. Ультраправые субъекты мобилизуются онлайн и офлайн, а средства массовой информации и политики обвиняются в искажении миграционных вопросов и во введении общественности в заблуждение[5]. На этом фоне пандемия COVID-19 усилила дезинформацию о мигрантах, которые подверглись различным нападениям за распространение вируса или увеличение числа случаев заболевания[6]. Кризисы в области здравоохранения исторически использовались для продвижения ксенофобских программ[7], но пандемия совпала с возрождением ультраправых и экстремистских идеологий во многих странах. В то же время дезинформация оказывает прямое воздействие на мигрантов и потенциальных мигрантов. Многим не хватает надежной информации,

1 Эйлин Каллоти, доцент Школы коммуникаций Городского университета Дублина; Джейн Сьютер, профессор Школы коммуникаций и директор Института будущих медиа, демократии и общества Городского университета Дублина; Итайи Вирири, старший региональный сотрудник по СМИ и коммуникациям в региональном отделении МОМ для Азии и Тихого океана; и Сара Крета, докторант Школы коммуникаций Городского университета Дублина.

2 ITU, 2020.

3 Tankovska, 2021.

4 Morrish, 2020.

5 Ekman, 2019; McAuliffe et al., 2019.

6 Maniatis and Zard, 2020.

7 Fidler, 2019.

чтобы обосновать свой миграционный выбор[8], и им приходится разбираться в слухах и ложных заявлениях, которые циркулируют в их сетях.

Очевидно, что разработка эффективных мер противодействия дезинформации в Интернете является неотложной задачей. Это также сложная задача. Вопросы сложны и их трудно распутать, в то время как научные исследования находятся в зачаточном состоянии и, как правило, сосредоточены в богатых странах с хорошими ресурсами. Текущие контрмеры можно разделить на три широкие области: технологические подходы, направленные на автоматизацию оценки онлайн-контента и поведения; подходы к аудитории, направленные на привитие нужных навыков общественности и повышение устойчивости к манипуляциям; а также нормативные и политические подходы, направленные на повышение прозрачности и подотчетности в цифровой среде[9]. Деятельность в этих областях продвигается широким кругом заинтересованных сторон, включая технологические компании, политиков, исследователей, НПО, журналистов и предпринимателей. Учитывая сложность проблемы, кажется очевидным, что одного из подходов будет недостаточно. environment.

Эти вопросы рассматриваются в настоящей главе. Хотя в ней приводятся некоторые примеры антимигрантской дезинформации, мы стремимся избежать ненужного и неэтичного распространения разжигающего ненависть контента. Вместо этого цель состоит в том, чтобы обеспечить всестороннее понимание структурных особенностей информационной среды, которые позволяют распространять дезинформацию против мигрантов, а также представить обзор предлагаемых контрмер. В разделе «Понятия» приводятся основные определения для понимания дезинформации и представлена модель процесса дезинформации в Интернете. В разделе «Контексты» рассматриваются факторы, формирующие дезинформацию о миграции с точки зрения общества, политики, средств массовой информации и технологий. Затем в нем излагаются передовые методы повышения общественной устойчивости к дезинформации и основные выводы из текущих исследований. Раздел «Вопросы и вызовы» посвящен основным пробелам в нашем понимании дезинформации и существующим препятствиям на пути продвижения этой работы. Наконец, в заключении изложены общие предложения и последствия для политиков и других заинтересованных сторон, стремящихся противодействовать дезинформации в целом и в отношении миграции в частности.

Понятия

В этом разделе вводятся основные определения и представлена модель онлайн-процесса дезинформации. Здесь мы сосредоточимся на определениях, необходимых для широкого понимания темы. Лексикон терминов и понятий, описывающих дезинформацию в Интернете, постоянно меняется по мере появления новых практик в ответ на меры противодействия и технологические тенденции. Регулярно обновляемый обзор тактик манипулирования и соответствующие ресурсы см. в *Сборнике примеров манипулирования СМИ*[10].

Хотя определения различаются, дезинформация обычно определяется ее злокозненным намерением[11]. **Дезинформация** — это ложная информация, которая создается или распространяется с намерением обмануть общественность в целях получения финансовой, политической или социальной выгоды. Напротив, **мизинформация** (неверная информация) — это ложная информация, которая распространяется без намерения обмануть. Например, журналист может сделать опечатку в финансовой сумме, но такие непреднамеренные

8 Crawley and Hagen-Zanker, 2019; Vammen et al., 2021.

9 Culloty and Suiter, 2021.

10 https://mediamanipulation.org/.

11 Wardle and Derakhshan, 2017.

ошибки будут признаны случайными и исправлены. На практике дезинформация и неверная информация часто пересекаются. Например, лица, занимающиеся дезинформацией, могут распространить лживую историю о мигрантах, а представители общественности могут верить и повторять для других эту историю, предполагая, что она правдива. Так, исследование аудитории в Кении и Нигерии показало, что у людей есть сильное желание быть в курсе последних новостей, и это позволяет распространять дезинформацию, даже если те, кто ею делится, имеют благие намерения в отношении проверки информации[12].

Основные определения

Дезинформация:	преднамеренно создаваемая и распространяемая ложная информация.
Мизинформация:	ложная информация, созданная или распространенная по ошибке.
Информационный вакуум:	актуальная тема, по которой отсутствует достоверная информация.
Эффект иллюзии правды:	склонность верить ложной информации после многократного воздействия.
Недобросовестные субъекты:	люди, которые намеренно создают и распространяют дезинформацию.
Скоординированная кампания:	сетевое сотрудничество недобросовестных субъектов для манипуляции общественным мнением
Амплификаторы:	влиятельные люди, которые распространяют дезинформацию в своих сетях.
Гиперпартийные СМИ:	СМИ с сильно идеологизированной позицией.
Сфабрикованный контент:	полностью ложный контент.
Манипулируемый контент:	подлинный контент, который был искажен.
Деконтекстуализированный контент:	подлинный контент, удаленный из исходного контекста.
Вред дезинформации:	негативное воздействие дезинформации на отдельных лиц, группы и общества.
Язык ненависти:	уничижительный или дискриминационный язык по отношению к человеку или группе людей на основании того, кем они являются[a].
Ксенофобия:	случаи, когда отдельные лица лишены равных прав по причине реального или предполагаемого географического происхождения таких лиц или групп[b].

a ООН, 2019.
b СПЧ ООН, 2017.

12 Chakrabarti et al., 2018.

Информационный вакуум возникает, когда существует высокий спрос на информацию по теме, но не хватает надежной информации[13]. В первые месяцы COVID-19 спрос на информацию о вирусе был высоким, но предложение достоверной научной информации было низким. Этот дефицит создал вакуум, в котором могли циркулировать дезинформация и слухи. Со временем повторное воздействие дезинформации может создать эффект иллюзии правды. Это явление связано с памятью, поскольку знакомая информация легче вспоминается и в результате кажется более надежной[14]. Исходя из этого, передовая практика исправления дезинформации рекомендует избегать ненужного повторения ложных утверждений[15].

Недобросовестные субъекты — это общий термин для тех, кто намеренно создает и распространяет дезинформацию. Ими могут быть государства, корпорации, общественные движения или отдельные лица, и их мотивы охватывают целый спектр политических, идеологических и финансовых интересов. Они также значительно различаются по целевой аудитории и уровням координации. Амплификаторы — это эксперты в области СМИ, политики, знаменитости и влиятельные лица в Интернете, которые помогают популяризировать дезинформацию — намеренно или нет — путем ее распространения в своих крупных сетях. Наконец, гиперпартийные СМИ — это идеологические каналы, которые часто распространяют дезинформацию. Например, в Соединенных Штатах Америки гиперпартийные СМИ регулярно принимают на веру дезинформационные истории и тем самым продвигают программы дезинформации по темам в диапазоне от экономики до международных отношений[16]. Кампании по дезинформации против мигрантов тесно связаны с активностью правых политических и медийных деятелей, в том числе с возрождением ультраправых, националистических и ксенофобских идеологий[17].

Сфабрикованный контент включает контент, который полностью выдуман. Сюда входят фальшивые новости, такие как ложная история о том, что Папа Франциск поддержал предвыборную кампанию Дональда Трампа в 2016 году[18], или «глубоко фейковые» видеоролики, созданные исключительно с помощью компьютерных технологий. Под *манипулируемым* контентом понимается подлинный контент, который был искажен, например, выборочно отредактированные видеоклипы. Например, в онлайн-видео 2019 года обманчиво объединены цитаты из выступления Билла Гейтса, чтобы создать впечатление, что он поддерживает стерилизацию и контроль рождаемости. Видео снова всплыло в 2021 году на нескольких платформах социальных сетей[19]. *Деконтекстуализированный* контент — это подлинный контент, который был удален из своего исходного контекста, например, старые фотографии, которые сопровождаются ложными подписями, связывающими их с современными событиями. Анализ почти миллиона твитов во время пограничного кризиса между США и Мексикой показал, что вырванные из контекста изображения были наиболее заметным видом дезинформации[20]. Эта визуальная дезинформация также с большей вероятностью распространялась и усиливалась высокопоставленными лицами.

На сегодняшний день большая часть популярных дискуссий о дезинформации сосредоточена на контенте. Однако сосредоточение внимания только на содержании может скрыть действие скоординированных кампаний по дезинформации, посредством которых сеть недобросовестных субъектов сотрудничает для манипулирования общественным мнением. На своей платформе «Фейсбук» использует понятие «скоординированного недостоверного поведения» для описания сетей страниц и аккаунтов, которые

13 Shane and Noel, 2020.
14 De Keersmaecker et al., 2020; Hasher et al., 1977.
15 Wardle, 2018.
16 Vargo et al., 2018.
17 McAuliffe et al., 2019.
18 Evon, 2016.
19 Reuters, 2021.
20 McAweeney, 2018.

«работают вместе, чтобы вводить других в заблуждение относительно того, кто они или что они делают»[21]. В действительности скоординированные кампании распространяются на несколько платформ и сила этих кампаний заключается в кумулятивном эффекте бесконечно повторяющихся негативных историй о мигрантах и меньшинствах.

Кроме того, меньше внимания уделяется пониманию и измерению вреда от дезинформации. Подход, основанный на оценке вреда, требует учета воздействия дезинформационных кампаний на тех, на кого они нацелены и кого они затрагивают, а также более широкого воздействия на общество[22]. В случае миграции вред от дезинформации связан с ненавистническими высказываниями и ксенофобией, которые способствуют враждебности и дискриминации по отношению к мигрантам, что, в свою очередь, может способствовать легитимизации подходов в русле антимигрантской политики[23]. В то же время дезинформация и отсутствие надежной информации могут причинить вред мигрантам, негативно повлияв на их решения и осведомленность о правах[24].

Скоординированные кампании крайне правых

Начиная с 2014 года количество дезинформационных атак крайне правых увеличилось на 250%; ожидается, что эта тенденция сохранится, поскольку затянувшийся экономический спад, вызванный COVID-19, может привести к политической нестабильности[a]. В Интернете есть много свидетельств расширения сотрудничества между ультраправыми деятелями. Исследование почти 7,5 миллионов твитов во время кризиса беженцев 2015–2016 годов выявило всплеск ультраправой активности, когда беженцы были представлены в ксенофобских терминах и изображены как угроза безопасности, экономике и культуре Европы[b]. Последующие исследования выявили скоординированные кампании, проводившиеся перед национальными выборами[c] и в противовес Глобальному договору о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 года[d]. Сторонники этой кампании ответственны за почти половину самых популярных видеороликов о Глобальном договоре в «Ютубе» и продвигают ложное утверждение о требовании к государствам объявить вне закона критику миграции[e]. Поскольку большая часть этой деятельности сосредоточена вокруг проблемы мусульманской миграции, исламофобия, по-видимому, является объединяющим фактором для различных крайне правых групп[f].

a Institute for Economics and Peace, 2020.
b Siapera et al., 2018.
c Avaaz, 2019; Davey and Ebner, 2017.
d McAuliffe, 2018.
e ISD, 2019.
f Froio and Ganesh, 2018.

Процесс дезинформации в Интернете: дезинформации в Интернете, сведенная к ее основным составляющим, когда она успешна, представляет собой процесс, в котором участвуют разные субъекты и имеются последовательные этапы. По сути, недобросовестные субъекты создают и распространяют дезинформацию, используя онлайн-платформы в качестве средства распространения и продвижения, в то время как аудитория

21 Gleicher, 2018.
22 Pasquetto, 2020.
23 Mossou and Lane, 2018.
24 Carlson et al., 2018.

придает дезинформации смысл и значение благодаря своей готовности взаимодействовать с ней (см. рисунок 1). Конечно, любой конкретный сценарий онлайн-дезинформации сложнее, чем предполагает эта простая модель передачи. Тем не менее он позволяет определить, как различные контрмеры помогают вмешаться в этот процесс и нарушить его.

Как уже отмечалось, недобросовестные субъекты могут быть определены коллективно по их общему намерению обмануть общественность или манипулировать ею. Многое из того, что известно о недобросовестных субъектах, получено от исследователей и в результате журналистских расследований, а не от данных, предоставленных технологическими платформами. Целью данной работы является определение масштабов дезинформации и характера методов манипулирования. Со своей стороны, платформы предприняли шаги по удалению поддельных аккаунтов, а независимые разработчики технологий разработали множество общедоступных инструментов для выявления манипулируемого контента и мошеннических действий.

Платформы позволяют распространять дезинформацию, способствуя бесплатному или недорогому и целевому распространению. Показатели вовлеченности, алгоритмы рекомендаций и индустрия Интернет-рекламы также стимулируют низкокачественный и сенсационный контент. Исходя из этого, платформы находятся в центре внимания для политики и усилий гражданского общества по снижению стимулов для недобросовестных субъектов и повышению прозрачности и подотчетности. Например, в соответствии с саморегулируемым Кодексом практики Европейского союза по борьбе с дезинформацией[25] платформы обеспечивают большую прозрачность Интернет-рекламы; хотя собственная оценка Кодекса, проведенная Европейским союзом, выявила в нем серьезные недостатки[26].

Рисунок 1. Процесс дезинформации в Интернете

Источник: Собственная работа авторов.

Наконец, аудитория, пожалуй, самый важный компонент процесса. В конце концов, дезинформация становится проблемой только тогда, когда она находит восприимчивую аудиторию, готовую поддержать ее или поделиться ею. Многие факторы влияют на восприимчивость аудитории к дезинформации, в том числе предшествующие знания и предвзятость, неоднократное воздействие ложных утверждений, а также готовность или способность критически рассматривать новую информацию. Дезинформационный контент часто позволяет апеллировать к существующим предубеждениям целевой аудитории и вызывать сильные эмоции в попытке спровоцировать

25 European Commission, 2018.
26 ERGA, 2020.

возмущение[27]. Основное внимание вмешательств в этой области уделяется образовательным и расширяющим возможности инициативам, которые помогают аудитории оценить достоверность контента.

Однако, подчеркивая центральную роль технологий, важно также признать, что технологии не действуют изолированно от других социальных сил. Недавно был проведен сравнительный анализ 18 стран для изучения национальных уровней устойчивости к дезинформации в Интернете[28]. В качестве вероятных предикторов уязвимости были определены следующие факторы: политическая среда, характеризующаяся популизмом и социальной поляризацией; и медийная среда, характеризующаяся низким доверием к новостям, слабыми общественными СМИ, большими рекламными рынками и широким использованием социальных сетей. Таким образом, все эти факторы необходимо учитывать и преодолевать в рамках комплексного реагирования на дезинформацию.

Контексты

В этом разделе рассматривается, как факторы, связанные с обществом и политикой, средствами массовой информации и технологиями, влияют на дезинформацию о мигрантах и миграции. Затем в нем изложены современные представления о передовых подходах к повышению устойчивости общества к дезинформации.

Кампании по дезинформации против мигрантов и меньшинств имеют долгую мировую историю. Одним из показательных примеров является появление в России в 1903 году «Протоколов сионских мудрецов». Оно стало предзнаменованием ложных историй, сфабрикованных доказательств и высокопоставленных амплификаторов, которые оживляют и современную дезинформацию. Поддельный документ был представлен как утечка доказательства заговора по установлению еврейского господства. Эта конспирологическая теория набрала обороты и распространилась по всему миру через прессу и брошюры, а также благодаря поддержке крупных общественных деятелей, включая американского промышленника Генри Форда. Из этого случая можно извлечь два важных урока: успешная дезинформация усиливает существующие предубеждения и опирается на структуры коммуникативной власти и влияния[29]. Другими словами, конкретные случаи дезинформации необходимо рассматривать в контексте более широких исторических моделей предрассудков, неравенства и доступа к власти.

Общество и политика: Во многих странах высокопоставленные политические деятели сделали дезинформацию о миграции нормой и полагаются на сочувствующие им СМИ[30]. Часто эти аргументы сосредоточены на экономике. Беспокойство общества по поводу экономических последствий и социальных изменений направлено против мигрантов, даже несмотря на то, что уровень безработицы и дефляция заработной платы являются результатом государственной экономической политики, а не миграции[31]. Например, в Южной Африке исследования постоянно показывают, что миграция является чистой экономической выгодой для страны, но мигранты становятся «козлами отпущения», когда их изображают как причину высокого уровня безработицы[32]. В Соединенных Штатах предвыборная кампания Дональда Трампа 2016 года породила опасения по поводу того, что мексиканцы «роятся» над южной границей, и обещания «построить стену» для защиты неприкосновенности государства. Хотя риторика Трампа в основном была направлена против

27 Bakir and McStay, 2018; Paschen, 2019.
28 Humprecht et al., 2020.
29 Culloty and Suiter, 2021.
30 Crandall et al., 2018.
31 Hogan and Haltinner, 2015.
32 McKaiser, 2019.

мексиканцев, гиперпартийные СМИ распространили нагнетание страхов на мусульман[33]. В Соединенном Королевстве риторика в поддержку Брекзит в значительной степени была сфокусирована на миграции из Восточной Европы и Ближнего Востока. Легальную миграцию в Европейский союз часто путали с поиском убежища, поскольку кампания «Голосуй за выход» подогревала опасения по поводу неминуемого прибытия миллионов турок[34], а правая пресса усиливала эти мнения[35].

В то же время недобросовестные субъекты активно поощряют недоверие к элитам и институтам. Во многом так называемый «кризис постправды» — это кризис доверия. За последний год пандемия COVID-19 способствовала дальнейшему снижению доверия. Исследование агентства «Эдельман» «Барометр доверия» 2021 года показало, что большинство респондентов в 27 странах считают, что руководители правительств (57%), руководители бизнеса (56%) и журналисты (59%) намеренно пытаются ввести общественность в заблуждение[36]. Однако, хотя эти цифры провоцируют тревогу в западных странах, европоцентристские идеи о доверии аудитории к правительству и традиционным средствам массовой информации нелегко перенести в любую страну, где свобода средств массовой информации исторически была недостаточной[37]. Например, в Северной Африке социальные сети предоставили новые возможности для свободы самовыражение в противовес государственным СМИ[38]. В то же время социальные сети предоставляют мигрантам и людям, находящимся в транзите, возможности для самовыражения и способность поднимать заботящие их вопросы прав человека[39].

Средства массовой информации: Журналистов часто критикуют за негативное освещение миграции. В некоторых средствах массовой информации использование страха в качестве инструмента фрейминга приводит к постоянному потоку «плохих новостей» о преступности мигрантов, общественных беспорядках и насилии[40]. Таким образом, средства массовой информации обеспечивают недобросовестных субъектов историями, которые можно перепрофилировать и вырвать из контекста для продвижения их собственной повестки дня[41]. Во время так называемого кризиса беженцев 2015–2016 годов европейские средства массовой информации играли центральную роль в представлении прибытия беженцев и мигрантов в качестве кризиса для Европы, уделяя при этом мало внимания мигрантам и их опыту[42]. Этот нарратив также преобладает в Северной Африке, где освещение в СМИ часто акцентирует дискриминацию и расизм[43]. Стереотипные и негативные образы мигрантов закрепляет дискурс о миграции как о «вторжении» или «бремени», что усугубляет предрассудки и враждебное отношение. Эти взгляды были связаны с подъемом антииммигрантских политических партий и усилением антииммигрантской риторики в политике[44].

Конечно, есть и примеры того, как средства массовой информации разоблачают несправедливость в обращении с мигрантами, но журналистские расследования находятся под давлением. Современные отделы новостей испытывают нехватку ресурсов, а журналистам часто не хватает времени и денег, чтобы обеспечить всестороннее и контекстуальное освещение. Журналистам также может не хватать соответствующей

33 Benkler et al., 2018.
34 Ker-Lindsay, 2018.
35 Morrison, 2019.
36 Edelman, 2021.
37 Schiffrin, 2018.
38 Deane et al., 2020.
39 Creta, 2021.
40 Philo et al., 2013.
41 Ekman, 2019.
42 Georgiou and Zaborowski, 2017.
43 ICMPD, 2017; Pace et al., 2020.
44 Allen et al., 2017.

подготовки для достижения этой цели, в то время как некоторые отделы новостей могут руководствоваться и контролироваться политическими и финансовыми интересами, что приводит к культуре самоцензуры[45]. Следовательно, многие средства массовой информации освещают миграцию без необходимого контекста, и их материалы являются поверхностными, упрощенными и плохо информированными, если не политически предвзятыми. Даже в странах с высоким уровнем свободы СМИ освещение в новостях, как правило, отражает приоритеты и заботы правительств[46].

Поощрение лучших медиапрактик

Несколько организаций, в том числе МОМ, Международный центр развития миграционной политики (МЦРМП) и Центр открытых медиа, в 2017 году учредили премию Премия за освещение миграции в СМИ[a]. Эта инициатива направлена на поощрение журналистов за представление высококачественных материалов о миграции в Европейско-Средиземноморском регионе. Аналогичным образом, в 2017 году МОМ учредила Премию южноамериканской миграционной журналистики в знак признания работы журналистов, применяющих правозащитный подход к освещению миграции. Это включает в себя подчеркивание положительного вклада мигрантов, борьбу с негативным восприятием мигрантов и содействие предотвращению ксенофобии, расизма и дискриминации[b]. Объявленное в 2020 году учреждение Глобальной миграционной медиа-академии предоставит журналистам и студентам бесплатную платформу для изучения передовых практик освещения миграции и противодействия дезинформации[c]. Поощрение честных, основанных на фактах репортажей в соответствии со стандартными требованиями этической журналистики может, в свою очередь, создать пространство для основанных на фактических данных дебатов о миграционной политике.

Мигранты и потенциальные мигранты нуждаются также в достоверной информации о странах транзита и своего назначения. Цифровые технологии дают мигрантам средства поддержки в принятии решений[d]. Онлайн-платформа «Инфомайгрантс» была разработана консорциумом европейских СМИ и агентств[e]. Совместно финансируемая Европейским союзом, она направлена на противодействие слухам и дезинформации путем предоставления объективных и сбалансированные новостей о странах, которые покинули мигранты, странах, через которые они путешествуют, и странах, в которых они надеются обосноваться. Служба новостей работает на пяти языках: французском, арабском, английском, дари и пушту.

a См. подробнее на сайте www.migration-media-award.eu.
b МОМ, 2017.
c МОМ, 2021.
d McAuliffe, 2016.
e См. подробнее на сайте www.infomigrants.net/en/.

Технологии: Хотя пришествие Интернета обещало новые рубежи свободы выражения мнений и доступа к информации, в мире Интернета доминирует небольшая группа компаний. Они развились далеко за пределы своей первоначальной направленности (онлайн-покупки, веб-поиск, социальные сети) и стали обширными инфраструктурами, от которых зависят целые секторы социальной и экономической жизни. Бизнес-модель относительно проста: они предлагают пользователям бесплатный доступ к контенту и услугам, одновременно

45 Schiffrin, 2018.
46 Allen at al., 2017.

накапливая данные, которые приносят доход за счет персонализированной рекламы и других услуг на основе данных[47].

Поскольку эти платформы предназначены для максимального вовлечения, а не для обмена информацией или гражданских дебатов, они предоставляют множество возможностей для процветания дезинформации. Показатели вовлеченности — просмотры, лайки, перепосты, поклонники и подписчики — стимулируют привлекающий внимание контент, включая дезинформацию[48], в то время как непрозрачные алгоритмы влияют на контент, который видят люди, и иногда могут загнать их в «кроличьи норы» экстремистского и конспирологического дискурса[49]. Будучи рекламными компаниями, «Гугл» и «Фейсбук» замешаны в финансировании дезинформации. Например, «Гугл» обеспечивает три четверти дохода от рекламы, получаемого дезинформационными веб-сайтами[50]. В этом контексте некоторые утверждают, что платформы социальных сетей породили культуру цифровой ненависти[51]. Нативистские, расистские и ксенофобские нарративы, которые ранее прозябали на периферии веб-сайтов, где людям приходилось их активно искать, теперь охватывают более широкую аудиторию на популярных платформах социальных сетей[52].

Хотя технологические платформы оказали беспрецедентное влияние на повседневную жизнь, они не развили – или были вынуждены развить – соответствующие структуры управления и подотчетности. Чтобы противодействовать дезинформации, технологические платформы сотрудничают со специалистами по проверке фактов и СМИ и экспериментируют с вмешательством аудитории. В той или иной степени они полагаются на модераторов-людей для оценки контента. Тем не менее технологические или автоматизированные подходы к модерации контента составляют основу реагирования платформ[53]. Главное преимущество технологического подхода — обещание модерировать контент на скорости и в масштабе, но есть и серьезные недостатки с точки зрения точности, надежности и надзора. Более того, человеческий надзор за модерацией контента часто передается на аутсорсинг малообеспеченным подрядчикам[54]. В 2018 году Организация Объединенных Наций обвинила «Фейсбук» в том, что он играет «определяющую роль» в подстрекательстве к геноцидному насилию против населения рохинджа в Мьянме. Расследование, проведенное агентством Рейтер, показало, что люди-модераторы «Фейсбук» и его алгоритмическая система модерации не могут понимать региональные языки[55].

47 Wu, 2017.
48 Shao et al., 2018.
49 Hussein et al., 2020.
50 GDI, 2020.
51 Ganesh, 2018.
52 Ekman, 2019; Farkas et al., 2017.
53 See Alaphilippe et al., 2019; Bontcheva et al., 2020.
54 Roberts, 2019.
55 Stecklow, 2018.

Дезинформация как катализатор вредоносных взглядов

В недавнем исследовании изучалось, как дезинформация вызывает враждебность по отношению к беженцам рохинджа в «Фейсбук». В течение девяти месяцев, начиная с января 2020 года, в исследовании анализировались посты и комментарии на страницах «Фейсбук» в Бангладеш и Малайзии. Подавляющее большинство постов как в Бангладеш (80%), так и в Малайзии (77%) были либо положительными, либо нейтральными в своем отношении к беженцам рохинджа. Однако большинство комментариев к этим постам были негативными: 58% в Бангладеш и 70% в Малайзии. Преобладающая тема в этих негативных комментариях состояла в утверждениях о том, что беженцы пользуются предпочтительным обращением – со стороны неправительственных организаций, правительств и международного сообщества, – создавая нагрузку на ресурсы принимающих стран. Эти и связанные с ними претензии усиливались в течение всего периода, что привело к преследованию рохинджа в социальных сетях параллельно с их преследованием в реальной жизни.

Источник: Urquhart, 2021.

Как уже отмечалось, кризис постправды в некотором смысле является кризисом доверия. Быстрая эволюция цифровой коммуникации происходила без адекватной разработки норм, которыми люди могли бы руководствоваться при принятии решений о том, кому или чему доверять в Интернете. В результате многие исследователи и предприниматели разработали новые инструменты для обнаружения дезинформации и предоставления рекомендаций пользователям. Например, InVid[56] — это бесплатная платформа проверки, которая оценивает достоверность онлайн-видео, а Logically[57] сочетает искусственный и человеческий интеллект для оценки достоверности онлайн-источников и историй. Совсем недавно крупные технологические компании и средства массовой информации, в том числе «Майкрософт», «Твиттер», Би-Би-Си и «Адоуби», сформировали Инициативу по обеспечению подлинности контента, чтобы установить стандарты для надежного онлайн-контента[58]. Хотя эти и многие подобные нововведения сцепились в «гонке вооружений» со недобросовестными субъектами, которые неизбежно будут искать новые способы уклониться от обнаружения, непреходящее значение может иметь разработка норм и стандартов для производства и получения информации в Интернете.

Повышение устойчивости общества к дезинформации

Некоторые черты связаны с восприимчивостью к дезинформации, в том числе низкие когнитивные способности, плохое знание темы, мотивированное мышление и низкий уровень медиаграмотности. Например, некоторые исследования показывают, что пожилые люди и люди с сильными предубеждениями с большей вероятностью поверят дезинформации[59]. Во многих странах дезинформация о миграции обусловлена низким уровнем информированности общественности[60] и возрождением националистических настроений,

56 www.invid-project.eu/.
57 www.logically.ai/about.
58 https://contentauthenticity.org/.
59 Guess et al., 2020.
60 Alesina et al., 2018; Grigorieff et al., 2020.

что связано с враждебностью по отношению к мигрантам[61]. Эти факторы способствуют дезинформации против иммигрантов. Однако другие исследователи утверждают, что ситуационные факторы (например, пауза для проверки точности) и когнитивные факторы (например, способность оценивать информацию) более важны, чем предшествующие знания или предвзятость[62]. Это важно, поскольку предполагает, что контрмеры, ориентированные на аудиторию, могут иметь значительное влияние.

Исправление и упреждающее разоблачение информации: Появляется все больше доказательств того, что лаконичные и повторяющиеся исправления могут уменьшить неправильное восприятие. Исследование неправильных представлений о миграции показало, что предоставление верной информации снижает негативное отношение к мигрантам, а также углубляет знание фактов[63]. Однако содержание и формат исправления имеют значение. Содержание имеет значение, потому что простое заявление о том, что информация неверна, мало что может сделать для устранения неправильных представлений. Напротив, предоставление объяснения более эффективно, потому что оно помогает аудитории обновить свои знания. Формат имеет значение, потому что аудитория может только просмотреть контент. Если при исправлении не будет отдаваться приоритет правильной информации или будут чрезмерно подчеркиваться ложные утверждения, важные факты могут быть потеряны. Чтобы избежать таких сценариев, передовая практика рекомендует подход «сэндвича правды», при котором исправление начинается с правильной информации, прежде чем объяснять природу дезинформации и почему она неверна. На последнем этапе снова подтверждается правильная информация.

Рисунок 2. Шаги разоблачения

Источник: Lewandowsky et al., 2020.

61 Hiers et al., 2017; Feinstein and Bonikowski, 2021, McAuliffe et al., 2019.

62 Pennycook and Rand, 2019.

63 Grigorieff et al., 2020.

Исправление — это защитная стратегия, реагирующая на дезинформацию после ее распространения. Существуют очевидные ограничения, учитывая объем распространяемой дезинформации и сложность охвата всех тех, кто подвергался ее воздействию.

С другой стороны, упреждающее разоблачение представляет собой наступательную стратегию, предвосхищающую дезинформацию и предупреждающую общественность о тактике манипулирования[64]. Этот подход иногда сравнивают с прививкой. Основная идея заключается в том, что, как только люди научатся распознавать тактику манипулирования и уже будут вооружены правильной информацией, они смогут отторгать дезинформацию при столкновении с ней. Преимущество упреждающего разоблачения заключается в масштабе, поскольку этот метод можно встраивать в материалы по медиаграмотности и распространять через онлайн-игры и другие увлекательные материалы. В 2018 году голландские исследователи разработали игру Bad News («Плохие новости») в сотрудничестве с медиа-платформой DROG[65]. В этой бесплатной онлайн-игре игроки используют тактику, вводящую в заблуждение, чтобы построить свою собственную империю фейковых новостей. Масштабная оценка с участием 15 000 человек показала, что способность людей выявлять дезинформацию и сопротивляться ей улучшилась после игры, независимо от их образования, возраста, политической идеологии и стиля познания[66]. Была разработана более поздняя версия игры, Harmony Square («Площадь гармонии»)[67], с тем чтобы акцентировать внимание на тактике манипулирования во время избирательных кампаний.

Прекращение распространения дезинформации: В популярных дискуссиях о дезинформации проявляется прискорбная тенденция предполагать, что показатели распространения дезинформации являются индикатором уровня общественного мнения. Напротив, исследования аудитории из Африки, Азии и Европы показывают, что люди делятся дезинформацией по разным причинам, включая самовыражение, развлечение и желание предупредить других о потенциальной опасности[68]. Последний мотив примечателен, поскольку дезинформация часто играет на эмоциях людей, порождая страх перед угрозами безопасности близких и общин. В этих обстоятельствах распространению дезинформации способствуют желание гражданина информировать других людей и социально оправданное желание первым поделиться новой информацией[69]. Таким образом, задача состоит в том, чтобы найти способы использовать чувство гражданского долга людей для поощрения позитивных практик.

Многообещающее направление исследований в этой области показывает, что простое побуждение людей сделать паузу и подумать о точности сообщения значительно улучшает их способность отвергать дезинформацию, а также снижает намерение делиться дезинформацией[70]. Большинство платформ исследовали ограниченную версию этого подхода путем прикрепления информационных меток к контенту, в то время как «Твиттер» дополнительно предлагает людям открыть ссылку на новость перед ее ретвитом. В целом многие кампании по повышению медиаграмотности поддерживают идею «остановись и подумай». Во время пандемии COVID-19 организаторы акции «Пауза»[71] в рамках кампании Организации Объединенных Наций предлагали

64 Cook et al., 2017; Roozenbeek et al., 2020.

65 www.getbadnews.com.

66 Roozenbeek et al., 2020.

67 https://harmonysquare.game/en.

68 Banaji and Bhat, 2019; Chadwick and Vaccari, 2019; Chakrabarti et al., 2018.

69 Chakrabarti et al., 2018.

70 Pennycook et al., 2020.

71 www.takecarebeforeyoushare.org/.

людям задуматься, прежде чем делиться информацией в Интернете. Кампания включает демонстрацию видеороликов, графиков и красочных анимаций, которые подчеркивают важность распространения в социальных сетях только надежного, точного и научно обоснованного контента.

Надежные и доступные источники информации: Для исправления дезинформации обычно обращаются к экспертным источникам, которые, как правило, считаются в большей степени заслуживающими доверия, чем люди в одинаковом положении[72]. Однако убедительность строится на доверии в дополнение к экспертным знаниям[73], и в некоторых сценариях доверие может иметь большее значение, чем экспертный опыт[74]. Усилия по предоставлению точной информации о рисках миграции должны учитывать тот факт, что потенциальные мигранты в целом не доверяют официальным информационным кампаниям и властям, включая правительства и международные организации[75]. Точно так же полагаться на средства массовой информации или правительства для исправления ложной информации может быть неэффективным в тех случаях, когда люди уже не доверяют этим учреждениям.

В этом контексте пользующиеся доверием рядовые участники коммуникации играют важную роль в продвижении надежной информации. В целях противодействия дезинформации о COVID-19 инициатива «Проверено» Организации Объединенных Наций опиралась на новый подход к привлечению граждан в качестве доверенных общественных рассыльщиков[76]. В рамках этой инициативы людям предлагалось стать информационными добровольцами, которые ежедневно получают достоверную информацию, оптимизированную для обмена в социальных сетях. Хотя COVID-19 послужил катализатором прогресса кампаний, инициируемых самими участниками, они и ранее использовались в контексте миграции. Например, кампания «Ошибки молвы» в Коста-Рике опирается на принципы широкого участия и привлечения пользующихся доверием рядовых участников для противодействия слухам о легализации миграции[77].

KANERE.ORG
KAKUMA NEWS REFLECTOR

Новостное агентство мигрантов КАНЕРЕ: В Какуме на северо-западе Кении расположен один из крупнейших в мире лагерей для перемещенных лиц. Здесь также находится КАНЕРЕ[a], первое в мире полностью независимое новостное агентство о лагерях беженцев. Название КАНЕРЕ является сокращением от «зеркало новостей Какума». Редактор-основатель Каабата Бору сам является беженцем. Сейчас он живет в Ванкувере, Канада, где удаленно редактирует КАНЕРЕ и курирует многонациональную команду из 17 репортеров. КАНЕРЕ начало свою деятельность в 2008 году с миссии «создать более открытое общество в лагерях беженцев и разработать платформу для честных публичных дебатов по делам беженцев». Агентство сосредоточилось на вопросах, которые важны для беженцев, включая пандемию COVID-19, законные права беженцев и вызывающий тревогу уровень самоубийств среди женщин. Бору объяснил: «Мы - первый контакт с сообществом. Благодаря этому мы можем завоевать доверие». Как надежный источник новостей, КАНЕРЕ находится на переднем крае противодействия ложной информации и обеспечения доступа беженцев к достоверной информации. Во время COVID-19 КАНЕРЕ отслеживало

72 Vraga and Bode, 2017.
73 Swire-Thompson and Ecker, 2018.
74 Benegal and Scruggs, 2018.
75 European Commission, 2018; Vammen et al., 2021.
76 https://shareverified.com/en/.
77 https://www.somoscolmena.info/es/costa-rica.

и развенчивала мифы и слухи о COVID-19, циркулирующие в лагере. Эти слухи подрывали общественное здравоохранение и в некоторых случаях стигматизировали определенные группы. Чтобы противодействовать ложной информации, KANERE публиковало отчеты в Интернете и с помощью громкоговорителя доводило достоверную информацию до сведения жителей различных частей лагеря.

a https://kanere.org/.

Наконец, надежная информация должна быть доступна для целевой аудитории. Если приспосабливать информацию к предпочитаемым аудиторией форматам и каналам, сообщение с большей вероятностью будет получено и распространено. Для многих людей визуальная информация более привлекательна и доступна, чем текст. Предоставление доступной информации требует усилий, и не в последнюю очередь потому, что точная информация может быть сложнее, чем слухи. Исследования показывают, что исправления информации с большей вероятностью привлекут внимание, если они визуальны[78].

Проблемы и вызовы

В этом разделе описываются основные вызовы противодействия дезинформации о миграции. Поскольку дезинформация в Интернете является относительно новым явлением, эти проблемы в первую очередь касаются пробелов в знаниях и связанных с ними проблем с доступом к данным и неравным распределением платформ и исследовательских ресурсов.

Пробелы в знаниях: Существуют значительные пробелы в знаниях о воздействии дезинформации и долгосрочной эффективности контрмер. Что касается воздействия, то исследования больших данных выявляют масштаб или объем ложной информации о миграции. Однако свидетельства дезинформационных кампаний не обязательно приводят к влиянию на общество или демократию. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы понять механизмы влияния дезинформации. Это важно для обеспечения того, чтобы внимание и ресурсы были сосредоточены на дезинформации, которая может оказать влияние. Что касается контрмер, то, хотя формируется консенсус вокруг утверждения о том, что исправление информации эффективно с точки зрения сокращения ложных убеждений, многое остается непонятным. В частности, необходимы лонгитюдные исследования, чтобы понять, являются ли эффекты длительными. Текущие исследования показывают, что исправления менее эффективны, когда дезинформация изначально была приписана надежному источнику; когда люди подвергались дезинформации несколько раз до исправления; и когда существует временная задержка между первоначальным воздействием и исправлением[79]. Другие исследования показывают, что исправления могут уменьшить ложное восприятие, но мало что делают для изменения лежащих в основе установок[80].

Связанный с этим вопрос касается отсутствия разнообразия в исследованиях. Большая часть финансирования и ресурсов сосредоточена в богатых странах, а количественных и качественных исследований из других регионов явно не хватает. Кроме того, различные платформы в значительной степени отказываются делиться

78 McAweeney, 2018.

79 Walter and Tukachinsky, 2020.

80 Nyhan and Reifler, 2015.

соответствующими данными с независимыми исследователями, что сильно препятствует усилиям по оценке масштаба и характера проблемы и оценке эффективности вмешательств. Более того, вмешательства платформ носят весьма избирательный характер и, как правило, сосредоточены в западных странах, где они сталкиваются с пристальным вниманием со стороны политиков. Например, основные платформы вмешались, чтобы противодействовать дезинформации во время президентских выборов 2020 года в США, но не оказали такой же поддержки в ходе одновременных выборов в Шри-Ланке и Нигерии.

Регулирование платформ: Сохранение серьезных пробелов в знаниях, связанных с дезинформацией о технологических платформах, свидетельствует о провале саморегулирования. В ответ на опасения по поводу дезинформации и связанных с этим вопросов платформы выступили с инициативами по обеспечению прозрачности. Помимо того факта, что эти инициативы были сочтены недостаточными[81], прозрачность без подотчетности мало что дает. Подотчетность подразумевает независимый надзор или проверки со стороны экспертов, которые имеют возможность и полномочия для оценки ситуации с учетом интересов общества и защиты основных прав. Более строгое регулирование может также заставить платформы сотрудничать с проверенными исследователями дезинформации и расследователями для выявления угроз дезинформации и оценки эффективности контрмер.

Неоднозначность определений: Существует риск того, что термин «дезинформация» будет распространен на все виды контента, который считается проблематичным или неприятным. Некоторые страны уже приняли новые законы против дезинформации[82], которые подверглись критике за их потенциально сдерживающее воздействие на свободу выражения мнений. Продолжаются споры о том, как сбалансировать основные права с необходимостью смягчения общественного вреда[83]. Неоднозначность определения дезинформации представляет собой проблему в этом процессе и имеет более широкие последствия.

Во многих случаях границы между ложной информацией, мнениями и интерпретациями доказательств размыты. В отличие от научных вопросов, по которым существует установившийся консенсус, таких как вопросы климата, вопросы социального и политического характера представляют особую трудность, поскольку факты часто не являются абсолютными. Что касается миграции, например, то в академических кругах ведутся постоянные дебаты о том, как оценивать статистику миграции и преступности[84], и эта тема вызывает сенсационное освещение в СМИ и активность антииммигрантских субъектов.

В других случаях виды контента, созданного недобросовестными субъектами, по своей сути не имеют фактологического характера. Например, кампании, нацеленные на мигрантов, демонстрируют «злобное творчество» в использовании сарказма, шуток и мемов[85]. Такое культурное содержание проблематично[86], но часто выходит за рамки фактических утверждений, а его двусмысленный характер может создать трудности в установления намерения. Таким образом, предстоит проделать большую работу на концептуальном, практическом и политическом уровнях.

81 ERGA, 2020.
82 Funke and Flamini, 2020.
83 Bontcheva et al., 2020; Ponsetti and Bontcheva, 2020.
84 Ousey and Kubrin, 2018.
85 de Saint Laurent et al., 2020.
86 Marwick and Lewis, 2017.

Заключение

В этой главе были рассмотрены факторы, формирующие дезинформацию о миграции, и ряд контрмер, направленных на улучшение информационной среды. Во многих отношениях нынешние усилия по противодействию дезинформации в Интернете кажутся разрозненными и нескоординированными. Однако дезинформация, в том числе дезинформация о миграции, представляет собой многогранную проблему. Повышение устойчивости к дезинформации — это долгосрочный проект, который должен решать пересекающиеся социальные проблемы, включая снижение уровня доверия и усиление поляризации. В ближайшей перспективе требуется более тесное сотрудничество между секторами и странами для выявления кампаний по дезинформации и противодействия им. Это особенно верно в контексте миграции, когда мигранты нуждаются в доступе к достоверной информации при пересечении границ и когда скоординированные кампании по дезинформации уже носят транснациональный характер. Одним из положительных результатов кризиса COVID-19 стало укрепление международного сотрудничества, одним из примером которого является Альянс проверки фактов о коронавирусе[87]. Учрежденный в январе 2020 года, он объединил более 100 специалистов по проверке фактов из 70 стран, которые пользуются общими ресурсами и опытом.

Сводя вместе вопросы, обсуждаемые в главе, мы выделяем следующий неисчерпывающий набор широких предложений для разработчиков политики, технологических платформ, НПО, СМИ и исследователей:

Разработчикам политики следует:
- требовать большей подотчетности от цифровых платформ;;
- разработать механизмы совместного регулирования цифровых платформ;
- защищать свободу СМИ и свободу выражения мнений;
- взаимодействовать с заинтересованными сторонами для обеспечения того, чтобы меры реагирования были адекватными и соответствовали передовой практике, основанной на фактических данных;
- инвестировать в инициативы по мониторингу, оценке и противодействию дезинформации.

Платформам следует:
- обеспечить достаточный доступ к данным для исследований и надзора;
- развернуть мероприятия во всех регионах, подверженных риску вредоносных кампаний по дезинформации, особенно во время выборов;
- работать с проверенными заинтересованными сторонами для своевременного выявления угроз;
- разработать и внедрить нормы передовой практики для маркировки онлайн-информации.

НПО, журналистам и другим медийным заинтересованным сторонам следует:
- обеспечить мигрантам доступ к надежной и доступной информации;
- обеспечить для журналистов обучение и ресурсы, чтобы они могли ответственно освещать миграцию и дезинформацию о миграции;
- публиковать повторные исправления в доступных форматах для противодействия ложным утверждениям;
- просвещать общественность в отношении медиаграмотности и дезинформации.

Исследователям следует:
- проводить исследования эффективности контрмер;
- сотрудничать с исследователями из стран с ограниченными ресурсами, чтобы сократить географически обусловленные пробелы в знаниях.

87 www.poynter.org/coronavirusfactsalliance/.

MARIAM TRAORE CHAZALNOËL
ALEX RANDALL

9 МИГРАЦИЯ И МЕДЛЕННО НАСТУПАЮЩИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА: ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ И ПРИНЯТИЕ МЕР[1]

Введение

За последнее десятилетие взаимосвязь между изменением климата и миграцией явно привлекала все большее внимание в политической повестке дня, и в настоящее время гораздо больше осознается необходимость освещения этой сложной темы[2]. Об этом растущем политическом интересе свидетельствует разработка глобальных принципов, например, рекомендаций, сформулированных в соответствии с Глобальным договором о безопасной, упорядоченной и легальной миграции[3], и в Рекомендациях, разработанных в соответствии с Рамочной конвенцией Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИКООН)[4] в лице ее Целевой группы по перемещению[5]. Параллельно с глобальными дискуссиями проводятся региональные диалоги по вопросам политики – как об изменении климата, так и о миграции, – в ходе которых также изучаются способы разработки решений, которые могут помочь государствам управлять миграцией в условиях изменяющегося климата таким образом, чтобы это приносило пользу пострадавшему населению[6].

Сейчас мы находимся на перепутье: принципы политики необходимо воплотить в практические действия на местах, особенно на национальном и местном уровнях. Некоторые страны уже разработали национальную политику и механизмы, направленные на решение проблем, связанных с неблагоприятным воздействием изменения климата на миграцию[7], даже если такие усилия остаются относительно ограниченными. Одной из основных трудностей при разработке политики в области климата и миграции является сложный характер затрагиваемых вопросов. Миграция в контексте неблагоприятных климатических воздействий в основном имеет много причин, так как решение о миграции часто формируется под воздействием сочетания различных факторов, в том числе климатических. В то же время на решение или необходимость миграции может повлиять широкий спектр экологических и климатических факторов, от внезапно возникающих стихийных бедствий, таких как тайфуны и наводнения, до медленно протекающих процессов, таких как повышение уровня моря и деградация земель[8].

Еще одна сложность связана со многими формами, которые может принимать миграция в контексте изменения окружающей среды, когда люди перемещаются на близкое или далекое расстояние, внутри страны или за границу, на ограниченный период времени или постоянно. В Канкунских рамках для адаптации 2010 года, первом крупном политическом документе по климату, включающем вопросы миграции, используется понятие

1 Мариам Траоре Шазальноэль, старший сотрудник по вопросам политики, МОМ; Алекс Рэндалл, руководитель программы Коалиции за климат и миграцию.

2 Traore Chazalnoël and Ionesco, 2018a.

3 ГА ООН, 2018.

4 РКИКООН, 2019.

5 В состав Целевой группы по перемещению входят 14 членов, включая сотрудников МОМ, работающих как в рамках РКИКООН, так в других областях, которые были отобраны на основе взаимодополняемости их опыта. Для получения дополнительной информации о Целевой группе см. https://unfccc.int/.

6 Traore Chazalnoël and Ionesco, 2018b.

7 МОМ, 2018a.

8 Ionesco et al., 2017.

перемещения, миграции и запланированного переселения, вызванных изменением климата, для обозначения континуума от вынужденных форм к добровольным формам миграции[9]. Кроме того, необходимо также продолжать изучать и учитывать в соответствующей политике воздействие изменения климата на лишенное возможностей мобильности и «попавшее в ловушку» население, остающееся на местах, у которого нет средств для миграции из пострадавших от деградации районов[10].

За последнее десятилетие был накоплен огромный объем знаний о связи изменения климата и миграции. В недавнем метаанализе доступной литературы сделан вывод о том, что «медленные климатические изменения, в частности экстремально высокие температуры и засушливые условия (т. е. экстремальное уменьшение количества осадков или засухи), с большей вероятностью увеличат миграцию, чем внезапно возникающие явления»[11]. У мигрантов, передвигающихся в целях адаптации к медленно наступающим воздействиям, может быть больше времени для сбора ресурсов, необходимых для миграции, в то время как внезапно возникающие явления снижают способность к перемещению из-за быстрого истощения ресурсов[12].

Свидетельство мигрантов: многопричинный характер климатической миграции

«А так как была война, то никакой поддержки от правительства мы не получали. Следовательно, есть совокупность факторов, заставивших нас страдать: засухи и война. Если бы войны не было, то мы могли бы остаться, но теперь, когда земля разграблена, у нас нет возможности претендовать на нее».

События, связанные с климатом, чаще всего создают модели внутренней мобильности, однако, когда изменения сочетаются с другими факторами, такими как вооруженный конфликт, могут возникнуть более сложные модели мобильности. В этом свидетельстве мы видим, как кто-то пересекает международную границу в результате сложного сочетания изменения количества осадков, вооруженного конфликта и несостоятельности государственных институтов и поддержки.

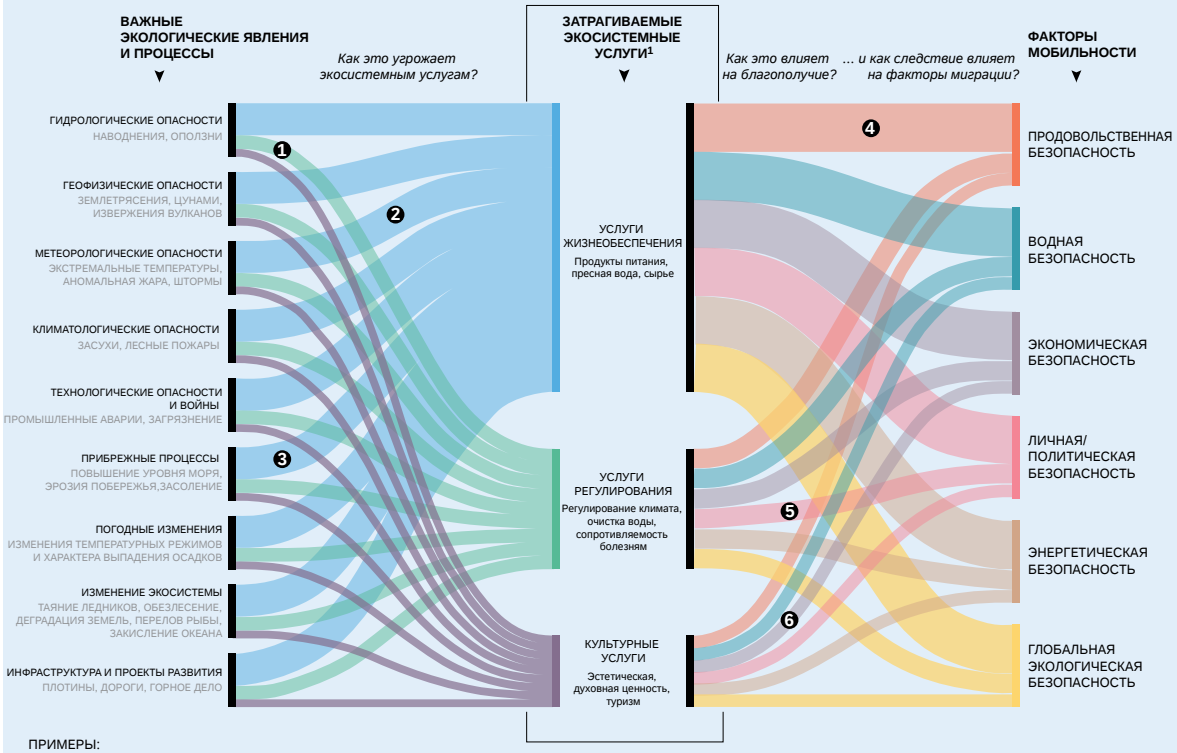
Контекст:
Это свидетельство было собрано исследователями, работающими в УВКБ ООН и Университете Организации Объединенных Наций, в рамках изучения опыта беженцев и внутренне перемещенных лиц в Восточной Африке.

Источники: Afifi et al., 2012; Brzoska and Fröhlich, 2016.

В этой главе основное внимание уделяется миграции в контексте медленно наступающих последствий изменения климата, а именно той области, в отношении которой сохраняются пробелы как в политике, так и в знаниях[13]. В ней представлены некоторые из основных вызовов, связанных с пониманием и принятием мер в отношении проблем медленно наступающих последствий изменения климата и миграцией, а также исследуется, как миграционная политика и практика могут сыграть роль в реагировании на некоторые из наиболее насущных вызовов. На протяжении всей главы свидетельства мигрантов ярко иллюстрируют, каким воздействиям подвергаются люди на местах и какие реалии необходимо учитывать разработчикам политики при воплощении принципов в практику.

9 РКИКООН, 2010.
10 Heslin et al., 2019.
11 Šedová et al., 2021:3.
12 Там же.
13 IDMC, 2019.

Связи между изменением окружающей среды, экосистемами и мобильностью людей



ПРИМЕРЫ:

1. Циклон уничтожает мангровые заросли > ставит под угрозу защиту от будущих опасностей
2. Потеря сельскохозяйственных угодий > снижение урожайности
3. Повышение уровня моря и проникновение соленой воды > затронуты ресурсы пресной воды
4. Потеря урожая > голод и недоедание
5. Эпидемии > риски для здоровья населения (и потенциальные социальные волнения)
6. Пострадавший туризм > потеря рабочих мест

1. Экосистемные услуги — это прямой и косвенный вклад экосистем в благополучие человека. Эти услуги сгруппированы в четыре категории: обеспечивающие, регулирующие, культурные и вспомогательные услуги. Вспомогательные услуги, каки всеобъемлющие услуги, на этой диаграмме не представлены.

Ширина стрелок не указывает на точное количество (это концептуальная диаграмма).

Источник: Millennium Ecosystem Assessment (2005)
© OIM (Mokhnacheva, Ionesco), Gemenne, Zoï Environment Network, 2015

Экосистемы подвергаются все большей опасности из-за медленно протекающих экологических явлений и процессов. Например, периоды сильной жары могут привести к потере сельскохозяйственных угодий и снижению продуктивности, а повышение уровня моря и проникновение соленой воды могут поставить под угрозу ресурсы пресной воды. Истощение экосистемных услуг из-за медленно протекающих процессов может напрямую повлиять на безопасность человека, например, за счет сокращения основных ресурсов, таких как пища и вода; и косвенно, например, когда возникают конфликты из-за скудных природных ресурсов. Угрозы безопасности человека, в свою очередь, могут побудить людей мигрировать в поисках альтернативных источников дохода и способов удовлетворения своих основных потребностей.

Адаптировано из MOM, 2015a.

Медленно проявляющиеся последствия изменения климата и миграция: ключевые концепции и текущий уровень знаний

В этой главе слово «миграция» используется в качестве общего термина для обозначения вынужденных и добровольных форм перемещения, которые могут иметь место в контексте изменения климата и окружающей среды. Эта терминология согласуется с текущим вкладом МОМ, которая разработала всеобъемлющие рабочие определения ключевых терминов, относящихся к взаимосвязи между миграцией и изменением климата (см. добавление A). Эти определения не являются нормативными и не согласованы на международном уровне — они направлены на то, чтобы обеспечить очерчивание широких контуров темы для рабочих целей. Это особенно полезно при обсуждении миграции в контексте медленно наступающих климатических воздействий, поскольку такая миграция может принимать различные формы и быть связана со многими факторами.

Свидетельство мигрантов: миграция в контексте медленно протекающих явлений может принимать разные формы…

«Мой дедушка, отец и я работали на этих землях. Но времена изменились…

Дождь идет позже, поэтому мы производим меньше. Единственный выход - уехать, хоть ненадолго. Каждый год я работаю от 3 до 5 месяцев в Вайоминге. Это мой основной источник дохода. Но покинуть мою деревню навсегда? Нет. Я вырос здесь и здесь останусь».

Когда люди перемещаются, чтобы справиться с последствиями изменения количества осадков для средств к существованию, они часто участвуют в круговой или сезонной миграции, неоднократно перемещаясь между разными местами, а не совершая одно постоянное перемещение. Цель этой модели миграции состоит в том, чтобы заменить потерянный доход в периоды нерегулярных осадков, но сохранить связи с семьей и общиной, которые остались на родине.

Контекст:
Эти показания были собраны исследовательской программой EACH-FOR. Респондент описывает ситуацию в сельской Мексике и свою миграцию в Соединенные Штаты.

Источники: Afifi et al., 2012; Brzoska and Fröhlich, 2016.

…и приводить к разным результатам:

«Я перебрался в соседний рыночный городок, чтобы продавать продукты. Городок был в пяти часах [ходьбы]. Я также работал плотником в городе. Когда шел дождь, я возвращался на ферму… Но из-за моего отсутствия моя жена не могла сама вести работу на ферме. Итак, в какой-то момент, когда дождя давно не было, вся семья решила переехать в рыночный городок».

Когда люди переезжают, чтобы справиться с потерей дохода, они редко пересекают международные границы. Люди часто перемещаются на кратчайшее расстояние, чтобы найти альтернативную работу.

В этом случае мы видим, что семья изначально не уехала вместе. Сначала переехал один член семьи, но по мере ухудшения ситуации вся семья переехала на новое место.

Контекст:
Это свидетельство было записано в рамках исследовательского проекта, проведенного УВКБ ООН и Университетом Организации Объединенных Наций. Исследователи опросили беженцев и вынужденных переселенцев, живущих в лагерях по всей Восточной Африке, о причинах их перемещения.

Источники: Afifi et al., 2012; Brzoska and Fröhlich, 2016.

С вопросом о том, как определить людей, мигрирующих в контексте воздействия климата, очень тесно связан вопрос о данных. Определение того, что такое климатическая миграция, формирует понятие о том, какие виды данных собираются и анализируются. В отсутствие универсально согласованного определения ни один набор данных не может быть полностью применим к климатической миграции, как это определено МОМ. Тем не менее различные источники данных позволяют создать общую картину того, как медленно протекающие явления в настоящее время влияют на модели миграции и каковы будущие ключевые тенденции. В этом контексте особенно полезны три типа данных: существующие данные о людях, перемещающихся в условиях неблагоприятного воздействия климата и окружающей среды; прогнозы относительно количества людей, которые могут мигрировать в будущем; и данные о группах риска. В совокупности эти различные источники могут помочь разработчикам политики внести изменения, которые могут определить будущие тенденции, особенно на национальном уровне.

Данные о текущей миграции, связанной с климатическими и экологическими воздействиями

В последние годы получение знаний и фактических данных о связях между миграцией, окружающей средой и изменением климата значительно возросло[14], что позволяет лучше понять, как экологические воздействия – в том числе медленно протекающие явления и стихийные бедствия – влияют на модели миграции на глобальном, региональном, национальном и местном уровнях. Засуха и опустынивание, которые оба входят в число медленно наступающих явлений, являются наиболее изученными угрозами в конкретных исследованиях по климатической миграции, собранных в базе данных CliMig[15]. Тем не менее остаются значительные пробелы в знаниях, такие как отсутствие долгосрочных лонгитюдных данных о миграции, которые лучше учитывали бы медленные временные рамки изменения окружающей среды[16], и отсутствие согласованных наборов данных и дезагрегированных данных[17].

Одним из наиболее цитируемых и широко признанных источников данных является ежегодный доклад Центра мониторинга внутренних перемещений (ЦМВП) о перемещениях в результате стихийных бедствий, в котором собрана информация о перемещении, связанном со стихийными бедствиями, на страновом уровне[18]. В 2020 году было зарегистрировано 30,7 млн новых перемещений. вызванных стихийными бедствиями в 145 странах и территориях[19]. Важно отметить, что эти цифры в основном касаются новых перемещений в ответ на внезапно начавшееся бедствие и внутри их собственных стран – данные о медленно протекающих явлениях и бедствиях, а также данные о трансграничных передвижениях остаются неполными. ЦМВП также публикует ограниченные данные о медленно протекающих стихийных бедствиях: по оценкам, в 2020 году произошло 46 000 новых перемещений из-за экстремальных температур и 32 000 новых перемещений из-за засух[20]. За период 2008–2020 гг. более 2,4 млн новых перемещений были вызваны засухой и более 1,1 млн – экстремальными температурами[21]. Однако эти данные дают лишь частичную картину, поскольку немасштабные

14 Например, база данных CliMig по миграции, изменению климата и окружающей среде, созданная Невшательским университетом, фиксирует резкое увеличение количества ежегодных публикаций с 2008 года (Université de Neuchâtel, 2018). См. также Ionesco et al., 2017.

15 Piguet et al., 2018.

16 Flavell et al., 2020.

17 Некоторые из основных пробелов, связанных с данными о перемещении и медленно протекающими процессами, выявлены в IDMC, 2018a.

18 IDMC, 2021.

19 Там же.

20 IDMC, 2020.

21 IDMC, 2021.

явления, приводящие к перемещению, происходят чаще, чем крупномасштабные бедствия, но о них обычно не сообщается, и не все страны сообщают о перемещении, вызванном медленно протекающими явлениями[22].

Вместе с тем такие данные полезны при обсуждении медленно наступающих последствий и миграции, особенно для выявления «горячих точек», в которых происходит повторное перемещение в результате стихийных бедствий. Медленно протекающие явления могут способствовать внезапному наступлению стихийных бедствий; например, повышение уровня моря может спровоцировать наводнения, а повышение температуры может привести к аномальной жаре[23]. Люди, живущие в районах с высоким уровнем перемещений, вызванных стихийными бедствиями, могут постепенно утрачивать способность справляться с последствиями медленно протекающих явлений для основанных на окружающей среде источников средств к существованию, таких как рыболовство или сельское хозяйство[24]. В таких условиях, как прибрежные районы Западной Африки, сочетание медленно протекающих процессов и внезапно возникающих опасностей может повлиять на решение о миграции[25].

Другие виды данных также помогают разрабатывать политические меры реагирования, такие как оперативные данные МОМ, предоставляющие краткую информацию о текущих тенденциях в конкретных странах. На Мадагаскаре, например, мониторинг последствий засухи показал, что продолжительная засуха на юге страны с 2013 года привела к увеличению миграционных потоков с юга в другие регионы страны, при этом в некоторых деревнях произошло 30-процентное сокращение населения[26]. В Монголии оперативные данные ясно показывают, что дзуды (циклические, медленно протекающие явления, характерные для Монголии, при которых летняя засуха сменяется суровой зимней погодой, что приводит к ухудшению состояния пастбищ и нехватке воды весной) были связаны с миграцией в тех же провинциях сотен тысяч человек из сельских районов в города, включая столицу Улан-Батор[27]. В Сомали в 2019 году данные, собранные в местах перемещения, показали, что 67% из почти 700 000 внутренне перемещенных лиц переехали по причине засухи[28].

Также могут быть полезны данные, собранные в ходе реализации конкретных проектов, например информация, собранная Конвенцией Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием (КБООН) в Марокко, которая показывает, как изменения окружающей среды переплетаются с другими факторами миграции, влияющими на решение о миграции. В процессе этого конкретного обследования большинство респондентов указали, что отсутствие работы было для них основной причиной миграции. Однако респонденты также подчеркнули, что изменения окружающей среды, такие как засуха и снижение продуктивности сельского хозяйства, сыграли большую или частичную роль в их решении мигрировать[29].

Оперативные данные могут стать ценным ресурсом для национальных директивных органов, которым требуется широкое понимание того, как и где текущие климатические воздействия влияют на миграцию на национальном уровне. Однако такого рода данные дают лишь частичную картину: информация о медленно наступающих опасностях, отличных от засухи, очень ограничена, а специальный характер оперативных данных, собранных в рамках ограниченных по времени проектов, которые обычно имеют ограниченный географический охват, не обязательно позволяет получить долгосрочное понимание моделей отмеченных передвижений населения.

22 IDMC, 2019.
23 IDMC, 2018a.
24 IDMC, 2018b.
25 MOM, 2020a.
26 MOM, 2017a.
27 MOM, 2020b.
28 Там же.
29 MOM and UNCCD, 2019.

Прогнозирование

Другой вид данных, который часто находится в центре внимания, связан с прогнозированием числа климатических мигрантов. Прогнозы могут привлечь внимание к потенциальному масштабу будущих проблем и вызвать у разработчиков политики ощущение срочности их решения. Однако важно быть осторожным при представлении прогнозов, особенно по такой поляризованной теме, как миграция[30]. Упрощенный анализ больших чисел может спровоцировать разжигание страха, что может негативно повлиять на общественное мнение и выбор политики. В прогнозах часто подчеркивается, что может произойти, если директивные органы и другие участники не предпримут ничего или сделают слишком мало для смягчения климатических воздействий.

Что касается глобальных прогнозов, то в одном основополагающем докладе Всемирного банка 2018 года[31] было подсчитано, что к 2050 году в трех регионах мира (в странах Африки к югу от Сахары, в Южной Азии и Латинской Америке) вследствие неблагоприятных климатических воздействий 143 млн человек могут переместиться в пределах своих стран, если не будут предприняты срочные глобальные и национальные действия по борьбе с изменением климата. В докладе подчеркивается, что беднейшие слои населения могут быть вынуждены мигрировать из-за медленно наступающих последствий изменения климата, таких как снижение урожайности сельскохозяйственных культур, нехватка воды и повышение уровня моря. Кроме того, исследование КБООН показывает, что к 2059 году по сравнению с периодом 2000–2015 годов число мигрантов в связи с засухами может увеличиться примерно на 22 млн человек в Африке, 12 млн человек в Южной Америке и 10 млн человек в Азии, при наличии больших различий между климатическими моделями и высокой степени неопределенности[32]. Построение моделей миграции на национальном уровне также указывает на рост миграции, связанный с повышением уровня моря в Соединенных Штатах[33] и Бангладеш[34] к 2100 году, в то время как некоторые исследователи подчеркивают, что повышение температуры может привести к увеличению числа заявлений о предоставлении убежища в Европейском союзе[35].

Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) выражает «низкое доверие к количественным прогнозам изменений в мобильности из-за ее сложного, многопричинного характера»[36]. Однако она отмечает наличие средней уверенности, но высокого уровня согласия с прогнозом о том, что «изменение климата в XXI веке приведет к увеличению масштабов перемещения населения»[37]. Важно отметить, что МГЭИК подчеркивает, что изменения в моделях миграции могут происходить в ответ на медленно проявляющиеся воздействия, такие как долговременная вариабельность и изменение климата, и указывает, что миграция может быть эффективной стратегией адаптации в этих условиях[38]. Однако МГЭИК также подчеркивает, что имеется лишь «среднее количество доказательств и низкий уровень согласия относительно того, является ли миграция адаптивной с точки зрения затратоэффективности и масштабируемости»[39]. Действительно, некоторые исследователи утверждают, что миграция иногда используется в качестве стратегии адаптации в ответ на пробелы в управлении, например, когда общины зависят от денежных переводов мигрантов для финансирования деятельности по развитию устойчивости к изменению климата[40]. К моменту завершения работы над этой главой МГЭИК опубликовала свой последний доклад, как указано в текстовой вставке ниже.

30 Gemenne, 2011.
31 Rigaud et al., 2018.
32 Laurent-Lucchetti et al., 2019.
33 Robinson et al., 2020.
34 Bell et al., 2021.
35 Missirian and Schlenker, 2017.
36 IPCC, 2014:20.
37 Там же.
38 Там же.
39 IPCC, 2018.
40 Vinke et al., 2020.

Шестой доклад об оценке МГЭИК (по состоянию на август 2021 года)

По словам Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша, последние выводы Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) сигнализируют о «красном коде для человечества».

МГЭИК выпустила первую часть шестого доклада об оценке «*Изменение климата, 2021 год: Физическая научная основа*» (вклад Рабочей группы I в шестой доклад об оценке) 9 августа 2021 года. В этой части, подготовленной 234 учеными из 66 стран, отмечается, что человеческий влияние согрело климат с беспрецедентной скоростью и подчеркивается безотлагательность действий, необходимых для борьбы с изменением климата, которое носит широкомасштабный, стремительный, усиливающийся и даже необратимый характер.

Помимо первой части, шестой доклад об оценке (который будет завершен позднее в 2022 году) будет включать в себя три самых последних специальных доклада МГЭИК – «Глобальное потепление на 1,5°C», «Изменение климата и состояние суши» и «Океаны и ледовый покров Земли в условиях изменения климата», а также материалы двух других Рабочих групп: «Воздействия, адаптация и уязвимость» и «Смягчение последствий изменения климата». Доклад предоставит политикам самую свежую научную информацию о последствиях изменения климата.

Источник: IPCC, 2021.

Люди в группе риска

Другие важные источники информации уделяют внимание людям, проживающим в районах, уязвимых к изменению климата, где ожидается усиление неблагоприятных последствий медленно протекающих явлений. Данные о людях, подвергающихся риску, доступны во многих частях мира[41]. Повышение температуры вызывает растущую озабоченность, поскольку воздействие высоких температур угрожает обитаемости и может привести к снижению производительности труда. Например, согласно одному докладу 2017 года при повышении глобальной температуры на 1,5°C от 30 до 60 млн человек будут жить в жарких районах, где средняя жара в самый жаркий месяц, вероятно, будет слишком высокой для нормального функционирования человеческого организма[42]. Потепление на планете поставит миллионы людей под угрозу повышения уровня моря[43], а повышение температуры на 1°C может подвергнуть 2,2% населения земного шара прямому воздействию повышения уровня моря[44].

Как и в случае отчетности о данных прогнозирования, следует особо тщательно формулировать оговорки к таким цифрам. Хотя вполне возможно, что многие люди и семьи будут мигрировать, чтобы справиться с последствиями изменения климата, также ясно, что не все люди, живущие в районах риска, захотят или будут иметь возможность мигрировать. Сценарии в местах, где такие прогнозы становятся реальностью - а именно миграция людей, подвергающихся риску, из затронутых районов, - будут возникать только в том случае, если не будут приняты надлежащие и основанные на фактических данных решения по разработке соответствующей политики. Поэтому крайне важно помнить, что существует окно возможностей для того, чтобы не сбылись худшие прогнозы, и что директивным органам нужна поддержка для анализа существующих

41 Ionesco et al., 2017.
42 MOM, 2017b.
43 McMichael et al., 2020.
44 Marzeion and Levermann, 2014.

знаний, установления соответствующих связей и принятия решений, касающихся аспектов как мобильности, так и ее отсутствия в контексте изменения климата.

Отсутствие всеобъемлющих данных о миграции, связанной с медленно протекающими климатическими явлениями, остается препятствием для разработки политики, основанной на фактических данных. Во многих случаях трудно отделить климатические факторы от других социальных, экономических, политических факторов и факторов безопасности, которые мотивируют решение о миграции. Это особенно верно в отношении медленно протекающих явлений, поскольку они обычно не приводят к немедленным крупномасштабным передвижениям. Таким образом, возможно, например, что многие мигранты, которые, как считается, мигрируют по экономическим причинам, также мигрируют отчасти из-за воздействия климата на их средства к существованию[45]. Другой пример касается конфликтов и безопасности. Когда политические, экономические и социальные факторы нестабильности пересекаются, перемещения населения могут усугубить нестабильность государства и способствовать обострению конфликта. В качестве иллюстрации этих связей часто приводится сирийская гражданская война, когда чрезвычайная засуха способствовала перемещению населения в городские районы, которые не были затронуты действиями политического режима[46]. Однако имеющиеся данные не позволяют сделать твердый вывод о том, что существует прямая связь между миграцией, изменением климата и конфликтами[47]. Вместе с тем с точки зрения разработки политики важно учитывать, что изменение климата часто действует как множитель угроз в нестабильных условиях.

Даже если этот многопричинный характер делает невозможным глобальный обзор точного количества людей, мигрирующих в контексте медленно наступающих климатических воздействий, имеется достаточно информации, чтобы понять масштаб проблемы. В этом отношении исследователи могут лучше всего поддержать разработчиков политики, предоставив контекстно-зависимый анализ непротиворечивых источников. Однако директивным органам необходимо будет признать, что не существует четкого способа получить точные цифры и что при принятии политических решений необходимо учитывать эту сложность. Как описано в следующем разделе, в рамках многосторонних политических диалогов Организации Объединенных Наций все чаще обсуждаются политические интересы, связанные с климатической миграцией, в том числе ее медленно развивающиеся аспекты. Эти глобальные политические дискуссии уже влияют на формирование политики на национальном и региональном уровнях, при этом несколько стран разрабатывают национальные политические рамки, соответствующие глобальным дискуссиям. Однако более качественные данные и анализ помогут ввести в действие национальные меры реагирования на миграцию, связанную с медленно проявляющимися климатическими воздействиями.

Медленно проявляющиеся климатические воздействия в глобальных политических изменениях – где мы находимся?

Глобальные изменения в климатической политике и миграционной политике

Тема миграции и изменения климата все чаще включается в глобальные политические дискуссии, проводимые в рамках Организации Объединенных Наций и за ее пределами[48]. Особенно значительным является прогресс, достигнутый во включении аспектов миграции в повестку дня переговоров по изменению климата и реализации Парижского соглашения государствами-участниками к Рамочной конвенции Организации

45 Bendandi, 2020.

46 Maertens and Baillat, 2017.

47 Ionesco et al., 2017.

48 MOM, 2018b.

Объединенных Наций об изменении климата (РКИКООН)[49]. В 2015 году Парижское соглашение об изменении климата уполномочило создание Целевой группы РКИКООН по перемещению в рамках Варшавского международного механизма по потерям и ущербу (ВММ)[50] как экспертного органа, состоящего из взаимодополняющих друг друга специалистов. В ходе консультативного процесса[51] Целевая группа разработала рекомендации по решению проблемы перемещения в контексте изменения климата[52]. Эти рекомендации адресованы государствам-участникам РКИКООН, системе Организации Объединенных Наций и другим соответствующим заинтересованным сторонам. Рекомендации применимы в контексте медленно протекающих явлений, поскольку они направлены на учет всех форм мобильности людей, связанных с неблагоприятными последствиями изменения климата, включая медленно протекающие явления.

Основные моменты, сформулированные в этих рекомендациях, включают: призыв к государствам разработать законы, политику и стратегии, направленные на решение проблемы всех форм миграции, связанных с климатическими воздействиями, с учетом обязательств государств в области прав человека; усиление исследований и анализа по этой теме; призыв к государствам содействовать упорядоченной, безопасной и легальной миграции в контексте неблагоприятных климатических воздействий; и создание синергии с работой, проводимой в рамках Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Государства-участники РКИКООН одобрили эти рекомендации в 2018 году и продлили мандат Целевой группы по перемещению до 2021 года, что свидетельствует о политическом интересе к сохранению вопросов миграции в повестке дня переговоров по климату. Кроме того, члены Целевой группы по перемещению подготавливают специальные информационные продукты[53], направленные на повышение осведомленности о том, какие формы миграции имеют место в контексте медленно развивающихся явлений, и картирование текущих мандатов Организации Объединенных Наций по решению проблемы перемещения, связанного с климатическими воздействиями, включая медленно развивающиеся процессы[54]. Эта политическая работа начинает влиять на формирование политики на национальном уровне. Например, правительства Таджикистана и Кыргызстана анализируют, в какой степени их национальные политические рамки соответствуют рекомендациям Целевой группы по перемещению, в целях выявления соответствующих механизмов и пробелов, а также формулирования конкретных рекомендаций по решению проблем миграции и изменения климата на национальном уровне[55].

Важно отметить, что политическая работа в отношении миграции, проводимая в рамках РКИКООН, институционально связана с другими стратегическими направлениями работы в рамках переговоров по климату, которые имеют большое значение для миграции в контексте медленно протекающих явлений и процессов. Стратегическое направление работы в области мобильности людей находится в рамках общей программы работы по потерям и ущербу[56] наряду со стратегическими направлениями работы, посвященными медленно протекающим явлениям и неэкономическим потерям[57]. Совершенно очевидно, что эти аспекты имеют

49 Traore Chazalnoël and Ionesco, 2016.

50 См. РКИКООН, n.d.e, Task Force on Displacement.

51 МОМ, 2018c.

52 РКИКООН, 2021.

53 МОМ, 2018b.

54 PDD, 2018.

55 МОМ, 2021a; МОМ, 2021b.

56 Более подробно см. в РКИКООН, n.d.b.

57 Потери имущества, активов, инфраструктуры, сельскохозяйственного производства и/или доходов, которые могут возникнуть в результате неблагоприятных последствий изменения климата, дополняются неэкономическими потерями. Они включают потери и ущерб, которые трудно поддаются количественной оценке с экономической точки зрения, такие как гибель людей, ухудшение состояния здоровья и потери, вызванные мобильностью людей, а также утрата или деградация территории, культурного наследия, знаний коренных народов, социальной/культурной самобытности, биоразнообразия и экосистемных услуг Более подробно см. в РКИКООН, n.d.c.

большое значение при обсуждении миграции в контексте медленно наступающей деградации окружающей среды, поскольку пострадавшее население, включая мигрантов, может понести как экономические потери, такие как потеря доходов, инфраструктуры и собственности[58], так и неэкономические потери, такие как утрата культурного наследия[59] и традиционных знаний[60]. Растет признание того, что необходимо установить более тесные связи между этими рабочими программами.

Обсуждения миграции в рамках РКИКООН первоначально относились к направлению работы по адаптации[61], а затем были перенесены в направление работы в области потерь и ущерба. Этот сдвиг открыл возможность альтернативного понимания климатической миграции: миграция может быть способом адаптации к климатическим воздействиям и уменьшения потерь и ущерба, но она также может быть источником потерь и ущерба для мигрантов и принимающих их общин[62]. В зависимости от контекста такие формы мобильности, как добровольная миграция и запланированное переселение[63], могут быть как формой потери и ущерба, так и мерой адаптации[64]. Однако существует риск того, что чрезмерное внимание к миграции как к источнику потери или ущерба, в частности, для принимающих общин, может быть негативно политизирован и привести к политике, направленной на ограничение любой миграции, в том числе в тех случаях, когда она может быть формой адаптации[65].

В перспективе лучшее понимание того, как вопросы потерь и ущерба связаны с миграцией, может иметь решающее значение для руководства разработкой миграционной политики и практики, учитывающих медленно наступающие климатические воздействия. Однако важно признать, что этот шаг может спровоцировать политически сложные дискуссии, поскольку вопросы потерь и ущерба очень тесно связаны с вопросами компенсации, деликатной темой как для развитых, так и для развивающихся стран[66]. Действительно, по просьбе одной развитой страны[67] в решении Парижского соглашения 2015 года, в соответствии с которым была создана Целевая группа по перемещению в рамках рабочего процесса по потерям и ущербу, прямо указывалось, что это мероприятие не создает основания для какой-либо ответственности или компенсации[68].

В 2019 году на 24-й Конференции Сторон РКИКООН (КС24) в рамках обзора ВММ государствам-участникам РКИКООН была предоставлена возможность поделиться своим мнением о работе ВММ на сегодняшний день, включая работу Целевой группы по перемещению, и предоставить рекомендации для будущей ориентации[69]. Было широко признано, что Целевая группа по перемещению не только успешно выполнила свой мандат по разработке рекомендаций, но также добилась других положительных результатов, таких как предоставление площадки для обсуждения «трудных и деликатные вопросов, связанных с потерями и ущербом»[70]. Было также подчеркнуто, что участие внешних оперативных субъектов сыграло важную роль в успехе Целевой

58 РКИКООН, 2020.
59 Heslin, 2019.
60 РКИКООН, 2013.
61 Mayer, 2016.
62 Там же.
63 Hirsch, 2019.
64 РКИКООН, 2013.
65 Mayer, 2016. Также обратите внимание, что некоторые исследователи утверждают, что изображение климатических мигрантов как потенциальных угроз безопасности может привести к политике отторжения и сдерживания. (Telford, 2018).
66 Hirsch, 2019.
67 Verchick, 2018.
68 РКИКООН, 2015.
69 РКИКООН, n.d.d.
70 Government of Finland and EC, 2019.

группы[71]. По результатам обзора ВММ Группа наименее развитых стран рекомендовала создать механизм по перемещению для поддержки стран в решении проблемы внутреннего и трансграничного перемещения и миграции, связанной с последствиями изменения климата, и обеспечить более активное участие оперативных субъектов в наращивании потенциала на национальном уровне для более эффективного использования знаний, связанных с потерями и ущербом[72]. Эти рекомендации соответствуют настойчивым призывам развивающихся стран облегчить наличие механизмов финансирования и доступ к ним, а также повысить эффективность функционирования ВММ на национальном уровне[73]. С другой стороны, страны Европейского союза, например, подчеркнули, что нынешняя структура ВММ является адекватной и позволяет ему выполнять свои основные функции[74]. Еще слишком рано точно предсказать, как различные интересы государств будут определять будущее работы, связанной с миграцией, в рамках РКИКООН. Однако медленный темп обсуждений, проводимых в рамках РКИКООН, делает маловероятным быстрое дальнейшее введение в действие ВММ. Что касается решения проблемы медленно наступающих последствий для миграции, то одним из наиболее эффективных способов продвижения вперед может быть наделение внешних оперативных субъектов полномочиями для поддержки выполнения рекомендаций Целевой группы по перемещению на национальном уровне.

Обсуждения глобальной миграционной политики все чаще проводятся параллельно для интеграции климатических и экологических аспектов с опорой на работу, проводимую в рамках РКИКООН. В этом отношении важными вехами стали принятие государствами-членами Организации Объединенных Наций Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах 2016 года (Нью-Йоркская декларация)[75], за которым последовало принятие государствами в 2018 году Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Глобальный договор о миграции включает несколько действий, которые государства могут осуществить для: a) устранения экологических и климатических факторов миграции, включая медленно развивающиеся факторы (цель 2); и b) повысить доступность и гибкость каналов легальной миграции, таких как варианты виз для тех, кто пострадал от воздействия климата, в том числе от медленно развивающихся явлений цель 5).

Однако важно помнить, что Глобальный договор о миграции касается только международной миграции, в то время как большая часть миграции в контексте медленно наступающей деградации происходит внутри страны, например, из сельских районов в городские. С точки зрения реализации акцент на международной миграции отводит ведущую роль министерствам иностранных дел и/или внутренних дел, и может оказаться затруднительным обеспечить согласованное участие правительственных структур, которые традиционно не связаны с миграцией, но несут ответственность за вопросы климата или снижения риска бедствий. Тем не менее надлежащее осуществление целей Глобального договора о миграции, особенно тех, которые связаны с устранением факторов миграции и содействием адаптации и устойчивости в странах происхождения, может оказать положительное влияние как на внутреннюю, так и на международную миграцию. Многосторонний партнерский целевой фонд по миграции, созданный для поддержки реализации Глобального договора о миграции, начал финансирование совместных программ, связанных с климатической миграцией[76]. Хотя еще слишком рано оценивать оперативные результаты, обнадеживает тот факт, что государства поддержали финансирование программ по миграции. Форум по рассмотрению проблем международной миграции[77], который планируется провести в 2022 году для рассмотрения хода выполнения Глобального договора о

71 Там же; Government of Bhutan, 2019.

72 Там же.

73 Government of Guatemala, 2019; Government of the Philippines, 2019; AOSIS, 2019.

74 Government of Finland and EC, 2019.

75 Martin and Weerasinghe, 2017.

76 MPTF, 2020.

77 СМООН, n.d.

миграции, предложит важные показатели готовности государств, в том числе путем принятия мер, реализовать цели Договора, связанные с климатической миграцией.

Цели, изложенные в Глобальном договоре о миграции, согласованы с Рекомендациями Целевой группы РКИКООН по перемещению и перекликаются со многими ее положениями, такими как потребность в более качественных данных и знаниях и необходимость поддержки населения в выработке стратегий устойчивости, в том числе стратегий в отношении медленно протекающих явлений и процессов. В обоих документах излагаются принципы глобальной политики, которые могут быть полезными при разработке политики на национальном уровне. Некоторые страны, такие как Перу, уже разрабатывают национальные планы, основанные на принципах, изложенных в этих документах по глобальной политике[78], что является признаком того, что они могут играть каталитическую роль в разработке национальной политики.

Другие текущие инициативы имеют значение для поддержки разработки миграционной политики в контексте медленно протекающих явлений (см. краткое описание других соответствующих инициатив в системе Организации Объединенных Наций в добавлении B). Таким образом, медленно развивающиеся аспекты относительно хорошо интегрированы в основные соответствующие обсуждения глобальной политики, даже если данные и знания по этой конкретной теме нуждаются в усилении. Различные рекомендации и принципы, сформулированные на глобальном уровне, подчеркивают сложный характер миграции, связанный с медленно наступающими климатическими воздействиями, и необходимость совместной работы директивных органов из разных сфер для разработки всеобъемлющих решений. В этом отношении лица, определяющие миграционную политику, должны играть ведущую роль в воплощении глобальных принципов в политику на национальном и региональном уровнях, которая обеспечивает помощь и защиту затронутым мигрантам и общинам. В следующем разделе основное внимание будет уделено тому, как можно изменить миграционную политику для решения некоторых выявленных проблем в соответствии с глобальными принципами.

Свидетельство мигрантов: многопричинный характер климатической миграции

«Дожди в последнее время были очень-очень интенсивными. Ничего подобного не видел прежде. Несколько лет назад сезон дождей длился два месяца, ноябрь и декабрь, а уровень воды достигал 20-30 см. Теперь, за последние шесть-семь месяцев, он достиг более двух метров. Мы никогда не видели этого раньше. Мы не хотим покидать нашу землю: здесь наше прошлое, наши воспоминания, наши предки. Мы не хотим переезжать в другие места, мы не знаем, что там делать».

Даже перед лицом чрезвычайно тяжелых последствий изменения окружающей среды многие люди хотят остаться на своем нынешнем месте, а не мигрировать в поисках альтернативной работы. Как видно из этого свидетельства, исторические и культурные связи с местами важны для многих и составляют ключевую часть чьего-то решения остаться или уйти.

Контекст:
Это свидетельство было записано НПО «Международные беженцы». Респондент говорит в одной из серий видеофильмов, рассказывающих о последствиях наводнения в Колумбии в 2012 году.

Источники: Adams, 2016; Refugees International, 2012.

78 Перу находится в процессе подготовки конкретного Плана действий по климатической миграции в соответствии с Законом об изменении климата от 2018 года и Законом о регулировании от 2019 года. См. Parliament of Peru, 2019 и Government of Peru, 2019.

Миграция в контексте медленно наступающих климатических воздействий: переход от рамок к действию миграционной политики

В силу многопричинного характера климатической миграции[79] лица, ответственные за разработку политики в различных районах, могут помочь в учете различных аспектов взаимосвязи факторов. Специалисты по климату и снижению риска бедствий играют ведущую роль в устранении неблагоприятных факторов внутренней климатической миграции. Например, вопросы миграции были включены в национальную политику в области климата и снижения риска бедствий в нескольких странах, в частности в Колумбии и Того[80]. В этом разделе основное внимание уделяется изучению того, как разработка миграционной политики может помочь решить некоторые ключевые проблемы, связанные с климатической миграцией. Разработчики политики в области миграции, стремящиеся адаптировать существующие рамки или разработать новые для реагирования на миграцию в контексте медленно протекающих явлений, сталкиваются с трудной задачей. Они должны учитывать ряд сложных моментов, которые могут повлиять на то, как будут разрабатываться основы национальной и региональной политики. Одним из ключевых моментов, изложенных в глобальных принципах, является признание того, что в некоторых случаях люди не смогут оставаться в районах, опустошенных медленно протекающими явлениями, или вернуться в эти районы; и что в таких условиях содействие легальной миграции является необходимой мерой реагирования. Этот аспект является одним из ключевых направлений работы, в котором разработчики миграционной политики могут сыграть важную роль, например, путем переговоров о заключении двусторонних соглашений о трудовой миграции, которые потенциально могут предложить варианты легальной миграции.

Представление о том, что миграция может быть одним из доступных способов адаптации людей к климатическим воздействиям, подробно обсуждалось в течение последнего десятилетия, при этом мнения расходились[81]. С одной стороны, формулировка «миграция как адаптация» позволяет разработчикам политики рассмотреть вопрос о том, как добровольная миграция может помочь уменьшить подверженность и уязвимость к физическим рискам, связанным с климатическими воздействиями, и повысить устойчивость как мигрантов, так и оставшихся домохозяйств, например, за счет диверсификации средств к существованию и денежных переводов[82]. С другой стороны, утверждалось, что такая формулировка может ослабить ответственность политических сил, сместив акцент на индивидуальную устойчивость и возможности передвижения, ослабив соображения, связанные с вопросами неравенства, несправедливости и возмещения ущерба[83]. Приведет ли миграция в основном к положительным последствиям, будет зависеть от контекста, при этом на результаты будут влиять дополнительные факторы, такие как гендерные аспекты[84] и возраст[85]. В доступной литературе обычно подчеркивается, что миграция, связанная с климатическими воздействиями, происходит по континууму от добровольной к вынужденной[86]; и в большинстве случаев даже так называемые «добровольные» перемещения будут мотивированы внешним давлением, которое формирует и ограничивает варианты миграции людей[87]. Аналогичным образом, все больше признается, что даже в ситуациях «вынужденной» миграции отдельные

79 United Kingdom Government Office for Science, 2011.
80 MOM, 2018a.
81 Oakes et al., 2020.
82 MOM, 2015b; MOM, 2017c.
83 Bettini et al., 2017.
84 Gioli and Milan, 2018.
85 Ionesco and Pawliczko, 2014.
86 Flavell et al., 2020.
87 McAuliffe et al., 2017.

лица и домохозяйства могут в некоторой степени самостоятельно принимать решения о миграции, например, решать, когда, где и как переехать на новое место[88].

Помимо дебатов о том, является ли миграция разумным и желательным вариантом адаптации и является ли миграция в основном вынужденной или добровольной, важно признать, что перемещения уже происходят и будут продолжаться и, вероятно, будут расширяться. Поэтому на карту поставлено то, как разработать реалистичные политические подходы, при которых будет признан тот факт, что миграция может быть неизбежной в определенных условиях, и которые помогут снизить уязвимость мигрантов и усилить положительное воздействие миграции на мигрантов и общины. Заглядывая вперед, можно отметить, что развитие новых безопасных и легальных каналов миграции для преодоления неблагоприятных воздействий климата может стать огромной, но, вероятно, необходимой задачей, которая, скорее всего, вызовет сложные политические дискуссии об опасностях, связанных с предложением большего количества каналов миграции. Разработчики политики в области миграции продолжают оценивать, как можно скорректировать или расширить существующие подходы к управлению миграцией для решения конкретных проблем людей, перемещающихся в связи с климатическими воздействиями[89]. Пересмотр и расширение существующей политики и практики может привести к относительно быстрым позитивным изменениям для мигрантов, что укрепит их защиту при перемещении в ответ на экстремальные климатические воздействия и предоставит альтернативный выбор тем, кто не может остаться или вернуться в районы, опустошенные медленно наступающими экологическими воздействиями.

Что касается трансграничной миграции, то одной из очевидных ответных мер является разработка дополнительных вариантов виз для тех, кто не может оставаться в районах происхождения или вернуться в них из-за медленно наступающих последствий изменения климата, как указано в задаче 5 h) Глобального договора о миграции. Такие визы могут, например, выдаваться по гуманитарным соображениям и из сострадания тем, кто спасается от крайнего ухудшения состояния окружающей среды, по образцу гуманитарных виз, предложенных Бразилией гаитянским мигрантам после землетрясения 2010 года, или временных виз в Перу, выдаваемых по гуманитарным соображениям[90]. Другие варианты управления миграцией могут применяться к мигрантам, которые уже находятся за границей, но сталкиваются с трудностями при возвращении из-за медленно наступающих климатических воздействий, в частности реализация широких программ легализации, корректировка иммиграционных правоприменительных мер или предоставление людям вида на жительство. Существующие практики также можно улучшить, например, используя двусторонние соглашения об образовании, обучении или труде, чтобы предложить альтернативные варианты для тех, кто наиболее уязвим к климатическим воздействиям[91], а также используя положения региональных соглашений о свободном передвижении для приема мигрантов, пострадавших от климатических воздействий[92]. Конкретные проблемы, связанные с политикой и программами добровольного возвращения и реинтеграции, также имеют решающее значение в тех случаях, когда возвращение возможно, но районы возвращения экологически уязвимы. Это

88 Akesson and Coupland, 2018; Oakes et al., 2020.

89 Определение МОМ управления миграцией гласит следующее: «плановые подходы к внедрению и вводу в действие политики, законодательных и административных рамок, разработанных учреждениями, ведающих вопросами миграции». (МОМ, 2019:248).

90 Nansen Initiative, 2015b.

91 Например, Испания и Новая Зеландия расширили использование ранее существовавших квот на временную работу для мигрантов, происходящих из районов, пострадавших от климатических воздействий. Более подробно см. в Nansen Initiative, 2015b.

92 Иностранцы, пострадавшие от медленно наступающих стихийных бедствий и экологического стресса, полагались на соглашения о свободном передвижении между Непалом и Индией. См. Nansen Initiative, 2015b.

включает предоставление возвращающимся мигрантам возможностей работать в «зеленой» или «голубой» экономике и заниматься экологически устойчивой профессиональной деятельностью[93].

С точки зрения облегчения внутренней миграции особо важно обеспечить учет в миграционной политике вопросов урбанизации. Во многих регионах мира наблюдается миграция из сельских районов, которые могут быть затронуты медленно протекающими явлениями, в городские центры[94], где мигранты могут искать различные возможности для получения средств к существованию или лучший доступ к основным услугам. Однако города сами могут стать очагами риска[95], поскольку многие густонаселенные городские центры подвержены воздействию медленно протекающих явлений и процессов, таких как аномальная жара, эрозия побережья, засухи и повышение уровня моря. Поэтому политика управления миграцией должна учитывать эти аспекты, как, например, в инициативе, выдвинутой Бангладеш, которая побуждает внутренних мигрантов не переезжать в крупные города, а вместо этого переезжать во второстепенные города, более устойчивые к изменению климата и благоприятные для мигрантов[96].

Плановая политика переселения также может иметь решающее значение для обеспечения безопасной и упорядоченной миграции. Плановое переселение целых сообществ, живущих в районах, которые необратимо пострадали из-за медленно наступающей деградации, такой как повышение уровня моря, уже происходит в более чем 60 странах и территориях на всех континентах[97]. Вполне вероятно, что в будущем потребуется больше плановых переселений, даже если они обычно рассматриваются как крайняя мера. Однако очень немногие страны разработали внутренние законы и политику, ориентированные исключительно на плановое переселение[98]. Политика в отношении планового переселения должна учитывать несколько сложных факторов, чтобы избежать усугубления уязвимости переселенцев, таких как физическое воздействие переселения на ландшафт принимающих мест, возможности трудоустройства, доступ к основным услугам и социальная сплоченность между переселяемыми общинами и общинами назначения[99]. Даже если предполагается, что большинство планируемых переселений будет происходить внутри стран, например в малых островных развивающихся государствах, которым угрожает повышение уровня моря, такие переселения потенциально могут осуществляться через границы. Это, в свою очередь, может вызвать чрезвычайно сложные международно-правовые проблемы. С точки зрения потерь и ущерба, связанных с климатической миграцией, такой политический выбор может быть обоюдоострым мечом. Облегчение миграции и плановое переселение могут потенциально уменьшить потери и ущерб за счет уменьшения подверженности неблагоприятным климатическим воздействиям, но также могут привести к потерям и ущербу для мигрантов и/или принимающих общин[100].

Политика и практика управления миграцией должны быть направлены на поддержку параллельных усилий мигрантов по смягчению последствий и адаптации к медленно протекающим явлениям как в районах их происхождения, так и в местах назначения. Такие варианты политики могут включать снижение стоимости перевода денежных средств в районы, в которых наблюдается серьезное ухудшение состояния окружающей среды, и стимулирование навыков и финансовых вложений мигрантов в деятельность по борьбе с изменением

93 MOM, 2020c.
94 FAO et al., 2018.
95 Schreiber et al., 2016.
96 Alam et al., 2018.
97 Bower and Weerasinghe, 2021.
98 Там же.
99 MOM et al., 2017; Brookings Institution et al., 2015.
100 Mayer, 2016.

климата в районах происхождения. Эта политика также будет способствовать устранению климатических факторов миграции за счет снижения уязвимости в районах происхождения. Кроме того, можно активно изучать вклад мигрантов и интегрировать его в планирование политики на национальном и местном уровнях, чтобы обеспечить отражение конкретных проблем, с которыми сталкивается мобильное население.

Страны могут счесть полезным провести всесторонний обзор, чтобы проанализировать, как их существующая политика управления миграцией может быть применена или изменена для реагирования на новые экологические проблемы. Такие обзоры позволяли бы также оценить, есть ли необходимость в разработке новых инструментов управления миграцией для поддержки населения, перемещающегося в контексте медленно наступающих климатических воздействий.

Максимизация вклада мигрантов в борьбу с изменением климата

Финансовые переводы часто являются спасательным кругом для беднейших домохозяйств, позволяя им удовлетворять свои основные потребности. Финансовые переводы в основном используются для сокращения масштабов нищеты, а не для инвестиций в более долгосрочную адаптацию[a]. Однако в некоторых случаях денежные переводы могут стать альтернативным источником финансирования борьбы с изменением климата в развивающихся странах, например в малых островных развивающихся государствах Тихоокеанского региона[b]. Финансовые переводы могут способствовать повышению устойчивости как на индивидуальном уровне, так и на уровне общины, например, когда мигранты могут строить дома, устойчивые к изменению климата, или инвестировать в устойчивую к изменению климата инфраструктуру общины. Социальные денежные переводы могут также играть ключевую роль в повышении устойчивости к климатическим потрясениям, когда мигранты приобретают новые навыки и образование[c]. В исследовании подчеркивается, что, например, в Таджикистане денежные переводы мигрантов все чаще используются для предпринимательства и ведения сельского хозяйства на базе общин, создавая возможности для более устойчивого к изменению климата будущего[d]. Однако необходимо предоставить стимулы для поощрения инвестиций мигрантов в национальную и общественную устойчивость к изменению климата, поскольку мигранты могут не располагать необходимой информацией или техническими ноу-хау для направления денежных переводов на борьбу с изменением климата[e]. Примеры политических мер, поддерживающих инвестиции мигрантов, включают Программу 3×1 для мигрантов в Мексике, в рамках которой национальные власти выделяют три доллара на каждый доллар денежных переводов, инвестированных в общественные проекты; или ссуды, предлагаемые правительством Сенегала диаспорам[f].

a MOM, 2017c:81; Musah-Surugu et al., 2018.
b Samuwai and Maxwell Hills, 2018.
c MOM, 2017c.
d Babagaliyeva et al., 2017.
e Bendandi and Pauw, 2016.
f Там же; Villegas Rivera, 2014.

Примеры существующей практики

В последние годы были разработаны соответствующие меры национальной и региональной политики для решения проблем миграции, связанной с воздействием климата и изменением окружающей среды[101]. Такое развитие политики на национальном и региональном уровнях может частично объясняться тем, что эта тема стала более заметной в глобальных повестках дня. Это также указывает на рост осведомленности о климатической миграции, а также на политическую волю для решения связанных с ней проблем. В существующей политике, как правило, не проводится разграничения между миграцией, обусловленной медленно протекающими явлениями, и перемещениями, обусловленными внезапными бедствиями. Эти направления политики могут быть отдельными рамками, специально предназначенными для решения проблем, связанных с изменением климата и миграцией. Другие рамки распространяются на климатические и миграционные аспекты в других областях, таких как миграция и политика в отношении мобильности людей, политика адаптации к изменению климата и смягчения его последствий, а также политика снижения риска бедствий. Масштабы этих направлений политики также различаются: одни направлены на регулирование внутренних миграционных потоков, тогда как другие касаются того, как управлять миграционными потоками из других стран.

В разделе ниже представлены некоторые недавние примеры инициатив в области миграционной политики, направленных на устранение воздействия климата на миграцию, включая медленно развивающиеся аспекты. Дополнительные примеры можно найти в серии «Миграция, окружающая среда и изменение климата: аналитические обзоры»[102].

Национальная политика Вануату в отношении изменения климата и перемещения населения в результате стихийных бедствий (2018 год)

Вануату разработала политику, направленную на устранение всех причин перемещения в стране, включая перемещения, связанные с медленно наступающими последствиями, такими как береговая эрозия, ухудшение состояния окружающей среды, повышение уровня моря и засуха[103]. Эта политика направлена на содействие вовлечению всех государственных структур для того, чтобы свести к минимуму факторы перемещения; обеспечить, чтобы облегченная миграция, такая как плановое переселение, происходила с уважением достоинства и при полном соблюдении прав человека; и разработки долговременных решений для населения, находящегося в процессе перемещения. В этой национальной политике также подчеркивается, что хорошо управляемая и безопасная внутренняя миграция может быть стратегией адаптации к климатическим воздействиям. Такая национальная политика четко согласуется с глобальными политическими рамками, такими как Рекомендации Целевой группы по перемещению, и региональными политическими усилиями, предпринимаемыми в Тихоокеанском регионе.

Избранные основные меры:

- укрепление институционального управления для решения проблемы мобильности, связанной с климатическими воздействиями;
- разработка подходов, основанных на фактических данных, за счет улучшения сбора данных и мер мониторинга, таких как создание механизма отслеживания перемещений;

101 МОМ, 2018a; УВКБ, 2018.

102 См. https://environmentalmigration.iom.int/policy-briefs.

103 Government of Vanuatu, 2018.

- разработка руководящих принципов и стандартных оперативных процедур для обеспечения общих стандартов защиты всех людей, затронутых перемещением;
- учет вопросов перемещения и миграции при планировании землепользования, жилищного строительства и охраны окружающей среды.

Южная Америка: не имеющий обязательной силы региональный документ о защите лиц, перемещенных за границу, и мигрантов в странах, пострадавших от бедствий, связанных с опасными стихийными явлениями (2019 год)

Страны-участницы Южноамериканской конференции по миграции, являющейся региональным консультативным процессом по вопросам миграции, разработали и приняли не имеющие обязательной силы руководящие принципы по защите лиц, перемещенных за границу в результате стихийных бедствий[104]. Эти руководящие принципы в основном касаются внезапных явлений, но потенциально могут применяться к передвижениям, связанным с медленно наступающими бедствиями и процессами. Руководящие принципы основаны на существующей практике, которая способствует использованию обычного и исключительного иммиграционного законодательства по гуманитарным соображениям. Даже если этот документ не имеет обязательной силы, он представляет собой новаторский пример разработки политики в отношении того, как страны могут сотрудничать на региональном уровне, чтобы свести к минимуму экологические факторы миграции и управлять приемом и пребыванием пострадавших людей. Эти региональные руководящие принципы могут также направлять усилия по разработке национальной политики и способствовать развитию прочных национальных рамок в регионе.

Избранные основные меры:

- усиление институциональной координации и разработка процедур в каждой стране для прогнозирования и реагирования на перемещения, связанные со стихийными бедствиями;
- выявление потребностей в защите лиц, перемещенных через международные границы и не имеющих возможности вернуться в страну своего происхождения;
- упрощение иммиграционных процедур для легального въезда, включая выдачу гуманитарных виз и временные соглашения.

Межправительственная организация по развитию (ИГАД): Протокол о свободном передвижении лиц в регионе ИГАД (2020 год)

Региональную политику в области свободного передвижения также можно использовать для решения конкретных проблем людей, перемещающихся в пределах региона в связи с климатическими воздействиями, включая медленно протекающие процессы. Недавний региональный протокол о свободе передвижения, принятый в Восточной Африке, служит примером того, как такого рода соглашения могут способствовать защите тех, кто пересекает границы в результате экологических воздействий[105]. В 2020 году ИГАД, представляющая семь восточноафриканских стран, приняла Протокол о свободном передвижении лиц в регионе ИГАД. В протоколе используется широкое определение стихийных бедствий, включая как внезапные явления, так и медленно наступающий ущерб окружающей среде. В нем подчеркивается ответственность государств за облегчение въезда, регистрации и пребывания граждан других государств-членов, пострадавших от стихийных бедствий.

104 CSM, 2018.
105 IGAD, 2020.

Основные меры:

- содействие въезду и регистрации граждан других государств-членов, переезжающих в преддверии, во время или после стихийных бедствий;
- содействие продлению пребывания этих граждан.

Перемещение и миграция, связанные с изменением климата в Тихоокеанском регионе: план действий Новой Зеландии (2018 год)

Этот план действий был разработан канцелярией Министра иностранных дел и принят Кабинетом министров Новой Зеландии в 2018 году[106]. Обновленная версия была представлена в 2019 году[107]. В плане действий признается, что климатические воздействия в тихоокеанских островных странах имеет последствия для Новой Зеландии, включая вопросы миграции. В плане признается желание островных стран Тихоокеанского региона сосредоточиться в первую очередь на устранении климатических факторов миграции, чтобы люди могли оставаться и вести продуктивную жизнь в своих странах. В результате в плане подчеркивается, что Новая Зеландия должна оказывать финансовую поддержку этим странам для поощрения эффективных действий в связи с изменением климата, в частности за счет прогнозирования бедствий и подготовки к трансграничной климатической миграции. В долгосрочной перспективе план рекомендует рассмотреть варианты каналов легальной миграции, такие как расширение схем мобильности рабочей силы и использование гуманитарных виз, как только появится более четкая картина потребностей и приоритетов тихоокеанских стран.

Избранные основные меры:

- использование официальной помощи в целях развития для поддержки тихоокеанских сообществ в предотвращении перемещения, связанного с изменением климата, и подготовке к климатической миграции посредством инвестиций в меры по обеспечению устойчивости к изменению климата и адаптации;
- содействие региональному диалогу и изучение потенциальных региональных подходов, определяющих коллективный ответ Тихоокеанского региона на внутреннюю и трансграничную климатическую миграцию;
- укрепление международных структур посредством многосторонних действий, включая Целевую группу РКИКООН по перемещению и Глобальный договор о миграции;
- поручение о проведении углубленного исследования и анализа опасностей и факторов уязвимости в целях подготовки к климатической миграции.

В этих избранных примерах разработки политики представлены характеристики, имеющие более широкое значение для государств, стремящихся укрепить свои рамки миграционной политики для решения проблем международной и трансграничной климатической миграции[108]. Все эти примеры соответствуют рекомендациям и практике, принятым на глобальном уровне, одновременно означая разработку контекстуальных мер реагирования для удовлетворения своих конкретных потребностей. Они по-разному демонстрируют, как глобальные рамки могут быть задействованы как на региональном, так и на национальном уровне. На национальном уровне политика в основном направлена на устранение внутренних климатических факторов миграции и управление внутренними перемещениями. Однако успешная реализация такого рода политики не только поддержала бы внутренних мигрантов, но и, вероятно, уменьшила бы экологические факторы, способствующие международной миграции. Развитые страны все чаще стремятся понять, как изменение

106 Government of New Zealand, 2018.

107 Government of New Zealand, 2019.

108 Другие примеры развития политики можно найти в документах *Submission on Slow-Onset Internal Displacement* (более подробно см. в МОМ, 2020d) и *Agenda for the Protection of Cross-Border Displaced Persons in the Context of Disasters and Climate Change, Volume II* (более подробно см. в Nansen Initiative, 2015b.)

климата в развивающихся странах может повлиять на миграционные потоки в направлении их территорий[109]. Например, Исполнительный указ Соединенных Штатов от 2021 года о восстановлении и совершенствовании программ переселения беженцев и планировании воздействия изменения климата на миграцию требует от помощника Президента по вопросам национальной безопасности сотрудничать с Государственным секретарем, Министром обороны, Министром национальной безопасности, администратором Агентства Соединенных Штатов по международному развитию и директором национальной разведки в подготовке и представлении Президенту доклада об изменении климата и его влиянии на миграцию, включая вынужденную миграцию, внутреннее перемещение и плановое переселение[110]. В докладе должны быть определены последствия для безопасности перемещений, связанных с климатом, и варианты защиты и переселения перемещенных лиц, прямо или косвенно пострадавших в результате климатических воздействий. В докладе также будут сформулированы предложения о том, как использование иностранной помощи Соединенных Штатов может уменьшить негативные последствия изменения климата. Подготовка этого доклада с участием высокопоставленных национальных заинтересованных сторон по всему спектру политики демонстрирует готовность рассмотреть национальные последствия крупной современной проблемы, работая в тесном сотрудничестве как на глобальном, так и на местном уровнях с другими странами, международными и региональными агентствами и неправительственными организациями.

Политика, исходящая от развитых стран, потенциально может способствовать увеличению инвестиций в национальные меры по борьбе с изменением климата и развитию в странах, уязвимых к климатическим воздействиям, с целью сведения к минимуму факторов трансграничной миграции. Примеры региональной политики показывают, что государства могут использовать регулярные и исключительные миграционные меры для управления мобильностью, связанной со стихийными бедствиями. Эти разработки перспективны. Однако у нас еще недостаточно ретроспективных данных, чтобы оценить результаты этих политических усилий, тем более что они в большинстве своем не носят обязательного характера и/или еще не получили широкого применения.

Основные выводы о миграции в контексте медленно наступающих явлений, имеющие значение для разработки политики

- Медленно протекающие явления и процессы могут привести к различным последствиям для миграции: континуум от добровольной к недобровольной миграции; кратковременные, круговые, долгосрочные и постоянные передвижения; внутри страны или через границы; на короткие или большие расстояния; миграция отдельных лиц, целых домохозяйств и целых общин (плановое переселение); и отсутствие мобильности оказавшихся в безвыходном положении групп населения.
- Выбор в пользу миграции в контексте медленно протекающих явлений и процессов часто требует принятия сложных решений и зависит от множества социально-экономических и экологических факторов.
- Медленно протекающие процессы более непосредственно влияют на жизнь и средства к существованию тех, чьи средства к существованию и безопасность зависят от местных природных ресурсов (например, фермеров, скотоводов, рыбаков и коренных народов).
- Миграцию в контексте медленно наступающих воздействий может быть трудно отличить от других типов перемещений (например, трудовой миграции, краткосрочной циркуляции).

109 MOM, 2017d.

110 United States White House Executive Order, 2021.

- Общины происхождения, оставшиеся семьи мигрантов и попавшие в безвыходное положение группы населения также затрагивает миграция в контексте медленно наступающих явлений.
- Миграция в контексте медленно протекающих процессов часто приводит к дифференцированному воздействию на женщин, мальчиков и девочек и пожилых людей, что связано с рядом факторов, таких как разлучение семьи, лишение прав и повышенная зависимость от других членов домохозяйств.
- Медленно протекающие явления и процессы происходят в некоторых контекстах в ситуациях межобщинной напряженности и конфликтов. Их совокупное воздействие может привести к перемещению населения, что, в свою очередь, еще больше усугубит ухудшение состояния окружающей среды и конфликты.
- Городские районы часто являются основными пунктами назначения для людей, перемещающихся в контексте медленно наступающих явлений. Однако эти городские районы могут стать очагами риска, связанного с воздействиями изменений окружающей среды.
- Данные о миграции в контексте медленно наступающих явлений ограничены, но дают общую картину стоящих перед нами проблем и масштабов всего явления.
- Мигранты могут действовать как агенты перемен и вносить позитивный вклад в борьбу с изменением климата.

Примечание: Это краткое изложение основано на институциональных материалах МОМ, доступных на портале экологической миграции МОМ по адресу https://environmentalmigration.iom.int/.

Заключение

Взгляд в будущее, в котором ожидается ухудшение медленно развивающихся климатических явлений, приводит к выводу о том, что надлежащая политика и практика управления миграцией могут и должны стать частью решения. На глобальном уровне в ходе политических дискуссий были выявлены некоторые отправные точки, в которых лица, ответственные за разработку миграционной политики, могли бы сыграть важную роль в содействии позитивным изменениям, особенно в плане облегчения миграции в контексте медленно развивающихся климатических явлений. Попытка разработать легальные каналы для усиления защиты людей, мигрирующих в климатическом контексте, может оказаться сложной задачей в некоторых странах, где проявляется растущая враждебность по отношению к приему большего количества мигрантов. Тем не менее в то же время среди развитых и развивающихся государств явно наблюдается растущий политический интерес к обсуждению миграции, связанной с климатическими воздействиями, и это растущее осознание уже влияет на то, как разрабатывается политика на национальном и региональном уровнях.

Поэтому, возможно, сейчас самое подходящее время для активизации и расширения инициатив, направленных на воплощение глобальных рамок в жизнь и поддержку той уникальной роли, которую лица, определяющие миграционную политику, могли бы сыграть в решении проблемы медленно действующих факторов миграции. Заглядывая вперед, можно выделить некоторые нуждающиеся в тщательном учете моменты, которые включают:

- Обеспечение совершенствования поставщиками знаний сбора и анализа фактических данных, конкретно относящиеся к медленно протекающим явлениям и процессам, тем самым способствуя пониманию уникальности и сложности взаимосвязей, и предоставления этих данных лицам, определяющим миграционную политику, для поддержки разработки политики на основе фактических данных.

- Содействие эффективному региональному политическому диалогу для поддержки разработки и реализации региональных мер реагирования.
- Понимание того, как развитые страны могут наилучшим образом поддерживать страны, наиболее уязвимые к изменению климата, и продвигать взаимовыгодные политические решения, связанные с миграцией и медленно наступающими воздействиями.
- Обеспечение того, чтобы изменения в миграционной политике дополняли другие изменения в политике на национальном уровне, особенно политики, связанной с адаптацией к изменению климата и смягчением его последствий, а также со снижением риска бедствий.
- Создание систем мониторинга и оценки для оценки воздействия существующей политики и анализа полученных уроков.

CÉLINE BAULOZ
MARIKA MCADAM
JOSEPH TEYE

10 ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ НА ПУТЯХ МИГРАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ, ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА[1]

Введение

В последние годы газеты пестрили ужасающими заголовками о торговле мигрантами, описывая то, как мигрантов продают на невольничьих рынках, пытают с целью получения выкупа и эксплуатируют в самых разных отраслях. Сегодня организованные преступные группировки занимаются торговлей мигрантами практически в каждой стране.

Глобальный масштаб этого преступления отражает более широкие проблемы. Жертвы часто происходят из неблагополучных социально-экономических слоев и/или стран с низким уровнем дохода, и их обычно продают в более богатые страны, где торговцы получают наибольшую финансовую отдачу от их эксплуатации. Так, торговля людьми прямо признана проблемой развития в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, в задаче 8.7[2] которой идет речь об искоренении принудительного труда, современного рабства и торговли людьми. Устойчивое развитие и борьба с торговлей людьми взаимосвязаны; искоренение торговли людьми требует искоренения нищеты (цель 1), обеспечения гендерного равенства (цель 5), расширения возможностей для достойного труда (цель 8) и доступа к правосудию (цель 16). Взаимосвязь между торговлей людьми и развитием носит сложный характер, поскольку торговля людьми в определенной степени уходит своими корнями в неравенство и заодно представляет собой препятствие на пути развития и благополучия общества в плане отказа в уважении человеческого достоинства людей[3].

Торговля людьми ставит под угрозу регулирование миграции на глобальном, региональном и национальном уровнях, поскольку риски торговли людьми для мигрантов выше, когда миграция носит небезопасный, беспорядочный и/или нелегальный характер. Нелегальная миграция может быть небезопасной, с ограниченным доступом к сетям защиты и поддержки и более высоким риском торговли людьми[4]. Таким образом, «предупреждение, пресечение и искоренение торговли людьми в контексте международной миграции» занимает центральное место в Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, как это изложено в цели 10 в дополнение к другим целям Глобального договора, имеющим отношение к противодействию торговле людьми[5]. В задаче 10.7 Целей в области устойчивого развития, направленной на достижение безопасной, упорядоченной, законной и ответственной миграции, также признается, что для реализации преимуществ и полного потенциала миграции при одновременном снижении рисков, связанных с торговлей людьми, требуются хорошо продуманные и отрегулированные подходы к миграции и мобильности людей.

1 Селин Болоз, старший научный сотрудник МОМ; Марика Макадам, независимый исследователь; Джозеф Тейе, профессор и директор Центра миграционных исследований Университета Ганы.

2 См. https://sdgs.un.org/goals/goal8.

3 Kotiswaran, 2019; Danailova-Trainor and Laczko, 2010.

4 Triandafyllidou and McAuliffe, 2018.

5 ГА ООН, 2018.

Хотя систематических и полных данных о доле мигрантов, ставших жертвами торговли людьми, нет, имеющиеся данные свидетельствуют о том, что среди всех международных мигрантов, которых в 2020 году насчитывалось 281 млн человек[6], жертвы торговли людьми составляют небольшую долю, но эта практика имеет серьезные последствия для ее жертв, их семей и общин в странах происхождения и назначения. Торговля людьми имеет негативные экономические и социальные последствия, долгосрочные последствия для психического и физического здоровья и последствия для прав человека. Торговля людьми имеет негативное экономическое и социальное воздействие, вызывает долгосрочные расстройства психического и физического здоровья и несет последствия для прав человека. Торговля людьми имеет выраженный гендерный характер; женщины и девочки более подвержены торговле в целях сексуальной эксплуатации, принудительного брака и подневольного домашнего труда, тогда как мужчины и мальчики чаще становятся жертвами торговли людьми в рыболовной и горнодобывающей отраслях.

Сложный характер преступления является основным препятствием в пресечении операций торговлей людьми[7]. Когда мигранты продаются в транснациональном масштабе, к мерам реагирования системы уголовного правосудия и защите жертв добавляется еще один уровень сложности. Сети торговли людьми охватывают несколько стран, часто пересекаясь с совершением других преступных действий, таких как незаконный ввоз мигрантов. Организованные преступники умеют использовать новейшие цифровые технологии, включая социальные сети, даркнет и криптовалюты, для совершения преступлений и сокрытия своих доходов.

В настоящей главе рассматриваются некоторые текущие и возникающие вызовы, связанные с противодействием торговле людьми на путях миграции. Хотя в ней делается попытка представить сбалансированную картину географического охвата торговли мигрантами во всем мире, примеры, использованные в этой главе, не отражают ни распространенность этого преступления, ни проблемы, с которыми оно связано в некоторых странах и регионах и которые остаются недостаточно изученными. Более того, хотя в этой главе основное внимание уделяется международной миграции, торговля внутри стран также широко распространена и иногда происходит в результате внутреннего перемещения, вызванного кризисами.

В первом разделе этой главы вводится юридическое определение торговли людьми, которое отличает ее от отдельного, но родственного преступления, состоящего в незаконном ввозе мигрантов. Затем во втором разделе представлен обзор текущих тенденций и моделей торговли людьми с учетом имеющихся данных о мигрантах, ставших жертвами торговли людьми, и о торговцах людьми. В третьем разделе рассматриваются текущие вызовы и перспективные пути предотвращения торговли мигрантами, включая судебное преследование торговцев людьми, защиту жертв и сотрудничество в противодействии торговле людьми. Наконец, на основе выводов, сделанных в предыдущих разделах, в заключении очерчиваются политические и программные последствия и предлагаются рекомендации для дальнейших исследований.

Определение торговли мигрантами

Концепция торговли людьми возникла из многовековой практики международного права по таким вопросам, как пресечение торговли белыми женщинами и девочками в целях сексуальной эксплуатации, борьба с торговлей женщинами и детьми, рабством и сходными с ним обычаями, а также с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами[8]. И все же только в 2000 году с принятием Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее

6 ДЭСВ ООН, 2020.

7 Gallagher, 2010.

8 LoN, 1904, 1921, 1926, 1933; UN, 1949, 1956; McAdam, 2019.

(Протокол о торговле людьми), дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, было согласовано и принято международное определение для криминализации «торговли людьми»[9].

Определение торговли людьми, разобранное на рисунке 1 ниже, включает три элемента: «действие», «средство», с помощью которого совершается действие, и «цель» действия и средства, состоящая в эксплуатации. Для квалификации требуется каждый из трех элементов, кроме как если жертвой является ребенок (любое лицо моложе 18 лет), когда необходимо установить только «действие» и «цель» эксплуатации[10].

Рисунок 1. Три совокупных элемента торговли людьми, как они определены в статье 3 a) Протокола о торговле людьми

Примечание: Как указано в статьях 3 c) и 3 d) Протокола о торговле людьми, второй элемент, касающийся средств торговли людьми, не применяется к детям. Таким образом, в отношении детей деяние и цель эксплуатации достаточны для того, чтобы преступление считалось торговлей людьми.

«Акты» торговли людьми могут происходить внутри страны (внутренняя торговля людьми) или включать пересечение международных границ (транснациональная торговля людьми). В контексте международной миграции мигранты становятся жертвами не только транснациональной, но и внутренней торговли людьми, когда, например, их вербуют с целью эксплуатации в стране назначения.

9 ООН, 2000a.

10 Там же, статьи 3 c) и 3 d).

Эти деяния совершаются с помощью различных «средств», которые нарушают согласие жертвы, делая его неуместным. Например, согласие потерпевшего не имеет значения, если оно было получено с применением силы, если лицо было обмануто или когда злоупотребляли его положением уязвимости. Этот элемент не требуется для детей, которые не обладают дееспособностью, чтобы дать согласие на такие действия в целях эксплуатации[11]. Как квалифицирующий элемент торговли взрослыми, «злоупотребление положением уязвимости» не относится конкретно к уязвимости человека. к торговле людьми, но в контексте уголовного правосудия требуются достоверные доказательства, подтверждающие, что торговец людьми намеренно злоупотреблял или воспользовался положением уязвимости жертвы с целью его или ее эксплуатации[12].

Уязвимость к торговле людьми обычно подразумевает такие факторы, как возраст, пол или социально-экономические условия, которые могут подвергать человека риску стать жертвой торговли людьми. Для мигрантов дополнительные аспекты уязвимости могут включать следующие факторы, но не ограничиваться ими[13]:

- **Факторы миграции, особенно неблагоприятные**, которые могут привести к тому, что мигранты будут обмануты при эксплуататорской вербовке за границей.
- **Миграционные маршруты,** которые могут завести мигрантов в руки организованных сетей торговли людьми, работодателей-эксплуататоров или в ситуации вымогательства[14]. Беженцы и другие мигранты, спасающиеся от конфликтов и насилия, могут быть особенно уязвимы, о чем свидетельствует торговля сирийцами в соседних с Сирийской Арабской Республикой странах и по балканскому маршруту[15].
- **Миграционный статус,** особенно когда их нелегальное положение подвергает мигрантов возможным негативным правовым последствиям - от штрафов до задержания или депортации. Кроме того, нелегальное положение часто заставляет мигрантов работать в секторах с высоким уровнем эксплуатации, таких как рыболовство в Юго-Восточной Азии[16], сельскохозяйственный сектор в Европе[17] и строительные работы в Северной Америке[18].

Пандемия COVID-19 усугубляет и создает уязвимость к торговле людьми

Повышенная незащищенность, нищета и маргинализация, вызванные вспышкой вируса, могут быть причинами торговли людьми[a]. Воздействие пандемии COVID-19 трудно точно определить количественно, но, как отмечает УНП ООН, она, вероятно, будет иметь самые серьезные последствия для стран с самым высоким и быстрым ростом уровня безработицы, а также для лиц с самой низкой заработной платой, как в случае с некоторыми мигрантами[b]. Уже сообщалось о значительном росте торговли людьми в различных местах, как, например, в Соединенных Штатах Америки, где, по оценке одной правозащитной организации, число случаев торговли людьми увеличилось на 185% по сравнению с предыдущим годом[c]. Закрытые границы могут также увеличить рынок нелегальных каналов их обхода, предоставляемых организованными преступными контрабандистами и торговцами людьми.

11 УНП ООН, 2014.
12 УНП ООН, 2011, 2013, 2018a.
13 О факторах уязвимости мигрантов к торговле людьми см. МОМ, 2019a.
14 УНП ООН, 2013.
15 См., соответственно, ICMPD, 2015 и Brunovskis and Surtees, 2019.
16 Marschke and Vandergeest, 2016; МОТ, 2013.
17 Monzini, 2015.
18 Buckley et al., 2016.

Тяжелая экономическая ситуация может ограничить возможности получения средств к существованию для многих мигрантов, которые работают в отраслях, наиболее пострадавших от кризиса, создавая стимулы для обращения к более ненадежным и опасным способам заработка, увеличивающих риск стать жертвой эксплуататорских сетей торговли людьми. Многие мигранты ищут возможности в Интернете и рискуют быть обманутыми торговцами людьми[d]. В других случаях люди остаются на работе, но условия ухудшаются. Те, кто работает в домашних условиях, чьи работодатели перешли на работу на дому, часто сталкиваются с повышенными требованиями, сопровождающимися сокращением заработной платы, свободы и возможности уйти[e]. Трудящиеся-мигранты, не имеющие доступа к медицинским, социальным, юридическим и другим услугам, также быстро становятся уязвимыми не только для самой пандемии, но и для того, чтобы стать жертвами торговцев людьми и других преступников, поскольку в отсутствие официальной и надежной системы защиты торговцы людьми все чаще становятся единственным доступным «последним средством».

Бедственное положение более чем 5 млн венесуэльских мигрантов, покинувших свою страну с 2014 года, показывает, как такие внешние факторы могут усугубить ранее существовавшую уязвимость[f]. У некоторых из этих мигрантов не было легального статуса и доступа к социальной защите, и до пандемии они зависели от неформальных рынков труда. С 2014 года многие потеряли работу, были выселены из своих жилищ и оказались на улице[g]. Оценки показывают, что в условиях повышенной уязвимости за первые четыре месяца 2020 года число жертв торговли людьми в Колумбии увеличилось на 20% по сравнению со всем 2019 годом, причем большинство из них составляют венесуэльские мигранты[h]. Принятое правительством Колумбии в феврале 2021 года решение предоставить венесуэльским мигрантам, находившимся в стране с нелегально, статус временной защиты на 10 лет является важным шагом вперед в улучшении их защиты и безопасности, а также в снижении их уязвимости перед торговлей людьми[i].

Пандемия не только увеличила риск торговли людьми для мигрантов и других лиц, находящихся в уязвимом положении, но и ограничила усилия по выявлению жертв из-за мер изоляции и смещения приоритетов правоохранительных органов в сторону реализации мер по сдерживанию распространения пандемии. Закрытие социальных служб также уменьшило выявление и поддержку жертв[j].

a УНП ООН, 2021; Polaris, 2020a; Worsnop, 2019.
b УНП ООН, 2021.
c Blake et al., 2020.
d Europol, 2020.
e СПЧ ООН, 2020; Giammarinaro, 2020; McAdam, 2020.
f УНП ООН, 2021; R4V, 2020.
g Данные опросов в Перу и Колумбии см. в Equilibrium CenDE, 2020a, 2020b. См. также Freier et al., 2020.
h Observatorio del Proyecto Migración Venezuela, 2020.
i См. УВКБ и МОМ, 2021.
j УНП ООН, 2020a; CoE GRETA, 2020; Teixeira, 2020.

Третьим и наиболее важным элементом определения торговли людьми является цель эксплуатации. Хотя Протокол о торговле людьми не дает определения эксплуатации, он предлагает неисчерпывающий список примеров, некоторые из которых определены в международном праве (например, рабство, обычаи, сходные с рабством, и принудительный труд), а другие не определены в международном праве (например, сексуальная

эксплуатация)[19]. Государства используют различные подходы в своем внутреннем законодательстве, либо включая включение тот же списокк примеров эксплуатации из Протокола о торговле людьми, либо исключая одни примеры и добавляя другие[20]. Эксплуатация должна быть достаточной тяжести, чтобы преодолеть порог торговли людьми как серьезного преступления, но на практике может быть трудно провести различие между мигрантом, работающим в эксплуататорских условиях труда, и мигрантом, который был продан для принудительного труда, особенно когда эксплуатация еще не имела места.

Проблемы с пониманием определения и того, как его компоненты взаимодействуют в динамике миграции, влияют на то, выявляются ли жертвы, какие дела расследуются и преследуются, какие наказания выносятся. Широкое понимание может закинуть сеть слишком широко, охватывая ситуации, которые могут не являться торговлей людьми, в то время как слишком узкое понимание лишает защиты и правосудия жертв, которые не признаются таковыми[21].

Еще одним вызовом в контексте миграции является разграничение между торговлей людьми и незаконным ввозом мигрантов, при этом эти два понятия часто смешиваются средствами массовой информации и другими заинтересованными сторонами. Незаконный ввоз мигрантов отражен в отдельном правовом документе – Протоколе 2000 года против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху – как «обеспечение, с целью получения, прямо или косвенно, какой-либо финансовой или иной материальной выгоды, незаконного въезда в какое-ибо Государство-участник любого лица, которое не является его гражданином или не проживает постоянно на его территории»[22]. Другими словами, в то время как преступной целью торговли людьми является эксплуатация, для незаконного ввоза ею является получение «финансовой или иной материальной выгоды» за счет облегчения незаконного пересечения границы другим лицом[23]. Незаконный ввоз обычно происходит в контексте незаконной международной миграции, тогда как торговля людьми может происходить в ходе законной миграции или внутренней миграции. Эти два вида преступлений могут пересекаться, поскольку организованные преступные группы взаимодействуют на маршрутах нелегальной миграции, пропуская мигрантов между собой или контролируя или облагая налогами участки маршрута[24]. Полагаясь на услуги контрабандистов для пересечения международных границ, незаконно ввезенные мигранты могут стать жертвами торговли людьми и других преступлений в ходе незаконного ввоза или вследствие него. Это может произойти, например, когда плата за контрабанду приводит к долгу, который можно использовать для эксплуатации. В крайних случаях они могут подвергнуться принуждению, вымогательству, насилию и даже пыткам, о чем свидетельствует перемещение беженцев из числа рохинджа в Андаманском море[25].

19 См., соответственно, LoN, 1926; ООН, 1956; МОТ, 1930.

20 Государства добавили формы эксплуатации, включая принуждение к попрошайничеству, незаконное усыновление, коммерческое суррогатное материнство, эксплуатацию в преступной деятельности и изъятие частей тела и жидкостей, а также основных органов.

21 Анализ определения торговли людьми в этом разделе в значительной степени опирается на ряд тематических документов, подготовленных А. Галлахером и М. Макадамом по заказу Рабочей группы государств-участников Протокола о торговле людьми. См. УНП ООН, 2018a.

22 Статья 3 a), Протокол о незаконном ввозе, ООН, 2000b.

23 McAdam, 2021.

24 Sanchez and Achilli, 2019, 2020; Triandafyllidou and McAuliffe, 2018.

25 Kontinentalist, 2020; McAuliffe, 2016.

Слияние незаконного ввоза и торговли людьми на маршрутах нелегальной миграции: свидетельство мигрантки

Меня зовут Дебора, мне 20 лет, я из Нигерии. Я прибыла на Мальту через Ливию. Вот моя история.

Жизнь в Нигерии была очень тяжелой. … Мой друг познакомил меня с кем-то, человеком, который сказал, что возьмет меня в Европу. Договор заключался в том, что, когда я доберусь до Европы, я буду работать модельером, чтобы я могла заплатить им.

…

В первый день, когда мы прибыли в Ливию, он продал меня одной женщине. Я сказала им, что не собираюсь работать, это не то место, куда они меня обещали привезти. Женщина сказала, что нет, именно сюда я направлялась. Я сказала им отвезти меня обратно. … Они сказали, что это невозможно.

Первой женщиной, которой меня продали, была Эбигейл. Она отвела меня к себе и сказала, чтобы я начинала работать. Я спросила ее, какая работа? … Она сказала, что я буду работать проституткой. Я сказала ей, что не буду, потому что это не та работа, которую мне сказали, что я буду здесь делать. Она сказала, что это не Европа, это Ливия, и ты должна работать. … Я отказалась.

…

Я не хотела работать, потому что в Ливии у людей много болезней. Я еще молода, и у меня еще нет детей. Потом они лили на мое тело холодную воду из холодильника, били меня и говорили, что я должна работать.

После всех побоев я решилась [работать] и заплатить им их деньги. Вот так. К моему удивлению, оказалось, что в Ливии я приучила свое тело к работе, но это было не то, о чем мы договаривались.

Когда я закончила платить им, я все еще должна была заплатить деньги женщине по имени Фатима. Я дала ей денег, чтобы она отвезла меня в Триполи. Она отвезла меня из Мурзука в Сабху. Потом она отвезла меня в Сабрату, но не заплатила контрабандистам. Даже в Сабрате меня все еще хотели продать, потому что я все еще была должна деньги. Именно там я встретила своего мужа. Муж заплатил деньги и вызволил меня оттуда. Я ушла жить с ним. Мы уехали из Сабраты в Сорман и по-прежнему сталкивались с другими проблемами. Мы ходили от одного контрабандиста к другому, но безуспешно. Только с шестой попытки мы добрались до Мальты. …

Послушайте полную историю Деборы на веб-сайте Telling the Real Story, доступном по адресу www.tellingtherealstory.org/en/stories/video/deborahs-story/.

Несмотря на его сложности, Протокол о торговле людьми получил почти универсальную ратификацию, в отличие от большинства документов, касающихся миграции; по состоянию на 30 июня 2021 года его участниками стали 178 государств (см. добавление A). Тот факт, что государства стремятся к общему пониманию торговли людьми, проявляется в переносе международного определения в региональные документы. Однако, как подробно описано в добавлении B, эти транспозиции принимали различные формы: некоторые региональные инструменты дословно воспроизводят определение Протокола (например,

конвенции Совета Европы и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии о торговле людьми), а другие более или менее следуют ему и добавляют некоторые формы эксплуатации (например, Директива Европейского союза). Конвенция Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК) значительно отклоняется от Протокола, ограничивая торговлю людьми «продажей или покупкой женщин и детей для целей проституции» и исключая мужчин-жертв и большинство других форм эксплуатации. Там, где определение торговли людьми не может быть эффективно перенесено в местный контекст, существует риск того, что оно будет истолковано слишком расширительно, что размывает серьезный характер торговли людьми; или, наоборот, слишком узко, оставляя некоторых жертв без выявления и защиты, поскольку они не признаются жертвами торговли людьми.

Помимо концептуальной путаницы и расхождений в определениях, принятие региональных документов свидетельствует о широкой приверженности борьбе с торговлей людьми и одобрении Протокола о торговле людьми в качестве надлежащей основы для реагирования. За 21 год после принятия протокола был достигнут значительный прогресс. То, что когда-то считалось преступлением, в результате которого женщины становились жертвами сексуальных форм эксплуатации, теперь широко понимается как преступление, которое может затронуть любого человека в широком диапазоне целей эксплуатации.

Масштабы торговли людьми

Несмотря на приверженность борьбе с торговлей людьми во всем мире, торговля людьми остается растущей и прибыльной преступной деятельностью. Последние оценки Международной организации труда (МОТ) показывают, что только принудительный труд приносит около 150 млрд долл. США незаконной прибыли в год[26]. Эта цифра остается консервативной оценкой, поскольку доходы, получаемые от торговли людьми, выходят за рамки принудительного труда и часто обходят финансовый мониторинг за счет отмывания денег, использования криптовалют и других новых способов оплаты[27]. Как подчеркивает Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН), имеется скудная информация о доходах торговцев людьми[28]. Вместе с тем обзор судебных дел в связи с торговлей людьми показывает, что их финансовые выгоды также зависят от структуры и масштаба их организаций, при этом более крупные прибыли приносят крупные преступные организации и сети, торгующие большим количеством жертв. Эти прибыли также часто вливаются в доходы, полученные от другой транснациональной преступной деятельности. Торговцы людьми часто участвуют в другой организованной транснациональной преступной деятельности, чтобы снизить риски, сократить операционные расходы и увеличить размер прибыли, как, например, в случае с наркокартелями в Мексике[29].

В более общем плане подпольный характер торговли людьми представляет собой одно из основных препятствий для сбора точных данных о полученных доходах и масштабах торговли людьми во всем мире. В целом можно выделить два основных источника данных: административные (или оперативные) данные и данные, собранные для исследовательских целей[30]. Данные, собранные для исследовательских целей, в основном сосредоточены на качественных показателях, получаемых посредством опросов и интервью с

26 МОТ, 2014.
27 Europol, 2017.
28 УНП ООН, 2021.
29 Rabasa et al., 2017.
30 Grant et al., 2018.

потерпевшими и ключевыми источниками информации. Эти данные дают полезные сведения о торговле людьми, дополняя административные или оперативные данные, собранные в рамках полномочий различных организаций. Однако эти виды данных по-прежнему трудно получить из-за препятствий в установлении контактов с жертвами с помощью традиционных методов выборки, особенно в отношении жертв сексуальной эксплуатации и жертв из числа детей. Эти препятствия включают ограниченность ресурсов, проблемы безопасности и этические соображения, касающиеся деликатности определенных вопросов.

Административные или оперативные данные собираются рядом различных субъектов, включая правоохранительные и судебные органы, а также правительственные и неправительственные организации, обеспечивающие защиту и помощь жертвам. Хотя сегодняшняя тенденция к датафикации - или количественной оценке - влечет за собой риск сосредоточения внимания на измерении распространенности торговли людьми во всем мире в ущерб изучению других важных качественных аспектов торговли людьми[31], эти данные представляют собой главное окно в эту преступную деятельность, поскольку они предоставляют подробные сведения о профилях и опыте жертв, формах торговли людьми и информацию о преступниках.

УНП ООН представляет ценный обзор торговли людьми во всем мире в своем Всемирном докладе о торговле людьми, опираясь на официальную национальную статистику вместе с качественной информацией из материалов расследований[32]. УНП ООН проводит опрос правительств о жертвах торговли людьми, выявленных в их странах, используя общий вопросник со стандартным набором показателей, а затем обобщает результаты. Еще одним мероприятием по сбору данных является Совместная база данных о борьбе с торговлей людьми (СБДТ), первый межведомственный глобальный центр данных о торговле людьми, работающий под руководством Международной организации по миграции (МОМ). СБДТ публикует согласованные данные при содействии организаций по борьбе с торговлей людьми, в том числе МОМ, которая оказывает помощь жертвам торговли людьми с середины 1990-х годов, ежегодно помогая примерно 8000 жертв во всем мире[33].

Такие данные носят очень деликатный и сугубо персональный характер, что вызывает ряд проблем с конфиденциальностью, когда дело касается их сбора, управления и обмена ими. Жертвы торговли людьми представляют собой особо чувствительную категорию населения, поскольку риск идентификации той или иной жертвы в наборе данных может быть высоким, а последствия — серьезными. Конфиденциальность данных, неразглашение сведений и защита жертв являются важными принципами, призванными обеспечивать, чтобы общедоступные наборы данных не позволяли идентифицировать отдельных жертв торговли людьми, как описывается в текстовой вставке ниже, но они также могут ограничивать объем доступных данных. К данным также следует подходить осторожно, поскольку ими можно манипулировать для достижения политических целей, они могут вводить в заблуждение за счет сосредоточения внимания на количественных аспектах торговли людьми в ущерб качественным и/или искажаться, например, путем интерпретации как «современного рабства» в стремлении к количественной оценке практики эксплуатации, которая может повлечь за собой торговлю людьми или частично совпадать с нею[34].

31 Yea, 2017.

32 УНП ООН, 2021.

33 CTDC, 2020.

34 Kenway, 2021; Gallagher, 2017; Harkins, 2017.

Совместная база данных о борьбе с торговлей людьми: обмен данными, деидентификация и анонимизация

В 2017 году МОМ первой создала Совместную базу данных о борьбе с торговлей людьми (СБДТ) как первое глобальное хранилище первичных данных о торговле людьми, поступающих от многих организаций. СБДТ была создана в партнерстве с организациями «Поларис» и «Либерти Шэред». Она объединила три крупнейших набора данных о жертвах в мире, образующих единую централизованную базу данных с информацией о более чем 108 000 случаев торговли людьми, в том числе о представителях 164 национальностей, эксплуатируемых в 175 странах в пяти регионах, а именно в Африке, Северной и Южной Америке, Азии, Европе и Океании.

Поскольку данные о торговле людьми большую часть времени не являются общедоступными по причине обеспечения конфиденциальности, защиты данных и деликатности контента, цель СБДТ состоит в том, чтобы разрушить барьеры для обмена информацией и предоставить участникам противодействия торговле людьми актуальную информацию для поддержки эффективных стратегий борьбы с торговлей людьми. Общедоступный набор данных деидентифицируется с помощью k-анонимизации, метода анонимизации данных, который редактирует случаи, попадающие в наборы с менее чем $k - 1$ членами, где каждый набор определяется уникальной комбинацией значений различных переменных в наборе данных. На основе исследований и испытаний для данных СБДТ установлено значение $k = 11$, поэтому запросы не могут возвращать менее 10 результатов. Полный, неанонимный набор данных также доступен через подробные визуализации и карты, имеющиеся на сайте.

Вместе с тем всему сообществу по борьбе с торговлей людьми требуется дополнительная работа, чтобы согласовать общие стандарты и методы обмена данными. Например, МОМ работает с УНП ООН над созданием первого набора международных стандартов данных по административным данным о торговле людьми, чтобы правительства и организации по всему миру могли собирать сопоставимые и высококачественные данные, которые можно было бы безопасно распространять и использовать для развития доказательной базы. С 2019 года МОМ также работает с «Майкрософт Рисерч» над разработкой нового подхода к деидентификации административных данных о торговле людьми, который мог бы использоваться правительствами и другими заинтересованными сторонами. Решение позволит организациям публиковать неотредактированный набор данных, сохраняя при этом конфиденциальность жертв, путем моделирования синтетического набора данных на основе исходного набора данных. Результирующий синтетический набор данных больше не содержит «реальных» данных о «реальных» людях, но сохраняет статистические свойства исходного набора данных, что позволяет пользователям продолжать выполнять содержательный анализ. Это решение для деидентификации было размещено в Интернете[a] вместе со статьей, подробно описывающей используемый алгоритм[b].

См. СБДТ по адресу www.ctdatacollaborative.org/.

a См. https://github.com/microsoft/synthetic-data-showcase.
b См. https://arxiv.org/abs/2005.05688.

Доступность административных данных о выявленных жертвах торговли людьми зависит от целого ряда факторов, например, от того, функционируют ли организации по борьбе с торговлей людьми или могут ли они систематически собирать данные или обмениваться ими в той или иной стране/населенном пункте. Как указывает УНП ООН, наличие точных данных также зависит от потенциалов государств по сбору данных, которые низки в некоторых регионах, таких как страны Африки к югу от Сахары и Восточная Азия[35]. Из этого следует, что существование больших объемов данных о торговле людьми может не обязательно указывать на более высокую распространенность этого явления. Кроме того, выявленные случаи следует понимать как выборку неидентифицированной популяции жертв, а не как попытки измерить распространенность торговли людьми. Если некоторые типы случаев торговли людьми выявляются с большей вероятностью, чем другие, эта выборка может быть необъективной. Степень этой погрешности редко известна, поскольку неидентифицированная популяция по определению неизвестна.

Помимо вопроса о ценности и эффективности измерения распространенности торговли людьми для информационного обеспечения политики и программ по борьбе с торговлей людьми[36], следует отметить, что оценка такой распространенности проводится с использованием новых методологий, основанных на административных данных. Например, УНП ООН поддерживает страны в использовании методики многосистемной оценки (МСО) для получения оценок числа жертв торговли людьми, которые не были идентифицированы, на основе достоверных национальных данных[37]. При применении в Нидерландах методика МСО показала, что неустановленных жертв торговли людьми может быть в четыре-пять раз больше, чем выявленных. Опросы также можно использовать для оценки распространенности, как это делается, например, для соответствующих преступлений, связанных с принудительным трудом и принудительным браком, в Глобальных оценочных расчетах, касающихся современного рабства, которые проводятся МОТ, фондом «Вок фри» и МОМ[38].

В своем последнем Всемирном докладе УНП ООН указывает, что число выявленных жертв торговли людьми, о которых ежегодно сообщают страны, увеличилось с менее чем 20 000 в 2003 году до примерно 49 000 в 2018 году, что является самой последней доступной цифрой[39]. Количество обвинительных приговоров за торговлю людьми также увеличилось во всем мире. Однако эти данные не обязательно подразумевает рост торговли людьми во всем мире, поскольку они также отражают более широкие возможности некоторых государств по выявлению торговли людьми и сбору данных.

Хотя жертвы торговли людьми исторически воспринимались как уязвимые женщины и дети, проданные с целью сексуальной эксплуатации, гендерный профиль жертв со временем изменился. Женщины по-прежнему составляют наибольшую долю выявленных жертв (всего около 65%, из них 46% женщин и 19% девочек), однако мужчины также являются жертвами торговли людьми (20% мужчин и 15% мальчиков), особенно в целях принудительного труда, на который приходится почти 60% процентов выявленных жертв[40]. Пол и возраст жертв различаются в зависимости от региона; в странах Африки к югу от Сахары выявляется больше детей, чем взрослых, в то время как взрослые женщины составляют наибольшую долю выявленных жертв в Европе, Северной Америке и Азии, а взрослые жертвы-мужчины чаще выявляются в Северной Африке и на Ближнем Востоке[41].

35 УНП ООН, 2018b.

36 Другие мнения см., например, в David, 2017; Feingold, 2017; Robinson et al., 2017; и Dottridge, 2017.

37 УНП ООН, 2016a.

38 МОТ, 2017.

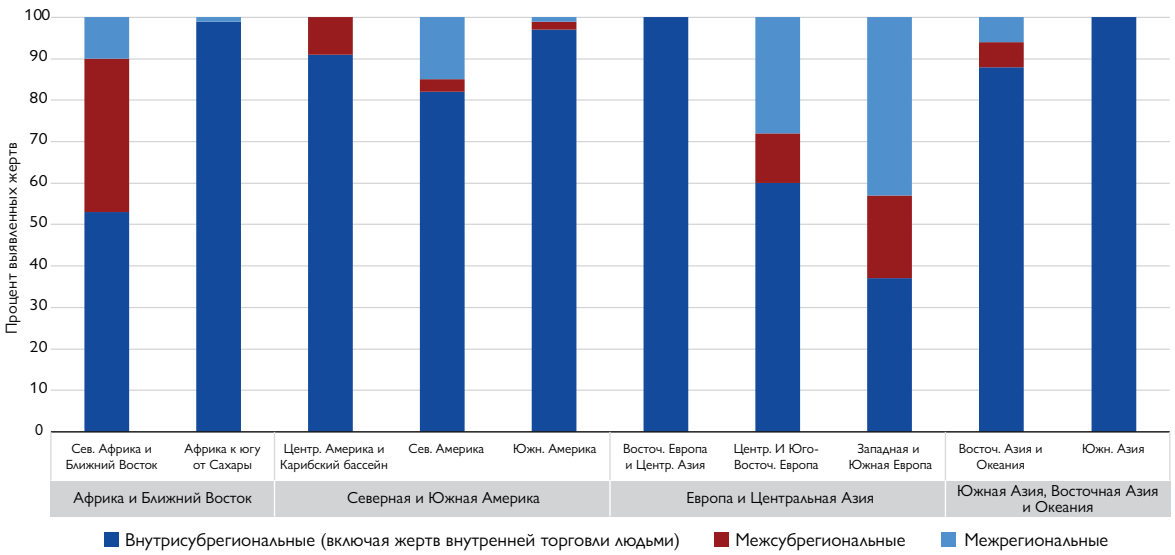
39 УНП ООН, 2018b:21, 2021:25. Как отметило УНП ООН, хотя 2018 год является базовым годом, «самые последние» данные за 2019, 2017 или 2016 годы использовались для стран, по которым данные за 2018 год отсутствовали.

40 УНП ООН, 2021:31–36. Аналогичные показатели сообщает СБДТ, при этом женщины и девочки составляют около 70% жертв в наборе данных: CTDC, n.d.a.

41 Там же.

Согласно последним данным, собранным УНП ООН, 45% всех выявленных жертв торговли людьми были проданы за границу[42]. Однако мигранты могут быть также среди жертв, зарегистрированных по линии внутренней торговли людьми, когда они становятся жертвами торговли людьми, оказавшись в стране назначения. Хотя данных о количестве выявленных жертв торговли людьми, являющихся мигрантами, не существует, гражданство установленных жертв торговли людьми часто коррелирует с гражданством легальных мигрантов[43]. Это говорит о том, что потоки торговли людьми обнаруживают сходство моделей с миграционными потоками в том, что они обычно направлены в более богатые страны, где эксплуатация более выгодна из-за более высокого спроса и высоких цен[44]. Как и миграционные потоки, транснациональные потоки торговли людьми в первую очередь являются внутри(суб)региональными: среди выявленных жертв, о которых было сообщено УНП ООН, 12% стали жертвами торговли людьми в одном и том же субрегионе, 8% — в том же регионе и 15% — на межрегиональном уровне[45]. Из рисунка2 ниже явствует, что наибольшая доля жертв торговли людьми выявляется на внутрирегиональном уровне, хотя здесь следует отметить, что имеющиеся статистические данные о жертвах внутрисубрегиональной торговли, отраженные на этом рисунке, также включают жертв торговли людьми внутри страны. Тем не менее данные о репатриации жертв в страну их происхождения подтверждают преобладание внутрисубрегиональной и внутрирегиональной торговли людьми над межрегиональными потоками[46]. Что касается межрегиональной торговли людьми, то почти все регионы сообщают о большом числе жертв, идентифицированных как выходцы из Восточной Азии и стран Африки к югу от Сахары[47].

Рисунок 2. Процент выявленных жертв по видам потоков торговли людьми и субрегионам, 2018 год (или самые последние доступные данные)



Источник: УНП ООН, 2021.
Примечание: Систематизация на основе географических регионов УНП ООН, использованная в докладе и подробно описанная там же:26.

42 УНП ООН, 2021:55.
43 УНП ООН, 2016b:9, 58.
44 Там же:58.
45 УНП ООН, 2021. Наибольшая доля выявленных жертв (65%) приходится на жертвы внутренней торговли людьми.
46 Там же:60.
47 Согласно классификации (суб)регионов, используемой УНП ООН, Восточная Азия включает Бруней-Даруссалам, Индонезию, Камбоджу, Китай, Малайзию, Монголию, Мьянму, Республику Корея, Сингапур, Таиланд, Тимор-Лешти, Филиппины и Японию. См. там же: 26.

По данным СБДТ, транснациональная торговля людьми может в значительной степени осуществляться через официальные пограничные контрольно-пропускные пункты, при этом почти 80% въездов (особенно женщин) осуществляется через официальные пограничные контрольно-пропускные пункты, такие как аэропорты и сухопутные пограничные контрольно-пропускные пункты[48]. Дети, подвергающиеся торговле людьми, реже, чем взрослые, пересекают официальные пограничные контрольно-пропускные пункты, при этом примерно 44% из них передвигались по маршрутам торговцев людьми без каких-либо официальных пограничных контрольно-пропускных пунктов. СБДТ указывает на применение различных средств в рамках торговли людьми в зависимости от типа миграционного маршрута: когда жертвы торговли людьми переправляются через официальные пункты пограничного контроля, средствами в основном выступают долговая кабала, угрозы и ограничения свободы передвижения, тогда как в случаях, когда торговля людьми не связана с пересечением официальных пунктов пограничного контроля, более вероятны изъятие и уничтожение документов. На самом деле, те же данные указывают на то, что большинство жертв (около двух третей) подвергаются эксплуатации на каком-то этапе своего пути, независимо от того, переправляются ли они через официальный пункт пограничного контроля или нет. В обоих случаях торговле мигрантами могут способствовать должностные лица, коррумпированные торговцами людьми[49]. После вспышки COVID-19 в декабре 2020 года премьер-министр Таиланда приказал принять жесткие меры в отношении коррумпированных должностных лиц, которые, возможно, помогали торговцам людьми, после регистрации притока мигрантов из Мьянмы, которых незаконно ввозили и продавали для работы на рынках креветок[50].

Преобладающим видом торговли людьми является торговля в целях принудительного труда, независимо от способа пересечения границы (83% через официальные пограничные пункты и 64% через неофициальные), за ней следует торговля в целях сексуальной эксплуатации (15% и 22% соответственно) и другие формы (2% и 13% соответственно)[51]. Интересно отметить, что это долевое распределение расходится с более общими выводами об основных видах эксплуатации, когда внутренняя и транснациональная торговля людьми рассматриваются вместе, где сексуальная эксплуатация занимает первое место (около 54%), за которой следует принудительный труд (около 42%) и другие формы эксплуатации (включая рабство и схожие практики — 0,56%, принудительные браки — 0,45%, изъятие органов — 0,03%, принудительную военную службу — 0,01% и другие формы — 10,46%)[52]. Это может означать, что торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации в большей степени, чем другие формы эксплуатации, имеет место не только в транснациональных случаях торговли людьми, но и во внутренних случаях.

Как отмечает УНП ООН, между регионами существуют различия в формах эксплуатации: хотя в большинстве регионов преобладает торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации, наиболее распространенной формой эксплуатации в Африке и на Ближнем Востоке является принудительный труд (по крайней мере, среди выявленных жертв; см. рисунок 3 и текстовую вставку ниже)[53].

48 CTDC, n.d.b.

49 УНП ООН, 2011; Балийский процесс и УНП ООН, 2021.

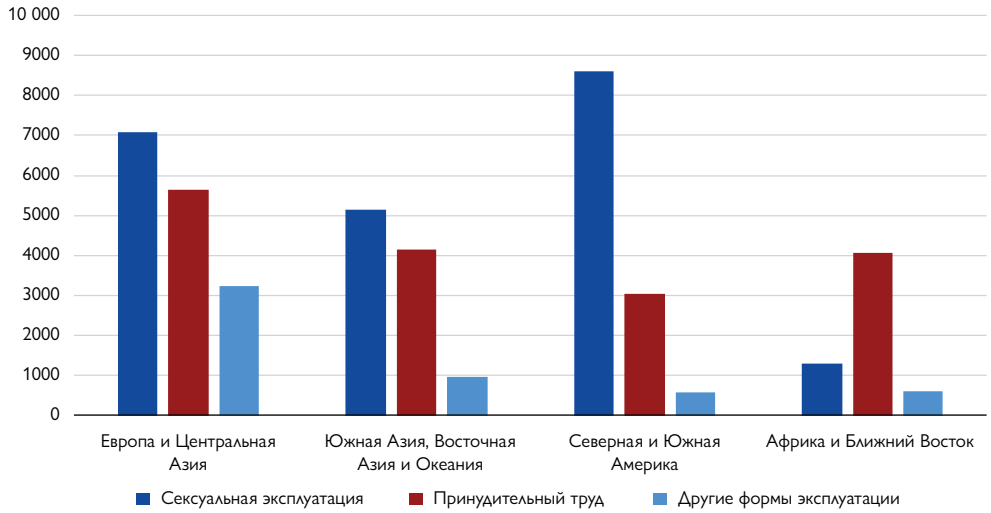
50 Zsombor, 2020.

51 CTDC, n.d.b.

52 CTDC, n.d.c. Эти формы эксплуатации могут быть кумулятивными, поэтому общий процент превышает 100%. Об аналогичных показателях сообщает УНП ООН: 50% выявленных жертв торговли людьми используются для сексуальной эксплуатации, 38% — для принудительного труда и 12% — для других целей.: УНП ООН, 2021:34.

53 УНП ООН, 2021.

Рисунок 3. Количество выявленных жертв торговли людьми в разбивке по формам эксплуатации и регионам обнаружения, 2018 год

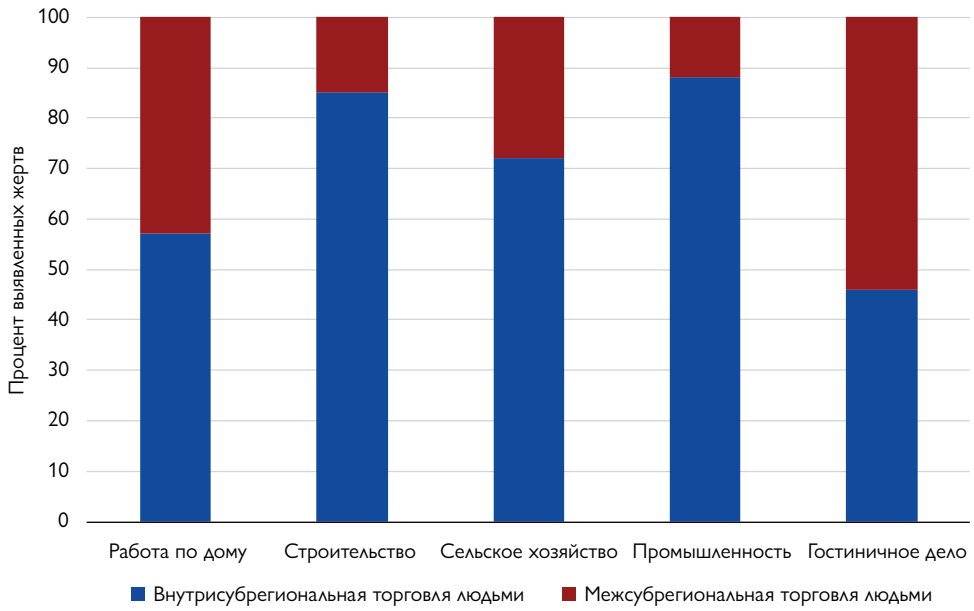


Источник: УНП ООН, 2021.

Основными секторами принудительного труда, в целях которого происходит торговли людьми, являются работа по дому (30% выявленных жертв), строительство (16%), сельское хозяйство (10%), обрабатывающая промышленность (9%) и гостиничное дело (8%)[54]. Что касается других форм эксплуатации, то торговля людьми в этих секторах, как правило, носит внутрирегиональный и даже внутрисубрегиональный характер. Однако, как видно из рисунка 4 ниже, среди жертв, выявленных в наборе данных СБДТ, эксплуатация в гостиничном деле и в меньшей степени в домашней работе с большей вероятностью выходит за пределы субрегионов происхождения жертв, так как 54% и 43% жертв, соответственно, были выявлены за пределами их субрегионов. Жертвы торговли людьми, занятые в гостиничном деле, в основном прибывают из Восточной Европы (43%) и Юго-Восточной Азии (26%) и эксплуатируются в Северной Америке (19%) и Восточной Европе (19%)[55]. Жертвы торговли людьми, работающие в качестве домашней прислуги, в основном прибывают из Юго-Восточной Азии (66%) и Восточной Европы (9%) и эксплуатируются в Юго-Восточной Азии (37%), Западной Азии (20%) и Северной Америке (16%)[56].

54 CTDC, n.d.c.
55 CTDC, n.d.d.
56 CTDC, n.d.e.

Рисунок 4. Процент выявленных жертв в разбивке по секторам эксплуатации и внутри-/межсубрегиональным видам торговли людьми



Источник: CTDC, n.d.d–n.d.h.
Примечание: Внутрисубрегиональная торговля людьми охватывает также торговлю внутри страны.

Торговля людьми в целях принудительного труда может также принимать форму принуждения к попрошайничеству, торговле вразнос и совершению незаконных действий, как подробно описано в текстовой вставке ниже в африканском контексте, хотя эти формы не распространены.

По сравнению с другими формами эксплуатации торговля людьми с целью извлечения органов остается ограниченной. Это может быть, по крайней мере частично, связано с тем, что проблема часто рассматривается вне рамок торговли людьми и поэтому может не считаться явлением, связанным с торговлей людьми[57]. УНП ООН отмечает расширение возможностей торговцев людьми действовать через границы и вступать в сговор с медицинскими работниками за границей[58].

Торговля людьми в других целях может включать в себя принудительные, договорные и фиктивные браки, поскольку жертвы часто сталкиваются с насилием, жестоким обращением, эксплуатацией и ограничениями в передвижении[59]. Этот вид торговли людьми сильно зависит от пола, так как жертвами в основном являются женщины и девочки из неблагополучных семей, хотя сообщалось о некоторых случаях принуждения лиц из числа ЛГБТИ к гетеросексуальным бракам их семьями[60]. Эти «браки», как правило, организуются членами семьи за выкуп за невесту и/или брокерами, мотивированными финансовой и материальной выгодой. Однако бывают случаи, когда невесты были обмануты или похищены. Мигранты также могут вступать в фиктивные браки, чтобы легально въезжать в страну или урегулировать свой миграционный статус уже в стране назначения, что делает их уязвимыми для последующей эксплуатации. Сообщается также о женщинах из Восточной Европы,

57 УНП ООН, 2015.
58 УНП ООН, 2018b:30–31.
59 УНП ООН, 2020b.
60 Там же.

которым посредники в Западной Европе обещают хорошо оплачиваемую работу и которые по прибытии в конечном итоге становятся жертвами принудительного брака с нелегальными мигрантами, стремящимися урегулировать свое пребывание, получив паспорт Европейского союза с помощью брака[61]. Имеются также случаи на Ближнем Востоке, когда женщин и девушек заключали в «туристические» или «временные» формы брака с целью сексуальной эксплуатации[62].

Торговля мигрантами из Африки и внутри нее

Африканские жертвы преимущественно подвергаются торговле людьми в пределах своего региона происхождения. Согласно данным СБДТ, 75% африканских жертв становятся жертвами торговли людьми в Африке, при этом 13% переправляются в Европу, 7% — в Азию и 5% — в Америку[a].

Торговля людьми в Африке имеет две основные особенности по сравнению с другими регионами мира. Во-первых, торговля людьми в Африке связана скорее не с сексуальной эксплуатацией, а с целью принудительного труда, особенно для попрошайничества (более 25%) и работы в качестве домашней прислуги (более 40%)[b]. Во-вторых, большинство жертв составляют дети, на которые приходится более 50% жертв, обнаруженных на континенте[c]. Торговля африканскими детьми особенно часто выявляется в странах Западной Африки[d], таких как Гана, Бенин, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуар, Нигерия, Сьерра-Леоне и Того. В сельской местности детей в основном продают для ведения сельского хозяйства и рыболовства. В городских районах детей продают для принуждения к попрошайничеству, торговле вразнос и совершению незаконных действий[e]. В ходе операции, координируемой Интерполом в Бенине и Нигерии в 2019 году, было спасено около 220 жертв торговли людьми, в основном детей из стран Западной Африки, которые были вынуждены работать на рынках весь день или в качестве горничных, или же подвергались сексуальной эксплуатации[f].

Схемы торговли людьми в других африканских субрегионах отличаются. Принудительный труд остается основной целью торговли людьми в Южной Африке, где, тем не менее, также наблюдается сравнительно высокий уровень принудительных браков[g]. В Восточной Африке торговля людьми в основном затрагивает взрослых, которых продают для работы в качестве домашней прислуги[h]. В Северной Африке (особенно в Ливии) широко распространены сексуальная эксплуатация, принудительный труд, рабство и принудительные браки[i].

a CTDC, n.d.i.
b Там же.
c Данные СБДТ показывают, что 55% жертв, обнаруженных в Африке, были детьми, в то время как по оценкам УНП ООН в отношении жертв торговли людьми в странах Африки к югу от Сахары дети составляли 59%.
d УНП ООН, 2021:165.
e Sawadogo, 2012.
f INTERPOL, 2019.
g УНП ООН and SADC, 2017.
h МОМ, 2008.
i Van Reisen and Estefanos, 2017.

61 *BBC News*, 2017.
62 УНП ООН, 2020b.

Вызовы и меры реагирования на торговлю мигрантами

В Протоколе о торговле людьми применяется прежде всего подход к торговле людьми с позиций уголовного правосудия, поскольку он направлен на ее криминализацию, расследование и судебное преследование, а также призывает к защите жертв торговли людьми и оказанию им помощи как жертвам тяжкого преступления[63]. Этот подход часто называют «подходом 3П», подразумевая преследование, предоставление защиты и предупреждение. Четвертое «П» - партнерство - подчеркивает необходимость укрепления сотрудничества между государствами в области уголовного правосудия.

Также важен подход с позиций социальной справедливости, гарантирующий, что меры по борьбе с торговлей людьми основаны на правах человека, ориентированы на жертв и учитывают гендерные аспекты[64]. Примат верховенства права имеет центральное значение не только для того, чтобы жертвы не становились побочным ущербом усилий по борьбе с торговлей людьми[65], но и для обеспечения того, чтобы меры уголовного правосудия не были контрпродуктивными и пагубными для борьбы с торговлей людьми и, в более широком смысле, для регулирования миграции.

Предупреждение торговли мигрантами

Помимо инициативного расследования и пресечения транснациональной организованной преступности, ключевыми в борьбе с торговлей мигрантами являются и другие меры. Среди них особенно выделяются следующие дополнительные меры:

1. Устранение индивидуальных, домашних, общинных и структурных факторов уязвимости.
2. Повышение осведомленности о рисках.
3. Расширение доступности легальных путей миграции.
4. Ограничение спроса на товары и услуги, связанные с эксплуатацией.
5. Обеспечение трудовых прав и условий труда[66].

Эти меры носят дополнительный характер и требуют, чтобы участие мигрантов в их разработке было надлежащим образом целенаправленным и адаптированным к мигрантам, которым угрожает опасность стать жертвами торговли людьми[67].

Надежная и точная информация о рисках торговли людьми, среди прочего, необходима мигрантам для принятия обоснованных решений об их миграционных поездках. Тем не менее эффективность кампаний по повышению осведомленности все чаще ставится под сомнение, особенно когда они проводятся с целью сдерживания нелегальной миграции или отвлечения внимания от миграционной политики на предмет ее роли в эксплуатации мигрантов. Намерение совершить нелегальную миграцию не перевешивается рисками, когда не существует альтернативы в виде легальной миграции[68]. Кампании по повышению осведомленности могут также привести к непреднамеренным последствиям стигматизации жертв торговли людьми, возвращающихся в страну происхождения, особенно если они подверглись сексуальной эксплуатации[69].

63 ICAT, 2012.
64 ЭКОСОС, 2002.
65 GAATW, 2007.
66 Адаптировано из ГА ООН (2010 год).
67 Там же.
68 Tjaden, 2020; McAuliffe et al., 2017.
69 Kiss and Zimermann, 2019; ГА ООН, 2010: п. 45.

Хотя влияние кампаний по повышению осведомленности остается неясным, поскольку была проведена оценка лишь нескольких таких кампаний, они, по-видимому, более эффективны, когда нацелены на конкретные группы населения, адаптируются к местным условиям и напрямую вовлекают мигрантов, поскольку потенциальные мигранты считают мигрантов наиболее надежным источником информации[70]. Таким образом, информационный краудсорсинг используется в некоторых инициативах, основанных на технологиях, посредством которых мигранты делятся опытом своих миграционных путешествий[71].

Что касается торговли людьми в целях принудительного труда, то потребитель движется к этичному потреблению посредством повышенного внимания к экологическим, правозащитным и социально-экономическим условиям, в которых производятся товары, что улучшило предотвращение торговли людьми за счет более взыскательного отношения к ответственности частного сектора. Если выполнение государствами национального законодательства в соответствии с инструментами МОТ является первым шагом, то за ним последовали глобальные инициативы, направленные на более эффективное регулирование деятельности государственных и частных агентств по найму и недопущение обманных практик найма, ведущих к торговле людьми. В дополнение к Инициативе справедливого найма МОТ[72] частные агентства по найму могут получить сертификат о соответствии стандартам, установленным Международной системой добросовестного найма (IRIS)[73]. Аналогичные схемы лицензирования были реализованы на национальном уровне, например, на Филиппинах, где сертификаты поддерживаются мобильным приложением для потенциальных трудящихся-мигрантов, позволяя проверить, разрешено ли конкретному кадровому агентству нанимать филиппинцев за границей[74]. Корпоративная ответственность также касается условий труда работников (мигрантов)[75]. Все большее число компаний в настоящее время рассматривают социальную устойчивость как ключевую маркетинговую характеристику и стремятся к прозрачности цепочки поставок и отслеживаемости с помощью технологии блокчейн, чтобы гарантировать, что их продукты не связаны с эксплуататорскими методами, в том числе с торговлей людьми[76]. Это дает возможность придать новый импульс прозрачности и обеспечить корпоративную ответственность за непредставление информации и выявленные нарушения.

Однако эти недавние события не снижают важности более традиционных мер, которые существенно необходимы и по-прежнему эффективны для предотвращения торговли людьми, и не должны умалять ответственности государства за принятие мер по предотвращению торговли людьми и изменение миграционной и трудовой политики, которые ее подпитывают. Исторический шаг, предпринятый Катаром в августе 2020 года по отмене своей системы спонсорства, привязывающей трудящихся-мигрантов к их работодателям, и установлению недискриминационной минимальной заработной платы, свидетельствует об усилении стремления к защите трудовых прав и условий труда в контексте трудовой миграции[77]. Еще одной крайне важной мерой является обеспечение прав на объединение в профсоюзы и ведение коллективных переговоров, что расширяет права и возможности работников, включая трудящихся-мигрантов; эти права признают их свободу действий и представляют собой важную систему безопасности, позволяющую избежать эксплуатации на рабочем месте. Например, в странах, где проституция легальна, признано, что организации секс-работников играют решающую роль в обеспечении достойных и безопасных условий труда, включая предотвращение жестокого обращения, эксплуатации и торговли людьми[78]. Однако, несмотря на возросшую

70 Bryant and Landman, 2020; Tjaden, 2020; Koser and McAuliffe, 2013.

71 OSCE, 2020; McAuliffe et al., 2017.

72 МОТ, 2015.

73 См. веб-сайт IRIS по адресу https://iris.iom.int/. Подробнее о домашних работниках-мигрантах см. МОМ., 2020.

74 См. https://poea-mobile.soft112.com/.

75 См., например, IHRB, 2012; МОТ, n.d.

76 МОТ et al., 2019; Bateman and Bonanni, 2019; Feasley, 2015. Однако см. также Taylor, 2020.

77 МОТ, 2020a.

78 Lepp and Gerasimov, 2019.

профсоюзную активность, сохраняются вызовы, поскольку в некоторых странах работникам по-прежнему может быть запрещено вступать в профсоюзы на основании их иностранного гражданства[79].

Страны происхождения трудящихся-мигрантов также должны сыграть решающую роль в защите своих граждан от торговли людьми за рубежом, включая предоставление информации до отъезда, отмену оплачиваемых мигрантами сборов агентств по трудоустройству и других расходов в пользу моделей, оплачиваемых работодателем, а также регулирование агентств по найму для снижения уязвимости их граждан к эксплуатации и торговле людьми за границей[80].

Преследование торговцев людьми

Подход к борьбе с торговлей людьми с позиций уголовного правосудия существенно важен для ликвидации сетей торговли людьми, предупреждения торговли людьми и защиты ее жертв. Потерпевшие имеют право на доступ к правосудию.

Подавляющее большинство стран объявили торговлю людьми уголовно наказуемым деянием[81], и, хотя с 2007 года тенденция к осуждению за торговлю людьми усилилась, абсолютные цифры остаются низкими[82]. Эта реальность отражает то, что называется «эффектом воронки» уголовного правосудия[83]. Как показано на рисунке 5 ниже, каждый из различных этапов этой «воронки» влечет за собой свою долю проблем, постепенно уменьшая количество дел, по которым выносятся обвинительные приговоры.

Рисунок 5. Воронка уголовного правосудия по делам о торговле людьми и основные вызовы

Основные вызовы

1. Выявление и расследование

- Жертвы не выявлены, когда они не считают себя жертвами и/или не желают сообщать властям, опасаясь репрессий со стороны торговцев людьми, судебного преследования за преступления, совершенные во время торговли ими, и/или их задержания и депортации, если они незаконно находятся в государстве.
- Случаи, не признанные торговлей людьми и ошибочно расследуемые как незаконный ввоз или мелкие правонарушения, связанные с трудовыми и иммиграционными нарушениями.
- Недостаточное межведомственное и международное сотрудничество препятствует сбору доказательств по транснациональным делам.

2. Преследование

- Не сотрудничающие жертвы не доверяют властям и/или травмированы и дают непоследовательные или иным образом вредящие делу показания.
- Чрезмерная зависимость от показаний жертвы в ущерб или при отсутствии других доказательств (например, документальных и вещественных доказательств).
- Обвинение подозреваемых в совершении множественных и/или «менее тяжких» преступлений из-за недостаточного понимания прокуратурой преступления торговли людьми.

3. Осуждение

- Осуждение за другое преступление (преступления) или оправдательный приговор в связи с недостаточным пониманием судьями преступления торговли людьми.
- Приговоры, которые не являются эффективными, сдерживающими и соразмерными тяжести и серьезности преступления.

Источники: УНП ООН, 2008a, 2016b, 2017; Farrell et al., 2012, Farrell et al., 2014; и Broad and Muraszkiewicz, 2020.

79 Marks and Olsen, 2015.

80 См., например, МОТ, 2020b, 2021a. См. также the Dhaka Principles for Migration with Dignity in IHRB, 2012.

81 По данным УНП ООН, «по состоянию на август 2020 года 169 стран из 181 оцениваемой страны имеют действующее законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за торговлю людьми в целом в соответствии с [Протоколом о торговле людьми]»: УНП ООН, 2021:61.

82 УНП ООН, 2018b:23.

83 УНП ООН, 2016b:51.

Большинство проблем, указанных выше, связаны со способностью специалистов-практиков в области уголовного правосудия бороться со сложными преступлениями, связанными с торговлей людьми. Таким образом, наращивание потенциала традиционно представляет собой одну из основных мер, принимаемых для усиления реагирования системы уголовного правосудия на торговлю людьми[84].

Помимо наращивания потенциала, сотрудничество между различными заинтересованными сторонами имеет существенно важное значение для совершенствования судебного преследования торговцев людьми. Недавние инициативы подчеркивают важность сотрудничества правоохранительных органов и органов прокуратуры с финансовыми учреждениями для выявления потенциальных случаев торговли людьми и сбора доказательств по делам о торговле людьми. Среди них инициатива «Финансы против рабства» (FAST), государственно-частное партнерство, ранее известное как Инициатива Лихтенштейна, направленная на усиление соблюдения финансовым сектором законов о борьбе с рабством и торговлей людьми, в том числе путем улучшения соблюдения законов о борьбе с отмыванием денег[85]. Это влечет за собой должную осмотрительность и оценку рисков финансовыми учреждениями, а также сообщение о подозрительной деятельности правоохранительным органам в соответствии с требованиями неразглашения данных и конфиденциальности.

Расширение участия финансового сектора является перспективным направлением для улучшения выявления случаев торговли людьми. Соответственно, предоставление финансовым учреждениям четких указаний о том, как сообщать о подозрениях в отношении рисков, связанных с рабством и торговлей людьми, иногда приводило к увеличению на 1000% зарегистрированных подозрительных случаев[86]. Сотрудничество между правоохранительными органами и финансовыми учреждениями также укрепляется благодаря технологическим инновациям. Онлайновый Объединенный центр по борьбе с торговлей людьми, созданный организацией «Коллективная свобода», образует онлайн-сообщество экспертов-практиков, с помощью которого можно улучшить межведомственное сотрудничество; он также поддерживает расследования правоохранительных органов с использованием искусственного интеллекта, который выявляет лиц, потенциально причастных к торговле людьми, отмыванию денег, краже заработной платы или уклонению от уплаты налогов[87].

Доказательства, собранные в финансовом секторе, также имеют решающее значение для недопущения чрезмерной зависимости от показаний жертв в ходе судебного преследования[88]. Чрезмерная зависимость от свидетельских показаний жертв как основного или единственного источника доказательств может препятствовать их защите, поскольку с потерпевшими обращаются просто как со «свидетелями» без должного учета их прав человека[89]. Жертвы могут подвергаться повторной виктимизации, когда их защита ставится в зависимость от их участия в уголовном процессе или когда их возвращение и реинтеграция задерживаются этими процедурами и их заставляют оставаться в странах назначения, иногда в закрытых приютах. Эти результаты также могут нанести ущерб уголовному судопроизводству, поскольку жертвы лишены стимула сообщать о случаях торговли людьми и сотрудничать на этапах расследования и судебного преследования[90]. Качество их показаний также может со временем ухудшаться, поскольку они утрачивают доверие к властям.

84 Police Executive Research Forum, 2020.
85 Liechtenstein Initiative, 2019.
86 Там же.
87 Police Executive Research Forum, 2020. См. https://htfusion.org/#ab_our_mission.
88 Liechtenstein Initiative, 2019.
89 Broad and Muraszkiewicz, 2020.
90 УНП ООН, 2008b.

Защита мигрантов, ставших жертвами торговли людьми

Выявление жертв торговли людьми имеет основополагающее значение не только для уголовного преследования торговцев людьми, но и прежде всего для защиты жертв. Разнообразие субъектов, которые могут контактировать с потенциальными жертвами, требует наличия механизмов перенаправления, чтобы жертвы могли быстро воспользоваться услугами, на которые они имеют право[91]. В некоторых странах были созданы горячие линии. Например, независимая некоммерческая организация «Поларис» управляет Национальной службой помощи по вопросам торговли людьми в Соединенных Штатах, с которой жертвы могут связаться по телефону, текстовым сообщением, в онлайн-чате или по электронной почте, прежде чем их перенаправят в соответствующие службы поддержки. Кроме того, «Поларис» помогла создать аналогичные горячие линии примерно в 15 странах, включая Кувейт, Мексику, Оман, Катар, Южную Африку, Таиланд и Объединенные Арабские Эмираты[92].

Перенаправление в соответствующие службы представляет собой первый шаг в защите жертв от торговцев людьми и в осуществлении их права человека на эффективное средство правовой защиты. В дополнение к процессуальным правам, таким как право потерпевших на получение информации, это право включает в себя четыре основных компонента, как показано на рисунке 6 ниже.

Рисунок 6. Основные компоненты права на эффективное средство правовой защиты для жертв торговли людьми

Источник: ГА ООН, 2011; СПЧ ООН, 2014.
Примечание: Перечень мер по каждому компоненту приводится исключительно в иллюстративных целях.

91 Liu, 2017.

92 См. https://humantraffickinghotline.org/national-hotline-overview and https://polarisproject.org/global-hotline-consulting/.

Хотя существует консенсус в отношении принципа неприменения наказаний к жертвам за правонарушения, совершенные ими вследствие того, что они подверглись торговле людьми[93], жертвы слишком часто продолжают подвергаться задержанию и судебному преследованию. Это особенно касается жертв сексуальной эксплуатации в странах, где секс-работа запрещена, а также в случае уголовных преступлений, к совершению которых они могут быть принуждаемы, таких как незаконный оборот наркотиков. Исследование, проведенное в 2016 году Национальной сетью выживших жертв в США, показало, что из 130 опрошенных жертв торговли людьми около 91% были арестованы, а более половины респондентов считали, что их арест был связан с правонарушениями, совершенными ими в контексте торговли ними[94]. По словам этих жертв, стигматизация, связанная с их тюремным заключением, имела долгосрочные последствия, вызывая трудности в доступе к работе, жилью, кредитам или образовательным ссудам. Среди своих рекомендаций властям жертвы призвали не наказывать их за правонарушения, совершенные в контексте торговли ними, и очистить их личные дела от криминального прошлого:

> «Наше криминальное прошлое должно быть стерто с биографии, ведь мы заслуживаем начать все сначала. Нас могут обвинять не только в проституции, ибо нами также пользовались для незаконного оборота наркотиков, а это влечет ряд других связанных с этим обвинений. Мои обвинения в краже касались еды и одежды, которые я брала, когда сбежала от своего сутенера, чтобы выжить, а оказалась в тюрьме»[95].

Как показало также это исследование, освобождение из-под стражи, доступ к мерам поддержки для реабилитации и отсрочка депортации с предоставлением разрешений на временное проживание слишком часто ставятся в зависимость от сотрудничества жертв в уголовном процессе[96]. Давление, оказываемое на жертв, с тем чтобы они дали показания против торговцев людьми, не согласуется с признанием их правообладателями и не дает им возможности принять обоснованное решение о сотрудничестве с властями и о своем возможном возвращении в страну происхождения[97]. Применяя подход, ориентированный на жертву, некоторые страны предоставляют временный вид на жительство для размышлений, в течение которых жертвы могут воспользоваться необходимыми мерами поддержки, чтобы начать реабилитацию и установить или вернуть отношения доверия с властями, что повышает вероятность их сотрудничества в уголовном судопроизводстве. При этом период размышления обычно составляет всего 30 дней, хотя в некоторых государствах он продлевается до 60 дней (Хорватия, Чехия и Лесото), 90 дней (Мальдивские Острова и Черногория) и даже до шести месяцев в Финляндии[98].

Хотя мигранты, ставшие жертвами торговли людьми, в идеале безопасно и добровольно репатриируются в страну своего происхождения, жертвы могут не иметь возможности вернуться, когда они сталкиваются с угрозами со стороны торговцев людьми или подвергаются высокому риску повторной торговли людьми. Они также могут не желать репатриации, потому что они могут подвергнуться стигматизации в своих родных общинах; испытывают трудности с реинтеграцией, особенно в странах, которые не поддерживают реинтеграцию; или просто хотят остаться, чтобы получить лучшие жизненные возможности, предлагаемые в стране назначения[99]. Некоторые страны назначения предоставляют возможность подачи заявления на

93 УВКПЧ, 2020; ICAT, 2020.

94 National Survivor Network, 2016.

95 Там же.

96 ГА ООН, 2020; Brunovskis and Skilbrei, 2016.

97 СПЧ ООН, 2014: para. 21.

98 См., соответственно, Croatia, Government of, 2013; EU, n.d.; Lesotho, Government of, 2011; Maldives, Government of, 2013; Montenegro, Government of, 2018; Finland, Government of, 2004.

99 Pandey et al., 2018.

долгосрочный вид на жительство, хотя обычно он не выдается автоматически и остается на усмотрение властей. Когда жертвы сталкиваются с серьезным риском повторной торговли людьми или возмездия со стороны торговцев людьми в стране их происхождения, они имеют право на международную защиту и им может быть предоставлен статус беженца[100].

Партнерство в борьбе с торговлей людьми на путях миграции

В контексте уголовного правосудия партнерство означает сотрудничество между государствами в обмене информацией о транснациональных сетях торговли людьми и практическое сотрудничество правоохранительных органов, например операции, проводимые несколькими государствами под эгидой Интерпола[101]. Учитывая широкую приверженность государств борьбе с торговлей людьми, сотрудничество в этой области также фигурирует в политических диалогах по вопросам миграции на глобальном и (меж)региональном уровнях[102]. Как подробно описано в добавлении C, широкий спектр механизмов межгосударственных консультаций по вопросам миграции занимается проблемой торговли людьми, учитывая ее связь с миграцией. Среди них Балийский процесс является единственным межрегиональным форумом по миграции, который четко сосредоточен на теме торговли людьми (см. текстовую вставку ниже). Другие инициативы стали результатом межрегиональных диалогов, таких как Инициатива Комиссии Африканского союза по борьбе с торговлей людьми (AU COMMIT), выдвинутая совместно с МОМ под эгидой Партнерства Африки-ЕС для повышения осведомленности и совершенствования осуществления Уагадугского плана действий по борьбе с торговлей людьми, особенно женщинами и детьми, в Африке[103].

Балийский процесс по борьбе с незаконным ввозом людей, торговлей людьми и связанной с ними транснациональной преступностью

Балийский процесс, начатый в 2002 году, представляет собой не имеющий обязательной юридической силы форум для политического диалога, на котором его участники могут обмениваться информацией и передовым опытом, укреплять сотрудничество и наращивать потенциал, в том числе для борьбы с торговлей людьми в контексте нелегальной миграции. Балийский процесс проходит под совместным председательством Австралии и Индонезии и объединяет 45 государств-членов и четыре учреждения Организации Объединенных Наций (МОМ, МОТ, УВКБ ООН и УНП ООН), а также страны-наблюдатели и международные организации. Региональное отделение поддержки Балийского процесса было создано в 2012 году для оказания технической поддержки Балийскому процессу и реализации практических инициатив по этим вопросам.

Две рабочие группы Балийского процесса конкретно занимаются торговлей людьми: Рабочая группа по торговле людьми, созданная в 2013 году, и Рабочая группа по борьбе с сетями, занимающимися незаконным провозом людей и торговлей ими, созданная в 2014 году. Кроме того, в 2017 году в порядке признания необходимости укрепления сотрудничества с частным сектором был создан Форум правительств и предпринимательских кругов.

100 УВКБ, 2006.

101 В качестве примеров недавних операций по борьбе с торговлей людьми, проводимых Интерполом в нескольких странах, см., например, Interpol (2020) относительно операции в Юго-Восточной Азии; а также Interpol (2018) относительно операции в Латинской Америке и Карибском бассейне.

102 Bauloz, 2017.

103 African Union, n.d.; African Union and EU, 2006.

В Балийской декларации 2016 года о незаконном провозе людей, торговле ими и связанной с этим транснациональной преступности, одобренной на шестой Конференции министров государств-участников Балийского процесса, указывается на взаимосвязь между надругательством и эксплуатацией в отношении мигрантов и беженцев со стороны контрабандистов и торговцев людьми, а также на пересечение этих отдельных категорий преступлений. В этой Декларации министры и представители государств-членов и организаций, признавая «суверенные права и законные интересы государств в охране своих границ и определении своей миграционной политики в соответствии с международным правом», также «подчеркнули необходимость всеобъемлющего регионального подхода, основанного на принципах разделения бремени и коллективной ответственности», и «подчеркнули необходимость воплощения политических обязательств в конкретные действия»[a].

Эти обязательства были подтверждены в Декларации 2018 года[b], однако были подняты вопросы о том, эффективно ли Балийский процесс способствовал их выполнению, в том числе в контексте перемещения рохинджа в Бенгальском заливе и Андаманском море в 2015, 2020 и 2021 годах[c]. Конференция министров 2022 года предоставит участникам Балийского процесса возможность поразмыслить о том, служат ли механизмы Балийского процесса целям, для которых они были созданы, и способствуют ли они конструктивному диалогу по вопросам, для решения которых Балийский процесс был создан 20 лет назад, включая вопрос о торговле мигрантами.

Более подробная информация о Балийском процессе доступна по адресу www.baliprocess.net/.

a Bali Process, 2016.
b Bali Process, 2018.
c McAuliffe, 2016; УВКБ, МОМ и УНП ООН, 2020.

После принятия Протокола о торговле людьми понимание партнерства эволюционировало и теперь включает в себя множество субъектов, помимо государств. Разнообразные инициативы по сотрудничеству на глобальном уровне свидетельствуют об этих формах партнерства, о которых нет прямого упоминания в протоколе. Например, Межведомственная координационная группа по борьбе с торговлей людьми уполномочена Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций укреплять сотрудничество и координацию между различными учреждениями Организации Объединенных Наций и другими межправительственными организациями, занимающимися вопросами торговли людьми[104].

Давно признана роль организаций гражданского общества, и среди неправительственных организаций (НПО) также появились новые формы сотрудничества для улучшения координации, такие как Шведская платформа гражданского общества против торговли людьми[105]. Однако в исследованиях подчеркивается, что НПО, как правило, в первую очередь сосредоточены на торговле людьми в целях сексуальной эксплуатации, особенно детей, и недостаточно представлены в некоторых регионах, таких как Центральная и Южная Америка, Ближний Восток и Северная Африка, а также страны Африки к югу от Сахары[106]. Тем не менее появляются и исключения, например такие заинтересованные стороны, как Сеть охраны труда в Таиланде,

104 См. https://icat.un.org/.
105 См. https://manniskohandel.se/english/. См. также Erikson and Larsson, 2020.
106 Limoncelli, 2016.

которая работает на местном уровне для защиты трудящихся-мигрантов от торговли людьми, выступая против дискриминации и неравенства[107].

Однако наиболее значительное изменение касается сотрудничества государства с частным сектором. В соответствии с более широкими усилиями по усилению подотчетности бизнеса в области прав человека[108] теперь упор – с переменным успехом – делается на ответственности субъектов частного сектора за противодействие торговле людьми, в том числе в сфере производства товаров и услуг по всей их цепочке поставок. Помимо схем сертификации агентств по трудоустройству, участие предпринимательских кругов материализовалось в других глобальных инициативах, более широко касающихся социальной корпоративной ответственности и устойчивого развития. Глобальный договор Организации Объединенных Наций, крупнейшая инициатива корпоративной устойчивости, поддерживает около 12 000 компаний в их стратегиях социальной устойчивости и устойчивости цепочки поставок, например, путем обмена разнообразными ресурсами, инструментами и передовым опытом в области социальной устойчивости[109]. Другие инициативы более конкретно направлены на борьбу с торговлей людьми, такие как как Коалиция ответственного и этичного частного сектора против торговли людьми (РЕСПЕКТ), возглавляемая Глобальной инициативой против транснациональной организованной преступности, которая стремится укреплять государственно-частное партнерство[110].

Недавно привлекло повышенное внимание также партнерство с финансовыми субъектами в связи с признанием их роли в выявлении финансовых потоков, включая отмывание денег, связанных с сетями торговли людьми. Например, в январе 2020 года некоммерческая организация «Поларис» наладила новое партнерство с «Пэйпал», глобальной платформой цифровых платежей, чтобы создать подразделение финансовой разведки, которое объединится с правоохранительными органами для разработки новых способов выявления транзакций, связанных с торговлей людьми[111]. Роль финансового сектора также расширяется не только в поддержке судебного преследования, но и для предотвращения торговли людьми и обеспечения защиты жертв. Инициатива FAST, упомянутая ранее в этой главе, направлена не только на поддержку уголовных расследований, но и на предотвращение торговли людьми путем инвестирования в цифровое финансирование, которое поддерживает людей, которые могут быть уязвимы к торговле людьми[112]. В рамках своей инициативы по вовлечению выживших жертв FAST также участвует в защите жертв посредством предоставления основных банковских услуг, особенно когда финансовые документы и/или банковские счета жертв были похищены торговцами людьми[113].

Также все активнее развивается сотрудничество с технологическими компаниями для поиска инновационных решений для борьбы с торговлей людьми за счет использования новых технологических разработок, таких как искусственный интеллект или мобильные технологии. Появляются коалиции технологических компаний, такие как «Технологии в борьбе с торговлей людьми», созданная в 2018 году технологическими компаниями, гражданским обществом и межправительственными организациями для выявления новых технологических

107 См. www.lpnfoundation.org/about.

108 См., например, Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека Организации Объединенных Наций в УВКПЧ, 2011.

109 См. Глобальный договор ООН, n.d. См. также IOM Corporate Responsibility in Eliminating Slavery and Trafficking (CREST), имеется по адресу https://crest.iom.int/.

110 См. https://globalinitiative.net/initiatives/respect/.

111 Polaris, 2020b; Lavietes, 2020.

112 Liechtenstein Initiative, 2019.

113 См. www.fastinitiative.org/implementation/survivor-inclusion/#1590953818950-c3e528d7-fe15.

разработок для предотвращения и пресечения торговли людьми и поддержки ее жертв[114]. Признавая масштабы использования сегодня технологий торговцами людьми, коалиция совместно с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) выявила около 305 технологических инструментов и инициатив, существовавших в 2019 году для борьбы с торговлей людьми[115].

Основная тенденция партнерства за последнее десятилетие связана с созданием глобальных коалиций различных заинтересованных сторон. Однако существует недостаток исследований, оценивающих влияние и эффективность этих глобальных коалиций на усилия по борьбе с торговлей людьми в целом и на защиту жертв в частности. В контексте миграции также необходимо рассмотреть вопрос о том, эффективно ли предпринимаемые усилия предотвращают торговлю людьми, а не просто препятствуют миграции. Существует мало исследований партнерских отношений на местном уровне, несмотря на важность городских и местных общественных пространств для реализации мероприятий по борьбе с торговлей людьми и оказания помощи жертвам[116]. Хотя общепризнано, что партнерства должны состоять из многосекторальных заинтересованных сторон, как представляется, исследования преимущественно сосредоточены на традиционном межгосударственном понятии партнерств, особенно в отношении судебного преследования торговцев людьми.

Заключение

Существует широко распространенный национальный, региональный и глобальный консенсус в отношении неотложной необходимости предотвращения и пресечения торговли людьми на путях миграции. Действительно, немногие другие вопросы, связанные с миграцией, стали предметом такого же единодушия в международном сообществе. Однако существует меньше консенсуса относительно того, как добиться этого на практике, и по-прежнему ощущается нехватка политической воли для проведения эффективной политики с этой целью.

Противодействие торговле мигрантами конкретно сопряжено с уникальными вызовами. В этой главе мы попытались осветить некоторые из этих вызовов и продемонстрировать многообещающие пути, новые тенденции и разработки в их решении. Можно извлечь три основных урока, имеющих значение для будущих исследований, а также мер политики и программ:

- **Углубление понимания торговли мигрантами.** Торговлю мигрантами до сих пор слишком часто путают с другими преступлениями, особенно с незаконным ввозом мигрантов. Это смешение производится различными субъектами - от средств массовой информации, которые взаимозаменяемо употребляют понятия торговли людьми и незаконного провоза людей, и до государственных органов, которые неправомерно используют дискурс торговли людьми в своей «борьбе» с нелегальной миграцией. То ли из-за непонимания вопроса, то ли намеренно последствия этого смешения далеки от семантических: жертвы-мигранты могут быть не идентифицированы, что, в свою очередь, влияет на расследование и судебное преследование торговцев людьми, пресечение деятельности организованных преступных сетей и, что более важно, на предоставление защиты, на которую имеют право жертвы из числа мигрантов. Более того, существует риск того, что противодействие торговле людьми будет использоваться как политическая валюта для борьбы с нелегальной миграцией или что ответственность за решение этой проблемы будет переложена с государств на частный сектор и другие негосударственные субъекты. Улучшение понимания

114 См. Darnton and Nestor, 2019.

115 OSCE and Tech Against Trafficking, 2020.

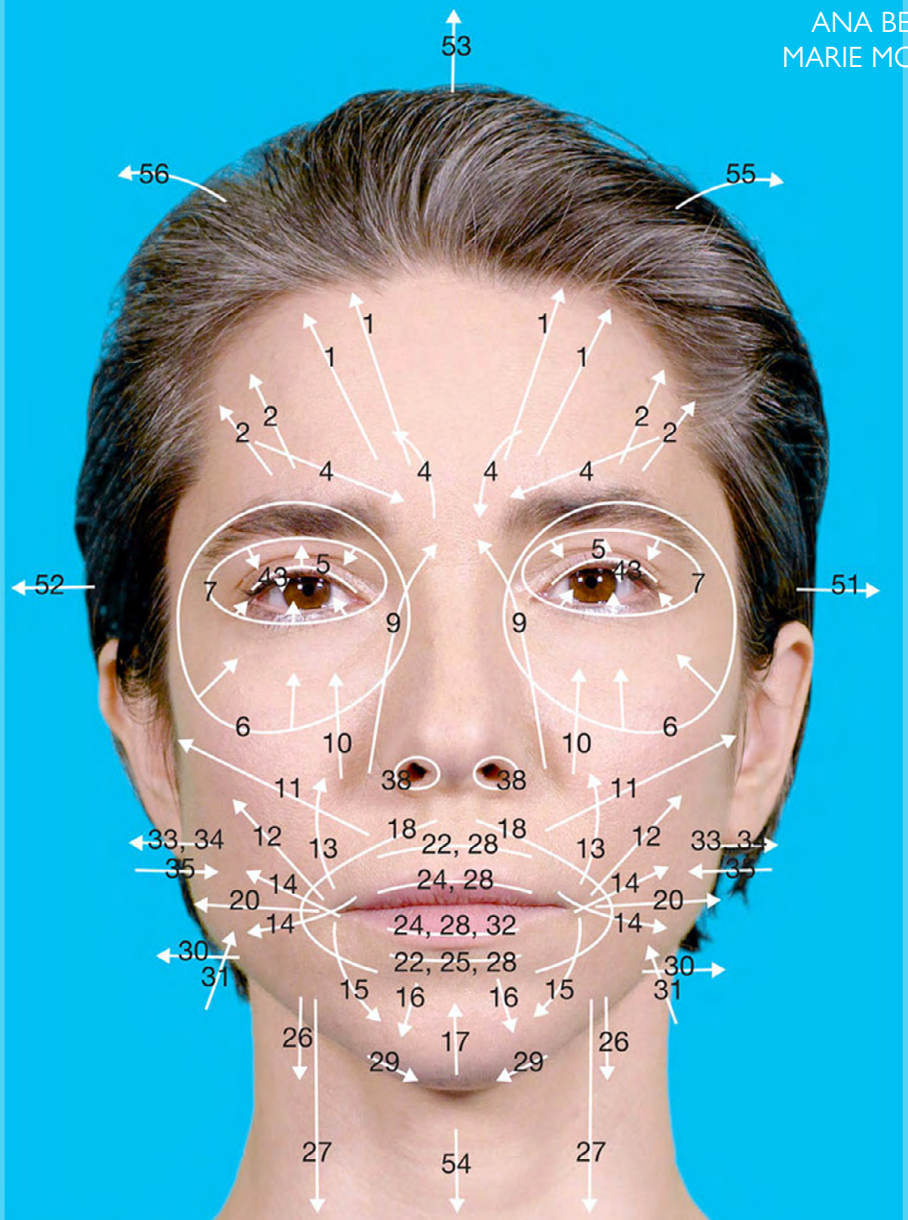
116 Winterdyk, 2018; Kim et al., 2018.

и доказательной базы торговли мигрантами требует усилий по наращиванию потенциала не только государственных органов, но и других соответствующих заинтересованных сторон, включая средства массовой информации. С этой точки зрения наращивание потенциала следует понимать в широком смысле, выходящем за рамки технического юридического определения торговли людьми, чтобы охватить также динамику торговли мигрантами, включая влияние миграционной политики в странах происхождения, транзита и назначения, которая может приводить к торговле и эксплуатации мигрантов. Исследования, сбор и анализ данных будут по-прежнему иметь важное значение, особенно для недостаточно изученных субрегионов и стран. Анализ, основанный на фактических данных, дает полезную информацию об изменяющейся динамике торговли мигрантами для дальнейшего улучшения политики борьбы с торговлей людьми и программных ответных мер. Более регулярный и тщательный мониторинг и оценка результатов программ по борьбе с торговлей людьми жизненно важны для пополнения доказательной базы.

- **Принятие соответствующих конкретным обстоятельствам мер реагирования для защиты мигрантов, ставших жертвами торговли людьми.** Каждая жертва торговли людьми — это уникальная личность с особыми потребностями в защите и помощи. Существуют факторы, которые делают отдельных мигрантов уязвимыми к торговле людьми и формируют их опыт жертв торговли людьми. Те, кто находится за пределами своей страны происхождения, нуждаются в защите, которая специфична для их миграционной ситуации, в дополнение к более общим потребностям в защите и помощи в качестве жертв серьезного преступления. Например, жертвы-мигранты с неурегулированным статусом могут неохотно сообщать властям о преступлении, опасаясь депортации или наказания за их неурегулированный статус или нелегальную миграцию. Игнорирование конкретных ситуаций, в которых оказываются жертвы-мигранты, наносит ущерб усилиям по борьбе с торговлей людьми; мигранты могут уклоняться от сотрудничества с властями в уголовном процессе против торговцев людьми и втягиваться в новый цикл торговли людьми. Точно так же торговля людьми и ее последствия в значительной степени гендерно обусловлены, что требует ответных мер с учетом гендерных аспектов на протяжении применения всего подхода 4П. Признавая эти реалии, некоторые страны внедрили не только подходы, учитывающие интересы жертв, но и ответные меры, учитывающие конкретные интересы жертв как мигрантов, например, путем предоставления периодов на размышление и вида на жительство. Хотя выдача таких разрешений остается решением каждого суверенного государства, международные форумы по вопросам регулирования миграции предлагают ряду государств потенциальную возможность осветить этот подход в качестве передовой практики для ее воспроизведения одними и получения знаний о ней другими. Аналогичным образом, что касается возвращения жертв-мигрантов в страну их происхождения, то процесс реинтеграции необходимо адаптировать к их конкретным потребностям в защите, принимая во внимание их возраст, пол, уязвимость и потенциальную стигматизацию по возвращении.

- **Преобразование сотрудничества в эффективную и результативную совместную работу.** Трансграничное сотрудничество между государствами имеет существенно важное значение для противодействия транснациональной торговле мигрантами. С момента принятия Протокола о борьбе с торговлей людьми в 2000 году понимание сотрудничества резко изменилось. Сотрудничество в настоящее время осуществляется с вовлечением многих заинтересованных сторон, всех органов государственной власти, всего общества и является межсекторальным. Привлечение в последнее время финансового и технологического секторов является важным событием, поскольку оно зеркально противостоит методам торговцев людьми в различных видах преступной деятельности, включая отмывание денег и использование новых технологий. Однако в целом влияние и эффективность инициатив сотрудничества неясны. Необходимы дополнительные исследования, чтобы глубже понять, в какой степени сотрудничество воплотилось в конкретные, значимые и поддающиеся измерению действия по эффективной борьбе с торговлей людьми на путях миграции, не препятствуя самой миграции и развитию, которому она способствует.

ANA BEDUSCHI
MARIE MCAULIFFE



1	Inner Brow Raiser	16	Lower Lip Depressor	32	Bite
2	Outer Brow Raiser	17	Chin Raiser	33, 34	Blow & Puff
4	Brow Lowerer	18	Lip Pucker	35	Suck
5	Upper (Eye)Lid Raiser	20	Lip Strecher	36	Bulge
6	Cheek Raiser	22	Lip Funneler	37	Lip Wipe
7	Eyelid Tightner	24	Lip Presser	38	Nostril Dilator
9	Nose Wrinkler	25	Lip Parting	43, 45	Close Eyes/ Blink
10	Upper Lip Raiser	26	Jaw Open	51, 52	Head Left / Right
11	Furrow Deeper	27	Jaw Lowering	53, 54	Head Up / Down
12	Lip Corner Puller	28	Lip Sucks	55, 56	Head Tilt Left / Right
13	Sharp Lip Puller	29	Jaw Thrust	57, 58	Head Front / Back
14	Dimpler	30	Jaw Sideways	61, 62	Eyes Left / Right
15	Lip Corner Depressor	31	Jaw Clencher	63, 64	Eyes Up / Down

11 ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, МИГРАЦИЯ И МОБИЛЬНОСТЬ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПОЛИТИКИ И ПРАКТИКИ[1]

Введение

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) лежат в основе повседневной деятельности в большей степени, чем многие думают. Подобно тому, как персонализированные новостные ленты используют ИИ для обслуживания многих миллионов людей по всему миру, каждый поисковый запрос «Гугл» использует алгоритмы ИИ для получения результатов поиска всего за миллисекунды. Управляемые ИИ «умные» телефоны, «умные» бытовые приборы, «умные» дома и «умные» цифровые голосовые помощники (например, Алекса и Сири) становятся все более привычными в обществе, позволяя людям лучше управлять своим временем, информацией и потреблением энергии. Однако развитие возможностей ИИ также вызвало ужасные предупреждения со стороны некоторых футуристов, в том числе Стивена Хокинга, Стива Возняка и Илона Маска, которые выражают обеспокоенность долгосрочными последствиями ИИ для человечества[2]. Вероятно, наиболее важный аспект связан с разработкой оружия на базе ИИ, но в основе многих опасений лежат более масштабные трудности в согласовании ИИ с человеческими ценностями[3].

Наряду с ростом в других секторах, ИИ все чаще используется в контексте миграции и мобильности. Внедрение таких технологий не является чем-то новым, хотя в последнее время наблюдается всплеск интереса к использованию ИИ в области миграции, вызванного более широкой известностью ИИ и связанными с этим опасениями по поводу его развития[4]. В течение многих лет государственные органы, занимающиеся вопросами миграции, использовали самые различные технологии, в том числе системы ИИ, для поддержки административной обработки и принятия решений по вопросам, связанным с миграцией. ИИ все чаще используется на протяжении всего миграционного цикла, например, для облегчения проверки личности перед отъездом, поддержки подачи и обработки заявлений на получение визы, улучшения пограничных процедур, проведения анализа данных о подаче заявлений и соблюдении визовых условий (среди прочего), а также в целях прогнозирования миграционных тенденций. Применение технологий ИИ может принести определенные выгоды, поскольку они способны повысить эффективность систем и сократить время обработки для клиентов, а также усовершенствовать управление растущим спросом на услуги, связанные с миграцией.

Вместе с тем ИИ создает целый ряд проблем для разработчиков политики, специалистов-практиков и мигрантов, в том числе опасения по поводу надзора за людьми с помощью технологий, потенциальной возможности систематической предвзятости при принятии ИИ решений в области миграции и мобильности,

1 Ана Бедуши, адъюнкт-профессор права Эксетерского университета; Мари Маколифф, Руководитель Отдела исследований и публикаций по вопросам миграции МОМ.

2 Mack, 2015.

3 Wolchover, 2015.

4 Tegmark, 2016.

усиления взаимодействия между государственными и частными секторов и конкуренции между их интересами, а также негативного влияния технологий ИИ на защиту прав человека мигрантов.

Технологии ИИ, управляемые данными, также играют центральную роль в борьбе с COVID-19. Многие правительства по всему миру приняли меры по мониторингу общественного здоровья, такие как приложения для мобильных телефонов для отслеживания контактов и цифровые паспорта здоровья[5]. Такие меры могут несоразмерно затронуть уязвимые группы, в том числе общины мигрантов, тем самым сказываясь на защите их прав человека.

В настоящей главе рассматриваются последствия ИИ для политики и практики в контексте миграции и мобильности сквозь призму существующих международных правил, стандартов и принципов в области прав человека[6]. Это важно из-за возможности ущемления или укрепления прав человека в результате проектирования, разработки, внедрения и распространения технологий ИИ по всему миру[7]. В следующем разделе излагаются основные концепции и определения, после чего следует краткое описание текущего контекста ИИ. Затем исследуется использование ИИ на протяжении цикла миграции с размышлениями о ключевых стратегических вызовах и возможностях в этой важной области новых технологий, в том числе в связи с «будущим сферы труда» и долгосрочными миграционными тенденциями.

Основные концепции и определения

Какого-либо единого, общесогласованного определения ИИ не существует, хотя в широком смысле его можно рассматривать как «программирование компьютеров с целью выполнения задач, для которых обычно требуется человеческий интеллект»[8].

Уходя своими корнями в теорию вычислительных систем 1950-х годов, ИИ изначально задумывался как воплощение чаяния в отношении разработки компьютера, который демонстрировал бы высокий уровень способности или когнитивную способность людей к рассуждению и мышлению — иначе называемый «общий ИИ»[9]. Однако свыше шести десятилетий спустя рассуждение и мышление высокого уровня остаются призрачными, а большая часть того, что в нетехническом дискурсе известно как ИИ, является значительным отступлением от этой цели и часто скорее сродни отдельной ветви ИИ, именуемой «машинное обучение»[10]. Этот ИИ низшего порядка называется «узким ИИ», поскольку он связан с выполнением узких задач, таких как сопоставление черт лица на изображениях или расчет релевантности письменного материала конкретным условиям поиска, а не с более широким, более общим «мышлением»[11].

С момента своего исторического появления в компьютерной науке ИИ со временем развивался, вбирая в себя различные направления по использовании возможностей машин для таких задач, как обработка естественного языка, обработка речи, машинное обучение, визуальное распознавание, нейронные сети и робототехника[12]. В действительности ИИ не является единым целым, но представляет собой группу связанных технологий,

5 McAuliffe and Blower, 2021.
6 Например, ООН, 1966; СПЧ ООН, 2011, 2008.
7 ГС ООН, 2020; Pizzi et al., 2020.
8 Mehr, 2017.
9 Jordan, 2019; Tegmark, 2016.
10 Jordan, 2019.
11 Tegmark, 2016.
12 McLaughlin and Quan, 2019.

разработанных для соответствия или замены человеческого интеллекта[13]. Обзор различных определений ИИ, предлагаемых организациями и ведущими учеными, можно найти в добавлении A.

Системы на основе ИИ могут быть чисто программными, действующими в виртуальном мире (например, голосовые помощники, программное обеспечение для анализа изображений, поисковые системы, системы распознавания речи и лиц), или ИИ может быть встроен в аппаратные устройства (например, передовые роботы, автономные автомобили, беспилотные летательные аппараты и приложения Интернета вещей)[14]. В контексте этой главы, посвященной миграции и мобильности, также полезно предложить определения повсеместно используемых терминов, относящихся к технологиям искусственного интеллекта, такие как:

- **Алгоритмы.** Это наборы машинных инструкций, используемых для обработки и решения проблем. Алгоритмы ИИ могут анализировать данные, находить закономерности, делать выводы и прогнозировать поведение на уровне и со скоростью, значительно превосходящими человеческие возможности[15].

- **Машинное обучение.** Машинное обучение — это один из методов обучения машин выполнению задач, обычно связанных с человеческим интеллектом, таких как обработка естественного языка[16]. Машины учатся на огромных объемах данных, включая большие наборы данных, с помощью алгоритмов.

- **Глубокое обучение.** Являясь подмножеством машинного обучения, глубокое обучение имитирует работу человеческого мозга и все чаще используется для распознавания изображений и лиц[17]. Приложения глубокого обучения структурируют алгоритмы в слои для создания искусственной нейронной сети, позволяющей машинам учиться и самостоятельно принимать решения[18]. Это затрудняет или даже делает невозможным объяснение того, как машины принимают определенные решения[19].

- **Большие данные.** Большие данные можно определить как «большие объемы высокоскоростных, сложных и переменных данных, которые требуют передовых методов и технологий для сбора, хранения, распространения, управления и анализа информации»[20].

- **Цифровая идентификация.** Цифровая идентификация представляет собой набор атрибутов, доступных в цифровом формате и относящихся к физическому или юридическому лицу[21]. Эти атрибуты включают биометрические данные (например, отпечаток пальца, сканирование глаз, трехмерную карту лица) и демографические данные (например, дату и место рождения). Их также можно сочетать с документами, удостоверяющими личность, государственного образца (например, паспортом, водительскими правами) и цифровыми действиями в социальных сетях, включая историю поиска в Интернете и данные геотегинга. Существующие платформы цифровой идентификации используют ИИ, а также технологии, связанные с блокчейном, для проверки личности людей, позволяя запускать «кошельки цифровой идентификации» через онлайн-платформы и мобильные телефоны[22].

- **Чат-бот.** Компьютерная программа, предназначенная для общения с людьми, особенно через Интернет[23].

13 Duan et al., 2019; Walsh et al., 2019.

14 European Commission, 2018: para. 1; Accenture, 2018.

15 LeCun et al., 2015.

16 Flach, 2012; Nilsson, 1982; Ertel, 2017.

17 LeCun et al., 2015.

18 Там же.

19 Rudin, 2019; Angelov and Soares, 2020; Watson and Floridi, 2020.

20 TechAmerica Foundation, 2012.

21 ISO, 2019.

22 Например, Sovrin, имеется по адресу https://sovrin.org and Digital Identity Alliance, имеется по адресу https://id2020.org.

23 Определение в *Кембриджском словаре*, имеется по адресу https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/chatbot (дата доступа 14 января 2021 года).

Как связаны цифровизация и ИИ?

Применение технологий ИИ зависит от на базового сбора данных и цифровых возможностей. Таким образом, «цифровизация» аспектов миграционных систем является необходимым условием применения технологий ИИ. Однако цифровизация не обязательно приводит к разработке и внедрению технологий ИИ. По сравнению с цифровизацией применение ИИ в области миграции и мобильности в настоящее время гораздо более ограничено.

ИИ на регулярной основе используется в различных секторах, включая сельское хозяйство, финансы и банковское дело, образование и здравоохранение, как кратко описано в добавлении B.

Технологии ИИ на протяжении всего цикла миграции

Несмотря на недавний всплеск интереса, технологии ИИ на самом деле уже многие годы используются в сфере миграции и мобильности[24]. Например, ИИ и связанные с ним технологии использовались в Австралии, Соединенных Штатах Америки, Японии, многих европейских странах и Европейском союзе для управления растущим объемом трансграничных перемещений[25].

В этом разделе анализируется исторический контекст использования технологий ИИ в области миграции и мобильности. В нем описываются основные способы использования ИИ на протяжении всего цикла миграции[26], приводятся примеры возможностей и задействования ИИ на различных этапах: до отъезда, при въезде, во время пребывания и по возвращении, при этом отмечается, что в отношении въезда и пребывания можно найти больше примеров. В этом разделе также описывается применение технологий ИИ в прогнозировании миграции, например, с помощью прогнозной аналитики. Резюме технологий ИИ на протяжении всего цикла миграции представлено на рисунке 1. В следующем разделе представлен анализ основных проблем и вызовов, а также главных преимуществ, возникающих в результате более широкого использования технологий ИИ в процессах миграции и мобильности, особенно в контексте прав человека.

24 ANAO, 2008.

25 ANAO, 2012.

26 Gmlech, 1983; McAuliffe and Koser, 2017.

Рисунок 1. Искусственный интеллект и цикл миграции

Источник: McAuliffe et al., 2021.

На протяжении многих лет технологии ИИ разрабатывались и внедрялись для поддержки аспектов миграции и управления мобильностью перед отъездом. Например, ряд государственных органов, применяли новейшие технологии в области электронных платформ для подачи заявлений на получение визы и для проверки перед отъездом, включая использование биометрических данных[27]. В преддверии Олимпийских игр 2000 года в Сиднее правительство Австралии внедрило систему проверки биометрических данных при вылете перед посадкой пассажиров, обеспечив чтобы авиакомпании не могли посадить пассажиров и членов экипажа в самолет до получения на это разрешения[28]. Эта система, называемая системой расширенной обработки данных о пассажирах, была создана на основе новых технологий и повышенных возможностей подключения для обеспечения проверки в режиме реального времени через пограничные системы безопасности. Более общие версии систем такого типа, известные как системы предварительной информации о пассажирах (API), впоследствии стали регламентироваться международными рекомендациями в отношении их разработки и использования во всем мире[29]. Системы API рассматриваются как способ преодоления ряда проблем в управлении перемещениями людей повсюду в мире, особенно в связи со значительным ростом числа поездок в мире и его прогнозируемым дальнейшим ростом, а также в связи с угрозами безопасности, включая терроризм и контрабанду наркотиков; они предусматривают режимы значительных штрафных

27 ANAO, 2008; DIAC, 2008; Shelfer and Verner, 2003.
28 DIAC, 2008; Franzi, n.d.; WCO, IATA and ICAO, 2010.
29 WCO, IATA and ICAO, 2010.

санкций для перевозчиков; и повышение эффективности работы пограничных органов за счет большей автоматизации[30]. API требует автоматизации процессов перекрестной проверки с участием нескольких систем за счет использования возможностей ИИ для проведения поиска и сопоставления биометрических данных и других переменных, хранящихся в разных доменах.

Наряду с растущим использованием технологий ИИ в пограничных системах, платформах для онлайн-заявок на получение виз и разработке «электронных виз», системы обработки также позволили автоматизированным системам, использующим аналитические возможности машинного обучения, обрабатывать обычные заявления на получение визы, а в более сложных случаях передавать заявления компетентным сотрудникам[31]. И вновь одна из первых таких автоматизированных систем была разработана Австралией в 1996 году накануне наплыва посетителей, прибывающих на Олимпийские игры, что затем привело к дальнейшему развитию в последующие годы и сокращению за границей числа сотрудников, ранее необходимых для обработки обычных заявлений на получение виз[32]. В одной из первых онлайн-систем подачи заявлений на получение визы было автоматизировано от 15 до 20 основных проверок заявлений, что значительно сократило время обработки и затраты на персонал[33]. В первой онлайн-системе визовые сотрудники все еще должны были принимать окончательное решение по заявлению. Однако со временем эти онлайн-платформы получили дальнейшее развитие и обрели способность предоставлять автоматизированные решения по заявлениям с низким уровнем риска, включая использование методов профилирования, которые не требуют участия визового сотрудника[34]. Более сложные дела или заявления, которые не «подходят» алгоритмам обработки, направляются визовым сотрудникам для оценки и окончательного решения.

В последнее время активизировались усилия по разработке чат-ботов для функций информационных услуг, предоставляемых государственными органами, а также для поставщиков услуг частного сектора, таких как коммерческие миграционные агенты или визовые центры, чтобы помочь потенциальным клиентам изучить возможности миграции для работы или по семейным обстоятельствам, для учебы за границей или временного трудоустройства в других странах[35]. Чат-боты также были разработаны мигрантами, которые сами с трудом ориентировались в огромном количестве информации (и дезинформации) о визовых и иммиграционных правилах[36].

Въезд

По аналогии с изменениями в процедурах, предшествующих отъезду, в процедурах на въезде, особенно прямо связанных с пограничным контролем, для повышения эффективности и управления растущим пассажиропотоком все чаще используются автоматизация и расширенные аналитические возможности. Автоматизированные пограничные переходы, использующие биометрические и биографические данные для проверки личности и безопасности, требуют значительных инвестиций в сбор данных, ИТ-системы и возможности ИИ, такие как машинное обучение[37]. В результате многие страны, не имеющие возможности развернуть такие сложные системы, вынуждены полагаться на ручные системы и традиционные протоколы оценки силами пограничников для выявления потенциальных проблем в плане добросовестности[38]. Кроме

30 Там же.
31 Aggarwal, 2018; PwC, 2011; Molnar, 2018.
32 PwC, 2011.
33 Rizvi, 2004.
34 Там же.
35 Например, https://hellotars.com/chatbot-templates/travel/H1mUrB/immigration-services-chatbot.
36 Hemmadi, 2017.
37 Thales Group, n.d.; WCO, 2019.
38 Heath, 2019; IOM, 2016.

того, могут возникнуть проблемы при первоначальном внедрении и вопросы, касающиеся устойчивости. Например, в Южной Африке внедрение биометрических технологий (технологии распознавания отпечатков пальцев и лиц) в рамках государственной программы модернизации, первоначально в Международном аэропорту им. О.Р.Тамбо, вызвало задержки из-за времени, необходимого для сбора биометрических данных пассажиров[39]. В результате были собраны данные только о негражданах, что было связано с более широкой проблемой цифровых возможностей, лежащих в основе функциональности ИИ. Более широкий вопрос об асимметрии возможностей разных государств в отношении применения технологий ИИ в области миграции обсуждается в текстовой вставке ниже.

Другими областями, в которых наблюдался быстрый рост технологий ИИ, были пограничные системы обнаружения, такие как технология беспилотных летательных аппаратов с поддержкой ИИ[40], а также анализ поведения в общественных местах, включая аэропорты и другие объекты массового транзита пассажиров[41]. Анализ использует машинное обучение для считывания биометрических данных, таких как (микро) выражение лица, походка и другие физические движения, для выявления тех, кто намеревается причинить потенциальный вред другим, хотя такие подходы вызывают ожесточенные споры по причинам, связанным с (не)точностью, интрузивностью и неприкосновенностью частной жизни[42]. Другие весьма спорные инициативы включают так называемую «виртуальную пограничную стену» между Соединенными Штатами и Мексикой, которая в настоящее время разрабатывается Таможенно-пограничной службой Соединенных Штатов (ТПС) в партнерстве с ведущими технологическими фирмами в рамках инновационной программы ТПС[43]. Если это произойдет, «виртуальная пограничная стена» будет включать в себя массовое наблюдение с помощью дронов и вышек, развертывающих возможности, аналогичные продукту ИИ «Гугл Вижн», который может быстро обнаруживать и классифицировать людей и объекты на изображении или видеофайле[44].

Углубление асимметрии между государствами

Развертывание технологий искусственного интеллекта может усугубить такую асимметрию двумя основными способами. Во-первых, оно может увеличить так называемый цифровой разрыв между государствами с более развитыми технологическими возможностями и государствами, не имеющими таких технологий[a]. Основной довод энтузиастов ИИ состоит в том, что его можно использовать для сокращения затрат и повышения эффективности[b]. Следовательно, технологии ИИ могут быть выигрышными для процедур оформления миграции и предоставления убежища, которые обычно являются длительными, в основном требуют ручной обработки и в значительной степени основываются на заявлениях мигрантов и лиц, ищущих убежища.

Соответственно, технологии ИИ могут укрепить лидирующие позиции тех государств, обладающих возможностями ИИ, которые в ближайшие годы окажутся в авангарде глобальных усилий по управлению миграцией. Такая ситуация привела бы к разрыву в ИИ. В этой новой парадигме государства с менее развитыми технологическими средствами могут быть дополнительно изолированы. … Кроме того,

39 Darch et al., 2020.

40 Campbell, 2019; Koslowski, 2005.

41 Al Hamar et al., 2018; Rawlings, 2019.

42 Al Hamar et al., 2018; Huszti-Orbán and Ní Aoláin, 2020; Jupe and Keatley, 2019.

43 Fang and Biddle, 2020.

44 Там же.; Google Cloud, 2020.

разрыв в ИИ может либо усилить парадигму Север-Юг, либо, наоборот, представлять собой сдвиг от нее[c]. Если эти возможности ИИ сосредоточатся на глобальном Севере, разрыв в ИИ скорее укрепит существующую парадигму Север-Юг. Однако если государства глобального Юга воспользуются шансами для развития своих возможностей ИИ, это может дать им дополнительные средства для оказания влияния в вопросах, связанных с управлением миграцией, в качестве полноправных государств, обладающих возможностями ИИ. … Соответственно, разрыв в ИИ может одновременно способствовать углублению и без того асимметричных отношений между государствами Севера и Юга, слегка смещая акцент в сторону того, что может стать разделением на «государства с возможностями ИИ и другие государства» в управлении международной миграцией.

Источник: Сокращенный отрывок из Beduschi, 2020a.

a Norris, 2001.
b Chui et al., 2018.
c Chetail, 2008.

Пребывание

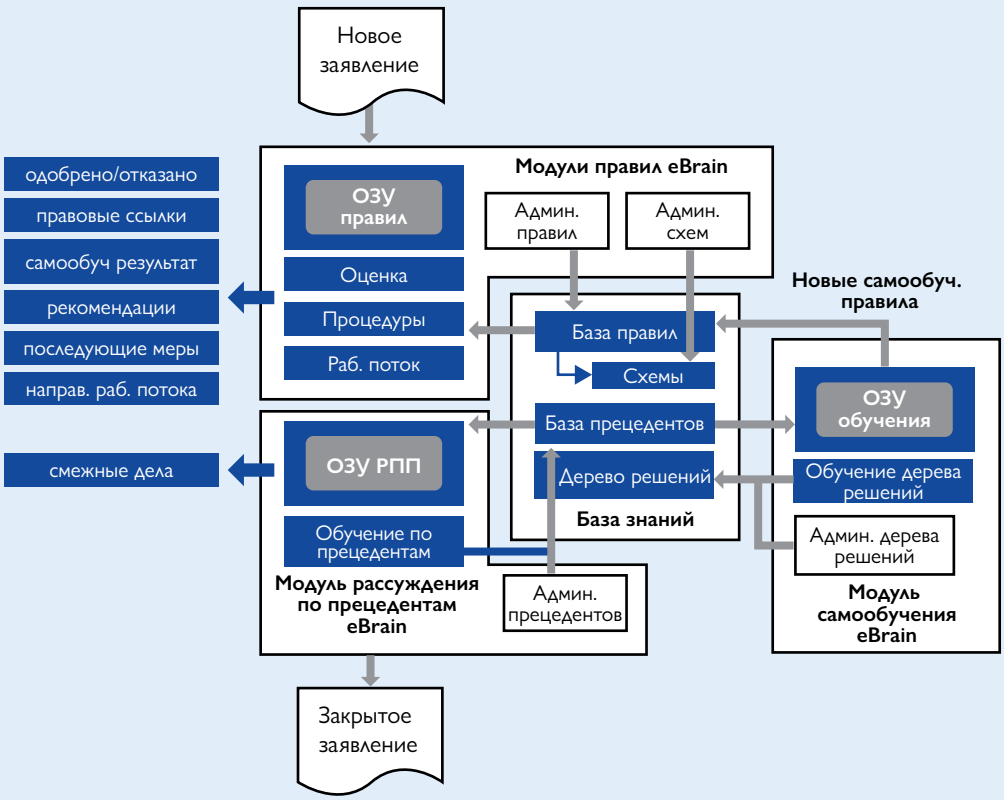
Чат-боты все чаще играют роль в предоставлении информации и консультационных услуг мигрантам в странах назначения, при этом они разрабатываются государственными органами, как, например, финский иммиграционный робот-помощник по имени Каму[45], а также организациями гражданского общества, поддерживающими мигрантов. Так, чат-бот под названием Мона, предназначенный для предоставления беженцам основных юридических консультаций, был разработан стартапом «Мархуб» в Соединенных Штатах с целью предоставления точной информации в режиме реального времени[46]. Мы также видели разработку чат-ботов, которые предоставляют психологическую поддержку беженцам и внутренне перемещенным лицам, которые зачастую крайне уязвимы и не имеют доступа к службам охраны психического здоровья. Одна из таких инициатив технологической компании X2AI в Соединенных Штатах заключалась в партнерстве с неправительственной организацией в Ливане для предоставления поддержки на арабском языке с помощью чат-бота Карим, который передает персонализированные текстовые сообщения сирийским беженцам, используя возможности обработки естественного языка и когнитивно-поведенческой терапии[47]. Карим является модификацией прототипного чат-бота по психическому здоровью по имени Тесс, который предоставляет услуги более чем 19 миллионам человек во всем мире[48].

Электронные платформы для подачи заявлений и принятия решений, связанных с визой, аналогичны применяемым в процедурах перед отъездом, описанных выше; однако после того, как люди въехали в страну, они могут постоянно взаимодействовать с иммиграционными властями - например, для продления визы, подачи заявления на новый тип визы или демонстрации соблюдения визовых условий - посредством поэтапной обработки. Было установлено, что использование ИИ снижает потребность в ручной обработке и личных приемах, как это было достигнуто в САР Гонконг, Китай, где система eBrain департамента иммиграции сократила время обработки и общественные расходы, как описано в текстовой вставке ниже[49].

45 Miessner, 2019.
46 Peters, 2019.
47 Solon, 2016; Sengupta, 2019.
48 См. www.x2ai.com.
49 Wong and Chun, 2006.

Система eBrain департамента иммиграции САР Гонконг, Китай

В начале 2006 года департамент иммиграции САР Гонконг, Китай, представил новую систему eBrain, использующую возможности ИИ для улучшения обработки дел. Визуальное представление общей архитектуры ИИ eBrain демонстрирует сложность общей схемы и то, как аспекты машинного обучения представлены в ее архитектуре.



Помимо электронной подачи заявлений, система eBrain используется для управления делами и принятия решений. После подачи заявки механизм рассуждений на основе схемы eBrain генерирует набор предлагаемых действий, таких как запрос дополнительной документации, чтобы привести приложение в состояние, которое можно оценить. Машинное обучение используется для создания процедурных знаний о типичных шагах, предпринимаемых для различных видов дел.

Источник: Wong and Chun, 2006.

Машинное обучение, включающее алгоритмический анализ данных, также было опробовано и использовано для поддержки более эффективного размещения беженцев в Швейцарии, что ранее выполнялось специалистами по работе с людьми, что привело к улучшению результатов интеграции беженцев[50]. Другие аналогичные инициативы, такие как глобальная инициатива «Сопоставление и оптимизация результатов для расширения прав и возможностей беженцев» (СОРПБ), применяют машинное обучение, целочисленную оптимизацию и теорию сопоставления для определения наилучших совпадений между беженцами и

50 Bansak et al., 2018.

местными общинами[51]. Приложения для оптимизации переселения беженцев с использованием технологий ИИ довольно ограничены и специализированы, хотя неясно, существуют ли уже аналогичные системы для других программ миграции в странах назначения, например, для квалифицированных рабочих.

Одно из применений технологий ИИ, которое существовало задолго до COVID-19, но привлекло внимание во время пандемии, было связано с использованием технологии наблюдения ИИ для отслеживания и мониторинга групп, представляющих интерес, включая мигрантов[52]. Например, в Соединенных Штатах иммиграционные власти использовали технологию распознавания лиц на основе ИИ для проведения массового мониторинга людей в транспортных потоках с целью выявления незарегистрированных мигрантов[53]. Аналогичные возможности, основанные на программном обеспечении для распознавания лиц, были реализованы во многих других странах, как это изложено в текстовой вставке ниже.

Глобальное расширение наблюдения на основе ИИ

Технология наблюдения на основе ИИ распространяется более быстрыми темпами в на более широкий круг стран, чем обычно думают эксперты. По меньшей мере 75 из 176 стран мира активно используют технологии ИИ для целей наблюдения. Сюда входят: платформы «умный город/безопасный город» (56 стран), системы распознавания лиц (64 страны) и «умная полиция» (52 страны).

Страны либеральной демократии являются основными пользователями систем наблюдения на основе ИИ. Индекс показывает, что 51% стран с развитой демократией применяют системы наблюдения с использованием ИИ. В отличие от этого технологию наблюдения на основе ИИ применяют лишь 37% закрытых авторитарных государств, 41% электоральных авторитарных/конкурентных авторитарных государств и 41% электоральных демократий/нелиберальных демократий. Правительства в странах с полной демократией внедряют ряд технологий наблюдения - от платформ безопасного города до камер распознавания лиц.

Правительства авторитарных и полуавторитарных стран более склонны злоупотреблять наблюдением на основе ИИ, чем правительства стран с либеральной демократией. Некоторые авторитарные правительства используют технологию ИИ для целей массовой слежки. Другие правительства с плохим послужным списком в области прав человека используют слежку с помощью ИИ в более ограниченных целях - для усиления репрессий. Тем не менее во всех политических контекстах существует риск незаконного использования технологии наблюдения на основе ИИ для достижения определенных политических целей.

Источник: Сокращенный отрывок из Feldstein, 2019.

Возвращение

В контексте возвратной миграции технологии ИИ используются гораздо реже. В той мере, в какой возвращение связано с целостностью программы, например, возвращение просителей убежища, лиц с просроченной визой или незаконных неграждан, технология ИИ, по-видимому, используется для облегчения процессов возвращения; однако ее внедрение, как представляется, больше связано с инициативами по массовому наблюдению за населением для выявления потенциальных незарегистрированных мигрантов

51 Trapp et al., 2018.
52 MOM, 2020.
53 Matyus, 2020.

для принудительного возвращения[54]. В судебных документах Соединенных Штатов также есть указания на то, что алгоритмы ИИ, которые используют брокеры данных частного сектора для сбора широкого спектра данных о лицах в целях создания «досье данных», используются для выявления потенциальных лиц, подлежащих депортации[55]. В этом смысле для выявления потенциальных возвращенцев используются методы как физического, так и виртуального наблюдения с применением технологий ИИ.

Последствия использования технологий ИИ при принудительном возвращении могут быть очень значительными, особенно если чрезмерно полагаться на такие системы без других форм оценки или проверки человеком. В 2016 году Соединенное Королевство аннулировало визы примерно у 34 000 иностранных студентов на основании анализа распознавания человеческого голоса с помощью ИИ, проведенного контрактной компанией по предоставлению языковых услуг, который показал, что студенты использовали прокси-серверы в тестах по английскому языку, необходимых для получения виз. Однако последующий человеческий анализ показал, что около 7000 (или 20%) этих студентов были ложно обвинены в мошенничестве, а апелляционный суд по иммиграционным делам Соединенного Королевства пришел к выводу, что доказательства, использованные Министерством внутренних дел для депортации студентов, имели «многочисленные слабости и недостатки»[56].

Использование технологий ИИ для возвращения трудящихся-мигрантов обратно в страны их происхождения имело определенный успех, но, по-видимому, сталкивается с проблемами устойчивости и внедрения. В Бангладеш, например, введение «смарт-карт» в 2010 году для облегчения процедур выезда трудящихся -мигрантов оказалось полезным для пограничной обработки и сбора данных, но призывы использовать эти карты также для возвращающихся трудящихся-мигрантов действия не возымели[57]. Многоцелевые «смарт-карты» будут способствовать дальнейшему переходу от бумажной системы управления миграцией к цифровой системе, что позволит улучшить сбор данных и соответствующий анализ для целей политики и программирования[58].

ИИ как инструмент прогнозирования передвижений, а также формирования долгосрочных тенденций

Прогнозирование миграции и мобильности проводилось в течение многих лет и, как правило, основывалось на статистическом моделировании, а также на мнениях экспертов. С расширением наборов данных, особенно в контекстах гуманитарного перемещения (таких как Матрица отслеживания перемещений МОМ), все больше внимания уделяется применению технологий ИИ для использования этих данных[59]. Неудивительно, что прогнозная аналитика все чаще используется в контексте гуманитарных ситуаций; недавние исследования выявили рост использования технологий ИИ для прогнозирования гуманитарных кризисов, в том числе последствий перемещения в результате конфликтов и насилия, отсутствия продовольственной безопасности, вспышек болезней и стихийных бедствий[60]. Исследователи обнаружили, что в рамках 49 инициатив, использующих технологии ИИ, такие как машинное обучение, большие данные и статистическое моделирование, основное внимание уделялось тому, где возникнут гуманитарные кризисы (71% инициатив) и кто будет затронут ими (40% инициатив)[61]. Меньше внимания было уделено тому, что повлекут за собой такие прогнозируемые кризисы и когда эти кризисы могут произойти.

54 Majidi et al., 2021.
55 Currier, 2019; Molnar 2019; Rivlin-Nadler, 2019.
56 Baynes, 2019.
57 Bhuyan, 2018; Rashid and Ashraf, 2018.
58 Rashid and Ashraf, 2018.
59 Bither and Ziebarth, 2020.
60 Hernandez and Roberts, 2020.
61 Там же.

Хотя мы наблюдаем тенденцию, связанную с расширением масштабов использования технологий предиктивной аналитики и приложений для прогнозирования, анализ того, как технологии ИИ могут со временем повлиять на модели международной миграции, имеет большее значение в стратегическом плане. Это связано с тем, что все больше и больше профессий автоматизируются или иным образом заменяются компьютерами, что, в свою очередь, может повлиять на динамику миграции во всем мире. ИИ и будущее сферы труда — стратегическая тема, вызывающая большой интерес у многих, причем некоторые утверждают, что наибольшему риску подвергаются традиционные рабочие места «белых воротничков»[62]. Этот весьма актуальный вопрос кратко изложен в текстовой вставке ниже.

Как повлияет ИИ на модели долгосрочной миграции?

Хотя неясно, как именно повлияет ИИ на модели миграции, анализ указывает на то, что постепенно происходят значительные сдвиги в этой области, поскольку страны стремятся инвестировать в применение ИИ во все более разнообразных секторах - от здравоохранения и социального обеспечения до сельского хозяйства, образования и финансов (см. добавление B). В рамках более широких соображений в отношении будущего сферы труда ожидается, что автоматизация с использованием ИИ повлияет на отрасли экономики, составляющие основу для миграции, и в долгосрочной перспективе сократит спрос на трудящихся-мигрантов. Эти изменения, вероятно, затронут многие рынки труда во всем мире, и многие регионы назначения трудящихся-мигрантов не застрахованы от них. Например, в докладе о положении в Бахрейне, Египте, Кувейте, Омане, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах исследователи установили, что автоматизация рутинных трудовых процессов особенно касается трудящихся-мигрантов в этих странах, поскольку большинство из них имеют низкую квалификацию. Например, в Объединенных Арабских Эмиратах более 93% потенциала автоматизации затрагивает рабочие места, занимаемые трудящимися-мигрантами.

Источники: aus dem Moore et al., 2018; Ernst et al., 2018; Hanke, 2017; Hertog, 2019.

Технологии ИИ в области миграции и мобильности: ключевые проблемы, вызовы и возможности

Поскольку системы ИИ становятся все более распространенными на протяжении всего цикла миграции, они вызывают множество проблем и создают серьезные вызовы для защиты прав человека мигрантов.

В настоящем разделе содержится анализ этих проблем сквозь призму законодательства в области прав человека, выявляются существующие вызовы, а также имеющиеся потенциальные возможности. Он продолжает описательный анализ, представленный в предыдущем разделе, фокусируясь на важнейших областях, в которых ИИ оказывает значительное влияние: обработка заявлений на получение виз и убежища и принятие решений; безопасность границ и управление миграцией; поддержка управления миграцией; а также миграция и мобильность во взаимосвязанном мире.

62 Hanke, 2017.

Оформление визы и убежища и принятие решений

Технологии ИИ часто используются для обработки заявлений на получение виз и убежища и принятия решений. Ключевым преимуществом использования систем ИИ является то, что они могут ускорить обработку заявлений на получение виз и убежища, одновременно выявляя угрозы безопасности и сокращая нелегальную миграцию. Однако технологии ИИ позволяют автоматизировать, часто непрозрачным образом, обработку больших объемов данных, включая профилирование рисков, с ограниченной прозрачностью и часто без возможности обжалования[63].

Отсутствие прозрачности и наличие погрешностей в алгоритмах ИИ является широко распространенной проблемой, выходящей далеко за рамки миграции. Хотя люди также допускают перекосы при принятии решений, независимо от использования ИИ, системы ИИ могут усиливать существующие человеческие ошибки, а не просто кодировать их. Таким образом, ИИ может институционализировать и систематизировать человеческие предубеждения. В конечном итоге это может привести к дискриминации и исключению людей на основании защищаемых признаков, включая расу и этническую принадлежность[64]. Погрешности — распространенная проблема, которая затрагивает системы ИИ в различных секторах[65].

Типология погрешностей в алгоритмах

1. **Историческая погрешность** возникает, когда существует несоответствие между миром, как он есть, и ценностями или целями, которые должны кодироваться и репродуцироваться в модели. Это — нормативная проблема, связанная с состоянием мира, и она существует даже при идеальной выборке и отборе признаков.

2. **Погрешность репрезентативности** возникает при определении и выборке разработочной (выборочной) совокупности. Это происходит, когда разработочная совокупность недостаточно репрезентативна и, как следствие, не способна к надлежащему обобщению в отношении некоторой части совокупности на этапе применения.

3. **Погрешность измерения** возникает при отборе и измерении признаков и меток для использования; они часто являются прокси для желаемых количеств. Выбранный набор признаков и меток может не учитывать важные факторы или вносить зависящий от групповых или вводных данных статистический шум, который приводит к разнице в результатах.

4. **Погрешность агрегации** возникает во время построения модели, когда отдельные совокупности объединяются ненадлежащим образом. Во многих приложениях исследуемая совокупность неоднородна, и маловероятно, что единая модель подойдет для всех подгрупп.

5. **Погрешность оценки** возникает во время итерации и оценки модели. Это может произойти, когда тестовые или внешние эталонные совокупности не в равной степени представляют различные части совокупности на этапе применения. Погрешность оценки также может возникать из-за использования показателей эффективности, которые не соответствуют тому, как будет использоваться модель.

63 McCarroll, 2020; Molnar and Gill, 2018.

64 Eubanks, 2018; Ferguson, 2017; Noble, 2018; Zuboff, 2019.

65 Creemers et al., 2015; Zou and Schiebinger, 2018.

6. **Погрешность развертывания** возникает после развертывания модели, когда система используется или интерпретируется ненадлежащим образом.

Источник: Сокращенный отрывок из Suresh and Guttag, 2020.

В контексте миграции и мобильности последствия тенденциозных алгоритмов ИИ могут изменить жизнь. Например, существует вероятность того, что заявки на получение визы могут быть отклонены, потому что алгоритмы ИИ, используемые для первоначальной сортировки, неправильно распознают более темный цвет кожи и ошибочно идентифицируют заявителей. Такой сценарий недалек от реальности. Технологии распознавания лиц значительно менее точны, когда используются для распознавания темнокожих женских лиц по сравнению с белыми мужскими лицами[66]. В ходе исследования, проведенного в США, было также доказано, что имеющиеся в продаже системы ИИ для распознавания лиц более склонны к неправильной идентификации лиц чернокожих людей и их неверному сопоставлению с лицами людей, ранее арестованных полицией[67].

Эти неточности в определении лиц темнокожих людей могут быть вызваны погрешностью репрезентативности, например, в силу отсутствия разнообразия в наборах данных, используемых для обучения алгоритмов ИИ. Этот эффект также может быть результатом исторической погрешности, отражающей десятилетия предубеждений и стереотипов в обществе. Технологии действительно формируются давними культурными и контекстуальными представлениями о расе, этнической принадлежности, гендере и других признаках неравенства, распространенного в обществе[68].

Эти иллюстрации являются важным напоминанием о том, что технология не является нейтральным инструментом и что она также может совершать ошибки. Лица, принимающие решения, должны знать об этом. Они также должны учитывать склонность людей отдавать предпочтение предположениям, представленным системами ИИ, даже если есть признаки того, что они ошибочны, что представляет собой явление, известное как погрешность автоматизации[69]. Кроме того, биометрическое сопоставление с использованием алгоритмических возможностей может быть очень трудно опровергнуть, особенно в тех случаях, когда технология способна извлекать информацию, недоступную человеческому глазу (например, характер походки, распознавание лиц и сопоставление радужной оболочки)[70]. Следовательно, должны быть предусмотрены процедуры, позволяющие лицам получать возмещение в случае, если ошибки в системах ИИ приводят к ошибочным решениям или даже к нарушениям их прав человека. Люди должны иметь возможность оспаривать решения, принятые системами ИИ или с их помощью, в независимом и беспристрастном суде или органе власти, в том числе с помощью административных процедур[71]. Чтобы обеспечить процедурную справедливость, государственные органы должны быть прозрачными в отношении того, как они используют ИИ при обработке заявлений на получение виз и убежища и принятии решений.

66 Buolamwini and Gebru, 2018.

67 Snow, 2018.

68 См. ГА ООН, 2011; СПЧ ООН, 2020a.

69 Huszti-Orbán and Ní Aoláin, 2020; Wickens et al., 2015.

70 Israel, 2020.

71 Это соответствует Международному пакту о гражданских и политических правах (МПГПП) (ООН, 1966: ст. 14) и КПЧ ООН (2007).

Несмотря на достигнутый в последнее время прогресс, все еще существует множество технических препятствий, препятствующих полному объяснению систем ИИ человеком, особенно в случае более сложных моделей ИИ, таких как глубокие нейронные сети[72]. Эти системы предназначены для самостоятельного обучения посредством «мыслительных процессов», которые не вполне объяснимы. Растущая зависимость от технологий ИИ, применяемых для обработки заявлений на получение виз и убежища, учитывая присущую им непредсказуемость и непрозрачность, рискует поставить под угрозу справедливость и равенство в ходе этих процессов.

Безопасность границ и управление миграцией

Как обсуждалось выше, системы ИИ также присутствуют в сфере пограничной безопасности и управления миграцией. Они используются, например, для автоматизации проверки личности на границах, для автоматизации проверок безопасности и отслеживания враждебных намерений на границах или даже для удаленного наблюдения за границами с использованием датчиков и дронов с ИИ.

У использования ИИ в контексте безопасности границ и управления миграцией есть определенные преимущества. Системы ИИ могут анализировать огромные объемы данных, в том числе большие данные, для выявления закономерностей и прогнозирования поведения[73]. Они делают это со скоростью, значительно превышающей возможности человека. Таким образом, алгоритмы ИИ могут повысить эффективность за счет оптимизации повторяющихся задач, которые зависят от анализа больших объемов данных[74]. В зависимости от того, как они спроектированы, разработаны и развернуты, системы ИИ могут ускорить проверку личности в пунктах пересечения границы. Они также могут способствовать более точному выявлению лиц, представляющих потенциальную угрозу национальной безопасности, общественной безопасности и целостности иммиграционной программы.

Однако системы ИИ также несут много рисков для защиты и соблюдения прав человека мигрантов в контексте безопасности границ и управления миграцией. Во-первых, существуют серьезные опасения по поводу соблюдения права человека на неприкосновенность частной жизни. В соответствии с международным правом прав человека каждый имеет право на уважение его частной жизни и корреспонденции, которая включает личную информацию в цифровом формате[75]. Меры, ограничивающие право на неприкосновенность частной жизни, должны приниматься только для защиты законных интересов, включая национальную безопасность и общественное безопасность. Они также должны удовлетворять совокупным критериям законности, необходимости и соразмерности[76]. Критерий законности требует, чтобы меры, принимаемые государствами, имели правовую основу во внутреннем законодательстве и были совместимы с верховенством права. Они должны быть доступными и предсказуемыми и обеспечивать адекватную правовую защиту от произвола[77]. Критерий необходимости требует, чтобы принимаемые меры были направлены на удовлетворение насущной социальной потребности[78]. Критерий соразмерности требует, чтобы меры, принимаемые органами государственной власти, были соразмерны их законным целям и представляли собой жизнеспособное решение с наименьшими ограничениями[79].

72 Graves and Clancy, 2019; Pasquale, 2015; Watson and Floridi, 2020; Vilone and Longo, 2020.

73 Burrell, 2016.

74 Chui et al., 2018.

75 Всеобщая декларация прав человека (ГА ООН, 1948: art. 12). См. также МПГПП (ООН, 1966: ст. 17); Европейская конвенция о правах человека (CoE, 1950: ст. 8); Американская конвенция о правах человека (OAS, 1969: ст. 11); ГА ООН, 2014; Комитет ООН по правам человека, 1988.

76 ГА ООН, 2014: para. 23.

77 ГА ООН, 2014: para. 23; Комитет ООН по правам человека, 1988; ECtHR, 2008: para. 95.

78 ГА ООН, 2014: para. 24; ECtHR, 2008: para. 101.

79 Там же.

Во-вторых, существуют опасения по поводу сбора и использования деликатной личной информации, такой как биометрические данные. В частности, центральная проблема связана с методами хранения, обработки и доступа к данным различных государственных органов и служб. Эти опасения усугубляются созданием функционально совместимых (интероперабельных) систем информационных технологий (ИТ). Функциональная совместимость обеспечивает доступ к данным и их легкое совместное использование различными ИТ-системами, включая те, которые используются для управления пограничной безопасностью и миграцией. В Европейском союзе существует специальное агентство под названием eu-LISA, которое наблюдает за внедрением функционально совместимых ИТ-систем, касающихся убежища, пограничного контроля и миграции[80].

Нет сомнений в том, что, с одной стороны, интероперабельность может улучшить системы ИИ, повысить безопасность и обеспечить более эффективное управление идентификацией[81]. Например, если наборы данных несовместимы из-за того, что они доступны только в несовместимом или другом проприетарном программном обеспечении, системы ИИ, в значительной степени управляемые данными, не смогут полностью раскрыть свой потенциал. Однако, с другой стороны, интероперабельность может также позволить каскадировать ошибки в одной базе данных, если они не будут быстро идентифицированы и исправлены. Например, человек может быть ошибочно идентифицирован как угроза безопасности, и эта информация будет записана в одну базу данных. Если эта ошибка не будет оперативно исправлена, пограничные органы, которые могут получить доступ к информации в этой базе данных, могут отказать во въезде и несправедливо поместить этого человека под стражу. Человек в этом сценарии может даже не знать об ошибке в базе данных. Отсутствие прозрачности может затруднить исправление ошибки и не позволить человеку получить возмещение за нарушение его или ее права на свободу[82]. Соответственно, интероперабельные ИТ-системы должны разрабатываться в соответствии с основными принципами защиты данных. К ним относятся законность, справедливость и прозрачность, ограничение цели, минимизация данных, точность, ограничение хранения, целостность, конфиденциальность и подотчетность[83].

В-третьих, существует растущий риск того, что технологизация границ с использованием технологий ИИ, таких как дроны на базе ИИ и/или поведенческий анализ биометрических данных на основе ИИ, может привести к чрезмерному наблюдению за людьми с помощью технологий[84]. Хотя наблюдение может быть необходимо для обеспечения интересов национальной и общественной безопасности, меры, которые несоразмерно нарушают частную жизнь людей, недопустимы в демократическом обществе[85].

ИИ, поддерживающий управление миграцией

Системы ИИ также используются для облегчения доступа к услугам и интеграции мигрантов и беженцев на протяжении всего миграционного цикла. Например, чат-боты теперь могут предоставлять мигрантам и беженцам юридические консультации и психологическую поддержку, приложения на основе ИИ могут помочь с размещением беженцев, а цифровые приложения могут использоваться для поддержки интеграции мигрантов в принимающей стране. Чат-боты также были разработаны мигрантами в результате их собственного опыта работы с огромным объемом информации (зачастую неверной) о визовых правилах и процессах, как показано в текстовой вставке ниже.

80 Имеется по адресу www.eulisa.europa.eu.

81 European Commission, 2017.

82 МПГПП (ООН, 1966: ст. 9).

83 EU, 2016: art. 5.

84 Например, СПЧ ООН, 2020b.

85 ГА ООН, 2014: п. 24; Molnar, 2020.

Ботлер — чат-бот на основе ИИ, разработанный мигрантом

Тело Амира Моравея могло находиться в Тегеране, но его мысли были в Монреале. Инженер провел полдесятилетия в Канаде, но истекший срок разрешения на работу вынудил его покинуть страну и вернуться в родной Иран. Вернувшись домой, Моравей просматривал иммиграционные форумы и присоединялся к групповым чатам, где их участники делились советами и информацией о своих делах. «Мне было невозможно прочитать все это, — вспоминает он. —Поэтому я написал бот, чтобы он читал все сообщения на форуме и находил те из них, которые больше всего соответствовали моему случаю».

Чуть больше года назад Моравей вновь приземлился в Монреале, на этот раз в качестве постоянного резидента. Его творением стал Ботлер, иммиграционный инструмент, работающий на основе искусственного интеллекта… Первой схемой, к которой применяется Ботлер, стала программа для иностранных рабочих и студентов, проживающих в Квебеке, под названием Program de l'expérience québécoise (PEQ). «Представьте, что у вас нет никакой информации о [программе], но вы хотите подать заявку, — инструктирует Моравей. — Вы можете использовать этот бот для всего процесса, с самого начала и до самого конца».

Пользователи начинают с ответов на вопросы о своих квалификациях и обстоятельствах, что позволяет Ботлеру определить, имеют ли они право на участие в программе. Затем потенциальные кандидаты, соответствующие критериям, загружают свои документы, которые проверяет программный инструмент. «Если все в порядке, бот создает пакет документов для подачи заявки, который можно отправить в министерство иммиграции, — объясняет Моравей. Пользователи, потерпевшие неудачу, видят, какие пробелы остались в их заявке и какие условия они должны выполнить, чтобы получить право на участие.

Модуль машинного обучения Ботлера использует рекомендации, опубликованные иммиграционным департаментом Квебека, и прошел обучение на основе анонимных данных из реальных случаев. Юристы монреальской фирмы «Кэмпбелл Коэн», работающей в партнерстве со стартапом, провели проверку качества продукта.

Источник: Сокращенный отрывок из Hemmadi, 2017.

В то же время эта тенденция также вызвала озабоченность по поводу пределов «техно-панацеи», или попыток использовать технологии для решения всевозможных проблем[86]. Миграция действительно представляет собой сложное явление, которым нелегко управлять[87]. В этом смысле ее также нельзя легко «исправить» с помощью технологий.

Технологии действительно могут расширять возможности и функционировать как уравнитель социального неравенства[88]. Например, инициативы в области цифровой идентификации могут предоставить отторгаемым людям, таким как мигранты и беженцы, которые не могут подтвердить свою личность, средства для открытия банковского счета и доступа к различным услуги в принимающей стране[89]. Технологии ИИ также могут сократить время обработки документов и устранить или сократить неудобства и время, необходимое для

86 Latonero and Kift, 2018; Morozov, 2014.

87 Castles, 2004.

88 Haenssgen and Ariana, 2017; Beduschi, 2019.

89 См. например, Digital Identity Alliance, имеется по адресу https://id2020.org и The Rohingya Project, имеется по адресу https://rohingyaproject.com.

личных собеседований с сотрудниками иммиграционных служб, которые часто необходимо согласовывать за несколько недель (см. текстовую вставку ниже). Однако их внедрение сопряжено с риском, как обсуждается в следующем разделе.

Электронные платформы на основе ИИ для оформления виз и улучшения обслуживания клиентов

Системы бумажного документооборота при ручной подаче и обработке заявлений на получение визы требуют, чтобы заявитель представлял печатные копии бланков заявлений вместе с копиями соответствующих документов. Затем сотрудники, сведущие в соответствующих законах, предписаниях и руководствах, рассматривают заявления и часто запрашивают у заявителя дополнительные документы. Когда все подтверждающие документы будут представлены и (при необходимости) проведено собеседование, сотрудник, ведущий дело, проводит оценку, которая может потребовать утверждения со стороны старшего коллеги. Весь процесс может потребовать нескольких приемов заявителя; общее время обработки может составлять от нескольких дней до нескольких месяцев, в зависимости от типа визы и сложности дела.

Благодаря использованию технологий ИИ процессы подачи заявлений на получение визы могут стать намного быстрее и устранить необходимость посещения иммиграционных служб. Простые заявки с низким уровнем риска могут быть поданы онлайн, оплачены и обработаны в течение нескольких минут, что снижает неудобства личных посещений и позволяет гораздо быстрее принимать решения. Эти возможности также позволяют сотрудникам иммиграционной службы обрабатывать более сложные дела и/или случаи повышенного риска. Такие системы, как указано выше, существуют в некоторых странах уже более двух десятилетий; однако они требуют значительных инвестиций в информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) и могут эффективно работать только там, где клиенты пользуются высоким уровнем доступа к ИКТ. В некоторых регионах и странах отсутствие ИКТ может подрывать предоставление услуг и приводить к невозможности доступа к онлайновым электронным платформам. Например, между развитыми и развивающимися странами существует цифровой разрыв: в развитых странах 81% людей пользуются Интернетом по сравнению с 40% в развивающихся странах и лишь 15,6% в наименее развитых странах. Кроме того, существует также цифровой гендерный разрыв с более высокими показателями доступа в Интернет среди мужчин, чем среди женщин во всех регионах мира; во всем мире уровень доступа мужчин составляет 51%, а женщин — 44,9%.

Источники: Aggarwal, 2018; IOM, 2016; ITU, 2019; Rizvi, 2004; Wong and Chun, 2006.

Миграция и мобильность во взаимосвязанном мире

По мере того как мир становится все более взаимосвязанным, технологии дают людям доступ ко все большему количеству источников информации. Это оказывает глубокое влияние и воздействие на стратегии и решения людей о переезде[90]. Например, технологии мобильных телефонов позволяют мигрантам оставаться на связи с семьей, друзьями и гуманитарными организациями, но ими также пользуются контрабандисты и различные преступные сети, в том числе через приложения социальных сетей[91]. Технологии GPS и геолокации, встроенные в мобильные телефоны, позволяют людям находить и сравнивать маршруты во время движения. Поисковые

90 McAuliffe and Goossens, 2018.

91 McAuliffe, 2016.

системы часто используются для сбора информации о странах транзита и назначения. При использовании этих технологий люди оставляют после себя значительные цифровые следы, которые можно использовать и анализировать. Системы ИИ, управляемые данными, строятся на таком разнообразии доступных данных.

Для управляемых данными систем ИИ, используемых в области миграции и мобильности, особенно актуальны два основных ряда вызовов.

Во-первых, растущая «датафикация» управления миграцией, в результате которой в целях управления миграцией все чаще собираются, хранятся и используются различные типы данных, включая биометрические, спутниковые и большие данные, может привести к критическим проблемам[92]. Неправильные методы сбора, включая хранение и анализ данных уязвимых групп, таких как некоторые мигранты и беженцы, может иметь серьезные последствия. Недостатки кибербезопасности и неправильные методы хранения могут привести к раскрытию чувствительной информации о мигрантах и беженцах[93]. Это может иметь опасные последствия для их безопасности, если данные попадут в руки злоумышленников или агентов, осуществляющих их преследование.

Далее, ошибки в наборах данных, используемых для обучения алгоритмов ИИ, могут каскадироваться, если они останутся незамеченными. Если это проприетарные алгоритмы или «черные ящики», их может быть еще сложнее проверить, что затрудняет выявление любых ошибок[94]. Такие ошибки могут иметь разрушительные последствия. Например, людям может быть отказано в доступе к основным услугам, если они ошибочно идентифицированы из-за ошибки в программном обеспечении, используемом для сбора биометрических данных или распознавания лиц людей. Если это гуманитарные услуги, оказываемые в условиях конфликта, последствия для пострадавших могут быть еще более катастрофическими[95].

Во-вторых, такие опасения по поводу «датафикации» миграции и мобильности еще больше усугубляются все более распространенным взаимодействием между государственным и частным секторами. Частный сектор играет центральную роль в разработке и развитии технологий, которые впоследствии будут использоваться государствами и международными организациями на всех этапах миграционного цикла.

Технологические компании уже много лет позиционируют себя на гуманитарной и миграционной арене[96]. Такое взаимодействие между государственным и частным секторами вызывает озабоченность по поводу защиты данных. Например, практика обмена данными и доступ к чувствительным данным со стороны частных корпораций должны иметь место только при наличии достаточных мер по гарантированию основных принципов защиты данных[97].

В более широком смысле государства, международные организации и частный сектор часто руководствуются потенциально конфликтующими интересами. Например, частные компании могут логически следовать своей приверженности получению прибыли и защите интересов своих акционеров; тогда как государства защищают общественные интересы, а международные организации должны действовать в рамках своего мандата для защиты интересов своих бенефициаров. Эти различные мотивы впоследствии отражаются при конструировании и разработке систем ИИ. Некоторые утверждают, что в этом деле часто преобладают интересы получения прибыли[98].

92 Broeders and Dijstelbloem, 2016:242–260; Beduschi, 2019.

93 Parker, 2020a, 2020b.

94 Pasquale, 2015.

95 См. International Red Cross and Red Crescent Movement, Humanitarian Crises Digital Dilemmas, имеется по адресу https://digital-dilemmas.com.

96 Molnar, 2019; Parker, 2019; Kinstler, 2019.

97 Kuner and Marelli, 2020.

98 Madianou, 2019; Zuboff, 2019.

И наоборот, интересы мигрантов и защита их прав часто не учитываются при конструировании, разработке и внедрении этих технологий. Например, активисты и эксперты бьют тревогу по поводу доступа частного сектора к данным мигрантов и контроля над ними, часто без какого-либо значимого согласия[99]. Существуют также оговорки в отношении практики международных организаций в этой области, которая создает дополнительную бюрократию и может препятствовать защите мигрантов и беженцев[100]. Ученые также указывали на вызовы, связанные с монетизацией информации, полученной из данных о мигрантах, и на стимулы в сохранении кризисного нарратива[101].

Таким образом, для решения этих проблем и изменения баланса задействованных властных структур необходим подход, основанный на правах человека. Международные договоры о правах человека и Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека Организации Объединенных Наций предлагают всеобъемлющую основу для алгоритмической подотчетности[102]. Аналогичным образом, государства, международные организации и технологические компании должны придерживаться гуманитарного императива «не навреди» при конструировании, разработке и развертывании систем ИИ на протяжении всего цикла миграции[103]. Это позволяет обеспечивать, чтобы после развертывания такие системы ИИ не наносили ущерба тем группам населения, для обслуживания которых они предназначены.

Кроме того, государства и международные организации могут потребовать, чтобы поставщики технологий ИИ, включая поставщиков из частного сектора, соблюдали стандарты прав человека и основные принципы защиты данных. Для этой цели они могут использовать процессы государственных закупок[104]. Это может включать специальные пункты в уведомлениях о государственных закупках, требующие от поставщиков реализации технических и организационных мер для интеграции принципов защиты данных в системы ИИ по замыслу и по умолчанию[105]. Они также могут потребовать, чтобы поставщики технологий ИИ оценивали воздействие их продуктов на предмет соответствия стандартам в области прав человека до развертывания этих систем ИИ[106]. Такая практика может повысить алгоритмическую справедливость и подотчетность и предотвратить ситуации, в которых эти технологии тестируются на уязвимых группах населения, таких как некоторые группы мигрантов, без предварительной оценки рисков.

Заключение

Применение ИИ в области миграции и мобильности — явление не новое. Вместе с тем увеличение вычислительной мощности, развитие технологий и доступность больших объемов данных создали особенно благодатную почву для современного развития и распространения ИИ в этой области.

В этой главе был представлен анализ использования ИИ на каждом этапе цикла миграции, демонстрирующий, что такие технологии уже повлияли на политику и практику до отъезда, при въезде, во время пребывания и по возвращении мигрантов. Кроме того, в ней признается, что распространение ИИ на рынках труда, как ожидается, повлияет на долгосрочные модели миграции, поскольку технологии и автоматизация все больше влияют на будущее сферы труда во всем мире.

99 См., например, Molnar, 2019 and Madianou, 2019. См. также ГА ООН, 2019; СПЧ ООН, 2020a, 2020b.

100 Duffield, 2016; Read et al., 2016; Latonero, 2019.

101 Taylor and Meissner, 2019.

102 McGregor et al., 2019.

103 Sandvik et al., 2017.

104 Martin-Ortega and O'Brien, 2019; Beduschi, 2020b.

105 Kuner and Marelli, 2020.

106 Danish Institute for Human Rights, 2020.

ИИ, безусловно, дает ряд преимуществ для политики и практики. Например, системы ИИ могут повысить эффективность управления миграцией за счет оптимизации повторяющихся задач, которые зависят от просмотра больших объемов данных. В зависимости от того, как они спроектированы, разработаны и развернуты, системы ИИ могут ускорить проверку личности в пунктах пересечения границы. Они также могут способствовать более точному выявлению лиц, представляющих потенциальную угрозу безопасности.

В этой связи передовая практика включает применение средств машинного обучения с использованием алгоритмического анализа данных в целях поддержки расселения беженцев с помощью чат-ботов, предоставляющих информацию и консультационные услуги мигрантам в странах назначения. Также все больше внимания уделяется использованию ИИ для прогнозирования вероятности событий перемещения и тех групп населения, которым может угрожать перемещение, очевидно для оказания поддержки в случае таких событий и для их предупреждения.

Такие прогнозы могут помочь властям более эффективно подготовиться к большому наплыву людей. Это могло бы способствовать выполнению их обязательств в области прав человека[107]. Например, государственные органы могли бы действовать быстро и лучше подготовить свои приемные пункты, основываясь на прогнозах в отношении миграции и перемещений. Однако эти прогнозы можно также использовать для усиления политики запрета на въезд, понимаемой как меры, направленные на воспрепятствование доступу мигрантов и просителей убежища на территорию государства[108]. К ним относятся виды незаконной практики в связи с принципом запрещения высылки, запрещенной статьей 33 Конвенции о статусе беженцев и договорами о правах человека[109]. Поэтому важно признать, что системы ИИ также создают много рисков для защиты и соблюдения прав человека мигрантов в контексте миграции и мобильности.

Из этой главы можно сделать три основных вывода о последствиях для политики и практики:

- Системы ИИ могут усиливать существующие у людей предубеждения, а не просто кодировать их. В конечном итоге это может приводить к дискриминации и исключению людей на основании защищаемых признаков, включая расу и этническую принадлежность. Предвзятость — распространенная проблема, которая проникает в системы ИИ в различных секторах. Поэтому системы ИИ необходимо разрабатывать таким образом, чтобы преднамеренно и систематически стремиться устранять или уменьшать предвзятость на протяжении всего процесса, от сбора и анализа данных до этапов отчетности и оценки. Кроме того, гораздо лучше осознается, что чрезмерная зависимость от систем ИИ может привести к неправильным и предвзятым решениям, что требует от разработчиков политики и системных архитекторов обеспечения регулярного мониторинга и повторной калибровки систем, а также протоколов проверки человеком.

- Растущая датафикация миграции и мобильности может создавать и усиливать факторы уязвимости. Датафикация относится к различным типам данных, включая биометрические, спутниковые и большие данные, которые все чаще собираются, хранятся и используются для управления миграцией. Неправильные методы хранения данных и недостатки кибербезопасности могут привести к раскрытию конфиденциальной информации мигрантов. Это может иметь драматические последствия для мигрантов в случае попадания информации в руки злоумышленников. Такие опасения еще больше усугубляются взаимодействием между государственным и частным секторами. Технологические компании уже много лет позиционируют себя на гуманитарной и миграционной арене, что вызывает обеспокоенность по поводу защиты данных. Поэтому

107 КПЧ ООН, 2004.

108 Hathaway, 2005; Gammeltoft-Hansen and Hathaway, 2014.

109 ООН, 1951. См. также МПГПП (ООН, 1966: ст. 7) в толковании КПЧ ООН, 1992.

практика обмена данными и доступ к чувствительным данным со стороны частных корпораций должны иметь место только при наличии достаточных мер для гарантирования основных принципов защиты данных.

- Одним из ключевых аспектов, который в настоящее время лежит в основе анализа этой важной и стратегической области миграционной политики и практики, является та степень, в какой преобладает отсутствие прозрачности. В некоторой степени это, вероятно, подпитывается риском злонамеренных действий в сфере кибербезопасности с целью подрыва систем ИИ или контроля над ними[110]. Однако это само по себе создает различные риски, особенно в том, что касается нарушения прав человека.

Соответственно, для решения этих проблем и изменения баланса властных структур необходим подход, основанный на правах человека. Например, инструменты оценки воздействия на права человека можно использовать до развертывания систем ИИ. Это повысит алгоритмическую справедливость и подотчетность и предотвратит ситуации, в которых технологии ИИ тестируются на уязвимых группах населения, таких как мигранты и беженцы, без предварительной оценки рисков. Соблюдение императива «не навреди» при конструировании, разработке и развертывании систем ИИ может способствовать снижению некоторых рисков, связанных с этими технологиями, на протяжении всего цикла миграции.

110 Lohn, 2020.

Page left intentionally blank

MARIE MCAULIFFE
ADRIAN KITIMBO
BINOD KHADRIA

ДММ 2020 ПОВТОР

Примечание редактора: Эта глава впервые увидела свет в *Докладе о миграции в мире 2020*. Исследование, проведенное для этой главы, побудило нас глубже копнуть тему дезинформации, в результате чего в этом труде появилась глава 8, посвященная дезинформации в отношении миграции. Вместе с тем последние два года показали, что проблема не утратила своей остроты. Фактически, наряду с дезинформацией о COVID-19, только усугубились огромные вызовы в том, что касается сбалансированных и точных отчетов о вкладе мигрантов. Итак, здесь, в этом труде, вновь повторяется суть вопроса для того, чтобы напомнить нам о важности этой темы и чтобы еще больше читателей могли ознакомиться с ее содержанием.

12 РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВКЛАДЕ МИГРАНТОВ В ЭПОХУ РАСТУЩЕЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ И ДЕЗИНФОРМАЦИИ[1]

Введение

Просмотр предыдущих докладов о миграции в мире и других политических и научных публикаций на темы международной миграции показывает, что в течение определенного времени преобладали как минимум два наблюдения: i) признание того, что миграция, особенно иммиграция, стала актуальной проблемой международной и национальной политики; и ii) что публичный дискурс о миграции все больше поляризуется при постепенном сужении пространства для сбалансированного, строгого и фактологически обоснованного анализа[2]. Хотя характер публичного дискурса со временем изменяется, существует широкое признание того факта, что за последние несколько лет еще больше усилилась «токсичность» дискуссий о миграции, причем обсуждение связанных с ней вопросов все чаще имеет политическую подоплеку, сеющую страх и раздор[3]. Дестабилизация и дезинформация все шире используются в тактике борьбы за приход к власти при негативном воздействии на публичный, политический и социально-сетевой дискурс, на общественные ценности и на вопросы государственной политики, в частности касающиеся миграции, перемещения и мигрантов (включая беженцев)[4].

Имея дело с зачастую негативным уклоном в дискуссиях о миграции и мигрантах, можно упустить из виду тот факт, что усилия людей, направленные на укрепление мира и процветания в современную эпоху, которые опирались на миграцию, в целом были успешными, а в конкретных ключевых областях - весьма успешными (в частности в отношении искоренения отдельных смертельных заболеваний или борьбы с ними и резкого сокращения уровня младенческой смертности после усилий, предпринятых странами в соответствии с Целями в области развития, сформулированными в Декларации тысячелетия, на 2000-2015 годы)[5]. Мигранты обеспечивают источник динамики в глобальном масштабе и чрезвычайно широко представлены в областях инноваций и патентов, среди награжденных за достижения в искусстве и науках, среди основателей стартапов и успешных компаний. Этот исторический и современный вклад все чаще остается в тени или игнорируется в последних дискуссиях о международной миграции, при этом многие примеры этого вклада со временем становятся «обыденными», но все же очевидными (а временами даже примечательными).

Легко также упустить из поля зрения, что международная миграция по-прежнему является относительно необычным явлением, так как к числу международных мигрантов относится всего лишь 3,5% населения мира (более подробную информацию см. в главе 2 настоящего доклада). Несмотря на эту малую пропорцию, общая численность международных мигрантов увеличилась за последние десятилетия, достигнув 272 млн

1 Мари Маколифф, Руководитель Отдела исследований по вопросам политики в области миграции МОМ; Адриан Китимбо, научный сотрудник Отдела исследований по вопросам политики в области миграции МОМ; и Бинод Хадрия, профессор Университета Джавахарлала Неру.

2 GCIM, 2005; Martin, Larkin and Nathanson, 2000; McAuliffe and Ruhs, 2017.

3 Fisher, 2017; Kaufmann, 2017; Zappettini and Krzyzanowski, 2019.

4 Morgan, 2018.

5 Mathers et al., 2018.

человек, что сопоставимо с численностью общего населения Индонезии (269 млн человек)[6]. В настоящее время нам известно, что в отличие от миграции мобильность становится гораздо более преобладающим явлением, в связи с чем некоторые утверждают, что пришло время переосмыслить то, как мы концептуально понимаем и рассматриваем эти вопросы[7].

В этом контексте для сбалансированного обсуждения миграции важно вновь напомнить о многих сферах в которых мигранты внесли свой вклад на транснациональном, национальном и местном уровнях. Это не означает, что международная миграция и перемещение не создают проблем для общин в странах происхождения, транзита и назначения (а также для самих мигрантов), и многие другие главы в настоящем докладе посвящены таким проблемам. Однако, составляя эту главу, мы признаем, что многие примеры того, как мигранты вносят свой вклад в развитие обществ, в настоящее время выпадают из поля зрения, недооцениваются или принимаются как должное, и цель настоящей главы заключается в том, чтобы выдвинуть этот вклад мигрантов на первый план.

В следующем разделе содержится описание основных понятий, касающихся вклада, которые обеспечивают аналитические рамки для этой главы в контексте богатого массива академических и политических трудов на эту тему. Затем мы переходим к описанию и анализу вклада мигрантов на глобальном уровне с упором на социально-культурные, гражданско-политические и экономические аспекты. После этого в главе рассматриваются вновь возникающие препятствия, которые мешают признанию вклада мигрантов на глобальном уровне, и, наконец, приводится набросок выводов для обсуждений по вопросам политики и для дальнейших исследований.

Что такое «вклад»?

Вносить вклад означает предоставлять что-либо - деньги, время, идеи, труд, материальные блага - в целях достижения чего-либо совместно с другими людьми[8]. Вне личных отношений, таких как отношения с семьей и друзьями, и в контексте социологии и теории социальных изменений под «вкладом» подразумевается часть более широких взаимодействий и взаимоотношений с лицами, группами и институтами в обществе. Иными словами, внесение вклада происходит в рамках более широких структурных условий и социальных процессов, поддерживающих и формирующих общество. Оно может подразделяться на широкие категории вклада в социально-культурной, гражданско-политической или экономической сферах (см. определения в текстовой вставке).

Социально-культурная сфера затрагивает различные группы людей в обществе и их обычаи, традиции и убеждения.

Гражданско-политическую сферу образует участие в выполнении гражданских обязанностей в условиях признаваемой власти государства.

Экономическая сфера включает аспекты, связанные с торговлей, промышленностью или финансами.

Источники: Cambridge Dictionary, 2019; Almond and Verba, 1963.

6 ДЭСВ ООН, 2019.

7 Deutschmann and Recchi, 2019; Skeldon, 2018. См. также рассмотрение мобильности в главе 1.

8 Cambridge Dictionary, 2019.

По мере роста значимости миграции в сферах государственной политики и научных исследований сами по себе мигранты становились новым объектом более пристального рассмотрения как отдельные подгруппы населения в более широких группах населения стран с учетом структурных условий, с которыми они сталкиваются, особенно в странах назначения[9]. Растущее число исследователей, разработчиков политики и представителей средств массовой информации посвящают свое время рассмотрению того, как люди въезжают в новую страну, остаются и обосновываются в ней[10]; при этом первые из них сосредоточиваются на понимании демографических, географических, экономических, правовых/политических и других факторов[11]; вторые - на том, как обеспечить наилучшее соответствие задачам политики (если она определена); а третьи - на критическом изучении и комментариях действий и тех, и других. Исследователи продолжают изучать динамическую взаимосвязь, существующую между мигрантами (включая потенциальных мигрантов) и миграционными процессами, с одной стороны, и соответствующими факторами - с другой. Например, из имеющихся фактических данных и их анализа нам известно, что вклад, на который способны мигранты в условиях страны назначения, как и страны происхождения, частично зависит от правовых и политических рамок, в частности воздействующих на способность как легальных, так и нелегальных мигрантов пребывать в стране, участвовать в общественной деятельности, трудиться на законных основаниях и делать денежные переводы, а также возвращаться домой (см. главу 6 этого доклада)[12]. Вносимый вклад также связан с демографическими и социально-экономическими характеристиками, поскольку в тех случаях, когда лица, решившие мигрировать, обладают более высокой квалификацией, уровнем образования и более широкими возможностями, в конечном счете это с большей вероятностью найдет свое отражение во внесении вклада в самом разном смысле в странах происхождения и назначения[13].

В более общем плане, согласно исследованиям в области миграции (см. главу 4 настоящего доклада) существует признание того, что значительная часть анализа проблематики мигрантов проводится с точки зрения страны назначения[14], причем некоторые утверждают, что ведущая по иммиграции страна в мире - Соединенные Штаты - оказывает несоразмерно большое влияние на изучение мигрантов во всем мире[15]. С учетом этого обстоятельства в настоящей главе делается попытка отразить более широкий опыт вклада международных мигрантов путем использования последних исследований и анализа в отношении стран назначения и происхождения[16]. Расценивая и представляя главу таким образом, мы признаем, что не претендуем на обобщение всей существующей литературы и не предполагаем, что выводы, фигурирующие в главе, являются репрезентативными. Однако мы признаем важность внедрения разумного географического и тематического *разнообразия* исследований и анализа по этой теме, что в итоге сделало бы Доклад о миграции в мире подлинно *всемирным*.

9 Dennison and Drazanova, 2018.

10 В главе 4 описан рост объема научно-исследовательской литературы в количественном выражении; в главе 11 рассматриваются вопросы глобального регулирования миграции.

11 См., например, труды о кумулятивной каузальности (Massey, 1990), неоклассической экономике (Todaro, 1989), теории мировой системы (Wallerstein, 1974; Portes and Walton, 1981), новой экономике трудовой миграции (Stark and Bloom, 1985) и теории социальных сетей (Boyd, 1989).

12 Baldwin-Edwards, 2008; Kanko and Teller, 2014; Shah, 2009.

13 Goldin, 2018; Hunt, 2010.

14 Carling, 2015; Castles, 2010; McAuliffe and Laczko, 2016; Morawska, 2008.

15 FitzGerald, 2014.

16 Хотя в этой главе основное внимание уделяется *международной миграции*, мы признаем, что она может быть также актуальной для внутренней миграции в некоторых странах. См. Weiner (1978) в отношении примеров дестабилизации и дезинформации, приводящих к конфликтам и дискриминации в отношении мигрантов, переезжающих из одних штатов в другие в Индии.

Важно отметить, что в этой главе отсутствует оценка общего воздействия миграции в этих условиях. Исследования по воздействию миграции многочисленны и хорошо задокументированы (см., например, текстовую вставку ниже)[17]; они обеспечивают важное знание и анализ сути связанных с этим вопросов. В своей совокупности эти труды сосредоточены в основном на экономическом, а не социально-культурном или гражданско-политическом воздействии, что объясняется, в частности, более полной стандартизацией экономических переменных, которая способствует сравнительному анализу. В текстовой вставке ниже приводятся некоторые примеры последних публикаций об экономическом воздействии миграции, включая некоторые эмпирические оценки.

Оценка экономического воздействия миграции

Оценивание общего экономического воздействия миграции является темой напряженных дискуссий в политических и директивных кругах. К числу последних публикаций на эту тему относятся следующие работы:

- «*Исключительные люди: как миграция сформировала наш мир и будет определять наше будущее*» (авторы Голдин, Камерон и Балараджан). В этой работе показано, что среди экономистов существует широкий консенсус в отношении того, что для стран назначения иммиграция является катализатором экономического роста на агрегированном уровне и приносит чистые экономические выгоды. Однако авторы также признают, что продолжаются прения о том, как измерить эти результаты[a].

- В докладе Глобального института Маккинзи «*Люди в пути: воздействие и возможности глобальной миграции*» делаются аналогичные выводы и отмечается, что в 2015 году вклад мигрантов в глобальный валовой внутренний продукт (ВВП) составил свыше 9%, или 6,7 триллиона долл. США[b].

- В документе Международного валютного фонда «*Международная миграция: последние тенденции, экономическое воздействие и выводы для политики*» делается вывод о том, что экономическое воздействие миграции различается в зависимости от страны и что, хотя миграция создает проблемы, она также приносит выгоды странам происхождения и назначения[c].

- В работе Голдина и др. «*Миграция и экономика: экономические реалии, социальные последствия и политический выбор*» отмечается, что иммиграция положительно воздействует на экономический рост и что это происходит в целом ряде отношений: многие мигранты находятся в более молодом возрасте по сравнению с местным населением и поэтому оказывают более значительное позитивное воздействие как на ВВП на душу населения, так и на общий (совокупный) ВВП; миграция повышает производственную отдачу в расчёте на одного работника путем роста человеческого капитала; иммиграция стимулирует общую факторную производительность и инновации. В докладе утверждается, что, если бы иммиграция в Соединенное Королевство и Германию прекратилась в 1990 году, реальный ВВП обеих стран в 2014 году был бы ниже, соответственно, на 175 млрд фунтов стерлингов и 155 млрд фунтов стерлингов[d].

17 См. также *Доклад о миграции в мире 2005 года* (МОМ, 2005).

- Воздействие на рынки труда, включая ставки заработной платы, широко варьируется, часто являясь ничтожным, и в основном определяется тем, как квалификация мигрантов дополняет квалификацию местных работников[e]. Как утверждает Рухс в работе «*Цена прав: регулирование международной трудовой миграции*», в долгосрочной перспективе возможно обратное воздействие по мере адаптации экономики к иммиграции[f].

- В работе Клеменса, Хуана и Грэма «*Экономические и бюджетно-финансовые последствия предоставления беженцам официального доступа на рынок труда*» отмечается, что, как об этом свидетельствуют большинство фактических данных, средний эффект притока беженцев на рынки труда как в развитых, так и развивающихся странах является небольшим или ничтожным[g].

a Goldin, Cameron and Balarajan, 2011.
b McKinsey Global Institute, 2016.
c IMF, 2015.
d Goldin et al., 2018.
e Ibid.
f Ruhs, 2013.
g Clemens, Huang and Graham, 2018.

ХОТИТЕ УЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Для получения доступа к полной главе и справочным материалам нажмите на эту ссылку: https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020-russian.

CHICAGO
BULLS

Добавления

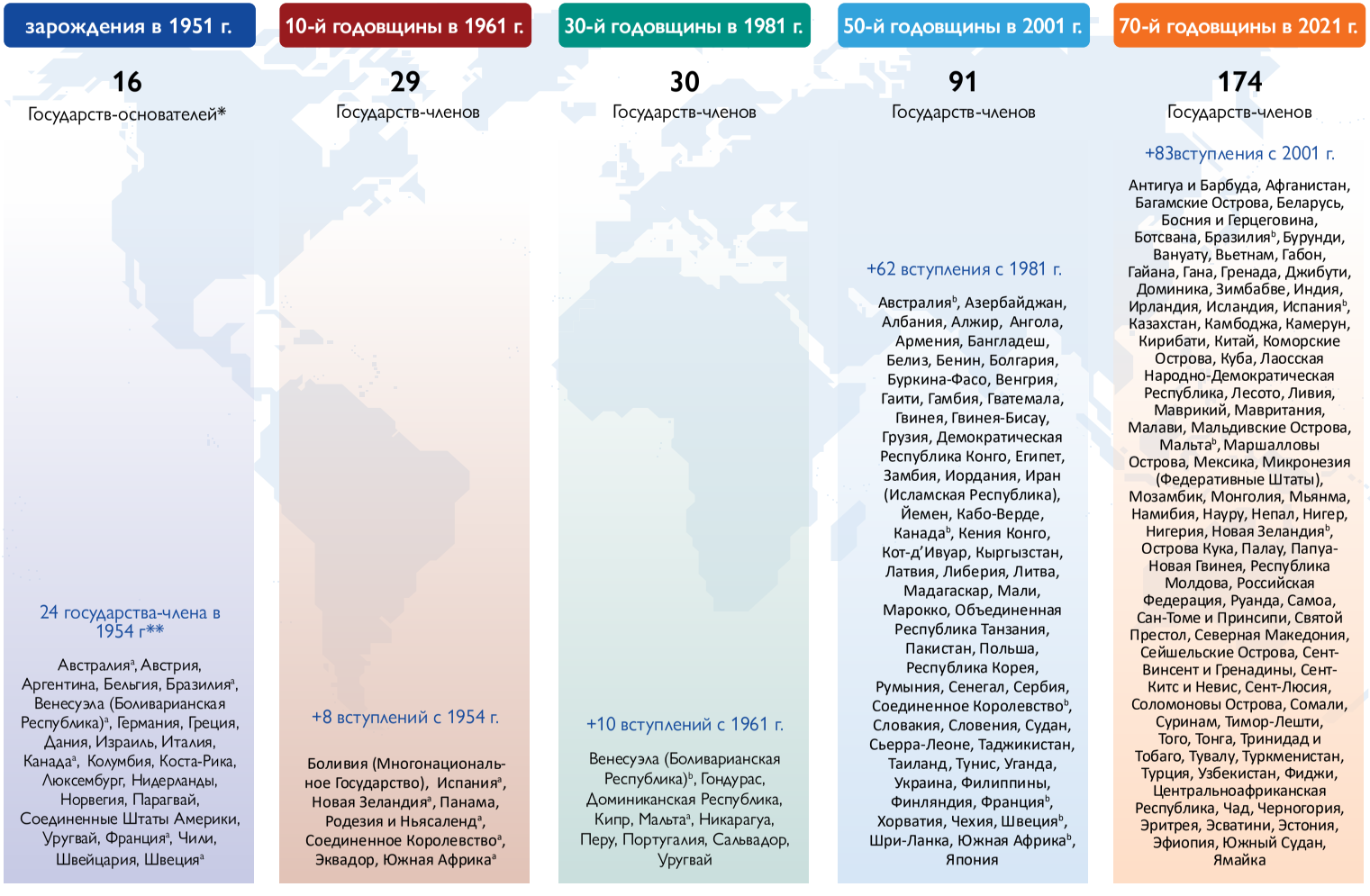
Глава 1

Добавление A. Международная организация по миграции: 70 лет

В 2021 году исполняется 70 лет МОМ, которая была создана как комитет по работе с переселенцами, перемещенными во время Второй мировой войны. После более чем 65 лет работы в 2016 году МОМ официально вошла в систему Организации Объединенных Наций в качестве смежной организации.

С 2016 года МОМ вновь подтвердила свой статус ведущего агентства по миграции в мире - статус, который она постепенно приобрела за 70 лет своего существования. Различные названия Организации с момента ее создания свидетельствуют о ее способности реагировать на крупные геополитические события и бедствия, а также о признании миграции в качестве глобальной проблемы. Руководствуясь принципом, согласно которому гуманная и упорядоченная миграция приносит пользу мигрантам и обществу, МОМ проводит свою деятельность по поддержке мигрантов, сообществ и различных заинтересованных сторон, которая теперь распространяется на весь миграционный цикл и на основные сквозные вопросы, такие как устойчивое развитие, здравоохранение, окружающая среда и изменение климата. По мере роста объема работы и роли МОМ росло также и количество ее государств-членов, как это показано на рисунке ниже.

Членский состав Организации на момент ее...



Примечания: На рисунке используются официальные названия стран по состоянию на 16 сентября 2021 года, за исключением Федерации Родезии и Ньясаленда, которая прекратила свое существование в 1963 году.

* Государства, подписавшие резолюцию от 5 декабря 1951 года о создании Временного межправительственного комитета по миграционному движению из Европы (ВМКМДЕ), а именно: Австралия, Австрия, Бельгия, Многонациональное Государство Боливия, Бразилия, Германия, Греция, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Соединенные Штаты Америки, Турция, Франция, Чили и Швейцария. Процесс членства официально начался после продления мандата ВМКМДЕ в качестве Межправительственного комитета по европейской миграции (МКЕМ) в 1952 году.

** Государства, которые первоначально присоединились к Организации до вступления в силу Устава МКЕМ 30 апреля 1954 года. Хотя Уругвай изначально считался государством-членом, формально он стал таковым только после ратификации Устава Организации в 1965 году.

a Государства, которые впоследствии вышли из Организации.

b Государства, которые были повторно приняты в члены Организации.

Данная карта приводится исключительно в целях иллюстрации. Показанные границы и названия и обозначения, употребляемые на этой карте, не означают официального одобрения или признания со стороны Международной организации по миграции.

Начиная с 2016 года произошли четыре важных события, благодаря которым МОМ утвердилась в роли ведущей глобальной организации по миграции.

2018 год – МОМ и ее Генеральный директор становятся координатором Сети ООН по вопросам миграции

После оказания поддержки государствам на протяжении всего процесса разработки Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции МОМ была назначена координатором Сети Организации Объединенных Наций по вопросам миграции (СМООН), созданной в 2018 году для оказания помощи государствам в осуществлении Глобального договора о миграции[1]. Выступая в этом качестве, Генеральный директор МОМ несет главную ответственность за укрепление сотрудничества между членами СМООН в отношении функционирования сети и определения приоритетов действий; обеспечение бесперебойной работы Сети, в том числе путем обеспечения работы эффективного секретариата, размещенного в МОМ; содействие регулярному взаимодействию между руководителями Исполнительного комитета; информирование системы Организации Объединенных Наций и других заинтересованных сторон о новых событиях и достижениях; и сбор средств для СМООН при поддержке Исполнительного комитета[2].

2019 год – МОМ принимает свою Стратегическую концепцию на 2019–2023 годы

Стратегическая концепция МОМ была принята в порядке признания того, что статус МОМ как мирового лидера в области миграции и текущие возникающие проблемы в области миграции требуют от Организации стратегического подхода и планирования[3]. Стратегическая концепция отражает представление МОМ о своих потребностях и приоритетах, основанное на ландшафтной оценке положения, которое сложится в следующее десятилетие. Она также определяет направление развития Организации на пятилетний период на основе трех основных компонентов и ряда стратегических приоритетов.

2020 год и далее – МОМ поддерживает сообщества в реагировании на пандемию COVID-19

МОМ быстро продемонстрировала свою оперативность в реагировании на распространение COVID-19. В феврале 2020 года МОМ ввела в действие свой Стратегический план обеспечения готовности и реагирования на COVID-19, впоследствии обновленный с учетом меняющихся оперативных реалий и потребностей и способствовавший мобилизации в общей сложности 618,9 млн долл. США для 140 стран[4].

В 2021 году МОМ приняла новый Стратегический план реагирования и восстановления после COVID-19 на 2021 год, изначально предусматривавший выделение 822 868 000 долл. США для 141 страны[5]. Разработанный на основе плана на 2020 год, план на 2021 год сосредоточен на восстановлении с учетом четырех стратегических целей:

1. Обеспечение непрерывности предоставления услуг, снижение рисков и защита людей;
2. Расширение охвата мерами общественного здравоохранения и укрепление систем здравоохранения отвечающих интересам мобильности;
3. Смягчение социально-экономических последствий COVID-19, возобновление мобильности людей и расширение возможностей обществ; и
4. Информационная поддержка усилий в области реагирования и восстановления и укрепление процесса принятия решений на основе фактических данных.

1 См. www.iom.int/gcm-development-process и https://migrationnetwork.un.org/.
2 См. https://migrationnetwork.un.org/coordinator.
3 См. www.iom.int/strategy.
4 МОМ, 2020b.
5 МОМ, 2021c.

Реагирование МОМ на пандемию COVID-19: основные моменты 2020 года

- Свыше 37 миллионов бенефициаров были охвачены риск-коммуникацией и усилиями по вовлечению общественности в связи с COVID-19;
- Свыше 107 000 человек получили ту или иную помощь в связи с возвращением, а более чем 2600 застрявших мигрантов - прямую поддержку для безопасного и достойного возвращения;
- Закуплено и распределено по всему миру свыше 21,8 млн непродовольственных товаров;
- Свыше 19 миллионов человек во всем мире были обеспечены критически важными средствами водоснабжения, санитарии и гигиены (ВСГ), включая свыше 5 миллионов человек в лагерях и/или в подобных условиях;
- Свыше 2 миллионов человек в лагерях и подобных условиях воспользовались модернизацией мест пребывания в соответствии с потребностями, обусловленными COVID-19;
- МОМ предоставила свыше 109 000 тестов на COVID-19 во всем мире; и
- Около 239 000 человек во всем мире получали поддержку в виде средств к существованию.

См. МОМ, *Обеспечение готовности и реагирование на COVID-19: доклад о достижениях за 2020 год (МОМ, 2020c).*

2021 год – МОМ назначает двух новых заместителей Генерального директора

Антониу Витторину
Генеральный директор

Угочи Флоренс Дэниэлс
Заместитель Генерального директора по операциям

Эми Э. Поуп
Заместитель Генерального директора по управлению и реформам

Назначение двух новых заместителей Генерального директора, выбранных Генеральным директором Антониу Витторину 31 мая 2021 года, стало крупным прорывом в истории высшего руководства МОМ. С момента своего основания в 1951 году МОМ управляется одним Генеральным директором при поддержке одного заместителя Генерального директора, а всего за эти годы работали девять заместителей Генерального директора. По предложению Генерального директора МОМ государства-члены согласились с тем, что пришло время укрепить структуру высшего руководства МОМ путем создания двух должностей заместителей Генерального директора, один из которых будет заниматься оперативной деятельностью, а другой — управлением и реформами[6].

Назначение г-жи Угочи Флоренс Дэниэлс заместителем Генерального директора по операциям и г-жи Эми Э. Поуп заместителем Генерального директора по управлению и реформам задало новое стратегическое направление для Организации, начиная со штаб-квартиры МОМ, в которой в настоящее время проводится реструктуризация[7].

6 См. https://governingbodies.iom.int/system/files/en/council/4h_Special/C-Sp-4-RES-1385%20-%20Strengthening%20the%20senior%20leadership%20structure%20of%20the%20Organization.pdf.

7 См. www.iom.int/news/iom-announces-appointment-new-deputy-directors-general.

Добавление B. Освещение работы региональных отделений МОМ в год 70-летия Организации[8]

АФРИКА[9]

Региональное отделение для Восточной Африки и Африканского Рога

МОМ работает в регионе Восточной Африки и Африканского Рога (ВААР) с 1985 года, и ее отделение в Кении открылось в Африке первым. Региональное отделение МОМ в Найроби координирует деятельность МОМ в 10 странах региона[10]. Отделение МОМ в Эфиопии выполняет двойную функцию специального отделения по связям с Африканским союзом и Экономической комиссией Организации Объединенных Наций для Африки, а Африканский центр МОМ по укреплению потенциала находится в Объединенной Республике Танзания. МОМ тесно сотрудничает с Восточноафриканским сообществом (ВАС) и Межправительственной организацией по развитию (ИГАД). МОМ подписала меморандумы о взаимопонимании (МОВ) с обоими учреждениями, которые способствуют осуществлению Региональным отделением связующей и координирующей роли в целях укрепления регионального сотрудничества и диалога по вопросам миграции. Эти отношения позволяют МОМ воплощать политические решения в практические программные и политические меры на региональном и национальном уровнях. В регионе действуют несколько механизмов межгосударственных консультаций по вопросам миграции (ММГК)[11], в которых МОМ имеет статус наблюдателя и либо обеспечивает, либо поддерживает работу их секретариатов.

Основные факты и цифры по Региональному отделению для ВААР в Найроби, 2020 год	
Количество мигрантов, которым была оказана помощь	1 479 370
Количество проектов МОМ	246 активных проектов МОМ по местам управления и 545 проектов по местам реализации
Количество государств-членов в регионе	10
Количество отделений	101
Количество сотрудников	5686[12]
Количество национальностей, представленных сотрудниками	28

8 Дополнительную информацию, в том числе о региональных проектах, региональных публикациях и региональных данных, см. на веб-сайтах региональных отделений (в оригинале). Просьба учитывать, что за проверку данных, полученных от региональных отделений и представленных в этом добавлении, несут ответственность сами отделения, а не исследовательская группа доклада.

9 Регионы МОМ не совпадают с географическими регионами и субрегионами Организации Объединенных Наций. Составы регионов Организации Объединенных Наций см. в добавлении к главе 3.

10 Бурунди, Джибути, Кения, Объединенная Республика Танзания, Руанда, Сомали, Уганда, Эритрея (вскоре откроется), Эфиопия и Южный Судан.

11 Диалог по миграции для региона ИГАД (ДМ-ИГАД); Инициатива Африканского союза по борьбе с торговлей людьми и незаконным провозом мигрантов в районе Африканского Рога (ИнАР АС); Диалог Группы государств Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона – ЕС по вопросам миграции (ДМ АКТ-ЕС); Панафриканский форум по миграции (ПАФОМ); и Региональный форум на уровне министров по вопросам миграции для стран Восточной Африки и Африканского Рога (РМФМ), Диалог по миграции для КОМЕСА (МИДКОМ), Арабский региональный консультативный процесс по вопросам миграции, ДМ-ИГАД, МИДКОМ и ПАФОМ.

12 Обратите внимание, что в это количество входят сотрудники, консультанты, стажеры, добровольцы Организации Объединенных Наций и др.

Основные направления работы	Чрезвычайное и гуманитарное реагирование, переселение беженцев и оценки состояния здоровья; миграция, окружающая среда и изменение климата; иммиграционное и пограничное управление; миграция и здоровье; трудовая миграция; миграция и развитие; взаимодействие с диаспорой; предоставление защиты и помощи мигрантам; борьба с торговлей людьми; возвращение и реинтеграция; и регулирование миграции, политика, данные и исследования.
Основные публикации	• Серия докладов *«Регион в движении»* иллюстрирует основные гуманитарные ситуации и смешанные миграционные потоки по основным миграционным коридорам[13]. • В серии «Исследование Восточного маршрута» изучаются движущие силы миграции, процесс принятия решений и опыт миграции[14]. • *Гендерные модели миграции женщин и девочек по Восточному коридору (декабрь 2020 года)*[15]. • *Исследование воздействия: методологический доклад. Методологический доклад по оценке воздействия Совместной инициативы ЕС-МОМ по защите и реинтеграции мигрантов в регионе Африканского Рога*[16]. • *«Жизнь в условиях пандемии: голод, миграция и перемещение в регионе Восточной Африки и Африканского Рога» (июнь 2021 года)* — совместная публикация МОМ и Всемирной продовольственной программы, в которой анализируется, как COVID-19 повлиял на продовольственную безопасность, перемещение, миграцию и защиту в регионе[17].
Региональная веб-страница	https://ronairobi.iom.int/
Региональная стратегия	*Региональная стратегия для Восточной Африки и Африканского Рога на 2020–2024 годы*[18].

Основные изменения в регионе ВААР после присоединения МОМ к системе Организации Объединенных Наций

Региональная интеграция: МОМ работает с государствами-членами и региональными экономическими сообществами (РЭС) в целях содействия мобильности и поддержки региональной интеграции, в том числе посредством программного технического руководства.

(a) **Увеличение продолжительности кризисов, создающих нестабильность и имеющих потенциально разрушительное воздействие.** За последние 12 месяцев прогресс на пути к миру оказался под угрозой. Большинство стран региона по-прежнему страдают от бедствий, вызванных опасными стихийными явлениями, изменением климата и ухудшением состояния окружающей среды, а также нашествием пустынной саранчи, подорвавшим продовольственную безопасность. Соответственно, на конец 2020 года в регионе Восточной Африки и Африканского Рога находилось примерно 6,5 миллиона внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) и 3,6 миллиона беженцев и лиц, ищущих убежища.

13 МОМ, 2021d.
14 МОМ, 2020d.
15 МОМ, 2020e.
16 МОМ, 2020f.
17 МОМ, 2021e.
18 МОМ, 2020g.

(b) **Укрепление позиций транснациональной организованной преступности.** Большой Африканский Рог является легкой мишенью для организованных транснациональных преступных сетей, занимающихся, среди прочего, незаконным провозом людей, торговлей людьми, незаконными денежными переводами и насильственным экстремизмом. В порядке реагирования МОМ активно поддерживает государства-члены в координации обмена информацией и оперативными данными в режиме реального времени посредством внедрения и поддержки Системы анализа информации и данных о миграции (МИДАС) - системы регистрации въезда и выезда, которая фиксирует, перепроверяет, верифицирует и хранит данные о путешественниках и способствует борьбе как с торговлей людьми, так и с незаконным ввозом мигрантов в регионе Восточной Африки и Африканского Рога.

(c) **Сохранение уязвимости мигрантов с неурегулированным статусом.** Межрегиональное социально-экономическое неравенство побуждает людей нелегально мигрировать из региона, в основном в поисках лучших экономических возможностей. В порядке реагирования МОМ оказывает жизненно важную помощь уязвимым и оказавшимся в затруднительном положении мигрантам посредством оказания услуг по защите и спасения жизни людей на маршрутах миграции в районе Африканского Рога, уделяя особое внимание жертвам торговли людьми, несовершеннолетним и другим мигрантам, находящимся в уязвимом положении. В своем программировании МОМ использует маршрутный подход, привлекая соответствующие правительства и партнерские организации к разработке и реализации мероприятий.

Важные моменты: реагирование МОМ на COVID-19 в Региональном отделении для ВААР, Найроби, 2020 год

МОМ осуществляла операции, связанные с COVID-19, в **9 странах**.

На мероприятия по борьбе с COVID-19 потрачено **21,2 млн долл. США**.

Число бенефициаров риск-коммуникации и усилий по вовлечению общественности в связи с COVID-19 составило **7 023 392 чел**.

Ту или иную помощь в связи с возвращением получили **6917** чел.

Необходимыми средствами водоснабжения, санитарии и гигиены (ВСГ) были обеспечены **472 367** чел.

Оказана поддержка проведению **53 067** тестов на COVID-19.

8189 чел. получили средства к существованию.

Свыше 1,1 млн чел. в лагерях или подобных условиях воспользовались модернизацией мест пребывания в соответствии с потребностями, обусловленными COVID-19.

3 страны - Джибути, Кения и Эфиопия - получили помощь в управлении карантином.

(d) **Постоянное возобновление вспышек заболеваний, эпидемий, пандемий, зоонозов и других угроз общественному здравоохранению.** Для региона характерны страны с неустойчивыми и неадекватными системами здравоохранения, включая аспекты мобильности людей в повестке дня общественного здравоохранения. Пандемия COVID-19, которая еще больше обнажила эти проблемы, привела к исключению мигрантов из национальных планов реагирования, в результате чего они оказались в затруднительном положении без возможности доступа к тестированию и основной медицинской помощи или подверглись принудительному возвращению. В порядке реагирования МОМ оказывает непосредственную помощь мигрантам и другим уязвимым группам, находящимся в процессе перемещения, и тесно сотрудничает с другими учреждениями Организации Объединенных Наций в деле укрепления потенциала государств-членов по решению проблемы мобильности людей во время вспышек заболеваний.

В декабре 2020 года РО МОМ для ВААР совместно с министрами всех государств-членов региона и главами Межправительственной организации по развитию (ИГАД) и Восточноафриканского сообщества (ЕАС) приняло свою региональную стратегию на 2020–2024 годы.

В апреле 2020 года РО МОМ для ВААР выступило с призывом о мобилизации средств на региональное стратегическое реагирование на COVID-19 в 2020 году с потребностью в финансировании в размере 73,9 млн долл. США, из которых ему удалось обеспечить почти 70%.

Трудовая миграция: в январе 2021 года участники министерской конференции высокого уровня в Найроби открыли совещание Регионального министерского форума по миграции для стран Восточной Африки и Африканского Рога (РМФМ) на тему «Гармонизация политики в области трудовой миграции в странах Восточной Африки и Африканского Рога – единый подход к безопасной, легальной и гуманной трудовой миграции». В РМФМ приняли участие 11 стран ВААР[19].

- Миграция, окружающая среда и изменение климата (МОСИК): создание и расширение регионального отдела МОСИК было достигнуто за счет назначения регионального тематического специалиста в 2018 году. С тех пор портфель МОСИК значительно вырос благодаря расширению региональных и национальных сетей (правительств, Организации Объединенных Наций и др.), проектов государственного уровня и региональной межведомственной совместной программы, финансируемой по линии Многостороннего партнерского целевого фонда (МПЦФ) по миграции.

- Региональный центр данных (РЦД) для Восточной Африки и Африканского Рога: созданный в начале 2018 года РЦД поддерживает фактологически обоснованные обсуждения на стратегическом и политическом уровне по вопросам миграции посредством сочетания ряда инициатив. Опубликованные документы РЦД внесли значительный вклад в укрепление потенциала МОМ в плане предоставления знаний, накопленных на основе ее богатого опыта оперативной деятельности.

- Осуществление Совместной инициативы ЕС-МОМ по защите и реинтеграции мигрантов в рамках Хартумского процесса стран Африканского Рога: эта флагманская программа помощи в добровольной репатриации и реинтеграции (ПДРР) и укрепления соответствующего потенциала финансируется Целевым фондом Европейского союза. В соответствии с этой программой в странах Африканского Рога осуществлялась поэтапная реализация Комплексного подхода МОМ к реинтеграции, в ходе которой в тесном сотрудничестве с государственными органами и 67 местными государственными и негосударственными партнерами по реинтеграции была предоставлена не только экономическая, но и социальная и психосоциальная помощь в реинтеграции более чем 8500 репатриантов[20], а также оказана помощь членам принимающего сообщества.

- Управление границами: МОМ предприняла различные меры, направленные на поддержку интеграции стран Восточной Африки и Африканского Рога в области оцифровки информационных систем управления границами. В частности, это относится к Системе анализа данных о миграции (МИДАС), предназначенной для управления границами и данными, а также к партнерству с Интерполом в работе с системой оповещения I-24/7, которая направлена на снижение мобильности известных и подозреваемых террористов.

- Программирование в области здравоохранения в первую очередь предназначено для реагирования на чрезвычайные ситуации и затяжные кризисы, благодаря которому МОМ позиционируется в числе передовых учреждений здравоохранения, которое управляет пунктами первичной медико-санитарной помощи в различных условиях с проведением информационно-просветительской деятельности, занимается организацией риск-коммуникации и вовлечением общественности, а также оказанием помощи государствам-членам в укреплении их потенциала в плане выполнения Международных медико-санитарных

19 Кения, Бурунди, Джибути, Эритрея, Эфиопия, Сомали, Южный Судан, Судан, Руанда, Уганда и Объединенная Республика Танзания.

20 Общее количество по состоянию на 31 декабря 2020 года.

правил в пунктах въезда. В настоящее время Отдел здоровья мигрантов (ОЗМ) работает над переходом от служб неотложной помощи к развитию системы здравоохранения с целью интеграции мигрантов в национальные планы здравоохранения, включая планы по обеспечению готовности, реагирования и всеобщего охвата услугами системы здравоохранения.

Региональное отделение для Западной и Центральной Африки

Региональное отделение МОМ для Западной и Центральной Африки (ЗЦА) было создано в 1998 году в Дакаре, Сенегал, и охватывает своей деятельностью 23 страны[21]. С момента своего создания Региональное отделение для ЗЦА сотрудничает в области миграции с правительствами и другими заинтересованными сторонами в регионе Западной и Центральной Африки для решения проблем и использования возможностей, связанных с динамичными миграционными моделями и тенденциями. Деятельность МОМ направлена на установление увязок между миграцией и развитием; противодействие торговле людьми; помощь в добровольном возвращении и поддержку реинтеграции мигрантов, возвращающихся в регион; достижение устойчивых коллективных результатов в рамках взаимосвязи между гуманитарной деятельностью, развитием и миром; повышение жизнестойкости общин; улучшение доступа к критически важным медицинским услугам; поддержку борьбы с инфекционными заболеваниями; и укрепление потенциала в области управления трудовой миграцией и разработки миграционной политики.

Основные факты и цифры по Региональному отделению для Западной и Центральной Африки, 2020 год	
Количество мигрантов, которым была оказана помощь	Число случаев реинтеграции в 2020 году: 22 210
Количество проектов МОМ	139
Количество государств-членов в регионе	22 (из 23 охватываемых стран)
Количество отделений	19 страновых отделений и 44 филиала
Количество сотрудников	2004
Количество национальностей, представленных сотрудниками	74 (из общего количества 2018 человек)
Основные направления работы	Предоставление помощи и защиты мигрантам; поддержка политики; управление границами; чрезвычайные ситуации; трудовая миграция и развитие человеческого потенциала; миграция и здоровье; миграция, окружающая среда и изменение климата.

21 Бенин, Буркина-Фасо, Габон, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Камерун, Конго, Кот-д'Ивуар, Либерия, Мавритания, Мали, Нигер, Нигерия, Сан-Томе и Принсипи, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того, Центральноафриканская Республика, Чад и Экваториальная Гвинея.

Основные публикации	• *Западная и Центральная Африка – регион в движении: тенденции мобильности в Западной и Центральной Африке (январь – декабрь 2020 года)*[22]. • *Предварительное исследование механизмов найма рабочей силы и защиты трудящихся-мигрантов в Западной Африке: пример Кот-д'Ивуара, Гамбии, Ганы, Нигерии и Сенегала*[23]. • *Содействие безопасной миграции в Западной и Центральной Африке в 2020 году*[24]. • *Незаконный провоз мигрантов по Центральному средиземноморскому маршруту: проблемы, вызовы и перспективы*[25]. • *Intégration du Lien entre Migration, Environnement et Changement Climatique dans la Planification Locale: Cas des communes de Mané et de Bokin dans les régions du Centre-Nord et du Nord du Burkina Faso*[26]. *(Интеграция связи между миграцией, окружающей средой и изменением климата в местное планирование: пример коммун Мане и Бокен в Северо-Центральной и Северной областях Буркина-Фасо).*
Региональная веб-страница	https://rodakar.iom.int
Региональная стратегия	*Региональная стратегия для Западной и Центральной Африки на 2020–2024 годы*[27].

Основные изменения в регионе Западной и Центральной Африки после присоединения МОМ к системе Организации Объединенных Наций

В регионе Западной и Центральной Африки существуют разнообразные модели и потоки миграции, обусловленные множеством взаимосвязанных факторов. Преобладающей характеристикой региона является внутрирегиональная миграция, вместе с тем по-прежнему повсеместно распространена нелегальная миграция, а нестабильность и конфликты продолжают ускорять массовые перемещения внутри стран и за границу. В то же время быстрый рост населения, изменение окружающей среды, истощение природных ресурсов и увеличение частоты и интенсивности бедствий, усугубляемых изменением климата, ускоряют урбанизацию и подстегивают миграцию. Пандемия COVID-19 стала еще одним свидетельством безотлагательной необходимости расширения трансграничного сотрудничества. С учетом этого Региональное отделение МОМ для ЗЦА и 19 страновых отделений в регионе оказывают поддержку мигрантам, правительствам и другим заинтересованным сторонам в работе над несколькими программами по созданию миграционной рамочной структуры, которая принесет пользу всем.

Зная, что миграция и мобильность являются важным фактором распространения болезней и пандемий или борьбы с ними, МОМ активно участвовала в обеспечении готовности и реагировании на эпидемические

22 МОМ, 2021f.
23 МОМ, 2020h.
24 МОМ, n.d.b.
25 МОМ, 2021g.
26 МОМ, 2020i.
27 МОМ, 2020j.

заболевания, включая COVID-19, используя свой опыт, полученный в ходе решительных мер реагирования на пандемию 2014-2016 годов – вспышку болезни, вызванной вирусом Эбола, в Западной Африке. Во время кризисов МОМ играет ведущую роль в рамках компонента ВОЗ по реагированию на эпидемии, который фокусируется на пунктах въезда. Кроме того, Региональное отделение повышало осведомленность о COVID-19. С марта 2020 года по март 2021 года МОМ помогала в усилиях по профилактике COVID-19 в регионе, проведя 5133 мероприятия на местах и задействовав 862 460 человек в более чем 1728 общинах. Кроме того, посредством 751 телеэфира и 7452 радиопередач МОМ довела информацию о COVID-19 до сведения аудитории, потенциально насчитывающей свыше 19 миллионов человек.

Важные моменты: реагирование МОМ на COVID-19 в регионе Западной и Центральной Африки, 2020 год

МОМ осуществляла операции, связанные с COVID-19, в **12 странах**.

На мероприятия по борьбе с COVID-19 потрачено **14,27 млн долл. США**.

Число бенефициаров риск-коммуникации и усилий по вовлечению общественности в связи с COVID-19 составило **862 460 чел.**

Ту или иную помощь в связи с возвращением получили **3364** чел.

Необходимыми средствами ВСГ, включая маски, были обеспечены **23 535** чел.

Профилактические меры в связи с COVID-19 также выявили важность управления границами. Пористые границы, отсутствие безопасности и дефицит управления в ряде стран по-прежнему создают проблемы в обеспечении безопасной и упорядоченной миграции. МОМ активно участвует в мерах, принимаемых одной и несколькими странами, для усиления контроля и потенциала государств в области управления границами, особенно с помощью комплексного подхода к управлению границами, для обеспечения последовательного и основанного на соблюдении прав человека регулирования миграции и управления ее процессами. За последние пять лет портфель иммиграционного и пограничного контроля расширился до общего бюджета в 70 млн долл. США, охватывая 18 стран Западной и Центральной Африки.

Поскольку затяжные кризисы в бассейне озера Чад и в Центральноафриканской Республике продолжаются, а в Сахеле возникают новые кризисы, влияющие на региональную стабильность в Западной и Центральной Африке, МОМ расширяет свои возможности для удовлетворения гуманитарных потребностей растущего числа внутренних перемещенных лиц и активизирует свою работу по предотвращению конфликтов, восстановлению и миростроительству для поддержки государств-членов, стремящихся ликвидировать последствия конфликта для своих сообществ. В соответствии с обязательством, данным МОМ на Всемирном гуманитарном форуме в 2016 году, портфель МОМ по чрезвычайным ситуациям и операциям в Западной и Центральной Африке в рамках взаимосвязи между гуманитарной деятельностью, развитием и миром включает в себя более 135 проектов на общую сумму более 325,5 млн долл. США, осуществляемых одновременно (по состоянию на середину июля 2021 года) для устранения коренных причин и последствий конфликтов во всем регионе. Чрезвычайные и посткризисные усилия МОМ в странах ЗЦА включают секторальные мероприятия, такие как обеспечение кровом и непродовольственными товарами (НПТ); управление и координация в лагерях (УКЛ); обеспечение водоснабжения, санитарии и гигиены (ВСГ); охрана психического здоровья и психосоциальная поддержка (ПЗПСП); сбор данных с помощью хорошо зарекомендовавшей себя Матрицы отслеживания перемещений (МОП), которая включает инструменты, способствующие созданию доказательной базы данных о перемещениях; удовлетворение потребностей ВПЛ; отслеживание внезапных чрезвычайных событий; работа систем раннего предупреждения для предотвращения конфликтов, включая вопросы, связанные с мобильностью отгонного животноводства и стабильностью в условиях готовности к восстановлению;

и предотвращение, стабилизация общин, миростроительство и посткризисное восстановление на основе долгосрочных решений.

Важным достижением в регулировании миграции и управлении ее процессами стало принятие Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, содержащего настоятельный призыв к созданию комплексных законодательных и административных рамок, охватывающих вопросы миграции. МОМ оказывает поддержку в принятии комплексной миграционной политики государствами-членами в Западной и Центральной Африке, такими как Гвинея, Сенегал, Сьерра-Леоне, Гамбия и Кот-д'Ивуар, а также в учете вопросов миграции в других соответствующих направлениях политики (развитие, окружающая среда, городская политика и т. д.) в целях сокращения неблагоприятных последствий и максимизации положительного воздействия. Это также заметно в отношении международной экологической миграции. Хотя не следует недооценивать преобладание внутренней экологической мобильности людей, такой важный шаг, как согласование свода принципов и целей Глобального договора о миграции, стимулировал инициативы по накоплению знаний и политическому диалогу по вопросам мобильности людей в контексте изменения климата и ухудшения состояния окружающей среды, особенно в Западной Африке. Одной из таких многообещающих инициатив является активизация тематической рабочей группы Диалога по миграции для Западной Африки (МИДВА) по влиянию изменения климата, деградации земель, опустынивания и окружающей среды на миграцию.

Необходимость содействовать безопасной и осознанной миграции, а также предоставлять защиту и помощь мигрантам, находящимся в пути или оказавшимся в затруднительном положении, более настоятельна, чем когда-либо прежде, поскольку уровни смертности, эксплуатации и жестокого обращения, отмечающиеся на пути по Центральному средиземноморскому маршруту, как никогда высоки. В целях улучшения защиты мигрантов и их добровольного возвращения по Центральному средиземноморскому маршруту и реинтеграции в Африке в 2016 году Европейский союз в лице Чрезвычайного целевого фонда для Африки (ЦФЕС) и при содействии Германии (48 млн евро) и Италии (22 млн евро) в сотрудничестве с МОМ начал осуществление Совместной инициативы (СИ) по защите и реинтеграции мигрантов в Африке, направленной на укрепление механизмов регулирования миграции и реагирование на настоятельную необходимость защиты и спасения жизней мигрантов на миграционном маршруте в Центральном Средиземноморье. СИ заключается в осуществлении 14 конкретных действий в 13 странах Центральной и Западной Африки (Буркина-Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Камерун, Кот-д'Ивуар, Мали, Мавритания, Нигер, Нигерия, Сенегал и Чад). ЕЕ цель состоит в обеспечении того, чтобы миграционный процесс был более безопасным, более осознанным и лучше управляемым как в интересах мигрантов, так и в интересах их родных общин, и в мобилизации средств массовой информации, общественности и политической поддержки мигрантов в регионе для предоставления им защиты и помощи.

И последнее, но не менее важное: Региональное отделение внесло свой вклад в преобразование нарратива о миграции в регионе посредством своих сообщений и мероприятий по информированию общественности, что способствовало ее лучшему пониманию и знанию текущей ситуации с миграцией. Основные мероприятия включают кампанию «Мигранты как посланники», в ходе которой ведется работа с вернувшимися мигрантами и организуется их общение с согражданами[28]; проект «ВАКА Вэлл» (в рамках кампании «МОМ-Икс» в Западной Африке), в котором применяется подход «коммуникация в целях развития» (C4D), чтобы дать молодым людям возможность осознанно принимать решения, связанные с миграцией[29]; и гастроли мобильного кинотеатра «Синема-Арена» по региону.

28 MOM, n.d.c.

29 WAKA Well, n.d.

Региональное отделение для Юга Африки

Региональное отделение МОМ для Юга Африки, расположенное в Претории, охватывает своей деятельностью 15 стран региона южной части Африки. Задачи МОМ выполняют 5865 сотрудников, работающих в 24 отделениях по всему региону. Региональное отделение оказывает техническую помощь и программную поддержку страновым отделениям МОМ в южноафриканском регионе. Стратегическое расположение Регионального отделения в одной из крупнейших дипломатических столиц мира дает ему доступ к широкому кругу партнеров. Все страны южноафриканского региона также являются государствами-членами МОМ. Это дает уникальную возможность с точки зрения применения комплексного и систематического подхода, основанного на целостном и своевременном взаимодействии с национальными правительствами, которое способствует прочному региональному партнерству в сфере миграции. В качестве предпочтительного партнера государств по вопросам, связанным с миграцией, МОМ на протяжении многих лет играла важную роль, способствуя регулированию миграции и усилиям по управлению ее процессами в регионе. Основные направления деятельности включают: a) продвижение прав мигрантов; b) налаживание регионального политического диалога по вопросам миграции; c) разработка политики, благоприятствующей мигрантам; d) содействие мобильности рабочей силы по линии Юг-Юг; e) упрощение процедур торговли, мобильность людей и управление границами; f) укрепление потенциала государственных и неправительственных субъектов в области управления миграцией; g) профилактика миграционных кризисов, обеспечение готовности к ним и восстановление после них, что касается также трансграничных и внутренних гуманитарных чрезвычайных ситуаций; и h) снижение заболеваемости ВИЧ, туберкулезом и другими инфекционными заболеваниями в общинах, затрагиваемых миграцией.

МОМ играет ведущую роль в решении вопросов миграции, координируя усилия различных партнеров на национальном и региональном уровнях. Как признается в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и провозглашается в Институциональной стратегии МОМ по миграции и устойчивому развитию, мобильность людей неразрывно связана с устойчивым развитием. Цели в области устойчивого развития (ЦУР) и предусмотренные в них обязательства «никто не будет забыт» и «охватить самых отстающих» не будут выполнены без должного учета миграции. Это включает в себя рассмотрение воздействия неравенства доходов на динамику мобильности людей и того, каким образом миграция и сами мигранты могут способствовать сокращению неравенства.

Южная часть Африки — это регион, исторически характеризующийся динамичной мобильностью людей, которая вносит свой вклад в экономику стран и средства к существованию общин. Даже сегодня сплетение солидарности и общего видения среди государств Юга Африки продолжает оставаться движущей силой региональной интеграции и в целом социально-экономического развития. В ближайшие четыре года МОМ будет более стратегически инвестировать в разработку и реализацию новых, инновационных и гибких политик и программ для поддержки правительств стран Юга Африки в укреплении потенциала для эффективного и основанного на соблюдении прав человека управления миграцией, которое способствует достижению результатов в области устойчивого развития и защите основных прав мигрантов.

Помимо хорошо зарекомендовавших себя моделей трудовой миграции в регионе, в южную часть Африки ведут основные маршруты миграции, преимущественно состоящие из смешанных миграционных потоков, происходящих из Африканского Рога и района Великих озер. Работа с этими сложными перемещениями, которые пронизывают несколько стран и многие субрегионы, требует прочных межрегиональных партнерских отношений, которые МОМ будет стремиться поддерживать с помощью существующих механизмов сотрудничества, включая различные консультативные процессы под руководством государств, проводимые внутри региона и с соседними регионами. В этом регионе расположены некоторые из стран мира, наиболее подверженных бедствиям и уязвимых к целому ряду таких опасностей, как засухи, наводнения, штормы, эпидемии, оползни, вулканическая активность и лесные пожары, а также конфликты.

Основные факты и цифры по Региональному отделению для Юга Африки, 2020 год	
Количество мигрантов, которым была оказана помощь	1899 (1469 в рамках проекта ПДРР)
Количество проектов МОМ	1. Охрана сексуального и репродуктивного здоровья и прав (СРЗП) и «ВИЧ не знает границ»[30]. 2. Африканская региональная миграционная программа (АРМП)[31]. 3. Проект управления миграцией в южной части Африки (УМЮА).
Количество государств-членов в регионе	15
Количество отделений	24
Количество сотрудников	969
Количество национальностей, представленных сотрудниками	61
Региональная веб-страница	https://ropretoria.iom.int/
Региональная стратегия	*Региональная стратегия для южной части Африки на 2020–2024 годы*[32].

Основные изменения в Региональном отделении в Претории после присоединения МОМ к системе Организации Объединенных Наций

После создания Сети Организации Объединенных Наций по вопросам миграции под руководством МОМ были развернуты региональные и национальные структуры. Являясь членом Группы Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию (ГООНУР), МОМ несет четкую ответственность за формулирование своей деятельности и мандата в отношении Повестки дня на период до 2030 года, представление докладов о своей деятельности по поддержке государств-членов в выполнении содержащихся в ней обязательств и внесение вклада в региональные дискуссии по миграции и устойчивому развитию. Поэтому Региональное отделение в Претории осознает необходимость использования существующих структур Региональной группы Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию (Р-ГООНУР) для укрепления межведомственного сотрудничества по вопросам миграции в целях более консолидированной поддержки государств-членов в субрегионе для обеспечения выполнения Глобального договора о миграции. Межрегиональный аспект тенденций и моделей миграции в восточной и южной частях Африке требует целостного подхода, предусматривающего наиболее адекватную поддержку, которую Организация Объединенных Наций могла бы оказать странам происхождения, транзита и назначения в субрегионе в рамках Повестки дня на период до 2030 года. и Глобального договора о миграции. Именно с таким пониманием в целях оказания всесторонней поддержки в осуществлении Глобального договора о миграции, принятии последующих мер и проведении обзора его осуществления была создана Региональная сеть для восточной и южной частей Африки в качестве общей платформы, объединяющей Региональное отделение МОМ для Юга Африки (Претория),

30 МОМ, 2021h.
31 МОМ, 2021i.
32 МОМ, 2020k.

Региональное отделение МОМ для Восточной Африки и Африканского Рога (Найроби) и другие учреждения Организации Объединенных Наций. В рамках общесистемной деятельности Организации Объединенных Наций по перепрофилированию в целях расширения межучрежденческого сотрудничества Региональная сеть будет служить форумом для привлечения внимания к миграции как важнейшей трансграничной проблеме в рамках Региональной платформы сотрудничества, возглавляемой Экономической комиссией Организации Объединенных Наций для Африки (ЭКА ООН). МОМ будет поддерживать государства-члены в регионе в соответствии с национальными и региональными приоритетами, используя потенциал миграции посредством общегосударственного подхода для достижения результатов устойчивого развития для всех. Это прямой вклад в Десятилетие действий, направленный на ускорение прогресса в достижении ЦУР, обеспечение большей согласованности и воздействия на процесс развития деятельности Организации и обеспечение взаимосвязанного подхода к тому, как она разрабатывает и осуществляет свою оперативную деятельность.

Отсутствие безопасности, нехватка экономических средств к существованию, засуха и неурожай — вот некоторые из факторов, побуждающих мигрантов выбирать рискованные маршруты миграции в поисках лучших возможностей в южной части Африки. Мобильность рабочей силы остается одной из доминирующих форм миграции в этом регионе, несмотря на время от времени происходящие случаи ксенофобии, дискриминации и насилия в отношении мигрантов. Как и в других частях мира, невозможно переоценить глубокое воздействие миграции на общества и институты принимающих стран в южной части Африки. Взаимосвязь между мобильностью и здоровьем населения остается серьезной проблемой как для мигрантов, так и для общин, в которых они живут. Негативный нарратив о миграции и мигрантах подпитывает неблагоприятное восприятие обществом иностранцев и, в свою очередь, влияет на социальную сплоченность. Поэтому для эффективного решения этой проблемы важно, чтобы политика и программы управления миграцией учитывали деликатные вопросы, связанные с ней. Кроме того, регионы южной части Африки и западной части Индийского океана уязвимы для целого ряда опасностей, поскольку они все больше страдают от изменения климата, которое вызывает более экстремальные погодные явления и увеличение частоты и интенсивности стихийных бедствий, приводящих как к хроническим, так и к внезапным перемещениям населения (в том числе по причинам наводнений, вспышек болезней, штормов и засух, а также землетрясений, лесных пожаров, оползней, экстремальных погодных условий, вулканической активности и нашествий насекомых), в результате которых в регионе проживает более 6 миллионов внутренне перемещенных лиц.

Цели МОМ в южной части Африки состоят в следующем:

- Поощрять задействование взаимоусиливающих связей между миграцией и развитием на благо стран происхождения и назначения, а также самих мигрантов (в соответствии с ЦУР 1, 10, 11 и 16).
- Обеспечивать, чтобы уязвимые мигранты пользовались усиленной защитой со стороны государственных и негосударственных субъектов, поддерживая при этом правительства в решении проблемы нелегальной миграции (в соответствии с ЦУР 5, 8, 16 и 17).
- Предоставлять помощь в добровольном возвращении и услуги по реинтеграции мигрантам, возвращающимся из разных стран назначения, в том числе из стран южной части Африки (в соответствии с ЦУР 10 и 17).
- Стремиться к хорошо управляемой трудовой миграции, которая приносит пользу трудящимся-мигрантам и работодателям, а также устойчивому развитию стран происхождения и назначения (в соответствии с ЦУР 1, 4, 5, 8 и 10).
- Предоставлять защиту уязвимым мигрантам и общинам, подвергающимся риску, и обеспечивать их большую жизнестойкость на всех этапах антропогенных и природных кризисов (в соответствии с ЦУР 1, 2, 6, 9, 11, 13, 15, 16 и 17).
- Укреплять потенциал уязвимых общин в плане демонстрации улучшенных механизмов преодоления трудностей и устойчивости к изменениям, связанным с окружающей средой и климатом (в соответствии с ЦУР 10, 11, 13 и 17).

- Улучшать стандарты физического, психического и социального здоровья и благополучия мигрантов и групп населения, затрагиваемых миграцией (в соответствии с ЦУР 1, 3, 5, 8, 10, 11, 16 и 17).
- Укреплять миграционный контроль на границах региона для содействия безопасной, упорядоченной и легальной трансграничной мобильности (в соответствии с ЦУР 8, 9, 10 и 16).
- Способствовать внутрирегиональному и межрегиональному сотрудничеству и координации между государствами-членами и РЭК в области регулирования миграции (в соответствии с ЦУР 10, 16 и 17).
- Продолжать работу по оказанию помощи беженцам в переселении в качестве положительного элемента непрерывного миграционного цикла, ставшего возможным благодаря международной солидарности и распределению бремени (в соответствии с ЦУР 1, 2, 3, 4 и 8).

Стратегическими приоритетами являются:

- устойчивость;
- укрепление систем раннего предупреждения;
- поддержка долгосрочных и безопасных решений по возвращению и/или переселению; и
- понимание движущих сил миграции.

Региональное отделение для Ближнего Востока и Северной Африки

МОМ начала свою деятельность на Ближнем Востоке и в Северной Африке (БВСА) в 1991 году после первой войны в Персидском заливе. Первое представительство Организации с региональными функциями было учреждено в Каире в 1998 году, и с тех пор оно значительно эволюционировало.

Региональное отделение в Каире оказывает поддержку отделениям МОМ на Ближнем Востоке и в Северной Африке посредством технических консультаций, обучения и разработки стратегий, процессов, проектов и программ; оно также поощряет и облегчает международный диалог, партнерские отношения и координацию в области разработки миграционной политики и программ между государствами, международными организациями, неправительственными организациями (НПО) и гражданским обществом.

Миграция издавна формировала Ближний Восток и Северную Африку, при этом многие страны региона одновременно представляют собой пункты происхождения, транзита и назначения. Число международных мигрантов (включая зарегистрированных беженцев), проживающих в регионе БВСА, в 2020 году достигло 40,8 миллиона человек. В регионе проживает более четверти всех лиц, перемещенных внутри страны в результате конфликта и насилия в Сирийской Арабской Республике, Йемене и Ираке. В 2020 году произошло более 22,2 миллиона новых внутренних перемещений. Регион БВСА является крупнейшим в мире источником беженцев. С начала 2020 года пандемия COVID-19 еще больше повлияла на регион. Хотя уязвимые группы уже наиболее остро испытывают на себе ее краткосрочные последствия, долгосрочные и социально-экономические, связанные с развитием и гуманитарные последствия еще предстоит полностью определить.

В регионе действуют несколько механизмов межгосударственных консультаций по вопросам миграции (ММГК), в которых МОМ является наблюдателем и либо поддерживает, либо предоставляет секретариаты. К ним относятся Арабский региональный консультативный процесс по вопросам миграции и беженцев (АРКП); Инициатива по борьбе с торговлей людьми и незаконным провозом мигрантов в районе Африканского Рога (Хартумский процесс); Евро-африканский диалог по вопросам миграции и развития (Рабатский процесс); и Абу-Дабийский диалог - Министерские консультации по вопросам трудоустройства и работы по контрактам за рубежом для стран происхождения и назначения в Азии.

Одной из особенностей региона является функционирование пяти механизмов миграционных ресурсов и реагирования (ММРР) в Ливии, а именно: в Бени-Валиде, Катруне, Себхе, Триполи и Зваре. Основные функции ММРР заключаются в том, чтобы предлагать со стороны МОМ широкий спектр услуг и помощи в зависимости от потребностей уязвимых мигрантов, включая медицинскую и психосоциальную поддержку и необходимые гуманитарные товары. В Судане Ресурсный центр для мигрантов (РЦМ) в Гедарефе удовлетворяет неотложные потребности мигрантов в защите и помощи, а также помогает им в доступе к информации, тогда как Центр миграционных ресурсов и реагирования (ЦМРР) в Хартуме предоставляет мигрантам медицинскую помощь, консультирование и информацию о рисках нелегальной миграции, а также внедрил программу содействия добровольному возвращению и реинтеграции в странах происхождения.

Кроме того, МОМ управляет семью центрами по оценки здоровья мигрантов (ЦОЗМ) в шести странах, а именно в Египте (Каир), Ираке (Багдад, Эрбиль), Иордании (Амман), Ливане (Бейрут), Ливии (Триполи) и Йемене (Сана). Их основные функции заключаются в том, чтобы предлагать полную оценку состояния здоровья всех заявителей, включая иммунизацию и медицинский осмотр перед отъездом с предполагаемым лечением, на основе соответствующих руководящих принципов соответствующих принимающих стран. ЦОЗМ являются универсальными центрами для всех видов деятельности, связанных с обследованием здоровья, включая регистрацию, консультирование, сестринские операции, общий медицинский осмотр, флеботомию и лабораторные услуги, рентгенологию и вакцинирование.

Основные факты и цифры по Региональному отделению в Каире, 2020 год	
Количество мигрантов, которым была оказана помощь	813 837
Количество проектов МОМ	436
Количество государств-членов в регионе	8 государств-членов: Алжир, Египет, Иордания, Йемен, Ливия, Марокко, Судан и Тунис 4 государства-наблюдателя: Бахрейн, Катар, Кувейт и Саудовская Аравия
Количество отделений	Отделения имеются в 13 странах: Алжире, Бахрейне, Египте, Ираке, Иордании, Йемене, Кувейте, Ливане, Ливии, Марокко, Катаре, Судане и Тунисе, помимо Регионального отделения для Ближнего Востока и Северной Африки, расположенного в Каире, и оперативного присутствия в Объединенных Арабских Эмиратах и Саудовской Аравии.
Количество сотрудников	1850 (кроме консультантов, субподрядчиков и почасовых сотрудников)
Количество национальностей, представленных сотрудниками	95
Основные направления работы	Региональное отделение и страновые отделения рука об руку работают над реализацией всего программного спектра Организации, включая переезд и переселение; обеспечение готовности к чрезвычайным ситуациям и реагирования; посткризисный переход и восстановление; здоровье мигрантов; трудовая миграция и миграция и развитие; борьба с торговлей людьми; помощь мигрантам в возвращении и реинтеграции; иммиграционный и пограничный контроль; политика и исследования в области миграции.

Основные публикации	• *Доклад о положении в области международной миграции в Арабском регионе.* • *Женщины-мигранты, работающие домашней прислугой в Ливане: гендерная проблематика*[33]. • *Содействие справедливому и этичному найму в цифровом мире: уроки и варианты политики*[34]. • *Оценка социально-экономического воздействия COVID-19 на мигрантов и перемещенное население в регионе БВСА*[35]. • *Доклад МОМ о ситуации в регионе в связи с COVID-19: подборка фактов о положении на местах*[36]. • *Участие диаспоры в охране здоровья в регионе Восточного Средиземноморья: аналитический обзор накопленного опыта*[37].
Региональная веб-страница	https://rocairo.iom.int/
Региональная стратегия	*Региональная стратегия для Ближнего Востока и Северной Африки на 2020–2024 годы*[38].

Основные изменения в Региональном отделении в Каире после присоединения МОМ к системе Организации Объединенных Наций

Региональное отделение в Каире является участником Региональной платформы сотрудничества, действующей в соответствии с реформой Организации Объединенных Наций на региональном уровне. Оно обеспечивает конкретную техническую поддержку и координацию для страновых представительств и участвует в руководстве национальными сетями Организации Объединенных Наций по вопросам миграции в соответствующих странах региона. Это влечет за собой организацию специальных учебных мероприятий для поддержки координации местной/национальной сети и активного участия МОМ в процессе реформирования Организации Объединенных Наций с целью учета миграции в основных документах страновой группы Организации Объединенных Наций, таких как Общая страновая оценка (ОСО), Рамочная программа Организации Объединенных Наций по сотрудничеству в области устойчивого развития (РПООНСУР) и ежегодный совместный рабочий план.

Региональное отделение поддерживает процессы регионального диалога, такие как Абу-Дабийский диалог и Арабский региональный консультативный процесс по вопросам миграции и беженцев; поддерживает связи и партнерские отношения с региональными организациями, в частности с Лигой арабских государств и Экономической и социальной комиссией для Западной Азии– с которой МОМ в рамках Региональной платформы сотрудничества совместно созывает заседания Тематической коалиции по вопросам миграции в Арабском регионе, – и с региональными сетями, такими как Региональная сеть Организации Объединенных Наций по вопросам миграции, для реализации и обзора хода осуществления Глобального договора о миграции. Оно также вносит свой вклад в работу Региональной сети Организации Объединенных Наций по вопросам миграции для Африки и конъюнктурных/тематических коалиций (К/ТК) по вопросам миграции (О/IBCs) в рамках Региональной платформы сотрудничества для африканского континента.

33 MOM, 2021l.
34 MOM, 2020l.
35 MOM, 2021m.
36 MOM, n.d.e.
37 MOM, 2021n.
38 MOM, 2020m.

Важные моменты: реагирование МОМ на COVID-19 в Региональном отделении в Каире, 2020 год

МОМ осуществляла операции, связанные с COVID-19, в **16 странах**.

На мероприятия по борьбе с COVID-19 потрачено **70,75 млн долл. США**.

На охват бенефициаров риск-коммуникацией и усилиями по вовлечению общественности в связи с COVID-19 потрачено **7,8 млн долл. США**

Ту или иную помощь в связи с возвращением получили **7160** чел.

Необходимыми средствами ВСГ были обеспечены **878 000** чел.

Оказана поддержка проведению **109 191** теста на COVID-19.

Некоторые из наиболее важных событий в регионе БВСА после присоединения МОМ к системе Организации Объединенных Наций в 2016 году отражены в важных шагах, предпринятых для усиления защиты трудящихся-мигрантов; разработки стратегий борьбы с нелегальной миграцией и торговлей людьми; открытия каналов легальной миграции с целью трудоустройства; и предоставления образования и защиты для беженцев, как и многие другие изменения в области управления миграцией.

Принятие Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции в 2018 году в Марракеше (Марокко) воплощает твердо ориентированный на человека подход к миграции на благо всех — как мигрантов, так и принимающих общин в странах происхождения и назначения. Повсеместное принятие Глобального договора о миграции в регионе ознаменовало собой исторический поворотный момент в управлении миграцией, продемонстрировавший настоятельную необходимость в продуманной и фактологически обоснованной политике в области миграции. Основанный на правах человека, Глобальный договор о миграции представляет собой международную основу для расширения сотрудничества между соответствующими субъектами в целях улучшения защиты мигрантов и максимального увеличения их вклада в устойчивое развитие. В то же время характер Глобального договора, при котором «не существует одинаковых рецептов для всех», способствует укреплению национального суверенитета стран и их прав определять свою миграционную политику в соответствии со своими национальными приоритетами, потребностями и возможностями.

Сочетание неустойчивых ситуаций в странах происхождения и ограниченного доступа к легальным путям миграции часто приводит к тому, что мигранты оказываются на нелегальном положении, когда они въезжают, остаются или работают в стране без необходимых документов или разрешений. Страны региона предприняли значительные шаги для решения проблемы нелегальной миграции посредством кампаний по легализации, предоставив мигрантам с неурегулированным статусом возможность урегулировать свой статус или покинуть страну. Кроме того, страны предприняли усилия для обеспечения того, чтобы мигрантов с неурегулированным статусом не возвращали в страны с конфликтами, а также чтобы их принудительно или коллективно не возвращали без надлежащей правовой процедуры и учета их индивидуальных обстоятельств.

В целях поощрения участия стран региона в осуществлении Глобального договора о миграции, обзоре прогресса и последующей деятельности в связи с ним Региональное отделение в Каире в партнерстве с Лигой арабских государств (ЛАГ), Экономической комиссией Организации Объединенных Наций для Западной Азии (ЭСКЗА) в сотрудничестве с тогдашней Рабочей группой по международной миграции в Арабском регионе, позднее Региональной сетью по вопросам миграции для арабских государств, предоставила государствам-членам в регионе платформу для обсуждения прогресса и проблем в реализации Глобального договора о миграции. Эта серия открытых и инклюзивных мероприятий осуществлялась с применением предусмотренного в Глобальном договоре подхода – с вовлечением всех государственных

структур и всего общества. Это повлекло за собой различные диалоги и консультации в рамках подготовки к первой Региональной конференции по обзору Глобального договора о миграции для арабских государств, которая состоялась 24 и 25 февраля 2021 года, и консультации с участием многих заинтересованных сторон 23 февраля 2021 года. В июне и августе 2020 года состоялись два семинара по укреплению потенциала, проведенные для представления руководящих шаблонов для добровольных национальных докладов стран по Глобальному договору о миграции и для консультаций с представителями государств-членов в отношения порядка работы и формата процесса регионального обзора Глобального договора. В рамках подготовки к обзорной конференции Глобального договора в регионе состоялись дополнительные диалоги заинтересованных сторон, в частности с механизмами межгосударственных консультаций, парламентариями и другими соответствующими заинтересованными сторонами. Кроме того, в регионе были проведены новые диалоги с заинтересованными сторонами, а именно: с механизмами межгосударственных консультаций, парламентариями, гражданским обществом, частным сектором, академическими кругами и др. Все встречи проходили в онлайновом режиме из-за ограничений, связанных с COVID-19, с синхронным переводом на английский, французский и арабский языки.

Экономическая и политическая нестабильность определяет мобильность (включая перемещение) и демографические изменения в странах региона БВСА. Как следствие, страны Северной Африки и субрегиона Машрик сталкиваются с проблемами защиты, связанными с нелегальными передвижениями, а также с политикой национализации рабочих мест в странах Совета сотрудничества стран Залива, которая может повлиять на доступ к их рынкам труда. Поскольку страны сталкиваются с экономическими проблемами и смягчают последствия затяжных конфликтов или восстанавливаются после них, МОМ стремится активизировать свои меры реагирования в координации как со странами происхождения, так и с принимающими странами. В том же ключе Региональное отделение для БВСА стремилось поддерживать миссии по выявлению последствий COVID-19 с помощью инструментов, созданных на основе оценок социально-экономических последствий.

Региональная стратегия МОМ для региона БВСА на 2020–2024 годы предусматривает участие в фактологически обоснованных политике и программах с упором на три основные компонента - устойчивость, мобильность и управление - с учетом конкретных региональных приоритетов для каждого из них. В дополнение к работе на основе описанного участия в политике и к управлению знаниями о миграции в регионе, МОМ-БВСА стремится установить более тесную взаимосвязь между сбором данных и разработкой миграционной политики посредством использования платформы знаний Глобального договора о миграции и платформы знаний Сети Организации Объединенных Наций по вопросам миграции и информационного центра. Например, подразделение по сбору данных отделения МОМ в Судане учредило и совместно с Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) возглавляет Рабочую группу по данным и доказательствам при Рабочей группе по долгосрочным решениям.

Региональное отделение в Каире укрепило партнерские отношения с правительствами, другими учреждениями Организации Объединенных Наций, средствами массовой информации, НПО и местными общинами и ведет дискуссии о миграции (включая перемещение), опираясь на свой авторитет и твердую позицию. Расширяя партнерские отношения с национальными, региональными и международными заинтересованными сторонами, оно продолжает поддерживать страны региона в проведении адекватных политических реформ, в рамках которых миграция рассматривается как локомотив для достижения устойчивого развития.

АЗИЯ и ОКЕАНИЯ

Региональное отделение для Азии и Тихого океана

В Азиатско-Тихоокеанском регионе МОМ осуществляет текущую деятельность в 40 странах, включая 34 государства-члена и два государства-наблюдателя. Азиатско-Тихоокеанский регион разделен на пять субрегионов: Тихий океан, Юго-Восточная Азия, Восточная Азия, Южная Азия и Юго-Западная Азия.

В регионе существует широкий спектр миграционных проблем и приоритетов. Некоторые страны назначения по-прежнему сосредоточены на политике ограничения миграции. Инвестиции в интеграцию также ограничены, а отдача рассматривается как положительный вариант политики в ограниченном числе стран (например, в Австралии). Примечательно, что несколько стран региона не подписали Конвенции о беженцах, что создает проблемы в решении вопросов, связанных со сложными смешанными миграционными потоками. Внутренняя миграция очень значительна, но в последние несколько лет она лишь начинает постепенно вызывать заинтересованность как явление, связанное с урбанизацией.

Последние годы как на двустороннем, так и на региональном уровнях расширяются региональное сотрудничество и миграционный диалог. Это привело к договоренностям по облегчению мобильности и борьбе с торговлей людьми, особенно в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Весьма положительно, что в некоторых странах, таких как Филиппины и Бангладеш, миграция уже интегрирована в национальные планы развития, но нуждается в более широком признании. Тем не менее в рамках Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции несколько стран поддерживают «подход вовлечения всего общества/всех государственных структур». Ряд стран также признают, что статистике миграции и формулированию политики, основанной на фактических данных, уделяется недостаточно внимания.

Основные факты и цифры по Региональному отделению для Азии и Тихого океана, 2020 год	
Количество мигрантов, которым была оказана помощь	7036 (ПДРР); 793 (борьба с торговлей людьми), а также цифры, связанные с COVID, ниже
Количество проектов МОМ	365
Количество государств-членов в регионе	34 (2 Государства-наблюдателя)
Количество отделений	Присутствуют в 30 странах и ведут деятельность в 40 странах
Количество сотрудников	Всего в регионе: 4 275 (всего в Региональном отделении: 52)
Количество национальностей, представленных сотрудниками	50
Основные направления работы	Чрезвычайные и посткризисные меры; предоставление защиты и помощи мигрантам; иммиграционный и пограничный контроль; здоровье мигрантов; трудовая миграция и развитие человеческого потенциала; миграция, окружающая среда и изменение климата.

Основные публикации	• *Региональная стратегия для Азии и Тихого океана на 2020–2024 годы*[39]. • *Азиатско-Тихоокеанский региональный информационный центр МОМ: обзор вторичных региональных данных, март 2021 года*[40]. • *Доклад о данных о миграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе за 2020 год*[41]. • *Приток денежных переводов в Азиатско-Тихоокеанский регион по данным МОМ 2021 года*[42].
Региональная веб-страница	www.iom.int/asia-and-pacific
Региональная стратегия	*Региональная стратегия для Азии и Тихого океана на 2020–2024 годы*[43].

Основные изменения в Региональном отделении для Азии и Тихого океана после присоединения МОМ к системе Организации Объединенных Наций

С 2016 года МОМ работала в Азиатско-Тихоокеанском регионе над достижением следующих результатов:

- усиление защиты и помощи нуждающимся мигрантам;
- снижение уязвимости здоровья среди мигрантов и затрагиваемых миграцией общин;
- усовершенствование систем и нестандартных решений по использованию преимуществ миграции;
- доступ мигрантов и других уязвимых групп населения, пострадавших от кризисов, к основным гуманитарным услугам;
- укрепление потенциала по управлению миграционными кризисами в регионе;
- расширение прав и возможностей и укрепление устойчивости мигрантов и пострадавших общин к стихийным бедствиям и их адаптации к изменению климата;
- обеспечение того, чтобы политика и программы основывались на фактических данных и систематическом мониторинге и анализе динамики миграции;
- укрепление партнерских отношений и диалогов в регионе для решения миграционных проблем и использования возможностей миграции.

Важные моменты: реагирование МОМ на COVID-19 в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 2020 год

МОМ осуществляла операции, связанные с COVID-19, в **28** странах.

На мероприятия по борьбе с COVID-19 потрачено **71,5 млн долл. США**.

Число бенефициаров риск-коммуникации и усилий по вовлечению общественности в связи с COVID-19 составило **9 769 184 чел.**

Ту или иную помощь в связи с возвращением получили **188 544** чел.

Необходимыми средствами ВСГ были обеспечены **703 889** чел.

Предоставлены **24 759** тестов на COVID-19.

445 346 чел. из наиболее уязвимых категорий получили средства к существованию.

Более подробная информация представлена в *Докладе МОМ о достижениях в борьбе с COVID-19 в Азиатско-Тихоокеанском регионе за 2020 год*[44].

39 МОМ, 2020n.
40 МОМ, 2021o.
41 МОМ, 2021p.
42 МОМ, 2021q.
43 МОМ, 2020n.
44 МОМ, 2021r.

ЕВРОПА

Региональное отделение для Юго-Восточной Европы, Восточной Европы и Центральной Азии

МОМ активно работает в регионе Юго-Восточной Европы, Восточной Европы и Центральной Азии (ЮВВЕЦА) с начала 1990-х годов. В то время многие страны региона столкнулись со сложным сочетанием проблем миграции и перемещения, вызванных огромными геополитическими изменениями. Спустя три десятилетия МОМ продолжает оказывать всестороннюю поддержку правительствам в совершенствовании их политики, рамочных программ и практических механизмов регулирования миграции и управления ее процессами на национальном и многостороннем уровнях. МОМ предлагает обширный экспертный опыт регулирования миграции и управления ее процессами всем своим бенефициарам и государствам-членам, которые она обслуживает.

Региональное отделение МОМ, созданное в Вене в 2011 году, поддерживает дальнейшее повышение качества и диверсификацию программной деятельности на страновом уровне, поощряет региональные инициативы и содействует лучшей поддержке межгосударственного диалога и сотрудничества. Региональное отделение в Вене отвечает за рассмотрение и одобрение проектов, разработку политики и формулирование региональных миграционных стратегий. Это делается в партнерстве с правительствами, партнерами по развитию и организациями гражданского общества в регионе. В Региональном отделении работают технические специалисты по разработке проектов и по тематическим областям управления миграцией, включая предоставление защиты и помощи мигрантам, мобильность рабочей силы и человеческое развитие, иммиграционный и пограничный контроль, операции и чрезвычайные ситуации, миграцию, окружающую среду и изменение климата, а также здоровье мигрантов, дополняемые политикой и связями с общественностью, а также поддержкой экспертов по миграционным данным и исследованиям. Оно также занимается различными сквозными вопросами и оказывает поддержку в области управления ресурсами, средств массовой информации и коммуникации, разработки программ, а также мониторинга и оценки.

Основные факты и цифры по Региональному отделению в Вене, 2020 год	
Количество мигрантов, которым была оказана помощь	15 000 (предоставление защиты и помощи мигрантам) по линии Отдела здоровья мигрантов, мобильности рабочей силы, развития человеческого потенциала и др.
Количество государств-членов в регионе	19
Количество отделений	19, а также дополнительные филиалы
Количество сотрудников	1714
Основные направления работы	Разработка проектов и тематических областей управления миграцией, включая предоставление защиты и помощи мигрантам; мобильность рабочей силы и развитие человеческого потенциала; иммиграционный и пограничный контроль; операции и чрезвычайные ситуации; миграцию, окружающую среду и изменение климата; и здоровье мигрантов.

Основные публикации	• Сообщения Матрицы отслеживания перемещений[45]. • *Региональный обзор ГДМ для краткого доклада по региону ЕЭК ООН*[46]. • *Гендерный фактор, СОГИССХ и миграция в Повестке дня на период до 2030 года и Глобальном договоре о миграции*[47].
Региональная веб-страница	https://rovienna.iom.int/
Региональная стратегия	*Региональная стратегия для Юго-Восточной Европы, Восточной Европы и Центральной Азии на 2020–2024 годы*[48].

Основные изменения в Региональном отделении в Вене после присоединения МОМ к системе Организации Объединенных Наций

МОМ играет координирующую роль в ряде гуманитарных кризисов в регионе. Это включает руководство кластерами реагирования Организации Объединенных Наций на Восточном средиземноморском маршруте, а также в затяжных конфликтах, таких как конфликт на востоке Украины.

Важнейшее значение в регионе имели принятые МОМ и ее партнерами меры по профилактике, смягчению последствий и реагированию на COVID-19. В 2020 году МОМ входила в состав 15 координационных групп Организации Объединенных Наций в регионе по реагированию на COVID-19, при этом ее мероприятия состояли в охвате более 1,4 миллиона человек риск-коммуникацией или усилиями по вовлечению общественности, поддержке работы почти 200 пунктов въезда на этапах подготовки к пандемии COVID-19 и реагировании на нее, закупке и распределении более 4,5 миллионов единиц средств индивидуальной защиты и других непродовольственных товаров в рамках реагирования, а также в модернизации мест, где в течение года проживало более 60 000 мигрантов, для удовлетворения потребностей, связанных с COVID-19.

Охватывая своей деятельностью регион с рядом крупнейших и наиболее сложных миграционных коридоров в мире, МОМ продолжала уделять внимание выявлению возможностей использования миграции для поддержки усилий в области развития, а также снижению рисков, связанных с защитой трудовых мигрантов и социальной напряженностью, что непосредственно способствовало достижение ряда задач ЦУР. В дополнение к своим давним и недавно разработанным программам, направленным на содействие мобильности рабочей силы между Российской Федерацией и странами Центральной Европы, Восточного партнерства и Европейским Союзом, МОМ инициировала инновационное сотрудничество с социальными психологами для оценки и улучшения воздействия своих программ социальной сплоченности (Турция, Косово[49]), тем самым институционализировав подход теории межгрупповых контактов как для региона Регионального отделения в Вене, так и за его пределами. Во время пандемии COVID-19 МОМ также начала сотрудничество с учеными-бихевиористами и экономистами для разработки мероприятий, которые вызывают изменение поведения в сторону более широкого использования услуг цифровых денежных переводов и увеличения использования денежных переводов в целях накопления сбережений для прогнозируемого развития источников средств

45 МОМ, n.d.f.

46 ООН, 2020.

47 МОМ, n.d.g.

48 МОМ, 2021s.

49 Ссылки на Косово следует толковать в контексте резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

к существованию. Помимо этого, МОМ внесла далеко идущие изменения в классические подходы к взаимодействию с диаспорой, внедряя и используя массивы больших данных, в том числе с применением «Гугл Аналитики» и ономастического анализа для картирования диаспоры (Азербайджан, Армения, Грузия, Республика Молдова); путем разработки руководств по стратегиям работы с диаспорой (Албания, Босния и Герцеговина); и осуществления конкретных инвестиционных мероприятий диаспоры (Грузия, Республика Молдова, Украина). Региональное отделение в Вене также инициировало Платформу миграционных данных для научно обоснованного регионального развития (M-Powered)[50], призванную помочь лицам, принимающим решения, использовать миграцию для поддержки реализации Глобального договора о миграции и ЦУР. Инструмент дорабатывается для прогнозирования и моделирования миграции с целью повышения ее воздействия на устойчивое развитие (Германия, Республика Молдова, Португалия). Региональное отделение в Вене также разработало проект «Гендерный фактор и миграция в Глобальном договоре о миграции и Повестке дня на период до 2030 года»[51], чтобы поддержать всех, кто занимается программированием и политикой в области миграции, в деле учета вопросов гендерного равенства и повышения их значимости в ходе реализации Глобального договора и ЦУР.

Работающая под совместным председательством МОМ, Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) Тематическая коалиция (ТК) по массовым перемещениям, вынужденному переселению и жизнестойкости населения (МПВПЖ) служит платформой для обмена информацией о диалогах по вопросам государственной политики и законодательных изменениях, затрагивающих лиц, подмандатных ТК. Она также предназначена для оказания согласованной поддержки Организации Объединенных Наций на страновом уровне в целях национальной реализации ЦУР, включая ключевые вопросы, связанные с массовыми перемещениями людей. ТК объединяет более 100 членов из 15 учреждений Организации Объединенных Наций, а также региональных и страновых отделений из 18 стран-участниц программ Организации Объединенных Наций в регионе Европы и Центральной Азии. Региональное отделение МОМ в Вене также является активным членом тематических коалиций[52] по вопросам гендерного равенства[53], здравоохранения[54], молодежи и подростков[55], окружающей среды и изменения климата[56], а также Региональной координационной группы Организации Объединенных Наций по данным и статистике. Региональное отделение в Вене вместе с Детским фондом Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ) и УВКБ два раза в год совместно выпускают межведомственные информационные бюллетени о детях-беженцах и детях-мигрантах, прибывающих в Европу.

Без ущерба для мандатов и ролей участвующих учреждений, ТК также взяла на себя функции Региональной сети Организации Объединенных Наций по вопросам миграции (СООНМ) с целью извлечь преимущества из синергизма между СООНМ глобального уровня и ТК, признавая при этом программу действий и последующие механизмы Глобального договора о миграции.

На сегодняшний день в 18 странах, охваченных деятельностью Программы Организации Объединенных Наций в регионе Восточной Европы и Центральной Азии (ЕЦА), создано в общей сложности 14 страновых

50 МОМ, n.d.h.
51 МОМ, n.d.g.
52 ЕЭК ООН, n.d.a.
53 ЕЭК ООН, n.d.b.
54 ЕЭК ООН, n.d.c.
55 ЕЭК ООН, n.d.d.
56 ЕЭК ООН, n.d.e.

сетей, сопредседателями которых везде являются МОМ и координатор-резидент Организации Объединенных Наций (за исключением Республики Молдова, где ее сопредседателями являются МОМ и ПРООН).

Наряду с этим Региональное отделение МОМ в Вене – в порядке поддержки инициативы Региональной платформы сотрудничества (РПС) для Европы и Центральной Азии под председательством заместителя Генерального секретаря и совместным руководством Исполнительного секретаря Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН) и Регионального директора ПРООН в качестве заместителей Председателя, постоянным членом которой является МОМ - вносит свой вклад в создание веб-сайта по управлению информацией и знаниями, цель которого заключается в повышении потенциала системы Организации Объединенных Наций в Европе и Центральной Азии в плане поддержки координаторов-резидентов, страновых групп Организации Объединенных Наций и правительств в реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Кроме того, через пять лет после начала реализации Повестки дня на период до 2030 года и Целей в области устойчивого развития Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН) предложил правительствам, структурам Организации Объединенных Наций и заинтересованным сторонам из всех секторов поделиться вдохновляющими достижениями и историями успеха, которые демонстрируют результаты и воздействие этой работы, а также могут воспроизводиться и совершенствоваться. В ответ МОМ представила несколько проектов, из которых 10 были отобраны и признаны успешными примерами ускорения осуществления Повестки дня на период до 2030 года, включая четыре проекта, касающиеся региона ЮВВЕЦА[57].

Важные моменты: реагирование МОМ на COVID-19 в Региональном отделении в Вене, 2020 год

МОМ осуществляла операции, связанные с COVID-19, в **19** странах и Косово[a].

На мероприятия по борьбе с COVID-19 потрачено **5,8 млн долл. США**.

Число бенефициаров риск-коммуникации и усилий по вовлечению общественности в связи с COVID-19 составило **1 411 253 чел.**[b].

Помощь в связи с возвращением получили **6638** мигрантов, застрявших вследствие COVID-19[b].

Критически важными средствами ВСГ (включая предметы гигиены) и услугами поддержки мер профилактики COVID-19 были обеспечены **1 950 481 чел.**[b].

МОМ предоставила **2384** теста на COVID-19[b].

Поддержку в виде средств к существованию получили **2134 чел.**

Примечания: a) ссылки на Косово следует толковать в контексте резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций; b) данные глобального опроса, проведенного штаб-квартирой, обобщенные по региону ЮВВЕЦА.

В более широком смысле мы можем с уверенностью сказать, что миграция отражена во всех общих аналитических обзорах по странам Организации Объединенных Наций, а также в Рамочных программах Организации Объединенных Наций по сотрудничеству в области устойчивого развития (РПООНСУР). Кроме того, по просьбе координаторов-резидентов Организации Объединенных Наций (КРООН) в 18 странах-участницах программ в регионе ЕЦА, Региональное отделение в Вене координировало проведение тренинга на тему «Укрепление системы ООН для осуществления ГДМ». В июле 2021 года в Армении, Грузии и Украине и в ноябре того же года в Боснии и Герцеговине МОМ и ПРООН в качестве руководителей

57 Программа поддержки на этапе до трудоустройства для сирийцев, находящихся под временной защитой, и принимающих общин в Турции (Турция); Программа укрепления и поддержки МСП («Давайте поможем развитию этого бизнеса») (Турция); Поддержка мер реагирования на COVID-19 со стороны армянской диаспоры (Армения); Национальная стратегия в области миграции и План действий на 2019–2022 годы (Албания).

Основной рабочей группы Сети 2.1 провели такие учебные мероприятия для сотрудников страновых групп Организации Объединенных Наций (СГООН)[58].

Поскольку информационно-разъяснительная работа в отношении охвата мигрантов планами вакцинации от COVID-19 является в этом году глобальным приоритетом, Региональное отделение в Вене при поддержке Регионального отделения в Каире подготовило короткий видеоролик, призванный помочь представительствам в их усилиях по защите интересов мигрантов[59].

Региональное отделение для Европейской экономической зоны, Европейского союза и НАТО

Региональное отделение МОМ для Европейского союза (ЕС), Европейской экономической зоны (ЕЭЗ) и НАТО, или Региональное отделение в Брюсселе, было создано в сентябре 2011 года, когда Лиссабонский договор (2009 год), расширение Европейского союза и углубление сотрудничества укрепили осознание центрального значения политики миграции и предоставления убежища. Европа также столкнулась с неравномерным восстановлением после глобального экономического и финансового кризиса (уровни безработицы в некоторых странах упрямо не снижались) и с многочисленными кризисами в Северной Африке и на Ближнем Востоке, что усилило опасения по поводу миграционного давления. Совокупность внутренних и внешних вызовов способствовала ухудшению общественного восприятия отдельных категорий мигрантов и усилению ксенофобии. В то же время содействие иммиграции высококвалифицированной рабочей силы, интеграции мигрантов и переселению беженцев провозглашалось частью «глобального подхода» ЕС к миграции.

В этом контексте новое Региональное отделение в Брюсселе поставило перед собой задачу продвигать глобальные цели МОМ посредством стратегического партнерства с учреждениями Европейского союза, государствами-членами ЕС и другими странами региона для поощрения ориентированного на мигрантов и основанного на правах человека подхода к управлению миграцией, а также работать с государствами над реагированием на проблемы миграции, включая сложные кризисы, чрезвычайные ситуации, социально-экономические вызовы и смешанные потоки мигрантов. Региональному отделению в Брюсселе было поручено укрепить и обеспечить качество и согласованность политики, программирования, разработки и реализации проектов в регионе и во всем мире для программ, финансируемых ЕС. МОМ создала (июль 2012 года) и расширила (февраль 2016 года) Рамочную программу стратегического сотрудничества с Генеральными директоратами Европейской комиссии по вопросам миграции и внутренних дел (ХОМЕ), международных партнерств (ИНТПА), операций по защите гражданского населения и оказанию гуманитарной помощи (ЭКХО), добрососедства и переговоров о расширении (НЕАР) и Европейской службой внешнеполитической деятельности (ЕСВД).

Основные факты и цифры по Региональному отделению в Брюсселе, 2020 год	
Количество мигрантов, которым была оказана помощь	В рамках гуманитарных программ в регионе: 50 534. В пределах Европейской экономической зоны (ЕЭЗ) в рамках программ расселения (РСЛ), переселения (ПСЛ) и гуманитарной помощи (ПГП): 14 329 (11 266 – расселение и гуманитарный прием, 3063 - переселение). Мигранты, получившие помощь в рамках программы помощи уязвимым мигрантам (ПУМ): 2259 Мигранты, получившие помощь в рамках добровольного возвращения и реинтеграции (ПДРР): 16 449

58 Там же.

59 Видеоролик доступен на сайте www.youtube.com/watch?v=42x2iBqIJFM.

Количество проектов МОМ	В рамках программ для ЕЭЗ по РСЛ/ПСЛ/ПГП: 30 Гуманитарных программ в регионе: 6 Активные проекты по борьбе с торговлей людьми: 29 Активные проекты по ПДРР/РСЛ: 41 Глобальная программа поддержки проектов, реализуемых за пределами региона: 105 Здоровье мигрантов: 7 Мобильность рабочей силы и развитие человеческого потенциала: 54 активных проекта в 2020 году
Количество государств-членов в регионе	32
Количество отделений	28 страновых отделений
Количество сотрудников	2853
Количество национальностей, представленных сотрудниками	103
Основные направления работы	Предоставление мигрантам защиты и помощи (помощь уязвимым мигрантам, помощь в добровольном возвращении и реинтеграции, противодействие торговле людьми, защита детей в процессе миграции, расселение, дополнительные пути и переселение); Переход и выход из кризисов (восстановление, долговременные решения и снижение риска бедствий, переход и стабилизация, поддержка выборов); Гуманитарная помощь и защита гражданского населения (сбор средств для гуманитарных проектов, политика и стратегия гуманитарной помощи); Иммиграционный и пограничный контроль (включая Механизм укрепления потенциала ЕС в области реадмиссии [ЕВРКАП], интеграцию мигрантов и социальную сплоченность, мобильность рабочей силы и этичный наем, миграцию и развитие); Здоровье мигрантов (политика здравоохранения и нормативно-правовая база, системы здравоохранения, учитывающие потребности мигрантов, мониторинг здоровья мигрантов); Сотрудничество МОМ-ЕС по всему миру (Африка, Азия и Тихий океан, Латинская Америка и Карибский бассейн, Ближний Восток, Юго-Восточная и Восточная Европа); и коммуникация и информационно-просветительская работа.

Основные публикации	• Применение инструментария «Учет миграции в мерах социально-экономического реагирования на COVID-19», предназначенного для партнеров по развитию, для актуализации миграции в международном сотрудничестве и развитии (АММСР)[60]. • *Обеспечение интеграции мигрантов посредством социальных инноваций: уроки для городов в условиях пандемии* (совместная публикация с ИМП-Европа, подготовленная в рамках проекта ADMin4ALL («Администрация для всех»))[61]. • *Принципы и подходы в деле переселения НДИ из Греции и их интеграции в других государствах-членах ЕС*[62]. • *Рекомендации МОМ для председательствующей в Совете ЕС Германии, а также для председательствующей Хорватии*[63]. • *Взгляды МОМ на «дорожную карту» нового Пакта ЕС о миграции и убежище*[64].
Региональная веб-страница	https://eea.iom.int/
Региональная стратегия	*Региональная стратегия для Европейской экономической зоны, Швейцарии и Соединенного Королевства на 2020–2024 годы*[65].

Основные изменения в Региональном отделении в Брюсселе после присоединения МОМ к системе Организации Объединенных Наций

После прибытия более миллиона мигрантов и беженцев в Европу в 2015–2016 годах главными вопросами политической повестки дня в регионе оставались управление миграцией, координация и сотрудничество с Европейским союзом. К 2016 году ЕС расширил мандат ФРОНТЕКС, и он официально стал Европейским агентством пограничной и береговой охраны. В последующие годы сокращению количества морских переходов и незаконных прибытий в ЕС способствовали совместное заявление ЕС и Турции от марта 2016 года и другие факторы. Учитывая пребывание в Греции десятков тысяч мигрантов и беженцев, МОМ расширила масштабы поддержки правительства по линии нескольких программ, финансируемых ЕС, включая поддержку управления объектами, защиту уязвимых групп и интеграцию беженцев. В период с 2016 по 2018 год МОМ в рамках этой схемы поддержала переселение около 35 000 просителей убежища из Греции и Италии в другие государства ЕС. Сегодня МОМ продолжает оказывать помощь в реализации отдельных проектов, инициированных Грецией, Италией и Мальтой, по переселению уязвимых беженцев и просителей убежища в другие европейские страны.

Количество заявлений о предоставлении убежища, поданных в ЕС за период с 2016 по 2020 год, оставалось выше, чем количество нелегальных прибытий на морские и сухопутные границы; хотя морские прибытия по Восточному средиземноморскому и Центральному средиземноморскому маршрутам после 2016 года значительно сократились, в период 2018-2021 годов наблюдался резкий рост активности на Западном средиземноморском и Атлантическом маршруте из Западной Африки на Канарские острова. Прибытие по

60 МОМ, 2020o.
61 ИМП и МОМ, 2020.
62 МОМ, 2020p.
63 МОМ, 2020q.
64 МОМ, 2020r.
65 МОМ, 2020s.

морю более чем 23 000 человек на Канарские острова в 2020 году ограничило способность островов по приему мигрантов, а COVID-19 еще больше усложнил реагирование. В феврале 2021 года МОМ начала поддерживать Испанию за счет финансирования ЕС через Центр экстренного приема на Тенерифе для предоставления мигрантам крова, услуг по защите, медицинской, юридической и других видов помощи. Несмотря на сокращение общего числа прибывающих мигрантов, смертность мигрантов в районе Средиземноморья оставалась тревожно высокой, и хотя газеты пестрили заголовками о тупиковых ситуациях, связанных с поисково-спасательными операциями и высадкой спасенных мигрантов, поскольку спасательные операции НПО стали источником разногласий. МОМ и УВКБ ООН в июне 2018 года отреагировали совместным предложением к ЕС о заключении региональной договоренности для обеспечения предсказуемой высадки людей, спасенных на море.

ЕС и его государства-члены расширили сотрудничество с МОМ в рамках Целевого фонда ЕС для Африки (ЦФЕС) и Трехсторонней целевой группы Африканского союза, Европейского союза и Организации Объединенных Наций по бедственному положению мигрантов и беженцев, застрявших в Ливии. В декабре 2016 года ЕС, правительства Германии и Италии и МОМ внедрили Совместную инициативу ЕС-МОМ по защите и реинтеграции мигрантов при поддержке ЦФЕС, чтобы поддержать африканские страны в укреплении регулирования миграции и спасти жизни людей, а также предоставлять мигрантам защиту и помощь на основных миграционных маршрутах в Африке. В соответствии со своей политикой и программами МОМ работает в регионе с государствами и учреждениями ЕС в интересах гармонизации управления нелегальной миграцией и границами при облегчении трудовой миграции и мобильности носителей трудовых навыков для учета демографических тенденций и требований рынка труда. Организация расширила программы, содействующие актуализации миграции в сотрудничестве в целях развития, и активно участвует в осуществлении политики в области миграции и изменения климата в рамках Европейского «зеленого курса». МОМ также представила свои рекомендации по предложениям Европейской комиссии в отношении нового Европейского пакта о миграции и убежище, который был представлен в сентябре 2020 года.

В феврале 2021 года Региональное отделение в Брюсселе опубликовало свои стратегические приоритеты для ЕЭЗ, Швейцарии и Соединенного Королевства на 2020–2024 годы, включающие основные элементы общей Стратегической концепции МОМ по удовлетворению возникающих потребностей в регионе. Отражая миграционные реалии и политические тенденции в каждой стране региона, общая стратегическая цель состоит в том, чтобы обеспечить безопасную, упорядоченную и легальную миграцию для повышения благосостояния мигрантов и общества посредством основанного на правах и общегосударственного подхода к согласованному, целостному и сбалансированному управление миграцией и мобильностью в регион, из него и внутри него. В стратегии также указано, как МОМ будет стремиться учитывать в регионе текущие и будущие региональные и межрегиональные тенденции миграции и перемещения, проблемы и возможности, в том числе посредством сотрудничества с учреждениями Организации Объединенных Наций и другими партнерами.

Пандемия COVID-19 вызвала кризис мобильности с беспрецедентными экономическими, социальными и гуманитарными последствиями в регионе, поскольку закрытие границ и ограничения на поездки внутри страны изменили модели мобильности за счет закрытия авиакомпаний, изменения систем пограничного и миграционного контроля и растущего недоверие к трансграничным перемещениям и нерезидентам. Мигранты, в том числе сезонные рабочие, беженцы и просители убежища, оказались в затруднительном положении после внезапного и несогласованного закрытия границ, не имея возможности переехать из временных мест пребывания. В то же время многие страны региона испытывали острую нехватку сельскохозяйственных и других ключевых работников из-за нарушения сезонной и циркулярной миграции. Пандемические ограничения

в соседних странах и регионах привели к заметному сокращению нелегальных прибытий по морю и суше по всем маршрутам в ЕС в конце 2020 года, но в начале 2021 года нелегальные перевозки возобновились на Западноафриканском/Атлантическом и Центральном средиземноморском маршрутах.

Реакция МОМ на пандемию в регионе в 2021 году основывалась на продуманном Стратегическом плане реагирования и восстановления (СПРВ), который представляет собой дальнейшую разработку Плана 2020 года и предусматривает помощь по спасению жизни людей и удовлетворение их гуманитарных потребностей, инициативы по смягчению воздействия COVID-19 на мигрантов и общества, а также поддержку восстановления и жизнестойкости в сочетании с долгосрочным планированием устойчивого развития. Региональное отделение в Брюсселе и отделения в регионе также адаптировали методы работы, услуги и помощь мигрантам, проведя переговоры с ЕС и государствами-членами о большей гибкости в программировании и переводе услуг в онлайн и осуществив переход на удаленные методы программирования и цифровую связь, в то время как прямая помощь для застрявших мигрантов по возможности предоставлялась в рамках его деятельности по защите мигрантов. Помощь в добровольном возвращении и реинтеграции (ПДРР), расселение и переселение были временно приостановлены, но возобновлены, как только появилась такая возможность. Условия регистрации, виртуальное консультирование и перенаправление к специалистам также были протестированы в рамках ПДРР. Предоставлялась информация о мерах по борьбе с COVID-19.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И КАРИБСКИЙ БАССЕЙН И СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

Региональное отделение для Южной Америки

Отделения МОМ были открыты в Аргентине в 1953 году для разработки программ технического сотрудничества между странами региона. В 2011 году было создано страновое отделение для Аргентины для выполнения проектов, направленных на удовлетворение конкретных потребностей на местном уровне, а затем отделение для Южного Конуса стало Региональным отделением с функциями координации и поддержки деятельности МОМ в регионе. В настоящее время Региональное отделение охватывает своей деятельностью 10 стран Южной Америки (см. рисунок 1) и работает в тесном сотрудничестве с Управлением Специального посланника по вопросу о положении в Венесуэле (УСП), созданным в 2018 году и расположенным в Панаме.

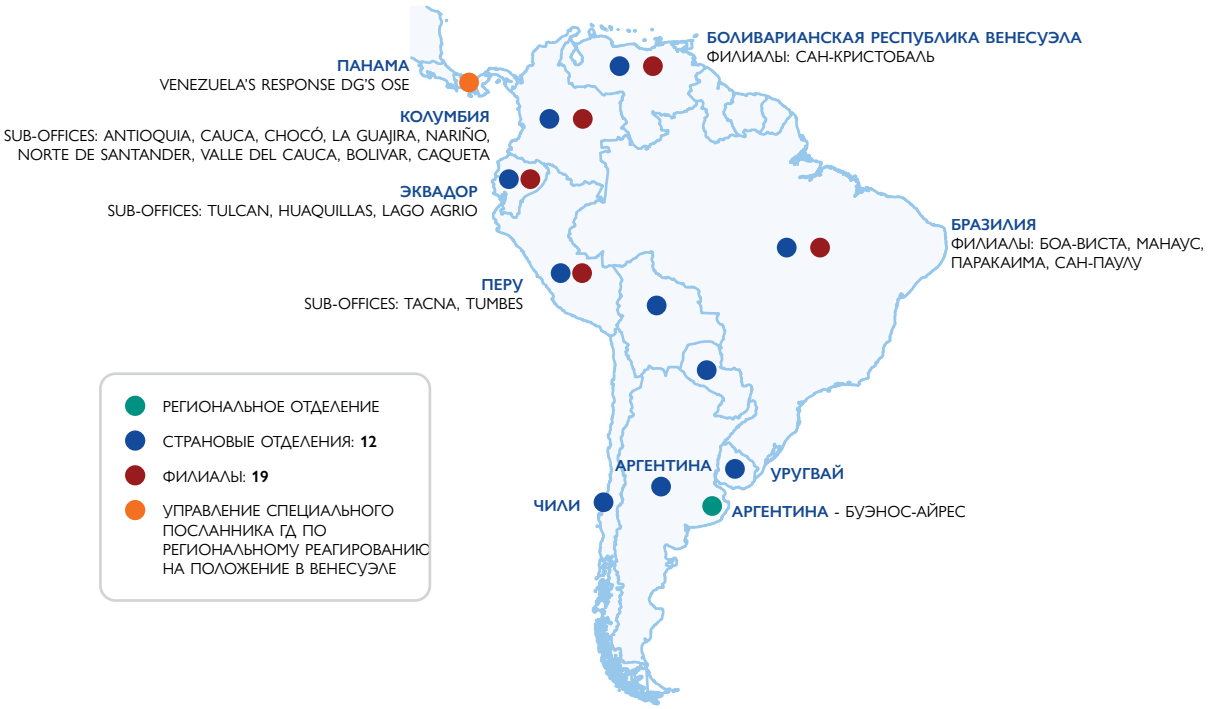
Региональное отделение МОМ в Буэнос-Айресе выполняет функции технического секретариата Южноамериканской конференции по вопросам миграции (САКМ) и тесно сотрудничает с Южноамериканским общим рынком и его различными органами, особенно со Специализированным форумом по вопросам миграции (ФЕМ-МЕРКОСУР – транслитерация его аббревиатуры на испанском языке). Он также тесно сотрудничает с Межамериканской сетью по вопросам миграции (РИАМ - транслитерация его аббревиатуры на испанском языке). В 2020 году МОМ совместно с бывшим временным Председателем САКМ от Аргентины координировала создание шести рабочих групп по ключевым тематическим областям по: гендерным вопросам и миграции; миграции, окружающей среде и изменению климата; интеграции в сфере труда; управлению границами; торговле людьми; и детям и подросткам из числа мигрантов. Региональное отделение содействовало проведению в сентябре 2021 года встречи между САКМ и Региональной конференцией по миграции[66] (РКМ) для определения совместного рабочего плана по миграции, что стало важной вехой в сотрудничестве по управлению миграцией в странах Латинской Америки и Карибского бассейна.

66 Региональная конференция по миграции является региональным консультативным процессом, известным как Пуэблский процесс, в котором участвуют государства-члены из Северной и Центральной Америки.

Основные факты и цифры по Региональному отделению в Буэнос-Айресе и страновым отделениям в регионе, 2020 год	
Количество мигрантов, которым была оказана помощь	В 2020 году в рамках операций по борьбе с COVID-19 получили помощь 2 722 524 мигранта.
Количество проектов МОМ	86 (по состоянию на 2021 год)
Количество государств-членов в регионе	10
Количество отделений	10 страновых отделений, 1 Управление Специального посланника по вопросу о положении в Венесуэле, 1 Региональное отделение, 59 филиалов (по состоянию на сентябрь 2021 года)
Количество сотрудников	1004 (по состоянию на сентябрь 2021 года)
Количество национальностей, представленных сотрудниками	29 (по состоянию на сентябрь 2021 года)
Основные направления работы	Предоставление защиты и помощи уязвимым мигрантам; миграция и развитие; трудовая миграция; миграция, окружающая среда и изменение климата; чрезвычайные ситуации и управление рисками; миграция и здоровье; политика и связи с общественностью; управление данными и информацией; миграционные исследования; управление знаниями; коммуникация и печать; миграция и города; комплексное управление границами.
Основные публикации	• *Обзор нормативно-правовых рамок Аргентины, Многонационального Государства Боливия, Перу, Уругвая и Чили*[67]. • *Диагностика ситуации и случаев торговли людьми в гуманитарном контексте в Южной Америке*[68]. • *Вклад Колумбии в Международную инициативу по возмещению ущерба жертвам сексуального насилия в рамках вооруженного конфликта*[69]. • *Мигранты в Аргентинской Республике: интеграция на рынке труда*[70]. • *Оценка фактических данных: изменение климата и миграция в Перу*[71].
Региональная веб-страница	www.robuenosaires.iom.int
Региональная стратегия	*Региональная стратегия для Южной Америки на 2020–2024 годы*[72].

67 Veiga, 2021.
68 Ferreira, 2020.
69 МОМ, 2020t.
70 Rubinstein and Lieutier, 2020.
71 Bergmann et al., 2021.
72 МОМ, 2020u.

Рисунок 1. МОМ в Южной Америке (отделения и филиалы)



Примечание: Данная карта приводится исключительно в целях иллюстрации. Показанные границы и названия и обозначения, употребляемые на этой карте, не означают официального одобрения или признания со стороны Международной организации по миграции.

Основные изменения в Региональном отделении в Буэнос-Айресе после присоединения МОМ к системе Организации Объединенных Наций

В последние годы характерное для региона структурное социально-экономическое неравенство, усугубленное последствиями пандемии COVID-19, наряду с процессами политической нестабильности, насилия и стихийных бедствий, усилили и диверсифицировали миграционные процессы в регионе. В условиях пандемии и связанного с этим беспрецедентного закрытия границ возникли новые модели миграции, в том числе нелегальные перемещения.

По состоянию на середину 2020 года в Южной Америке проживает около 10,9 млн международных мигрантов, прибывших из разных стран региона и мира[73]. Восемьдесят процентов из них являются внутрирегиональными мигрантами, при этом венесуэльская миграция является наиболее значительной в количественном отношении (по оценкам, по состоянию на 30 июня 2021 года страну покинули более 4,6 млн граждан Венесуэлы)[74]. Внутренний конфликт в Колумбии привел к значительному перемещению населения как внутри страны, так и за ее пределы, особенно в соседние страны (главным образом в Боливарианскую Республику Венесуэла, Чили и Эквадор)[75].

73 ДЭСВ ООН, 2021.
74 R4V, 2021.
75 ДЭСВ ООН, 2021.

За последнее десятилетие в регионе наблюдался рост числа мигрантов из Карибского бассейна (в частности, гаитян и кубинцев) и внерегиональных мигрантов из Африки и Азии. Нелегальная внерегиональная миграция зарегистрирована как в Южной Америке (начиная в ряде случаев в Чили), так и в Центральной Америке, в частности в 2021 году; однако эти перемещения наиболее заметны в Дарьенском ущелье, расположенном по обе стороны колумбийско-панамской границы. Многие карибские мигранты, пересекающие регион транзитом, ранее легально проживали в таких странах, как Бразилия и Чили, а дети, рожденные там, получили их гражданство, а затем стали перемещаться из-за разновекторных факторов[76].

Региональное отделение для Южной Америки в своих действиях, среди прочих глобальных рамок, руководствуется Стратегической концепцией МОМ, осуществляемой посредством выполнения Региональной стратегии на 2020–2024 годы, которая определяет приоритеты для действий в Южной Америке и согласуется с пятью ключевыми региональными оперативными приоритетами, включая: a) гуманитарную и чрезвычайную помощь; b) легализацию; c) интеграцию; d) борьбу с ксенофобией; и e) миграцию, окружающую среду и изменение климата.

Особенности программирования

Реагирование на смешанные миграционные потоки венесуэльцев в регионе. Управление Специального посланника по региональному реагированию на положение в Венесуэле тесно сотрудничает с УВКБ ООН и с Совместным специальным представителем МОМ-УВКБ ООН. После назначения обеих организаций в качестве руководителей системы регионального реагирования МОМ и УВКБ ООН создали Региональную межведомственную координационную платформу (известную под названием «R4V - Реагирование для Венесуэлы»), которая охватывает 17 стран и состоит из примерно 200 организаций, включая учреждения Организации Объединенных Наций и НПО.

Усиление роли МОМ как координатора Сети Организации Объединенных Наций по вопросам миграции (СМООН) в Южной Америке. Региональное отделение в Буэнос-Айресе принимало активное участие в создании Тематической коалиции Организации Объединенных Наций по вопросам мобильности людей, которая функционирует как региональная СМООН, и в частности ее Рабочей группы 1 - Региональной сети Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобального договора о миграции, принятию последующих мер и обзору его осуществления в Латинской Америке и Карибском бассейне (СМООН-ЛАК). По состоянию на сентябрь 2021 года было создано семь СМООН; шесть стран утвердили круг ведения своей Сети; и две страны приступили к разработке своих планов работы.

Важные моменты: реагирование МОМ на COVID-19 в Региональном отделении в Буэнос-Айресе, 2020 год

МОМ осуществляла операции, связанные с COVID-19, в **10** странах.

На мероприятия по борьбе с COVID-19 потрачено **17,3 млн долл. США** (по состоянию на июнь 2021 года).

Число бенефициаров риск-коммуникации и усилий по вовлечению общественности в связи с COVID-19 составило **2 373 389 чел.**

Ту или иную помощь в связи с возвращением получили **8426 чел**.

Необходимыми средствами ВСГ были обеспечены **255 418** чел.

Предоставлено **1000** тестов на COVID-19

Поддержку в виде средств к существованию получили **84 291 чел.**

Что касается гуманитарной и чрезвычайной помощи, особенно в рамках реагирования на COVID-19 и восстановления, то Региональное отделение публикует ежемесячные доклады о ситуации с COVID-19 и,

76 Yates, 2021.

в сотрудничестве с Региональным отделением в Сан-Хосе, недавно опубликовало *Стратегический план реагирования и восстановления после COVID-19 в Латинской Америке и Карибском бассейне*[77]. Кроме того, для удовлетворения медицинских потребностей мигрантов и улучшения доступа к медицинским услугам и их доступности, особенно в контексте пандемии COVID-19, Региональное отделение также координирует и поддерживает **комплексные программы здравоохранения в Южной Америке, в том числе** оказание непосредственной медицинской помощи путем проведения мероприятий на уровне общин и эпиднадзора за заболеваниями, поощрения здорового образа жизни и образования, мер профилактики и обследований, а также терапевтической помощи мигрантам и мобильным группам населения. Кроме того, МОМ работает в сфере защиты мигрантов в уязвимом положении, предоставляя им помощь и поддержку.

Помимо этого, Региональное отделение активизирует свою деятельность по управлению знаниями как в самой МОМ, так и среди ее партнеров, создавая региональный центр и региональную стратегию управления знаниями для формирования культуры обмена, обучения и использования существующего опыта и передовой практики, в том числе в области легализации. Этот подход особенно актуален в контексте стран региона со средним уровнем дохода и высоким уровнем институционализации.

В настоящее время осуществляются два региональных проекта по мобильности людей и управлению границами для a) пилотного технико-экономического обоснования электронной личной медицинской карты для мигрантов в Колумбии и Эквадоре для обеспечения непрерывности лечения мигрантов и мобильных групп населения; и b) цифровой платформы COVID-19 с текущими ограничениями на мобильность в зависимости от страны[78].

Одно из исследований, проведенных в Чили и Парагвае совместно с Управлением Специального посланника по вопросу о реагировании на положение в Венесуэле (УСП) и Экономической комиссией Организации Объединенных Наций для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК ООН) (готовится к печати), направлено на изучение возможностей мигрантов поддерживать восстановление экономики региона после COVID-19, результатом которого станет методическое пособие по проведению подобных исследований. Кроме того, будет разработан набор инструментов для правительств Южной Америки, предназначенный для предоставления заинтересованным сторонам передового опыта и инструментов по социально-экономической интеграции и реинтеграции.

В целях борьбы с ксенофобией Региональное отделение в сотрудничестве с Фондом Габо разработало учебную программу для журналистов, а также организовало церемонию награждения и обучающий семинар с ведущими журналистами региона для повышения осведомленности о положительном вкладе миграции в устойчивое развитие.

В целях повышения осведомленности о политике и активизации мероприятий в области миграции, окружающей среды и изменения климата Региональное отделение организовало рабочий семинар с государствами-членами САКМ для популяризации региональных руководящих указаний по трансграничному перемещению и помощи мигрантам в условиях стихийных бедствий.

Наконец, что касается миграции и развития, то МОМ поддерживает правительства в регионе, среди прочего, с тем чтобы расширить возможности их соответствующих диаспор. В 2021 году в странах региона и Европы была проведена новаторская диагностическая оценка, которая также позволяет анализировать тенденции, проблемы и возможности, открывающиеся в результате признания того факта, что диаспоры часто организуются в более широкие региональные группы и ассоциации.

77 МОМ, 2021t.

78 Suramérica Abierta, n.d.

Региональное отделение для Центральной Америки, Северной Америки и Карибского бассейна

В рамках своих усилий по организационной реформе и в ответ на растущую сложность и масштабы миграции в регионе в 2011 году МОМ учредила Региональное отделение в Сан-Хосе. Оно контролирует и координирует деятельность МОМ, осуществляемую страновыми отделениями и филиалами в тесном сотрудничестве с государствами-членами, региональными организациями, процессами и инициативами, учреждениями Организации Объединенных Наций, гражданским обществом и другими соответствующими заинтересованными сторонами. В регионе также находятся Страновое отделение с функциями мобилизации ресурсов в Вашингтоне, округ Колумбия, Страновое отделение с функциями координации для Карибского бассейна в Гайане, Управление Специального посланника Генерального директора по вопросу о региональном реагировании на положение в Венесуэле в Панаме, Панамский (глобальный) административный центр и Специальное отделение по связям в Нью-Йорке.

Основные факты и цифры по Региональному отделению в Сан-Хосе, 2020 год	
Количество мигрантов, которым была оказана помощь[79]	Борьба с торговлей людьми и преодоление уязвимости мигрантов перед насилием, эксплуатацией и жестоким обращением: 14 165 Прогресс на пути к долговременным решениям: 148 042 Переход, восстановление и стабилизация: 36 257
Количество проектов МОМ	104
Количество государств-членов в регионе	25
Количество отделений	Страновых отделений: 20; филиалов: 41
Количество сотрудников	1017
Количество национальностей, представленных сотрудниками	72
Основные направления работы	Поддержка осуществления Глобального договора о миграции, последующей деятельности и обзора его реализации; снижение риска бедствий, предотвращение перемещения и оказание помощи перемещенному населению; миграция, окружающая среда и изменение климата; защита мигрантов и помощь репатриантам и мигрантам, находящимся в уязвимом положении, в том числе мигрантам из других регионов; борьба с торговлей людьми; борьба с ксенофобией и дискриминацией; управление границами; содействие использованию легальных путей и легализации, включая схемы трудовой миграции; поддержка стран данными о миграции для разработки политики, основанной на фактических данных; и привлечение диаспоры для устойчивого развития.

79 Общее числа мигрантов, которым была оказана помощь в рамках более массовых мероприятий и/или таких, по которым доступно больше данных. Цифры взяты из страновых докладов за 2020 год.

Основные публикации	• *La Movilidad Humana Derivada de Desastres y el Cambio Climático en Centroamérica (Мобильность людей, обусловленная стихийными бедствиями и изменением климата в Центральной Америке*[80]. • *Mecanismos Sobre Migración Laboral en Mesoamérica (Механизмы трудовой миграции в Мезоамерике)*[81]. • *Informe Anual Programa de Retorno Voluntario Asistido (RVA). México y países del norte de América Central (Годовой отчет Программы помощи в добровольном возвращении (ПДВ). Мексика и страны северной части Центральной Америки)*[82]. • *El Tráfico Ilícito de Migrantes en América Central y México en el Contexto de la COVID-19 (Незаконный ввоз мигрантов в Центральной Америке и Мексике в контексте COVID-19)*[83]. • *Migración Extraregional en Sudamérica y Mesoamérica: Perfiles, experiencias y necesidades (Внерегиональная миграция в Южной Америке и Мезоамерике: характеристики, опыт и потребности)*[84]. • *МОП: страны, пострадавшие от ураганов Эта и Йота в Латинской Америке и Карибском бассейне*[85].
Региональная веб-страница	https://rosanjose.iom.int/en
Региональная стратегия	*Региональная стратегия для Центральной Америки, Северной Америки и Карибского бассейна на 2020–2024 годы*[86].

Основные изменения в Региональном отделении в Сан-Хосе после присоединения МОМ к системе Организации Объединенных Наций

Центральная Америка, Северная Америка и Карибский бассейн образуют весьма разнообразный регион, включающий 25 стран и многочисленные территории с общей численностью населения, в 2020 году составлявшей 589,03 млн человек. Большие различия в доходах существуют не только между странами, но и внутри них. Большинство стран Центральной Америки и Карибского бассейна сталкиваются с повышенными рисками, связанными с опасностями как природного, так и антропогенного характера, а также с особыми факторами уязвимости, такими как бедность и неравенство, и с отсутствием потенциала для их преодоления. Отсутствие возможностей трудоустройства, низкие доходы, плохие или неформальные условия труда, насилие (включая гендерное насилие), организованная преступность, преследования, отсутствие безопасности в сочетании с бедностью, а также засухи и наводнения, усугубляемые отсутствием доступа к эффективным социальным услугам, наряду с близостью к Соединенным Штатам Америки создают в регионе предпосылки для большой подверженности миграции.

С целью обеспечения последовательного и всеобъемлющего стратегического подхода в соответствии со Стратегической концепцией МОМ Региональное отделение в Сан-Хосе разработало Региональную стратегию для Центральной Америки, Северной Америки и Карибского бассейна на 2020–2024 годы. В ней определены основные проблемы, возможности и приоритеты в области миграции, сгруппированные по трем стержневым направлениям:

80 МОМ, 2021u.
81 Chaves and Aragón, 2021.
82 МОМ, 2021v.
83 МОМ, 2020v.
84 МОМ, 2019b.
85 МОМ, 2020w.
86 МОМ, 2020x.

a) жизнестойкость: устранение неблагоприятных движущих сил миграции; b) мобильность: содействие безопасным, легальным и упорядоченным формам миграции; и c) управление: работа в качестве надежного и эффективного лидера и партнера в соответствующих двусторонних, региональных и глобальных инициативах и процессах.

Подходы к программированию включают ряд следующих тем:

В порядке реагирования на многочисленные внезапно и медленно наступающие стихийные бедствия МОМ помогает правительствам в совершенствовании государственной политики по снижению рисков бедствий, предотвращению перемещения и оказанию помощи перемещенному населению. МОМ также разработала программы посткризисного перехода и восстановления, особенно в странах Карибского бассейна.

В 2020 году Панамериканская организация здравоохранения (ПАОЗ) и МОМ подписали соглашение о содействии улучшению здоровья 75 миллионов мигрантов в Северной и Южной Америке путем расширения масштабов скоординированных вмешательств и усиления информационно-пропагандистской деятельности с целью учета особых потребностей мигрантов в области здравоохранения. Реагирование МОМ на COVID-19 направлено на профилактику, доступ пострадавших людей к основным услугам и смягчение социально-экономических последствий пандемии.

Что касается защиты и помощи мигрантам, то МОМ поддерживает репатриантов в Сальвадоре, Гватемале, Гаити и Гондурасе, предоставляя гуманитарную помощь, продовольствие, транспорт, медицинские и психосоциальные услуги. Вдоль границы между Гаити и Доминиканской Республикой с помощью МОМ были созданы пограничные ресурсные центры, которые ориентируют уязвимых репатриантов. МОМ также, помимо первоначальной помощи, помогает правительствам в приеме репатриантов и их устойчивой реинтеграции.

МОМ и УВКБ ООН совместно руководят системой регионального реагирования на положение беженцев и мигрантов из Боливарианской Республики Венесуэла, стремящихся получить доступ к основным правам, услугам и защите, а также к обеспечению своей самостоятельности и социально-экономической интеграции. Работая с другими учреждениями Организации Объединенных Наций, МОМ помогает решать проблемы мигрантов из других регионов, въезжающих в Панаму, включая сбор данных с помощью Матрицы отслеживания перемещений и поддержку центров приема мигрантов.

Межведомственное сотрудничество помогло государствам-членам Региональных консультаций по вопросам миграции (РКМ) разработать руководящие принципы защиты детей. В Никарагуа МОМ провела обучение должностных лиц по оказанию помощи несопровождаемым детям и подросткам из числа мигрантов, что дополнялось информационными кампаниями на эту тему с использованием методологии «Коммуникация для развития» (C4D).

Усилия МОМ по борьбе с торговлей людьми привели к разработке стандартных операционных процедур, проведению обучения и исследований для партнеров и к оказанию постоянной поддержки Национальным коалициям по борьбе с торговлей людьми и Региональной коалиции по борьбе с торговлей людьми и незаконным ввозом людей. Главным приоритетом для МОМ остается предоставление неотложной, краткосрочной и среднесрочной помощи жертвам торговли людьми, включая удовлетворение основных потребностей, медицинские услуги и юридическую помощь.

Программная поддержка, которую МОМ оказывает РКМ по гендерным вопросам и вопросам женщинам в контексте мобильности, включает разработку руководств по предоставлению помощи и защиты и организацию трех ежегодных совещаний.

Во всем регионе МОМ ратует за легальные каналы миграции и легализацию с использованием оптимальной практики, что привело к содействию в получении ежегодно до 14 400 виз через Бразильский визовый центр

(БВЦ) на Гаити; принятию плана по регистрации более чем 16 000 венесуэльских мигрантов в Тринидаде и Тобаго; проведению кампаний и рабочих семинаров по методике C4D для предотвращения нелегальной миграции.

МОМ проводит оценки системы пограничного контроля и инициатив по биометрическим данным. На Гаити МОМ помогает оборудовать официальные пункты въезда приборами Системы анализа информации и данных о миграции (МИДАС) для регистрации и идентификации путешественников. При поддержке МОМ РКМ разработала многолетний план работы по борьбе с незаконным провозом людей для его внедрения в 11 странах региона.

МОМ помогла правительствам пересмотреть и разработать политику трудовой миграции в соответствии с международными стандартами, что привело к появлению законодательства, исследований, технических консультаций и наращиванию потенциала. Отделение МОМ-Коста-Рика поддержало создание Системы прослеживаемости трудовой миграции для отслеживания состояния здоровья и перемещений мигрантов, что позволило обеспечить круговой поток 15 000 трудовых мигрантов в 2020 и 2021 годах.

МОМ предприняла в регионе целенаправленные действия для привлечения диаспоры посредством инициатив по картированию, которые позволяют осуществлять определение имеющихся навыков и интересов для поддержки стран происхождения и назначения, разработку наборов инструментов для инвестиций диаспоры на Ямайке и укрепление организаций венесуэльской диаспоры в Панаме.

МОМ оказала поддержку правительствам стран Центральной Америки и Карибского бассейна в расширении их возможностей по сбору, анализу и использованию данных о миграции для продвижения вперед в разработке национальных миграционных политики и стратегий.

В качестве координатора Сети Организации Объединенных Наций по вопросам миграции МОМ добилась значительного прогресса в наращивании потенциала поддержки на страновом и региональном уровнях. Существуют семь национальных сетей по вопросам миграции и/или эквивалентные им рабочие группы в Гаити, Гватемале, Гондурасе, Коста-Рике, Мексике, Панаме и Сальвадоре. Гондурас, Канада, Мексика и Сальвадор являются участниками инициативы «Страна-чемпион».

Важные моменты: реагирование МОМ на COVID-19 в Региональном отделении в Сан-Хосе, 2020 год

МОМ осуществляла операции, связанные с COVID-19, в **15** странах[a].

На мероприятия по борьбе с COVID-19 потрачено **19 млн долл. США**[b].

Число бенефициаров риск-коммуникации и усилий по вовлечению общественности в связи с COVID-19 составило **7,5 млн чел.**[a].

Ту или иную помощь в связи с возвращением получили **460 чел.**[a].

Необходимыми средствами ВСГ были обеспечены **292 300 чел.**[a].

Предоставлено **15 558** тестов на COVID-19[b].

Поддержку в виде средств к существованию получили **9185 чел.**[a].

a Багамские Острова, Белиз, Гаити, Гайана, Гватемала, Гондурас, Доминика, Доминиканская Республика, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа, Панама, Сальвадор, Тринидад и Тобаго и Ямайка.
b COVID-19 Funding Tracker. July 2021.

МОМ вместе с ЭКЛАК, УВКБ ООН и ЮНИСЕФ возглавляет Тематическую коалицию по вопросам мобильности людей (ТК-МЛ). В качестве рабочей группы ТК Региональная сеть Организации Объединенных Наций по вопросам миграции под совместным руководством МОМ и ЭКЛАК успешно провела первый региональный обзор осуществления Глобального договора о миграции.

МОМ включила вопросы миграции в Общий страновой анализ (ОСА) и Рамочную программу Организации Объединенных Наций по сотрудничеству в области устойчивого развития (РПООНСУР). На Кубе МОМ впервые присоединилась к РПООНСУР на 2020–2024 годы.

Глава 2

Добавление A. Сокращенная выдержка: *Заключительный доклад о концептуальных основах, концепциях и определениях в области международной миграции* (27 апреля 2021 года)

Полный текст доклада имеется по адресу https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/migration-expert-group/task-forces/TF2-ConceptualFramework-Final.pdf.

Введение и предыстория

1. Статистический отдел Организации Объединенных Наций под руководством Группы экспертов Организации Объединенных Наций по статистике миграции инициировал пересмотр Рекомендаций по статистике международной миграции 1998 года (далее именуемых Рекомендациями 1998 года). До настоящего времени определение «международный мигрант», данное в Рекомендациях 1998 года, в определенной степени поддерживало сопоставимость между странами. Однако со времени публикации Рекомендаций 1998 года прошло более 20 лет. Вплоть до пандемии COVID-19 в 2020 году препятствия для международной миграции были уменьшены. В частности, современные коммуникационные технологии и возросшее удобство передвижения уменьшили психологическое бремя проживания в других странах, поскольку мигранты могли поддерживать частые контакты со своими семьями и друзьями в странах своего происхождения. Это включает как временные, так и постоянные переезды, связанные с образованием или возможностями трудоустройства, а также те, которые связаны с политическими или экологическими обстоятельствами. Также были заключены региональные соглашения, которые разрешают свободное перемещение между некоторыми странами, что создает новые проблемы измерения даже для стран с относительно развитыми статистическими системами.

2. Увеличение уровней и изменение моделей международной миграции, включая просителей убежища и беженцев, повысили спрос на точные и своевременные данные. Призывы к получению более качественных данных в рамках ряда инициатив подчеркивают необходимость сбора и использования статистических данных о миграции для разработки основанной на фактических данных миграционной политики и руководства интеграцией мигрантов в планы национального развития. Эти данные также необходимы для оценки численности населения и понимания демографических изменений. С увеличением продолжительности жизни и снижением рождаемости в большинстве стран мира миграция становится все более важным компонентом как демографических, так и социальных изменений.

3. Качественные и своевременные данные о международной миграции необходимы по многим причинам. Они все больше связаны с ростом или сокращением населения, экономическим развитием и экологическими проблемами. Например, местным субъектам необходим своевременный подсчет лиц, пользующихся местными услугами (например, жильем, медицинскими и социальными услугами, школами), в то время как национальные заинтересованные стороны могут больше интересоваться количеством, характеристиками и рассредоточением мигрантов на национальной территории для оценки последствий. например, в отношении изменения населения и внутренних рынков труда. Поскольку международная мобильность связана с перемещением людей из одной страны в другую, необходимо обмениваться данными об этих перемещениях и обеспечивать их сопоставимость во времени. Без таких данных невозможно оценить размер диаспор стран за границей или сопоставить размер и характеристики международных миграционных контингентов и потоков. Невозможно также выполнить требования

по данным, закрепленные в Глобальном договоре Организации Объединенных Наций о безопасной, упорядоченной и легальной миграции и Целях в области устойчивого развития. Поскольку многие страны настойчиво стремятся собирать статистические данные о передвижении населения, наличие механизма для наращивания потенциала в области разработки и улучшения миграционной статистики может оказаться очень ценным.

Пересмотр концепций международной миграции и мобильности

17. В этом разделе мы намечаем ключевую концептуальную основу международной мобильности и миграции. Международная мобильность включает в себя все перемещения через международные границы в течение данного года. Международная миграция определяется более узко как изменение страны проживания и рассматривается как подмножество международной мобильности. Без учета этих потоков невозможно проанализировать изменение численности постоянного населения — основного контингента, используемого для международных сопоставлений. В нашей концептуальной основе население и его соответствующая международная мобильность разделены на две отдельные группы: i) постоянное население и международная миграция и ii) временное (непостоянное) население и временная международная мобильность. Временная международная мобильность включает в себя все пересечения международной границы (события), за исключением тех, которые связаны с изменениями в составе постоянного населения.

18. Мы определяем место проживания в соответствии с «Принципами и рекомендациями в отношении переписей населения и жилищного фонда ООН» (третье пересмотренное издание, пункт 2.50). То есть рекомендуется, чтобы страны применяли порог в 12 месяцев при рассмотрении места проживания в соответствии с одним из следующих двух критериев:

    a. место, в котором человек непрерывно жил в течение большей части предшествующих 12 месяцев (т.е. не менее 6 месяцев и одного дня), не считая временного отсутствия в отпуске или по работе, или в котором он намерен прожить не менее 6 месяцев и одного дня;

    b. место, в котором человек непрерывно жил как минимум 12 предшествующих месяцев, не считая временного отсутствия в отпуске или по работе, или в котором он намерен прожить как минимум 12 месяцев.

…

27. На рисунке 2 мы представляем концептуальную основу, где показаны связи между прибывающими из-за рубежа и наличным населением, к которому относятся все лица, присутствующие в оцениваемой стране в определенный момент, исключая временно проживающих за рубежом. Ключевым фактором, отличающим международную миграцию от других международных перемещений населения, является продолжительность пребывания в стране или за рубежом. Таким образом, критерием для определения мигранта должен быть срок, необходимый для того, чтобы отнести его к постоянному населению. На практике это означало бы срок в 6 месяцев либо в 12 месяцев (см. пункт 18), с тем чтобы миграционные потоки совпадали с изменением численности постоянного населения за данный год. То же самое касается и отбывающих: люди должны находиться за рубежом и оставаться в другой стране достаточно долго, исходя из требования о минимальном сроке, чтобы считаться частью постоянного населения другой страны. Лица, которые временно проживали более чем в одной стране меньше минимального срока, не могу т получить новый видна жительство и поэтому по-прежнему являются частью постоянного населения своей родной страны. В основу мы включаем лиц, которые никогда не становятся частью

постоянного населения. Мы также включаем изменение статуса с временного на постоянный лицами, которые, находясь в стране, остаются в ней дольше минимального срока. Лица, пробывшие в стране дольше минимального срока и не имеющие действительной визы или других иммиграционных документов, должны рассматриваться как часть постоянного населения.

Рисунок 2. Концептуальная основа взаимосвязи между продолжительностью пребывания и международной мобильностью

Глава 3

Добавление A. Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам: регионы и субрегионы

Просьба принять к сведению, что отражение в данной таблице географических регионов и субрегионов, определенных ДЭСВ ООН, не означает официального одобрения или признания со стороны МОМ.

Африки				
Восточная Африка[a]	Средняя Африка[b]	Северная часть Африки[c]	Южная часть Африки[d]	Западная часть Африки[e]
Бурунди	Ангола	Алжир	Ботсвана	Бенин
Коморские Острова	Камерун	Египет	Эсватини	Буркина-Фасо
Джибути	Центральноафриканская Республика	Ливия	Лесото	Кабо-Верде
Эритрея	Чад	Марокко	Намибия	Кот-д'Ивуар
Эфиопия	Конго	Судан	Южная Африка	Гамбия
Кения	Демократическая Республика Конго	Тунис		Гана
Мадагаскар	Экваториальная Гвинея			Гвинея
Малави	Габон			Гвинея-Бисау
Маврикий	Сан-Томе и Принсипи			Либерия
Майотта				Мали
Мозамбик				Мавритания
Реюньон				Нигер
Руанда				Нигерия
Сейшельские Острова				Остров Святой Елены
Сомали				Сенегал
Южный Судан				Сьерра-Леоне
Уганда				Того
Объединенная Республика Танзания				
Замбия				
Зимбабве				

a В данной главе Восточная Африка была объединена с субрегионом южной части Африки, хотя страны/территории/районы внутри них остаются такими же.

b В данной главе этот субрегион описан под названием «Центральная Африка» и объединен с Западной Африкой.

c Этот субрегион описан под названием «Северная Африка».

d Этот субрегион объединен с Восточной Африкой.

e В данной главе этот субрегион описан под названием «Западная Африка» и объединен с Центральной Африкой (ДЭСВ ООН: Средняя Африка).

Азия				
Центральная Азия	Восточная Азия	Юго-восточная часть Азии[f]	Южная Азия	Западная Азия[g]
Казахстан	Китай	Бруней-Даруссалам	Афганистан	Армения
Кыргызстан	Специальный административ-ный район Китая Гонконг	Камбоджа	Бангладеш	Азербайджан
Таджикистан	Специальный административ-ный район Китая Макао	Индонезия	Бутан	Бахрейн
Туркменистан	Корейская Народно-Демократическая Республика	Лаосская Народно-Демократическая Республика	Индия	Кипр
Узбекистан	Япония	Малайзия	Иран (Исламская Республика)	Грузия
	Монголия	Мьянма	Мальдивские Острова	Ирак
	Республика Корея	Филиппины	Непал	Израиль
		Сингапур	Пакистан	Иордания
		Таиланд	Шри-Ланка	Кувейт
		Тимор-Лешти		Ливан
		Вьетнам		Оман
				Катар
				Саудовская Аравия
				Сирийская Арабская Республика
				Турция
				Объединенные Арабские Эмираты
				Йемен

f Этот субрегион описан под названием «Юго-Восточная Азия».

g Этот субрегион описан под названием «Ближний Восток».

Европа[h]			
Восточная Европа[i]	Северная Европа	Южная Европа	Западная Европа
Беларусь	Нормандские острова	Албания	Австрия
Болгария	Дания	Андорра	Бельгия
Чехия	Эстония	Босния и Герцеговина	Франция
Венгрия	Фарерские острова	Хорватия	Германия
Польша	Финляндия	Гибралтар	Лихтенштейн
Республика Молдова	Исландия	Греция	Люксембург
Румыния	Ирландия	Святой Престол	Монако
Российская Федерация	Остров Мэн	Италия	Нидерланды
Словакия	Латвия	Мальта	Швейцария
Украина	Литва	Черногория	
	Норвегия	Северная Македония	
	Швеция	Португалия	
	Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	Сан-Марино	
		Сербия	
		Словения	
		Испания	

h Некоторые страны в этом регионе, особенно члены Европейского союза, могли быть рассмотрены в разделах о Юго-Восточной и Восточной Европе, а также в содержащемся в главе описании субрегионов Северной, Западной и Южной Европы.

i В главе объединены Северная, Западная и Южная Европа, за исключением находящихся в Южной Европе следующих стран: Албании, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Черногории, Сербии и Северной Македонии, рассмотрение которых было включено в раздел о Юго-Восточной Европе в рамках субрегиона Юго-Восточной и Восточной Европы.

Латинская Америка и Карибский бассейн		
Карибский бассейн	Центральная Америка[j]	Южная Америка
Ангилья	Белиз	Аргентина
Антигуа и Барбуда	Коста-Рика	Боливия (Многонациональное Государство)
Аруба	Сальвадор	Бразилия
Багамские Острова	Гватемала	Чили
Барбадос	Гондурас	Колумбия
Бонайре, Синт-Эстатиус и Саба	Мексика	Эквадор
Британские Виргинские острова	Никарагуа	Фолклендские (Мальвинские) острова
Каймановы острова	Панама	Французская Гвиана
Куба		Гайана
Кюрасао		Парагвай
Доминика		Перу
Доминиканская Республика		Суринам
Гренада		Уругвай
Гваделупа		Боливарианская Республика Венесуэла
Гаити		
Ямайка		
Мартиника		
Монтсеррат		
Пуэро-Рико		
Сент-Китс и Невис		
Сент-Люсия		
Сент-Винсент и Гренадины		
Синт-Мартен (нидерландская часть)		
Тринидад и Тобаго		
Теркс и Кайкос		
Виргинские острова Соединенных Штатов		

j В данной главе субрегион «Центральная Америка» был объединен с Мексикой и Карибским бассейном.

Северная Америка
Бермудские острова
Канада
Гренландия
Сен-Пьер и Микелон
Соединенные Штаты Америки

Океания			
Австралия и Новая Зеландия	Меланезия	Микронезия	Полинезия
Австралия	Фиджи	Гуам	Американское Самоа
Новая Зеландия	Новая Каледония	Кирибати	Острова Кука
	Папуа-Новая Гвинея	Маршалловы Острова	Французская Полинезия
	Соломоновы Острова	Микронезия (Федеративные Штаты)	Ниуэ
	Вануату	Науру	Самоа
		Северные Марианские острова	Токелау
		Палау	Тонга
			Тувалу
			Острова Уоллис и Футуна

Легенда:

Регион
Субрегион[i]
Страна/территория/район[ii,iii]

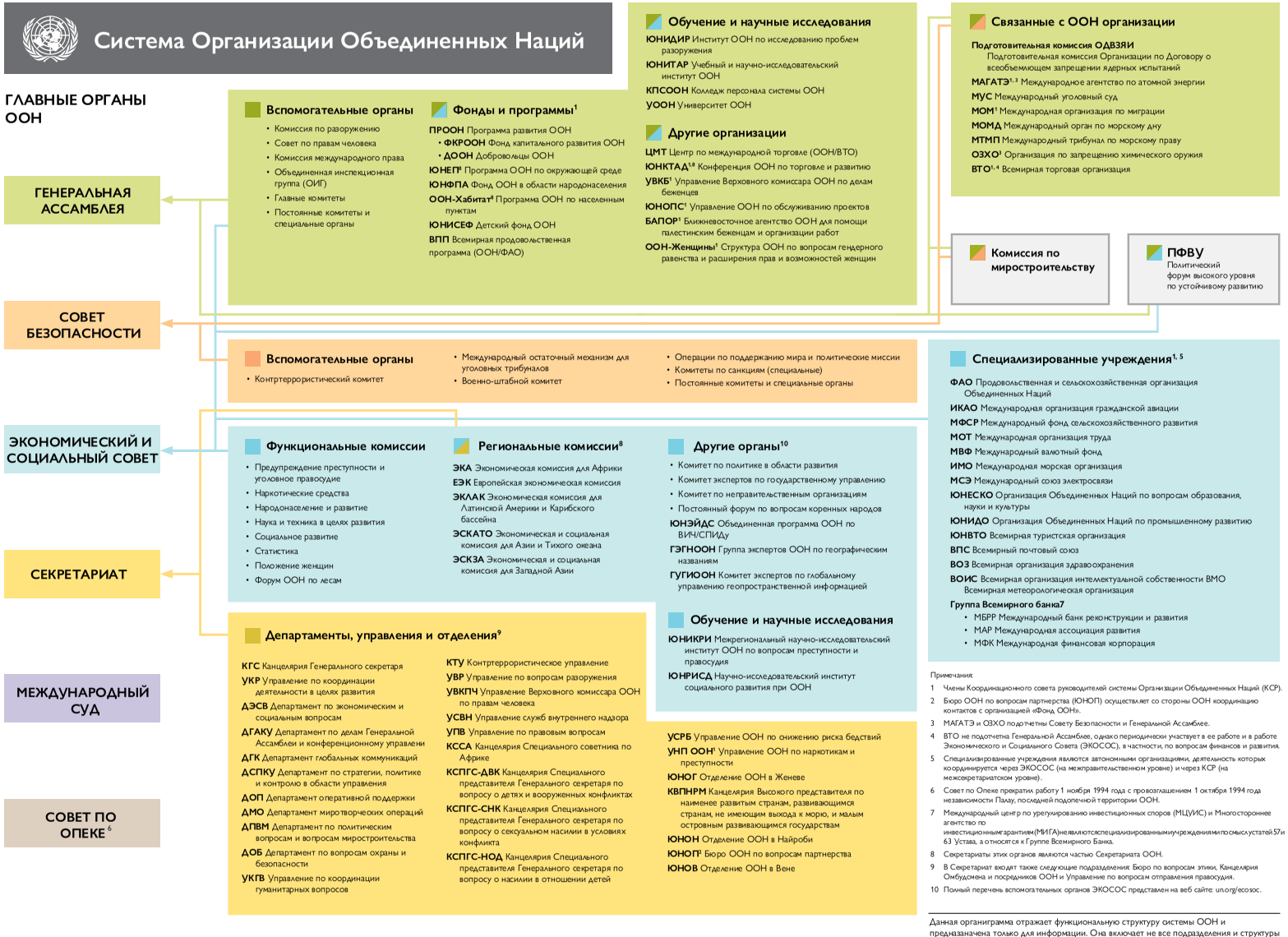
Примечание: В отношении методологии и пояснительных примечаний см International Migrant Stock 2020: Documentation, имеется по адресу www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2020_international_migrant_stock_documentation.pdf.

i Субрегионы, упоминаемые в главе, могут отличаться от применяемых в Статистическом отделе ДЭСВ ООН либо по названию, либо по тому, какие страны/территории/районы включены в них.

ii «Название стран или районов в краткой форме используются в повседневных операциях Организации Объединенных Наций и не обязательно соответствуют их официальным названиям, употребляемым в официальных документах. Эти названия основаны на данных Терминологической базы данных Организации Объединенных Наций (ЮНТЕРМ), которую можно найти по адресу: https://unterm.un.org/UNTERM/portal/welcome. Употребляемые обозначения и изложение материала на этом сайте не означают выражения со стороны Секретариата Организации Объединенных Наций [или Международной организации по миграции (МОМ)] какого бы то ни было мнения относительно правового статуса той или иной страны, территории, города или района или их властей или относительно делимитации их границ». Дополнительную информацию см. по адресу https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/.

iii Названия, приведенные в этой таблице, которая была использована при подготовке главы, касаются стран, а также территорий, районов и специальных административных районов. Просьба принять к сведению, что эта таблица не претендует на всеохватность.

Добавление A. Органиграмма системы Организации Объединенных Наций



Примечания:

1 Члены Координационного совета руководителей системы Организации Объединенных Наций (КСР).

2 Бюро ООН по вопросам партнерства (ЮНОП) осуществляет со стороны ООН координацию контактов с организацией «Фонд ООН».

3 МАГАТЭ и ОЗХО подотчетны Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее.

4 ВТО не подотчетна Генеральной Ассамблее, однако периодически участвует в ее работе и в работе Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС), в частности, по вопросам финансов и развития.

5 Специализированные учреждения являются автономными организациями, деятельность которых координируется через ЭКОСОС (на межправительственном уровне) и через КСР (на межсекретариатском уровне).

6 Совет по Опеке прекратил работу 1 ноября 1994 года с провозглашением 1 октября 1994 года независимости Палау, последней подопечной территории ООН.

7 Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) и Многостороннее агентство по инвестиционным гарантиям (МИГА) не являются специализированными учреждениями по смыслу статей 57 и 63 Устава, а относятся к Группе Всемирного Банка.

8 Секретариаты этих органов являются частью Секретариата ООН.

9 В Секретариат входят также следующие подразделения: Бюро по вопросам этики, Канцелярия Омбудсмена и посредников ООН и Управление по вопросам отправления правосудия.

10 Полный перечень вспомогательных органов ЭКОСОС представлен на веб-сайте: un.org/ecosoc.

Данная органиграмма отражает функциональную структуру системы ООН и предназначена только для информации. Она включает не все подразделения и структуры системы ООН.

© 2019 United Nations. All rights reserved worldwide

Published by the United Nations Department of Global Communications 19-00073 – July 2019

Добавление B. Краткая хронология процессов договоров и Сети Организации Объединенных Наций

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, сентябрь 2016 года
- Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах
- МОМ становится смежной организацией Организации Объединенных Наций

Глобальный договор о беженцах		**Глобальный договор о миграции**		**Сеть Организации Объединенных Наций по вопросам миграции**	
Янв. 2017 г. – дек. 2017 г.	тематические консультации	*Апрель 2017 г.*	резолюция Организации Объединенных Наций о формате для процесса Договора		
Июнь 2017 г.	консультации НПО	*Апрель 2017 г. – ноя. 2017 г.*	этап неофициальных консультаций; 6 тематических сессий		
Дек. 2017 г. – янв. 2018 г.	итоговые консультации	*Дек. 2017 г. – янв. 2018 г.*	этап критического анализа	*Дек. 2017 г.*	Генеральный секретарь инициирует внутренние консультации в Организации Объединенных Наций
Фев. 2018 г. – июль 2018 г.	официальные консультации	*Дек. 2017 г.*	публикация доклада Генерального секретаря «Реализация целей миграции на благо всех»	*Май 2018 г.*	решение Канцелярии Генерального секретаря о предлагаемой модели
		Фев. 2018 г. – июль 2018 г.	этап межправительственных переговоров	*Июнь 2018 г.*	заместитель Генерального секретаря информирует государства-члены о Сети Организации Объединенных Наций
				Июль 2018 г.	в окончательном тексте Глобального договора о миграции приветствуется решение Генерального секретаря о создании Сети
				Окт. 2018 г.	организационное совещание Организации Объединенных Наций по созданию Сети
				Ноя. 2018 г.	утверждение круга ведения Сети
Дек. 2018 г.	принятие Генеральной Ассамблеей Глобального договора о беженцах	*Дек. 2018 г.*	Международная конференция по принятию Глобального договора о миграции, а затем одобрение Глобального договора о миграции Генеральной Ассамблеей	*Дек. 2018 г.*	Генеральный секретарь на международной конференции объявляет о создании Сети
Сент. 2016 г. – дек. 2018 г.: применение КМОБ				*Янв. 2019 г.*	Сеть Организации Объединенных Наций создана в качестве преемницы Глобальной группы по миграции Организации Объединенных Наций

Источник: Newland et al., 2019.

Добавление A

Здравоохранение (помимо вируса)	Охрана окружающей среды	Социальная сфера	Экономика	Образование
В период с января по июль 2020 года почти во всех странах, по которым имеются данные, было зарегистрировано значительное сокращение усʻуг по тестированию на ВИЧ[a]. Однако во многих случаях сбои в лечении ВИЧ были устранены к июлю 2020 года[b].	Пандемия привела к расширению использования одноразового пластика, включая ежемесячное использование примерно 129 млрд масок для лица, что приводит к накоплению отходов[a,b].	Хотя с момента появления COVID-19 уровень насилия в отношении женщин и девочек увеличился, из-за локдаунов стало трудно обращаться за помощью, а в районах ограничения передвижения поступило меньше обращений[a].	По оценкам МОТ, во втором квартале 2020 года глобальное рабочее время сократилось (по сравнению с последним кварталом 2019 года) на 17,3%, что эквивалентно 495 млн рабочих мест с полной занятостью[a].	По данным ЮНЕСКО, в апреле 2020 года 75% зачисленных учащихся (более 1,32 млрд учащихся) пострадали от закрытия школ, при этом в 139 случаях школы были закрыты по всей стране[a].
По оценкам, количество дорожно-транспортных происшествий в Соединенных Штатах после введения локдауна сократилось на 50%[c].	Во всех основных регионах после локдаунов структура энергопотребления сместилась в сторону возобновляемых источников энергии из-за снижения спроса на электроэнергию и более низких эксплуатационных расходов[c].	В Сальвадоре банды объявили обязательный комендантский час в районах со слабым присутствием государственных властей, откуда поступали сообщения о «жестоких наказаниях» лиц, не подчиняющихся мерам общественного здравоохранения[b].	По прогнозам Всемирного банка, из-за пандемии от 88 до 115 млн человек окажутся за чертой бедности, определяемой как жизнь на менее 1,90 долл. США в день[b].	В то время как в странах с высоким уровнем дохода дистанционным обучением охвачено около 80% учащихся, в странах с низким уровнем дохода этот охват снижается до менее 50%[b].
Нарушая работу служб и усиливая стресс и изоляцию, меры общественного здравоохранения, такие как локдауны, могут негативно сказаться на состоянии психического здоровья людей с тяжелыми психическими заболеваниями[d].	После введения локдаунов увеличилась вырубка тропических лесов в Африке, Латинской Америке и Азиатско-Тихоокеанском регионе, особенно в районах, где правоохранительные органы играют ключевую роль в сокращении потерь лесов[d].	Несколько исследований показали, что во время локдаунов, связанных с COVID-19, гендерный разрыв в уходе сократился; однако это в значительной степени зависит от изменений в статусе занятости мужчин, не имеющих оплачиваемой работы[c].	Несмотря на прогнозы о том, что международные денежные переводы сократятся на 20% в мире в 2020 году, денежные переводы в некоторые страны во время COVID-19 увеличились[c].	Согласно прогнозам университетский сектор Соединенного Королевства может понести долгосрочные убытки в размере до 19 млрд фунтов стерлингов, при этом больше всего пострадают заведения с большой долей иностранных студентов[c].
По оценкам организации «Мэри Стоупс интернэшнл», закрытие служб репродуктивного здоровья в 37 странах привело к 1,5 млн дополнительных небезопасных абортов и 3100 случаям смерти, связанным с беременностью[e].	Ограничения экономической деятельности, вызванные локдаунами, привели к улучшению качества воздуха со снижением уровней концентрации диоксида азота во всем мире[e].	В Республике Корея в первом квартале 2020 года после введения ограничений на мобильность на 30% увеличилось количество загрузок мобильных игр[d].	По оценкам, время в пути на работу и с нее в Соединенных Штатах Америки сократилось на 62 млн часов в день, при этом 35% работников используют это время для выполнения своей основной работы, а 30% — для досуга[d].	С помощью видеокамер студенты-медики Токийского университета могут наблюдать хирургические операции в режиме реального времени с общением между хирургом и студентами[d].
По пессимистическим сценариям, срыв борьбы с малярией в Африке в связи с COVID-19 может почти удвоить смертность от малярии в 2020 году и потенциально угрожает еще большим ростом в последующие годы[f].	После снижения уровня шума на пляжах Эквадора стали чаще наблюдаться представители дикой природы, включая китов и черепах[f].	Из взрослых жителей Соединенных Штатов Америки, сообщивших о том, что в июле 2020 года они смотрели религиозные службы в Интернете, более половины — 18% всех взрослых — начали делать это только с началом пандемии[e].	Зафиксирован огромный рост использования платформ для видеоконференций. Например, в первой половине 2020 года количество участников ежедневных совещаний на платформе Zoom увеличилось на 300 млн человек[e].	По оценкам в одном канадском исследовании, закрытие школ, вызванное COVID-19, может увеличить разрыв в социально-экономических показателях до 30%[e].

Источники:

Здравоохранение
a ЮНЭЙДС, 2020a.
b ЮНЭЙДС, 2020b.
c Brodeur et al., 2020.
d Centre for Evidence-Based Medicine, 2020.
e Marie Stopes International, 2020.
f Weiss et al., 2020.

Охрана окружающей среды
a Love and Rieland, 2020.
b Adyel, 2020.
c International Energy Agency, 2021.
d Brancalion et al., 2020.
e Narain, 2020.
f Ormaza-González and Castro-Rodas, 2020.

Социальная сфера
a «ООН-женщины», 2020.
b Sandin and Topa, 2020.
c ДЭСВ ООН, 2020.
d Kang, 2020.
e Cooperman, 2020.

Экономика
a МОТ, 2020a.
b Lakner et al., 2020.
c МОМ, 2020h.
d Barrero et al., 2020.
e Zoom, 2020.

Образование
a ЮНЕСКО, 2021.
b ГУР ООН, 2020.
c Drayton and Waltmann, 2020.
d Jack et al., 2021.
e Haeck and Lefebvre, 2020.

Добавление B

Страновое тематическое исследование (Африка): Кения

Основные статистические данные

Общая численность населения (2020 г.)[a]	53,77 млн
Категория индекса человеческого развития[b]	Средняя
ВВП (2020 г.)[c]	98,84 млрд долл. США
ВВП на душу населения (2020 г.)[c]	1838 долл. США
Иммигранты (2020 г.)[d]	
В млн человек	1,05
Процент населения	1,95%
Эмигранты за границей (2020 г.)[d]	
В млн человек	0,53
Процент населения	1,00%
Принятые беженцы и просители убежища (2020 г.)[e]	505 000
Внутренне перемещенные лица (на конец 2020 г.)[f]	394 000
Подтвержденные случаи COVID-19 (на 11 марта 2021 г.)[g]	
Всего	109 643
На 1 млн человек	2039
Смертность от COVID-19 (на 11 марта 2021 г.)[g]	
Всего	1886
На 1 млн человек	35
Авиапассажиры (2019 г.)[h]	6,42 млн

Источники: a) ДЭСВ ООН, 2019; b) ПРООН, 2020b; c) Всемирный банк, n.d.; d) ДЭСВ ООН, 2021b; e) УВКБ, n.d.; f) IDMC, 2021; g) ВОЗ, n.d.; h) ИКАО, n.d.

COVID-19 и Кения как центр мобильности

Основные последствия для населения

Правительство Кении более десяти лет стремится сделать страну региональным транзитным узлом как для пассажиров, так и для грузов. В рамках своей программы «Перспективы развития Кении на период до 2030 года» правительство модернизировало и расширило свои авиационные объекты, а количество пассажиров, перевезенных в стране, в 2019 году достигло 6,4 млн человек, увеличившись более чем на 120% по сравнению с 2008 годом, когда началось осуществление программы[87]. Программа на период до 2030 года также предусматривала увеличение пропускной способности порта Момбаса, африканского пункта ввоза товаров на миллиарды долларов, которые впоследствии транспортируются автомобильным транспортом во внутренние страны континента через Восточную и Центральную Африку[88].

87 Government of Kenya, 2008; Всемирный банк, 2020b.

88 Kenya Ports Authority, 2020; МОМ, 2020i.

Эта тенденция к увеличению мобильности резко обернулась вспять после начала пандемии COVID-19. 15 марта 2020 года проезд был приостановлен почти для всех лиц, въезжающих в Кению из стран, в которых имелись случаи заболевания COVID-19, при этом въезжать могли только кенийские граждане и лица с действующим видом на жительство[89]. Кроме того, к 29 марта 2020 года были закрыты границы с Эфиопией. Южным Суданом и Угандой, а границы с Сомали и Объединенной Республикой Танзанией были закрыты 16 мая 2020 года[90]. Год спустя, в марте 2021 года, новые волны вируса снова ограничили мобильность, поскольку в Найроби, Каджиадо, Киамбу, Мачакосе и Накуру была запрещена работа автомобильного, железнодорожного и воздушного транспорта[91]. Вдобавок к этому международные поездки были разрешены, но при условии подтверждения отрицательного результата теста на COVID-19, что, наряду с мерами комендантского часа, отражало растущий уровень положительных результатов COVID-19 и госпитализаций в Кении[92] Таким образом, в этот бурный год возникли серьезные проблемы с мобильностью на всех видах транспорта и, в свою очередь, для кенийской экономики и продовольственной безопасности людей во всем регионе.

Основные вызовы для органов власти и специалистов-практиков

После введения ограничений на мобильность резко сократилась деятельность пассажирской авиации: с января по октябрь 2020 года количество прибывших международных пассажиров упало на 72% по сравнению с таким же период предыдущего года[93]. Это сокращение объема авиаперевозок оказало серьезное экономическое воздействие на авиакомпании, включая компанию «Кения Эйрвэйз», которая сообщила о снижении общей выручки на 48% за шесть месяцев до июня 2020 года[94]. Вместе с тем этот коллапс повлиял также на кенийскую экономику в целом: отрасль срезанных цветов, которая в 2018 году занимала второе место по объему экспорта товаров или услуг в Кении, в период с марта по май 2020 года столкнулась с резким снижением экспорта из-за приостановки международных рейсов[95]. Как только европейские рынки начали открываться после локдаунов в июле 2020 года, цветочная отрасль в Кении начала медленно восстанавливаться, и некоторые компании сообщили, что спрос снова вырос до 85%[96]. В целях поддержки роста правительство Кении сотрудничало с несколькими заинтересованными сторонами в деле обеспечения операций, что способствовало увеличению спроса в течение четырех месяцев с ноября 2020 года, несмотря на новые волны вируса и последующие локдауны[97].

Хотя порт Момбаса практически не пострадал от ограничений на передвижение, закрытие границ создало трудности для перевозки грузов автомобильным транспортом[98]. Несмотря на исключение водителей грузовиков из категорий, на которые распространялось закрытие границ, они были определены как группа высокого риска в отношении распространения COVID-19. В результате от них требовалось либо предъявить отрицательный результат теста, сделанного в течение предыдущих 14 дней, либо пройти тест перед тем, как им будет разрешено пересечь границу[99]. Это приводило к очередям длиной до 60 километров на пограничных пунктах одной остановки, и в некоторых случаях водителям требовалось от пяти до десяти дней для их пересечения[100].

89 Kenyan Ministry of Health, 2020.
90 *KTN News*, 2020; Malak, 2020; Tubei, 2020
91 *Africanews* and AFP, 2021.
92 Там же.
93 Kenyan Tourism Research Institute, 2020.
94 Dar es Salaam Stock Exchange, 2020.
95 Mold and Mveyange, 2020; Banga et al., 2020.
96 Mohammed, 2020.
97 Kantaria, 2021.
98 *Hellenic Shipping News*, 2020.
99 Ratner, 2020.
100 Там же.

Этот сбой имел тяжелые последствия в свете крупнейшего за последние десятилетия нашествия саранчи, наблюдавшегося в 2019 году в некоторых странах Восточной Африки[101]. В этой связи Всемирная продовольственная программа Организации Объединенных Наций предупредила, что пробки на границах ставят под угрозу доставку жизненно важных продуктов питания, в том числе продуктов питания, предназначенных для лагерей беженцев[102]. Также высказывались опасения, что очереди способствуют распространению COVID-19, так как водители должны были спать в антисанитарных условиях и, поскольку у них не было еды и воды, взаимодействовать с местными общинами вблизи границы[103]. Продовольственной безопасности в регионе угрожала также невозможность заниматься сельским хозяйством и неформальной деятельностью на фоне ограничений мобильности и нестабильность денежных переводов[104].

Передовая практика

Несмотря на серьезные сбои в пассажирском авиасообщении в результате пандемии, грузовые рейсы продолжали выполняться на более высоких уровнях. Авиакомпания «Эстрел Эвиэйшн» увеличила свои воздушные перевозки в Африке, выполняя грузовые рейсы между своим узловым аэропортом в Найроби и 13 пунктами назначения на континенте, в то время как «Кения Эйрвэйз» переоборудовала часть своих пассажирских самолетов в грузовые[105]. Это не только поддержало сами авиакомпании, но и увеличило экспорт, например, для отрасли срезанных цветов[106]. Правительство также предприняло шаги по национализации «Кения Эйрвэйз» в попытке оказать финансовую поддержку авиакомпании, хотя эта инициатива зашла в тупик в сентябре 2020 года после отклонения основного законопроекта Лобби кенийских юристов, которые заявили о наличии в нем «существенных юридических проблем»[107].

Кроме того, с тем чтобы укрепить потенциал Кении по тестированию на COVID-19 на двух самых загруженных пограничных пунктах, Восточноафриканское сообщество (ВАС) в мае 2020 года предоставило правительству Кении две мобильные лаборатории, которые были оборудованы с использованием средств, поступивших от федерального правительства Германии[108]. МОМ также помогла разблокировать очереди грузовиков за счет направления медицинского персонала, что позволило проводить тестирование 400 образцов в день[109]. Однако в сентябре 2020 года появилось более постоянное решение, когда ВАС ввело в действие региональную электронную систему отслеживания грузов и водителей - мобильное приложение для отслеживания контактов, которое выдавало водителям цифровую декларацию о состоянии здоровья, признаваемую всеми членами ВАС[110]. Это свело к минимуму необходимость проведения нескольких тестов на COVID-19 за одну поездку и уменьшило количество пробок на границах[111].

101 ФАО, 2020
102 Biryabarema and Obulutsa, 2020.
103 Mold and Mveyange, 2020; Muhumuza and Odula, 2020; Kazibwe, 2020.
104 Nechifor et al., 2021.
105 Gledhill, 2020; МОМ, 2020i.
106 Banga et al., 2020.
107 Ombok, 2020.
108 EAC, 2020a; EAC, 2020b.
109 МОМ, 2020i.
110 EAC, 2020a.
111 Там же.

Уроки, извлеченные после 12 месяцев COVID-19

После переключения на грузовые рейсы к концу 2020 года кенийские авиалинии стали играть важную роль на этапе борьбы с пандемией путем вакцинации: в рамках подготовки к развертыванию вакцинации против COVID-19 «Кения Эйрвэйз» инвестировала в фармацевтическое предприятие, расположенное в Международном аэропорту им. Джомо Кеньятты в Найроби, а компания «Эстрел Эвиэйшн» объявила, что предложит чартерные перевозки вакцин в Африку по запросу[112]. К марту 2021 года Кения получила первую партию вакцин против COVID-19 и начала национальную кампанию, уделяя первоочередное внимание работникам здравоохранения и основному персоналу[113].

Тем временем ввиду сбоев в перевозке грузов, вызванных вирусом, правительство Кении стремилось повысить эффективность и координацию транспортного сектора путем создания в августе 2020 года Кенийской транспортно-логистической сети (КТЛС). После его создания правительство заявило, что КТЛС поможет реализовать стратегическую программу Кении по превращению в региональный логистический узел, позволив централизовать операции и снизить транспортные расходы[114].

Страновое тематическое исследование (Азия): Бангладеш

Основные статистические данные

Общая численность населения (2020 г.)	164,69 млн
Категория индекса человеческого развития	Средняя
ВВП (2020 г.)	324,24 млрд долл. США
ВВП на душу населения (2020 г.)	1968 долл. США
Иммигранты (2020 г.)	
В млн человек	2,11
Процент населения	1,28%
Эмигранты за границей (2020 г.)	
В млн человек	7,40
Процент населения	4,49%
Принятые беженцы и просители убежища (2020 г.)	866 000
Внутренне перемещенные лица (на конец 2020 г.)	772 000
Подтвержденные случаи COVID-19 (на 11 марта 2021 г.)	
Всего	553 105
На 1 млн человек	3358
Смертность от COVID-19 (на 11 марта 2021 г.)	
Всего	8496
На 1 млн человек	52
Авиапассажиры (2019 г.)	5,96 млн

Источники: В отношении источников см. таблицу странового тематического исследования по Кении (Африка).

112 Brett, 2020; Astral Aviation, 2020.

113 ВОЗ, 2021d.

114 *Kenyan Digest*, 2020

COVID-19 и денежные переводы в Бангладеш

Основные последствия для населения

Несмотря на проживание за пределами страны, диаспора Бангладеш играет ключевую роль в ее развитии. По оценкам Всемирного банка, в 2019 году общая сумма переводов на родину всех эмигрантов страны составила свыше 18 млрд долл. США, из которых 73% поступили от бангладешских рабочих, занятых преимущественно на «низкоквалифицированных» работах в государствах Совета сотрудничества стран Залива (ССЗ)[115]. Эти денежные переводы, которые составляют более 6% ВВП и представляют собой второй по величине источник зарубежного дохода страны, являются спасательным кругом для многих бангладешцев. Денежные переводы составляют 85% ежедневных расходов семей зарубежных мигрантов, при этом 60% этих семей полностью зависят от денежных переводов в своих ежедневных расходах[116].

Сбои, вызванные пандемией COVID-19, представляют серьезную угрозу финансовой безопасности иждивенцев на родине. Всемирный банк с самого начала прогнозировал 20-процентное снижение общего объема денежных переводов в Бангладеш, и в марте, апреле и мае 2020 года эти прогнозы подтвердились[117]. Тем не менее, вопреки пессимистическим прогнозам, международные денежные переводы в Бангладеш в целом выросли в период с января по октябрь 2020 года; так, они были на 17% выше, чем за тот же период годом ранее, а в июле 2020 года было переведено рекордное количество средств в размере 2,6 млрд долл. США[118]. Это контрастировало с более широким регионом Южной Азии, где, по прогнозу Всемирного банка, объем денежных переводов мог сократиться на 4% в 2020 году и примерно на 11% в 2021 году[119]. После резкого увеличения в мае и июне 2020 года поток денежных переводов в остальную часть 2020 года ежемесячно достигал суммы в размере свыше 2 млрд долл. США[120]. Согласно сообщениям уже в марте 2021 года бангладешская диаспора отправила на родину 1,91 млрд долл. США, что на 50,16% больше, чем в том же месяце предыдущего года, благодаря инициативам правительства и центрального банка по увеличению денежных переводов, а также тому, что бангладешские экспатрианты отправляют больше денег родственникам, лишившимся источников дохода[121].

Протяженность границы между Бангладеш и Индией создавала проблемы для сдерживания высококонтагиозного штамма «дельта», при этом регионы Бангладеш, граничащие с Индией, были первыми, кто сообщил о значительном всплеске инфекций из-за трансграничного перемещения[122]. Кроме того, несмотря на внутренние ограничения на поездки, быстрый рост числа случаев заражения заставил тысячи внутренних мигрантов, живущих в столице Дакке, вернуться в свои деревни, что вызвало дополнительные опасения по поводу передачи инфекции[123].

115 Всемирный банк, 2020c; Sorkar, 2020.

116 Sorkar, 2020; Fitch Ratings, 2020.

117 Chowdhury and Chakraborty, 2021, с использованием данных Бангладешского банка.

118 Fitch Ratings, 2020; Bangladesh Bank, 2020.

119 Всемирный банк, 2020c.

120 Chowdhury and Chakraborty, 2021.

121 *Dhaka Tribune*, 2021.

122 Alam, 2021.

123 *DW*, 2021

Основные вызовы для органов власти и специалистов-практиков

Всплеск международных денежных переводов был неожиданным и затруднил для правительства и финансовых учреждений определение правильного политического реагирования. Хотя общие показатели были положительными, было сделано предположение, что это частично объяснялось перенаправлением денежных переводов из неформальных каналов в формальные из-за трудностей с ношением денег на руках в связи с ограничениями на поездки, обусловленными COVID-19, и сокращением расхождения в обменных курсах долларов США между двумя каналами[124].

Однако более важным было предположение о том, что рост денежных переводов был вызван тем, что трудящиеся-мигранты репатриировали свои сбережения перед возвращением домой, что не только подразумевает долгосрочное сокращение денежных переводов, но и указывает на усиление безработицы в Бангладеш: до закрытия границ в марте 2020 года в Бангладеш вернулись, в основном вследствие пандемии, около 400 000 рабочих[125]. Согласно отчету за июль 2020 года 70% трудящихся-мигрантов, вернувшихся из-за границы после начала пандемии, были безработными[126]. Безработица в Бангладеш и за рубежом отражена в нарушении оттока мигрантов, при котором число эмигрантов в период с января по май 2020 года составило всего 181 200 человек по сравнению с 302 400 человек за тот же период 2019 года[127]. Проблема обеспечения занятости среди бангладешских рабочих-мигрантов сохраняется, поскольку вторая и третья волны пандемии коронавируса нарушают сообщение между странами[128]. Это особенно актуально для трудящихся-мигрантов из Южной Азии, работающих в странах ССЗ, где наблюдается резкое снижение спроса на трудящихся-мигрантов в таких секторах, как общественное питание, гостиничное дело и обрабатывающая промышленность[129]. Продолжительные локдауны и обусловленная ними безработица повлияют на доходы трудящихся-мигрантов и их способность отправлять денежные переводы, делая семьи в Бангладеш уязвимыми и потенциально неспособными удовлетворять такие насущные потребности, как приобретение продуктов питания, одежды и получение образования[130].

Передовая практика

Хотя рост мог (частично) объясняться сменой каналов денежных переводов, он также был результатом действий разработчиков политики, направленных на поощрение и облегчение отправки денежных переводов. Центральный банк более чем втрое увеличил потолок своей схемы денежного поощрения 2019 года, в соответствии с которой получатели денежных переводов получают двухпроцентный бонус за переводы, сделанные с использованием официальных систем, подняв его до 5000 долл. США, а некоторые коммерческие банки предоставили дополнительное поощрение в размере одного процента с целью обеспечения еще большей привлекательности официальной отправки денежных переводов[131]. Партнерство между поставщиками мобильных финансовых услуг и коммерческими банками также облегчило отправку денежных переводов через компании, осуществляющие переводы «онлайн в бумажник», увеличив

124 Всемирный банк, 2020a; Mahmud and Uddin, 2020.
125 ПРООН, 2020b.
126 Fitch Ratings, 2020; MOM, 2020j.
127 Chowdhury and Chakraborty, 2021.
128 Там же.
129 Там же.
130 Там же.
131 HSBC, 2020; Aneja and Islam, 2020.

среднесуточный объем отправляемых средств на 150% в апреле 2020 года[132]. Тем временем Министерство социального обеспечения экспатриантов и трудоустройства за рубежом (МСОЭТЗР) стремилось устранить возможность ухудшения ситуации с безработицей, объявив о ссудах в размере до 8 260 долл. США для возвращающихся трудящихся-мигрантов, которые продолжают заниматься приносящей доход деятельностью, особенно связанной с сельским хозяйством[133].

Однако наиболее значительным фактором роста международных денежных переводов были сами мигранты. В то время как процентные ставки по депозитам в Соединенных Штатах и странах Европы упали примерно до нуля, 5-процентные ставки, предлагаемые бангладешскими банками, стали более привлекательными, как и бангладешская земля[134]. Экспатрианты также отправляли деньги для поддержки родственников, которые потеряли свой доход в результате пандемии или пострадали от сильных наводнений, последовавших за циклоном «Амфан» в мае 2020 года, затопившим четверть территории Бангладеш[135].

Уроки, извлеченные после 12 месяцев COVID-19

Пандемия подтолкнула к разработке официальной и широко принятой системы признания навыков, призванной повысить воспринимаемую экономическую ценность трудящихся-мигрантов. Предвидя большой приток экспатриантов после возобновления международных поездок, МСОЭТЗР стремилось укрепить свою систему признания предшествующего обучения, которая, по данным Международной организации труда, позволяет вернувшимся мигрантам легче реинтегрироваться на внутреннем рынке труда[136]. Аналогичным образом, посольство Бангладеш в Саудовской Аравии инициировало диалог с двумя агентствами, отвечающими за Программу проверки навыков в стране, с целью увеличения заработка и содействия карьерному росту бангладешских трудящихся-мигрантов и, в свою очередь, в долгосрочной перспективе увеличения стоимости отправляемых денежных переводов[137].

Кроме того, правительство Бангладеш работает над диверсификацией возможностей трудоустройства для трудящихся-мигрантов, особенно в сельском хозяйстве и секторе здравоохранения в Африке и Европе, учитывая разрушение традиционных рынков труда в странах ССЗ и Юго-Восточной Азии[138]. На фоне многочисленных вызовов для мобильности и трудящихся-мигрантов Бангладеш ведет диалог с Малайзией, стремясь урегулировать положение примерно 200 000 незарегистрированных бангладешских трудящихся-мигрантов в стране[139].

132 Aneja and Islam, 2020.
133 Karim et al., 2020.
134 Mahmud and Uddin, 2020.
135 BRAC, 2020.
136 МОТ, 2020b.
137 Там же.
138 ПРООН, 2020b.
139 Там же.

Страновое тематическое исследование (Европа): Германия

Основные статистические данные

Общая численность населения (2020 г.)	83,78 млн
Категория индекса человеческого развития	Очень высокая
ВВП (2020 г.)	3806 млрд долл. США
ВВП на душу населения (2020 г.)	45 723 долл. США
Иммигранты (2020 г.)	
В млн человек	15,76
Процент населения	18,81%
Эмигранты за границей (2020 г.)	
В млн человек	3,85
Процент населения	4,60%
Принятые беженцы и просители убежища (2020 г.)	1 453 700
Внутренне перемещенные лица (на конец 2020 г.)	–
Подтвержденные случаи COVID-19 (на 11 марта 2021 г.)	
Всего	2 518 591
На 1 млн человек	30 061
Смертность от COVID-19 (на 11 марта 2021 г.)	
Всего	72 489
На 1 млн человек	865
Авиапассажиры (2019 г.)	109,63 млн

Источники: В отношении источников см. таблицу странового тематического исследования по Кении (Африка).

COVID-19 и признание навыков мигрантов в Германии

Основные последствия для населения

Учитывая 1,2 миллиона незаполненных вакансий в 2018 году и чистую потерю 300 000 сотрудников в год, нехватка рабочей силы представляет значительный риск для экономики Германии[140]. Привлечение трудящихся-мигрантов считается центральным элементом решения проблемы этой нехватки, при этом 73% населения Германии считают, что мигранты «помогают заполнить рабочие места, на которые трудно найти рабочих в Германии»[141]. Вместе с тем утверждается, что многие из пробелов, которые в настоящее время закрывают мигранты, приходятся на отрасли, характеризующиеся низкой заработной платой и плохими условиями труда, тогда как административные барьеры препятствуют найму мигрантов на должности по профессиям, которые правительство Германии определяет как «высококвалифицированные»[142].

140 ODI, 2020.
141 EC, 2018.
142 Duell and Vetter, 2020.

Поскольку 35% мигрантов считаются основными работниками по сравнению с менее чем 30% работников, родившихся в Германии, они также чрезмерно представлены в «основных секторах труда», таких как обучение, здравоохранение и сельское хозяйство, которые вышли на передний план с началом пандемии COVID-19[143]. В результате правительство Германии было вынуждено пойти на беспрецедентные меры, чтобы сохранить функционирование основных секторов, устраняя как препятствия для занятости мигрантов, вызванные локдаунами, так и более долгосрочные препятствия, которые мешали интеграции мигрантов на рынке труда до пандемии.

Основные вызовы для органов власти и специалистов-практиков

Отсутствие мобильности, вызванное локдаунами, стало самой большой причиной нехватки рабочей силы в ключевых секторах. Например, в секторе сельского хозяйства и садоводства введение ограничений на поездки в марте 2020 года помешало прибытию 286 000 сезонных рабочих-мигрантов из Восточной Европы, от которых зависит этот сектор[144]. Министерство сельского хозяйства стремилось смягчить этот сбой в данном секторе, открыв онлайн-платформу для контактов немецких добровольцев с фермерами, но количество зарегистрированных добровольцев было намного меньше, чем того требовал сектор[145]. Аналогичные трудности возникли в секторе ухода, зависимого от проживающих с подопечными патронажного персонала из Польши, который работает посменно от 2 до 12 недель кряду, а затем возвращается домой через границу, часто на микроавтобусах, организованных агентствами по уходу. Восстановление пограничного контроля и требование пройти 14-дневный карантин по прибытии сделали эти рабочие схемы невыполнимыми и вынудили многих лиц, осуществляющих уход, вернуться домой[146].

Еще одним ключевым фактором нехватки рабочей силы был недостаток квалифицированных специалистов в условиях возросшего спроса, который усугублялся недавно разработанной политикой в области трудовой миграции. Например, потенциальные трудящиеся-мигранты с профессиональными навыками всячески пытались добиться признания своей квалификации при подаче заявления на получение визы определенных категорий, в то время как просители убежища, проживающие в Германии, чьи заявления ранее были отклонены, не могли подать заявление на получение новых категорий виз, если они лично не обратились в посольство Германии в их родной стране[147]. Эффект этих административных препятствий стал более острым во время пандемии COVID-19: например, в секторе здравоохранения существующий персонал был вынужден увеличить свое рабочее время, когда их коллеги пошли на карантин[148].

143 Fasani and Mazza, 2020.
144 Hooper and Le Coz, 2020.
145 Buck et al., 2020.
146 Safuta and Noack, 2020.
147 Grüll, 2020.
148 Kramer et al., 2021.

Передовая практика

В марте 2020 года государственные власти обратились за помощью к врачам-мигрантам, чья аккредитация на занятие медицинской практикой находилась на рассмотрении. Саксонская государственная медицинская ассоциация использовала социальные сети для обращения за поддержкой, за которым последовало аналогичное обращение Баварской государственной медицинской ассоциации и ускорение подачи заявок на признание иностранных квалификаций администрацией земли Северный Рейн-Вестфалия[149]. Для решения проблемы нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве были предприняты более энергичные меры. Под сильным давлением со стороны Союза фермеров Германии и региональных фермерских ассоциаций правительство Германии вновь открыло границу для 40 000 сезонных рабочих в апреле и мае 2020 года, при этом одной из причин этого решения было названо то, что рабочие немецкого происхождения работали медленнее, чем рабочие-мигранты, и часто увольнялись после короткого периода[150]. Максимальный период, в течение которого иностранным рабочим разрешалось работать в Германии без необходимости отчислений в систему социального обеспечения Германии, также был увеличен, что позволило сезонным рабочим, уже находящимся в Германии, оставаться там дольше[151]. С началом сезона 2021 года сезонные рабочие-мигранты должны будут предъявить отрицательный результат теста на COVID-19 по прибытии и снова пройти тест на ферме[152].

Уроки, извлеченные после 12 месяцев COVID-19

Подчеркнув решающую роль, которую мигранты играют в ключевых секторах, пандемия вызвала призывы к сбору более точных данных, позволяющих оценить реальную зависимость Германии от трудящихся-мигрантов и разработать безопасные правовые механизмы для содействия их прибытию[153]. Вместе с тем она также породила более широкую дискуссию об условиях, в которых работают мигранты: в мае 2020 года правительство Германии объявило о серии реформ в мясной промышленности после вспышек COVID-19 — отчасти из-за плохих условий труда и жизни трудящихся-мигрантов, - при этом обсуждались также изменения в структуре заработной платы в секторе ухода[154].

149 Gobner, 2020.

150 U.S. Foreign Agricultural Service, 2020.

151 Там же.

152 Kinkartz, 2021.

153 Popp, 2020.

154 Young, 2020; Bruzelius and Ratzmann, 2020.

Страновое тематическое исследование (Латинская Америка): Колумбия

Основные статистические данные

Общая численность населения (2020 г.)	50,88 млн
Категория индекса человеческого развития	Высокая
ВВП (2020 г.)	271,35 млрд долл. США
ВВП на душу населения (2020 г.)	5332 долл. США
Иммигранты (2020 г.)	
В млн человек	1,90
Процент населения	3,74%
Эмигранты за границей (2019 г.)	
В млн человек	3,02
Процент населения	5,94%
Принятые беженцы и просители убежища (2020 г.)*	1 750 000
Внутренне перемещенные лица (на конец 2020 г.)	4,94 млн
Подтвержденные случаи COVID-19 (на 11 марта 2021 г.)	
Всего	2 282 372
На 1 млн человек	44 855
Смертность от COVID-19 (на 11 марта 2021 г.)	
Всего	60 676
На 1 млн человек	1192
Авиапассажиры (2019 г.)	37,03 млн

Источники: В отношении источников см. таблицу странового тематического исследования по Кении (Африка).
* Включая перемещенных венесуэльцев

COVID-19 и уязвимые и перемещенные группы населения в Колумбии

Основные последствия для населения

С 2015 года, когда Боливарианская Республика Венесуэла вступила в период, характеризующийся насилием, преследованиями и экономической и политической нестабильностью, страну покинули более пяти миллионов человек[155]. Основным направлением для этих перемещенных лиц являлась Колумбия: к концу января 2021 года в страну прибыло почти 1,8 миллиона венесуэльцев[156]. Несмотря на все возможные усилия, предпринятые для размещения этих прибывающих, включая инициативы по массовой легализации, 56% венесуэльцев не имеют постоянного статуса[157]. Что касается легализации, в феврале 2021 года Колумбия внедрила политику, согласно

155 МОМ и УВКБ, 2021.
156 Там же.
157 Migración Colombia, 2021.

которой венесуэльским мигрантам и беженцам предоставляется статус временной защиты сроком на 10 лет, что дает им доступ к основным услугам, таким как охват системы национального здравоохранения[158].

Проблемы, связанные с получением юридического статуса, и другие барьеры, в том числе ограниченный доступ к финансированию и дискриминация при приеме на работу, означают, что многие сталкиваются с трудностями в доступе к образованию, трудоустройству и медицинскому обслуживанию[159]. Пандемия сделала положение перемещенных венесуэльцев в Колумбии еще более шатким. В попытке замедлить распространение вируса и уменьшить значительную нагрузку на и без того перегруженную систему здравоохранения в марте 2020 года национальное правительство Колумбии ввело ограничения на мобильность и экономическую деятельность[160]. Это добавило экономический аспект к кризису в области здравоохранения и увеличило потребность в поддержке, в которой нуждаются эти уязвимые группы.

Основные вызовы для органов власти и специалистов-практиков

Пандемия в первую очередь представляет угрозу для здоровья перемещенных лиц из Венесуэлы, поскольку мигранты, как правило, сталкиваются с большим риском заражения COVID-19, чем лица, родившиеся в Колумбии, — многие из них живут в переполненных домохозяйствах со средней численностью от пяти до девяти человек, в зависимости от города, в то время как другие живут в неформальных поселениях с ограниченным доступом к питьевой воде, санузлам и другим основным потребностям[161]. Более того, несмотря на то, что они имеют право на получение некоторых медицинских услуг, независимо от статуса, перемещенные венесуэльцы также имеют ограниченный доступ к медицинской помощи, особенно в наиболее густонаселенных приграничных районах, поскольку во многих из этих районов уровень спроса на медицинские услуги превышает существующие возможности[162].

Риски для здоровья, связанные с вирусом, усугубляются экономическими последствиями. Вероятность финансового воздействия глобальной пандемии на венесуэльцев на 36 % выше, чем у колумбийцев[163]. Венесуэльские мигранты чаще работают в неформальном секторе Колумбии, который в значительной степени охватывает отрасли, сильнее затронутые экономическим локдауном в стране[164]. По сути, до пандемии 64% венесуэльцев работали в сильно пострадавших секторах, а среди венесуэльских женщин этот показатель достигает 78%[165]. Воздействие локдауна можно увидеть в оценке МОМ и Всемирной продовольственной программы Организации Объединенных Наций, проведенной в августе 2020 года: 72% венесуэльских мигрантов и беженцев, проживающих в Колумбии, Эквадоре или Перу, выразили обеспокоенность по поводу продовольственной безопасности, что на 10 процентных пунктов больше, чем в период, предшествовавший пандемии[166]. После локдауна также имели место массовые выселения, поскольку мигранты не могли платить за аренду, что привело к протестам в столице страны Боготе[167].

158 УВКБ, 2021a.
159 Graham et al., 2020; УВКБ, 2020b.
160 Graham and Guerrero Ble, 2020.
161 МОМ и УВКБ, 2021; Rotunno, 2019.
162 Quintero and Hodgson, 2020; Panayotatos and Schmidtke, 2020.
163 Center for Global Development, 2020.
164 Graham and Guerrero Ble, 2020
165 Там же.
166 МОМ и ВПП, 2020.
167 Panayotatos and Schmidtke, 2020.

В результате некоторые мигранты предпочли вернуться в Боливарианскую Республику Венесуэла, несмотря на высокий риск, связанный с возвращением, поскольку остановка работы общественного транспорта и закрытие пограничных переходов сделали репатриантов уязвимыми для вооруженных групп и торговцев людьми[168]. По состоянию на октябрь 2020 года более 120 000 венесуэльцев совершили это путешествие[169]. К маю 2021 года пересечение границы между Боливарианской Республикой Венесуэла и Колумбией становилось все более опасным, поскольку банды прибегали к насилию для взятия под контроль нелегальных маршрутов, а распространение COVID-19 стало безудержным на фоне вспышек заболевания, вызванных новыми штаммами[170].

Передовая практика

Помимо широкомасштабной политики легализации, национальное правительство Колумбии приняло ряд мер в первые недели пандемии. В связи с решением о закрытии бюро миграционных служб 26 марта 2020 года было объявлено, что истечение срока действия и срока обработки разрешений и документов для мигрантов будет приостановлено, что снижало риск задержания или депортации венесуэльцев без действующих документов[171]. В начале апреля был объявлен план из шести пунктов, в котором подробно описано, как венесуэльцы будут интегрированы в национальные меры реагирования на COVID-19. План был направлен на то, чтобы гарантировать доступ к медицинскому обслуживанию для всех мигрантов, независимо от статуса их документов, в то время как легальные мигранты были охвачены инициативами по распределению продуктов питания и экономической поддержке, такими как «программа солидарного дохода», в рамках которой оказывалась помощь тем, кто работает в неформальном секторе (и поэтому не имел права на участие в других программах поддержки)[172]. В апреле 2020 года также был объявлен мораторий на выселения, при этом государственные должностные лица штрафовали тех, кто впоследствии выселял представителей уязвимых групп населения, хотя сообщения о выселениях продолжали поступать и после его введения[173].

Гуманитарные организации также сыграли ключевую роль в поддержке уязвимых венесуэльцев. Например, по состоянию на июнь 2020 года МОМ предоставила более 85 000 венесуэльцев непродовольственные товары, включая гигиенические наборы и средства индивидуальной защиты, в то время как УВКБ ООН помогало мигрантам в процессе легализации через 59 телефонов доверия, а другие благотворительные организации распределяли денежную помощь через дебетовые карты[174]. Кроме того, существует веб-платформа под названием «Реагирование на потребности венесуэльцев» для улучшения управления данными и координации усилий между организациями и агентствами, стремящимися предоставить помощь и защиту беженцам и мигрантам из Боливарианской Республики Венесуэла[175]. Доступ к программам вакцинации также имеет решающее значение.

168 Panayotatos and Schmidtke, 2020.

169 МОМ и ВПП, 2020; Luzes and Freier, 2020.

170 McColl, 2021.

171 Migración Colombia, 2020.

172 Van Praag and Arnson, 2020; Fradique-Mendez and Rodriguez, 2020.

173 Van Praag and Arnson, 2020.

174 МОМ, 2020k; УВКБ, 2020a; USAID, 2020.

175 МОМ и УВКБ, 2021.

Уроки, извлеченные после 12 месяцев COVID-19

Несоразмерное воздействие COVID-19 на перемещенных венесуэльцев в Колумбии подчеркнуло уязвимость тех, кто сталкивается с барьерами на пути к социальной и экономической интеграции, что побудило некоторых призвать к устранению этих барьеров[176]. Однако пандемия также привлекла внимание к нехватке ресурсов у правительства Колумбии для удовлетворения потребностей этих уязвимых групп и к необходимости помощи в восполнении нехватки со стороны международных организаций и национальных правительств всего мира[177]. По состоянию на апрель 2021 года УВКБ и МОМ совместно координируют деятельность 73 международных организаций и агентств, которые в настоящее время работают в 14 штатах Колумбии в соответствии с существующими национальными усилиями по оказанию гуманитарной помощи[178].

Страновое тематическое исследование (Северная Америка): Соединенные Штаты Америки

Основные статистические данные

Общая численность населения (2020 г.)	331,00 млн
Категория индекса человеческого развития	Очень высокая
ВВП (2020 г.)	20 937 млрд долл. США
ВВП на душу населения (2020 г.)	63 543 долл. США
Иммигранты (2020 г.)	
В млн человек	50,66
Процент населения	15,30%
Эмигранты за границей (2020 г.)	
В млн человек	2,99
Процент населения	0,91%
Принятые беженцы и просители убежища (2020 г.)	1 338 800
Внутренне перемещенные лица (на конец 2020 г.)	126 000
Подтвержденные случаи COVID-19 (на 11 марта 2021 г.)	
Всего	28 879 927
На 1 млн человек	87 250
Смертность от COVID-19 (на 11 марта 2021 г.)	
Всего	523 986
На 1 млн человек	1583
Авиапассажиры (2019 г.)	926,74 млн

Источники: В отношении источников см. таблицу странового тематического исследования по Кении (Африка).

176 Graham et al., 2020.

177 Там же.

178 Frydenlund et al., 2021.

COVID-19 и ужесточение иммиграционной политики и практики в Соединенных Штатах

Основные последствия для населения

После вспышки COVID-19 в начале 2020 года Соединенные Штаты утвердили ряд далеко идущих политических изменений в отношении мигрантов и миграции. Хотя многое из этой политики было воспроизведено в других государствах — например, запрет на поездки в страны с высоким уровнем заболеваемости COVID-19, — другие ее аспекты рассматривались скорее как шаги к достижению давних целей администрации в области миграции, чем меры по сдерживанию распространение вируса[179].

Эти изменения в политике, которые были быстрыми и масштабными, можно отнести к двум широким областям политики. Первая касается ужесточения въезда в Соединенные Штаты, выразившегося в приостановке оказания обычных визовых услуг и закрытии границы между США и Мексикой для «второстепенных поездок» в марте 2020 года, а также в последующем прекращении выдачи виз, в том числе для постоянных иммиграционных категорий в апреле 2020 года, и временных рабочих виз в июне 2020 года[180]. Эти изменения были приняты с заявленной целью сохранения возможностей трудоустройства для граждан США, пострадавших от экономических последствий пандемии[181]. В марте 2020 года также началась практика высылки лиц, прибывших на границу с Мексикой или Канадой, в соответствии с приказом центров профилактики и борьбы против болезней (ЦПБ), известным также как «Раздел 42», в котором они сослались на опасность для здоровья населения, при этом высланные возвращаются преимущественно в страны Центральной Америки[182].

Вторая область касается обеспечения соблюдения миграционных правил внутри страны и, в частности, ограниченного доступа мигрантов к программам экономической поддержки в связи с COVID-19, таким как Закон о чрезвычайной помощи на сумму 2,3 триллиона долларов США. Например, в соответствии с Законом выплаты в связи с экономическими последствиями были ограничены выплатами в домохозяйствах, где все лица платили федеральные налоги, используя номер социального страхования[183]. Таким образом, это исключало не только мигрантов, въехавших в Соединенные Штаты незаконным путем или проживающих по временным визам, но и членов их домохозяйств, родившихся в Соединенных Штатах[184]. Далее, несмотря на призывы освободить людей из центров содержания иммигрантов под стражей из-за опасений передачи инфекции в этих учреждениях, политика задержания иммигрантов сохранялась, а людей продолжали содержать под стражей (хотя и в меньших количествах[185]. Кроме того, несмотря на то, что границы были в значительной степени закрыты или строго охранялись, во время пандемии продолжались депортации, в том числе в места с высоким риском заражения COVID-19[186].

Со сменой администрации в январе 2021 года ряд мер иммиграционной политики был отменен, включая снятие запрета на въезд, приостановку строительства на южной границе и восстановление программы «Действия по приостановлению высылки прибывших детей» (ДАКА)[187]. Однако на южной границе также

179 Pierce and Bolter, 2020.
180 Там же.
181 Loweree et al., 2020; McAuliffe, 2020.
182 Pierce and Bolter, 2020; AIC, 2021.
183 US Congress Joint Economic Committee, 2020.
184 IRS, 2021.
185 Loweree et al., 2020.
186 Blitzer, 2020; Loweree et al., 2020.
187 Chishti and Pierce, 2021.

наблюдался приток, что создало проблемы для реформирования иммиграционной системы и реализации мер безопасности в общественном здравоохранении, касающихся мониторинга вспышек и тестирования людей на границе[188].

Основные вызовы для органов власти и специалистов-практиков

Аспекты федеральной политики, введенные во время пандемии, подверглись критике за то, что они препятствуют способности Соединенных Штатов эффективно реагировать на ситуацию. Например, в марте 2020 года коалиция сельскохозяйственных торговых групп написала госсекретарю письмо с предупреждением о том, что решение о приостановке обычных визовых услуг «несомненно приведет к серьезным перебоям в поставках продовольствия в США», в то время как в июле 2020 года Американская медицинская ассоциация призвала государственного секретаря возобновить процесс выдачи виз врачам, желающим присоединиться к программам ординатуры, чтобы избежать значительного ущерба для здоровья «наиболее уязвимых пациентов» страны[189]. Обеспокоенность по поводу выдачи виз сохранилась и при последующей администрации, когда Государственный департамент столкнулся с новыми судебными исками за отказ в выдаче виз в странах с высоким уровнем заболеваемости COVID-19[190]. Утверждается, что отказ в выдаче виз не способствует защите общественного здоровья, поскольку лица, получившие визу, должны предъявить доказательство отрицательного результата теста на COVID-19 до прибытия в Соединенные Штаты и могут быть помещены в карантин[191].

Считалось, что еще один сегмент политики препятствует распространению вируса. Например, выражалась обеспокоенность в связи с тем, что решение об отказе мигрантам в социальной поддержке, которое перекликалось с Правилом государственной нагрузки – которое позволяло отказывать в постоянном проживании мигрантам, которые, как считалось, «более вероятно, чем нет» будут пользоваться государственными льготами в любой момент в будущем – сдерживает доступ мигрантов к медицинскому обслуживанию и, в свою очередь, «препятствует усилиям по прекращению распространения» COVID-19[192].

Другие политические меры были восприняты не как усугубляющие реагирование на пандемию, а как подрывающие гуманитарную защиту. Среди тех, кто был выслан в соответствии с приказом ЦПБ от марта 2020 года, были несопровождаемые дети-мигранты, при этом ЮНИСЕФ предупредил, что те, кто был возвращен в страны своего происхождения, подвергались риску отсутствия защиты, поскольку по возвращении они столкнулись с насилием и дискриминацией[193]. Коллегия адвокатов Нью-Йорка выразила аналогичное опасения, утверждая, что на границе можно было бы внедрить протоколы безопасности, которые защитили бы общественное здоровье и одновременно сохранили бы права лиц, ищущих убежища[194].

Передовая практика

Соединенные Штаты наметили ряд исключений из пограничных ограничений с целью поддержки основных служб. Вскоре после решения приостановить обычные визовые услуги Государственный департамент признал важную роль владельцев виз H-2 для экономики и продовольственной безопасности Соединенных Штатов и объявил, что требование собеседования для получения визы будет отменено для ряда заявителей, в том

188 Banco and Rodriguez, 2021.
189 Agriculture Workforce Coalition, 2020; American Medical Association, 2020.
190 Anderson, 2021.
191 Waldron and Ali, 2021.
192 U.S. Congress Joint Economic Committee, 2020; City of New York, 2020.
193 UNICEF, 2020.
194 New York City Bar, 2020.

числе некоторых сельскохозяйственных работников, в то время как для медицинских работников были возобновлены экстренные визовые услуги[195]. Соединенные Штаты также продолжали разрешать «существенно важные поездки» через границу США и Мексики, включая передвижение сельскохозяйственных рабочих, лиц, занимающихся трансграничной торговлей, и сотрудников, совершающих поездки в целях реагирования на чрезвычайные ситуации и в целях общественного здравоохранения[196]. В августе 2020 года было объявлено об исключениях после приостановки действия некоторых типов временных рабочих виз, в том числе для специалистов в области общественного здравоохранения или медицинских работников и исследователей, чья работа «поможет смягчить последствия пандемии»[197].

Правительства ряда штатов проводят политику поддержки мигрантов. Например, в Калифорнии единовременные денежные выплаты в размере 500 долл. США были распределены среди тех, кто не имел права на получение поддержки в соответствии с Законом о чрезвычайной помощи из-за своего иммиграционного статуса, в то время как общины мигрантов и беженцев в Чикаго получили доступ к городской программе субсидий на жилье в рамках борьбы с COVID-19[198]. Тем временем на федеральном уровне было приостановлено действие другой политики. Действие Правила государственной нагрузки было временно приостановлено после того, как в июле 2020 года федеральный судья в Нью-Йорке издал общенациональный судебный запрет, хотя впоследствии он был отменен в сентябре 2020 года Апелляционным судом Соединенных Штатов по второму округу[199]. Кроме того, в ноябре 2020 года высылка несопровождаемых детей-мигрантов была заблокирована федеральным судом на том основании, что несовершеннолетние могут подвергнуться сексуальному насилию, пыткам или смерти по возвращении в страну своего происхождения[200]. Охват вакцинацией также включал мигрантов и беженцев, предусматривая гарантии того, что каждый человек, независимо от его иммиграционного статуса, может получить доступ к вакцине[201]. По состоянию на 10 марта 2021 года почти 10% населения были полностью вакцинированы[202], а к апрелю 2021 года ЦПБ сообщили, что 40,9% населения получили хотя бы одну дозу[203].

Уроки, извлеченные после 12 месяцев COVID-19

Изменения в параметрах миграционной политики Соединенных Штатов, а также более широкие меры реагирования федерального правительства на COVID-19 в значительной степени отражали смену администрации в январе 2021 года. Широкая критика действий предыдущей администрации в связи с пандемией, преимущественно в отношении общественного здравоохранения, но также и в отношении аспектов миграции, озвучивались с самого начала пандемии, когда реагирование на нее было неадекватным, запоздалым и/или фрагментарным[204]. Сильный упор на внутренние экономические соображения Соединенных Штатов в контексте глобальной чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения усугублялся тем, что некоторые эксперты считали дискриминационными и неэффективными меры, которые лишили мигрантов

195 U.S. Department of State, 2020a; U.S. Department of State, 2020b.
196 U.S. Customs and Border Protection, 2020.
197 U.S. Department of State, 2020a.
198 California Department of Social Services, 2021; City of Chicago, 2020.
199 U.S. Citizenship and Immigration Services, 2020.
200 Hesson and Rosenburg, 2020.
201 U.S. Department of Homeland Security, 2021.
202 *AJMC*, 2021.
203 CDC, 2021.
204 Altman, 2020; Lipton et al., 2021.

по всей стране экономической помощи, доступной другим[205]. Хотя в иммиграционной системе произошли некоторые важные изменения при новой администрации (например, отмена так называемого «запрета на въезд мусульман» и повышение порога ресурсов на программы переселения), также произошли изменения, касающиеся аспектов COVID-19, в связи с истечением срока действия предыдущих распоряжений (например, о запретах или ограничениях на поездки в связи с COVID-19)[206]. На момент написания другие меры в связи с COVID-19, такие как «Раздел 42», разрешающий выдворение людей на границах Соединенных Штатов, оставались в силе, несмотря на призывы к их отмене по мере того, как Соединенные Штаты постепенно улучшают свою ситуацию с COVID-19 и свое реагирование[207]. Необходимость снижения барьеров, связанных с COVID-19, была компенсирована опасениями по поводу увеличения числа прибывающих на южную границу, куда в период с января по март 2021 года прибыло почти 180 000 человек[208].

Страновое тематическое исследование (Океания): Фиджи

Основные статистические данные

Общая численность населения (2020 г.)	0,9 млн
Категория индекса человеческого развития	Высокая
ВВП (2020 г.)	4,38 млрд долл. США
ВВП на душу населения (2020 г.)	4882 долл. США
Иммигранты (2020 г.)	
В млн человек	0,01
Процент населения	1,57%
Эмигранты за границей (2020 г.)	
В млн человек	0,23
Процент населения	26,09%
Принятые беженцы и просители убежища (2020 г.)	19
Внутренне перемещенные лица (на конец 2020 г.)	14 000
Подтвержденные случаи COVID-19 (на 11 марта 2021 г.)	
Всего	66
На 1 млн человек	74
Смертность от COVID-19 (на 11 марта 2021 г.)	
Всего	2
На 1 млн человек	2
Авиапассажиры (2019 г.)	1,70 млн

Источники: В отношении источников см. таблицу странового тематического исследования по Кении (Африка).

205 Goodwin and Chemerinsky, 2021; Loweree et al., 2020.

206 Montoya-Galvez, 2021.

207 УВКБ, 2021b.

208 Zakaria, 2021.

COVID-19 и туризм на Фиджи

Основные последствия для населения

Когда COVID-19 достиг островного государства Фиджи в Тихом океане, страна быстро приняла меры к тому, чтобы остановить распространение вируса. 25 марта 2020 года, через шесть дней после того, как страна объявила о своем первом подтвержденном случае, главный аэропорт был закрыт, был введен комендантский час и введены карантинные меры для возвращающихся граждан[209]. В результате Фиджи избежали худшего из этого кризиса в области здравоохранения, а 4 ноября 2020 года исполнилось 200 дней без какой-либо передачи вируса среди населения[210]; по состоянию на 11 марта 2021 года, через год после начала глобальной пандемии, было зарегистрировано 66 случаев заболевания и два случая смерти[211].

Однако эти действия одновременно привели к закрытию туристического сектора, от которого зависит экономика: в этом секторе прямо или косвенно занято около 140 000 человек, и он обеспечивает 40% ВВП[212]. Доходы от туризма в июне 2020 года были на 99,4% ниже, чем годом ранее, и согласно отчету за июль 2020 года микро-, малые и средние предприятия (ММСП), работающие в этом секторе, потеряли в семь раз больше доходов, чем ММСП в нетуристических секторах, в то время как крупные туристические предприятия потеряли в два раза больше, чем нетуристические предприятия[213]. Таким образом, ограничения на мобильность имели серьезные последствия для сектора туризма и тех, кто от него зависит.

Основные вызовы для органов власти и специалистов-практиков

Закрытие создало непосредственные трудности для тех, кто работает в этом секторе: около 45% рабочей силы на Фиджи работает в индустрии туризма[214], при этом только 21% из тех, кто работал до пандемии, по-прежнему работали полный рабочий день в июле 2020 года, в то время как 52% находились либо в неоплачиваемом отпуске, либо работали по графику сокращенного рабочего дня[215]. Это согласуется с результатами обследования зависимых от туризма сообществ в Тихоокеанском регионе, которое показало, что почти 90% респондентов жили в домохозяйствах, в которых наблюдалось значительное сокращение их обычного дохода, при этом 85% тех, кто владел предприятиями, связанными с туризмом, потеряли более чем три четверти их обычного дохода[216]. Это снижение дохода было особенно значительным для женщин и уязвимых групп, которые, как отмечает ПРООН, обычно не имеют доступа к социальной защите и сетям безопасности. Фактически эксперты предсказали, что серьезный спад в туристическом секторе вытолкнет маргинальные группы населения за черту бедности, усугубит разрыв в доходах между людьми с высоким и низким доходом и усилит существовавшее ранее гендерное неравенство за счет увеличения бремени работы по дому и уходу за детьми для женщин[217]. Министерство по делам женщин Фиджи сообщило о значительном увеличении числа нападений на женщин, которое десятикратно увеличилось в период с марта по апрель 2020 года, причем отмечались случаи, связанные с заболеваемостью COVID-19, нагрузкой на семьи и ограничениями на передвижение[218].

209 Chanel, 2020; ВОЗ, 2020c.
210 ВОЗ, 2020c.
211 Worldometer, 2021.
212 United Nations Pacific, 2020.
213 Pacific Community Statistics for Development Division, 2020; МФК, 2020.
214 Connell, 2021.
215 МФК, 2020.
216 Scheyvens et al., 2020.
217 ПРООН, 2020a.
218 Connell, 2021.

В период с апреля по июнь 2020 года Фиджи получила около 4,2 млн долларов Фиджи от туристической деятельности по сравнению с 528,8 млн долларов Фиджи, заработанными в предыдущем году. В сентябре 2020 года на Фиджи по-прежнему наблюдался застой, при котором страну посетило чуть более 1000 туристов по сравнению с 81 000 туристов в предыдущем году[219]. Ясно, что пандемия представляет собой долгосрочную угрозу для туристического сектора: опрос, проведенный в июле 2020 года, показал, что 60% туристических предприятий ожидают либо закрытия, либо ухода из сектора, если международные поездки не возобновятся в последующие шесть месяцев[220]. Это объяснялось в значительной степени финансовой нагрузкой: 29% респондентов ожидали банкротства в этот период времени, что было вызвано резким снижением уровня заполняемости отелей и предварительных бронирований[221].

Передовая практика

В своем незамедлительном реагировании на COVID-19 правительство сотрудничало с Национальным страховым фондом Фиджи (НСФФ), который собирает обязательные взносы для пенсионных сбережений фиджийских трудящихся и предоставляет предпенсионные пособия, с целью сократить обязательные взносы работодателей и работников в НСФФ, причем обеими схемами воспользовались примерно 30% предприятий. Вместе с тем туристические предприятия, которые работали неофициально, не имели права на эту поддержку[222]. Были также начаты другие инициативы для поддержки ММСП, включая краткосрочные кредиты и каникулы по погашению кредита, хотя изначально уровень использования этих схем был низким, отчасти из-за отсутствия осведомленности среди предприятий[223].

Поддержка была оказана также работникам, при этом пострадавшие туристические работники имели право на получение денежной помощи через НСФФ, хотя неформальные работники снова не соответствовали требованиям данной инициативы[224]. В результате многие фиджийцы обратились к традиционным профессиям. Более половины респондентов в общинах, зависимых от туризма, сообщили, что выращивают продукты питания для своих домохозяйств, чтобы адаптироваться к давлению пандемии, в то время как многие другие занялись рыболовством. В отсутствие наличных денег 35% респондентов также сообщили об обмене товарами или бартере, при этом страница в сети «Фейсбук» под названием «Бартер для лучшего Фиджи» собрала более 100 000 участников в течение нескольких недель после закрытия туристического сектора[225]. Поддержка со стороны таких НПО, как Фонд интегрированных предприятий и развития сельских районов (ФРИЕНД), позволила обеспечить поставки для наборов основных продуктов питания в целях создания продовольственных банков на Фиджи[226].

Правительство Фиджи также стремилось вновь открыть этот сектор. После зашедших в тупик переговоров об открытии «Була баббл» - схемы возобновления путешествий между Фиджи, Новой Зеландией и Австралией без требования прохождения карантина - вместо нее был согласован ограниченный уровень «VIP-туризма». В сентябре 2020 года было объявлено открытие «Голубого пути» для суперяхт, по условиям которого экипажу разрешалось прибывать на остров, если у него не было контактов с людьми за пределами этой яхты в течение

219 Там же.
220 МФК, 2020.
221 Там же.
222 Там же.
223 Там же.
224 Там же.
225 Scheyvens et al., 2020; Tora, 2020.
226 Connell, 2021.

14 дней до прибытия, а в ноябре 2020 года открылся для частной аренды роскошный островной курорт, включая допуск чартерных рейсов, при условии, что гости предварительно прошли строгие процедуры проверки[227].

Уроки, извлеченные после 12 месяцев COVID-19

Подчеркнув чрезмерную зависимость экономики Фиджи от туризма, пандемия COVID-19 подтолкнула ее к диверсификации. Так, ПРООН предложила расширить пакет сельскохозяйственных мер реагирования Фиджи, утверждая, что это не только создаст возможности для трудоустройства, но и снизит зависимость от импорта и повысит продовольственную безопасность[228]. Конгресс профсоюзов Фиджи призвал расширить официальные юридические права и средства защиты для устранения гендерного дисбаланса на рынке труда и сокращения масштабов нищеты[229].

227 Rosen, 2020; Carruthers, 2020.

228 ПРООН, 2020a.

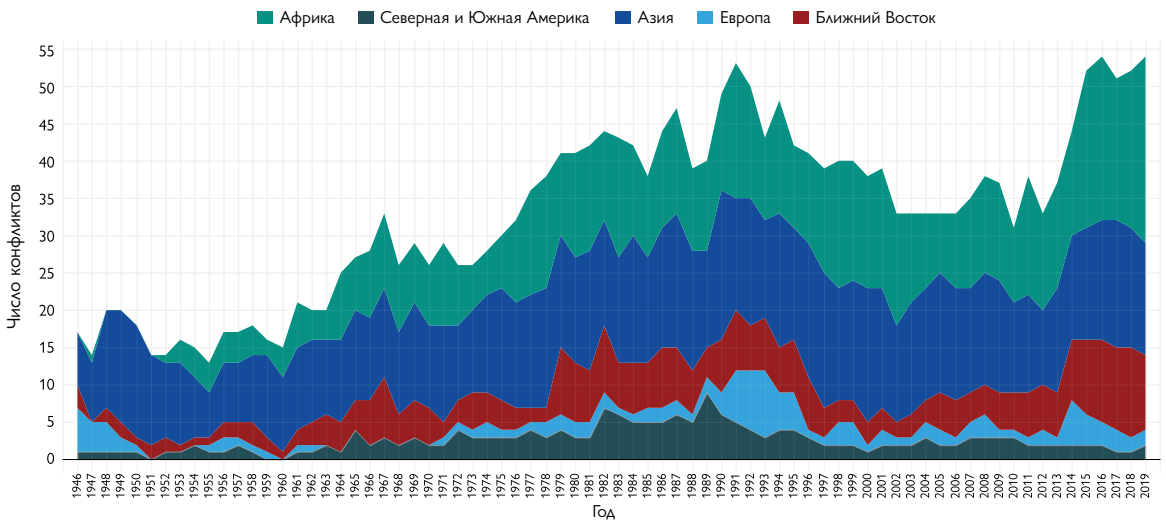
229 МОТ, 2020c.

Глава 6

Добавление A. Тенденции и факторы конфликтов

За последнее десятилетие число конфликтов во всем мире увеличилось вопреки тенденции, установившейся в годы после окончания холодной войны, когда мир стал более мирным в результате сокращения количества и интенсивности большинства типов конфликтов в течение последующего десятилетия (см. рисунок 1)[230]. Сегодня более 40% малоимущих людей живут в странах, затронутых нестабильностью, конфликтами и насилием[231]. Конфликты во всем мире стали более фрагментарными, сложными и затяжными[232]. Хотя количество межгосударственных конфликтов (конфликтов между государствами) значительно сократилось, внутригосударственные конфликты (конфликты внутри государств) обострились. Однако внутренние конфликты все чаще разжигаются внешними субъектами в форме марионеточных войн[233]. Сокращение числа прямых конфликтов между государствами объясняется сочетанием факторов, в том числе разработкой международных норм, которые все шире применяются во всем мире, появлением более эффективных международных организаций для обеспечения соблюдения этих норм, а также тем фактом, что предыдущие ключевые факторы конфликтов между государствами, такие как захват и аннексия территории, стали менее привлекательными и менее выгодными в условиях глобализованной экономики[234].

Рисунок 1: Вооруженные конфликты в разбивке по регионам, 1946–2019 годы



Источник: UCDP, n.d.

230 Всемирный банк, 2018b.
231 Всемирный банк, 2021b.
232 ООН n.d.a.
233 Dupuy and Rustad, 2018; Collier et al., 2003.
234 Szayna et al., 2017.

Помимо того, что для современных конфликтов в значительной степени характерно ведение гражданских войн, они приобрели новые формы, в которых участвуют не только армии государств, но и негосударственные вооруженные группы, террористы и даже преступные группировки. Они также приобретают более интернациональный характер, поскольку часто выходят за пределы границ и поддерживаются за счет региональных и глобальных связей, что подчеркивает, насколько транснациональными стали различные группы, вовлеченные в конфликт[235]. Хотя возникновение различных конфликтов по обыкновению пытаются свести к одной причине или одному фактору, на самом деле конфликты и насилие часто испытывают влияние взаимодействия факторов и процессов и часто подкрепляются социально-экономическими и политическими аспектами. Причины конфликтов были проанализированы с помощью рассмотрения целого ряда факторов, связанных с бедностью, неравенством и изоляцией, а также имеющих материальную основу, таких как борьба за природные ресурсы[236]. Большое внимание в последние годы уделяется неравенству и социальному отчуждению как факторам, связанным со многими сегодняшними конфликтами. Неравенство и отчуждение сами по себе не ведут напрямую к конфликту, но создают условия, необходимые для обострения недовольства[237]. Эти факторы не существуют в вакууме и часто вписываются в ряд основных условий, включая исторические модели и матрицы развития, в частности колониальную эпоху и постколониальные стратегии развития, институциональный потенциал государств и международную политику[238].

Продвижение дела мира: ООН и региональные органы

Различные субъекты, в том числе Организация Объединенных Наций, уже давно работают над укреплением мира и безопасности во всем мире путем как урегулирования, так и предотвращения конфликтов. Создание Организации Объединенных Наций в 1945 году после Второй мировой войны было обусловлено единственной целью поддержания международного мира и безопасности[a]; и сегодня Совет Безопасности Организации Объединенных Наций несет главную ответственность за международный мир и безопасность[b]. Организация стремилась к обеспечению глобального мира и безопасности с помощью ряда механизмов, таких как превентивная дипломатия и посредничество, поддержание мира, миростроительство, борьба с терроризмом и разоружение[c]. Организация Объединенных Наций также содействует верховенству права как на национальном, так и на международном уровнях, поскольку это рассматривается как ключ к прочному миру и «эффективной защите прав человека, а также к устойчивому экономическому прогрессу и развитию»[d]. Кроме того, Организация способствовала принятию резолюций, а также глобальных норм и ценностей, которые сыграли важную роль в решении проблем, связанных с конфликтами. Например, недавно Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности Организации Объединенных Наций приняли две резолюции о поддержании мира, в которых изложена амбициозная и всеобъемлющая программа миростроительства[e,f]. Глобальный договор о беженцах, принятый в 2018 году, представляет собой попытку сотрудничество по «более предсказуемому и справедливому распределению ответственности» с учетом резкого увеличения числа беженцев и просителей убежища во всем мире, а также обязывает государства предотвращать и устранять коренные причины крупномасштабных перемещений беженцев и затянувшихся кризисов, связанных с беженцами, в том числе поддерживать их международные усилия по предотвращению и

235 Avis, 2019.

236 Collier and Hoeffler, 2005; Kett and Rowson, 2007; Всемирный банк, 2018b.

237 Всемирный банк, 2018b.

238 Goodhand, 2001.

урегулированию конфликтов[g]. Глобальный договор также направлен на применение многостороннего и партнерского подхода, включая использование системы Организации Объединенных Наций для обеспечения сотрудничества на местах, которое соответствует программе реформ Генерального секретаря Организации Объединенных Наций в областях мира, безопасности и развития[h]. Региональные организации, в том числе региональные экономические сообщества, активизировали свои мирные усилия и играют все более важную роль в урегулировании и предотвращении конфликтов в своих регионах. Такие организации, как Межправительственная организация по развитию (ИГАД) и Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), активно участвуют в усилиях по поддержанию мира и миростроительству в своих регионах[i].

a ООН, n.d.b.
b Там же.
c Там же.
d ООН, 2007.
e Там же.
f Давнее внимание Организации Объединенных Наций к миру и безопасности также отражено в нескольких докладах Генерального секретаря, опубликованных за прошедшие годы (см. добавление B).
g УВКБ, 2018.
h Там же.
i Obi, 2009; Nathan, 2010.

Добавление B. Документы ООН по миростроительству: доклады Генерального секретаря

30 июля 2020 года, S/2020/773	Доклад о миростроительстве и сохранении мира, представленный в связи с обзором миростроительной архитектуры Организации Объединенных Наций 2020 года.
30 мая 2019 года, S/2019/448	Доклад Генерального секретаря о миростроительстве и сохранении мира, представленный во исполнение резолюции 72/276 Генеральной Ассамблеи и резолюции 2413 Совета Безопасности.
18 января 2018 года, S/2018/43	Доклад Генерального секретаря о миростроительстве и сохранении мира.
23 сентября 2014 года, S/2014/694	Доклад о миростроительстве в период после конфликтов.
6 января 2014 года, S/2014/5	Доклад Генерального секретаря о гражданском потенциале в постконфликтный период.
8 октября 2012 года, S/2012/746	Доклад Генерального секретаря о миростроительстве в постконфликтный период.
18 февраля 2011 года, S/2011/85	Письмо Генерального секретаря, препровождающее доклад о независимом обзоре гражданского потенциала в постконфликтный период.
7 сентября 2010 года, S/2010/466	Доклад об участии женщин в миростроительстве.
16 июля 2010 года, S/2010/386	Очередной доклад Генерального секретаря о миростроительстве в период сразу же после окончания конфликта.
11 июня 2009 года, S/2009/304	Доклад Генерального секретаря о миростроительстве в период сразу же после окончания конфликта.
4 августа 2008 года, S/2008/522	Доклад Генерального секретаря о Фонде миростроительства.
28 ноября 2006 года, S/2006/922	Третий доклад Генерального секретаря о деятельности Объединенного представительства Организации Объединенных Наций в Сьерра-Леоне.
23 октября 2006 года, S/2006/838	Доклад Генерального секретаря о ситуации в Сомали.
29 августа 2006 года, S/2006/695	Второй доклад Генерального секретаря о деятельности Объединенного представительства Организации Объединенных Наций в Сьерра-Леоне.
14 августа 2006 года, S/2006/429/ Add.1	Добавление к седьмому докладу Генерального секретаря об Операции Организации Объединенных Наций в Бурунди (ОНЮБ) с подробной информацией о мандате и структуре объединенного представительства в Бурунди.
21 июня 2006 года, S/2006/429	Седьмой доклад Генерального секретаря об Операции Организации Объединенных Наций в Бурунди (ОНЮБ), в котором было предложено создание объединенного представительства ООН.
21 августа 2000 года, S/2000/809	Доклад Группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира (известный также как Доклад Брахими).

11 февраля 2000 года, S/2000/101	Доклад о роли Организации Объединенных Наций в разоружении, демобилизации и реинтеграции (РДР), в котором стрелковое оружие и легкие вооружения были включены в число основных целей операций по РДР и подчеркивалась важность отслеживания стрелкового оружия и борьбы с незаконной торговлей стрелковым оружием.
25 января 1995 года, S/1995/1	Позиционный документ Генерального секретаря: дополнение *к «Повестке дня для* мира» по случаю пятидесятой годовщины Организации Объединенных Наций.
17 июня 1992 года, S/24111	Доклад «*Повестка дня для мир*а», в котором Генеральный секретарь Бутрос-Гали отметил, что миростроительство после гражданских или международных столкновений должно способствовать решению серьезной проблемы наземных мин.

Источник: Доклад Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, 2021 год.

Глава 7

Добавление А. Возможности, миграция и Индекс человеческого развития

Индекс человеческого развития (ИЧР), публикуемый ежегодно в Докладе о человеческом развитии ПРООН, основан на мнении о том, что людьми, как правило, движет не единственное желание получить более высокий доход, и вместо этого выдвигается идея о том, что люди ищут «потенциальные возможности пользоваться своей свободой быть тем и делать то, к чему они стремятся в жизни»[239]. Черпающий основу в трудах Амартьи Сены и разработанный Махбубом уль-Хаком ИЧР является выражением «антропоцентрической концепции», охватывая три потока данных, каждый из которых представляет некоторые из основных возможностей, способствующих расширению человеческих способностей[240]. Во-первых, образование населения страны или субнациональной юрисдикции измеряется, в основном, количеством лет обучения детей в школе. Во-вторых, здоровье измеряется ожидаемой продолжительностью жизни ребенка при рождении. В-третьих, ИЧР использует экономический показатель, представленный средним доходом, измеренным в контексте местной валюты (паритет покупательной способности, или ППС). Объединение этих трех категорий в единый индекс ИЧР позволяет получить более детальное представление о качествах, которые способствуют индивидуальному и коллективному благополучию в обществе.

Ограничения ИЧР хорошо известны. Сведение индекса до уровня здоровья и образования, а затем количественное определение этих категорий на основе ограниченного набора переменных может привести к чрезмерному упрощению. Система классификации — числовые пороги для определения уровня развития страны — может восприниматься как произвольная. Наиболее показательно то, что ИЧР может быть политизирован, поскольку некоторые страны предпринимают согласованные усилия, чтобы получить более высокие баллы по одному или нескольким показателям[241]. Вместе с тем экономические показатели подвержены более серьезным манипуляциям, о чем совсем недавно свидетельствовали приостановка публикации и пересмотр доклада Всемирного банка «Ведение бизнеса» — ежегодного обзора, в котором содержится индекс регулирования бизнеса и экономических факторов, но который подвергался критике за методологические недостатки и пренебрежение ролью систем социальной защиты в человеческом развитии[242].

В настоящей главе использовались данные ИЧР в порядке признания того, что, во-первых, введение многочисленных переменных не обязательно ведет к более точному представлению развития. Простота ИРЧП — одно из его достоинств. Во-вторых, что касается систем классификации, то, несмотря на то, что иногда они могут показаться произвольными, они действительно помогают человеческому разуму концептуализировать закономерности в развитии[243]. Наконец, хотя политизация ИЧР неизбежна, он остается опорным индексом для журналистов, ученых и политиков, поскольку он обеспечивает точную меру для понимания потенциальных возможностей, доступных людям во всем мире[244].

239 ПРООН, 2019.
240 Там же.; Sen, 1985; Stanton, 2007.
241 Wolf et al., 2011.
242 Davis and Kruse, 2007; Всемирный банк, 2020.
243 Davis et al., 2012.
244 Stanton, 2007.

В выпуске Доклада о человеческом развитии 2009 года был сделан тематический акцент на миграции и отмечалось, что «лучшая политика в отношении мобильности людей может способствовать человеческому развитию»[245]. С точки зрения ИЧР решение о миграции принимается не только для получения более высоких доходов или в качестве инвестиции для будущих потенциальных заработков. Миграция, напротив, является стратегией, направленной на обеспечение доступа к некоторым основным благам — здравоохранению и образованию, — которые ведут к расширению возможностей для себя и для своих детей. Несмотря на попытку количественной оценки глобальной внутренней миграции, что было сопряжено с трудностями, учитывая шероховатости определений и нехватку надежных данных о миграционных событиях, Доклад о человеческом развитии 2009 года продемонстрировал, что миграцию можно анализировать в контексте более широкого набора переменных и что это может привести к получению надежных сведений о миграции с последствиями для политики.

245 ПРООН, 2009.

Добавление B. Как я попала в научную перепалку о цифрах по миграции и что я из нее вынесла

Майте Вермёлен

Примечание: Это сокращенный отрывок из оригинальной статьи, опубликованной в ныне несуществующем издании «Корреспондент». Полный текст по-прежнему доступен здесь: https://thecorrespondent.com/747/how-i-ended-up-in-a-scientific-spat-about-migration-figures-and-what-i-learned-from-it/98789433039-1dadd2ed.

Я должна рассказать вам, как было развенчано развенчание важной теории о миграции. Вероятно, вам пришлось прочитать это предложение дважды, и я понимаю, что… я многому научилась на этом опыте. О том, как работает наука и как мы, журналисты, с этим боремся. О том, что такое экспертиза на самом деле и почему она так ограничена. И об уверенности, сомнении и правоте. Так что пристегнитесь и приготовьтесь к рассказу о том времени, когда я сказала, что ошибалась – и оказалось, что ошиблась.

С чего все началось: «миграционный горб»

Все началось несколько месяцев назад, когда я прочитала новое исследование о «миграционном горбе». Меня это сразу заинтересовало, так как «горб» — известная, очень влиятельная теория о взаимосвязи между миграцией и развитием. По сути, теория утверждает, что по мере того, как бедные страны становятся богаче, внешняя миграция увеличивается, а не уменьшается. Это может показаться нелогичным: мы можем ожидать, что когда страны станут богаче, причин уехать станет меньше, потому что жизнь там стала лучше, верно? Но «миграционный горб» показывает, что это только в случае выше определенного уровня доходов, начиная примерно с 7000 долл. США до 10 000 долл. США на человека в год.

Многие бедные страны далеки от этого, а это означает, что экономическое развитие в этих странах приведет к увеличению, а не уменьшению миграции. Это потому, что миграция стоит денег, и когда у людей, которые раньше были очень бедными, есть деньги, они с большей вероятностью уедут. Составьте график, сравнивающий доход и эмиграцию, и вы увидите более или менее холмистую кривую, показывающую самый низкий уровень эмиграции в бедных странах, самый высокий уровень в странах со средним уровнем дохода и падающий уровень в богатых странах: «миграционный горб».

Я часто ссылаюсь на «миграционный горб» в своих статьях, особенно для критики европейской миграционной политики. И на это есть причина: Европейский союз тратит все больше и больше денег на помощь в целях развития, чтобы сократить миграцию. Но «миграционный горб» показывает, что эта политика основана на заблуждении: если увеличение помощи ведет к более активному развитию в бедных странах, это финансирование приведет к увеличению чистой миграции, а не к сокращению. А потом мне на стол попалось это новое исследование, выпущенное в рамках исследовательского проекта МЕДАМ. Исследователи были довольно прямолинейны: их анализ миграционных данных показал, что «миграционный горб» был чрезмерным упрощением. На самом деле их модели давали прямо противоположные результаты. Они подсчитали, что когда бедная страна становится богаче, эмиграция в богатые страны снижается. Они объясняли это тем, что их метод был другим: вместо того, чтобы сравнивать эмиграцию в бедных и богатых странах, они сравнивали страны с собой во времени. Почему? Потому что сравнение между бедными и богатыми странами упускает из виду различия между этими странами: различия, которые могут влиять как на доход, так и на миграцию.

Мои коллеги и эксперты по миграции, хорошо разбирающиеся в эконометрике, ознакомились с новой статьей; я поговорила с исследователями, а потом решила написать обновление. Исследование выглядело убедительно, и я хотела взять на себя ответственность, потому что теория, которую я часто цитировала в своих статьях, казалось, не подтвердилась. Я думала, что это был конец моей саги «горба». Но затем мне ответил в твиттере Майкл Клеменс, ведущий экономист по развитию в Центре глобального развития. Новое исследование, написал он в Твиттере, основано на статистической ошибке.

Клеменс и его расчеты

В моей статье как таковой не было ничего плохого, сказал мне Клеменс в личном сообщении. «Проблема в самом исследовании». Все очень дружелюбно, конечно. Но я не была так уверена. Могла ли я предвидеть это? Я должна был сделать что-то по-другому? Что я могла узнать из этого?

Я еще раз внимательно просмотрела статью и углубилась в критику Клеменса. Я смотрела на его схемы, таблицы, формулы. Единственная небольшая проблема заключалась в том, что я ничего не понимала. На самом деле это было не так уж и странно, потому что критика Клеменса нацелена на статистические методы исследователей. Если у вас нет диплома по эконометрике, провести анализ практически невозможно. На самом деле, это почти невозможно для людей, изучивших расширенную статистику. Моя коллега Санне Блау, доктор экономических наук, позвонила мне после того, как провела три часа за анализом обеих статей: «Думаю, я более или менее понимаю критику Клеменса».

Я обратилась за помощью к другим экспертам: профессорам и аспирантам, которые могли бы объяснить мне статистику, у которых был опыт работы с временными рядами и поперечными панельными данными, которые знали больше о ложных регрессиях и нестационарных переменных. У меня были долгие телефонные разговоры с Майклом Клеменсом и Клаасом Шнайдерхайнце, одним из исследователей, автором оригинальной статьи МЕДАМ. Не могу сказать, что я полностью освоила математику. Но вот что я теперь понимаю из дискуссии.

Что я вынесла из этого

Независимо от того, основана ли эта статья на статистической ошибке (эта дискуссия, вероятно, будет разрешена в академических журналах в ближайшие несколько месяцев), вся эта суматоха заставляет меня задуматься о моих отношениях с наукой как журналиста: что это такое - или что это должно быть. У каждого человека, включая журналиста, есть ограниченные рамки, которые формируют его способность что-то понять. Я училась в университете, но никогда не изучала расширенную статистику. Я также не разбираюсь в таких темах, как круговорот азота, японская грамматика или математика, стоящая за климатическими моделями. Мы просто не знаем гораздо больше того, что делаем.

Иногда это не имеет значения. Мне не нужно понимать Ньютона, чтобы сказать что-то осмысленное о борьбе с бедностью. Но часто это имеет значение, даже если мы этого не осознаем. Как журналисты, когда наши собственные знания и навыки недостаточны, мы полагаемся на экспертов, чтобы заполнить пробелы. Но даже для этих экспертов то, чего они не знают, выходит далеко за рамки того, что они знают. Особенно, когда речь идет о статистике. Многие биологи, медицинские работники, психологи, экономисты или социологи нанимают профильных коллег для проведения статистического анализа. И эти специалисты разрабатывают модели, которые настолько сложны, что только горстка людей может их по-настоящему понять или дать критический комментарий. Математические расчеты, лежащие в основе моделей, настолько

далеки от реальности, что результаты выскакивают, как кролик из цилиндра: мы понятия не имеем, как это работает, но результат самоочевиден.

Кто знает, как на самом деле работает магия статистической сцены? Мы можем провести очевидную параллель с эпидемиологическими моделями, используемыми для прогнозирования течения пандемии коронавируса: кто знает, как именно эти модели работают?

Именно так журналист или политический деятель может оказаться в сложной ситуации, когда два эксперта делают противоречивые заявления. Можете ли вы поместить две нестационарные переменные на одну сторону регрессии панельных данных, не теряя при этом долгосрочного тренда? Да, вы можете; нет не можете! Как может журналист понять, кто прав? Единственным решением, кажется, является накопление знаний: попросить всех умных людей, которых вы можете найти, также сделать все возможное. В лучшем случае именно так должна работать наука.

И когда это происходит, часто оказывается, что дело вовсе не в том, что правда, а что ложь. Вместо этого речь идет о том, на какой вопрос мы хотим ответить. Статья МЕДАМ отвечает на другой интересный вопрос, а не на вопрос о том, верна ли теория «миграционного горба». А может быть, исследователи подсознательно попали в ловушку, которую сама себе создала наука: спорные исследования, развенчивающие что-то крупное, считаются более престижными, чем исследования, подтверждающие сложившиеся предположения. Только вдумайтесь: это было исследование, на котором я (журналист) решила заострить внимание. Я бы, наверное, не смотрела так внимательно, если бы их модель снова поддерживала знаменитый «миграционный горб».

Это обсуждение показывает, что лучшее, что мы можем сделать, — это продолжать быть критическими: постоянно сомневаться, задавать вопросы и признавать, что то, что мы знаем — и то, что знают эксперты — ограничено. Если бы я копнула глубже, я, возможно, смогла бы поднять некоторые вопросы о наборе данных, использованном в статье МЕДАМ. Но опять же: нет такой вещи, как беспроблемный набор данных, когда он включает в себя что-то столь сложное, как цифры по миграции. И идея о том, что две нестационарные переменные не могут быть подвергнуты регрессии, если вы контролируете коинтегрированную третью переменную, — это не тот вопрос, который я могла бы даже представить себе в контексте этой статьи. Как и многие, многие ученые, потому что статья МЕДАМ была прочитана и получила широкое признание многих других умных людей.

На самом деле, я начала думать, что журналисты, ученые и политики здесь все в одной лодке: мы бы хотели, чтобы мир был проще, чем он может быть. Мы хотим иметь возможность зафиксировать это в красивой, аккуратной модели, а затем обернуть все это в красивую, аккуратную статью. Но реальность гораздо более капризна и сложна, чем может уловить любая модель.

Увидеть больше оттенков серого — это также способ лучше понять мир, но это не так просто уместить в содержательный заголовок. Легче просто сказать: я все-таки была права.

Добавление C

Для целей этой главы для того, чтобы определить оценочное количество мигрантов, проживающих под той или иной юрисдикцией в силу факторов, не связанных с вынужденной миграцией, мы использовали базу данных о вынужденной миграции, созданную УВКБ ООН, а также данные о контингенте международных мигрантов, подготовленные ДЭСВ ООН[246]. Поскольку эти учреждения Организации Объединенных Наций собирают данные и делают оценки на основе различных методов, источников и временных рамок, стоит упомянуть некоторые подробности о расчетах, представленных в этой главе.

Каждый год для каждой страны контингент вынужденных мигрантов, состоящий из лиц, официально признанных УВКБ ООН беженцами, а также просителей убежища согласно оценке УВКБ, вычитается из общего контингента мигрантов. В тех случаях, когда количество вынужденных мигрантов в стране (по данным УВКБ) превышает общий контингент мигрантов в стране происхождения или назначения, количество «невынужденных мигрантов» сокращается до нуля, чтобы избежать бессмысленного «отрицательного» количества.

Чтобы рассчитать численность мигрантов как долю населения, в случае эмиграции (перемещения людей из страны происхождения) требуются другие расчеты, чем в ситуациях иммиграции – перемещения людей в страну назначения. В обоих случаях мы использовали последние данные о количестве мигрантов и данные о населении, опубликованные ДЭСВ ООН в 2020 году.

В случае иммиграции расчет численности мигрантов для классификации ИЧР осуществляется по уравнению:

$$Доля_{иммигрантов} = \frac{сумма\ контингентов\ мигрантов,\ проживающих\ в\ странах\ назначения}{сумма\ общей\ численности\ населения}$$

В случае эмиграции население диаспоры должно быть включено в знаменатель формулы для обеспечения правильной пропорциональности. Таким образом, уравнение для каждой классификации ИЧР имеет вид:

$$Доля_{эмигрантов} = \frac{сумма\ контингентов\ мигрантов\ из\ стран\ происхождения}{сумма\ контингентов\ мигрантов\ из\ стран\ происхождения + сумма\ общей\ численности\ населения}$$

Поскольку точный, анонимный и последовательный сбор данных о миграционных потоках по-прежнему затруднен, использование контингента мигрантов стало стандартным, хотя и косвенным способом оценки миграционных потоков[247]. Как и в предыдущих исследованиях с использованием двусторонних данных о контингентах мигрантов, мы связаны теми же ограничениями, наиболее заметным из которых является предположение о том, что мигранты насовсем покидают страну своего рождения или гражданства, что может быть не всегда так[248]. Измеряя контингенты мигрантов в дискретные интервалы с течением времени, можно получить широкое представление о передвижениях людей между местами, по крайней мере, в виде срезов во времени. Как отмечает Клеменс, такое измерение контингента мигрантов не учитывает смертность мигрантов, один из важных столпов демографических изменений. Более точным термином для расчетов, проведенных в этой главе, было бы назвать это «распространённость» миграции. Чтобы избежать технического жаргона для более широкой читательской аудитории, мы решили избежать этого обсуждения в основном тексте, признавая наличие концептуальных различий.

246 ПРООН, 2019; ДЭСВ ООН, 2021; УВКБ, 2020.

247 Clemens, 2020.

248 Abel, 2016.

Глава 9

Добавление A. Основные определения

Экологическая миграция – это перемещение лиц или групп лиц, которые преимущественно по причинам внезапных или прогрессирующих изменений в окружающей среде, неблагоприятно влияющих на их жизнь или условия жизни, вынуждены покинуть места своего обычного проживания или приняли решение сделать это, либо на временной, либо на постоянной основе, и которые перемещаются в пределах или за пределами своей страны происхождения или обычного проживания.

Климатическая миграция является подкатегорией экологической миграции; она означает отдельный вид экологической миграции, когда изменение окружающей среды связано с изменением климата. Миграция в этом контексте может быть связана с большей уязвимостью пострадавших людей, особенно если она вынужденная. Однако миграция также может быть формой адаптации к факторам экологического стресса, помогая повысить устойчивость затронутых лиц и общин.

Попавшие в безвыходное положение группы населения не мигрируют, но проживают в районах, находящихся под угрозой,… рискуя оказаться в «ловушке» или вынужденные остаться там, где они будут более уязвимы к экологическим потрясениям и обнищанию.

Плановое переселение в контексте стихийных бедствий или ухудшения состояния окружающей среды, в том числе в связи с последствиями изменения климата, представляет собой запланированный процесс, при котором лица или группы лиц перемещаются или получают помощь в перемещении из своих домов или мест временного проживания, расселяются на новом месте и обеспечиваются условиями для обустройства своей жизни.

Все приведенные выше определения взяты из *Глоссария по миграции* Международной организации по миграции. (МОМ, 2019).

Медленно протекающие явления: последствия изменения климата включают медленно протекающие явления и экстремальные погодные явления, которые могут привести к потерям и ущербу. Термин «медленно протекающие явления», первоначально введенный Канкунскими договоренностями (КС16), подразумевает риски и воздействия, связанные с повышением температуры; опустынивание; утрату биоразнообразия; деградацию земель и лесов; отступление ледников и связанные с ними воздействия; закисление океана; повышение уровня моря; и засоление. См.: https://unfccc.int/process/bodies/constituted-bodies/executive-committee-of-the-warsaw-international-mechanism-for-loss-and-damage-wim-excom/areas-of-work/slow-onset-events.

Адаптация: приспособление природных и антропогенных систем в ответ на фактическое или ожидаемое воздействие климата или его последствия, которое позволяет уменьшить вред и использовать благоприятные возможности. См.: https://unfccc.int/process-and-meetings/ the-convention/glossary-of-climate-change-acronyms-and-terms#a.

Смягчение: в контексте изменения климата − вмешательство человека, направленное на уменьшение источников или увеличение поглотителей парниковых газов. Примеры включают более эффективное использование ископаемых видов топлива для промышленных процессов или производства электроэнергии, переход на солнечную энергию или энергию ветра, улучшение изоляции зданий и расширение лесов и других «поглотителей» для удаления большего количества углекислого газа из атмосферы. См.: https://unfccc.int/ process-and-meetings/the-convention/glossary-of-climate-change-acronyms-and-terms#m.

Добавление B. Дополнительные политические инициативы Организации Объединенных Наций, связанные с медленно протекающими явлениями и миграцией

Текущие инициативы особенно актуальны для поддержки разработки миграционной политики в контексте медленно протекающих явлений. В приведенном ниже резюме кратко излагаются избранные недавние важные события, которые могут повлиять на разработку политики на национальном и региональном уровнях.

Стороны Конвенции Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием (КБООН) все чаще обсуждают меры, которые необходимо принять для решения проблемы миграции, связанной с конкретными медленно протекающими явлениями: опустыниванием, деградацией земель и засухой (ОДЗЗ)[249]. Стороны Конвенции обязались сократить вынужденную миграцию, связанную с ОДЗЗ[250], и приняли решения по этой теме в 2017[251] и 2019[252] годах. В этих решениях излагаются конкретные решения, такие как содействие восстановлению деградированных земель для предоставления альтернативных возможностей населению и поддержка Инициативы по обеспечению устойчивости, стабильности и безопасности в Африке (Инициатива 3S)[253], которая направлена на создание «зеленых» рабочих мест для уязвимых групп, включая молодежь в районах с высоким уровнем эмиграции, мигрантов, транзитных мигрантов и возвращающихся мигрантов.

В июле 2020 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций опубликовала тематический доклад о перемещении внутри страны в контексте медленно прогрессирующих неблагоприятных последствий изменения климата, подготовленный Специальным докладчиком по вопросу о правах человека внутренне перемещенных лиц Сесилией Хименес-Дамари[254]. В докладе анализируется, как медленно прогрессирующие последствия изменения климата влияют на осуществление прав человека внутренне перемещенными лицами, включая конкретные группы. В докладе содержатся рекомендации государствам, международному сообществу, предпринимателям и национальным правозащитным учреждениям по решению проблемы внутреннего перемещения в контексте медленно прогрессирующих явлений. Эти рекомендации согласуются с рекомендациями Целевой группы РКИКООН по перемещению и обязательствами, взятыми в рамках Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Среди прочего, они подчеркивают необходимость включения тематики связанного с климатом перемещения в законы, политику и программы, касающиеся мобильности людей, а также активизации усилий по смягчению последствий изменения климата, чтобы уменьшить факторы перемещения, связанные с климатическими воздействиями.

В январе 2020 года Комитет ООН по правам человека[255] принял знаменательное решение, согласно которому государства должны воздерживаться от отправки людей обратно в ситуации, когда последствия изменения климата в стране происхождения представляют опасность для их жизни с достоинством (принцип невысылки). В этом решении также подчеркивается, что пострадавшие государства нуждаются в поддержке международного сообщества для решения огромных проблем, связанных с изменением климата, включая медленно протекающие явления. Выводы Комитета подчеркивают настоятельную необходимость того, чтобы государства открыли новые пути легальной миграции и предоставили временные и долгосрочные формы защиты людям, которые столкнутся с опасными для жизни климатическими рисками, в том числе связанными с медленно протекающими явлениями, если они вернутся в страну своего происхождения[256].

249 МОМ и КБООН, 2019.
250 КБООН, 2017a.
251 КБООН, 2017b.
252 КБООН, 2019.
253 Подробнее см. в 3S Initiative, n.d.
254 ГА ООН, 2020.
255 Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций, 2020.
256 МОМ, 2020e.

В марте 2015 года государства-члены Организации Объединенных Наций подписали Сендайскую рамочную программу по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы (СРПСРБ)[257] для предотвращения и снижения риска бедствий, включая риски, связанные с медленно наступающими бедствиями. В Сендайской рамочной программе подчеркивается необходимость вовлечения мигрантов в мероприятия по снижению риска бедствий и ликвидации их последствий, а также признается, что мигранты должны способствовать повышению устойчивости[258]. В Нансеновской инициативе 2015 года[259] учитывается, как медленно протекающие бедствия и ухудшение состояния окружающей среды, включая последствия изменения климата, влияют на мобильность людей. В Нансеновской повестке дня освещается существующая практика, применяемая государствами во всем мире для обеспечения защиты и помощи людям, перемещенным в результате стихийных бедствий[260].

Другие политические обсуждения, посвященные медленно протекающим явлениям и миграции, проходят, например, в рамках Комиссии международного права[261], Управления Верховного комиссара по правам человека[262], тематической рабочей группы по изменение окружающей среды и миграции Глобального партнерства для передачи знаний в области миграции и развития (KNOMAD)[263], а также Международной организации труда[264].

257 UNDRR, 2015.

258 Guadagno, 2016.

259 Nansen Initiative, 2015a.

260 Nansen Initiative, 2015b. Нансеновская повестка дня осуществляется в рамках последующей инициативы - Платформы по перемещению населения в результате стихийных бедствий (ПДБ).

261 Aurescu et al., 2018.

262 УВКПЧ, 2018.

263 KNOMAD, n.d.

264 МОТ, n.d.

Глава 10

Добавление A. Статус ратификации международных договоров, касающихся миграции

Договор	Число государств-участников по состоянию на 30 июня 2021 года
Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 год	190
Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, 2000 год	178
Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, 2000 год	150
Конвенция о статусе беженцев, 1951 год	146
Протокол, касающийся статуса беженцев, 1967 год	147
Международная конвенция о правах всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, 1990 год	56
Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, 1982 год.	168
Международная конвенция по охране человеческой жизни на море, 1974 год, с поправками	165
Международная конвенция по поиску и спасанию на море, 1979 год, с поправками	113
Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966 год	173
Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 1966 год	171
Конвенция о правах ребенка, 1989 год	196
Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, 1979 год	189
Конвенция о рабстве, 1926 год	99
Протокол о внесении изменений в Конвенцию о рабстве, 1953 год	61
Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, 1956 год	124
Конвенция МОТ № 97 о работниках-мигрантах (пересмотренная, 1949 год)	51
Конвенция МОТ № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращени, 1975 год	26
Основные конвенции МОТ	
Конвенция о свободе ассоциации и защите права на организацию, 1948 год (№ 87)	157
Конвенция о праве на организацию и ведение коллективных переговоров, 1949 год (№ 98)	168
Конвенция о принудительном труде, 1930 год (№ 29)	179
Протокол к Конвенции о принудительном труде, 2014 год	53
Конвенция об упразднении принудительного труда, 1957 год (№ 105)	176
Конвенция о минимальном возрасте, 1973 год (№ 138)	173
Конвенция о наихудших формах детского труда, 1999 год (№ 182)	187
Конвенция о равном вознаграждении, 1951 год (№ 100)	173
Конвенция о дискриминации в области труда и занятий, 1958 год (№ 111)	175

Источники: MOT, 2021b; IMO, 2021; UNTC, 2021.

Добавление B. Формы эксплуатации, отраженные в региональных документах

Протокол о торговле людьми, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (2000 год)	Эксплуатация проституции третьими лицами или другие формы сексуальной эксплуатации	Принудительный труд или принудительные услуги	Рабство или обычаи, сходные с рабством и подневольным состоянием	Изъятие органов	Другие формы	Все потенциальные жертвы
Межамериканская конвенция о международной торговле несовершеннолетними (1994 год)	Проституция, сексуальная эксплуатация	Нет	Только подневольное состояние	Нет	Любая другая незаконная цель.	Нет. Только несовершенно-летние.
Декларация ЭКОВАС о борьбе с торговлей людьми (2001 год)	Да	Да	Да	Да	Да. Принимает определение международного Протокола.	Да
Конвенция СААРК о предупреждении и пресечении торговли женщинами и детьми в целях проституции (2002 год)	Нет	Нет	Нет	Нет	Включает только покупку или продажу для проституции.	Нет. Только женщины или дети.
Конвенция Совета Европы о противодействии торговли людьми (2005 год)	Да	Да	Да	Да	Да – “как минимум”.	
Директива Европейского совета 2011/36/EU (2011 год)	Да	Да	Да	Да	Да. Добавляет принуждение к попрошайничеству, эксплуатацию в преступной деятельности, незаконное усыновление, принудительный брак.	Да
Конвенция АСЕАН о борьбе с торговлей людьми, особенно женщинами и детьми (2015)	Да	Да	Да	Да	Да – “как минимум”.	Да

Добавление C. Механизмы межгосударственных консультаций, занимающиеся вопросами торговли людьми

Механизмы межгосударственных консультаций по вопросам миграции (ММГК) представляют собой «инициированные государствами форумы для текущего обмена информацией и диалогов на региональном, межрегиональном или глобальном уровне с участием государств, заинтересованных в развитии сотрудничества в сфере миграции»[265]. Хотя ММГК могут уделять основное внимание конкретным аспектам миграции, они обычно занимаются вопросами торговли людьми, учитывая ее тесную связь с миграцией.

В приведенной ниже таблице представлен иллюстративный список ММГК, занимающихся вопросами торговли людьми, которые систематизированы по трем основным типам ММГК, а именно, региональным консультативным процессам по вопросам миграции (РКП), межрегиональным форумам по вопросам миграции (МРФ) и глобальным процессам по проблемам миграции[266]. Название каждого ММГК снабжено гиперссылкой на соответствующий веб-сайт/страницу.

Региональные консультативные процессы по миграции (РКП)	Африка	Инициатива Африканского союза – стран Африканского Рога по борьбе с торговлей людьми и незаконным ввозом мигрантов (ИАС-АР) Арабский региональный консультативный процесс по вопросам миграции и беженцев Региональный консультативный процесс по вопросам миграции Межправительственной организации по развитию (РКП-ИГАД) Диалог по миграции государств-членов Общего рынка восточной и южной частей Африки (МИДКОМ) Диалог по миграции для южной части Африки (МИДСА) Диалог по миграции для Западной Африки (МИДВА)
	Северная и Южная Америка	Карибские консультации по вопросам миграции (ККМ) Центральноамериканская комиссия директоров миграционных служб (ОКАМ) Региональная конференция по миграции (РКП или Пуэблский процесс) Южноамериканская конференция по вопросам миграции (САКМ)
	Азия и Тихий океан	Скоординированная министерская инициатива по борьбе с торговлей людьми в бассейне Меконга Тихоокеанское сообщество по развитию иммиграции (ПИДС) Региональный консультативный процесс по вопросам трудоустройства и работы по контрактам за рубежом для стран происхождения в Азии (Процесс Коломбо)
	Европа	Алматинский процесс по защите беженцев и международной миграции Пражский процесс
	Ближний Восток	Арабский региональный консультативный процесс по вопросам миграции (АРКП)

265 МОМ, 2019b.

266 Дополнительные сведения о ММГК см. в www.iom.int/inter-state-consultation-mechanisms-migration.

Межрегиональные форумы по миграции (МРФ)	Африка – Европа	Диалог 5+5 по вопросам миграции в Западном Средиземноморье Инициатива по регулированию миграционного маршрута в районе Африканского Рога (Хартумский процесс) Евро-африканский диалог по вопросам миграции и развития (Рабатский процесс)
	Северная и Южная Америка – Европа	Иберо-американский форум по вопросам миграции и развития (ФИБЕМИД) Иберо-американская сеть миграционных органов (РИАМ)
	Азия – Европа	Будапештский процесс
	Азия – Ближний Восток	Абу-Дабийский диалог между странами происхождения и назначения в Азии
	Европа – Азия – Северная и Южная Америка	Межправительственные консультативные совещания по вопросам миграции, убежища и беженцев (МПК)
	Европа – Азия – Северная и Южная Америка – Ближний Восток	Балийский процесс по проблеме незаконного провоза людей и торговли ими и связанной с этим транснациональной преступности
	Внутриафриканский	Панафриканский форум по миграции
Глобальные процессы по миграции	Руководимый государствами	Глобальный форум по миграции и развитию (ГФМР)
	При содействии межправительственной организации (МОМ)	Международный диалог по миграции (МДМ)

Глава 11

Добавление А. Определения ИИ

Не существует универсального определения искусственного интеллекта (ИИ), и это словосочетание является общим термином, широко применимым во многих контекстах. Некоторые полезные определения, помогающие объяснить этот термин, включают следующее.

Источник	Определение
Канадский совет по информационным и коммуникационным технологиям[267]	Междисциплинарный предмет, включающий методологии и методы из различных фундаментальных дисциплин, таких как математика, инженерия, естественные науки, информатика и лингвистика, и это лишь некоторые из них. За последние несколько десятилетий ИИ превратился в ряд технологических областей, таких как планирование, обработка естественного языка, обработка речи, машинное обучение, визуальное распознавание, нейронные сети, робототехника и др.
Глобальный саммит Международного союза электросвязи (МСЭ) 2017 года. «ИИ во благо»[268]	Набор связанных технологий и методов, которые можно использовать для дополнения традиционных подходов, человеческого интеллекта и аналитики и/или других методов.
Группа экспертов высокого уровня по искусственному интеллекту, созданная Европейской комиссией[269]	ИИ относится к системам, которые демонстрируют интеллектуальное поведение, анализируя свою среду и предпринимая действия — с некоторой степенью автономии — для достижения конкретных целей. Системы на основе ИИ могут быть чисто программными, действующими в виртуальном мире (например, голосовые помощники, программное обеспечение для анализа изображений, поисковые системы, системы распознавания речи и лиц), или ИИ может быть встроен в аппаратные устройства (например, передовые роботы, автономные автомобили, дроны или приложения Интернета вещей).
Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС)[270]	ИИ, как правило, считается дисциплиной компьютерных наук, направленной на разработку машин и систем, которые могут выполнять задачи, которые, как считается, требуют человеческого интеллекта. Машинное обучение и глубокое обучение — это два подмножества ИИ. В последние годы, с развитием новых методов и аппаратного обеспечения нейронных сетей, ИИ обычно воспринимается как синоним «глубокого контролируемого машинного обучения».
Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)[271]	Система ИИ — это система на основе машины, которая может для заданного набора целей, определенных человеком, составлять прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на реальную или виртуальную среду. Системы ИИ предназначены для операций с различными уровнями автономности.

267 McLaughlin and Quan, 2019.
268 ITU and XPrize, 2017.
269 European Commission, 2019.
270 WIPO, n.d.
271 OECD, 2019.

Цифровая служба и Управление искусственного интеллекта правительства Соединенного Королевства[272]	По своей сути ИИ представляет собой область исследований, охватывающую философию, логику, статистику, информатику, математику, нейронауку, лингвистику, когнитивную психологию и экономику. ИИ можно определить как использование цифровых технологий для создания систем, способных выполнять задачи, которые обычно считаются требующими интеллекта. ИИ постоянно развивается, но, как правило, он: • включает в себя машины, использующие статистику для поиска закономерностей в больших объемах данных.; • означает способность выполнять повторяющиеся задачи с данными без необходимости постоянного руководства человеком.
Нильс Дж. Нильссон[273]	ИИ — это деятельность, направленная на то, чтобы сделать машины разумными, а интеллект — это то качество, которое позволяет объекту функционировать должным образом и предусмотрительно в своей среде.
Хила Мехр[274]	ИИ — это программирование компьютеров для выполнения задач, которые обычно требуют человеческого интеллекта. Это включает в себя способность понимать и отслеживать визуальную/пространственную и слуховую информацию, рассуждать и делать прогнозы, взаимодействовать с людьми и машинами, а также постоянно учиться и совершенствоваться.
Джон Маккарти[275]	Это наука и техника создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ. Это связано с аналогичной задачей использования компьютеров для понимания человеческого интеллекта, но ИИ не должен ограничиваться методами, наблюдаемыми биологически.
Дарио Джил и др.[276]	ИИ — это область компьютерных наук, изучающая, как заставить машины действовать разумно. ИИ выполняет множество функций, включая, помимо прочего: обучение, понимание, рассуждения и взаимодействие.
Рональд Эшри[277]	ИИ относится к усилиям по созданию машин, способных решить любую проблему, применяя свои навыки. Как и люди, они могут изучить ситуацию и наилучшим образом использовать имеющиеся ресурсы для достижения своих целей.
Джерри Каплан[278]	Суть ИИ заключается в способности своевременно делать соответствующие обобщения на основе ограниченных данных. Чем шире область применения, чем быстрее делаются выводы с минимальной информацией, тем разумнее поведение.

272 United Kingdom Government Digital Service and Office for Artificial Intelligence, 2019.
273 Nilsson, 2010.
274 Mehr, 2017.
275 McCarthy, 2007.
276 Gil et al., 2020.
277 Ashri, 2020.
278 Kaplan, 2016.

Добавление B. Использование ИИ в разных секторах

Сельское хозяйство: ИИ в значительной степени присутствует в сельском хозяйстве и агропромышленном секторе, особенно с расширением использования интеллектуальных тракторов и щипальных машин в дни сбора урожая. Кроме того, сельскохозяйственный сектор полагается на роботов-уборщиков, выполняющих основные сельскохозяйственные задачи, такие как посадка семян и мониторинг состояния урожая и почвы. Летающие и плавающие дроны с возможностями ИИ также используются для определения качества почвы и воды с целью повышения качества и количества урожая[279].

Предпринимательство и финансы: приложения и применение ИИ стали важными для компаний, стремящихся сократить расходы при одновременном улучшении охвата и качества услуг. Компьютерные алгоритмы и интерфейсы интеллектуального анализа данных позволяют компаниям повышать качество своих услуг, гарантируя их более полное соответствие ожиданиям и потребностям клиентов. Например, списки рекомендаций «Нетфликс» и «Амазон» обеспечивают более персонализированный опыт, фиксируя их модели взаимодействия с помощью интеллектуального анализа данных. Сотрудники также заменяются интеллектуальными программными роботами, такими как чат-боты, которые могут предоставлять клиентам мгновенные ответы на их запросы[280], при этом снижая затраты на наем людского персонала.

Образование: применение ИИ в образовании включает технологию адаптивного обучения[281], которая адаптирует контент к учащимся в зависимости от их способностей. ИИ также используется для проверки на плагиат (например, «Тёрнитин») и автоматического оценивания, а также для автокоррекции и проверки грамматики (например, «Грэммарли»).

Окружающая среда: ИИ был интегрирован в планы экологической политики и сыграл жизненно важную роль в поисково-спасательных миссиях при реагировании на природные и техногенные катастрофы. Примеры включают роботов с возможностями ИИ, которые могут сортировать перерабатываемые материалы из отходов, а также использование ИИ в работе со спутниковыми данными для картирования и прогнозирования развития лесных пожаров и поиска пропавших без вести[282].

Государственное управление и безопасность: правительства используют ИИ для улучшения аппаратов безопасности. Системы ИИ и автономные летательные аппараты, такие как дроны, используются для наблюдения, чтобы помочь автоматизировать обнаружение угроз и моделей преступного поведения и реагирование на них[283].

Наука и здравоохранение: инвестиции в области применения ИИ в науке и здравоохранении значительно увеличились, особенно после появления COVID-19[284]. Использование ИИ в науке оказалось незаменимым, поскольку оно позволяет удешевлять эксперименты, ускоряет научные открытия и повышает эффективность и результативность системы здравоохранения. Теперь технологии ИИ могут следить за здоровьем пациентов, обеспечивать автоматизированные системы диагностической поддержки в больницах и дополнять работу врачей в операционной. Они также широко используются в научных исследованиях и экспериментах, особенно в сегментации и статистике магнитно-резонансной томографии (МРТ).

279 Walch, 2019.
280 Nguyen, 2020
281 Haoyang Li, 2020.
282 Chui et al., 2018.
283 OECD, 2019.
284 Sivasubramanian, 2020.

Транспорт: транспортная отрасль является одним из тех секторов, которые получают наибольшую выгоду от стремительного роста ИИ благодаря исследованиям и инвестициям в автономные транспортные средства с системами виртуального водителя таких автомобильных компаний, как «Тесла»[285]. Этот сектор также использует алгоритмы ИИ для оптимизации общественного транспорта посредством составления графиков движения, маршрутизации и управления светофорами[286].

285 Niestadt et al., 2019.

286 Takyar, 2020.

HERITAGE
UTH BEACH
s all about Miami
TOM TAILOR CASUAL DRINKS COCKTAIL BA

Использованная литература*

Глава 1

Arora, S., K.D. Bhaukhandi and P.K. Mishra

2020 Coronavirus lockdown helped the environment to bounce back. *Science of the Total Environment*, 742:140573. Имеется по адресу www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S004896972034095X.

Bergmann, J., K. Vinke, C.A. Fernández Palomino, C. Gornott, S. Gleixner, R. Laudien, A. Lobanova, J. Ludescher and H.J. Schellnhuber

2021 *Evaluación de la Evidencia: Cambio Climático y Migración en el Perú*. Potsdam Institute for Climate Impact Research. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://peru.iom.int/sites/peru/files/Documentos/UMMC_MIGRACION_CC_PERU_GLOBAL.pdf.

Chaves, M. and E. Aragón

2021 *Mecanismos Sobre Migración Laboral en Mesoamérica*. IOM, San José. Имеется по адресу https://kmhub.iom.int/sites/default/files/publicaciones/mecanismos-sobre-migracion.pdf.

Desjardins, J.

2019 How much data is generated each day? *eNewsWithoutBorders*, 15 April. Имеется по адресу https://enewswithoutborders.com/2019/04/23/how-much-data-is-generated-each-day/.

Faist, T.

2004 The migration–security nexus: International migration and security before and after 9/11. Willy Brandt Series of Working Papers in International Migration and Ethnic Relations. Malmo University. Имеется по адресу https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781403984678_6.

Ferreira, V.A.

2020 *Diagnóstico Sobre la Situación e Incidencia de la Trata de Personas en Contextos Humanitarios en América del Sur*. IOM, Panama City. Имеется по адресу https://repositoryoim.org/bitstream/handle/20.500.11788/2301/ROBUE-OIM%20033.pdf?sequence=1&isAllowed=y.

Fotaki, M.

2014 Narcissistic elites are undermining the institutions created to promote public interest [blog]. London School of Economics, 21 February. Имеется по адресу https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/narcissism-and-perversion-in-public-policy/.

Freire-González, J. and D.F. Vivanco

2020 Pandemics and the environmental rebound effect: Reflections from COVID-19. *Environmental and Resource Economics*, 9 July:1–4. Имеется по адресу www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7346853/.

Friedman, T.

2016 *Thank You for Being Late: An Optimist's Guide to Thriving in the Age of Accelerations*. Farrar, Straus and Giroux, New York.

Gardini, G.L. (ed.)

2020 *The World Before and After COVID-19: Intellectual Reflections on Politics, Diplomacy and International Relations*. European Institute of International Studies Press, Stockholm. Имеется по адресу www.ieeiweb.eu/wp-content/uploads/2020/06/Full_book_FINAL_EN2.0-UNIDO.pdf.

* Все гиперссылки действовали на момент подготовки доклада.

Hertog, S.
2019 The future of migrant work in the GCC: Literature review and a research and policy agenda. Fifth Abu Dhabi Dialogue Ministerial Consultation, 16–17 October. Имеется по адресу http://eprints.lse.ac.uk/102382/1/Hertog_future_of_migrant_work_in_GCC_published.pdf.

Hirsh-Pasek, K., M. Schlesinger, R. Michnick Golinkoff and E. Care
2018 The New Humanism: Technology should enhance, not replace, human interactions [blog]. Brookings Institution, 11 June. Имеется по адресу www.brookings.edu/blog/education-plus-development/2018/06/11/the-new-humanism-technology-should-enhance-not-replace-human-interactions/.

Inter-Agency Coordination Platform for Refugees and Migrants from Venezuela (R4V)
2021 Refugees and Migrants from Venezuela. Имеется по адресу www.r4v.info/en/aboutus.

Internal Displacement Monitoring Centre (IDMC)
2021 *Global Report on Internal Displacement 2021*. Geneva. Available from www.internal-displacement.org/global-report/grid2021/.

International Annual Report Design Awards (IADA)
2021 2021 International Annual Report Design Award Winners. Имеется по адресу www.iada-award.co.uk/winner.php.

Международная организация гражданской авиации (ИКАО)
2021 *Effects of Novel Coronavirus (COVID-19) on Civil Aviation: Economic Impact Analysis*. Montréal. Имеется по адресу www.icao.int/sustainability/Documents/Covid-19/ICAO_coronavirus_Econ_Impact.pdf.

Международная организация труда (МОТ)
2021 *ILO Global Estimates on International Migrant Workers – Results and Methodology*. Third edition. Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_808935.pdf.

Международная организация по миграции (МОМ)
2000 *Доклад о миграции в мире*. Женева. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2000_edited_0.pdf.

2019a *IOM Strategic Vision 2019–2023: Setting a Course for IOM*. Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/strategy.

2019b *Migración Extraregional en Sudamérica y Mesoamérica: Perfiles, experiencias y necesidades*. San José. Имеется по адресу https://kmhub.iom.int/sites/default/files/publicaciones/extraregional-migration-report-es.pdf.

2020a *IOM Constitution*. Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/constitution-and-basic-texts.

2020b *IOM Global Strategic Preparedness and Response Plan COVID-19*. Geneva. Имеется по адресу https://crisisresponse.iom.int/sites/default/files/appeal/documents/IOM%20COVID19%20Appeal-revision_9%20September_final.pdf.

2020c *IOM's COVID-19 Preparedness and Response Achievements Report 2020*. Geneva. Имеется по адресу https://crisisresponse.iom.int/sites/default/files/uploaded-files/IOM-COVID-19-preparedness-and-Response-Achievements-Report-2020.pdf.

2020d *Eastern Route Research, Briefing Paper 2: Comparative Route Analysis*. Nairobi. Имеется по адресу https://ronairobi.iom.int/publications/eastern-route-research-briefing-paper-2-comparative-route-analysis.

2020e *Gendered Patterns of Women and Girls' Migration Along the Eastern Corridor*. Nairobi. Имеется по адресу https://ronairobi.iom.int/sites/ronairobi/files/document/publications/Briefing%20Paper%201_RDH_%20Eastern%20Route%20Research_Gendered%20Patterns%20of%20Migration_0.pdf.

2020f *Methodological Report: IMPACT – Impact Evaluation of the EU–IOM Joint Initiative for Migrant Protection and Reintegration in the Horn of Africa Region*. n.p. Имеется по адресу https://ronairobi.iom.int/sites/ronairobi/files/document/publications/IOM_Methodological_Report_FINAL_20102020.pdf.

2020g *East and Horn of Africa Regional Strategy 2020–2024*. Nairobi. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/east-and-horn-africa-regional-strategy-2020-2024.

2020h *An Exploratory Study on Labour Recruitment and Migrant Worker Protection Mechanisms in West Africa: The Case of Côte d'Ivoire, the Gambia, Ghana, Nigeria and Senegal*. Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/exploratory-study-labour-recruitment-and-migrant-worker-protection-mechanisms-west-africa.

2020i *Intégration du Lien entre Migration, Environnement et Changement Climatique dans la Planification Locale: Cas des communes de Mané et de Bokin dans les régions du Centre-Nord et du Nord du Burkina Faso*. Ouagadougou. Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/int%C3%A9gration-du-lien-entre-migration-environnement-et-changement-climatique-dans-la-planification.

2020j *West and Central Africa Regional Strategy 2020–2024*. Dakar. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/west-and-central-africa-regional-strategy-2020-2024.

2020k *Southern Africa Regional Strategy 2020–2024*. Pretoria. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/southern-africa-regional-strategy-2020-2024.

2020l *Promoting Fair and Ethical Recruitment in a Digital World: Lessons and Policy Options*. In association with the International Labour Organization. Geneva. Имеется по адресу https://rocairo.iom.int/sites/rocairo/files/publication/Report_Promoting-Fair-Ethical-Recruitment-Final_forupload.pdf.

2020m *Middle East and North Africa Regional Strategy 2020–2024*. Cairo. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/middle-east-and-north-africa-regional-strategy-2020-2024.

2020n *Asia and the Pacific Regional Strategy 2020–2024*. Bangkok. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/asia-and-pacific-regional-strategy-2020-2024.

2020o *Toolkit for Development Partners: Integrating Migration into COVID-19 Socio-economic Response*. Brussels. Имеется по адресу https://eea.iom.int/publications/toolkit-development-partners-integrating-migration-COVID-19-socio-economic-response.

2020p *Principles and Approaches to Guide the Relocation and Integration of UAC from Greece to Other EU Member States*. Brussels. Имеется по адресу https://eea.iom.int/publications/principles-and-approaches-guide-relocation-and-integration-uac-greece-other-eu-member.

2020q *IOM's Recommendations to the German Presidency of the Council of the EU*. Brussels. Имеется по адресу https://eea.iom.int/publications/iom-recommendations-german-presidency-council-eu.

2020r *IOM Views on the Roadmap for the EU's New Pact on Migration and Asylum*. Brussels. Имеется по адресу https://eea.iom.int/sites/eea/files/publication/document/IOM-Views-Roadmap-EU-New-Pact-Migration-Asylum.pdf.

2020s *European Economic Area, Switzerland and the United Kingdom – Regional Strategy 2020–2024*. Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/european-economic-area-switzerland-and-united-kingdom-regional-strategy-2020-2024.

2020t *Aportes desde Colombia a la Iniciativa Internacional de Reparaciones a Víctimas de Violencia Sexual en el Marco del Conflicto Armado*. Bogotá. Имеется по адресу https://repositoryoim.org/handle/20.500.11788/2305.

2020u *South America – Regional Strategy 2020–2024*. Buenos Aires. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/south-america-regional-strategy-2020-2024.

2020v *El Tráfico Ilícito de Migrantes en América Central y México en el Contexto de la COVID-19*. San José. Имеется по адресу https://kmhub.iom.int/sites/default/files/publicaciones/informe_tim_abr.pdf.

2020w *DTM: Countries Impacted by Hurricanes Eta and Iota in Latin America and the Caribbean*. San José. Имеется по адресу https://kmhub.iom.int/sites/default/files/publicaciones/iom_dtm_-_regional_overview_-_impacts_of_hurricanes_eta_and_iota_latin_america_and_the_caribbean_.pdf.

2020x *Central America, North America and the Caribbean – Regional Strategy 2020–2024. IOM*. San José. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/central-america-north-america-and-caribbean-regional-strategy-2020-2024.

2021a *Global Mobility Restriction Overview*. Special Edition: Marking One Year of COVID-19 Travel Restrictions. Geneva. Имеется по адресу https://reliefweb.int/report/world/dtm-covid-19-global-mobility-restriction-overview-15-march-2021.

2021b *IOM History*. Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/iom-history.

2021c *IOM Global Strategic Preparedness and Response Plan COVID-19*. Geneva. Имеется по адресу https://crisisresponse.iom.int/sites/default/files/appeal/documents/IOM%20COVID-19%20Strategic%20Response%20and%20Recovery%20Plan%20COVID-19_2.pdf.

2021d *2020 Mobility Overview in the East and Horn of Africa and the Arabian Peninsula*. Nairobi. Имеется по адресу https://ronairobi.iom.int/publications/region-move-2020.

2021e *Life Amidst a Pandemic: Hunger, Migration and Displacement in the East and Horn of Africa*. Nairobi. Имеется по адресу https://ronairobi.iom.int/sites/ronairobi/files/document/publications/IOM-WFP%20Joint%20Report_East%20and%20Horn%20of%20Africa_June%202021_0.pdf.

2021f *West And Central Africa — A Region On The Move: Mobility Trends In West And Central Africa (January — December 2020)*. Dakar. Имеется по адресу https://displacement.iom.int/reports/west-and-central-africa-%E2%80%94-region-move-mobility-trends-west-and-central-africa-january-%E2%80%94?close=true.

2021g *Smuggling of Migrants on the Central Mediterranean Route: Issues, Challenges and Perspectives*. Bamako. Имеется по адресу https://rodakar.iom.int/sites/rodakar/files/document/publications/IOM%20Study%20report_Migrant%20Smuggling%20on%20the%20Central%20Mediterranean%20Route_2020.pdf.

2021h *Sexual and Reproductive Health and Rights (SRHR) and HIV Knows No Borders! 2021–2026*. Pretoria. Имеется по адресу https://ropretoria.iom.int/publications/sexual-and-reproductive-health-and-rights-srhr-and-hiv-knows-no-borders-2021-2026.

2021i *The African Regional Migration Program (ARMP)*. Pretoria. Имеется по адресу https://ropretoria.iom.int/publications/project-1-pager-africa-regional-migration-program-armp-march-2021.

2021j *Bilateral Labour Migration Agreements in Two SADC Corridors*. Pretoria. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/bilateral-labour-migration-agreements-two-sadc-corridors.

2021k *Tool for the Assessment of Bilateral Labour Migration Agreements Pilot-tested in the African Region*. Pretoria. Имеется по адресу https://ropretoria.iom.int/publications/tool-assessment-bilateral-labour-migration-agreements-pilot-tested-african-region.

2021l *Women Migrant Domestic Workers in Lebanon: A Gender Perspective*. Cairo. Имеется по адресу https://rocairo.iom.int/sites/rocairo/files/publication/Migrant%20Workers%27%20Rights%20are%20Women%27s%20Rights_%20June%2016%20_%202021%20FINAL.pdf.

2021m *Assessing the Socio-Economic Impact of COVID-19 on Migrants and Displaced Populations in the MENA Region*. Geneva. Имеется по адресу https://rocairo.iom.int/sites/rocairo/files/publication/IOM%20Socio-economic%20impact%20of%20COVID-19.pdf.

2021n *Diaspora Engagement in Health in the Eastern Mediterranean Region: A desk review of experiences*. Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/diaspora-engagement-health-eastern-mediterranean-region-desk-review-experiences.

2021o *IOM Asia–Pacific Regional Data Hub: Regional Secondary Data Review – March 2021*. Bangkok. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/iom-asia-pacific-regional-data-hub-regional-secondary-data-review-march-2021.

2021p *Asia–Pacific Migration Data Report 2020*. Bangkok. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/asia-pacific-migration-data-report-2020.

2021q *Remittance Inflows: Trends Snapshots*. Bangkok. Имеется по адресу www.iom.int/sites/g/files/tmzbdl486/files/remittance_inflow_trends_snapshot_web-compressed.pdf.

2021r *Covid-19 Preparedness and Response Achievements Report 2020*. Bangkok. Имеется по адресу www.iom.int/sites/g/files/tmzbdl486/files/country/AP/iom_roap_covid-19_achievements_report_april_2021.pdf.

2021s *Regional Strategy – IOM South-Eastern Europe, Eastern Europe and Central Asia*. Vienna. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/south-eastern-europe-eastern-europe-and-central-asia-regional-strategy-2020-2024.

2021t *IOM Strategic Response and Recovery Plan for COVID-19 in Latin America and the Caribbean 2021*. San José. Имеется по адресу https://crisisresponse.iom.int/sites/default/files/appeal/documents/Regional%20SRRP%202021_LACFINAL.pdf.

2021u *La Movilidad Humana Derivada de Desastres y el Cambio Climático en Centroamérica*. Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/la-movilidad-humana-derivada-de-desastres-y-el-cambio-climatico-en-centroamerica.

2021v *Informe Anual Programa de Retorno Voluntario Asistido (RVA). México y países del norte de América Central*. n.p. Имеется по адресу https://kmhub.iom.int/sites/default/files/publicaciones/informe_anual_de_monitoreo_rva_mexico_y_paises_del_norte_de_centroamerica.pdf.

n.d.a Latest Global Figures: Missing Migrants Project: Tracking Deaths Along Migratory Routes. Имеется по адресу https://missingmigrants.iom.int/.

n.d.b *Promoting Safe Migration in 2020 West and Central Africa*. Dakar. Имеется по адресу https://rodakar.iom.int/sites/rodakar/files/document/publications/Promoting%20Safe%20Migration%202020.pdf.

n.d.c Migrants as Messengers. Имеется по адресу www.migrantsasmessengers.org/.

n.d.d Southern Africa Migration Management (SAMM). Имеется по адресу https://ropretoria.iom.int/sites/ropretoria/files/SAMM%20info%20sheet.pdf.

n.d.e *IOM Regional COVID-19 Situational Report: Stories from the Field Compilation*. Cairo. Имеется по адресу https://rocairo.iom.int/sites/rocairo/files/publication/Stories%20from%20the%20Field%20%28Compiled%29_FL_2.pdf.

n.d.f DTM Reports. Flow Monitoring. Имеется по адресу https://migration.iom.int/europe?type=arrivals.

n.d.g Gender, SOGIESC & Migration in the Global Compact for Migration and the 2030 Agenda: Frameworks Matrix. Имеется по адресу www.gendergcm.com/.

n.d.h Migration Data Platform for Evidence-Based Regional Development (M-POWERD). Имеется по адресу https://iommigration.worlddata.io/.

Международный союз электросвязи (МСЭ)

2020 *Measuring Digital Development: Facts and Figures 2020*. Geneva. Имеется по адресу www.itu.int/en/itu-d/statistics/pages/facts/default.aspx.

Juskalian, R.

2018 Inside the Jordan refugee camp that runs on blockchain. *MIT Technology Review*, 12 April. Имеется по адресу www.technologyreview.com/2018/04/12/143410/inside-the-jordan-refugee-camp-that-runs-on-blockchain/.

Kitimbo, A.

2021 Mobile money and financial inclusion of migrants in sub-Saharan Africa. In: *Research Handbook on International Migration and Digital Technology* (M. McAuliffe, ed.). Edward Elgar, Cheltenham.

Latonero, M., K. Hiatt, A. Napolitano, G. Clericetti and M. Penagos

2019 *Digital Identity in the Migration & Refugee Context: Italy Case Study.* Coalizione Italiana Libertà e Diritti Civili (CILD), Rome. Имеется по адресу https://datasociety.net/wp-content/uploads/2019/04/DataSociety_DigitalIdentity.pdf.

Martin, S.F.

2014 *International Migration, Evolving Trends from Early Twentieth Century to Present*. Cambridge University Press, Cambridge. Имеется по адресу www.cambridge.org/core/books/international-migration/60893845597CB52B99F9C3ECC72199ED.

Mauldin, J.

2018 The age of change is coming, and these tech trends will drive economic growth. *Forbes*, 29 August. Имеется по адресу www.forbes.com/sites/johnmauldin/2018/08/29/the-age-of-change-is-coming-and-these-tech-trends-will-drive-the-next-decades-economic-growth/#6e78467131fd.

McAuliffe, M.
2016 How transnational connectivity is shaping irregular migration: Insights for migration policy and practice from the 2015 irregular migration flows to Europe. *Migration Policy Practice*, 6(1):4–10. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/migration-policy-practice-vol-vi-number-1-february-march-2016.

2018 The link between migration and technology is not what you think. Agenda, World Economic Forum, 14 December. Имеется по адресу www.weforum.org/agenda/2018/12/social-media-is-casting-a-dark-shadow-over-migration/.

2021 International migration and digital technology: An overview. In: *Research Handbook on International Migration and Digital Technology* (M. McAuliffe, ed.). Edward Elgar, Cheltenham.

McAuliffe, M., C. Bauloz and A. Kitimbo
2020 The challenge of real-time analysis: Making sense of the migration and mobility implications of COVID-19. *Migration Policy Practice*, X(2):15–20. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/migration-policy-practice-vol-x-number-2-april-june-2020.

McAuliffe, M. and A. Goossens
2018 Regulating international migration in an era of increasing interconnectedness. In: *Handbook on Migration and Globalization* (A. Triandafyllidou, ed.). Edward Elgar, Cheltenham, pp. 86–104.

Menon, S.
2015 How great power competition has changed [blog]. Brookings Institution, 4 May. Имеется по адресу www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/05/04/how-great-power-competition-has-changed/.

Migration Policy Institute (MPI) Europe and International Organization for Migration (IOM)
2020 *Driving Migrant Inclusion Through Social Innovation EUROPE: Lessons for cities in a pandemic*. Brussels and Rome. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/driving-migrant-inclusion-through-social-innovation.

Natalegawa, M.
2020 What have we learned from COVID-19's impacts on Australia, India and Indonesia? Comments made during webinar hosted by Perth US Asia Centre, 7 August. Имеется по адресу https://perthusasia.edu.au/blog/what-have-we-learned-from-covid-19%E2%80%99s-impacts-on-au.

Newland, K., M. McAuliffe and C. Bauloz
2019 Recent developments in the global governance of migration: An update to the *World Migration Report 2018*. In: *World Migration Report 2020* (M. McAuliffe and B. Khadria, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020-chapter-11.

Ratha, D., E.J. Kim, K. Jammeh, M. Vezmar, S. Plaza and G. Seshan
2021 *Migration and Development Brief 34: Resilience: COVID-19 Crisis Through a Migration Lens*. KNOMAD, World Bank, Washington, D.C. Имеется по адресу www.knomad.org/publication/migration-and-development-brief-34.

Rawnsley, A.
2018 Democracy is more fragile than many of us realised, but don't believe that it is doomed. *Guardian*, 21 January. Имеется по адресу www.theguardian.com/commentisfree/2018/jan/21/democracy-is-more-fragile-than-many-of-us-realised-but-do-not-believe-that-it-is-doomed.

Rubinstein, F. and A. Lieutier
2020 *Migrantes en la República Argentina: Inserción en el Mercado Trabajo*. IOM, Buenos Aires. Имеется по адресу http://argentina.iom.int/co/sites/default/files/publicaciones/Migrantes%20en%20la%20Rep%C3%BAblica%20Argentina.%20Inserci%C3%B3n%20en%20el%20mercado%20de%20trabajo.pdf.

Sanchez, G.
2018 Critical perspectives on clandestine migration facilitation: An overview of migrant smuggling research. *Journal on Migration and Human Security*, 5(1):9–27. Имеется по адресу https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/233150241700500102.

Schwab, K.
2016 The Fourth Industrial Revolution: What it means, how to respond. Agenda, World Economic Forum, 14 January. Имеется по адресу www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/.

Skog, D.A., H. Wimelius and J. Sandberg
2018 Digital disruption. *Business & Information Systems Engineering*, 60:431–437. Имеется по адресу https://doi.org/10.1007/s12599-018-0550-4.

Suramérica Abierta
n.d. Information to Monitor the Dynamics of Human Mobility During the Pandemic. Имеется по адресу https://suramericaabierta.info/en.

Triandafyllidou, A.
2018 Globalisation and migration. In: *Handbook on Migration and Globalisation* (A. Triandafyllidou, ed.). Edward Elgar, Cheltenham.

Организация Объединенных Наций (ООН)
2015 *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года*. Нью-Йорк. Имеется по адресу https://sdgs.un.org/2030agenda.

2020 *Regional Review of the Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration Member States of the United Nations Economic Commission for Europe*. n.p. Имеется по адресу https://migrationnetwork.un.org/sites/default/files/docs/unece_-_regional_review_of_the_gcm_-_summary_report_final_updated.pdf.

2021a *The Sustainable Development Goals Report 2021*. New York. Имеется по адресу https://unstats.un.org/sdgs/report/2021/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2021.pdf.

2021b *Our Common Agenda – Report of the Secretary-General*. New York. Имеется по адресу www.un.org/en/content/common-agenda-report/assets/pdf/Common_Agenda_Report_English.pdf.

Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН)
2021 *International Migrant Stock 2020*. New York. Имеется по адресу www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock.

Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН)
n.d.a Issue-based Coalitions and Groups. Имеется по адресу https://unece.org/issue-based-coalitions-and-groups.

n.d.b Issue-based Coalition on Gender Equality. Имеется по адресу https://unece.org/issue-based-coalition-gender-equality.

n.d.c Issue-based Coalition on Health and Well-being. Имеется по адресу https://unece.org/issue-based-coalition-health-and-well-being.

n.d.d Issue-based Coalition on Adolescent and Youth. Имеется по адресу https://unece.org/issue-based-coalition-adolescent-and-youth.

n.d.e Issue-based Coalition on Environment and Climate Change. Имеется по адресу https://unece.org/issue-based-coalition-environment-and-climate-change.

Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП)

2020a Biodiversity in grave danger: What can be done in 2020?. 28 January. Имеется по адресу www.unenvironment.org/news-and-stories/story/biodiversity-grave-danger-what-can-be-done-2020.

2020b Letter from the Executive Director. Annual report. Имеется по адресу www.unep.org/annualreport/2019/index.php.

Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН)

2021 *Global Trends: Forced Displacement in 2020*. Geneva. Имеется по адресу www.unhcr.org/flagship-reports/globaltrends/.

Сеть Организации Объединенных Наций по вопросам миграции (СМООН)

2021 *International Migration Review Forum 2022*. Geneva. Имеется по адресу https://migrationnetwork.un.org/international-migration-review-forum-2022.

Veiga, M. J.

2021 *Revisión de los Marcos Normativos de Argentina, el Estado Plurinacional de Bolivia, Chile, Perú y Uruguay. Contexto del Pacto Mundial para una Migración Segura, Ordenada y Regular*. Cuadernos Migratorios N° 11. Organización Internacional para las Migraciones (OIM), Buenos Aires. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/revision-de-los-marcos-normativos-de-argentina-estado-plurinacional-de-bolivia-chile-peru-y.

WAKA Well

n.d. Имеется по адресу https://wakawell.info/en/home/.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)

2021 COVID-19 Weekly epidemiological update – 9 March 2021. Имеется по адресу https://reliefweb.int/report/world/coronavirus-disease-covid-19-weekly-epidemiological-update-9-march-2021.

Yates, C.

2021 Haitian migration through the Americas: A decade in the making. Migration Policy Institute, 30 September. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/haitian-migration-through-americas.

Zuboff, S.

2019 *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power.* PublicAffairs, New York City.

Глава 2

Al Jazeera
2020 Coronavirus: Travel restrictions, border shutdowns by country. 3 June. Имеется по адресу www.aljazeera.com/news/2020/6/3/coronavirus-travel-restrictions-border-shutdowns-by-country.

Amuedo-Dorantes, C.
2014 The good and the bad in remittance flows. *IZA World of Labor*. Имеется по адресу https://wol.iza.org/articles/good-and-bad-in-remittance-flows/long.

Aron, J. and J. Muellbauer
2019 *The Economics of Mobile Money: Harnessing the Transformative Power of Technology to Benefit the Global Poor.* Oxford Martin School, University of Oxford. Имеется по адресу www.oxfordmartin.ox.ac.uk/publications/mobile-money.

Benton, M., J. Batalova, S. Davidoff-Gore and T. Schmidt
2021 *COVID-19 and the State of Global Mobility in 2020*. Migration Policy Institute Europe, Brussels. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/research/covid-19-state-global-mobility-2020.

Brookings Institution and University of Bern
2010 *IASC Framework on Durable Solutions for Internally Displaced Persons*. Brookings Institution, Washington, D.C. Имеется по адресу www.unhcr.org/50f94cd49.pdf.

de Beer, J., J. Raymer, R. van der Erf and L. van Wissen
2010 Overcoming the problems of inconsistent international migration data: A new method applied to flows in Europe. *European Journal of Population*, 26(4):459–481.

Dinarte, L., D. Jaume, E. Medina-Cortina and H. Winkler
2021 *Not by Land nor by Sea: The Rise of Formal Remittances during COVID-19*. Development Policy Centre, Australian National University, Canberra. Имеется по адресу https://devpolicy.org/Events/2021/Not-by-land-nor-by-sea-the-rise-of-formal-remittances-during-COVID-19-Dinarte-13Apr/full-paper-updated13Apr.pdf.

Eurostat
2020 Personal Remittances Statistics. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Personal_remittances_statistics (дата доступа: 2 июня 2021 года).

Expert Group on Refugee and IDP Statistics (EGRIS)
2018 Technical report on statistics of Internally Displaced Persons. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-manuals-and-guidelines/-/ks-gq-18-003.

2020 International recommendations on Internally Displaced Persons Statistics (IRIS). Имеется по адресу https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-manuals-and-guidelines/-/ks-gq-20-005.

Fertig, M. and C.M. Schmidt
2001 First- and second-generation migrants in Germany – What do we know and what do people think? *IZA Discussion Papers*, 286:1–48. Имеется по адресу www.iza.org/publications/dp/286/first-and-second-generation-migrants-in-germany-what-do-we-know-and-what-do-people-think.

Gallagher, A. and M. McAuliffe

2016 South-East Asia and Australia. In: *Migrant Smuggling Data and Research: A Global Review of the Emerging Evidence Base* (M. McAuliffe and F. Laczko, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/smuggling_report.pdf.

Ghosh, B.

2006 *Migrants' Remittances and Development: Myths, Rhetoric and Realities*. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/es/books/migrants-remittances-and-development-myths-rhetoric-and-realities (дата доступа: 2 июня 2021 года).

Hale, T., S. Webster, A. Petherick, T. Phillips and B. Kira

2021 *Oxford COVID-19 Government Response Tracker Dataset*, Blavatnik School of Government, Oxford. (accessed 3 June 2021) Имеется по адресу https://covidtracker.bsg.ox.ac.uk/.

International Civil Aviation Organization (ICAO)

2021 *Effects of Novel Coronavirus (COVID-19) on Civil Aviation: Economic Impact Analysis*. ICAO, Montreal. Имеется по адресу www.icao.int/sustainability/Documents/Covid-19/ICAO_coronavirus_Econ_Impact.pdf.

Центр мониторинга внутренних перемещений (ЦМВП)

2019 *Global Report on Internal Displacement 2019*. Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/global-report/grid2019/.

2020 *Global Report on Internal Displacement 2020*. Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/global-report/grid2020/.

2021 *Global Report on Internal Displacement 2021*. Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/global-report/grid2021/.

n.d. Global Internal Displacement Database. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/database (дата доступа: 3 июня 2021 года).

Международная организация труда (МОТ)

2018 *ILO Global Estimates on International Migrant Workers – Results and Methodology*. Second edition. Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_652001.pdf.

2021 *ILO Global Estimates on International Migrant Workers – Results and Methodology*. Third edition. Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_808935.pdf.

Международный валютный фонд (МВФ)

2020 Supporting migrants and remittances as COVID-19 rages on. *IMF Blog*, 11 September. Имеется по адресу https://blogs.imf.org/2020/09/11/supporting-migrants-and-remittances-as-covid-19-rages-on/.

Международная организация по миграции (МОМ)

2020a World Migration Report 2020 Interactive. Geneva. Имеется по адресу https://worldmigrationreport.iom.int.

2020b Global Mobility Restrictions Update. Имеется по адресу https://migration.iom.int/system/tdf/reports/DTM-Covid19%20Global%20Overview%20Output%2019.03.2020%20_0.pdf?file=1&type=node&id=7977.

2020c *COVID-19 Impact on Stranded Migrants*. COVID-19 Response, Return Task Force. Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/documents/issue_brief_return_task_force.pdf.

2020d *Return and Reintegration Quarterly Bulletin – 2020 Q1*. Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/our_work/DMM/AVRR/2020q1-returnandreintegrationquarterlybulletin.pdf.

2020e *Return and Reintegration Quarterly Bulletin – 2020 Q2*. Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/our_work/DMM/AVRR/2020q2-returnandreintegrationquarterlybulletin.pdf.

2020f *Return and Reintegration Quarterly Bulletin – 2020 Q3*. Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/our_work/DMM/AVRR/2020q3-returnandreintegrationquarterlybulletin.pdf.

2020g *COVID-19 Analytical Snapshot #16: International Remittances*. 17 April. Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_16_-_international_remittances.pdf.

2020h *COVID-19 Analytical Snapshot #53: International Remittances UPDATE*. 26 August. Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_53_-_international_remittances_update.pdf.

2020i *COVID-19 Analytical Snapshot #55: Emerging Remittance Patterns*. 15 October. Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_55_-_emerging_remittance_patterns_0.pdf.

2020j IOM Resettlement. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/resettlement-booklet-2020.pdf.

2021a Travel Restrictions Matrix. Имеется по адресу https://migration.iom.int/sites/all/themes/fmp/pages/heatmap/matrix.php.

2021b *COVID-19 Analytical Snapshot #66: International Remittances UPDATE*. 25 January. Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_66_international_remittances_update.pdf.

n.d. Latest Global Figures: Missing Migrants Project: Tracking Deaths Along Migratory Routes. Имеется по адресу https://missingmigrants.iom.int/ (дата доступа: 20 сентября 2021 года).

Johns Hopkins Coronavirus Resource Centre (CRC)

2021 COVID-19 Dashboard. Имеется по адресу https://coronavirus.jhu.edu/map.html.

Koser, K.

2010 Dimensions and dynamics of irregular migration. *Population, Space and Place*, 16(3):181–193. Имеется по адресу https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/psp.587.

Kyaw, N.N.
2017 Unpacking the presumed statelessness of Rohingyas. *Journal of Immigrant and Refugee Studies*, 15(3):269–286.

McAuliffe, M., A. Kitimbo, A.M. Goossens and A.K.M. Ahsan Ullah
2017 Understanding migration journeys from migrants' perspectives. In: *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу http://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en_chapter7.pdf.

McAuliffe, M. and A.M. Goossens
2018 Regulating international migration in an era of increasing interconnectedness. In: *Handbook of Migration and Globalisation* (A. Triandafyllidou, ed.). Edward Elgar Publishing, Cheltenham, pp. 86–104.

McAuliffe, M. and K. Koser
2017 Introduction. In: *A Long Way to Go: Irregular Migration Patterns, Processes, Drivers and Decision-making* (M. McAuliffe and K. Koser, eds.). ANU Press, Canberra.

McAuliffe, M.
2020 Immobility as the ultimate "migration disrupter". IOM Migration Research Series No. 64. 7 August. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/mrs-no-64-immobility-ultimate-migration-disrupter.

Neto, F.
1995 Predictors of satisfaction with life among second generation migrants. *Social Indicators Research*, 35:93–116.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)
n.d.a International Migration Database. Имеется по адресу https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=MIG (дата доступа: 2 сентября 2019 года).

n.d.b Foreign-Born Employment. Имеется по адресу https://data.oecd.org/migration/foreign-born-employment.htm (дата доступа: 2 сентября 2019 года).

n.d.c Net ODA. Имеется по адресу https://data.oecd.org/oda/net-oda.htm (дата доступа: 3 сентября 2019 года).

Poulain, M. and N. Perrin
2001 *Is the Measurement of International Migration Flows Improving in Europe*. Working Paper No. 12. Joint ECE–EUROSTAT Work Session on Migration Statistics organized in cooperation with the UN Statistics Division. UN Statistical Commission and the UN Economic Commission for Europe (Eurostat). Geneva, 21–23 May. Имеется по адресу www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2001/05/migration/12.e.pdf.

Ratha, D., S. De, E.J. Kim, S. Plaza, G. Seshan and N.D. Yameogo
2020a *Migration and Development Brief 32: COVID-19 Crisis Through a Migration Lens*. KNOMAD, World Bank, Washington, D.C. Имеется по адресу www.knomad.org/publication/migration-and-development-brief-32-covid-19-crisis-through-migration-lens.

2020b *Migration and Development Brief 33: Phase II: COVID-19 Crisis Through a Migration Lens*. KNOMAD, World Bank, Washington, D.C. Имеется по адресу www.knomad.org/publication/migration-and-development-brief-33.

Ratha, D., E.J. Kim, S. Plaza and G. Seshan
2021 *Migration and Development Brief 34: Resilience: COVID-19 Crisis Through a Migration Lens*. KNOMAD, World Bank, Washington, D.C. Имеется по адресу www.knomad.org/publication/migration-and-development-brief-34.

Skeldon, R.
2018 International migration, internal migration, mobility and urbanization: Towards more integrated approaches. Migration Research Series, No. 53. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/mrs_53.pdf.

Toh, A.
2020 Big data could undermine the COVID-19 response. *Wired*, 12 April. Имеется по адресу www.wired.com/story/big-data-could-undermine-the-covid-19-response/.

Triandafyllidou, A. (ed.)
2018 *Handbook of Migration and Globalization*. Edward Elgar Publishing, Cheltenham.

Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН)
1998 *Recommendations on Statistics of International Migration: Revision 1*. New York. Имеется по адресу https://unstats.un.org/unsd/publication/seriesm/seriesm_58rev1e.pdf.

2008 *International Migrant Stock: The 2008 Revision*. New York. Имеется по адресу https://esa.un.org/migration/index.asp?panel=1.

2015 *World Population Prospects: The 2015 Revision*. New York. Имеется по адресу https://esa.un.org/unpd/wpp/publications/files/key_findings_wpp_2015.pdf.

2021a *International Migrant Stock 2020*. New York. Имеется по адресу www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock.

2021b *International Migrant Stock 2020 Documentation*. New York. Имеется по адресу www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2020_international_migrant_stock_documentation.pdf.

2021c *International Migration 2020 Highlights*. New York. Имеется по адресу www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2020_international_migration_highlights.pdf.

Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)
2009 *Human Development Report 2009*. New York. Имеется по адресу www.hdr.undp.org/sites/default/files/reports/269/hdr_2009_en_complete.pdf.

Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ)
2011 *Global Trends 2010*. Geneva. Имеется по адресу www.unhcr.org/4dfa11499.pdf#:~:text=Global%20Trends%202010.%20Global%20Trends%202010.%2060%20years.,at%20the%20end%20of%202010.%2012%20million%20stateless.

2021a *Global Trends: Forced Displacement in 2020*. Geneva. Имеется по адресу www.unhcr.org/flagship-reports/globaltrends/.

2021b *UNHCR Projected Global Resettlement Needs*. Geneva. Имеется по адресу www.unhcr.org/protection/resettlement/5ef34bfb7/projected-global-resettlement-needs-2021-pdf.html.

n.d.a Population Statistics. Имеется по адресу http://popstats.unhcr.org/en/persons_of_concern (дата доступа: 23 июня 2021 года).

n.d.b Resettlement. Имеется по адресу http://popstats.unhcr.org/en/resettlement (дата доступа: 3 мая 2021 года).

Статистическая комиссия Организации Объединенных Наций

2021 *Доклад о работе пятьдесят второй сессии Статистической комиссии* (1–5 марта 2021 года). Нью-Йорк. Имеется по адресу https://unstats.un.org/unsd/statcom/52nd-session/documents/2021-30-FinalReport-E.pdf.

Статистический отдел Организации Объединенных Наций

2021 *United Nations Expert Group on Migration Statistics, Task Force 2: Task force on Key Concepts and Definitions related to International Migration*. New York. Имеется по адресу https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/migration-expert-group/task-forces/taskforce-2.

Всемирный банк

2016 *Migration and Remittances Factbook 2016*. Third edition. Washington, D.C. Имеется по адресу https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23743/9781464803192.pdf?sequence=3&isAllowed=y.

2021a Defying predictions, remittance flows remain strong during COVID-19 crisis. May 12. Имеется по адресу www.worldbank.org/en/news/press-release/2021/05/12/defying-predictions-remittance-flows-remain-strong-during-covid-19-crisis.

2021b *Remittance Prices Worldwide Quarterly*. Issue 37. Washington, D.C. Имеется по адресу https://remittanceprices.worldbank.org/sites/default/files/rpw_main_report_and_annex_q121_final.pdf.

n.d. Migration and Remittances Data (updated as of May 2021). Имеется по адресу www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data (дата доступа: 3 июня 2021 года).

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)

2020 WHO Director-General's opening remarks at the media briefing on COVID-19. 11 March. Имеется по адресу: www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020.

Zuboff, S.

2021 The pandemic all but killed privacy. It's not too late to bring it back. Interview with Prof Soshanna Zuboff on *Marketplace* "Make me smart" podcast, episode 420, 27 April. Имеется по адресу www.marketplace.org/shows/make-me-smart-with-kai-and-molly/the-pandemic-all-but-killed-privacy-its-not-too-late-to-bring-it-back/.

Глава 3

Abebe, T.T. and M. Daghar
2021 A dangerous road home for Horn of Africa migrants. Institute for Security Studies, 25 May. Имеется по адресу https://issafrica.org/iss-today/a-dangerous-road-home-for-horn-of-africa-migrants.

Abebe, T.T. and O.A. Maunganidze
2021 Implications of COVID-19 on East Africa–EU Partnership on Migration and Forced Displacement. Instituto Affari Internazionali, 2 March. Имеется по адресу www.iai.it/en/pubblicazioni/implications-covid- 19-east-africa-eu-partnership-migration-and-forced-displacement.

Abeldaño Zuñiga, R.A. and J. Fanta Garrido
2020 Internal displacement due to disasters in Latin America and the Caribbean. In: *Climate Change, Hazards and Adaptation Options* (W. Leal Filho, G. Nagy, M. Borga, P. Chávez Muñoz and A. Magnuszewski, eds.). Climate Change Management Series, Springer, Cham, pp. 389–409. Имеется по адресу https://doi.org/10.1007/978-3-030-37425-9_21.

African Union
2020a Africa labour migration outlook in the post COVID-19 era. Policy brief, 1 November. Имеется по адресу https://ethiopia.iom.int/sites/ethiopia/files/Preparing%20Africa%20for%20Post%20COVID-19%20 Labour%20Migration.pdf.

2020b *East African Community (EAC): Labor Migration Statistics Report in Africa.* Second edition: Regional Migration Profile. Addis Ababa. Имеется по адресу https://au.int/sites/default/files/documents/39323-doc- east_african_community_eac.pdf.

2020c *Southern African Development Community (SADC): Labor Migration Statistics Report in Africa.* Second edition: Regional Migration Profile. Addis Ababa. Имеется по адресу https://au.int/sites/default/files/documents/39323-doc-southern_african_development_community_sadc.pdf.

Al Jazeera
2021a Dozens of stranded Syrian refugees rescued off Albanian coast. 9 January. Имеется по адресу www.aljazeera.com/news/2021/1/9/dozens-of-syrian-migrants-rescued-from-boat-off-albanian-coast.

2021b More than 27,000 displaced in Colombia violence this year. 26 April. Имеется по адресу www.aljazeera. com/news/2021/4/26/more-than-27000-displaced-in-colombia-so-far-this-year.

Amaral, J.
2021 Regularization initiatives for Venezuelan migrants in the Dominican Republic and Curaçao are step towards inclusion. Migration Policy Institute, July. Имеется по адресу www.migrationportal.org/insight/regularization-initiatives-venezuelan-migrants-dominican-republic-curacao-step-towards-inclusion/.

Angelo, P.J.
2021 Why Central American migrants are arriving at the U.S. border. Council on Foreign Relations, 22 March. Имеется по адресу www.cfr.org/in-brief/why-central-american-migrants-are-arriving-us-border.

Asian Development Bank Institute (ADBI), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Международная организация труда (МОТ)

2021 *Labor Migration in Asia: Impacts of the COVID-19 Crisis and the Post-Pandemic Future*. Tokyo, Paris and Bangkok. Имеется по адресу www.oecd.org/countries/laopeoplesdemocraticrepublic/adbi-book-labor-migration-asia-impacts-covid-19-crisis-post-pandemic-future.pdf.

Assessment Capacities Project (ACAPS)

2020 *Azerbaijan: Pre-existing Situation and Impact of the 2020 Nagorno-Karabakh Conflict*. Geneva. Имеется по адресу www.Acaps.Org/Sites/Acaps/Files/Products/Files/20201221_Acaps_Secondary_Data_Review_Azerbaijan_Nagorno-Karabakh_Conflict.Pdf.

2021a Mozambique: Tropical Cyclone Eloise. Briefing note, 18 February. Имеется по адресу www.acaps.org/sites/acaps/files/products/files/20210217_acaps_briefing_note_mozambique_cyclone_eloise_v2.pdf.

2021b Libya. Имеется по адресу www.acaps.org/country/libya/crisis/complex-crisis.

Astles, J.

n.d. Migrant caravans: Explained [blog]. IOM, Regional Office for Central America, North America and the Caribbean. Имеется по адресу https://rosanjose.iom.int/site/en/blog/migrant-caravans-explained.

Australian Government, Department of Home Affairs

2020 *Annual Report 2019–20*. Имеется по адресу www.homeaffairs.gov.au/reports-and-pubs/Annualreports/home-affairs-annual-report-2019-20.pdf.

Australian Government, Department of Social Services

2019 Syrian/Iraqi humanitarian crisis. Имеется по адресу www.dss.gov.au/settlement-servicesprograms-policy/syrian-iraqi-humanitarian-crisis.

Babar, Z.

2020 Zahra Babar on Gulf migrant workers during the pandemic. Center for International and Religious Studies, Georgetown University, Qatar. 15 November. Имеется по адресу https://cirs.qatar.georgetown.edu/zahra-babar-gulf-migrant-workers-during-pandemic/.

Baker, B.

2021 *Estimates of the Unauthorized Immigrant Population Residing in the United States: January 2015–January 2018*. United States Department of Homeland Security, Washington, D.C. Имеется по адресу www.dhs.gov/sites/default/files/publications/immigration-statistics/Pop_Estimate/UnauthImmigrant/unauthorized_immigrant_population_estimates_2015_-_2018.pdf.

Batalova, J., M. Hanna and C. Levesque

2021 Frequently requested statistics on immigrants and immigration in the United States. Migration Policy Institute, 11 February. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/frequently-requested-statistics-immigrants-and-immigration-united-states-2020#immig-now-historical.

Bisong, A.

2019 *Assessing Gender Inclusion in the Migration Policies of ECOWAS*. Policy Briefing: Women, Power & Policymaking. Africa Portal, Johannesburg. Имеется по адресу https://media.africaportal.org/documents/Bisong__Assessing_gender_inclusion_in_the_migration_policies_of_ECOWAS_.pdf.

Black, J.
2020 The data question: The challenge of measuring irregular migration in Africa. In: *Africa Migration Report* (A. Adepoju, ed.). IOM, Addis Ababa. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/africa-migration-report-challenging-narrative.

Blake, J.
2020 West Africa Is increasingly vulnerable to terrorist groups. *Foreign Policy*, 4 April. Имеется по адресу https://foreignpolicy.com/2020/04/04/west-africa-is-increasingly-vulnerable-to-terrorist-groups/.

Blocher, J.M. and E.O. Kileli
2020 In relatively peaceful Tanzania, climate change and migration can spur conflict. Migration Policy Institute, 13 November. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/tanzania-climate-change-migration-conflict.

Bojorquez, I., B. Cabieses, C. Arósquipa, J. Arroyo, A.F. Cubillos Novella, M. Knipper, M. Orcutt, A.C. Sedas and K. Rojas
2021 Migration and health in Latin America during the COVID-19 pandemic and beyond. *The Lancet*, 397(10281):1243–1245. Имеется по адресу https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)00629-2.

British Broadcasting Corporation (*BBC News*)
2021a Migrants reach Spain's Ceuta enclave in record numbers. 18 May. Имеется по адресу www.bbc.com/news/world-europe-57150051.

2021b Spain migrants: 'I said goodbye to my family and left with nothing'. 19 May. Имеется по адресу www.bbc.com/news/world-europe-57168701.

Cai, Y.
2020 China's 2020 target: Reshaping global mobility flows [blog]. European Association for International Education, 27 January. Имеется по адресу www.eaie.org/blog/china-2020-target-reshaping-global-mobility-flows.html.

Call, C.T.
2021 The imperative to address the root causes of migration from Central America [blog]. Brookings Institute, 29 January. Имеется по адресу www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/01/29/the-imperative-to-address-the-root-causes-of-migration-from-central-america/.

Carter, R.
2020 The corona crisis has made us value migrants: here's how to build on that. *Open Democracy*, 25 April. Имеется по адресу www.opendemocracy.net/en/opendemocracyuk/the-corona-crisis-has-made-us-value-migrants-heres-how-to-build-on-that/.

Cerrutti, M.
2020 5 salient facts about intra-regional migration in South America. Immigration & Emigration Statistics Blog, Migration Data Portal, 13 March. Имеется по адресу https://migrationdataportal.org/blog/5-salient-facts-about-intra-regional-migration-south-america#:~:text=Nowadays%20in%20South%20America%2C%20the,residing%20elsewhere%20in%20the%20world.&text=Annual%20South%20American%20inflows%20to,2015%20to%20256%2C210%20in%202018.

Chaves-González, D. and C. Echeverría-Estrada
2020 *Venezuelan Migrants and Refugees in Latin America and the Caribbean: A Regional Profile*. Migration Policy Institute and IOM, Brussels and Geneva. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/research/venezuelans-latin-america-caribbean-regional-profile.

Chetail, V.
2020 *Covid-19 and the Transformation of Migration and Mobility Globally – COVID-19 and Human Rights of Migrants: More protection for the benefit of all*. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/covid-19-and-transformation-migration-and-mobility-globally-covid-19-and-human-rights.

Chishti, M. and J. Bolter
2020 Interlocking set of Trump administration policies at the U.S.-Mexico border bars virtually all from asylum. Migration Policy Institute, 27 February. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/interlocking-set-policies-us-mexico-border-bars-virtually-all-asylum.

Chishti, M. and R. Capps
2021 Slowing U.S. population growth could prompt new pressure for immigration reform. Migration Policy Institute, 26 May. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/slowing-us-population-growth-immigration-reform.

Chishti, M. and S. Pierce
2021 Biden sets the stage for a remarkably active first 100 days on immigration. Migration Policy Institute, 27 January. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/biden-immigration-reform-agenda.

Chishti, M., S. Pierce and L. Plata
2018 In upholding travel ban, Supreme Court endorses presidential authority while leaving door open for future challenges. Migration Policy Institute, 29 June. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/upholding-travel-ban-supreme-court-endorses-presidential-authority-while-leaving-door-open.

Common Market for Eastern and Southern Africa (COMESA)
2019 Programme to boost labour migration is underway. Press release, 30 July. Имеется по адресу www.comesa.int/ilo-director-for-zambia-malawi-and-mozambique-accredited-to-comesa/.

Conference Board of Canada
2021 Why is immigration important to Canada? Имеется по адресу www.conferenceboard.ca/focus-areas/immigration/why-is-immigration-important-to-canada.

Cornwell, A., L. Barrington and D. Barbuscia
2020 UAE's migrant workers fret over future in coronavirus economy. *Reuters*, 22 July. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-emirates-jobs-idUSKCN24N0Q7.

Dempster, H. and M. Clemens
2020 The EU migration pact: Putting talent partnerships into practice [blog]. Center for Global Development, 19 November. Имеется по адресу www.cgdev.org/blog/eu-migration-pact-putting-talent-partnerships-practice.

Díaz, D., J. Giménez and D. Álvarez
2021 Across Latin America, displaced people receive the COVID-19 jab. *UNHCR News*, 30 April. Имеется по адресу www.unhcr.org/news/stories/2021/4/608b0a834/across-latin-america-displaced-people-receive-covid-19-jab.html.

Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (ESCAP)
2020 *Asia-Pacific Migration Report 2020: Assessing Implementation of the Global Compact for Migration* (ST/ESCAP/2801). Bangkok. Имеется по адресу www.unescap.org/sites/default/files/APMR2020_FullReport.pdf.

Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC)
2020 *The Impact of COVID-19: An Opportunity to Reaffirm the Central Role of Migrants' Human Rights in Sustainable Development*. Santiago. Имеется по адресу www.cepal.org/en/publications/46354-impact-covid-19-opportunity-reaffirm-central-role-migrants-human-rights.

El-Assal, K.
2019 Immigration beyond the GTA: Toward an Ontario immigration strategy. Conference Board of Canada. Имеется по адресу www.conferenceboard.ca/e-library/abstract.aspx?did=10342.

El-Assal, K. and S.R. Taylor
2019 Turning the corner: Improving Canadian business immigration. Conference Board of Canada. Имеется по адресу www.conferenceboard.ca/e-library/abstract.aspx?did=10181.

El-Assal, K. and S. Thevenot
2020 Canada to target over 400,000 immigrants per year. *CIC News*, 30 October. Имеется по адресу www.cicnews.com/2020/10/canada-to-release-2021-2023-immigration-levels-plan-1016133.html#gs.2gdgiq.

Ernst, J.
2020 How coronavirus has halted Central American migration to the US. *Guardian*, 2 April. Имеется по адресу www.theguardian.com/us-news/2020/apr/02/us-immigration-central-america-coronavirus-impact.

Escobar, A.
2021 Belize vaccinates first groups of refugees amid country-wide immunization drive. United Nations Belize, 24 June. Имеется по адресу https://belize.un.org/en/133429-belize-vaccinates-first-groups-refugees-amid-country-wide-immunization-drive.

Escribano, P.
2020 Policy approaches to climate migration: Lessons from Latin America and the Caribbean. *Lawfare Blog*, 8 November. Имеется по адресу www.lawfareblog.com/policy-approaches-climate-migration-lessons-latin-america-and-caribbean.

Espinoza, M.V., G.P. Zapata and L. Gandini
2020 Mobility in immobility: Latin American migrants trapped amid COVID-19. *Open Democracy*, 26 May. Имеется по адресу www.opendemocracy.net/en/democraciaabierta/mobility-immobility-latin-american-migrants-trapped-amid-covid-19/.

European Commission
2021a North Africa: EU mobilises €20 million in humanitarian aid for vulnerable populations. Press release, 18 June. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_2874.

2021b *The Impact of COVID-19 in the Migration Area in EU and OECD Countries*. Brussels. Имеется по адресу www.oecd.org/migration/mig/00-eu-emn-covid19-umbrella-inform-en.pdf.

2021c Portugal: More than 356 000 immigrants provisionally legalised during COVID-19 pandemic. 16 January. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/portugal-more-than-356-000-immigrants-provisionally-legalised-during-covid-19-pandemic.

2021d EU Adaptation Strategy. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/clima/policies/adaptation/what_en#:~:text=The%20European%20Commission%20adopted%20its,become%20climate%20resilient%20by%202050.

European Council on Refugees and Exiles
2020 Germany: Covid-19 impacts family reunification procedures. 5 June. Имеется по адресу www.ecre.org/germany-covid-19-impacts-family-reunification-procedures/.

Eyebiyi, E.
2020 The double punishment of migrant workers in West Africa in times of COVID-19 [blog]. Friedrich Ebert Stiftung. Имеется по адресу www.fes.de/referat-afrika/neuigkeiten/the-double-punishment-of-migrant-workers-in-west-africa-in-times-of-covid-19.

Fanjul, G. and H. Dempster
2020 Regularizing migrant workers in response to COVID-19 [blog]. Center for Global Development, 28 July. Имеется по адресу www.cgdev.org/blog/regularizing-migrant-workers-response-covid-19.

Farbotko, C.
2020 *New Approaches to Climate Change and Migration: Building the Adaptive Capacity of Mobile Populations*. Migration Policy Institute, Washington, D.C. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/research/climate-change-building-adaptive-capacity.

Fargues, P., M. Rango, E. Borgnäs and I. Schöfberger
2020 *Migration in West and North Africa and Across the Mediterranean: Trends, Risks, Development and Governance*. European University Institute. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://cadmus.eui.eu/handle/1814/68403.

Farzan, A.N.
2021 As Greece installs 'sound cannons' on border, Denmark passes law allowing asylum seekers to be sent overseas. *Washington Post*, 5 June. Имеется по адресу www.washingtonpost.com/world/2021/06/05/greece-denmark-migrants/.

Foley, L. and N. Piper
2020 *Covid-19 and the transformation of migration and mobility globally – COVID-19 and women migrant workers: Impacts and implications*. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/covid-19-and-transformation-migration-and-mobility-globally-covid-19-and-women-migrant.

Freier, L.F. and M.V. Espinoza
2021 COVID-19 and immigrants' increased exclusion: The politics of immigrant integration in Chile and Peru. *Frontiers in Human Dynamics*, 10 March. Имеется по адресу https://doi.org/10.3389/fhumd.2021.606871.

Frimpong, O.B.
2020 *Terror surge in West Africa: Enhancing regional responses*. Policy Brief No. 22. The Southern Voices Network for Peacebuilding, Wilson Center. Имеется по адресу www.wilsoncenter.org/publication/violent-extremism-west-africa-are-current-responses-enough.

Frontex
2021 Irregular migration into EU last year lowest since 2013 due to COVID-19. Press release, 8 January. Имеется по адресу https://frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/irregular-migration-into-eu-last-year-lowest-since-2013-due-to-covid-19-j34zp2.

Gelatt, J.
2020 *Immigrant Workers: Vital to the U.S. COVID-19 Response, Disproportionately Vulnerable*. Migration Policy Institute, Washington, D.C. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/research/immigrant-workers-us-covid-19-response.

Georgiev, O.
2020 *The Grand COVID-19 and Reverse Migration to Bulgaria*. Konrad Adenauer Stiftung, Sofia. Имеется по адресу https://ecfr.eu/wp-content/uploads/Remigration-Report-ECFR-EN.pdf.

Ghoshal, D. and R. Jadhav
2020 India's urban COVID-19 outbreak is morphing into a rural health crisis. *Reuters*, 4 June. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-india-migrants-idUSKBN23B1MH.

Gideon, J.
2020 Introduction to COVID-19 in Latin America and the Caribbean. *Bulletin of Latin American Research*, 39(S1):4–6. Имеется по адресу https://doi.org/10.1111/blar.13218.

Gobierno de la Republica de Guatemala
2018 Plan de Acción Nacional de Cambio Climático (Pancc). Имеется по адресу www4.unfccc.int/sites/NAPC/Documents/Parties/Guatemala%20NAP%20small.pdf.

Government of Canada
2020 Asylum Claims By Year. Имеется по адресу www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/services/refugees/asylum-claims/asylum-claims-2020.html.

Government of Mexico, Ministry of Environment and Natural Resources
2020 *Nationally Determined Contributions. 2020 Update*. Mexico City. Имеется по адресу www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Mexico%20First/NDC-Eng-Dec30.pdf.

Guadagno, L.
2020 *Migrants and the COVID-19 pandemic: An initial analysis*. Migration Research Series No. 60. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/mrs-no-60-migrants-and-covid-19-pandemic-initial-analysis.

Guo, Y., Y. Wu, B. Wen, W. Huang, K. Ju, Y. Gao and S. Li
2020 Floods in China, COVID-19, and climate change. *The Lancet Planetary Health*, 4(10):E443–E444. Имеется по адресу www.thelancet.com/journals/lanplh/article/PIIS2542-5196(20)30203-5/fulltext.

Hale, T., N. Angrist, R. Goldszmidt, B. Kira, A. Petherick, T. Phillips, S. Webster, E. Cameron-Blake, L. Hallas, S. Majumdar and H. Tatlow
2021 COVID-19 Government Response Tracker. University of Oxford. Имеется по адресу www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/covid-19-government-response-tracker.

Hamadou, A.
2020 Free movement of persons in West Africa under the strain of COVID-19. *AJIL Unbound*, 114. Имеется по адресу www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/free-movement-of-persons-in-west-africa-under-the-strain-of-covid19/68CCC39D41DBA80EA6E15F1AE0DE86AA.

Hein, C.
2021 And yet it moves: Monitoring the debate on the new EU pact on migration and asylum. Heinrich-Böll-Stiftung, 28 July. Имеется по адресу https://eu.boell.org/en/2021/07/28/and-yet-it-moves-monitoring-debate-new-eu-pact-migration-and-asylum.

Hennebry, J. and H. KC
2020 *Covid-19 and the transformation of migration and mobility globally – Quarantined! Xenophobia and migrant workers during the COVID-19 pandemic*. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/covid-19-and-transformation-migration-and-mobility-globally-quarantined-xenophobia-and.

Hofmann, E. and G. Chi
2021 Perspectives: Bride kidnapping haunts rural Kyrgyzstan, causing young women to flee. *Eurasianet*, 8 June. Имеется по адресу https://eurasianet.org/perspectives-bride-kidnapping-haunts-rural-kyrgyzstan-causing-young-women-to-flee.

Hossaini, F. and A.M. Latifi
2021 Kabul Hazara neighbourhood stunned by wave of attacks. *Al Jazeera*, 13 June. Имеется по адресу www.aljazeera.com/news/2021/6/13/anger-as-afghanistan-mourns-death-of-car-blast-victims.

Howes, S. and B. Orton
2020 For Tonga, Australian labour mobility more important than aid and trade combined. *DevPolicyBlog*, 21 January. Имеется по адресу https://devpolicy.org/for-tonga-australian-labour-mobility-more-important-than-aid-and-trade-combined-20200121/.

İçduygu, A.
2020 *Covid-19 and the transformation of migration and mobility globally – Stranded irregular migrant workers during COVID-19 crisis: The question of repatriation*. 7 August. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/covid-19-and-transformation-migration-and-mobility-globally-stranded-irregular-migrant.

Idemudia, E. and K. Boehnke
2020 Patterns and current trends in African migration to Europe. In: *Psychosocial Experiences of African Migrants in Six European Countries*. Social Indicators Research Series, Volume 81. Springer, Cham. Имеется по адресу https://doi.org/10.1007/978-3-030-48347-0_2.

Immigration, Refugees and Citizenship Canada (IRCC)
n.d. Operational Processing – Monthly IRCC Updates. Имеется по адресу https://open.canada.ca/data/en/dataset/9b34e712-513f-44e9-babf-9df4f7256550.

Institute of International Education (IIE)
2020 United States hosts over 1 million international students for the fifth consecutive year. Press release, 16 November. Имеется по адресу www.iie.org/Why-IIE/Announcements/2020/11/2020-Open-Doors-Report.

Inter-Agency Coordination Platform for Refugees and Migrants from Venezuela (R4V)
2020 *Regional Refugee and Migrant Response Plan for Refugees and Migrants from Venezuela (January–December 2021)*. Panama City. Имеется по адресу https://reliefweb.int/report/colombia/rmrp-2021-regional-refugee-and-migrant-response-plan-refugees-and-migrants-venezuela.

2021a Refugees and Migrants from Venezuela. Имеется по адресу www.r4v.info/en/refugeeandmigrants.

2021b Residence Permits and Regular Stay Granted. Имеется по адресу www.r4v.info/en/permits.

Intergovernmental Authority on Development (IGAD)
2021 IGAD and UNCDF announce agreement to formalize, enhance regional remittance flows. Press release, 20 May. Имеется по адресу https://igad.int/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=63&Itemid=.

Internal Displacement Monitoring Center (IDMC)
2020 *Global Report on Internal Displacement 2020*. Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/global-report/grid2020/.

2021 *GRID 2021: Internal Displacement in a Changing Climate*. Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/sites/default/files/publications/documents/grid2021_idmc.pdf.

n.d. Global Internal Displacement Database. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/database/displacement-data.

Международный комитет Красного Креста (МККК)
2020 Central Sahel: Spike in violence leads to higher deaths, more than 1 million fleeing homes. Press release, 14 September. Имеется по адресу www.icrc.org/en/document/central-sahel-spike-violence-leads-higher-deaths-more-1-million-fleeing-homes.

2021 "It is time to end the violence in the Central African Republic". Statement, 12 February. Имеется по адресу www.icrc.org/en/document/it-time-to-end-violence-in-central-african-republic.

International Crisis Group (ICG)
2020 The Central Sahel: Scene of new climate wars? Briefing No. 154, 24 April. Имеется по адресу www.crisisgroup.org/africa/sahel/b154-le-sahel-central-theatre-des-nouvelles-guerres-climatiques.

2021 What future for Afghan peace talks under a Biden administration? Briefing No. 165, 13 January. Имеется по адресу www.crisisgroup.org/asia/south-asia/afghanistan/b165-what-future-afghan-peace-talks-under-biden-administration.

International Federation of Red Cross and Red Crescent Societies (IFRC)
2020 Tajikistan: Floods and mudslides – May 2020. Имеется по адресу https://reliefweb.int/disaster/ff-2020-000138-tjk.

Международная организация труда (МОТ)
2020 *Women Migrant Workers' Labour Market Situation in West Africa*. Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---migrant/documents/publication/wcms_751538.pdf.

2021 Pandemic realities for Asia-Pacific's 48 million international migrants. News, 19 May. Имеется по адресу www.ilo.org/asia/media-centre/news/WCMS_793027/lang--en/index.htm.

n.d. Labour Migration. Имеется по адресу www.ilo.org/beirut/areasofwork/labour-migration/lang--en/index.htm.

Международная организация труда (МОТ) и Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)
2021 A socio-economic integration strategy to turn migration into a factor for sustainable development. *ILO News*, 10 March. Имеется по адресу www.ilo.org/americas/sala-de-prensa/WCMS_775215/lang--en/index.htm.

Международная организация по миграции (МОМ)
2017 *IOM Pacific Strategy 2017–2020*. Canberra. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/iom-pacific-strategy-2017-2020#:~:text=Description%3A,migration%20challenges%20in%20the%20Pacific.&text=This%20strategy%20aligns%20with%20and,Migration%20Governance%20Framework%20(MiGOF).

2020a *West and Central Africa — COVID-19 — Impact on Mobility Report (April 2020)*. Dakar. Имеется по адресу https://displacement.iom.int/reports/west-and-central-africa-%E2%80%94-covid-19-%E2%80%94-impact-mobility-report-april-2020?close=true.

2020b West and Central Africa: More women search for equality through migration. Press release, 13 March. Имеется по адресу www.iom.int/news/west-and-central-africa-more-women-search-equality-through-migration.

2020c *Africa Migration Report: Challenging the Narrative* (A. Adepoju, N. Nyabola and C. Fumagalli, eds.). Addis Ababa. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/africa-migration-report-challenging-narrative.

2020d Amid COVID-19 pandemic, IOM facilitates the return of 84 migrants from Algeria to Mali. Press release, 15 July. Имеется по адресу https://reliefweb.int/report/algeria/amid-covid-19-pandemic-iom-facilitates-return-84-migrants-algeria-mali-enar.

2020e *Armenia – Displacement report – December 2020 – Round 3*. Yerevan. Имеется по адресу https://displacement.iom.int/reports/armenia-%E2%80%94-displacement-report-%E2%80%94-december-2020%E2%80%94-round-3?close=true.

2020f Migrant workers stream home as Thailand's economy goes into Covid-19 lockdown. Press release, 27 March. Имеется по адресу www.iom.int/news/migrant-workers-stream-home-thailands-economy-goes-covid-19-lockdown.

2020g IOM and partners help Ukraine improve statistics on internal displacement. Press release, 18 December. Имеется по адресу www.iom.org.ua/en/iom-and-partners-help-ukraine-improve-statistics-internal-displacement.

2020h IOM warns of humanitarian crisis as migrants evicted from Bosnian camp. Press release, 2 October. Имеется по адресу www.iom.int/news/iom-warns-humanitarian-crisis-migrants-evicted-bosnian-camp.

2020i *Analytical Snapshot #61: Public Attitudes on Migrants and Migration*. Geneva, 27 November. Имеется по адресу www.iom.int/sites/g/files/tmzbdl486/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_61_public_attitudes_towards_migrants_and_migration.pdf.

2020j *Smuggling of migrants in Central America and Mexico in the context of COVID-19*. 16 February. Имеется по адресу https://programamesocaribe.iom.int/sites/default/files/infografiatim_en_16feb_0.pdf.

2020k *Effects of COVID-19 on Migrants – Survey in Central America and Mexico (June 2020)*. Situation report. San Jose. Имеется по адресу https://dtm.iom.int/reports/effects-covid-19-migrants-survey-central-america-and-mexico-june-2020.

2020l Venezuelan refugee and migrant crisis overview. Имеется по адресу www.iom.int/venezuela-refugee-and-migrant-crisis.

2020m Migration trends in South America. South American Migration Report No. 3. Имеется по адресу https://www.migrationdataportal.org/es/regional-data-overview/datos-migratorios-en-america-del-sur.

2020n *Rapid Assessment of the Socioeconomic Impacts of COVID-19 on Labour Mobility in the Pacific Region*. Suva, Fiji. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/iom-rapid-assessment-report.pdf.

2021a Human Mobility Impacts. Имеется по адресу https://migration.iom.int/.

2021b *West and Central Africa – A Region on the Move: Mobility Trends in West and Central Africa (January–December 2020)*. Dakar. Имеется по адресу https://dtm.iom.int/reports/west-and-central-africa-%E2%80%94-region-move-mobility-trends-west-and-central-africa-january-%E2%80%94.

2021c IOM supports advancement of migration governance in Ghana. Press release, 25 March. Имеется по адресу https://rodakar.iom.int/news/iom-supports-advancement-migration-governance-ghana.

2021d Central Sahel Crisis Response Plan 2021. Имеется по адресу https://crisisresponse.iom.int/response/central-sahel-crisis-response-plan-2021/year/2021.

2021e *A Region on the Move: 2020 Mobility Overview in the East and Horn of Africa and the Arabian Peninsula*. Nairobi. Имеется по адресу https://ronairobi.iom.int/sites/ronairobi/files/document/publications/IOM_RoMR_EHoA_2020_0.pdf.

2021f COVID-19 leads to 73% drop in migration from Horn of Africa to Gulf countries. Press release, 23 February. Имеется по адресу www.iom.int/news/iom-covid-19-leads-73-drop-migration-horn-africa-gulf-countries.

2021g IOM counts excess of 131,000 internally displaced persons in Northern Ethiopia crisis. Press release, 9 March. Имеется по адресу www.iom.int/news/iom-counts-excess-131000-internally-displaced-persons-northern-ethiopia-crisis.

2021h Libya Crisis Response Plan 2020–2021. Имеется по адресу https://crisisresponse.iom.int/response/libya-crisis-response-plan-2020-2021.

2021i Thousands of stranded migrants in Yemen need extra support to return home. Press release, 7 September. Имеется по адресу www.iom.int/news/thousands-stranded-migrants-yemen-need-extra-support-return-home.

2021j *COVID-19 Analytical Snapshot #72: Gender Dimensions UPDATED*. Geneva, 24 February. Имеется по адресу www.iom.int/sites/g/files/tmzbdl486/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_72-_gender_dimensions_updated_0.pdf.

2021k Bosnia and Herzegovina Crisis Response Plan 2021. Имеется по адресу https://crisisresponse.iom.int/response/bosnia-and-herzegovina-crisis-response-plan-2021.

2021l *Europe — Mixed Migration Flows to Europe, Quarterly Overview (October–December 2020)*. DTM Mediterranean. Имеется по адресу https://migration.iom.int/reports/europe-%E2%80%94-mixed-migration-flows-europe-quarterly-overview-october-december-2020?close=true.

2021m *Europe — Women and Girls on the Move to Europe – Flow Monitoring Surveys (2018–2020)*. DTM Mediterranean. Имеется по адресу https://dtm.iom.int/reports/europe-%E2%80%94%C2%A0women-and-girls-move-europe-%E2%80%93-flow-monitoring-surveys-2018%E2%80%932020.

2021n Migration Data in South America. Global Migration Data Analysis Centre. Имеется по адресу https://migrationdataportal.org/regional-data-overview/migration-data-south-america.

2021o Migration Data in the Caribbean. Migration Data Portal. Имеется по адресу www.migrationdataportal.org/regional-data-overview/migration-data-caribbean.

n.d.a West and Central Africa. Имеется по адресу www.iom.int/west-and-central-africa.

n.d.b The Counter Trafficking Data Collaborative. Имеется по адресу www.ctdatacollaborative.org/story/victims-asia.

Japan NGO Network for the Elimination of Racial Discrimination (ERD Net)

2020 *Joint NGO Report for the Human Rights Committee*. Tokyo. Имеется по адресу https://imadr.org/wordpress/wp-content/uploads/2020/11/2-2_Joint-NGO-Report_ERD-Net_CCPR_Japan_Nov2020.pdf.

Japan Student Services Organization (JASSO)

n.d. Имеется по адресу www.jasso.go.jp/en/about/statistics/intl_student_e/2018/index.html.

Jin, X.
2021 How COVID-19 exposed China's anti-Black racism. *Open Democracy*, 2 March. Имеется по адресу www.opendemocracy.net/en/pandemic-border/how-covid-19-exposed-chinas-anti-black-racism/.

Jordan, M.
2021 Migrants separated from their children will be allowed into U.S. *New York Times*, 3 May. Имеется по адресу www.nytimes.com/2021/05/03/us/migrant-family-separation.html.

Karim, N.
2021 Climate change set to drive more deadly heat in South Asia. *Reuters*, 25 March. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-asia-climate-change-temperature-idUSKBN2BH1U0.

Karlsen, E.
2016 Australia's offshore processing of asylum seekers in Nauru and PNG: A quick guide to statistics and resources. Parliamentary Library, Canberra. Имеется по адресу www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp1617/Quick_Guides/Offshore.

Kaur-Ballagan, K. and R. Mortimore
2017 Half of public support more immigration by highly skilled workers. Ipsos MORI. Press release, 18 April. Имеется по адресу www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/half-public-support-more-immigration-highly-skilled-workers.

King, E.J. and V.I. Dudina
2019 The health needs of female labor migrants from Central Asia in Russia. *Journal of Immigrant and Minority Health*, 21:1406–1415.

Kirişci, K., M.M. Erdoğan and N. Eminoğlu
2020 The "EU's New Pact on Migration and Asylum" is missing a true foundation [blog]. Brookings Institute, 6 November. Имеется по адресу www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/11/06/the-eus-new-pact-on-migration-and-asylum-is-missing-a-true-foundation/.

Kleinfeld, P.
2020 Who's behind the violence in Mozambique's Cabo Delgado? *New Humanitarian*, 12 February. Имеется по адресу www.thenewhumanitarian.org/analysis/2020/02/12/Mozambique-Cabo-Delgado-militancy-Islamic-State-Al-Shabab.

Knoll, A. and C. Teevan
2020 Protecting migrants and refugees in North Africa: Challenges and opportunities for reform. Discussion paper. European Centre for Development Policy Management, 5 October. Имеется по адресу https://ecdpm.org/publications/protecting-migrants-refugees-in-north-africa-challenges-opportunities-reform/.

KPMG
2020 Fiji Government and institution measures in response to COVID-19. 15 April. Имеется по адресу https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2020/04/fiji-government-and-institution-measures-in-response-to-covid.html.

Lee, J., S. Cho and G. Jung
2021 Policy responses to COVID-19 and discrimination against foreign nationals in South Korea. *Critical Asian Studies*, 53(3):432–447. Имеется по адресу https://doi.org/10.1080/14672715.2021.1897472.

Le Coz, C. and K. Hooper
2021 *Deepening Labor Migration Governance at a time of Immobility: Lessons from Ghana and Senegal*. Migration Policy Institute, Washington, D.C. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/research/labor-migration-governance-ghana-senegal.

Lema, K. and C. Baldwin
2020 Pandemic 'hero' Filipino nurses struggle to leave home. *Reuters*, 16 September. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-philippine-nurses-idUKKBN2671Z2.

Lemon, E.
2019 Dependent on remittances, Tajikistan's long-term prospects for economic growth and poverty reduction remain dim. Migration Policy Institute, 14 November. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/dependent-remittances-tajikistan-prospects-dim-economic-growth.

Li, H.
2020 Mistreatment of Africans in Guangzhou threatens China's coronavirus diplomacy. *The Conversation*, 17 April. Имеется по адресу https://theconversation.com/mistreatment-of-africans-in-guangzhou-threatens-chinas-coronavirus-diplomacy-136348.

Litzkow, J.
2020 West Africa: How the pandemic reshapes migration. Italian Institute for International Political Studies, 17 September. Имеется по адресу www.ispionline.it/en/pubblicazione/west-africa-how-pandemic-reshapes-migration-27430.

Lopez, M.H., J.S. Passel and D. Cohn
2021 Key facts about the changing U.S. unauthorized immigrant population. Pew Research Center, 13 April. Имеется по адресу www.pewresearch.org/fact-tank/2021/04/13/key-facts-about-the-changing-u-s-unauthorized-immigrant-population/.

Love, S. and H. Spinks
2020 Annual Budget Review 2020–21: Immigration. Parliamentary Library, Canberra. Имеется по адресу www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/BudgetReview202021/Immigration.

Loweree, J., A. Reichlin-Melnick and W. Ewing
2020 *The Impact of COVID-19 on Noncitizens and Across the U.S. Immigration System*. American Immigration Council, Washington, D.C. Имеется по адресу www.immigrationresearch.org/node/3042.

Madiyev, O.
2021 The Eurasian Economic Union: Repaving Central Asia's road to Russia? Migration Policy Institute, 3 February. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/eurasian-economic-union-central-asia-russia.

Manzi, L.
n.d. Between borders: Stranded migrants during the pandemic [blog]. Имеется по адресу https://rosanjose.iom.int/site/en/blog/between-borders-stranded-migrants-during-pandemic?page=14.

Marusic, S.J.
2020 North Macedonia tightens border security, fearing migrant influx. *Balkan Insight*, 1 July. Имеется по адресу https://balkaninsight.com/2020/07/01/north-macedonia-tightens-border-security-fearing-migrant-influx/.

McAuliffe, M. and C. Bauloz
2020 The coronavirus pandemic could be devastating for the world's migrants. *Open Democracy*, 28 April. Имеется по адресу www.opendemocracy.net/en/pandemic-border/coronavirus-pandemic-could-be-devastating-worlds-migrants/.

McAuliffe, M., A. Kitimbo, A.M. Goossens and A.A. Ullah
2017 Understanding Migration Journeys from Migrants' Perspectives. In: *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.), International Organization for Migration (IOM), Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en_chapter7.pdf.

McAuliffe, M., C. Bauloz and A. Kitimbo
2020 The challenge of real-time analysis: Making sense of the migration and mobility implications of COVID-19. *Migration Policy Practice*, 10(2):15–20. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/mpp-41.pdf.

McCarthy Tetrault
2021 COVID-19: Emergency Measures Tracker. Имеется по адресу www.mccarthy.ca/en/insights/articles/covid-19-emergency-measures-tracker.

Médecins Sans Frontières (MSF)
2021 COVID-19 forces thousands of migrants to cross perilous jungle from Colombia to Panama. 5 August. Имеется по адресу www.msf.org/covid-19-forces-thousands-migrants-cross-dari%C3%A9n-jungle-colombia-panama-search-safety.

Mednick, S.
2021 Floods, fighting, famine: Inside South Sudan's triple crisis. *New Humanitarian*, 8 February. Имеется по адресу www.thenewhumanitarian.org/news-feature/2021/2/8/floods-fighting-famine-south-sudan-crisis.

Menchu, S. and G. Palencia
2021 Guatemala cracks down on migrant caravan bound for United States. *Reuters*, 16 January. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-usa-immigration-caravan-honduras-idUSKBN29L05S.

Meyer, P.J.
2021 *Central American Migration: Root Causes and U.S. Policy*. Congressional Research Service, Washington, D.C. Имеется по адресу https://fas.org/sgp/crs/row/IF11151.pdf.

Migration Policy Institute (MPI)
n.d. Profile of the Unauthorized Population: United States. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/data/unauthorized-immigrant-population/state/US.

Mixed Migration Centre (MMC)
2020a MMC North Africa 4Mi Snapshot – April 2020. Refugees' and migrants' access to health services in Tunisia: A focus on discrimination and COVID-19. Имеется по адресу https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/098_covid_snapshot_NA.pdf.

2020b *Quarterly Mixed Migration Update: North Africa*. n.p. Имеется по адресу https://mixedmigration.org/wp-content/uploads/2021/01/qmmu-q4-2020-na.pdf.

2020c MMC Latin America and the Caribbean - 4Mi Snapshot – November 2020. Refugees and migrants in Guatemala and Mexico: A focus on smuggling during the COVID-19 pandemic. Имеется по адресу https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/155_covid_snapshot_smuggling_LAC.pdf.

2021 MMC North Africa 4Mi Snapshot – March 2021. The impact of COVID-19 on refugee and migrant women in Tunisia. Имеется по адресу https://mixedmigration.org/wp-content/uploads/2021/04/164_impact_covid19_on_refugee_and_migrant_women_in-Tunisia.pdf.

Monin, K., J. Batalova and T. Lai
2021 *Refugees* and *Asylees in the United States*. 13 May. Migration Policy Institute, Washington, D.C. Имеется по адресу https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Refugees%20and%20Asylees%20in%20the%20United%20States.pdf.

Muggah, R.
2021 In West Africa, climate change equals conflict. *Foreign Policy*, 18 February. Имеется по адресу https://foreignpolicy.com/2021/02/18/west-africa-sahel-climate-change-global-warming-conflict-food-agriculture-fish-livestock/.

Mukumbang, F.C., A.N. Ambe and B.O. Adebiyi
2020 Unspoken inequality: how COVID-19 has exacerbated existing vulnerabilities of asylum-seekers, refugees, and undocumented migrants in South Africa. *International Journal for Equity in Health*, 19(141). Имеется по адресу https://equityhealthj.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12939-020-01259-4.

National University of Singapore (NUS)
2020 'Climate refugees': The expected climate change migration. 14 October. Имеется по адресу https://lkyspp.nus.edu.sg/gia/article/climate-refugees-the-expected-climate-change-migration.

Управление Организации Объединенных Наций по координации гуманитарных вопросов (УКГВ ООН)
2020 West and Central Africa. Имеется по адресу https://gho.unocha.org/inter-agency-appeals/west-and-central-africa.

2021a Refugee influx from Tigray continues. Situation report, 24 March. Имеется по адресу https://reports.unocha.org/en/country/sudan/card/6D99S5nCTQ/.

2021b OCHA Libya: Humanitarian Bulletin (December 2020). Situation report, 22 January. Имеется по адресу https://reliefweb.int/report/libya/ocha-libya-l-humanitarian-bulletin-december-2020-enar.

2021c *Humanitarian Needs Overview Libya*. n.p. Имеется по адресу www.humanitarianresponse.info/sites/www.humanitarianresponse.info/files/documents/files/hno_2021-final.pdf.

2021d Eastern Europe. Имеется по адресу https://gho.unocha.org/inter-agency-appeals/eastern-europe.

Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ)
2020 Stranded migrants need safe and dignified return – UN Migrant Workers Committee. Press release, 1 October. Имеется по адресу www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=26325&LangID=E.

2021 Malaysia: UN experts appalled by deportation of migrants to Myanmar despite court order. Press release, 24 February. Имеется по адресу www.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=26790&LangID=E.

Okiror, S.
2020 In the news: Uganda suspends refugee arrivals as coronavirus cases rise. *New Humanitarian*, 25 March. Имеется по адресу www.thenewhumanitarian.org/news/2020/03/25/uganda-coronavirus-refugees-asylum-seekers.

Okunade, S.
2021 Africa moves towards intracontinental free movement for its booming population. Migration Policy Institute, 21 January. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/africa-intracontinental-free-movement.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)
2020a COVID-19 crisis response in Central Asia. 21 January. Имеется по адресу www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/covid-19-crisis-response-in-central-asia-5305f172/.

2020b *How to strengthen the integration of migrant women?* Migration Policy Debates No. 25, November. Имеется по адресу www.oecd.org/migration/mig/migration-policy-debates-25.pdf.

2020c What is the impact of the COVID-19 pandemic on immigrants and their children? 19 October. Имеется по адресу www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/what-is-the-impact-of-the-covid-19-pandemic-on-immigrants-and-their-children-e7cbb7de/.

Ortiga, Y.Y.
2020 Unprecedented immobility? The case of stranded Filipino migrant nurses [blog]. COMPAS, 17 May. Имеется по адресу www.compas.ox.ac.uk/2020/unprecedented-immobility-the-case-of-stranded-filipino-migrant-nurses/.

Oruc, N., S. Raza and D. Šantić
2020 *The Western Balkan Migration Route (2015–2019)*. Prague Process, Vienna. Имеется по адресу www.pragueprocess.eu/en/migration-observatory/publications/document?id=289.

Passel, J.S. and D. Cohn
2019 Mexicans decline to less than half the U.S. unauthorized immigrant population for the first time. Pew Research Center, 12 June. Имеется по адресу www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/12/us-unauthorized-immigrant-population-2017/.

Petroni, N.
2020 Assessing the impact of Covid-19 on the EU's response to irregular migration [blog]. London School of Economics, 23 September. Имеется по адресу https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2020/09/23/assessing-the-impact-of-covid-19-on-the-eus-response-to-irregular-migration/.

Prtorić, J.
2020 Winter and growing animosity force migrants in Bosnia into retreat. *New Humanitarian*, 2 December. Имеется по адресу www.thenewhumanitarian.org/news-feature/2020/12/2/bosnia-migrants-asylum-winter-eu-border-pushbacks.

Qi, J.
2021 How China has been transforming international education to become a leading host of students. *The Conversation*, 12 May. Имеется по адресу https://theconversation.com/how-china-has-been-transforming-international-education-to-become-a-leading-host-of-students-157241.

Refugee Council of Australia
2020 *Seven Years On: An Overview of Australia's Offshore Processing Policies*. Sydney. Имеется по адресу https://apo.org.au/sites/default/files/resource-files/2020-07/apo-nid306934.pdf.

2021 The Federal Budget: What it means for refugees and people seeking humanitarian protection. 11 May. Имеется по адресу www.refugeecouncil.org.au/federal-budget-what-it-means-for-refugees-and-people-seeking-humanitarian-protection/.

Regional Environmental Centre for Central Asia (CAREC)
2020 *Climate Change in Central Asia: Illustrated Summary*. Almaty, Dushanbe and Tashkent. Имеется по адресу https://zoinet.org/wp-content/uploads/2018/01/Regional-synthesis-Central-Asia-en.pdf.

Republic of Korea, Ministry of Education
n.d. Overseas (Study Abroad) Education. Имеется по адресу www.moe.go.kr/boardCnts/view.do?boardID=350&lev=0&statusYN=W&s=moe&m=0309&opType=N&boardSeq=79011.

Reuters
2020 Storm Gloria leaves eight dead, ruins rice paddies in Spain. 22 January. Имеется по адресу www.reuters.com/article/spain-weather-storm-gloria-idINKBN1ZL24V.

2021 Greece seeks to send 1,450 migrants back to Turkey. 14 January. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-europe-migrants-greece-idUSKBN29J1ED.

Rodriguez, S.
2021 Biden administration takes steps to dismantle Trump-era asylum agreements. *Politico*, 6 February. Имеется по адресу www.politico.com/news/2021/02/06/biden-dismantle-trump-era-asylum-agreements-466565.

Šantić, D. and M. Antić
2020 Serbia in the time of COVID-19: between "corona diplomacy", tough measures and migration management. *Eurasian Geography and Economics*, 61(4–5):546–558. Имеется по адресу www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15387216.2020.1780457.

Schöfberger, I. and M. Rango
2020 COVID-19 and migration in West and North Africa and across the Mediterranean. In: *Migration in West and North Africa and Across the Mediterranean* (P. Fargues and M. Rango, eds.). Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/migration-west-and-north-africa-and-across-mediterranean.

Shakuto, S. and F. Baldari
2020 Japan's migrants are not allowed to go 'home'. *Open Democracy,* 3 November. Имеется по адресу www.opendemocracy.net/en/pandemic-border/japans-migrants-are-not-allowed-to-go-home/.

Sköld, N.
2021 UNHCR calls for inclusion of refugees in vaccination plans. UNHCR, 17 February. Имеется по адресу www.unhcr.org/neu/51787-unhcr-calls-for-inclusion-of-refugees-in-vaccination-plans.html.

Skydsgaard, N.
2021 Denmark passes law to process asylum seekers outside Europe. *Reuters*, 3 June. Имеется по адресу www.reuters.com/world/europe/denmark-agrees-law-deport-asylum-seekers-outside-europe-2021-06-03/.

Slater, J., K. Fahim and K. McQue
2020 Migration, in reverse. *Washington Post*, 1 October. Имеется по адресу www.washingtonpost.com/graphics/2020/world/coronavirus-migration-trends-gulf-states-india/.

Smith, R. and C. Zimmer
2020 The COVID-19 Pandemic will Probably Not Mark the End of the Kafala System in the Gulf. Center for Global Development, 28 October. Имеется по адресу www.cgdev.org/blog/covid-19-pandemic-will-probably-not-mark-end-kafala-system-gulf.

Statistics Canada
2020 Impacts on immigrants and people designated as visible minorities. 20 October. Имеется по адресу www150.statcan.gc.ca/n1/pub/11-631-x/2020004/s6-eng.htm.

Tagaris, K.
2021 Europe's south calls for more solidarity in new EU migration pact. *Reuters*, 20 March. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-europe-migrants-idUSKBN2BC0JY.

Taylor, L.
2020 How Latin America is fighting covid-19, for better and worse. *British Medical Journal*, 370:m3319. Имеется по адресу https://doi.org/10.1136/bmj.m3319.

Teran, A.
2020 Panama isolates migrants in remote jungle coronavirus unit. *Reuters*, 9 June. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-panama-idUSKBN23G1HC.

Teye, J.
2020 What will international migration in West Africa look like after COVID-19? *Open Democracy*, 16 December. Имеется по адресу www.opendemocracy.net/en/pandemic-border/what-will-international-migration-west-africa-look-after-covid-19/.

The Economist
2021 How the pandemic reversed old migration patterns in Europe. 30 January. Имеется по адресу www.economist.com/europe/2021/01/28/how-the-pandemic-reversed-old-migration-patterns-in-europe.

Thevenot, S.
2020 Immigration to drive Canada's population growth as global birth rates fall. *CIC News*, 18 July. Имеется по адресу www.cicnews.com/2020/07/immigration-to-drive-canadas-population-growth-as-global-birthrates-fall-0715086.html#gs.a7bob5.

Triandafyllidou, A. and L. Nalbandian
2020 *"Disposable" and "Essential": Changes in the Global Hierarchies of Migrant Workers after COVID-19*. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/covid-19-and-transformation-migration-and-mobility-globally-disposable-and-essential-changes.

Tyszler, E.
2019 From controlling mobilities to control over women's bodies: Gendered effects of EU border externalization in Morocco. *Comparative Migration Studies*, 7:25. Имеется по адресу https://comparativemigrationstudies.springeropen.com/articles/10.1186/s40878-019-0128-4.

Организация Объединенных Наций (ООН)
2020 Terrorist threats in Central Africa must be addressed through greater cooperation, regional strategy for stabilization, mission head tells Security Council. Press release, 9 December. Имеется по адресу www.un.org/press/en/2020/sc14377.doc.htm.

2021a Killings, suffering of Afghanistan's people 'must end now', special representative tells Security Council, demanding greater action by global community. Press release, 23 March. Имеется по адресу www.un.org/press/en/2021/sc14472.doc.htm.

2021b Renewed clashes displace thousands in Myanmar, UN reports. *UN News*, 28 April. Имеется по адресу https://news.un.org/en/story/2021/04/1090802.

n.d. UN chief underlines need to protect refugees and migrants in COVID-19 pandemic. Имеется по адресу www.un.org/fr/desa/un-chief-underlines-need-protect-refugees-and-migrants-covid-19-pandemic.

United Nations (UN) and University of Central Asia
2019 *Development of a Comprehensive Long-term Evidence-based Migration Policy for the Kyrgyz Republic*. Bishkek. Имеется по адресу https://ucentralasia.org/Content/downloads/DD2_Migration_ENG.pdf.

Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ)
2020 *Migration Flows in Latin America and the Caribbean. Situation Report January—June 2020*. Brazil. Имеется по адресу www.unicef.org/media/76506/file/Migration-Flows-LAC-SitRep-June-2020.pdf.

Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН)
2021 International Migration Stock 2020. Имеется по адресу www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock.

Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)
2020 COVID-19 and Central Asia: Socio-economic impacts and key policy considerations for recovery. 16 November. Имеется по адресу www.eurasia.undp.org/content/rbec/en/home/library/sustainable-development/covid19-and-central-asia.html.

Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН)
2020a UNHCR stepping up coronavirus prevention measures for displaced across East, Horn and Great Lakes region of Africa. Press release, 7 April. Имеется по адресу www.unhcr.org/news/briefing/2020/4/5e8c28c44/unhcr-stepping-coronavirus-prevention-measures-displaced-across-east-horn.html.

2020b Conflict and heavy floods force tens of thousands of people to flee their homes in Somalia, amidst COVID-19 threat. Press release, 8 May. Имеется по адресу www.unhcr.org/news/briefing/2020/5/5eb50d2d4/conflict-heavy-floods-force-tens-thousands-people-flee-homes-somalia-amidst.html#:~:text=Since%20the%20start%20of%20this,and%20interlinked%20drivers%20of%20displacement.

2020c Thousands of refugees and migrants suffer extreme rights abuses on journeys to Africa's Mediterranean coast, new UNHCR/MMC report shows. Press release, 29 July. Имеется по адресу www.unhcr.org/news/press/2020/7/5f1ee9314/thousands-refugees-migrants-suffer-extreme-rights-abuses-journeys-africas.html.

2020d Access to asylum further at stake in Hungary. Press release, 29 June. Имеется по адресу www.unhcr.org/news/press/2020/6/5efa0f914/access-asylum-further-stake-hungary-unhcr.html.

2020e *Global Trends: Forced Displacement in 2019*. Copenhagen. Имеется по адресу www.unhcr.org/globaltrends2019/.

2021a *Global Trends: Forced Displacement in 2020*. Copenhagen. Имеется по адресу www.unhcr.org/flagship-reports/globaltrends/.

2021b *Routes towards the Western and Central Mediterranean Sea*. n.p. Имеется по адресу https://reporting.unhcr.org/sites/default/files/UNHCR%20Western%20and%20Central%20Mediterranean%20Appeal%202021.pdf.

2021c UNHCR Egypt supports Egypt's Ministry of Health's national COVID-19 response. 11 March. Имеется по адресу www.unhcr.org/eg/19963-unhcr-egypt-supports-egypts-ministry-of-healths-national-covid-19-response.html.

2021d COVID-19 emergency response update #19. 1–31 May. Имеется по адресу https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/UNHCR%20MENA%20COVID-19%20Emergency%20Response%20Update%20%2319.pdf.

2021e Urgent needs in Armenia and Azerbaijan related to the Nagorno-Karabakh conflict. February. Имеется по адресу https://reporting.unhcr.org/sites/default/files/UNHCR%20urgent%20needs%20in%20Armenia%20and%20Azerbaijan%20February%202021.pdf.

2021f News comment by UN High Commissioner for Refugees Filippo Grandi on Denmark's new law on the transfer of asylum-seekers to third countries. Press release, 3 June. Имеется по адресу www.unhcr.org/news/press/2021/6/60b93af64/news-comment-un-high-commissioner-refugees-filippo-grandi-denmarks-new.html.

2021g UNHCR observations on the New Plan for Immigration policy statement of the Government of the United Kingdom. 4 May. Имеется по адресу www.unhcr.org/uk/60950ed64/unhcr-observations-on-the-new-plan-for-immigration-uk.

2021h MENA COVID-19 emergency response update #19 (1–31 May 2021). Situation report. 4 July. Имеется по адресу https://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/unhcr-mena-covid-19-emergency-response-update-19-1-31-may-2021.

n.d.a Population Statistics. Имеется по адресу www.unhcr.org/refugee-statistics-uat/.

n.d.b UK Immigration and Asylum Plans – Some Questions Answered by UNHCR. Имеется по адресу www.unhcr.org/uk/uk-immigration-and-asylum-plans-some-questions-answered-by-unhcr.html.

Сеть ООН по вопросам миграции (СМООН)

2020 UN Network on Migration Official Statement: Forced returns of migrants must be suspended in times of COVID-19. 13 May. Имеется по адресу https://migrationnetwork.un.org/statements/un-network-migration-official-statement-forced-returns-migrants-must-be-suspended-times.

United States Citizenship and Immigration Services

2021 Temporary Protected Status Designated Country: Venezuela. Last updated 8 March. Имеется по адресу www.uscis.gov/humanitarian/temporary-protected-status/temporary-protected-status-designated-country-venezuela.

United States Department of Homeland Security

2020 Joint statement on US–Canada joint initiative: Temporary restriction of travelers crossing the US–Canada land border for non-essential purposes. Press release, 20 March. Имеется по адресу www.dhs.gov/news/2020/03/20/joint-statement-us-canada-joint-initiative-temporary-restriction-travelers-crossing.

United States Department of State

2021 Monthly Immigrant Visa Issuance Statistics. Bureau of Consular Affairs. Имеется по адресу https://travel.state.gov/content/travel/en/legal/visa-law0/visa-statistics/immigrant-visa-statistics/monthly-immigrant-visa-issuances.html.

Vallianatou, A.I., E. Venturi and S. Zinser

2021 Brussels silent on vaccinating undocumented migrants. Chatham House, 16 March. Имеется по адресу www.chathamhouse.org/2021/03/brussels-silent-vaccinating-undocumented-migrants._

Vandergeest, P., M. Marschke and P. Duker

2021 Migrant worker segregation doesn't work: COVID-19 lessons from Southeast Asia. *The Conversation*, 24 February. Имеется по адресу https://theconversation.com/migrant-worker-segregation-doesnt-work-covid-19-lessons-from-southeast-asia-155260.

Walker, R., J. Vearey and N. Maple

2021a Excluding migrants undermines the success of Covid-19 vaccine rollouts. 2 August. Имеется по адресу www.wits.ac.za/covid19/covid19-news/latest/excluding-migrants-undermines-the-success-of-covid-19-vaccine-rollouts.html.

2021b *Covid-19 and migration governance in Africa*. Occasional paper #2, June. MiCoSA. Имеется по адресу www.mahpsa.org/wp-content/uploads/2021/06/MiCoSA-Covid19-and-migration-governance-in-Africa-OccasionalPaper-2-June2021.pdf.

Wang, S., X. Chen, Y. Li, C. Luu, R. Yan and F. Madrisotti

2021 'I'm more afraid of racism than of the virus!': racism awareness and resistance among Chinese migrants and their descendants in France during the Covid-19 pandemic. *European Societies*, 23(S1):S721–S742. Имеется по адресу www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/14616696.2020.1836384?needAccess=true.

Wanner, P. and A. Wisniak
2020 Has COVID-19 increased solidarity towards foreigners in Switzerland? National Center of Competence in Research – The Migration-Mobility Nexus, 13 August. Имеется по адресу https://nccr-onthemove.ch/blog/has-covid-19-increased-solidarity-towards-foreigners-in-switzerland/.

Warren, R.
2021 In 2019, the US undocumented population continued a decade-long decline and the foreign-born population neared zero growth. *Journal on Migration and Human Security*, 9(1). Имеется по адресу https://doi.org/10.1177/2331502421993746.

Watkins G. and A. Garcia Salinas
2020 The climate crisis could drive massive human displacement in Latin America and the Caribbean. Inter-American Development Bank Blog, 30 October. Имеется по адресу https://blogs.iadb.org/sostenibilidad/en/the-climate-crisis-could-drive-massive-human-displacement-in-latin-america-and-the-caribbean/.

White House
2021 Statement by President Joe Biden on refugee admissions. 3 May. Имеется по адресу www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/05/03/statement-by-president-joe-biden-on-refugee-admissions/.

Всемирный банк
2021 *Resilience COVID-19 crisis through a migration lens: Migration and Development Brief 34*. KNOMAD-World Bank, Washington, D.C. Имеется по адресу www.knomad.org/publication/migration-and-development-brief-34.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)
2021a Refugees and migrants hosted in Serbian reception centres get their COVID-19 vaccine doses. Press release, 12 May. Имеется по адресу www.euro.who.int/en/countries/serbia/news/news/2021/5/refugees-and-migrants-hosted-in-serbian-reception-centres-get-their-covid-19-vaccine-doses.

2021b COVID-19 Situation in the WHO South-East Asia Region. Имеется по адресу https://experience.arcgis.com/experience/56d2642cb379485ebf78371e744b8c6a.

Yonhap
2020 Number of foreign students drops in Korea for 1st time in 6 years. *Korea Herald*, 27 August. Имеется по адресу www.koreaherald.com/view.php?ud=20200827000920._

Zanker, F.L. and K. Moyo
2020 The corona virus and migration governance in South Africa: Business as usual? *Africa Spectrum*, 55(1):100–112. Имеется по адресу https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0002039720925826.

Zhao, W.
2020 Extreme weather and climate events in China under changing climate. *National Science Review*, 7(5):938–943. Имеется по адресу https://academic.oup.com/nsr/article/7/5/938/5821295.

Глава 4

Academic Council on the United Nations System (ACUNS)
2021 ACUNS: Our purpose. ACUNS: New York. Имеется по адресу https://acuns.org/purpose/.

Appleby, J.K.
2020 Implementation of the Global Compact on Safe, Orderly, and Regular Migration: A whole-of-society approach. *Journal on Migration and Human Security*, 8(2):214–229. Имеется по адресу https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2331502420907377.

Banks, M.
2012 Blog posts and tweets: The next frontier for grey literature. *The Grey Journal*, 8(1):54–59.

Bramstedt, K.A.
2020 The carnage of substandard research during the COVID-19 pandemic: A call for quality. *Journal of Medical Ethics*, 46(12). Имеется по адресу https://jme.bmj.com/content/46/12/803.

Chugh, A.
2020 Will COVID-19 change how we think about migration and migrant workers? World Economic Forum, 22 May. Имеется по адресу www.weforum.org/agenda/2020/05/covid-19-coronavirus-migration-migrant-workers-immigration-policy-health-securitization-risk-travel-bubbles/.

Davies, M. and R. Woodward
2014 *International Organizations: A Companion*. Edward Elgar, Cheltenham.

Fernandez, M. and H. Alani
2018 Online misinformation: Challenges and future directions. In: *WWW'18: Companion Proceedings of The Web Conference 2018*. Lyon, pp. 595–602. Имеется по адресу www.semanticscholar.org/paper/Online-Misinformation%3A-Challenges-and-Future-Fern%C3%A1ndez-Alani/b5c303ce0f0c92a1a75601dd084a5f81f51b6738.

Global Commission on International Migration (GCIM)
2005 *Summary of the Report of the Global Commission on International Migration*. 13 October. UN/POP/MIG-FCM/2005/09. New York. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/events/coordination/4/docs/P09_GCIM.pdf.

Gottardo, C. and N. Rego
2021 The Global Compact for Migration (GCM), international solidarity and civil society participation: A stakeholder's perspective. *Human Rights Review*, 6 January. Имеется по адресу www.springerprofessional.de/en/the-global-compact-for-migration-gcm-international-solidarity-an/18743184.

International Annual Report Design Awards (IADA)
2021 *2021 International Annual Report Design Award Winners*, IADA: London. Имеется по адресу www.iada-award.co.uk/winner.php.

Международная организация по миграции (МОМ)
2017 *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/wmr/world-migration-report-2018.

2019a *World Migration Report 2020* (M. McAuliffe and B. Khadria, eds.). Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020.

2019b *Migration Governance Indicators: A Global Perspective*. Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/migration-governance-indicators-global-perspective.

Объединенная инспекционная группа (ОИГ)
2018 *Strengthening Policy Research Uptake in the Context of the 2030 Agenda for Sustainable Development*. United Nations Joint Inspection Unit, United Nations Document JIU/REP/2018/7. Имеется по адресу www.unjiu.org/sites/www.unjiu.org/files/jiu_rep_2018_7_english_0.pdf.

Mason, E.
1999 Researching refugee and forced migration studies: An introduction to the field and the reference literature. *Behavioral & Social Sciences Librarian*, 18(1):1–20.

McAuliffe, M., A. Kitimbo and B. Khadria
2019 Reflections on migrants' contributions in an era of increasing disruption and disinformation. In *World Migration Report 2020* (M. McAuliffe and B. Khadria, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020-chapter-5.

Middlemass, R.
2020 What is the role of the social sciences in the response to COVID-19? 4 priorities for shaping the post-pandemic world. *LSE Impact Blog*, 25 August. Имеется по адресу https://blogs.lse.ac.uk/impactofsocialsciences/2020/08/25/what-is-the-role-of-the-social-sciences-in-the-response-to-covid-19-4-priorities-for-shaping-the-post-pandemic-world/.

Newland, K., M. McAuliffe and C. Bauloz
2019 Recent developments in the global governance of migration: An update to the *World Migration Report 2018*. In: *World Migration Report 2020* (M. McAuliffe and B. Khadria, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020-chapter-11.

Nutley, S., H.T.O. Davies and I. Walter
2003 From knowing to doing: A framework for understanding the evidence-into-practice agenda. *Evaluation*, 9(2):125–148.

Pai, M.
2020 Covidization of research: What are the risks? *Nature Medicine*, 26(8):1–1.

Панамериканская организация здравоохранения (ПАОЗ) и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Региональное отделение для Северной и Южной Америки
2020 Understanding the infodemic and misinformation in the fight against COVID-19 – Factsheet N.5. Department of Evidence and Intelligence for Action in Health. Имеется по адресу https://iris.paho.org/handle/10665.2/52052.

Pappas, C. and I. Williams
2011 Grey literature: Its emerging importance. *Journal of Hospital Librarianship*, 11(3):228–234.

Pasquetto, I.V., B. Swire-Thompson, M.A. Amazeen, F. Benevenuto, N.M. Brashier, R.M. Bond, L.C. Bozarth, C. Budak, U.K.H. Ecker, L.K. Fazio, E. Ferrara, A.J. Flanagin, A. Flammini, D. Freelon, N. Grinberg, R. Hertwig, K.H. Jamieson, K. Joseph, J.J. Jones, R.K. Garrett, D. Kreiss, S. McGregor, J. McNealy, D. Margolin, A. Marwick, F. Menczer, M.J. Metzger, S. Nah, S. Lewandowsky, P. Lorenz-Spreen, P. Ortellado, G. Pennycook, E. Porter, D.G. Rand, R.E. Robertson, F. Tripodi, S. Vosoughi, C. Vargo, O. Varol, B.E. Weeks, J. Wihbey, T.J. Wood and K.-C. Yang
2020 Tackling misinformation: What researchers could do with social media data. *Harvard Kennedy School Misinformation Review*, 1(8). Имеется по адресу https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/tackling-misinformation-what-researchers-could-do-with-social-media-data/.

Pécoud, A.
2015 *Depoliticising Migration: Global Governance and International Migration Narratives*. Palgrave Macmillan, London.

Posetti, J. and K. Bontcheva
2020 Disinfodemic: Deciphering COVID-19 disinformation. Policy brief 1. UNESCO, Paris. Имеется по адресу www.unesco.org/covid19/disinfodemic.

Организация Объединенных Наций (ООН)
2019 United Nations Strategy and Plan of Action on Hate Speech. May. Имеется по адресу www.un.org/en/genocideprevention/hate-speech-strategy.shtml.

2020 UN Research Roadmap for the COVID-19 Recovery. November. Имеется по адресу www.un.org/en/coronavirus/communication-resources/un-research-roadmap-covid-19-recovery.

Департамент глобальных коммуникаций Организации Объединенных Наций
2019 The United Nations System infographic. July. 19-00073. Имеется по адресу www.un.org/en/pdfs/un_system_chart.pdf.

Группа Организации Объединенных Наций по вопросам развития (ГООНВР)
2017 *Fulfilling the Promises: A Practical Guide for UN Advocacy to Promote Implementation of the 2030 Agenda*. Имеется по адресу https://unsdg.un.org/sites/default/files/Advocacy_report_web.pdf.

Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО)
2020 *Disinfodemic*. Paris. Имеется по адресу https://en.unesco.org/covid19/disinfodemic.

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (ГА ООН)
2005 *Summary of the Report of the Global Commission on International Migration, Fourth Coordination Meeting on International Migration, 26–27 October, New York*.

2018a Резолюция A/73/195. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Семьдесят третья сессия, пункты 14 и 19 повестки дня. Нью-Йорк.

2018b *Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. Часть II: Глобальный договор о беженцах.* Семьдесят третья сессия. Дополнение № 12 (A/73/12 (Part II)). Нью-Йорк. Имеется по адресу www.unhcr.org/gcr/GCR_English.pdf.

Vitorino, A.
2021 The importance of evidence-based research on migration: Historical reflections and current salience. International Migration, commentary. Имеется по адресу https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/imig.12915.

Walter, N., J. Cohen, R.L. Holbert and Y. Morag
2020 Fact-checking: A meta-analysis of what works and for whom. *Political Communication*, 37(3):350–375.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)
2020a Virtual press conference on COVID-19. 11 March. Имеется по адресу www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/transcripts/who-audio-emergencies-coronavirus-press-conference-full-and-final-11mar2020.pdf?sfvrsn=cb432bb3_2.

2020b Immunizing the public against misinformation. Press release, 25 August. Имеется по адресу www.who.int/news-room/feature-stories/detail/immunizing-the-public-against-misinformation.

2020c *Infodemic*. Health Topics. Имеется по адресу www.who.int/health-topics/infodemic#tab=tab_1.

Глава 5

Adyel, T.M.
2020 Accumulation of plastic waste during COVID-19. *American Association for the Advancement of Science*, 369(6509):1314–1315. Имеется по адресу https://science.sciencemag.org/content/369/6509/1314.full.

Africanews and *AFP*
2021 Kenya imposes new lockdown – what are the restrictions? *Africanews*, 26 March. Имеется по адресу www.africanews.com/2021/03/26/kenya-imposes-new-lockdown-what-are-the-restrictions.

Agriculture Workforce Coalition
2020 Agricultural Workforce Coalition's letter to Secretary of State Mike Pompeo. *US Apple*, 19 March. Имеется по адресу https://usapple.org/news-resources/agriculture-workforce-coalitions-3-17-20-letter.

Alam, J.
2021 Bangladesh goes under lockdown from today as COVID-19 Delta variant cases surge. *Mint*, 1 July. Имеется по адресу www.livemint.com/news/world/bangladesh-goes-under-lockdown-from-today-as-covid1-19-delta-variant-cases-surge-11625096751346.html.

Al Jazeera
2020a Refugees accuse Greece of pushing them back out to sea. 25 September. Имеется по адресу www.aljazeera.com/news/2020/9/25/refugees-accuse-greece-of-pushing-them-back-out-to-sea.

2020b Hundreds of Nepalese stuck at India border amid COVID-19 lockdown. 1 April. Имеется по адресу www.aljazeera.com/news/2020/4/1/hundreds-of-nepalese-stuck-at-india-border-amid-covid-19-lockdown.

Altman, D.
2020 Understanding the US failure on coronavirus—an essay by Drew Altman. *The British Medical Journal*, 370. Имеется по адресу https://doi.org/10.1136/bmj.m3417.

American Immigration Council (AIC)
2021 *A Guide to Title 42 Expulsions at the Border*. Washington, D.C. Имеется по адресу www.americanimmigrationcouncil.org/sites/default/files/research/title_42_expulsions_at_the_border.pdf.

American Journal of Managed Care (*AJMC*)
2021 A timeline of COVID-19 vaccine developments in 2021. 3 June. Имеется по адресу www.ajmc.com/view/a-timeline-of-covid-19-vaccine-developments-in-2021.

American Medical Association
2020 AMA: U.S. should open visas to international physicians amid COVID-19. Press release, 25 March. Имеется по адресу www.ama-assn.org/press-center/press-releases/ama-us-should-open-visas-international-physicians-amid-covid-19.

Anderson, S.
2021 Lawsuit challenges Biden administration COVID-19 visa policies. *Forbes*, 12 April. Имеется по адресу www.forbes.com/sites/stuartanderson/2021/04/12/lawsuit-challenges-biden-administration-covid-19-visa-policies/?sh=3c9383b01824.

Aneja, A. and S.T. Islam
2020 Bangladesh faces a crisis in remittances amid COVID-19. World Economic Forum, 16 June. Имеется по адресу www.weforum.org/agenda/2020/06/bangladesh-faces-a-remittances-crisis-amid-covid-19/.

Arora, S., K.D. Bhaukhandi and P.K. Mishra
2020 Coronavirus lockdown helped the environment to bounce back. *Science of the Total Environment*, 742(140573). Имеется по адресу www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7323667/.

Asian Development Bank Institute (ADBI), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Международная организация труда (МОТ)
2021 *Labour Migration in Asia: Impacts of the COVID-19 Crisis and the Post-pandemic Future*. Tokyo, Paris and Bangkok. Имеется по адресу www.oecd.org/countries/srilanka/adbi-book-labor-migration-asia-impacts-covid-19-crisis-post-pandemic-future.pdf.

Astral Aviation
2020 Astral Aviation readies to perform vaccine flights within Africa. Press release, 26 November. Имеется по адресу www.astral-aviation.com/astral-aviation-readies-to-perform-vaccine-flights-within-africa/.

Avdiu, B. and M. Meyer
2021 How COVID-19 changed the path of remittances in The Gambia. *World Bank Blogs*, 23 March. Имеется по адресу https://blogs.worldbank.org/africacan/how-covid19-changed-path-remittances-gambia.

Banco, E. and S. Rodriguez
2021 Biden administration scrambles to avert Covid outbreaks at the southern border. *Politico*, 18 March Имеется по адресу www.politico.com/news/2021/03/18/biden-administration-covid-southern-border-tracking-477073.

Banga, K., J. Keane, M. Mendez-Parra, L. Pettinotti and L. Sommer
2020 *Africa Trade and Covid-19: The Supply Chain Dimension*. Working paper 586, August. Africa Trade Policy Centre and ODI, Addis Ababa and London. Имеется по адресу https://cdn.odi.org/media/documents/Africa_trade_and_Covid19_the_supply_chain_dimension.pdf.

Bangladesh Bank
2020 Monthly data of wage earner's remittance. Central Bank of Bangladesh. Имеется по адресу www.bb.org.bd/econdata/wageremitance.php.

Bangladesh Rural Advancement Committee (BRAC)
2020 *COVID-19: Situation Report*. 21 May. Dhaka. Имеется по адресу www.brac.net/covid19/res/sitrep/COVID-19%20Sitrep_21%20May%202020.pdf.

Barrero, J.M., N. Bloom and S. Davis
2020 60 million fewer commuting hours per day: How Americans use time saved by working from home. *VOX EU CEPR*, 23 September. Имеется по адресу https://voxeu.org/article/how-americans-use-time-saved-working-home.

Beckstein, A.
2020 How are international students coping with the Covid-19 pandemic? *The Student*, 24 July. Имеется по адресу www.timeshighereducation.com/student/blogs/how-are-international-students-coping-covid-19-pandemic.

Benton, M., J. Batalova, S. Davidoff-Gore and T. Schmidt
2021 *COVID-19 and the State of Global Mobility in 2020*. IOM and Migration Policy Institute, Geneva and Washington, D.C. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/covid-19-and-the-state-of-global.pdf.

Biryabarema, E. and G. Obulutsa
2020 Coronavirus-induced border bottlenecks slow food deliveries in East Africa. *Reuters*, 29 May. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-east-africa-commer-idUSKBN2352E7.

Blitzer, J.
2020 The Trump administration's deportation policy is spreading the coronavirus. *New Yorker*, 13 May. Имеется по адресу www.newyorker.com/news/daily-comment/the-trump-administrations-deportation-policy-is-spreading-the-coronavirus.

Bradbury, M., M.A. Hassan, A.M. Musa and N. Kleist
2021 COVID-19 has transformed Somaliland's remittance lifeline. *Open Democracy*, 19 April. Имеется по адресу www.opendemocracy.net/en/beyond-trafficking-and-slavery/covid-19-has-transformed-somalilands-remittance-lifeline/.

Brancalion, P.H.S., E.N. Broadbent, S. de-Miguel, A. Cardil, M.R. Rosa, C.T. Almeida, D.R.A. Almeida, S. Chakravarty, M. Zhou, J.G.P. Gamarra, J. Liang, R. Crouzeilles, B. Hérault, L.E.O.C. Aragão, C.A. Silva and A.M. Almeyda-Zambrano
2020 Emerging threats linking tropical deforestation and the COVID-19 pandemic. *Perspectives in Ecology and Conservation*, 18(4):243–246. Имеется по адресу www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2530064420300584.

Brett, D.
2020 Kenya Airways invests in pharma capabilities. *AirCargo News*, 12 August. Имеется по адресу www.aircargonews.net/sectors/pharma-logistics/kenya-airways-invests-in-pharma-capabilities/.

British Broadcasting Corporation (*BBC News*)
2020 Rohingya crisis: Hundreds of refugees stranded in boats at sea. News Asia, 26 April. Имеется по адресу www.bbc.com/news/av/world-asia-52431222.

Brodeur, A., N. Cook and T. Wright
2020 On the effects of COVID-19 safer-at-home policies on social distancing, car crashes and pollution. Discussion paper No. 13255, IZA Institute of Labour Economics. Имеется по адресу www.iza.org/publications/dp/13255/on-the-effects-of-covid-19-safer-at-home-policies-on-social-distancing-car-crashes-and-pollution.

Bruzelius, C. and N. Ratzmann
2020 Extended SOLIDARITY? The social consequences of Covid-19 for marginalised migrant groups in Germany. *LSE Blog*, 5 October. Имеется по адресу https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2020/10/05/extended-solidarity-the-social-consequences-of-covid-19-for-marginalised-migrant-groups-in-germany/.

Buck, T., G. Chazan, M. Arnold and C. Cookson
2020 Coronavirus declared a pandemic as fears of economic crisis mount. *Financial Times*, 11 March. Имеется по адресу www.ft.com/content/d72f1e54-6396-11ea-b3f3-fe4680ea68b5.

California Department of Social Services
2021 Coronavirus (COVID-19) Disaster Relief Assistance for Immigrants. Имеется по адресу www.cdss.ca.gov/inforesources/immigration/covid-19-drai.

Carruthers, F.
2020 Six-star 'bula bubble' as Fiji welcomes back the superyachts. *Financial Review*, 20 October. Имеется по адресу www.afr.com/companies/transport/six-star-bula-bubble-as-fiji-welcomes-back-the-superyachts-20201018-p56667.

Castles, S. and M.J. Miller
1993 *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. Palgrave, London.

Centers for Disease Control and Prevention (CDC)
2021 Have You Heard? We're at One-Third! Covid Data Tracker Weekly Review, 23 April. Имеется по адресу www.cdc.gov/coronavirus/2019-ncov/covid-data/covidview/past-reports/04232021.html.

Center for Global Development
2020 Displaced Venezuelans in Colombia Harder Hit by COVID-19 Economic Fallout, New Research Finds. *Press Release*. 28 October. Имеется по адресу: www.cgdev.org/article/displaced-venezuelans-colombia-harder-hit-covid-19-economic-fallout-new-research-finds.

Center for Migration Studies of New York
2020 *Immigrant Detention and COVID-19: How a Pandemic Exploited and Spread through the US Immigrant Detention System*. New York, August. Имеется по адресу https://cmsny.org/wp-content/uploads/2020/08/CMS-Detention-COVID-Report-08-12-2020.pdf.

Centre for Evidence-Based Medicine
2020 Severe mental illness and risks from COVID-19. 5 August. Nuffield Department of Primary Care Health Services, Oxford. Имеется по адресу www.cebm.net/covid-19/severe-mental-illness-and-risks-from-covid-19/.

Chanel, S.
2020 'It's catastrophic': Fiji's colossal tourism sector devastated by coronavirus. *The Guardian*, 15 April. Имеется по адресу www.theguardian.com/world/2020/apr/16/its-catastrophic-fijis-colossal-tourism-sector-devastated-by-coronavirus.

Chetail, V.
2020 Covid-19 and human rights of migrants: More protection for the benefit of all. IOM Policy Brief. Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/covid19-human-rights.pdf.

Chishti, M. and S. Pierce
2021 Biden sets the stage for a remarkably active first 100 days on immigration. Migration Policy Institute, Washington, D.C., 27 January. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/biden-immigration-reform-agenda.

Chowdhury, M.B. and M. Chakraborty
2021 The impact of COVID-19 on the migrant workers and remittances flow to Bangladesh. *South Asian Survey*, 28(1):38–56. Имеется по адресу https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0971523121995365.

City of Chicago
2020 Mayor Lightfoot signs executive order to protect immigrant and refugee communities during COVID-19. Mayor's Press Office, 7 April. Имеется по адресу www.chicago.gov/city/en/depts/mayor/press_room/press_releases/2020/april/EOImmigrantRefugeeProtection.html.

City of New York
2020 Public Charge Rule. NYC Mayor's Office of Immigrant Affairs. Имеется по адресу www1.nyc.gov/site/immigrants/help/legal-services/public-charge.page (Updated 10 March 2021).

Cole, G.
2020 The impact of Covid-19 on migrants and migration in the Gulf States. News, 27 December. Centre for the Study of Global Human Movement, University of Cambridge. Имеется по адресу www.humanmovement.cam.ac.uk/news/impact-covid-19-migrants-and-migration-gulf-states-june-1-2020.

Connell, J.
2021 COVID-19 and tourism in Pacific SIDS: lessons from Fiji, Vanuatu and Samoa? *The Commonwealth Journal of International Affairs*, 110(1):149–158. Имеется по адресу: www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00358533.2021.1875721?scroll=top&needAccess=true.

Cooperman, A.
2020 Will the coronavirus permanently convert in-person worshippers to online streamers? They don't think so. 17 August. Pew Research Center, Washington, D.C. Имеется по адресу www.pewresearch.org/fact-tank/2020/08/17/will-the-coronavirus-permanently-convert-in-person-worshippers-to-online-streamers-they-dont-think-so/.

Crawley, H.
2020 The great amplifier: COVID-19, migration and inequality. *MIDEQ*, 8 April. Имеется по адресу www.mideq.org/en/blog/great-amplifier-covid-19-migration-and-inequality/.

Czaika, M., H. de Haas and M. Villares-Varela
2018 The global evolution of travel visa regimes. *Population and Development Review*, 44(3):589–622. Имеется по адресу www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6175134/.

Dar es Salaam Stock Exchange
2020 Kenya Airways PLC. Summary Unaudited Group Results for the Period Ended 30 June 2020. Имеется по адресу www.dse.co.tz/profile-company/313/financials.

de Haas, H., S. Castles and M.J. Miller
2020 *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. Sixth Edition. The Guilford Press, New York.

Deutsche Welle (*DW*)
2021 Bangladesh struggling to rein in COVID delta variant. 5 July. Имеется по адресу www.dw.com/en/bangladesh-covid-surge/a-58166527.

Dhaka Tribune
2021 Remittance posts 50% growth in March. 1 April. Имеется по адресу www.dhakatribune.com/business/economy/2021/04/01/remittance-posts-50-growth-in-march.

Dinarte, L., D. Jaume, E. Medina-Cortina and H. Winkler
2021 *Neither by Land nor by Sea: The Rise of Electronic Remittances during COVID-19*. Development Policy Centre, Canberra. Имеется по адресу https://devpolicy.org/Events/2021/Not-by-land-nor-by-sea-the-rise-of-formal-remittances-during-COVID-19-Dinarte-13Apr/full-paper-updated13Apr.pdf.

Dole, N. and R. Whalan
2020 The COVID-19 second wave has hit Europe. So why haven't some countries locked down again? *ABC News*, September 4. Имеется по адресу www.abc.net.au/news/2020-09-05/why-europe-has-not-locked-down-despite-covid-19-second-wave/12623804.

Drayton, E. and B. Waltmann
2020 Will universities need a bailout to survive the COVID-19 crisis? Institute for Fiscal Studies, 6 July. Имеется по адресу https://ifs.org.uk/publications/14919.

Duell, N. and T. Vetter
2020 The employment and social situation in Germany. European Parliament. May. Имеется по адресу www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/648803/IPOL_STU(2020)648803_EN.pdf.

East African Community (EAC)
2020a EAC partner states adopt the EAC regional electronic cargo and drivers tracking system. Press release, 30 May. Имеется по адресу www.eac.int/press-releases/147-health/1736-eac-partner-states-adopt-the-eac-regional-electronic-cargo-and-drivers-tracking-system.

2020b EAC Secretariat handing over mobile labs to the Republic of Uganda. Press release, 13 July. Имеется по адресу https://health.eac.int/news/eac-secretariat-handing-over-mobile-labs-to-the-republic-of-uganda#gsc.tab=0.

European Centre for Disease Prevention and Control (ECDC)
2020 *Guidance on infection prevention and control of coronavirus disease (COVID-19) in migrant and refugee reception and detention centres in the EU/EEA and the United Kingdom*. Имеется по адресу www.ecdc.europa.eu/sites/default/files/documents/COVID-19-guidance-refugee-asylum-seekers-migrants-EU.pdf.

European Commission (EC)
2018 Integration of immigrants in the European Union. Germany Fact Sheet. Имеется по адресу https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2169.

n.d. Exemptions from restrictions on travel to the EU. Brussels. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/travel-during-coronavirus-pandemic/exemptions-coronavirus-travel-restrictions-eu_en.

Fasani, F. and J. Mazza
2020 Immigrant key workers: Their contribution to Europe's COVID-19 response. Policy paper No. 155, April. IZA Institute of Labor Economics. Имеется по адресу http://ftp.iza.org/pp155.pdf.

Ferhani, A. and S. Rushton
2020 The International Health Regulations, COVID-19, and bordering practices: Who gets in, what gets out, and who gets rescued? *Contemporary Security Policy*, 41(3):458–477. Имеется по адресу www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13523260.2020.1771955.

Fitch Ratings
2020 Fitch affirms Bangladesh at 'BB'; outlook stable. Rating Action Commentary, 11 November. Имеется по адресу www.fitchratings.com/research/sovereigns/fitch-affirms-bangladesh-at-bb-outlook-stable-11-11-2020.

Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО)
2020 Саранча в Восточной Африке: наперегонки со временем. Рим. Имеется по адресу www.fao.org/news/story/en/item/1263547/icode.

Foresti, M.
2020 Less gratitude, please. How COVID-19 reveals the need for migration reform [blog]. 22 May. Brookings Institute, Washington, D.C. Имеется по адресу www.brookings.edu/blog/future-development/2020/05/22/less-gratitude-please-how-covid-19-reveals-the-need-for-migration-reform/.

Fradique-Mendez, C. and C. Rodriguez
2020 Solidarity income program addresses needs of vulnerable households. April. World Services Group, Houston. Имеется по адресу www.worldservicesgroup.com/publications.asp?action=article&artid=15475.

Freier, L.F.
2020 For migrants in Latin America, public health risks go beyond the coronavirus. *Americas Quarterly*, 20 April. Имеется по адресу www.americasquarterly.org/article/for-migrants-in-latin-america-public-health-risks-go-beyond-the-coronavirus/.

Freier, L.F., A. Briceño and S. Castillo Jara
2021 *La Militarización de la Frontera Norte de Perú y el Derecho a Solicitar Refugio: Hacia la Reapertura de la Frontera*, Marzo. Centro de Investigación de la Universidad del Pacífico (CIUP), Peru. Имеется по адресу https://ciup.up.edu.pe/media/2432/ciup-ppp16-5.pdf.

Friedman, T.
2016 *Thank you for Being Late: an Optimist's Guide to Thriving in the Age of Accelerations*. Farrar, Straus and Giroux: New York.

Frydenlund, E., J.J. Padilla and K. Palacio
2021 Colombia gives nearly 1 million Venezuelan migrants legal status and right to work. *The Conversation*, 14 April. Имеется по адресу https://theconversation.com/colombia-gives-nearly-1-million-venezuelan-migrants-legal-status-and-right-to-work-155448.

Gamlen, A.
2020 *Migration and mobility after the 2020 pandemic: The end of an age?* International Organization for Migration (IOM), Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/migration-_and-mobility.pdf.

George, S.E.
2020 Forced to return from the Gulf, migrants in Kerala are wondering what comes next. *The Wire*, 11 July. Имеется по адресу https://thewire.in/labour/kerala-migrants-gulf-covid-19.

Gledhill, B.
2020 Astral Aviation further connecting Africa. *Cargo Forwarder Global*, 24 May. Имеется по адресу www.cargoforwarder.eu/2020/05/24/astral-aviation-further-connecting-africa.

Gmelch, G.
1983 Who returns and why: Return migration behavior in two North Atlantic societies. *Human Organization*, 42(1):46–54.Имеется по адресу www.jstor.org/stable/44125622.

Goßner, C.
2020 How immigration strengthens the German healthcare system. Euractiv, 11 May. Имеется по адресу www.euractiv.com/section/coronavirus/news/how-immigration-strengthens-the-german-healthcare-system/.

Goldin, I.
2014 Princeton University Press author Q&A with Ian Goldin on *The Butterfly Defect: How Globalization Creates Systemic Risks, and What to Do about It* [blog]. Имеется по адресу https://iangoldin.org/books/the-butterfly-defect/.

Goldin, I. and M. Mariathasan
2014 *The Butterfly Defect: How Globalization Creates Systemic Risks and What to Do About It*. Princeton University Press, Princeton.

Gonzalez Morales, F.
2021 *Report on Means to Address the Human Rights Impact of Pushbacks of Migrants on Land and at Sea – Report of the Special Rapporteur on the Human Rights of Migrants, Felipe González Morales*. (A/HRC/47/30) [EN/AR/RU/ZH]. Human Rights Council, Forty-seventh session, 21 June – 9 July. Agenda item 3. Имеется по адресу https://reliefweb.int/report/world/report-means-address-human-rights-impact-pushbacks-migrants-land-and-sea-report-special.

Goodwin, M. and E. Chemerinsky
2021 The Trump administration: Immigration, racism, and COVID-19. *University of Pennsylvania Law Review*, 169(2):313–382. Имеется по адресу https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=9722&context=penn_law_review.

Government of Kenya
2008 The Vision. Kenya Vision 2030. Имеется по адресу http://vision2030.go.ke/#:~:text=The%20Kenya%20Vision%202030%20aims%20to%20transform%20Kenya,by%202030%20in%20a%20clean%20and%20secure%20environment.

Graham, J. and M. Guerrero Ble
2020 The effect of COVID-19 on the economic inclusion of Venezuelans in Colombia. Policy paper, 28 October. Center for Global Development, Washington, D.C. Имеется по адресу www.cgdev.org/publication/effect-covid-19-economic-inclusion-venezuelans-colombia.

Graham, J., M. Guerrero Ble, D. Panayotatos and I. Leghtas
2020 *From Displacement to Development: How Colombia can Transform Venezuelan Displacement into Shared Growth*. Case study, October. Center for Global Development, Washington, D.C. Имеется по адресу www.cgdev.org/sites/default/files/from-displacement-to-development-112.pdf.

Grattan, S.
2020 Returning Venezuelans in squalid quarantine face uncertain future. *The Guardian*, 16 April. Имеется по адресу www.theguardian.com/global-development/2020/apr/16/venezuelans-returning-squalid-quarantine-migrants.

Grech, V., P. Grech and S. Fabri
2020 A risk balancing act – tourism competition using health leverage in the COVID-19 era. *International Journal of Risk & Safety in Medicine*, 31(3):121–130. Имеется по адресу https://content.iospress.com/articles/international-journal-of-risk-and-safety-in-medicine/jrs200042.

Greenaway, C. and B. Gushulak
2017 Pandemics, migration and global health security. In: *Handbook on Migration and Security* (P. Bourbeau, ed.). Edward Elgar, Cheltenham.

Grüll, P.
2020 German labour minister announces stricter standards in the meat industry. *EURACTIV*, 29 July. Имеется по адресу www.euractiv.com/section/agriculture-food/news/german-labour-minister-announces-stricter-standards-in-the-meat-industry/.

Gyenes, N. and A.X. Mina
2018 How misinfodemics spread disease. *The Atlantic*, 30 August. Имеется по адресу www.theatlantic.com/technology/archive/2018/08/how-misinfodemics-spread-disease/568921/.

Haeck, C. and P. Lefebvre
2020 Pandemic school closures may increase inequality in test scores. *Canadian Public Policy*, 46(1):82–87. Имеется по адресу www.utpjournals.press/doi/full/10.3138/cpp.2020-055.

Hale, T., S. Webster, A. Petherick, T. Phillips and B. Kira
2021 Oxford COVID-19 Government Response Tracker Dataset, Blavatnik School of Government, Oxford. Имеется по адресу https://covidtracker.bsg.ox.ac.uk/ (accessed 3 June 2021).

Hellenic Shipping News
2020 Curfew hits cargo movement as port operations slow. 1 April. Имеется по адресу www.hellenicshippingnews.com/curfew-hits-cargo-movement-as-port-operations-slow.

Henley & Partners
2019 The Henley Passport Index Q4 Update. Имеется по адресу www.henleypassportindex.com/assets/2019/Q4/HPI%20Report%20190930.pdf.

Hennebry, J. and H. KC
2020 *Quarantined! Xenophobia and migrant workers during the COVID-19 pandemic*. International Organization for Migration (IOM), Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/quarantined.pdf.

Hesson, T. and M. Rosenberg
2020 U.S. deports 400 migrant children under new coronavirus rules. *Reuters*, 7 April. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-usa-deportations-idUSKBN21P354.

Hickel, J.
2020 *Less is More: How Degrowth Will Save the World*. Penguin Random House, London.

Hoffower, H.
2020 Bill Gates has been warning of a global health threat for years. Here are 11 people who seemingly predicted the coronavirus pandemic. *Business Insider India*, 21 March. Имеется по адресу www.businessinsider.in/politics/news/bill-gates-has-been-warning-of-a-global-health-threat-for-years-here-are-11-people-who-seemingly-predicted-the-coronavirus-pandemic-/articleshow/74739895.cms.

Hooper, K. and C. Le Coz
2020 A Race Against the Clock: Meeting Seasonal Labor Needs in the Age of COVID-19. Migration Policy Institute. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/news/meeting-seasonal-labor-needs-age-covid-19.

HSBC
2020 Now enjoy 2% cash incentive on inward remittance sent every time to your HSBC account. Terms and Conditions. Имеется по адресу www.hsbc.com.bd/1/PA_ES_Content_Mgmt/content/bangladesh60/attachments/Cash_Insentive_Tarms_and_conditions.pdf.

Human Rights Watch (HRW)
2020a Venezuela: Abusive treatment of returnees. News, 13 October. Имеется по адресу www.hrw.org/news/2020/10/13/venezuela-abusive-treatment-returnees.

2020b Covid-19 fueling anti-Asian racism and xenophobia worldwide. News, 12 May. Имеется по адресу www.hrw.org/news/2020/05/12/covid-19-fueling-anti-asian-racism-and-xenophobia-worldwide.

Humer, C. and M. Taylor
2020 Retracted COVID-19 studies expose holes in vetting of data firms. *Reuters Health News*, 10 June. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-studies-idUSKBN23G379.

Internal Displacement Monitoring Centre (IDMC)
2021 Global Report on Internal Displacement 2021. Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/global-report/grid2021/.

Международная организация гражданской авиации (ИКАО)
2021 *Effects of Novel Coronavirus (COVID-19) on Civil Aviation: Economic Impact Analysis*. ICAO, Montreal. Имеется по адресу www.icao.int/sustainability/Documents/Covid-19/ICAO_coronavirus_Econ_Impact.pdf.

n.d. *Air transport passengers carried data set*. Имеется по адресу https://data.worldbank.org/indicator/IS.AIR.PSGR.

Международное энергетическое агентство
2021 Covid-19 impact on electricity. IEA Statistics report – January 2021. Paris. Имеется по адресу www.iea.org/reports/covid-19-impact-on-electricity.

Международная финансовая корпорация (МФК)
2020 Fiji COVID-19 Business Survey: Tourism Focus. July. IFC World Bank Group. Имеется по адресу www.ifc.org/wps/wcm/connect/4fc358f9-5b07-4580-a28c-8d24bfaf9c63/Fiji+COVID-19+Business+Survey+Results+-+Tourism+Focus+Final.pdf?MOD=AJPERES&CVID=ndnpJrE.

Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСР)
2021 Remittance flows to Kenya defy the odds during the COVID-19 pandemic. Press release, 25 May. Имеется по адресу www.ifad.org/en/web/latest/-/remittance-flows-to-kenya-defy-the-odds-during-the-covid-19-pandemic.

Международная организация труда (МОТ)
2020a COVID-19 leads to massive labour income losses worldwide. Labour Branch and Department of Statistics, Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_755875/lang--en/index.htm.

2020b Webinar report on Recognition of Prior Learning (RPL) for migrant workers in Asia. Dhaka. Имеется по адресу www.ilo.org/dhaka/Whatwedo/Publications/WCMS_757257/lang--en/index.htm.

2020c *Fiji Trades Union Congress (FTUC) Assessment Report on Impact of COVID-19 on Employment and Business*. ILO Pacific, Suva. Имеется по адресу www.ilo.org/suva/publications/WCMS_754703/lang--en/index.htm.

Международная организация по миграции (МОМ)
2019 *World Migration Report 2020* (M. McAuliffe and B. Khadria, eds.). Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020.

2020a *COVID-19 Analytical Snapshot #15: Migrants on the front line*. Geneva. 17 April. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_15_-_migrants_on_the_frontline_0.pdf.

2020b *COVID-19 Analytical Snapshot #29: Stigmatization and Discrimination UPDATE*. Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_29_stigmatization_and_discrimination_update.pdf.

2020c *Cross-Border Human Mobility Amid and After Covid-19*. Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/defaul/pp_cross-border_human_mobility_amid_and_after_covid-19_policy.pdf.

2020d *COVID-19 Analytical Snapshot #26: Stranded migrants*. Geneva. 29 April. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_26_-_stranded_migrants_0.pdf.

2020e Mental health needs of migrants and displaced persons must be part of COVID-19 response. Press release, 15 May. Имеется по адресу www.iom.int/news/mental-health-needs-migrants-and-displaced-persons-must-be-part-covid-19-response.

2020f *COVID-19 Analytical Snapshot #62: Migrants' contributions*. Geneva. 18 December. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_62_migrants_contributions.pdf.

2020g *COVID-19 Analytical Snapshot #55: Emerging Remittance Patterns*. Geneva. 15 October. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_55_-_emerging_remittance_patterns_0.pdf.

2020h *COVID-19 Analytical Snapshot #53: International Remittances UPDATE*. Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_53_-_international_remittances_update.pdf.

2020i Timely COVID-19 testing of Mombasa port truckers helps reinvigorate economies. Press release, 2 November. Nairobi. Имеется по адресу http://kenya.iom.int/article/timely-covid-19-testing-mombasa-port-truckers-helps-reinvigorate-economies.

2020j IOM reports that 70 per cent of returning migrants to Bangladesh struggle to find employment. Press release, 12 August. Dhaka. Имеется по адресу https://bangladesh.iom.int/news/iom-reports-70-cent-returning-migrants-bangladesh-struggle-find-employment.

2020k *Venezuelan Migrant And Refugee Situation: IOM Regional Response Overview*. April–June. Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/situation_reports/file/iom_regional_response_overview_-_venezuela_situation_-_q2_2020.pdf.

2020l *IOM Issue Brief: COVID-19 and Stranded Migrants*. Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/sites/g/files/tmzbdl486/files/documents/issue_brief_stranded_migrants.pdf.

2021a *Global Mobility Restriction Overview. Special Edition: Marking One Year of COVID-19 Travel Restrictions.* Geneva.

2021b *COVID-19 Analytical Snapshot #66: International Remittances UPDATE*. Geneva. 25 January. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_66_international_remittances_update.pdf.

Международная организация по миграции (МОМ) и Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ)

2021 *Situation Response for Venezuelans*. R4V, Panama. Имеется по адресу www.r4v.info/es/document/rmrp-2021-es.

Международная организация по миграции (МОМ) и Всемирная продовольственная программа (ВПП)
2020 *Populations at Risk: Implications of COVID-19 for Hunger, Migration and Displacement*. Geneva and Rome. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/populations_at_risk_-_implications_of_covid-19_for_hunger_migration_and_displacement.pdf.

Iqbal, S.
2020 Remittances surge 31pc to $7.14bn. *Dawn*, 13 October. Имеется по адресу www.dawn.com/news/1584760.

Internal Revenue Service (IRS)
2021 Questions and Answers about the First Economic Impact Payment—Topic A: Eligibility. Имеется по адресу www.irs.gov/newsroom/questions-and-answers-about-the-first-economic-impact-payment-topic-a-eligibility.

Jack, M.M., D.A. Gattozzi, P.J. Camarata and K.J. Shah
2021 Live-streaming surgery for medical student education – educational solutions in neurosurgery during the COVID-19 pandemic. *Journal of Surgical Education*, 78(1):99–103. Имеется по адресу www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1931720420302397.

Jawaid, M.Z.
2020 The curious case of Pakistan's spiralling remittances. *The Express Tribune*, 18 September. Имеется по адресу https://tribune.com.pk/article/97174/the-curious-case-of-pakistans-spiralling-remittances.

Johns Hopkins Coronavirus Resource Centre (CRC)
2021 COVID-19 Dashboard. Имеется по адресу https://coronavirus.jhu.edu/map.html.

Kalantaryan, S. and S. McMahon
2020 Covid-19 and remittances in Africa. Joint Research Centre Technical Report. European Commission. Имеется по адресу https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC121055/remittances_in_the_context_of_covid_19_africa_12062020_final_online_clean.pdf.

Kang, T.
2020 Can South Korea boost its economy by turning to gaming? *The Diplomat*, 11 May. Имеется по адресу https://thediplomat.com/2020/05/can-south-korea-boost-its-economy-by-turning-to-gaming/.

Kantaria, B.
2021 COVID-19 brings out the resilience of Kenya's flower industry. *Perishable News*, 4 March. Имеется по адресу www.perishablenews.com/floral/covid-19-brings-out-the-resilience-of-kenyas-flower-industry/.

Karim, M.R., M.T. Islam and B. Talukder
2020 COVID-19's impacts on migrant workers from Bangladesh: In search of policy intervention. *World Development*, 136. Имеется по адресу https://covid19.elsevierpure.com/en/publications/covid-19s-impacts-on-migrant-workers-from-bangladesh-in-search-of.

Kazibwe, W.
2020 Wandira Kazibwe: Curve is flat, time to ease lock down. *The Independent*, 18 May. Имеется по адресу www.independent.co.ug/wandira-kazibwe-curve-is-flat-time-to-ease-lock-down/.

Kenyan Digest
2020 President establishes Kenya Transport and Logistics Network, 7 August. Имеется по адресу https://kenyandigest.com/president-establishes-kenya-transport-and-logistics-network/.

Kenyan Ministry of Health
2020 Kenya coronavirus cases rise to four, CS health. Press release, 17 March. Имеется по адресу www.health.go.ke/kenya-coronavirus-cases-rise-to-four-cs-health/.

Kenya Ports Authority
2020 History of the Port of Mombasa. Имеется по адресу www.kpa.co.ke/AboutUs/Pages/KPA-History-Introduction.aspx.

Kenyan Tourism Research Institute
2020 International Tourism Performance. January – October 2020. Имеется по адресу www.tri.go.ke/wp-content/uploads/2020/12/INTERNATIONAL-TOURISM-PERFORMANCE-JANUARY-OCTOBER-2020.pdf.

Kinkartz, S.
2021 Seasonal workers flock to Germany for asparagus harvest under COVID restrictions. *Deutsche Welle*, 18 March. Имеется по адресу www.dw.com/en/seasonal-workers-flock-to-germany-for-asparagus-harvest-under-covid-restrictions/a-56919559.

Kramer, V., I. Papazova, A. Thoma, M. Kunz, P. Falkai, T. Schneider-Axmann, A. Hierundar, E. Wagner and A. Hasan
2021 Subjective burden and perspectives of German healthcare workers during the COVID-19 pandemic. *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience*, 271:271–281. Имеется по адресу https://link.springer.com/article/10.1007/s00406-020-01183-2.

KTN News
2020 Kenya–Ethiopia border closed over coronavirus, but authorities worried of panya routes. 29 March. Имеется по адресу www.standardmedia.co.ke/ktnnews/ktn-newsdesk/video/2000186951/kenya-ethiopia-border-closed-over-coronavirus-but-authorities-worried-of-panya-route.

Lakner, C., N. Yonzan, D.G. Mahler, A. Aguilar, H. Wu and M. Fleury
2020 Updated estimates of the impact of COVID-19 on global poverty: The effect of new data [blog]. World Bank, 7 October. Имеется по адресу https://blogs.worldbank.org/opendata/updated-estimates-impact-covid-19-global-poverty-effect-new-data.

La Vanguardia
2020 Maduro blames Venezuelan returnees for COVID-19 spike. 15 July. Имеется по адресу www.lavanguardia.com/vida/20200715/482323523320/maduro-senala-a-venezolanos-retornados-como-culpables-de-repunte-de-covid-19.html.

Lipton, E., D.E. Sanger, M. Haberman, M.D. Shear, M. Mazzetti and J.E. Barnes
2021 He could have seen what was coming: Behind Trump's failure on the virus. *New York Times*, 11 April, updated 20 July. Имеется по адресу www.nytimes.com/2020/04/11/us/politics/coronavirus-trump-response.html.

Love, B.J. and J. Rieland
2020 COVID-19 is laying waste to many US recycling programs. *The Conversation*, 23 June. Имеется по адресу https://theconversation.com/covid-19-is-laying-waste-to-many-us-recycling-programs-139733.

Loweree, J., A. Reichlin-Melnick and W.A. Ewing
2020 *The Impact of COVID-19 on Noncitizens and Across the U.S. Immigration System. March – September 2020*. American Immigration Council, Washington, D.C. Имеется по адресу www.americanimmigrationcouncil.org/sites/default/files/research/the_impact_of_covid-19_on_noncitizens_and_across_the_us_immigration_system.pdf.

Luzes, M. and L.F. Freier
2020 *¿Qué suerte corren los migrantes venezolanos varados en el Perú? Open Democracy*, 15 July. Имеется по адресу www.opendemocracy.net/es/what-fate-venezuelan-migrants-stranded-peru-es.

Mahler, D.G., C. Lakner, R.A.C. Aguilar and H. Wu
2020 The impact of COVID-19 (coronavirus) on global poverty: Why sub-Saharan Africa might be the region hardest hit [blog]. World Bank, April 20. Имеется по адресу https://blogs.worldbank.org/opendata/impact-covid-19-coronavirus-global-poverty-why-sub-saharan-africa-might-be-region-hardest.

Mahmud, J. and A.K.M.Z. Uddin
2020 Remittance inflow defies grim forecast. *The Daily Star*, 2 October. Имеется по адресу www.thedailystar.net/frontpage/news/remittance-inflow-defies-grim-forecast-1970885.

Majidi, M., H. Crawley, L. Guadagno and C. Kasavan
2019 Migrants caught in crises: Contexts, responses and innovation. In: *World Migration Report 2020* (M. McAuliffe and B. Khadria, eds.). Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020_en_ch_10.pdf.

Malak, G.
2020 South Sudan on a lockdown over coronavirus fears. *The East African*, 24 March. Имеется по адресу www.theeastafrican.co.ke/tea/news/east-africa/south-sudan-on-a-lockdown-over-coronavirus-fears-1439180.

Mandelman, F.S. and D. Vilán
2020 Remittances and COVID-19: A tale of two countries. *FEDS Notes*, 30 December. Board of Governors of the Federal Reserve System. Имеется по адресу www.federalreserve.gov/econres/notes/feds-notes/remittances-and-covid-19-a-tale-of-two-countries-20201230.htm.

Marie Stopes International
2020 Our Response to the COVID-19 Crisis. Имеется по адресу www.msichoices.org/covid-19.

Martin, S.F. and J. Bergmann
2020 *Shifting Forms of Mobility Related to COVID-19*. International Organization for Migration (IOM), Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/shifting-forms.pdf.

McAuliffe, M.
2016 The appification of migration. Asia and the Pacific Policy Society, *Policy Forum*, 20 January. Имеется по адресу www.policyforum.net/the-appification-of-migration/.

2020 *Immobility as the Ultimate "Migration Disrupter": COVID-19 and the Securitization of Migration*. Migration Research Series, No. 64. 7 August. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/mrs-no-64-immobility-ultimate-migration-disrupter.

McAuliffe, M., C. Bauloz and A. Kitimbo
2020 The challenge of real-time analysis: Making sense of the migration and mobility implications of COVID-19. *Migration Policy Practice*, 10(2):15–21. Имеется по адресу www.disinfobservatory.org/wp-content/uploads/2020/05/Covid-19-and-minsinformation-in-the-field-of-migration.pdf.

McAuliffe, M. and C. Bauloz
2020 The coronavirus pandemic could be devastating for the world's migrants. World Economic Forum, April 6. Имеется по адресу www.weforum.org/agenda/2020/04/the-coronavirus-pandemic-could-be-devastating-for-the-worlds-refugees.

McAuliffe, M., A.M. Goossens and A. Sengupta
2017 Mobility, migration and transnational connectivity. In: *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). IOM, Geneva, pp. 149–169. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/country/docs/china/r5_world_migration_report_2018_en.pdf.

McAuliffe, M., A. Kitimbo, A. and B. Khadria
2019 Reflections on migrants' contributions in an era of increasing disruption and disinformation. In: *World Migration Report 2020* (M. McAuliffe and B. Khadria, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020_en_ch_5.pdf.

McAuliffe, M. and K. Koser (eds.)
2017 *A Long Way to Go: Irregular Migration Patterns, Processes, Drivers and Decision Making*. ANU Press, Canberra. Имеется по адресу https://press.anu.edu.au/publications/long-way-go.

McColl, R.
2021 On Venezuela's borders, COVID-19 hasn't stopped a migrant exodus – but has made it more dangerous for all. *Globe and Mail*, 4 April. Имеется по адресу www.theglobeandmail.com/world/article-on-venezuelas-borders-covid-19-hasnt-stopped-a-migrant-exodus-but-has/.

McDonald, T.
2021 Singapore has COVID-19 well under control – but its migrant workers still face year-old restriction. *Fortune*, 7 April. Имеется по адресу https://fortune.com/2021/04/07/singapore-covid-migrant-workers-restrictions-dormitories/.

Menon, S.
2015 *How great power competition has changed*, Brookings Institution, 4 May 2015. Имеется по адресу www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/05/04/how-great-power-competition-has-changed/.

Metykova, M.
2010 Only a mouse click away from home: Transnational practices of Eastern European migrants in the United Kingdom. *Social Identities*, 16:325–338. Имеется по адресу http://dx.doi.org/10.1080/13504630.2010.482418.

Migración Colombia
2020 Decreto único reglamentario sectorial, Resolucion 0918 de 2020. Имеется по адресу https://migracioncolombia.gov.co/normativa/download/26-resoluciones-2020/107-resolucion-0918-de-202.

2021 Visibles: Estatuto Temporaneo de Proteccion. Имеется по адресу https://migracioncolombia.gov.co/puntosvisibles/quindio/tag/Regional%20Atlántico.

Mixed Migration Centre (MMC)
2021 The impact of COVID-19 on refugees and migrants on the move in North and West Africa. Briefing paper, 10 March. Geneva. Имеется по адресу https://mixedmigration.org/resource/the-impact-of-covid-19-on-refugees-and-migrants-on-the-move-in-north-and-west-africa/.

Mohammed, O.
2020 Kenya's flower industry rebounds as lockdowns ease. *Reuters*, 21 July. Имеется по адресу www.reuters.com/article/uk-health-coronavirus-kenya-flowers-idUKKCN24M12Q.

Mold, A. and A. Mveyange
2020 *The Impact of the COVID-19 Crisis on Trade: Recent Evidence from East Africa*. 9 July. Brookings Institute, Washington, D.C. Имеется по адресу www.brookings.edu/research/the-impact-of-the-covid-19-crisis-on-trade-recent-evidence-from-east-africa/.

Montoya-Galvez, C.
2021 Biden's first 100 days: How U.S. immigration policy has – and hasn't – changed. *CBS News*, 28 April. Имеется по адресу www.cbsnews.com/news/biden-first-100-days-immigration-policy/.

Muggah, R. and I. Goldin
2019 How to survive and thrive in our age of uncertainty. World Economic Forum, 7 January. Имеется по адресу www.weforum.org/agenda/2019/01/how-to-survive-our-age-of-uncertainty-muggah-goldin/.

Muhumuza, R. and T. Odula
2020 Africa's essential truckers say they face virus stigma. *AP News*, 7 June. Имеется по адресу https://afro.com/africas-essential-truckers-say-they-face-virus-stigma/.

Narain, U.
2020 Air pollution: Locked down by COVID-19 but not arrested. World Bank, 2 July. Имеется по адресу www.worldbank.org/en/news/immersive-story/2020/07/01/air-pollution-locked-down-by-covid-19-but-not-arrested.

Natalegawa, M.
2020 *What Have We Learned From Covid-19's Impacts on Australia, India and Indonesia?* Comments made during webinar hosted by Perth USAsia Centre, 9 August 2020. Имеется по адресу https://perthusasia.edu.au/blog/what-have-we-learned-from-covid-19%E2%80%99s-impacts-on-au.

Nechifor, V., M.P. Ramos, E. Ferrari, J. Laichena, E. Kihiu, D. Omanyo, R. Musamali and B. Kiriga
2021 Food security and welfare changes under COVID-19 in sub-Saharan Africa: Impacts and responses in Kenya. *Global Food Security*, 28(100514). Имеется по адресу www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2211912421000249#.

Nedelcu, M.
2013 (Re)thinking Transnationalism and Integration in the Digital Era: A Shift Towards Cosmopolitanism in the Study of International Migrations. In: *Critical Mobilities* (O. Söderström, S. Randeria, D. Ruedin, G. D'Amato and F. Panese, eds.). PPUR and Routledge, Lausanne and New York, pp. 153–175. Имеется по адресу www.semanticscholar.org/paper/(Re)thinking-Transnationalism-and-Integration-in-A-Nedelcu/e5f9f9bcf75a46986d5822dd779b5f8ccba56914.

Newland, K., M. McAuliffe and C. Bauloz
2019 Recent developments in the global governance of migration: An update to the *World Migration Report 2018*, In: *World Migration Report 2020* (M. McAuliffe and B. Khadria (eds)) IOM: Geneva, pp. 342–375.

New York City Bar
2020 Opposition to the use of the COVID-19 pandemic to undermine asylum law and protections for unaccompanied children. Committee report, 8 July. Имеется по адресу www.nycbar.org/member-and-career-services/committees/reports-listing/reports/detail/using-covid-19-to-undermine-asylum-for-children.

Norheim, O.F., J.M. Abi-Rached, L.K. Bright, K. Bærøe, O.L.M. Ferraz, S. Gloppen and A. Voorhoeve
2020 Difficult trade-offs in response to COVID-19: The case for open and inclusive decision making. *Nature Medicine*, 27:10–13. Имеется по адресу www.nature.com/articles/s41591-020-01204-6.

Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ)
2020a Stranded migrants need safe and dignified return – UN Migrant Workers Committee. Press release, 1 October. Имеется по адресу https://reliefweb.int/report/world/stranded-migrants-need-safe-and-dignified-return-un-migrant-workers-committee.

2020b States should take action against COVID-19-related expressions of xenophobia, says UN expert. Press release, 23 March. Geneva. Имеется по адресу www.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25739&LangID=E.

Ombok, E.
2020 Kenya lawyers body pokes holes in airline's nationalization bill. *Bloomberg*, 16 September. Имеется по адресу www.bloomberg.com/news/articles/2020-09-16/kenya-lawyers-body-pokes-holes-in-airline-s-nationalization-bill.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)
2020 Managing international migration under COVID-19. Policy response, 10 June. Имеется по адресу www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/managing-international-migration-under-covid-19-6e914d57.

Organization of American States (OAS)
2020 Situation of Venezuelans who have returned and are trying to return to their country in the context of COVID-19. Office to Address the Crisis of Venezuelan Migrants and Refugees of the OAS General Secretariat. September. Имеется по адресу https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/OAS_Venezuelan-Returnees_ENG.pdf.

Ormaza-González, F. and D. Castro-Rodas
2020 COVID-19 impacts on beaches and coastal water pollution: Management proposals post-pandemic. *Preprints*, 2020060186. Имеется по адресу www.preprints.org/manuscript/202006.0186/v1.

Oucho, L.A.
2021 Impact of remittances in Kenya during the pandemic. COVID-19 Panel, World Migration and Displacement Symposium, May 11–13. Имеется по адресу http://worldmigrationsymposium.org/recap-day-3/.

Overseas Development Institute (ODI)
2020 Public narratives and attitudes towards refugees and other migrants. German country profile. London. Имеется по адресу https://cdn.odi.org/media/documents/12970.pdf.

Oxford Business Group
2020 COVID-19 and remittances: Why are Latin American transfers increasing? *Atalayar*, 29 August. Имеется по адресу https://atalayar.com/en/content/covid-19-and-remittances-why-are-latin-american-transfers-increasing.

Pacific Community Statistics for Development Division
2020 *COVID-19 Economic Impacts-Quarter 2, 2020*. Pacific Statistical/Economic Briefing. Nouméa, New Caledonia. Имеется по адресу https://spccfpstore1.blob.core.windows.net/digitallibrary-docs/files/4e/4e56b4e10d699d820eb8290b1ed75c6a.pdf?sv=2015-12-11&sr=b&sig=x66a0c8KIN8XO2uSKaSo6GEUoUEPOFxCamrFD%2BlHyb4%3D&se=2022-02-01T15%3A45%3A23Z&sp=r&rscc=public%2C%20max-age%3D864000%2C%20max-stale%3D86400&rsct=application%2Fpdf&rscd=inline%3B%20filename%3D%22Economic_Indicators_2Q2020_Summary_Analysis.pdf%22.

Panayotatos, D. and R. Schmidtke
2020 *Searching for Home: How COVID-19 Threatens Progress for Venezuelan Integration in Colombia*. Refugees International, Washington, D.C. Имеется по адресу www.refugeesinternational.org/reports/2020/5/21/searching-for-home-how-covid-19-threatens-progress-for-venezuelan-integration-in-colombia.

Pierce, S. and J. Bolter
2020 *Dismantling and Reconstructing the US Immigration System: A Catalog of Changes under the Trump Presidency*. Migration Policy Institute, Washington, D.C. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/MPI_US-Immigration-Trump-Presidency-Final.pdf.

Ponta, A.
2020 Human rights law in the time of the coronavirus. *ASIL Insights*, 24(5). Имеется по адресу www.asil.org/insights/volume/24/issue/5/human-rights-law-time-coronavirus.

Popp, K.
2020 Seasonal migration and COVID-19: Undercounted, undervalued and under protected [blog]. Migration Data Portal, 11 August. Имеется по адресу https://migrationdataportal.org/blog/seasonal-migration-and-covid-19-undercounted-undervalued-and-underprotected.

Privacy International
2020 Tracking the Global Response to COVID-19. Имеется по адресу https://privacyinternational.org/examples/tracking-global-response-covid-19.

Quintero, R. and T.F. Hodgson
2020 The right to health of Venezuelans in Colombia: From policy to practice (Part 2). *OpinioJuris*, 22 April. Имеется по адресу http://opiniojuris.org/2020/04/22/the-right-to-health-of-venezuelans-in-colombia-from-policy-to-practice-part-2/.

Ratha, D., S. De, E.J. Kim, G. Seshan, N.D. Yameogo and S. Plaza
2020 *COVID-19 Crisis* Through *a Migration Lens*. Migration and Development Brief 32, April 2020. KNOMAD, the World Bank Group, Washington, D.C. Имеется по адресу www.knomad.org/sites/default/files/2020-06/R8_Migration&Remittances_brief32.pdf.

Ratner, B.
2020 Sixty km queues as COVID turns Kenyan border crossing into lorry park. *Reuters*, 26 November. Имеется по адресу www.reuters.com/article/health-coronavirus-africa-trade/sixty-km-queues-as-covid-turns-kenyan-border-crossing-into-lorry-park-idUSL8N2IB3BB.

Ravenstein, E.G.
1885 The laws of migration. *Journal of the Statistical Society of London*, 48(2):167–235.

Rosen, E.
2020 Fiji's Laucala Island is offering a buyout package plus private flights on Fiji Airways – it'll just cost you $700,000. *Forbes*, 21 October. Имеется по адресу www.forbes.com/sites/ericrosen/2020/10/21/fijis-laucala-island-is-offering-a-buyout-package-plus-private-flights-on-fiji-airways--itll-just-cost-you-700000/?sh=2cf16e8b750d.

Rotunno, M.
2019 Venezuelans living in the streets find safety at new reception centre in Colombia. UNHCR UK, 15 April. Имеется по адресу www.unhcr.org/uk/news/stories/2019/4/5cb48f934/venezuelans-living-streets-find-safety-new-reception-centre-colombia.

Safuta, A. and K. Noack
2020 A pandemic, and then what? The effects of the coronavirus pandemic on migrant care workers in Germany. *Routed Magazine*, Issue 10, 20 June. Имеется по адресу www.routedmagazine.com/care-workers-germany.

Sanchez, G.
2018 Critical perspectives on clandestine migration facilitation: An overview of migrant smuggling research. *Journal on Migration and Human Security*, 5(1):9–27.

Sandin, L. and B. Topa
2020 Could the pandemic response be a starting point for a more engaged security strategy in the Northern Triangle? Center for Strategic and International Studies, Washington, D.C., 18 August. Имеется по адресу www.csis.org/analysis/could-pandemic-response-be-starting-point-more-engaged-security-strategy-northern-triangle.

Santos, D.
2020 How airports globally are responding to coronavirus [blog]. *Aislelabs*, 27 March. Имеется по адресу www.aislelabs.com/blog/2020/03/27/how-airports-globally-are-responding-to-coronavirus-updated-frequently/.

Scheyvens, R., A. Movono, D. Strickland, P. Bibi, A. Tasere, G. Hills, N. Rihai and F. Teama
2020 Development in a world of disorder: Tourism, COVID-19 and the adaptivity of South Pacific people. Working paper. Institute of Development Studies, Massey University. Имеется по адресу https://mro.massey.ac.nz/handle/10179/15742.

Schwab, K.
2016 The Fourth Industrial Revolution: What it means, how to respond. Agenda, World Economic Forum, 14 January. Имеется по адресу www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/.

Skeldon, R.
2018 *International Migration, Internal Migration, Mobility and Urbanization: Towards More Integrated Approaches*. Migration Research Series, No. 53. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/mrs_53.pdf.

Sorkar, M.N.I.
2020 COVID-19 pandemic profoundly affects Bangladeshi workers abroad with consequences for origin communities. 9 July. Migration Policy Institute, Migration Information Source, Washington, D.C. Имеется по адресу www.migrationpolicy.org/article/covid-19-pandemic-profoundly-affects-bangladeshi-workers-abroad-consequences-origin.

Sridhar, D.
2020 We will pay for our summer vacations with winter lockdowns. *New York Times*, 14 August. Имеется по адресу www.nytimes.com/2020/08/14/opinion/coronavirus-europe-vacation.html.

Steenhuysen, J.
2017 Seasonal flu kills more globally than previously thought: U.S. study, Reuters, 14 December. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-influenza-estimates-idUSKBN1E801T.

Stringer, K.
2004 Visa diplomacy. *Diplomacy and Statecraft*, 15(4):655–682. Имеется по адресу www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09592290490886775.

Taylor, A. and T. Mills
2020 'We should not be blaming people': New quarantine rules criticized by Australians living overseas. *Sydney Morning Herald*, 11 July. Имеется по адресу www.smh.com.au/national/we-should-not-be-blaming-people-new-quarantine-rules-criticised-by-australian-living-overseas-20200711-p55b5p.html.

Thepgumpanat, P.
2020 Thai lockdown sparks exodus of 60,000 migrant workers: ministry official. *Reuters*, 25 March. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-thailand-exodus-idUSKBN21C0ZI.

Tora, T.
2020 Two piglets for a kayak: Fiji returns to barter system as Covid-19 hits economy. *The Guardian*. 8 May. Имеется по адресу www.theguardian.com/world/2020/may/08/two-piglets-for-a-kayak-fiji-returns-to-barter-system-as-covid-19-hits-economy.

Tubei, G.
2020 Kenya closes down $12 million border post with Uganda as the reality of coronavirus pandemic slowly sinks in. *Pulse Live*, 23 March. Имеется по адресу www.pulselive.co.ke/bi/finance/no-kenyan-will-be-allowed-to-cross-over-to-uganda-via-busia-government/glr0yc7.

Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ)
2020 COVID-19: Dangers mount for migrant children forcibly returned to northern Central America and Mexico during pandemic. Press release, 21 May. New York. Имеется по адресу www.unicef.org/press-releases/covid-19-dangers-mount-migrant-children-forcibly-returned-northern-central-america.

Департамент по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН)
2019 *World Population Prospects*, New York. Имеется по адресу https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/.

2020 Unpaid care work in times of the COVID-19 crisis: Gendered impacts, emerging evidence and promising policy responses. Expert Group Meeting.

2021a International Migration 2020 Highlights. Имеется по адресу www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2020_international_migration_highlights.pdf.

2021b International Migrant Stock 2020. New York. Имеется по адресу www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock.

Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)
2009 *Human Development Report 2009*. New York. Имеется по адресу http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/269/hdr_2009_en_complete.pdf.

2020a Covid-19: An uncertain homecoming for Bangladeshi grant workers. Bangladesh, 19 July. Имеется по адресу www.bd.undp.org/content/bangladesh/en/home/stories/2020/covid-19--an-uncertain-homecoming-for-bangladeshi-migrant-worker.html.

2020b *Доклад о человеческом развитии 2020.* ПРООН. Нью-Йорк. Имеется по адресу: http://report.hdr.undp.org/.

Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО)

2021 Education: From Disruption to Recovery. Имеется по адресу https://en.unesco.org/covid19/educationresponse.

United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women (UN-Women)

2020 COVID-19 and ending violence against women and girls. Issue paper. Имеется по адресу www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2020/04/issue-brief-covid-19-and-ending-violence-against-women-and-girls.

Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП)

2019 We're gobbling up the Earth's resources at an unsustainable rate, 3 April, Media release, Имеется по адресу www.unep.org/news-and-stories/story/were-gobbling-earths-resources-unsustainable-rate.

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (ГА ООН)

1948 Всеобщая декларация прав человека 1948 года. 217 A (III). Имеется по адресу www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights.

1966 Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 года. Имеется по адресу www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/ccpr.aspx.

Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ)

2020a *Venezuela Situation*. Emergencies. Имеется по адресу www.unhcr.org/venezuela-emergency.html.

2020b Colombia Factsheet, January – December 2020. Имеется по адресу https://reporting.unhcr.org/sites/default/files/Colombia%20fact%20sheet%20Januay-December%202020.pdf.

2021a *UNHCR's Support to the Temporary Protection Status in Colombia*. Имеется по адресу https://reporting.unhcr.org/sites/default/files/UNHCR%20support%20to%20the%20Temporary%20Protection%20Status%20in%20Colombia.pdf.

2021b UNHCR chief calls on US to end COVID-19 asylum restrictions at the Mexico border. *UN News*, 20 May. Имеется по адресу https://news.un.org/en/story/2021/05/1092352.

n.d. Refugee Data Finder. Имеется по адресу www.unhcr.org/refugee-statistics/download/?url=E1ZxP4.

Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН)

2020 *How COVID-19 restrictions and the economic consequences are likely to impact migrant smuggling and cross-border trafficking in persons to Europe and North America*. Research brief. Vienna. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/data-and-analysis/covid/Covid-related-impact-on-SoM-TiP-web3.pdf.

United Nations Pacific
2020 Socio-economic impact assessment of covid-19 in Fiji. Имеется по адресу https://pacific.un.org/en/90425-socio-economic-impact-assessment-covid-19-fiji.

Программа Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС)
2020a COVID-19 impacting HIV testing in most countries. Feature story, 13 October. Имеется по адресу www.unaids.org/en/resources/presscentre/featurestories/2020/october/20201013_covid19-impacting-hiv-testing-in-most-countries.

2020b COVID-19's impact on HIV vertical transmission services reversed. Feature story, 27 October. Имеется по адресу www.unaids.org/en/resources/presscentre/featurestories/2020/october/20201027_covid19-impact-hiv-vertical-transmission.

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций (ГСООН)
2020 Secretary-General denounces 'tsunami' of xenophobia unleashed amid COVID-19, calling for all-out effort against hate speech. Press release, 8 May. Имеется по адресу www.un.org/press/en/2020/sgsm20076.doc.htm.

Статистическая комиссия Организации Объединенных Наций
2021 *Доклад о работе пятьдесят второй сессии Статистической комиссии* (1–3 и 5 марта 2021 года). Дополнение No 4. Экономический и Социальный Совет, Нью-Йорк. Имеется по адресу https://unstats.un.org/unsd/statcom/52nd-session/documents/2021-30-FinalReport-E.pdf.

Группа Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию (ГУР ООН)
2020 Education during COVID-19 and beyond. Policy brief. Имеется по адресу https://unsdg.un.org/resources/policy-brief-education-during-covid-19-and-beyond.

Всемирная туристская организация (ЮНВТО)
2021 *Impact Assessment of the COVID-19 Outbreak on International Tourism*. Madrid. Имеется по адресу www.unwto.org/impact-assessment-of-the-covid-19-outbreak-on-international-tourism.

U.S. Agency for International Development (USAID)
2020 Venezuela regional crisis – complex emergency. USAID Fact Sheet #1, December 16. Имеется по адресу www.usaid.gov/sites/default/files/documents/12.16.2020_-_USG_Venezuela_Regional_Crisis_Response_Fact_Sheet_1.pdf.

U.S. Citizenship and Immigration Services
2020 Inadmissibility on Public Charge Grounds Final Rule: Litigation. Public Charge. Имеется по адресу www.uscis.gov/green-card/green-card-processes-and-procedures/public-charge/inadmissibility-on-public-charge-grounds-final-rule-litigation.

U.S. Congress Joint Economic Committee
2020 Immigrants, the economy and the COVID-19 outbreak. Имеется по адресу www.jec.senate.gov/public/_cache/files/9e9c9042-6ff9-4f6c-8d65-fbe2625d2143/immigrants-the-economy-and-the-covid19-outbreak-final1.pdf.

U.S. Customs and Border Protection
2020 Notification of temporary travel restrictions applicable to land ports of entry and ferries service between the United States and Mexico. *Federal Register*, 22 July. Имеется по адресу www.federalregister.gov/documents/2020/07/22/2020-15954/notification-of-temporary-travel-restrictions-applicable-to-land-ports-of-entry-and-ferries-service.

U.S. Department of Homeland Security
2021 DHS statement on equal access to COVID-19 vaccines and vaccine distribution sites. Press release, 1 February. Имеется по адресу www.dhs.gov/news/2021/02/01/dhs-statement-equal-access-covid-19-vaccines-and-vaccine-distribution-sites.

U.S. Department of State
2020a Important announcement on H2 Visas. Press release, 26 March. Bureau of Consular Affairs. Имеется по адресу https://travel.state.gov/content/travel/en/News/visas-news/important-announcement-on-h2-visas.html.

2020b Update on visas for medical professionals. Press release, 8 April. Bureau of Consular Affairs. Имеется по адресу https://travel.state.gov/content/travel/en/News/visas-news/update-on-h-and-j-visas-for-medical-professionals.html.

U.S. Foreign Agricultural Services
2020 Germany Partially Re-opens Borders for Seasonal Agricultural Workers. Имеется по адресу: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=Germany%20Partially%20Re-opens%20Borders%20for%20Seasonal%20Agricultural%20Workers_Berlin_Germany_03-31-2020.

Van Praag, O. and C.J. Arnson
2020 A crisis within a crisis: Venezuela and COVID-19. Wilson Center, Latin American Program. Имеется по адресу https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/A%20Crisis%20Within%20a%20Crisis_Venezuela%20and%20COVID-19%20%281%29.pdf.

Waldron, D. and S. Ali
2021 Biden COVID-19 US visa restrictions prompt lawsuit. *Work Permit*, 14 April. Имеется по адресу https://workpermit.com/news/biden-covid-19-us-visa-restrictions-prompt-lawsuit-20210414.

Weiss, D., A. Bertozzi-Villa, S.F. Rumisha, S. Rumisha, P. Amratia, R. Arambepola, K.E. Battle, E. Cameron, E. Chestnutt, H.S. Gibson, J. Harris, S. Keddie, J.J. Millar, J. Rozier, T.L. Symons, C. Vargas-Ruiz, S.I. Hay, D.L. Smith, P.L. Alonso, A.M. Noor, S. Bhatt and P.W. Gething
2020 Indirect effects of the COVID-19 pandemic on malaria intervention coverage, morbidity, and mortality in Africa: A geospatial modelling analysis. *The Lancet Infectious Diseases*, 21(1):59–69. Имеется по адресу www.thelancet.com/journals/laninf/article/PIIS1473-3099(20)30700-3/fulltext.

Всемирный банк

2020a COVID-19 to plunge global economy into worst recession since World War II. Press release, 8 June. Washington, D.C. Имеется по адресу www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/06/08/covid-19-to-plunge-global-economy-into-worst-recession-since-world-war-ii.

2020b The World Bank in Kenya. Имеется по адресу www.worldbank.org/en/country/kenya/overview#3 (accessed March 2021).

2020c COVID-19: Remittance flows to shrink 14% by 2021. Press release, 29 October. Washington, D.C. Имеется по адресу www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/10/29/covid-19-remittance-flows-to-shrink-14-by-2021.

2021 Defying predictions, remittance flows remain strong during COVID-19 crisis. Press release, 12 May. Имеется по адресу www.worldbank.org/en/news/press-release/2021/05/12/defying-predictions-remittance-flows-remain-strong-during-covid-19-crisis.

n.d. GDP (Current US$). The World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files. Имеется по адресу https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)

2020a WHO Director-General's opening remarks at the media briefing on COVID-19. 11 March. Имеется по адресу www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020.

2020b *Coronavirus disease (COVID-19). Situation report 162*, 30 June. Имеется по адресу www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/20200630-covid-19-sitrep-162.pdf?sfvrsn=e00a5466_2.

2020c Fiji reaches COVID-19 milestone, but remains vigilant. Press release, 5 November. Имеется по адресу www.who.int/westernpacific/about/how-we-work/pacific-support/news/detail/05-11-2020-fiji-reaches-covid-19-milestone-but-remains-vigilant.

2021a *COVID-19 Weekly epidemiological update* – 9 March 2021. Имеется по адресу www.who.int/publications/m/item/weekly-epidemiological-update---10-march-2021.

2021b *Malaria, Fact Sheets*. Geneva. Имеется по адресу www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/malaria.

2021c The true death toll of COVID-19: Estimating global excess mortality. Geneva. Имеется по адресу www.who.int/data/stories/the-true-death-toll-of-covid-19-estimating-global-excess-mortality.

2021d Kenya receives COVID-19 vaccines and launches landmark national campaign. Press release, 6 March. Имеется по адресу www.afro.who.int/news/kenya-receives-covid-19-vaccines-and-launches-landmark-national-campaign.

n.d. WHO Coronavirus (COVID-19) Dashboard. Data Table. Имеется по адресу https://covid19.who.int/table.

ВОЗ, ООН, ЮНИСЕФ, ПРООН, ЮНЕСКО, ЮНЭЙДС, МСЭ, инициатива ООН «Глобальный пульс» и МФКК
2020 Managing the COVID-19 infodemic: Promoting healthy behaviours and mitigating the harm from misinformation and disinformation. Joint statement. News, 23 September. Имеется по адресу www.who.int/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation.

Worldometer
2021 Fiji Coronavirus Cases. Имеется по адресу www.worldometers.info/coronavirus/country/fiji/.

Young, H.
2020 Exploitative conditions: Germany to reform meat industry after spate of Covid-19 cases. *The Guardian*, 22 May. Имеется по адресу www.theguardian.com/environment/2020/may/22/exploitative-conditions-germany-to-reform-meat-industry-after-spate-of-covid-19-cases.

Zakaria, F.
2021 Opinion: Biden's generous immigration policies could turn out to backfire. *Washington Post*, 12 March. Имеется по адресу www.washingtonpost.com/opinions/biden-wants-to-reform-immigration-trumps-legacy-is-in-the-way/2021/03/11/ded049ac-82a9-11eb-81db-b02f0398f49a_story.html.

Zambrano-Barragán, P., S.R. Hernández, L.F. Freier, M. Luzes, R. Sobczyk, A. Rodríguez and C. Beach
2021 The impact of COVID-19 on Venezuelan migrants' access to health: A qualitative study in Colombian and Peruvian cities. *Journal of Migration and Health*, 3(100029). Имеется по адресу www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666623520300295.

Zijlstra, J. and I. van Liempt
2017 Smart(phone) travelling: understanding the use and impact of mobile technology on irregular migration journeys. *International Journal of Migration and Border Studies*, January. Имеется по адресу www.researchgate.net/publication/312015518_Smartphone_travelling_understanding_the_use_and_impact_of_mobile_technology_on_irregular_migration_journeys/download.

Zoom
2020 90-Day security plan progress report. *Zoom Blog*, 22 April. Имеется по адресу https://blog.zoom.us/90-day-security-plan-progress-report-april-22/.

Глава 6

Abdih, Y., R. Chami, J. Dagher and P. Montiel
2008 Remittances and institutions: Are remittances a curse? Working paper. International Monetary Fund. Имеется по адресу www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2008/wp0829.pdf.

Adhikari, P.
2013 Conflict-induced displacement, understanding the causes of flight. *American Journal of Political Science,* 57(1):82–89. Имеется по адресу www.jstor.org/stable/23496544.

Aksoy, C.G. and P. Poutvaara
2019 Refugees' and irregular migrants' self-selection into Europe: Who migrates where? CESifo Working Paper No. 7781. Имеется по адресу https://ssrn.com/abstract=3434837.

Avis, W.
2019 *Current Trends in Violent Conflict*. K4D Helpdesk Report 565. Institute of Development Studies, Brighton, United Kingdom. Имеется по адресу https://gsdrc.org/publications/current-trends-in-violent-conflict/.

Batu, M.
2019 Can remittances buy peace? *Economics of Transition and Institutional Change*, 27(4):891–913. Имеется по адресу https://doi.org/10.1111/ecot.12219.

Bensahel, N., O. Oliker and H. Peterson
2009 *Improving Capacity for Stabilization and Reconstruction Operations*. National Defense Research Institute, RAND Corporation. Имеется по адресу www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG852.pdf.

Brinkerhoff, J.M.
2011 Diasporas and conflict societies: Conflict entrepreneurs, competing interests or contributors to stability and development? *Conflict, Security & Development*, 11(02):115–143.

British Broadcasting Corporation (*BBC News*)
2019 From child refugee to president: Latvia's Vaira Vike-Freiberga. 4 August. Имеется по адресу www.bbc.com/news/world-europe-49119077.

Caparini, M. and A. Reagan
2019 Connecting the dots on the triple nexus. Stockholm International Peace Research Institute. Имеется по адресу www.sipri.org/commentary/topical-backgrounder/2019/connecting-dots-triple-nexus.

Carlson, E. and A.M. Gallagher
2018 Humanitarian protection for children fleeing gang-based violence in the Americas. *Journal on Migration and Human Security*, 3(2):129–158.

Carter, W.R.
2013 War, peace and stabilisation: Critically reconceptualising stability in southern Afghanistan. *Stability: International Journal of Security and Development*, 2(1). Имеется по адресу www.stabilityjournal.org/articles/10.5334/sta.bi/.

Castles, S.
2006 Global perspectives on forced migration. *Asian and Pacific Migration Journal*, 15(1):7–28. Имеется по адресу https://doi.org/10.1177/011719680601500102.

Clemens, M.
2017 Violence, development, and migration waves: Evidence from Central American child migrant apprehensions. Center for Global Development Working Paper No. 459. Имеется по адресу https://ssrn.com/abstract=3013379.

Collier, P. and A. Hoeffler
2005 Resource Rents, Governance, and Conflict. *Journal of Conflict Resolution*, 49(4):625–633. Имеется по адресу https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0022002705277551.

Collier, P., V.L. Elliott, H. Hegre, A. Hoeffler, M. Reynal-Querol and N. Sambanis
2003 *Breaking the Conflict Trap: Civil War and Development Policy*. The World Bank and Oxford University Press. Имеется по адресу https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/13938.

Cummings, C., J. Pacitto, D. Lauro and M. Foresti
2015 Why people move: Understanding the drivers and trends of migration to Europe. Overseas Development Institute. Имеется по адресу www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/10209.pdf.

Denney, L.
2013 Consulting the evidence: How conflict and violence can best be included in the post-2015 development agenda. Overseas Development Institute. Имеется по адресу https://odi.org/en/publications/consulting-the-evidence-how-conflict-and-violence-can-best-be-included-in-the-post-2015-development-agenda/.

de Haas, H.
2011 The determinants of international migration: Conceptualising policy, origin and destination effects. International Migration Institute. Имеется по адресу www.migrationinstitute.org/publications/wp-32-11.

Diehl, P.F.
2016 Thinking about peace: Negative terms versus positive outcomes. *Strategic Studies Quarterly*, 10(1):3–9. Имеется по адресу www.jstor.org/stable/26271085?refreqid=excelsior%3A9ba07d8bf002758ace619b395382e604&seq=1#metadata_info_tab_contents.

Dupuy, K. and S.A. Rustad
2018 Trends in armed conflict, 1946–2017. *Conflict Trends*, 5. Имеется по адресу www.prio.org/Publications/Publication/?x=11181.

Féron, E. and B. Lefort
2019 Diasporas and conflicts – understanding the nexus. *Diaspora Studies*, 12(1):34–51. Имеется по адресу https://doi.org/10.1080/09739572.2018.1538687.

Fonseca, L.M., J.P. Domingues and A.M. Dima
2020 Mapping the Sustainable Development Goals relationships. *Sustainability*, 12(8):3359. Имеется по адресу https://doi.org/10.3390/su12083359.

Freitas, A.
2012 Diaspora groups in peace processes: Lessons learned and potential for engagement by the EU (Africa briefing report). Observatoire de l'Afrique. Имеется по адресу www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/OA_Diaspora_Briefing_Report.pdf.

Fund for Peace
2021 *Fragile States Index (FSI) 2021*. Имеется по адресу https://fragilestatesindex.org/global-data/.

Galtung, J.
1969 Violence, peace, and peace research. *Journal of Peace Research*, 6(3):167–191.

Gatkuoth, G. and D. Leter
2020 Peacebuilding in South Sudan looks to refugees in Uganda. The Africa at LSE blog. Имеется по адресу https://blogs.lse.ac.uk/africaatlse/2020/02/25/peacebuilding-south-sudan-refugees-uganda-ngos/.

Geneva Declaration
2010 Division for Sustainable Development Goals, UN DESA. Имеется по адресу www.genevadeclaration.org/news/news-2010.html.

Goodhand, J.
2001 Violent conflict, poverty and chronic poverty. Working Paper No. 6, Chronic Poverty Research Centre, Manchester. Имеется по адресу https://gsdrc.org/document-library/violent-conflict-poverty-and-chronic-poverty/.

Grundy, S. and S. Zingg
2020 *Community Stabilization – An Approach for Facilitating Progress Towards Durable Solutions and Operationalizing the Humanitarian–Development–Peace Nexus: Lessons from Zimbabwe, Ethiopia and Somalia*. IOM Migration Research Series No. 66. Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/es/system/files/pdf/mrs-66.pdf.

Haider, H.
2014 Transnational transitional justice and reconciliation: The participation of conflict-generated diasporas in addressing the legacies of mass violence. *Journal of Refugee Studies*, 27(2):207–233. Имеется по адресу https://gsdrc.org/document-library/transnational-transitional-justice-and-reconciliation-the-participation-of-conflict-generated-diasporas-in-addressing-the-legacies-of-mass-violence/.

Hassan, G. and J.R. Faria
2015 Do remittances diminish social violence? *The Journal of Development Studies*, 51(10):1309–1325. Имеется по адресу https://doi.org/10.1080/00220388.2015.1036039.

Hayes, S., B.D. Lundy and M.C. Hallward
2016 Conflict-induced migration and the refugee crisis: Global and local perspectives from peacebuilding and development. *Journal of Peacebuilding & Development*, 11(3):1–7. Имеется по адресу https://doi.org/10.1080/15423166.2016.1239404.

Henley & Partners
2020 *Global Mobility Report 2020*. Имеется по адресу www.slideshare.net/Paperjam_redaction/global-mobility-report-2020-henley-partners.

Ho, K.M. and I. Dinov
2013 An empirical study on economic prosperity and peace. *UCLA Undergraduate Science Journal*, 26. Имеется по адресу www.socr.ucla.edu/docs/KaManHo_UCLA_USJ_paper_2013_text.pdf.

Höglund, K. and M.S. Kovacs
2010 Beyond the absence of war: The diversity of peace in post-settlement societies. *Review of International Studies*, 36(2):367–390.

Hong, P.
2015 Peace and stability as enablers for and outcome of development. UN DESA. Имеется по адресу https://ssrn.com/abstract=2584717 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2584717.

Hussein, K., D. Gnisci and J. Wanjiru
2014 *Security and Human Security: An Overview of Concepts and Initiatives – What Implications for West Africa?* Sahel and West Africa Club/OECD. Имеется по адресу www.oecd.org/swac/publications/38826090.pdf.

Igbuzor, O.
2011 Peace and security education: A critical factor for sustainable peace and national development. *International Journal of Peace and Development Studies*, 2(1):1–7.

Inter-Agency Standing Committee (IASC)
2010 *IASC Framework on Durable Solutions for Internally Displaced Persons*. The Brookings Institution and the University of Bern. Имеется по адресу https://interagencystandingcommittee.org/other/iasc-framework-durable-solutions-internally-displaced-persons.

Institute for Economics and Peace (IEP)
2018 *The Economic Value of Peace 2018: Measuring the Global Economic Impact of Violence and Conflict*. Sydney. Имеется по адресу https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Economic-Value-of-Peace-2018.pdf.

2020 *Global Peace Index (GPI) 2020: Measuring Peace in a Complex World*. Sydney. Имеется по адресу www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/10/GPI_2020_web.pdf.

Internal Displacement Monitoring Centre (IDMC)
2021 *Global Report on Internal Displacement 2021*. Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/global-report/grid2021/.

Международная организация труда (МОТ)
2021 *ILO Global Estimates on International Migrant Workers – Results and Methodology*. Имеется по адресу www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_652001/lang--en/index.htm.

Международная организация по миграции (МОМ)
2016 *Community Stabilization*. Имеется по адресу https://emergencymanual.iom.int/entry/19566/community-stabilization.

2019a *Glossary on Migration*. International Migration Law No. 34. Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/international-migration-law-ndeg34-glossary-migration.

2019b *IOM's Community Stabilisation Programming in Iraq*. Имеется по адресу https://iraq.iom.int/publications/ioms-community-stabilisation-programming-iraq.

2020 *As Boom Turns To Bust, Community Stabilization in Chad Helps Both Host Communities and Migrants*. Имеется по адресу www.iom.int/news/boom-turns-bust-community-stabilization-chad-helps-both-host-communities-and-migrants.

n.d.a Transition and Peacebuilding. Имеется по адресу www.iom.int/transition-and-peacebuilding.

n.d.b Stabilization and Recovery. Имеется по адресу www.iom.int/stabilization-and-recovery.

Interpeace
n.d. Connecting the dots: Visualizing the P in the Humanitarian – Development – Peace Nexus. Имеется по адресу www.interpeace.org/resource/visualizing-the-p-in-the-humanitarian-development-peace-nexus/.

Jayasuriya, D.
2014 Drivers of irregular and regular migration from Sri Lanka: Evidence from a large-scale survey. Irregular Migration Research Programme, Occasional Paper Series, Australian National University. Имеется по адресу www.homeaffairs.gov.au/research-and-stats/files/drivers-irregular-migration-srilanka.pdf.

Kett, M. and M. Rowson
2007 Drivers of violent conflict. *Journal of the Royal Society of Medicine*, 100(9):403–406. Имеется по адресу https://doi.org/10.1177/014107680710000912.

Kuhlmann, J.
2010 Political activism of the Zimbabwean diaspora: Opportunities for, and challenges to, transnational mobilization. Working Paper Series of the Graduate Centre Humanities and Social Sciences of the Research Academy Leipzig, No. 5. Имеется по адресу https://home.uni-leipzig.de/~gchuman/fileadmin/media/publikationen/Working_Paper_Series/RAL_WP_5_jenny_kuhlmann_web.pdf.

Leung, W., O. Maunganidze and L. Antara
2017 *Leveraging the Impact of Diasporas on Peace and Development in their Countries of Origin*. Stockholm Forum on Peace and Development. Имеется по адресу www.sipri.org/sites/default/files/2017-09/session_report_no_8.pdf.

Levitt, P.
1998 Social remittances: Migration-driven local-level forms of cultural diffusion. *International Migration Review*, 32(4):926–948. Имеется по адресу www.jstor.org/stable/2547666?seq=1#metadata_info_tab_contents.

Lukunka, B. and S. Grundy
2020 *Peacebuilding and Human Mobility: IOM's Role in Sustaining Peace*. IOM, Geneva. Имеется по адресу www.un.org/peacebuilding/sites/www.un.org.peacebuilding/files/iom_peacebuilding_thematic_paper_march_2020.pdf.

Martínez-Solimán, M.
2017 *Statement at the Rule of Law Annual Meeting: Strengthening the Rule of Law for Sustaining Peace and Fostering Development*. United Nations Development Programme, 14 July.

Mau, S., F. Gulzau, L. Laube and N. Zaun
2015 The global mobility divide: How visa policies have evolved over time. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 41(8):1192–1213.

McAuliffe, M., A. Kitimbo, A.M. Goossens and A.A. Ullah
2017 Understanding migration journeys from migrants' perspectives. In *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2018-chapter-7.

McAuliffe, M., A. Kitimbo and B. Khadria
2019 Reflections on migrants' contributions in an era of increasing disruption and disinformation. In *World Migration Report 2020* (M. McAuliffe and B. Khadria, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020.

McAuliffe, M. and K. Koser (eds.)
2017 *A Long Way to Go: Irregular Migration Patterns, Processes, Drivers and Decision-making*. ANU Press, Canberra.

Médecins Sans Frontières (MSF)
2017 *Forced to Flee Central America's Northern Triangle: A Neglected Humanitarian Crisis*. Имеется по адресу http://urbanspaces.msf.org/wp-content/uploads/2019/03/forced-to-flee-central-americas-northern-triangle_-a-neglected-humanitarian-crisis.pdf.

Nathan, L.
2010 The peacemaking effectiveness of regional organisations. Crisis States Working Papers Series No. 2, Crisis States Research Centre, London School of Economics. Имеется по адресу www.files.ethz.ch/isn/123449/WP81.2.pdf.

Neumayer, E.
2005 *Unequal Access to Foreign Spaces: How States Use Visa Restrictions to Regulate Mobility in a Globalised World*. Global Commission on International Migration. Имеется по адресу www.iom.int/jahia/webdav/site/myjahiasite/shared/shared/mainsite/policy_and_research/gcim/gmp/gmp43.pdf.

Newland, K., M. McAuliffe and C. Bauloz
2019 Recent developments in the global governance of migration: An update to the *World Migration Report 2018*. In: *World Migration Report 2020* (M. McAuliffe and B. Khadria, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020-chapter-11.

Nordien, J.
2017 *Diaspora Building Peace*. African Diaspora Policy Centre, The Hague. Имеется по адресу www.diaspora-centre.org/wp-content/uploads/2017/04/Diaspora-Building-Peace.pdf.

Obi, C.I.
2009 Economic Community of West African States on the ground: Comparing peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte D'Ivoire. *African Security*, 2(2–3):119–135.

Osman, A.M.S.
2008 The African diaspora as agents of peace on the continent. *Conflict Trends*, 4. Имеется по адресу https://journals.co.za/doi/pdf/10.10520/EJC16027.

Pedersen, F.S., L.R. Andersen, C. Bonnet and K. Welham
2019 *Stabilization Development Nexus*. Tana Copenhagen ApS. Имеется по адресу https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/stabilization-development-nexus_low.pdf.

Ponzio, R.
2018 *UN, World Bank Reports: Policy Breakthroughs on Sustaining Peace?* International Peace Institute. Имеется по адресу https://theglobalobservatory.org/2018/04/un-world-bank-reports-policy-breakthroughs-sustaining-peace/.

Recchi, E., E. Deutschmann, L. Gabrielli and N. Kholmatova
2020 Assessing visa costs on a global scale. EUI RSCAS, 2020/18, Migration Policy Centre, Global Mobilities Project. Имеется по адресу http://hdl.handle.net/1814/66583.

Regan, P.M. and R.W. Frank
2014 Migrant remittances and the onset of civil war. *Conflict Management and Peace Science*, 31(5):502–520. Имеется по адресу https://doi.org/10.1177/0738894213520369.

Schlein, L.
2019 UN: Afghan peace talks offer glimmer of hope. *Voice of America*, 21 March. Имеется по адресу www.voanews.com/south-central-asia/un-afghan-peace-talks-offer-glimmer-hope.

Schmeidl, S.
1997 Exploring the causes of forced migration: A pooled time-series analysis, 1971–1990. *Social Science Quarterly*, 78(2):284–308.

Schöfberger, I.
2020 Diaspora and development policies in the Economic Community of West African States. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/migration-west-and-north-africa-and-across-mediterranean-chapter-33.

Stewart, F., C. Huang and M. Wang
2011 *Internal Wars in Developing Countries: An Empirical Overview of Economic and Social Consequences* (F. Stewart, ed.). Oxford University Press, Oxford.

Strey, A., V. Fajth, T.M. Dubow and M. Siegel
2018 *Determinants of Migration Flows within the EU: Literature Review*. Maastricht University. Имеется по адресу www.reminder-project.eu/wp-content/uploads/2018/03/D-3.1-Submitted_28Feb2018_with-cover.pdf.

Szayna, T.S., A. O'Mahony, J. Kavanagh, S. Watts, B. Frederick, T.C. Norlen and P. Voorhies
2017 *Conflict Trends and Conflict Drivers: An Empirical Assessment of Historical Conflict Patterns and Future Conflict Projections*. RAND Corporation, Santa Monica. Имеется по адресу www.rand.org/pubs/research_reports/RR1063.html.

Toivanen, M. and B. Baser
2019 Diaspora's multiple roles in peace and conflict: A review of current debates. *Migration Letters*, 17(1):47–57. Имеется по адресу https://journals.tplondon.com/ml/article/view/753/788.

Triandafyllidou, A., L. Bartolini and C. Guidi
2019 *Exploring the links between enhancing regular pathways and discouraging irregular migration*. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/exploring-links-between-enhancing-regular-pathways-and-discouraging-irregular-migration-0.

Turner, M.
2008 Three discourses on diasporas and peacebuilding. In: *Whose Peace? Critical Perspectives on the Political Economy of Peacebuilding* (M.C. Pugh, N. Cooper and M. Turner, eds.). Palgrave Macmillan, London, pp. 132–190.

Организация Объединенных Наций (ООН)
2007 Promoting rule of law 'Very heart of the United Nations mission', says Deputy Secretary-General, in legal committee remarks. Press release. Department of Public Information. Имеется по адресу www.un.org/press/en/2007/dsgsm346.doc.htm.

2018 *Миростроительство и сохранение мира*. Доклад Генерального секретаря. Имеется по адресу www.un.org/peacebuilding/sites/www.un.org.peacebuilding/files/documents/sg_report_on_peacebuilding_and_sustaining_peace.as_issued.a-72-707-s-2018-43.e_1.pdf.

2019 Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 2018 года. Генеральная Ассамблея. Имеется по адресу www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/73/195.

2020 «Бушующий вирус наглядно демонстрирует безумство войны». Имеется по адресу www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/fury-virus-illustrates-folly-war.

n.d.a *Новая эра конфликтов и насилия*. Имеется по адресу www.un.org/en/un75/new-era-conflict-and-violence.

n.d.b *Поддержание международного мира и безопасности*. Имеется по адресу www.un.org/en/our-work/maintain-international-peace-and-security.

Департамент по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций (ДЭСВ ООН)
2021 *International Migration 2020 Highlights* (ST/ESA/SER.A/452). Population Division. Имеется по адресу www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2020_international_migration_highlights.pdf.

n.d. *Устойчивое развитие*. Имеется по адресу https://sdgs.un.org/goals/goal16.

Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ)
2018 Global Compact on Refugees. Geneva. Имеется по адресу www.unhcr.org/5c658aed4.pdf.

2021 *Global Trends in Forced Displacement – 2020*. Geneva. Имеется по адресу www.unhcr.org/afr/statistics/unhcrstats/60b638e37/global-trends-forced-displacement-2020.html.

Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС)
n.d. Background. Имеется по адресу www.un.org/ecosoc/en/More_about_ECOSOC_s_work_on_peace_and_development.

Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)
2020 *Latest Human Development Index Ranking*. New York. Имеется по адресу http://hdr.undp.org/en/content/latest-human-development-index-ranking.

Доклад Совета Безопасности Организации Объединенных Наций
2021 *UN Documents for Peacebuilding (including the PBC)*. Имеется по адресу www.securitycouncilreport.org/un-documents/peacebuilding-including-the-pbc/.

Uppsala Conflict Data Program (UCDP)
n.d. *UCDP Charts, Graphs and Maps*. Имеется по адресу https://ucdp.uu.se/downloads/charts/.

Vanore, M., N. Ragab and M. Siegel
2015 *Diaspora and peace: What role for development cooperation?* UNU-MERIT. Имеется по адресу https://migration.unu.edu/publications/reports/diaspora-and-peace-what-role-for-development-cooperation.html.

Wiebelhaus-Brahm, E.
2016 Exploring variation in diasporas' engagement with transitional justice processes. *Journal of Peacebuilding & Development*, 11(3):23–36. Имеется по адресу https://doi.org/10.1080/15423166.2016.1226933.

Всемирный банк
2018a *Fragile and Conflict-Affected Situations*. Имеется по адресу http://documents1.worldbank.org/curated/en/855631522172060313/pdf/124654-WP-PUBLIC-MaximizingImpactLowresFINAL.pdf.

2018b *Pathways for Peace: Inclusive Approaches to Preventing Violent Conflict*. Имеется по адресу https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/28337.

2020 *Нестабильность, конфликты и насилие. Октябрь*. Имеется по адресу www.worldbank.org/en/topic/fragilityconflictviolence/overview.

2021a *Resilience: COVID-19 Crisis Through a Migration Lens, Migration and Development Brief 34*. Имеется по адресу www.knomad.org/publication/migration-and-development-brief-34.

2021b *Бедность*. Имеется по адресу www.worldbank.org/en/topic/poverty/overview.

Zhou, Y.
2020 Citizens from rich countries are more likely to get US visas. *Quartz*, 11 June. Имеется по адресу https://qz.com/1814238/people-from-rich-countries-are-more-likely-to-get-us-visas/.

Глава 7

Abel, G.J.
2016 Estimates of global bilateral migration flows by gender between 1960 and 2015. Working paper 2/2016. Vienna Institute of Demography.

Abel, G.J. and N. Sander
2014 Quantifying global international migration flows. *Science*, 343(6178):1520–1522. Имеется по адресу https://science.sciencemag.org/content/343/6178/1520.

Akerman, S.
1976 Theories and methods of migration research. In: From Sweden to America: A History of the Migration (H. Norman and H. Runblom, eds.). University of Minnesota Press, Minneapolis, pp. 19–75.

Alarcón, R.
2011 U.S. immigration policy and the mobility of Mexicans (1882–2005). *Migraciones Internacionales*, 6(20):185–218. Имеется по адресу https://doi.org/10.17428/rmi.v6i20.1064.

ArchaeoGLOBE Project
2018 ArchaeoGLOBE Regions. Harvard Dataverse, V6. Имеется по адресу https://doi.org/10.7910/DVN/CQWUBI.

Australian Productivity Commission and New Zealand Productivity Commission
2012 Supplementary Paper D: People Movement. In: *Strengthening Trans-Tasman Economic Relations, Joint Study, Final Report*.

Ayeb-Karlsson, S.
2020 'When we were children we had dreams, then we came to Dhaka to survive': Urban stories connecting loss of wellbeing, displacement and (im)mobility. *Climate and Development*, 13(4): 348–359. Имеется по адресу www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17565529.2020.1777078.

Benček, D. and C. Schneiderheinze
2020 Higher economic growth in poor countries, lower migration flows to the OECD –revisiting the migration hump with panel data. Working Paper 2145. KIEL Institute for the World Economy.

Bhuyan, R., D. Jeyapal, J. Ku, I. Sakamoto and E. Chou
2015 Branding 'Canadian experience' in immigration policy: Nation building in a neoliberal era. *Journal of International Migration and Integration*, 18(1):47–62. Имеется по адресу https://link.springer.com/article/10.1007/s12134-015-0467-4.

Boyd, M.
1989 Family and personal networks in international migration: Recent developments and new agendas. *International Migration Review*, 23(3):638–670.

Carling, J.
2002 Migration in the age of involuntary immobility: Theoretical reflections and Cape Verdean experiences. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 28(1):5–42. Имеется по адресу https://doi.org/10.1080/13691830120103912.

2017 The Meaning of Migrants: What Is the Issue and Why Does it Matter? Имеется по адресу https://meaningofmigrants.org/.

Carling, J., M. Czaika and M.B. Erdal
2020 Translating migration theory into empirical propositions. Deliverable 1.2. QuantMig Project.

Castles, S., H. de Haas and M.J. Miller
2014 *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. Fifth edition. Palgrave Macmillan, London.

Clemens, M.A.
2014 Does development reduce migration? IZA Discussion Paper Series, 8592. Имеется по адресу www.iza.org/publications/dp/8592/does-development-reduce-migration.

2020 The emigration life cycle: How development shapes emigration from poor countries. Working Paper 540-August 2020. Center for Global Development.

Clemens, M.A. and M. Mendola
2020 Migration from developing countries: Selection, income elasticity, and Simpson's paradox. Working Paper 539-August 2020. Center for Global Development.

Clemens, M.A. and H.M. Postel
2018 Deterring emigration with foreign aid: An overview of evidence from low-income countries. *Population and Development Review*, 44(4):667–693. Имеется по адресу https://doi.org/10.1111/padr.12184.

Clemens, M.A. and L. Pritchett
2008 Income per natural: Measuring development for people rather than places. *Population and Development Review*, 34(3):395–434. Имеется по адресу https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2008.00230.x.

Czaika, M. and H. de Haas
2016 Evaluating migration policy effectiveness. In: *Routledge Handbook of Immigration and Refugee Studies* (A. Triandafyllidou, ed.). Routledge, London, pp. 34–40.

Czaika, M. and M. Hobolth
2016 Do restrictive asylum and visa policies increase irregular migration into Europe? *European Union Politics*, 17(3):345–365.

Czaika, M. and E. Neumayer
2017 Visa restriction and economic globalisation. *Applied Geography*, 84:75–82.

Dao, H.D., F. Docquier, C. Parsons and G. Peri
2018 Migration and development: Dissection the anatomy of the mobility transition. *Journal of Development Economics*, 132:88–101.

Davis, K.E. and M.B. Kruse
2007 Taking the measure of law: The case of the 'Doing Business' project. *Law & Social Inquiry*, 32(4):1095–1119. Имеется по адресу https://doi.org/10.1111/j.1747-4469.2007.00088.x.

Davis, K.E., A. Fisher, B. Kingsbury and S.E. Merry
2012 Governance by Indicators: Global Power Through Classification and Rankings. Oxford University Press, Oxford.

de Haas, H.
2005 International migration, remittances and development: Myths and facts. *Third World Quarterly*, 26(8):1243–1258.

2010 Migration transitions: A theoretical and empirical inquiry into the developmental drivers of international migration. Project paper 1. Determinants of International Migration (DEMIG) Project.

2011 The determinants of international migration: Conceptualising policy, origin and destination effects. Working Paper 32. DEMIG Project.

2020 Paradoxes of migration and development. In: *Routledge Handbook of Migration and Development. Routledge*, New York.

de Haas, H., K. Natter and S. Vezzoli
2016 Growing restrictiveness or changing selection? The nature and evolution of migration policies. *International Migration Review*, 52(2):324–367.

de Haas, H., M. Czaika, M.L. Flahaux, E. Mahendra, K. Natter, S. Vezzoli and M. Villares-Varela
2019 International migration: trends, determinants and policy effects. *Population and Development Review*, 45(4):885–992.

Economic Community of West African States (ECOWAS)
2021 History: Economic Community of West African States (ECOWAS). Имеется по адресу www.ecowas.int/about-ecowas/history/.

Esipova, N., A. Pugliese and J. Ray
2018 More than 750 million worldwide would migrate if they could. Gallup, 10 December. Имеется по адресу https://news.gallup.com/poll/245255/750-million-worldwide-migrate.aspx.

Environmental Systems Research Institute (ESRI)
2019 ArcGIS Pro version 2.4.0. Environmental Systems Research Institute, Inc., Redlands, California. Имеется по адресу www.esri.com/.

European Commission
2016 Final report summary - DEMIG, European Commission: Brussels. Имеется по адресу http://cordis.europa.eu/project/id/240940/reporting.

2020 Migration and Home Affairs: Schengen Area. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/borders-and-visas/schengen_en#.

European Community and Barbados
2009 Agreement between the European Community and Barbados on the short-stay visa waiver. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/world/agreements/prepareCreateTreatiesWorkspace/treatiesGeneralData.do?step=0&redirect=true&treatyId=7725.

European Union
2021 Treaties Office Database: Treaties currently in force. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/world/agreements/searchByType.do?id=1.

Fargues, P.
2011 Immigration without inclusion: Non-nationals in nation-building in the Gulf states. *Asian and Pacific Migration Journal*, 20(3–4):273–292. Имеется по адресу https://doi.org/10.1177%2F011719681102000302.

Gaibazzi, P.
2014 Visa problem: Certification, kinship, and the production of 'ineligibility' in the Gambia. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 20(1):38–55.

Gould, J.D.
1979 European inter-continental emigration 1815–1914: Patterns and causes. *Journal of European Economic History,* 8(3):593.

Правительство Российской Федерации и Правительство Республики Корея
2020 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о взаимной отмене визовых требований.

Helbling M. and D. Leblang
2018 Controlling immigration? How regulations affect migration flows. *European Journal of Political Research*, 58(1).

Henley & Partners
2021 Visa Restrictions Index 2021, Q2. In Henley Passport Index 2021: Q1 Update. Имеется по адресу www.henleyglobal.com/passport-index/ranking.

Ibañez, A.M. and C.E. Vélez
2008 Civil conflict and forced migration: The micro determinants and welfare losses of displacement in Colombia. *World Development*, 36(4):659–676. Имеется по адресу https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2007.04.013.

International Displacement Monitoring Centre (IDMC)
2020 Global Report on Internal Displacement 2020. Geneva.

Международная организация по миграции (МОМ)
2017 Миграция и мигранты: региональные аспекты и изменения. В: *Доклад о миграции в мире 2018* (под ред. М. Маколифф и М. Рухс). Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2018-chapter-3.

2019 Миграция и мигранты: региональные аспекты и изменения. В: *Доклад о миграции в мире 2020* (под ред. М. Маколифф и Б. Хадрия). Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020-chapter-3.

Jayasuriya, D.
2014 Drivers of irregular and regular migration from Sri Lanka: Evidence from a large-scale survey. Occasional Paper Series. Irregular Migration Research Programme. Australian Government, Department of Immigration and Border Protection.

Jayasuriya, D., M. McAuliffe and M. Iqbal
2016 The dynamic nature of migration aspirations: Findings from a longitudinal study of households in Sri Lanka. Occasional Paper Series 20. Australian Government, Department of Immigration and Border Protection.

Keogh, G.
2013 Modelling asylum migration pull-force factors in the EU-15. *The Economic and Social Review*, 44(3):371–399. Имеется по адресу www.esr.ie/article/view/77.

Khalaf, S. and S. Alkobaisi
1999 Migrants' strategies of coping and patterns of accommodation in the oil-rich Gulf societies: Evidence from the UAE. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 26(2):271–298. Имеется по адресу www.jstor.org/stable/195926.

Koser, K. and K. Kuschminder
2015 Key findings of comparative research on assisted voluntary return and reintegration of migrants. *Migration and Policy Practice*, 5(1):28–31. Available from https://publications.iom.int/books/migration-policy-practice-volume-v-number-1-february-march-2015.

Lahav, G.
1999 The role of non-state actors in the movement of people: Promoting travel and controlling migration in the European Union. Paper presented at European Union Studies Association Sixth Biennial Conference, Pittsburgh, 2–5 June. Имеется по адресу http://aei.pitt.edu/2317/.

Lee, E.S.
1966 A theory of migration. *Demography*, 3:47–57.

Lee, S.K.
2016 The three worlds of emigration policy: Towards a theory of sending state regimes. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 43(9):1453–1471. Имеется по адресу https://doi.org/10.1080/1369183X.2016.1237284.

Manik, S.
2014 South African migrant teachers' decision-making: Levels of influence and 'relative deprivation'. *Journal of Southern African Studies*, 40(1):151–165. Имеется по адресу https://doi.org/10.1080/03057070.2014.889360.

Maroufof, M.
2017 The role of social networks in Georgian migration to Greece. *European Journal of Migration and Law*, 19(1):34–56.

Martin, P.L. and J.E. Taylor
1996 The anatomy of a migration hump. In: *Development Strategy, Employment, and Migration: Insights from Models* (J.E. Taylor, ed.). OECD Development Centre, Paris, pp. 43–62.

Massey, D.S.
1990 Social structure, household strategies, and the cumulative causation of migration. *Population Index*, 56(1):3–26. Имеется по адресу www.jstor.org/stable/3644186?seq=1#page_scan_tab_contents.

Massey, D.S., R. Alarcón, J. Durand and H. González
1987 *Return to Aztlan: The Social Process of International Migration from Western Mexico*. University of California Press, Berkeley and Los Angeles.

Massey, D.S., J. Arango, G. Hugo, A. Kouaouci, A. Pellegrino and J.E. Taylor
2005 *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. Oxford University Press, Oxford.

Mau, S., F. Gülzau, L. Laube and N. Zaun
2015 The global mobility divide: How visa policies have evolved over time. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 41(8):1192–1213. Имеется по адресу https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1005007.

McAuliffe, M.
2017a Self-agency and asylum: a critical analysis of the migration patterns and processes of Hazara irregular maritime asylum seekers to Australia. Australian National University, Canberra. Avalailable at https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/164239/1/McAuliffe%20Thesis%202019.pdf.

2017b Protection elsewhere, resilience here: Introduction to the special issue on statelessness, irregularity and protection in southeast Asia. *Journal of Immigrant and Refugee Studies*, 15(3):221–231.

McAuliffe, M. and D. Jayasuriya
2016 Do asylum seekers and refugees choose destination countries? Evidence from large-scale surveys in Australia, Afghanistan, Bangladesh, Pakistan and Sri Lanka. *International Migration*, 54(4):44–59. Имеется по адресу https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/imig.12240.

McAuliffe, M., A. Kitimbo, A.M. Goossens and A.A. Ullah
2017 Understanding migration journeys from migrants' perspectives. In: *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу http://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en_chapter7.pdf.

Moran, A.
2011 Multiculturalism as nation-building in Australia: Inclusive national identity and the embrace of diversity. *Ethnic and Racial Studies,* 34(12):2153–2172. https://doi.org/10.1080/01419870.2011.573081.

Neumayer, E.
2010 Visa restrictions and bilateral travel. *The Professional Geographer*, 62(2):171–181.

Opanike, A. and A.A. Aduloju
2015 ECOWAS protocol on free movement and transborder security in West Africa. *Journal of Civil and Legal Services*, 4(3).

Portes, A. and J. Walton
1981 *Labor, Class, and the International System*. Academic Press, New York.

Premi, M.K. and M.D. Mathur
1995 Emigration dynamics: The Indian context. *International Migration*, 33(3–4):627–666. Имеется по адресу https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.1995.tb00036.x.

Ratha, D.
2013 The Impact of Remittances on Economic Growth and Poverty Reduction. Policy Brief 8. Migration Policy Institute.

Ravenstein, E.G.
1885 The laws of migration. *Journal of the Statistical Society of London*, 48(2):167–235. Имеется по адресу https://doi.org/10.2307/2979181.

1889 The laws of migration: Second paper. *Journal of the Royal Statistical Society*, 52(2):241–305. Имеется по адресу https://doi.org/10.2307/2979333.

Ruhs, M.
2013 The Price of Rights: Regulating International Labor Migration. Princeton University Press, Princeton.

Schengen Visa Info
2020 Имеется по адресу www.schengenvisainfo.com.

Sen, A.
1985 Commodities and Capabilities. North Holland, Amsterdam.

1999 Development as Freedom. Alfred Knopf, New York.

Sinclair, T. and M. Mamertino
2016 Online job search and migration intentions across EU member states. Working Papers 2016-5. Institute for International Economic Policy, The George Washington University. Имеется по адресу https://ideas.repec.org/p/gwi/wpaper/2018-3.html.

Stanton, E.A.
2007 The Human Development Index: A history. Working Paper Series 127. Political Economy Research Institute.

Stark, O. and D.E. Bloom
1985 The new economics of labor migration. *The American Economic Review*, 75(2):173–178. Имеется по адресу www.jstor.org/stable/1805591.

The Fund for Peace
2020 Fragile States Index 2020. The Fund for Peace, Washington, D.C. Имеется по адресу https://fragilestatesindex.org/data/.

Tjaden, J., D. Auer and F. Laczko
2018 Linking migration intentions with flows: Evidence and potential use. *International Migration*, 57(1):36–57. Имеется по адресу https://doi.org/10.1111/imig.12502.

Todaro, M.P.
1989 *Economic Development in the Third World.* Longman, New York.

Triandafyllidou, A., L. Bartolini and C.F. Guidi
2019 Exploring the Links Between Enhancing Regular Pathways and Discouraging Irregular Migration. IOM, Geneva.

Triandafyllidou, A. and M. McAuliffe (eds.)
2018 *Migrant Smuggling Data and Research: A Global Review of the Emerging Evidence Base* (Volume 2). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/migrant_smuggling_data_vol2_0.pdf.

Turton, D.
2003 Conceptualising forced migration. Working Paper 12. University of Oxford Refugee Studies Centre.

Ullah, A.A.
2011 Rohingya refugees to Bangladesh: Historical exclusions and contemporary marginalization. *Journal of Immigration & Refugee Studies*, 9(2):139–161.

Департамент по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций (ДЭСВ ООН)
2019 International Migrant Stock 2019. United Nations, New York. Имеется по адресу www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp.

2021 International Migrant Stock 2020. Имеется по адресу www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock.

Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)

2009 *Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие*. Нью-Йорк. Имеется по адресу http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2009.

2011 *Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей – Лучшее будущее для всех.* Нью-Йорк. Имеется по адресу http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2011.

2019 *Доклад о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке.* Нью-Йорк.

2020 *Доклад о человеческом развитии 2020: Следующий рубеж – Человеческое развитие и антропоцен.* Нью-Йорк. Имеется по адресу http://hdr.undp.org/en/2020-report.

Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ)

2020 *Global Trends: Forced Displacement in 2019*. Geneva. Имеется по адресу www.unhcr.org/globaltrends2019/.

Van Hear, N., O. Bakewell and K. Long

2012 Drivers of migration. Working Paper 1. Migrating out of Poverty Research Programme Consortium. Имеется по адресу https://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/handle/20.500.12413/14821.

Vermeulen, M.

2020 How I ended up in a scientific spat about migration figures and what I learned from it. *The Correspondent*, 14 October. Имеется по адресу https://thecorrespondent.com/747/how-i-ended-up-in-a-scientific-spat-about-migration-figures-and-what-i-learned-from-it/98789433039-1dadd2ed.

Wolff, H., H. Chong and M. Auffhammer

2011 Classification, detection and consequences of data error: Evidence from the Human Development Index. *The Economic Journal*, 121(553):843–870. Имеется по адресу https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2010.02408.x.

Всемирный банк

2020 Doing Business: Data Irregularities Statement. 27 August. Имеется по адресу www.worldbank.org/en/news/statement/2020/08/27/doing-business---data-irregularities-statement.

2021 GDP per capita, PPP (current international $). World Development Indicators database. Имеется по адресу https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/

Xiang, B.

2016 Emigration trends and policies in China. In: Spotlight on China. University of Calgary, Canada. Имеется по адресу https://brill.com/view/book/9789463006699/BP000016.xml.

Xiang, B. and J. Lindquist

2014 Migration infrastructure. *International Migration Review*, 48(1 suppl):122–148. Имеется по адресу https://doi.org/10.1111%2Fimre.12141.

Zelinsky, W.

1971 The hypothesis of the mobility transition. *Geographical Review*, 61(2):219–249. Имеется по адресу https://doi.org/10.2307/213996.

Глава 8

Alaphilippe, A., A. Gizikis, C. Hanot and K. Bontcheva
2019 *Automated Tackling of Disinformation*. European Parliamentary Research Services, Brussels. Имеется по адресу https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/2098c1b4-81bb-11e9-9f05-01aa75ed71a1.

Alesina, A., A. Miano and S. Stantcheva
2018 *Immigration and Redistribution.* National Bureau of Economic Research, Cambridge, Massachusetts. Имеется по адресу www.nber.org/papers/w24733.

Allen, W., S. Blinder and R. McNeil
2017 Media Reporting of Migrants and Migration. In: McAuliffe, M. and M. Ruhs (eds) *World Migration Report 2018*. IOM: Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en_chapter8.pdf.

Avaaz
2019 *Far Right Networks of Deception*. Avaaz, London. Имеется по адресу https://secure.avaaz.org/campaign/en/disinfo_network_report/.

Bakir, V. and A. McStay
2018 Fake news and the economy of emotions: Problems, causes, solutions. *Digital Journalism*, 6(2):154–175.

Banaji, S. and R. Bhat
2019 WhatsApp vigilantes: An exploration of citizen reception and circulation of WhatsApp misinformation linked to mob violence in India. London School of Economics. Имеется по адресу http://eprints.lse.ac.uk/104316/.

Benegal, S.D. and L.A. Scruggs
2018 Correcting misinformation about climate change: The impact of partisanship in an experimental setting. *Climatic Change*, 148(1–2):61–80.

Benkler, Y., R. Faris and H. Roberts
2018 *Network Propaganda: Manipulation, Disinformation, and Radicalization in American Politics*. Oxford University Press, New York.

Bontcheva, K., J. Posetti, D. Teyssou, T. Meyer, S. Gregory, C. Hanot and D. Maynard
2020 *Balancing Act: Countering Digital Disinformation While Respecting Freedom of Expression*. International Telecommunication Union, Geneva. Имеется по адресу https://en.unesco.org/publications/balanceact.

Carlson, M., L. Jakli and K. Linos
2018 Refugees misdirected: How information, misinformation, and rumors shape refugees' access to fundamental rights. *Virginia Journal of International Law*, 57(3):539–575.

Chadwick, A. and C. Vaccari
2019 *News Sharing on UK Social Media: Misinformation, Disinformation, and Correction*. Report. Loughborough University. Имеется по адресу https://hdl.handle.net/2134/37720.

Chakrabarti, S., C. Rooney and M. Kweon
2018 Duty, identity, credibility: Fake news and ordinary citizens in Kenya and Nigeria. *BBC*, 12 November. Имеется по адресу www.bbc.co.uk/mediacentre/latestnews/2018/bbc-beyond-fake-news-research.

Cook, J., S. Lewandowsky and U.K. Ecker
2017 Neutralizing misinformation through inoculation: Exposing misleading argumentation techniques reduces their influence. *PLOS ONE*, 12(5). Имеется по адресу https://doi.org/10.1371/journal.pone.0175799.

Crandall, C., J. Miller and M. White
2018 Changing norms following the 2016 U.S. presidential election: The Trump effect on prejudice. *Social Psychological and Personality Science*, 9(2):186–192.

Crawley, H. and J. Hagen-Zanker
2019 Deciding Where to go: Policies, People and Perceptions Shaping Destination Preferences, I*nternational Migration*, 57(1), 20–35. Имеется по адресу https://doi.org/10.1111/imig.12537

Creta, S.
2021 I hope, one day, I will have the right to speak. *Media, War & Conflict*, January. Имеется по адресу https://doi.org/10.1177/1750635221989566.

Culloty, E. and J. Suiter
2021 *Disinformation and Manipulation in Digital Media: Information Pathologies*. Routledge, London.

Davey, J. and J. Ebner
2017 *The Fringe Insurgency: Connectivity, Convergence and Mainstreaming of the Extreme Right*. Institute for Strategic Dialogue, London. Имеется по адресу www.isdglobal.org/isd-publications/the-fringe-insurgency-connectivity-convergence-and-mainstreaming-of-the-extreme-right/.

Deane, J, P.F. Docquir, W. Mano, T. Sabry and N. Sakr
2020 *Achieving Viability for Public Service Media in Challenging Settings. A Holistic Approach*. London: University of Westminster Press. DOI: 10.16997/book41.

De Keersmaecker, J., D. Dunning, G. Pennycook, D.G. Rand, C. Sanchez, C. Unkelbach and A. Roets
2020 Investigating the robustness of the illusory truth effect across individual differences in cognitive ability, need for cognitive closure, and cognitive style. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 46(2):204–215.

de Saint Laurent, C., V. Glaveanu and C. Chaudet
2020 Malevolent creativity and social media: Creating anti-immigration communities on Twitter. *Creativity Research Journal*, 32(1):66–80.

Edelman
2021 *2021 Edelman Trust Barometer.* Имеется по адресу www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer.

Ekman, M.
2019 Anti-immigration and racist discourse in social media. *European Journal of Communication*, 34(6):606–618.

European Commission
2018 *EU Code of Practice on Disinformation*. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=54454.

European Regulators Group for Audiovisual Media Services (ERGA)
2020 *ERGA Report on Disinformation: Assessment of the Implementation of the Code of Practice*. Имеется по адресу https://erga-online.eu/wp-content/uploads/2020/05/ERGA-2019-report-published-2020-LQ.pdf.

Evon, D.
2016 Fact check: Pope Francis shocks world, endorses Donald Trump for President. *Snopes*. Имеется по адресу www.snopes.com/fact-check/pope-francis-donald-trump-endorsement/.

Farkas, J., J. Schou and C. Neumayer
2017 Cloaked Facebook pages: Exploring fake Islamist propaganda in social media. *New Media & Society*, 20(5):1850–1867.

Feinstein, Y. and B. Bonikowski
2021 Nationalist narratives and anti-immigrant attitudes: Exceptionalism and collective victimhood in contemporary Israel. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 47(3):741–761.

Fidler, D.P.
2019 *Disinformation and Disease: Social Media and the Ebola Epidemic in the Democratic Republic of the Congo*. Council on Foreign Relations. Имеется по адресу www.cfr.org/blog/disinformation-and-disease-social-media-and-ebola-epidemic-democratic-republic-congo.

Froio, C. and B. Ganesh
2018 The transnationalisation of far right discourse on Twitter: Issues and actors that cross borders in Western European democracies. *European Societies*, 21(4):513–539. Имеется по адресу https://doi.org/10.1080/14616696.2018.1494295.

Funke, D. and D. Flamini
2020 *A Guide to Anti-Misinformation Actions Around the World*. The Poynter Institute, St. Petersburg, Florida. Имеется по адресу www.poynter.org/ifcn/anti-misinformation-actions/.

Ganesh, B.
2018 The ungovernability of digital hate culture. *Journal of International Affairs*, 71(2):30–49. Имеется по адресу https://jia.sipa.columbia.edu/ungovernability-digital-hate-culture.

Georgiou, M. and R. Zaborowski
2017 *Media Coverage of the "Refugee Crisis": A Cross-European Perspective*. Council of Europe. Имеется по адресу https://edoc.coe.int/en/refugees/7367-media-coverage-of-the-refugee-crisis-a-cross-european-perspective.html.

Gleicher, N.
2018 Coordinated inauthentic behavior explained. *Facebook*. Имеется по адресу https://about.fb.com/news/2018/12/inside-feed-coordinated-inauthentic-behavior/.

Global Disinformation Index (GDI)
2020 Why is ad tech paying US$25 million to COVID-19 disinfo sites? 8 July. Имеется по адресу https://disinformationindex.org/2020/07/why-is-ad-tech-paying-us25-million-to-covid-19-disinfo-sites/.

Grigorieff, A., C. Roth and D. Ubfal
2020 Does information change attitudes toward immigrants? N-IUSSP. Имеется по адресу www.niussp.org/article/does-information-change-attitudes-toward-immigrants/.

Guess, A.M., B. Nyhan and J. Reifler
2020 Exposure to untrustworthy websites in the 2016 US election. *Nature Human Behaviour* 4(5):472–480.

Hasher, L., D. Goldstein and T. Toppino
1977 Frequency and the conference of referential validity. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 16(1):107–112.

Hiers, W., T. Soehl and A. Wimmer
2017 National trauma and the fear of foreigners: How past geopolitical threat heightens anti-immigration sentiment today. *Social Forces*, 96(1):361–388. Имеется по адресу https://academic.oup.com/sf/article/96/1/361/3859295.

Hogan, J. and K. Haltinner
2015 Floods, invaders, and parasites: Immigration threat narratives and right-wing populism in the USA, UK and Australia. *Journal of Intercultural Studies*, 36(5):520–543.

Humprecht, E., F. Esser and P. Van Aelst
2020 Resilience to online disinformation: A framework for cross-national comparative research. *The International Journal of Press/Politics*. Имеется по адресу https://doi.org/10.1177/1940161219900126.

Hussein, E., P. Juneja and T. Mitra
2020 Measuring misinformation in video search platforms: An audit study on YouTube. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 4(CSCW1):1–27. Имеется по адресу https://dl.acm.org/doi/10.1145/3392854.

Institute for Economics and Peace
2020 *Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism*. Sydney. Имеется по адресу www.visionofhumanity.org/resources/.

Institute for Strategic Dialogue (ISD)
2019 ISD research featured in POLITICO about the trolling of the UN migration pact. London. Имеется по адресу www.isdglobal.org/isd-research-featured-in-politico-surrounding-the-trolling-of-the-un-migration-pact/.

Международная организация по миграции (МОМ)
2017 South American Journalism Award on Migration Launched by UN Migration Agency (media release), 24 October. Имеется по адресу www.iom.int/news/south-american-journalism-award-migration-launched-un-migration-agency.

2021 Global Migration Media Academy Seals Partnership with NUI Galway to Address Anti-Migrant Rhetoric (media release), 26 April. Имеется по адресу www.iom.int/news/global-migration-media-academy-seals-partnership-nui-galway-address-anti-migrant-rhetoric.

International Centre for Migration Policy Development (ICMPD)
2017 How does the media on both sides of the Mediterranean report on migration? Имеется по адресу https://ec.europa.eu/migrant-integration/librarydoc/how-does-the-media-on-both-sides-of-the-mediterranean-report-on-migration.

International Telecommunication Union (ITU)
2020 *Measuring Digital Development: Facts and Figures 2020*. Geneva. Имеется по адресу www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/facts/default.aspx.

Ker-Lindsay, J.
2018 Turkey's EU accession as a factor in the 2016 Brexit referendum. *Turkish Studies*, 19(1):1–22.

Lewandowsky, S., J. Cook and D. Lombardi
2020 *Debunking Handbook 2020*. Centre for Climate Change Communication, George Mason University, Virginia. Имеется по адресу www.climatechangecommunication.org/debunking-handbook-2020/.

Maniatis, G.A. and M. Zard
2020 The COVID-19 blame game threatens us all. Project Syndicate, 6 March. Имеется по адресу www.project-syndicate.org/commentary/coronavirus-nationalist-blame-game-by-gregory-a-maniatis-and-monette-zard-2020-03?barrier=accesspaylog.

Marwick, A. and R. Lewis
2017 Media manipulation and disinformation online. *Data & Society*, 15 May. Имеется по адресу https://datasociety.net/library/media-manipulation-and-disinfo-online/.

McAuliffe, M.
2016 The appification of migration. *Policy Forum*, Asia and the Pacific Policy Society, 20 January. Имеется по адресу www.policyforum.net/the-appification-of-migration/.

2018 The link between migration and technology is not what you think, *Agenda,* 14 December. World Economic Forum: Geneva. Имеется по адресу www.weforum.org/agenda/2018/12/social-media-is-casting-a-dark-shadow-over-migration/.

McAuliffe, M., A. Kitimbo and B. Khadria
2019 Reflections on Migrants' Contributions in an era of Increasing Disruption and Disinformation. In: *World Migration Report 2020* (M. McAuliffe and B. Khadria, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020_en_ch_5.pdf

McAweeney, E.
2018 Online manipulation of visual content for anti-immigrant propaganda. Witness Media Lab. Имеется по адресу https://lab.witness.org/projects/online-manipulation-of-visual-content-for-anti-immigrant-propaganda/.

McKaiser, E.
2019 South Africans are used to being the targets of racist hatred. Now they've become the haters. *Foreign Policy*, 19 September. Имеется по адресу https://foreignpolicy.com/2019/09/19/south-africans-are-used-to-being-the-targets-of-racist-hatred-now-theyve-become-the-haters-xenophobia-afrophobia/.

Morrish, L.
2020 Lessons on covering coronavirus misinformation from the fallout of 'Plandemic'. *First Draft News*, 21 May. Имеется по адресу https://firstdraftnews.org/latest/lessons-on-covering-coronavirus-misinformation-from-the-fallout-of-plandemic/.

Morrison, J.
2019 Re-framing free movement in the countdown to Brexit? Shifting UK press portrayals of EU migrants in the wake of the referendum. *The British Journal of Politics and International Relations*, 21(3):594–611.

Mossou, S. and A. Lane
2018 *Anti-Migrant Hate Speech*. Quaker Council for European Affairs, 28 June. Имеется по адресу www.qcea.org/2018/06/anti-migrant-hate-speech-report-published/.

Nyhan, B. and J. Reifler
2015 Does correcting myths about the flu vaccine work? An experimental evaluation of the effects of corrective information. *Vaccine*, 33(3):459–464.

Ousey, G.C. and C.E. Kubrin
2018 Immigration and crime: Assessing a contentious issue. *Annual Review of Criminology*, 1(1):63–84.

Pace, P., S. Zayed and E. Borgnäs
2020 Balancing migration narratives through programming and media reporting in North Africa. In: *Migration in West and North Africa and Across the Mediterranean: Trends, Risks, Development and Governance*. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/ch36-balancing-migration-narratives-through-programming.pdf.

Paschen, J.
2019 Investigating the emotional appeal of fake news using artificial intelligence and human contributions. *Journal of Product & Brand Management*, 29(2):223–233.

Pasquetto, I.
2020 All disinformation is local: A reflection on the need and possibility of measuring impact. *Harvard Kennedy School Misinformation Review*, 1(6). Имеется по адресу https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/do-we-really-need-to-measure-the-impact-of-online-disinformation/.

Pennycook, G. and D.G. Rand
2019 Lazy, not biased: Susceptibility to partisan fake news is better explained by lack of reasoning than by motivated reasoning. *Cognition*, 188:39–50.

Pennycook, G., J. McPhetres, Y. Zhang, J.G. Lu and D.G. Rand
2020 Fighting COVID-19 misinformation on social media: Experimental evidence for a scalable accuracy nudge intervention. Имеется по адресу https://psyarxiv.com/uhbk9/.

Philo, G., E. Briant and P. Donald
2013 *Bad News for Refugees*. Pluto Press, London.

Posetti, J. and K. Bontcheva
2020 *Disinfodemic: Dissecting Responses to COVID-19 Disinformation*. Policy brief #2, United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Имеется по адресу https://en.unesco.org/covid19/disinfodemic/brief2.

Reuters
2021 Fact check: No evidence Bill Gates said 'at least 3 billion people need to die'. Имеется по адресу www.reuters.com/article/uk-factcheck-bill-gates-fake-3-billion-q-idUSKBN29Y20D.

Roberts, S.T.
2019 *Behind the Screen: Content Moderation in the Shadows of Social Media*. Yale University Press, New Haven.

Roozenbeek, J., S. van der Linden and T. Nygren
2020 Prebunking interventions based on the psychological theory of "inoculation" can reduce susceptibility to misinformation across cultures. *Harvard Kennedy School Misinformation Review*, 3 February. Имеется по адресу https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/global-vaccination-badnews/.

Schiffrin, A.
2018 *In the Service of Power: Media Capture and the Threat to Democracy*. Center for International Media Assistance, National Endowment for Democracy, Washington D.C. Имеется по адресу https://cmds.ceu.edu/sites/cmcs.ceu.hu/files/attachment/article/1174/cima-media-capture-book-f.pdf.

Shane, T. and P. Noel
2020 Data deficits: Why we need to monitor the demand and supply of information in real time. *First Draft News*, 28 September. Имеется по адресу https://firstdraftnews.org/long-form-article/data-deficits/.

Shao, C., G.L. Ciampaglia, O. Varol, K-C. Yang, A. Flammini and F. Menczer
2018 The spread of low-credibility content by social bots. *Nature Communications*, 9(1).

Siapera, E., M. Boudourides, S. Lenis and J. Suiter
2018 Refugees and network publics on Twitter: Networked framing, affect, and capture. *Social Media + Society*, 4(1). Имеется по адресу https://doi.org/10.1177/2056305118764437.

Stecklow, S.
2018 Why Facebook is losing the war on hate speech in Myanmar. *Reuters*, 15 August. Имеется по адресу www.reuters.com/investigates/special-report/myanmar-facebook-hate/.

Swire-Thompson, B. and U.K. Ecker
2018 Misinformation and its correction: Cognitive mechanisms and recommendations for mass communication. In: *Misinformation and Mass Audiences* (B.G. Southwell, E.A. Thorson and L. Sheble, eds.). University of Texas Press, Austin, pp. 195–211.

Tankovska, H.
2021 How many users does Facebook have? Statista Research Department, 21 May. Имеется по адресу www.statista.com/statistics/264810/number-of-monthly-active-facebook-users-worldwide/.

Организация Объединенных Наций
2019 *Strategy and Plan of Action on Hate Speech.* United Nations Office on Genocide Prevention and the Responsibility to Protect. Имеется по адресу www.un.org/en/genocideprevention/hate-speech-strategy.shtml.

Совет по правам человека Организации Объединенных Наций (СПЧ ООН)
2017 *Доклад Специального докладчика по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости по итогам его поездки в Австралию.* A/HRC/35/41/Add.2. Имеется по адресу www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session35/Documents/A_HRC_35_41_Add_2_EN.docx.

Urquhart, M.
2021 *Migrants and Misinformation: Key Themes in Nigeria, Bangladesh and Malaysia.* IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/Migrants-and-Misinformation-Key-Themes.pdf.

Vammen, I.M.S., S. Plambech, A. Chemlali and N. Nyberg Sørensen
2021 *Does Information Save Migrants' Lives? Knowledge and Needs of West African Migrants En Route to Europe*. Danish Institute for International Studies. Имеется по адресу https://vbn.aau.dk/ws/portalfiles/portal/405403628/Does_information_save_migrants_lives_DIIS_Report_2021_01.pdf.

Vargo, C.J., L. Guo and M.A. Amazeen
2018 The agenda-setting power of fake news: A big data analysis of the online media landscape from 2014 to 2016. *New Media & Society*, 20(5):2028–2049.

Vraga, E.K. and L. Bode
2017 Using expert sources to correct health misinformation in social media. *Science Communication*, 39(5):621–645.

Walter, N. and R. Tukachinsky
2020 A meta-analytic examination of the continued influence of misinformation in the face of correction: How powerful is it, why does it happen, and how to stop it? *Communication Research*, 47(2):155–177.

Wardle, C.
2018 5 lessons for reporting in an age of disinformation. *First Draft News*, 27 December. Имеется по адресу https://firstdraftnews.org/latest/5-lessons-for-reporting-in-an-age-of-disinformation/.

Wardle, C. and H. Derakhshan
2017 *Information Disorder: Toward an Interdisciplinary Framework for Research and Policy Making*. Council of Europe, Strasbourg. Имеется по адресу https://rm.coe.int/information-disorder-toward-an-interdisciplinary-framework-for-researc/168076277c.

Wu, T.
2017 Blind spot: The attention economy and the law. *Antitrust Law Journal*, 82:771–806. Имеется по адресу https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/2029/.

Глава 9

3S Initiative
n.d. Sustainability, Stability, Security Initiative. Имеется по адресу https://3s-initiative.org/en/home/.

Adams, H.
2016 Why populations persist: Mobility, place attachment and climate change. *Population and Environment*, 37(4):429–448.

Afifi, T., R. Govil, P. Sakdapolrak and K. Warner
2012 *Climate Change, Vulnerability and Human Mobility. Perspectives of Refugees from the East and Horn of Africa*. United Nations University, Institute for Environment and Human Security, Bonn.

Akesson, B. and K. Coupland
2018 *Without Choice? Understanding War-affected Syrian Families' Decisions to Leave Home*. Migration Research Series No. 54. IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/mrs-no-54-without-choice-understanding-war-affected-syrian-families-decisions-leave-home.

Alam, S.S., S. Huq, F. Bin Islam and H.M. Asiful Hoque
2018 *Building Climate-Resilient, Migrant-Friendly Cities and Towns*. International Centre for Climate Change and Development, Dhaka. Имеется по адресу www.icccad.net/wp-content/uploads/2018/10/Policy-Brief-on-Climate-Migration-and-Cities.pdf.

Alliance of Small Island States (AOSIS)
2019 *Alliance of Small Island States (AOSIS) Submission on the 2019 Review of the WIM*. Имеется по адресу www4.unfccc.int/sites/SubmissionsStaging/Documents/201911270518---AOSIS%20submission%20on%20the%202019%20review%20of%20the%20WIM_27_November_2019.pdf.

Aurescu, B., Y. Cissé, P.G. Teles, N. Oral and J.J. Ruda Santolaria
2018 *Sea-level Rise in Relation to International Law*. Report of the International Law Commission (70th session) A/73/10. Имеется по адресу https://legal.un.org/ilc/reports/2018/english/annex_B.pdf.

Babagaliyeva, Z., A. Kayumov, N. Mahmadullozoda and N. Mustaeva
2017 *Migration, Remittances and Climate Resilience in Tajikistan*. Working paper, part I. Regional Environmental Centre for Central Asia (CAREC) in cooperation with the Ministry of Labour, Migration and Employment of Population of the Republic of Tajikistan. Имеется по адресу https://carececo.org/eng_P2%20WP1%20Migration,%20remittances_FIN.pdf.

Bell, A.R., D.J. Wrathall, V. Mueller, J. Chen, M. Oppenheimer, M. Hauer, H. Adams, S. Kulp, P.U. Clark and E. Fussell
2021 Migration towards Bangladesh coastlines projected to increase with sea-level rise through 2100. *Environment Research Letters,* 16(2). Имеется по адресу https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/abdc5b.

Bendandi, B.
2020 Migration induced by climate change and environmental degradation in the central Mediterranean route. In: *Migration in West and North Africa and Across the Mediterranean: Trends, Risks, Development and Governance*. IOM, Geneva. Имеется по адресу www.semanticscholar.org/paper/Migration-induced-by-climate-change-and-degradation-Bendandi/2bd3ab1f1c5a9000cf2d25d00234c248705a6fc6.

Bendandi, B. and P. Pauw
2016 Remittances for adaptation: An 'alternative source' of international climate finance? In: *Migration, Risk Management and Climate Change: Evidence and Policy Responses* (A. Milan, B. Schraven, K. Warner and N. Cascone, eds.). Springer Link. Имеется по адресу https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-42922-9_10.

Bettini, G., S.L. Nash and G. Gioli
2017 One step forward, two steps back? The fading contours of (in)justice in competing discourses on climate migration. *The Geographical Journal*, 183(4):348–358. Имеется по адресу https://rgs-ibg.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/geoj.12192.

Bower, E. and S. Weerasinghe
2021 *Leaving Place, Restoring Home: Enhancing the Evidence Base on Planned Relocation Cases in the Context of Hazards, Disasters and Climate Change*. Platform on Disaster Displacement, Sydney. Имеется по адресу https://disasterdisplacement.org/portfolio-item/leaving-place-restoring-home.

Brookings Institution, Georgetown University and United Nations High Commissioner for Refugees
2015 *Guidance on Protecting People from Disasters and Environmental Change Through Planned Relocation.* Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/sites/environmentalmigration/files/Guidance%20on%20Planned%20Relocations%20-%20Split%20PDF.pdf.

Brzoska, M. and C. Fröhlich
2016 Climate change, migration and violent conflict: Vulnerabilities, pathways and adaptation strategies. *Migration and Development*, 5(2):190–210.

Conferencia Suramericana sobre Migraciones (CSM)
2018 *Lineamientos regionales en materia de protección y asistencia a personas desplazadas a través de fronteras y migrantes en países afectados por desastres de origen natural*. Buenos Aires. Имеется по адресу https://disasterdisplacement.org/wp-content/uploads/2019/06/CSM-Lineamientos-regionales-personas-desplazadas-por-desastres_compressed.pdf.

Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО), Международный фонд сельскохозяйственного развития, Международная организация по миграции и Всемирная продовольственная программа
2018 *The Linkages between Migration, Agriculture, Food Security and Rural Development*. Rome. Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/sites/environmentalmigration/files/CA0922EN.pdf.

Flavell, A., A. Milan and S. Melde
2020 *Migration, Environment and Climate Change: Literature Review*. First report in the Migration, Environment and Climate series, on behalf of the German Environment Agency. Dessau-Rosslau. Имеется по адресу www.umweltbundesamt.de/sites/default/files/medien/1410/publikationen/2020-03-04_texte_42-2020_migration-literature-review_1.pdf.

Gemenne, F.
2011 Why the numbers don't add up: A review of estimates and predictions of people displaced by environmental changes. *Global Environmental Change*, 21(1):S41–S49. Имеется по адресу https://orbi.uliege.be/bitstream/2268/136972/1/11-1188-mr7-why-the-numbers-dont-add-up-estimates-of-people-displaced.pdf.

Gioli, G. and A. Milan
2018 Gender, migration and (global) environmental change. In: *Routledge Handbook of Environmental Displacement and Migration* (R. McLeman and F. Gemenne, eds.). Routledge International, London. Имеется по адресу www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781315638843-11/gender-migration-global-environmental-change-giovanna-gioli-andrea-milan.

Government of Bhutan
2019 *Submission by Bhutan on Behalf of the Least Developed Countries Group on the 2019 Review of the Warsaw International Mechanism for Loss and Damage*. Имеется по адресу www4.unfccc.int/sites/SubmissionsStaging/Documents/201911201255---LDC%20submission%20on%20the%202019%20review%20of%20the%20WIM.pdf.

Government of Finland and European Commission (EC)
2019 *Views on the Review of the Warsaw International Mechanism for Loss and Damage*. Submission by Finland and the European Commission on behalf of the European Union and its Member States. Helsinki. Имеется по адресу www4.unfccc.int/sites/SubmissionsStaging/Documents/201910161437---FI-10-16%20EU%20Submission%20WIM.pdf.

Government of Guatemala
2019 *Views on the Review of the Warsaw International Mechanism on the Basis of the Terms of Reference.* FCCC/SB/2019/L.3. Submission by Guatemala on behalf of the AILAC group of countries composed by Chile, Colombia, Costa Rica, Honduras, Guatemala, Panama, Paraguay and Peru. Имеется по адресу www4.unfccc.int/sites/SubmissionsStaging/Documents/201910181441---191015%20%20AILAC%20submission%20on%20LnD%20vf.pdf.

Government of New Zealand
2018 *Pacific Climate Change-related Displacement and Migration: A New Zealand Action Plan*. Office of the Minister of Foreign Affairs. Имеется по адресу https://apo.org.au/sites/default/files/resource-files/2018-05/apo-nid213946.pdf.

2019 Official Information Act. Office of the Minister of Foreign Affairs. Имеется по адресу www.mfat.govt.nz/assets/OIA/OIA-release-climate-change.pdf.

Government of Peru
2019 *Decreto Supremo que aprueba el Reglamento de la Ley No. 30754, Ley Marco sobre Cambio Climático, Sistema Nacional de Informacion Ambiental.* Decreto Supremo No. 013-2019-MINAM.

Government of the Philippines
2019 *Views on the Review of the Warsaw International Mechanism for Loss and Damage Associated with Climate Change Impacts, on the basis of the terms of reference*. Submission by the Philippines. Имеется по адресу www4.unfccc.int/sites/SubmissionsStaging/Documents/201911111610---Philippine%20Submission_Views%20on%20the%20Review%20of%20the%20WIM.pdf.

Government of Vanuatu
2018 *Vanuatu: National Policy on Climate Change and Disaster-Induced Displacement*. IOM Migration, Environment and Climate Change Division, Geneva. Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/vanuatu-national-policy-climate-change-and-disaster-induced-displacement-2018.

Guadagno, L.
2016 Human mobility in the Sendai framework for disaster risk reduction. *International Journal of Disaster Risk Science*, 7:30–40. Имеется по адресу https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s13753-016-0077-6.pdf.

Heslin, A.
2019 Climate migration and cultural preservation: The case of the Marshallese diaspora. In*: Loss and Damage from Climate Change: Concepts, Methods and Policy Options* (R. Mechler, L.M. Bouwer, T. Schinko, S. Surminski and J. Linnerooth-Bayer, eds.). Springer Open, London. Имеется по адресу https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-72026-5.pdf.

Heslin, A., N.D. Deckard, R. Oakes and A. Montero-Colbert
2019 Displacement and resettlement: Understanding the role of climate change in contemporary migration. In*: Loss and Damage from Climate Change: Concepts, Methods and Policy Options* (R. Mechler, L.M. Bouwer, T. Schinko, S. Surminski and J. Linnerooth-Bayer, eds.). Springer Open, London. Имеется по адресу https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-72026-5.pdf.

Hirsch, T.
2019 *Climate Finance for Addressing Loss and Damage. How to Mobilize Support for Developing Countries to Tackle Loss and Damage*. Brot für die Welt, Berlin. Имеется по адресу https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/ClimateFinance_LossDamage.pdf.

Intergovernmental Authority on Development (IGAD)
2020 *Communiqué of the Sectoral Ministerial Meeting on the Protocol on Free Movement of Persons in the IGAD Region*. Khartoum. Имеется по адресу https://igad.int/attachments/article/2373/Communique%20on%20Endorsement%20of%20the%20Protocol%20of%20Free%20Movement%20of%20Persons.pdf.

Internal Displacement Monitoring Centre (IDMC)
2018a *Synthesizing the State of Knowledge to Better Understand Displacement Related to Slow Onset Events*. WIM TFD I.2. Geneva. Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/sites/environmentalmigration/files/WIM%20TFD%20I.2%20Output.pdf.

2018b *No Matter of Choice: Displacement in a Changing Climate*. Thematic series. Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/sites/default/files/publications/documents/20181213-slow-onset-intro.pdf.

2019 *Disaster Displacement: A Global Review, 2008–2018*. Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/sites/default/files/publications/documents/201905-disaster-displacement-global-review-2008-2018.pdf.

2020 *Global Report on Internal Displacement*. Geneva. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/sites/default/files/publications/documents/2020-IDMC-GRID.pdf.

2021 Global Internal Displacement Database. Имеется по адресу www.internal-displacement.org/database/displacement-data.

Международная организация труда (МОТ)

n.d. Climate Change, Displacement and Labour Migration. Имеется по адресу www.ilo.org/global/topics/labour-migration/climate-change/green-jobs/lang--en/index.htm.

Международная организация по миграции (МОМ)

2015a *Ecosystem Services: Relation to Environmental Change and Impacts on Mobility*. Geneva. Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/ecosystem-services-relation-environmental-change-and-impacts-mobility.

2015b Remittances and potential for adaptation. MECC Division, Geneva. Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/remittances-and-potential-adaptation.

2017a UN migration agency tracks displacement in drought-affected Madagascar. Press release. Geneva, 9 June. Имеется по адресу www.iom.int/news/un-migration-agency-tracks-displacement-drought-affected-madagascar.

2017b *IOM MECC Info Sheet on Extreme Heat and Migration.* MECC Division, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/mecc_infosheet_heat_and_migration.pdf.

2017c *Making Mobility Work for Adaptation to Environmental Changes: Results from the MECLEP Global Research.* Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/meclep_comparative_report.pdf.

2017d *Effects of Climate Change on Human Mobility in the Pacific and Possible Impact on Canada.* Canberra. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/effects_of_climate_change_on_human_mobility.pdf.

2018a *Mapping Human Mobility and Climate Change in Relevant National Policies and Institutional Frameworks.* Geneva. Имеется по адресу https://unfccc.int/sites/default/files/resource/20180917%20WIM%20TFD%20I.1%20Output%20final.pdf.

2018b *Mapping Human Mobility (Migration, Displacement and Planned Relocation) and Climate Change in International Processes, Policies and Legal Frameworks.* Task Force on Displacement Activity II.2. Имеется по адресу https://unfccc.int/sites/default/files/resource/WIM%20TFD%20II.2%20Output.pdf.

2018c *Recommendations for Integrated Approaches to Avert, Minimize and Address Displacement Related to the Adverse Impacts of Climate Change.* Task Force on Displacement Stakeholder Meeting. MECC Division, Geneva. Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/policy/task-force-displacement-stakeholder-meeting-%E2%80%9Crecommendations-integrated-approaches-avert.

2019 *Glossary on Migration.* International Migration Law No. 34. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf.

2020a *Environmental Migration, Disaster Displacement, and Planned Relocation in West Africa.* Geneva. Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/sites/environmentalmigration/files/MECC%20West%20Africa%20Desk%20Review%20-%20FINAL%20May%202021.pdf.

2020b *Internal Displacement in the Context of the Slow-Onset Adverse Effects of Climate Change – Submission by the International Organization for Migration to the Special Rapporteur on the Human Rights of Internally Displaced Persons.* Geneva. Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/sites/environmentalmigration/files/IDP%20SR%20Report.pdf.

2020c *Guidance for Mainstreaming Environmental and Climate Considerations into Reintegration Programming.* MECC Division, Geneva. Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/guidance-mainstreaming-environmental-and-climate-considerations-reintegration-programming.

2020d *Internal Displacement in the Context of the Slow-Onset Adverse Effects of Climate Change.* MECC Division, Geneva. Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/internal-displacement-context-slow-onset-adverse-effects-climate-change-submission-international.

2020e Position by Human Rights Committee opens possibility for dignified migration in the context of climate change [blog]. Имеется по адресу https://weblog.iom.int/position-human-rights-committee-opens-possibility-dignified-migration-context-climate-change.

2021a *Policy Analysis on Migration, Environment and Climate Change: Kyrgyz Republic.* (forthcoming).

2021b *Policy Analysis on Migration, Environment and Climate Change: Tajikistan.* (forthcoming).

МОМ и Конвенция Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием (КБООН)

2019 *Addressing the Land Degradation–Migration Nexus: The Role of the United Nations Convention to Combat Desertification.* IOM, Geneva. Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/sites/environmentalmigration/files/IOM%20UNCCD%20Desertification%202019%20FINAL.pdf.

IOM, Georgetown University and United Nations High Commissioner for Refugees

2017 *A Toolbox: Planning Relocations to Protect People from Disasters and Environmental Change.* IOM, Geneva. Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/toolbox-planning-relocations-protect-people-disasters-and-environmental-change.

Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC)

2014 *Climate Change 2014 Impacts, Adaptation and Vulnerability Part A: Global and Sectoral Aspect. Contribution of Working Group II to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change* (C.B. Field, V.R. Barros, D.J. Dokken, K.J. Mach, M.D. Mastrandrea, T.E. Bilir, M. Chatterjee, K.L. Ebi, Y.O. Estrada, R.C. Genova, B. Girma, E.S. Kissel, A.N. Levy, S. MacCracken, P.R. Mastrandrea and L.L. White, eds.). Cambridge University Press, New York. Имеется по адресу www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/WGIIAR5-PartA_FINAL.pdf.

2018 Strengthening and implementing the global response. In: *Global Warming of 1.5°C. An IPCC Special Report on the impacts of global warming of 1.5°C above pre-industrial levels and related global greenhouse gas emission pathways, in the context of strengthening the global response to the threat of climate change, sustainable development, and efforts to eradicate poverty* (V. MassonDelmotte, P. Zhai, H.-O. Pörtner, D. Roberts, J. Skea, P.R. Shukla, A. Pirani, W. Moufouma-Okia, C. Péan, R. Pidcock, S. Connors, J.B.R. Matthews, Y. Chen, X. Zhou, M.I. Gomis, E. Lonnoy, T. Maycock, M. Tignor and T. Waterfield, eds.). World Meteorological Organization, Geneva. Имеется по адресу www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/05/SR15_Chapter4_Low_Res.pdf.

2021 Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change (V. Masson-Delmotte, P. Zhai, A. Pirani, S. L. Connors, C. Péan, S. Berger, N. Caud, Y. Chen, L. Goldfarb, M. I. Gomis, M. Huang, K. Leitzell, E. Lonnoy, J. B. R. Matthews, T. K. Maycock, T. Waterfield, O. Yelekçi, R. Yu and B. Zhou (eds.). Cambridge University Press. In Press. Имеется по адресу www.ipcc.ch/report/ar6/wg1/downloads/report/IPCC_AR6_WGI_Full_Report.pdf.

Ionesco, D., D. Mokhnacheva and F. Gemenne
2017 *The Atlas of Environmental Migration*. Routledge, London.

Ionesco, D. and A. Pawliczko
2014 Youth, environmental change and migration. In: *Migration and Youth: Challenges and Opportunities*. Produced on behalf of the Global Migration Group by the United Nations Children's Fund. Имеется по адресу www.globalmigrationgroup.org/system/files/20._Chapter_16.pdf.

Knowledge Partnership on Migration and Development (KNOMAD)
n.d. Environmental change and migration. Имеется по адресу www.knomad.org/thematic-working-group-single/9.

Laurent-Lucchetti, J., M. Couttenier, T. Vischel and X. Vollenweider
2019 Droughts, land degradation and migration. In: *Addressing the Land Degradation– Migration Nexus: The Role of the United Nations Convention to Combat Desertification*. IOM, Geneva.

Maertens, L. and A. Baillat
2017 The partial climatisation of migration, security and conflict. In: *Globalising the Climate* (S.C. Akkut, J. Foyer and E. Morena, eds.). Routledge, London, pp. 116–134.

Martin, S. and S. Weerasinghe
2017 Global migration governance: Existing architecture and recent developments. In: *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en_chapter5.pdf.

Mayer, B.
2016 Migration in the UNFCCC workstream on loss and damage: An assessment of alternative framings and conceivable responses. *Transnational Environmental Law*, 6(1):107–129. Имеется по адресу www.cambridge.org/core/journals/transnational-environmental-law/article/migration-in-the-unfccc-workstream-on-loss-and-damage-an-assessment-of-alternative-framings-and-conceivable-responses/28A086D00A922692C5E9F6CA504B9F05.

Marzeion, B. and A. Levermann
2014 Loss of cultural world heritage and currently inhabited places to sea-level rise. *Environmental Research Letters*, 9(3). Имеется по адресу https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/9/3/034001.

McAuliffe, M., A. Kitimbo, A.M. Goossens and A.A. Ullah
2017 Understanding migration journeys from migrants' perspectives. In *World Migration Report 2018* (M. McAuliffe and M. Ruhs, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en_chapter7.pdf.

McMichael, C., S. Dasgupta, S. Ayeb-Karlsson and I. Kelman
2020 A review of estimating population exposure to sea-level rise and the relevance for migration. *Environmental Research Letters*, 15(12). Имеется по адресу https://doi.org/10.1088/1748-9326/abb398.

Missirian, A. and W. Schlenker
2017 Asylum applications respond to temperature fluctuations. *Science*, 358(6370):1610–1614. Имеется по адресу https://science.sciencemag.org/content/358/6370/1610.

Multi-Partner Trust Fund Office (MPTF)
2020 Addressing drivers and facilitating safe, orderly and regular migration in the contexts of disasters and climate change in the IGAD region. Project factsheet. Имеется по адресу http://mptf.undp.org/factsheet/project/00126022.

Musah-Surugu, I.J., A. Ahenkan and J.N. Bawole
2018 Migrants' remittances. A complementary source of financing adaptation to climate change at the local level in Ghana. *International Journal of Climate Change Strategies and Management*, 10(1):178–196. Имеется по адресу https://pdfs.semanticscholar.org/0f29/e716084fe5abbcc7c8de8319db64b7b5014e.pdf?_ga=2.194023085.1483848069.1627166805-619835359.1624466919.

Nansen Initiative
2015a *Agenda for the Protection of Cross-Border Displaced Persons in the Context of Disasters and Climate Change*. Volume I. Имеется по адресу https://disasterdisplacement.org/wp-content/uploads/2014/08/EN_Protection_Agenda_Volume_I_-low_res.pdf.

2015b *Agenda for the Protection of Cross-Border Displaced Persons in the Context of Disasters and Climate Change*. Volume II. Имеется по адресу https://disasterdisplacement.org/wp-content/uploads/2014/08/EN_Protection_Agenda_Volume_II_-low_res.pdf.

Oakes, R., S. Banerjee and K. Warner
2020 Human mobility and adaptation to environmental change. In: *World Migration Report 2020* (M. McAuliffe and B. Khadria, eds.). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020_en_ch_9.pdf.

Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ)
2018 *The Slow Onset Effects of Climate Change and Human Rights Protection for Cross-Border Migrants*. IOM MECC Division, Geneva. Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/slow-onset-effects-climate-change-and-human-rights-protection-cross-border-migrants-0.

Parliament of Peru
2019 Ley No. 30754. Ley Marco Sobre Cambio Climatico. *El Peruano*.

Piguet, E., R. Kaenzig and J. Guelat
2018 The uneven geography of research on "environmental migration". *Population and Environment*, 39(2). Имеется по адресу https://doc.rero.ch/record/309320/files/Piguet_Etienne_-_The_eneven_geography_of_research_on_environmental_migration_20180528144718-BP.pdf.

Platform on Disaster Displacement (PDD)
2018 *The United Nations System's Mandates with Respect to Averting, Minimizing and Addressing Displacement Related to Climate Change: Considerations for the Future.* Task Force on Displacement, Activity II.3.

Refugees International
2012 Colombia: Two years under water [online video]. 27 March. Имеется по адресу www.youtube.com/watch?v=IUQCIN7E8Is.

Rigaud, K.K., A. de Sherbinin, B. Jones, J. Bergmann, V. Clement, K. Ober, J. Schewe, S. Adamo, B. McCusker, S. Heuser and A. Midgley
2018 *Groundswell: Preparing for Internal Climate Migration*. World Bank, Washington, D.C.

Robinson, C., B. Dilkina and J. Moreno-Cruz
2020 Modeling migration patterns in the USA under sea level rise. *PLOS ONE*, 15(1):e0227436. Имеется по адресу https://doi.org/10.1371/journal.pone.0227436.

Samuwai, J. and J. Maxwell Hills
2018 Assessing climate finance readiness in the Asia-Pacific region. *Sustainability*, 10(4). Имеется по адресу https://pdfs.semanticscholar.org/9c38/8a238297809f36fec35457333e232cd3a956.pdf?_ga=2.139117875.1483848069.1627166805-619835359.1624466919.

Šedová, B., L. Čizmaziová and A. Cook
2021 A meta-analysis of climate migration literature. Discussion paper No. 29. Center for Economic Policy Analysis, Potsdam. Имеется по адресу https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/49982/file/cepa29.pdf.

Schreiber, F., E. Dellas and L. Rüttinger
2016 Understanding fragile cities – the nexus between migration, climate change and urban fragility. Working paper. Climate Diplomacy, Berlin. Имеется по адресу https://climate-diplomacy.org/sites/default/files/2020-10/Working%20Paper_Understanding%20climate%20fragility.pdf.

Telford, A.
2018 A threat to climate-secure European futures? Exploring racial logics and climate-induced migration in US and EU climate security discourses. *Geoforum*, 96:268–277. Имеется по адресу www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0016718518302550.

Traore Chazalnoël, M. and D. Ionesco
2016 IOM Perspectives on Climate Change and Migration – 10 Key Takeaways from the COP24 Recommendations on Integrated Approaches to Address Displacement and Climate Change. IOM MECC Division, Geneva. Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/blogs/iom-perspectives-climate-change-and-migration.

2018a A moment of opportunity to define the global governance of environmental migration: Perspectives from the International Organization for Migration. In: *Routledge Handbook of Environmental Displacement and Migration* (R. McLeman and F. Gemenne, eds.). Routledge, London and New York.

2018b State-led, regional, consultative processes: Opportunities to develop legal frameworks on disaster displacement. In: *Climate Refugees: Beyond the Legal Impasse?* (S. Behrman and A. Kent, eds.). Routledge, Oxford and New York.

United Kingdom Government Office for Science

2011 *Migration and Global Environmental Change*. Final project report. London. Имеется по адресу https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/287717/11-1116-migration-and-global-environmental-change.pdf.

Конвенция Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием (КБООН)

2017a Решение ICCD/COP(13)/L.18. Будущие стратегические рамки Конвенции. Имеется по адресу www.unccd.int/sites/default/files/inline-files/ICCD_COP(13)_L.18-1716078E_0.pdf.

2017b Решение ICCD/COP(13)/L.25. Позитивная роль, которую могут играть принимаемые в рамках Конвенции меры в решении проблем опустынивания, деградации земель и засухи в качестве одного из факторов, приводящих к миграции. Имеется по адресу www.unccd.int/sites/default/files/sessions/documents/2017-09/ICCD_COP%2813%29_L.25-1716167E.pdf.

2019 Решение 22/COP14. Дальнейшие действия по укреплению позитивной роли, которую могут играть принимаемые в рамках Конвенции меры в решении проблем опустынивания, деградации земель и засухи в качестве одного из факторов, приводящих к миграции. Имеется по адресу www.unccd.int/sites/default/files/sessions/documents/2019-11/22-cop14.pdf.

United Nations Office for Disaster Risk Reduction (UNDRR)

2015 *The Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015–2030*. Имеется по адресу www.preventionweb.net/publication/sendai-framework-disaster-risk-reduction-2015-2030.

Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИКООН)

2010 Решение 1/CP.16 РКИКООН. Канкунские договоренности: Результаты работы специальной рабочей группы по долгосрочным мерам сотрудничества согласно Конвенции. FCCC/CP/2010/7/Add.1. Имеется по адресу https://unfccc.int/sites/default/files/resource/docs/2010/cop16/eng/07a01.pdf.

2013 Non-economic losses in the context of the work programme on loss and damage. Technical paper FCCC/TP/2013/2. Имеется по адресу https://unfccc.int/resource/docs/2013/tp/02.pdf.

2015 Принятие Парижского соглашения. Имеется по адресу https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/l09r01.pdf.

2019 Доклад Исполнительного комитета Варшавского международного механизма по потерям и ущербу в результате воздействий изменения климата. В: *Доклад Конференции Сторон о работе ее двадцать четвертой сессии, состоявшейся в Катовице 2–15 декабря 2018 года*. Часть вторая: Меры, принятые Конференцией Сторон на ее двадцать четвертой сессии. FCCC/CP/2018/10/Add.1 Имеется по адресу https://unfccc.int/sites/default/files/resource/10a1.pdf.

2020 *Online Guide on Loss and Damage*. Имеется по адресу https://unfccc.int/sites/default/files/resource/Online_Guide_feb_2020.pdf.

2021 *Доклад Исполнительного комитета Варшавского международного механизма по потерям и ущербу в результате воздействий изменения климата (за 2020 и 2021 годы)*. Имеется по адресу https://unfccc.int/documents/266453.

n.d.a Introduction to Loss and Damage. Имеется по адресу https://unfccc.int/topics/adaptation-and-resilience/the-big-picture/introduction-to-loss-and-damage.

n.d.b The Executive Committee of the Warsaw International Mechanism for Loss and Damage. Имеется по адресу https://unfccc.int/wim-excom.

n.d.c *Approaches to Address Loss and Damage Associated with Climate Change Impacts in Developing Countries*. Имеется по адресу https://unfccc.int/topics/adaptation-and-resilience/workstreams/approaches-to-address-loss-and-damage-associated-with-climate-change-impacts-in-developing-countries#eq-1.

n.d.d 2019 WIM Review Event. Имеется по адресу https://unfccc.int/process-and-meetings/bodies/constituted-bodies/executive-committee-of-the-warsaw-international-mechanism-for-loss-and-damage-wim-excom/workshops-meetings/2019-wim-review-event.

n.d.e Task Force on Displacement. Имеется по адресу https://unfccc.int/wim-excom/sub-groups/TFD.

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (ГА ООН)

2018 *Межправительственная конференция для принятия глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции Итоговый документ Конференции*. Имеется по адресу https://undocs.org/en/A/CONF.231/3.

2020 *Права человека внутренне перемещенных лиц. Доклад Специального докладчика по вопросу о правах человека внутренне перемещенных лиц Сесилии Хименес-Дамари*. Имеется по адресу www.undocs.org/A/75/207.

Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ)

2018 *Mapping of Existing International and Regional Guidance and Tools on Averting, Minimizing, Addressing and Facilitating Durable Solutions to Displacement Related to the Adverse Impacts of Climate Change*. WIM TFD II.4. Имеется по адресу https://environmentalmigration.iom.int/sites/environmentalmigration/files/WIM%20TFD%20II.4%20Output.pdf.

Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций

2020 *Иоане Тейтиотой против Новой Зеландии*. CCPR/C/127/D/2728/2016, 7 January. Имеется по адресу www.refworld.org/cases,HRC,5e26f7134.html.

Сеть Организации Объединенных Наций по вопросам миграции (СМООН)

n.d. International Migration Review Forum. Имеется по адресу https://migrationnetwork.un.org/international-migration-review-forum-2022.

United States White House Executive Order

2021 *Rebuilding and Enhancing Programs to Resettle Refugees and Planning for the Impact of Climate Change on Migration*. 4 February. Имеется по адресу www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/02/04/executive-order-on-rebuilding-and-enhancing-programs-to-resettle-refugees-and-planning-for-the-impact-of-climate-change-on-migration/.

Université de Neuchâtel
2018 CliMig Database on Migration, Climate Change and the Environment. Имеется по адресу www.unine.ch/geographie/climig_database.

Verchick, R.R.M.
2018 Can 'loss and damage' carry the load? *Philosophical Transactions of the Royal Society A*, 376. Имеется по адресу https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsta.2017.0070.

Villegas Rivera, F.E.
2014 *Impact of Mexico's 3 × 1 Program for Migrants and Collective Remittances*. Latin American Research Centre, University of Calgary. Имеется по адресу https://larc.ucalgary.ca/publications/impact-mexicos-3-x-1-program-migrants-and-collective-remittances.

Vinke, K., J. Bergmann, J. Blocher, H. Upadhyay and R. Hoffmann
2020 Migration as adaptation? *Migration Studies*, 8(4):626–634. Имеется по адресу https://academic.oup.com/migration/article/8/4/626/6039497?login=true.

Warner, K. and T. Afifi
2014 Where the rain falls: Evidence from 8 countries on how vulnerable households use migration to manage the risk of rainfall variability and food insecurity. *Climate and Development*, 6(1):1–17.

Глава 10

African Union and European Union (EU)

2006 *Ouagadougou Action Plan to Combat Trafficking in Human Beings, Especially Women and Children*. Adopted by the Ministerial Conference on Migration and Development, Tripoli, 22–23 November. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/anti-trafficking/sites/antitrafficking/files/ouagadougou_action_plan_to_combat_trafficking_en_1.pdf.

African Union, The Africa–EU Partnership

n.d. AU.COMMIT campaign: When the fight against trafficking becomes a priority for Africa. Success_Story webpage. Имеется по адресу https://africa-eu-partnership.org/en/success-stories/aucommit-campaign-when-fight-against-trafficking-becomes-priority-africa.

Bali Process on People Smuggling, Trafficking in Persons and Related Transnational Crime (Bali Process)

2016 *Bali Declaration on People Smuggling, Trafficking in Persons and Related Transnational Crime*. The Sixth Ministerial Conference of the Bali Process on People Smuggling, Trafficking in Persons and Related Transnational Crime, Bali, 23 March. Имеется по адресу www.baliprocess.net/UserFiles/baliprocess/File/Bali%20Declaration%20on%20People%20Smuggling%20Trafficking%20in%20Persons%20and%20Related%20Transnational%20Crime%202016%20(1).pdf.

2018 *Declaration of the Seventh Ministerial Conference of the Bali Process on People Smuggling, Trafficking in Persons and Related Transnational Crime (Bali Process)*. Bali, 7 August. Имеется по адресу www.baliprocess.net/UserFiles/baliprocess/File/BPMC%207%20Ministerial%20Declaration-Final.pdf.

Bali Process on People Smuggling, Trafficking in Persons and Related Transnational Crime (Bali Process) and United Nations Office on Drugs and Crimes (UNODC)

2021 *Corruption as a Facilitator of Smuggling of Migrants and Trafficking in Persons in the Bali Process Region with a Focus on Southeast Asia*. Имеется по адресу www.baliprocess.net/UserFiles/baliprocess/File/Corruption%20of%20SoM%20and%20TiP%20with%20focus%20on%20Southeast%20Asia_Mar2021.pdf.

Bateman, A. and L. Bonanni

2019 What supply chain transparency really means. *Harvard Business Review*, 20 August. Имеется по адресу https://hbr.org/2019/08/what-supply-chain-transparency-really-means.

Bauloz, C.

2017 *A Comparative Thematic Mapping of Global Migration Initiatives: Lessons Learned Towards a Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration*. Migration Research Leaders Syndicate in Support of the Global Compact for Migration, IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/global_compact_paper.pdf.

Blake, N., P. Grant and S. Nitz

2020 Human rights org sees 185% rise in human trafficking cases amid COVID-19 pandemic. *Abc7*, 17 December. Имеется по адресу https://abc7chicago.com/human-trafficking-rights-month-what-is-statistics/8846598/.

British Broadcasting Corporation (BBC News)
2017 Women trafficked to Glasgow for sham marriages. 10 May. Имеется по адресу www.bbc.com/news/uk-scotland-39855287.

Broad, R. and J. Muraszkiewicz
2020 The investigation and prosecution of traffickers: Challenges and opportunities. In: *The Palgrave International Handbook of Human Trafficking* (J. Winterdyk and J. Jones, eds.). Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 707–723.

Brunovskis, A. and M.-L. Skilbrei
2016 Two birds with one stone? Implications of conditional assistance in victim protection and prosecution of traffickers. *Anti-Trafficking Review*, 6:13–30. Имеется по адресу www.antitraffickingreview.org/index.php/atrjournal/article/view/167/155.

Brunovskis, A. and R. Surtees
2019 Identifying trafficked migrants and refugees along the Balkan route. Exploring the boundaries of exploitation, vulnerability and risk. *Crime, Law and Social Change*, 72:73–86.

Bryant, K. and T. Landman
2020 Combatting human trafficking since Palermo: What do we know about what works? *Journal of Human Trafficking*, 6(2):119–140.

Buckley, M., A. Zendel, J. Biggar, L. Frederiksen and J. Wells
2016 *Migrant Work & Employment in the Construction Sector*. ILO, Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---migrant/documents/publication/wcms_538487.pdf.

Council of Europe (CoE) Group of Experts on Action against Trafficking in Human Beings (GRETA)
2020 In time of emergency the rights and safety of trafficking victims must be respected and protected. Strasbourg, 2 April. Имеется по адресу https://rm.coe.int/greta-statement-covid19-en/16809e126a.

Counter Trafficking Data Collaborative (CTDC)
2020 *Global Dataset*. IOM, CTDC, Geneva. Имеется по адресу www.ctdatacollaborative.org/download-global-dataset (accessed 31 October 2020).

n.d.a Human trafficking and gender: Differences, similarities and trends. Webpage. Имеется по адресу www.ctdatacollaborative.org/story/human-trafficking-and-gender-differences-similarities-and-trends (accessed 1 April 2021).

n.d.b Type of border crossings victims of trafficking make. Webpage. Имеется по адресу www.ctdatacollaborative.org/story/victims-trafficking-road.

n.d.c Exploitation of victims: Trends and changes. Webpage. Имеется по адресу www.ctdatacollaborative.org/story/exploitation-victims-trends (accessed 1 April 2021).

n.d.d Industry sector: Hospitality. Webpage. Имеется по адресу www.ctdatacollaborative.org/story/industry-sector-hospitality (accessed 21 December 2020).

n.d.e Industry sector: Domestic work. Webpage. Имеется по адресу www.ctdatacollaborative.org/story/industry-sector-domestic-work (accessed 21 December 2020).

n.d.f Industry sector: Construction. Webpage. Имеется по адресу www.ctdatacollaborative.org/story/industry-sector-construction (accessed 21 December 2020).

n.d.g Industry sector: Agriculture. Webpage. Имеется по адресу www.ctdatacollaborative.org/story/industry-sector-agriculture (accessed 21 December 2020).

n.d.h Industry sector: Manufacturing. Webpage. Имеется по адресу www.ctdatacollaborative.org/story/industry-sector-manufacturing (accessed 21 December 2020).

n.d.i Victims from Africa. Webpage. Имеется по адресу www.ctdatacollaborative.org/story/victims-africa (accessed 21 December 2020).

Danailova-Trainor, G. and F. Laczko

2010 Trafficking in persons and development: Towards greater policy coherence. *International Migration*, 48(4):38–83.

Darnton, H. and P. Nestor

2019 Global tech companies, partners identify tools to fight human trafficking: A progress report on the Tech Against Trafficking Initiative. BSR Blog, 17 January. Имеется по адресу www.bsr.org/en/our-insights/blog-view/tech-companies-tools-to-fight-human-trafficking.

David, F.

2017 Building the infrastructure of anti-trafficking, Part II: Why measurement matters. *Anti-Trafficking Review*, 8:147–151. Имеется по адресу https://gaatw.org/ATR/AntiTraffickingReview_issue8.pdf.

Dottridge, M.

2017 Global trafficking prevalence data distorts efforts to stop patterns of human trafficking. *Anti-Trafficking Review*, 8:160–164. Имеется по адресу https://gaatw.org/ATR/AntiTraffickingReview_issue8.pdf.

Equilibrium – Centro para el Desarrolo Económico (CenDE)

2020a *Encuesta de Opinión a Población Migrante Venezolana. Perú: Junio 2020*. Equilibrium CenDE, 23 June. Имеется по адресу https://equilibriumcende.com/resultados-de-la-encuesta-de-opinion-a-poblacion-migrante-venezolana-en-peru-junio-2020/.

2020b *Encuesta de Opinión a Población Migrante Venezolana. Colombia: Junio 2020*. Equilibrium CenDE, 30 June. Имеется по адресу https://equilibriumcende.com/resultados-de-la-encuesta-de-opinion-a-poblacion-migrante-venezolana-en-colombia-junio-2020/.

Erikson, J. and O.L. Larsson

2020 How platforms facilitate collaboration across organizational boundaries: Fighting human trafficking in Sweden. *Policy Sciences*, 53:181–203. Имеется по адресу https://link.springer.com/article/10.1007/s11077-020-09371-6.

European Union (EU)
n.d. Czech Republic – 3. Implementation of Anti-Trafficking Policy. European Commission. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/anti-trafficking/member-states/czech-republic-3-implementation-anti-trafficking-policy_en.

European Union Agency for Law Enforcement Cooperation (Europol)
2017 *Serious and Organised Crime Threat Assessment: Crime in the Age of Technology*. Имеется по адресу www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-serious-and-organised-crime-threat-assessment-2017.

2020 *The Challenges of Countering Human Trafficking in the Digital Era*. Europol Operations Directorate, October. Имеется по адресу www.europol.europa.eu/publications-documents/challenges-of-countering-human-trafficking-in-digital-era.

Farrell, A., C. Owens and J. McDevitt
2014 New laws but few cases: Understanding the challenges to the investigation and prosecution of human trafficking cases. *Crime, Law and Social Change*, 61:139–168.

Farrell, A., C. Owens, J. McDevitt, M. Dank, R. Pfeffer, W. Adams and S. Fahy
2012 *Identifying Challenges to Improve the Investigation and Prosecution of State and Local Human Trafficking Cases.* Northeastern University, Institute on Race and Justice, and Urban Institute, Justice Policy Center. Submitted to the National Institute of Justice, April. Имеется по адресу www.urban.org/sites/default/files/publication/25526/412593-Identifying-Challenges-to-Improve-the-Investigation-and-Prosecution-of-State-and-Local-Human-Trafficking-Cases.PDF.

Feasley, A.
2015 Deploying disclosure laws to eliminate forced labour: Supply chain transparency efforts of Brazil and the United States of America. *Anti-Trafficking Review*, 5:30–49.

Feingold, D.A.
2017 Playing the numbers: The spurious promise of global trafficking statistics. *Anti-Trafficking Review*, 8:152–155. Имеется по адресу https://gaatw.org/ATR/AntiTraffickingReview_issue8.pdf.

Freier, L.F., S. Castillo Jara and M. Luzes
2020 The plight of migrants and refugees in the pandemic. *Current History*, 119(820):297–302. Имеется по адресу https://online.ucpress.edu/currenthistory/article/119/820/297/112159/The-Plight-of-Migrants-and-Refugees-in-the.

Gallagher, A.T.
2010 *The international law of human trafficking*. Cambridge University Press, Cambridge.

2017 What's wrong with the Global Slavery Index? *Anti-Trafficking Review*, 8:90–112. Имеется по адресу www.antitraffickingreview.org/index.php/atrjournal/article/view/228/216.

Giammarinaro, M.G.
2020 *COVID-19 Position Paper: The Impact and Consequences of the COVID-19 Pandemic on Trafficked Exploited Persons.* United Nations Office of the High Commissioner for Human Rights, Special Rapporteur on Trafficking in Persons, Especially Women and Children, 8 June. Имеется по адресу www.ohchr.org/Documents/Issues/Trafficking/COVID-19-Impact-trafficking.pdf.

Global Alliance Against Traffic in Women (GAATW)
2007 *Collateral Damage: The Impact of Anti-Trafficking Measures on Human Rights around the World*. Bangkok. Имеется по адресу www.iom.int/jahia/webdav/shared/shared/mainsite/microsites/IDM/workshops/ensuring_protection_070909/collateral_damage_gaatw_2007.pdf.

Government of Croatia
2013 The Aliens Act 130/2011, 74/2013. Official Gazette 130/11, 18 June. Unofficial translation Имеется по адресу https://ec.europa.eu/migrant-integration/librarydoc/the-foreigners-act-130/2011-74/2013.

Government of Finland
2004 Aliens Act. 301/2003, amendments up to 1163/2019 included. Имеется по адресу https://finlex.fi/en/laki/kaannokset/2004/en20040301.pdf.

Government of Lesotho
2011 Anti-Trafficking in Persons Act. *Government Gazette*, LVI(1), 11 January.

Government of Maldives
2013 Prevention of Human Trafficking Act, Law No. 12/2013. Unofficial translation Имеется по адресу www.ilo.org/dyn/natlex/docs/MONOGRAPH/106008/137131/F1205714061/MDV106008%20%20Eng.pdf.

Government of Montenegro
2018 Decree on Promulgation of the Foreign Nationals Law. 01-205/2, February. Имеется по адресу www.refworld.org/pdfid/5552f8384.pdf.

Grant, N., H. Cook and E. Galos
2018 Human trafficking. *Data Bulletin Series: Informing the Implementation of the Global Compact for Migration*. IOM, Global Migration Data Centre. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/gmdacbulletins.pdf.

Harkins, B.
2017 Constraints to a robust evidence base for anti-trafficking interventions. *Anti-Trafficking Review*, 8:113–130. Имеется по адресу https://gaatw.org/ATR/AntiTraffickingReview_issue8.pdf.

Institute for Human Rights and Business (IHRB)
2012 *Dhaka Principles for Migration with Dignity*. Имеется по адресу www.ihrb.org/dhaka-principles/downloads-translations.

Inter-Agency Coordination Group Against Trafficking in Persons (ICAT)
2012 *The International Legal Frameworks Concerning Trafficking in Persons*. Vienna. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/human-trafficking/ICAT/ICAT_Policy_Paper_1_The_International_Legal_Instruments.pdf.

2020 *Non-punishment of Victims of Trafficking*. Issue Brief 08/2020. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/human-trafficking/ICAT/19-10800_ICAT_Issue_Brief_8_Ebook.pdf.

International Centre for Migration Policy Development (ICMPD)

2015 *Targeting Vulnerabilities: The Impact of the Syrian War and Refugee Situation on Trafficking in Persons – A Study of Syria, Turkey, Lebanon, Jordan and Iraq*. Vienna. Имеется по адресу www.migration4development.org/sites/default/files/targeting_vulnerabilities_en_soft_.pdf.

Международная организация труда (МОТ)

1930 *Convention Concerning Forced or Compulsory Labour*. No. 29, 28 June. Entry into force: 1 May 1932. Имеется по адресу www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C029.

2013 *Caught at Sea: Forced Labour and Trafficking in Fisheries*. Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---declaration/documents/publication/wcms_214472.pdf.

2014 *Profits and Poverty: The Economics of Forced Labour*. Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---declaration/documents/publication/wcms_243391.pdf.

2015 The Fair Recruitment Initiative. Webpage. Имеется по адресу www.ilo.org/global/topics/labour-migration/projects/reframe/WCMS_320405/lang--en/index.htm.

2017 *Global Estimates of Modern Slavery: Forced Labour and Forced Marriage*. ILO, Walk Free Foundation and IOM, Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/documents/publication/wcms_575479.pdf.

2020a Dismantling the *kafala* system and introducing a minimum wage mark new era for Qatar labour market. Analysis, 30 August. Имеется по адресу www.ilo.org/beirut/projects/qatar-office/WCMS_754391/lang--en/index.htm.

2020b *A Global Comparative Study on Defining Recruitment Fees and Related Costs: Interregional Research on Law, Policy and Practice*. Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---migrant/documents/publication/wcms_761729.pdf.

2021a Revision of the Law on Contract-Based Vietnamese Overseas Workers 69/2020/QH14. Last updated 2 March. Имеется по адресу www.ilo.org/dyn/migpractice/migmain.showPractice?p_lang=en&p_practice_id=208 (accessed 7 April 2021).

2021b Ratification by Convention. ILO, Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12001:0::NO (accessed 7 July 2021).

n.d. Corporate Social Responsibility (CSR). Webpage, ILO. Имеется по адресу www.ilo.org/empent/Informationresources/WCMS_101253/lang--en/index.htm.

Международная организация труда (МОТ), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международная организация по миграции (МОМ) и Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ)

2019 *Ending Child Labour, Forced Labour and Human Trafficking in Global Supply Chains*. Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---ipec/documents/publication/wcms_716930.pdf.

International Maritime Organization (IMO)
2021 Status of Treaties. IMO, London. Имеется по адресу wwwcdn.imo.org/localresources/en/About/Conventions/StatusOfConventions/StatusOfTreatiesByCountry%20(2).pdf (accessed 7 July 2021).

Международная организация по миграции (МОМ)
2008 *Human Trafficking in Eastern Africa: Research Assessment and Baseline Information in Tanzania, Kenya, Uganda, and Burundi*. Geneva. Имеется по адресу http://kenya.iom.int/sites/default/files/Human_Trafficking_in_Eastern_Africa_1.pdf.

2019a *IOM Handbook on Protection and Assistance for Migrants Vulnerable to Violence, Exploitation and Abuse*. Geneva. Имеется по адресу www.iom.int/iom-handbook-migrant-protection-and-assistance.

2019b *Glossary on Migration*. International Migration Law No. 34. Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf.

2020 *Guidelines for Labour Recruiters on Ethical Recruitment, Decent Work and Access to Remedy for Migrant Domestic Workers*. IRIS, IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/guidance-for-labor-recruiters.pdf.

Interpol
2018 Americas: Hundreds of human trafficking victims rescued. News, 30 April. Имеется по адресу www.interpol.int/fr/Actualites-et-evenements/Actualites/2018/Americas-Hundreds-of-human-trafficking-victims-rescued.

2019 Human trafficking: Hundreds rescued in West Africa. News, 24 April. Имеется по адресу www.interpol.int/es/Noticias-y-acontecimientos/Noticias/2019/Human-trafficking-hundreds-rescued-in-West-Africa.

2020 Hundreds arrested in crackdown on terrorist routes in Southeast Asia. News, 22 April. Имеется по адресу www.interpol.int/en/News-and-Events/News/2020/Hundreds-arrested-in-crackdown-on-terrorist-routes-in-Southeast-Asia.

Kenway, E.
2021 *The Truth About Modern Slavery*. Pluto Press, London.

Kim, H.-W., T. Park, S. Quiring and D. Barrett
2018 The anti-human trafficking collaboration model and serving victims: Providers' perspectives on the impact and experience. *Journal of Evidence-Informed Social Work*, 15(2):186–203.

Kiss, L. and C. Zimmerman
2019 Human trafficking and labour exploitation: Toward identifying, implementing, and evaluating effective responses. *PLOS Medicine*, 16(1). Имеется по адресу https://journals.plos.org/plosmedicine/article?id=10.1371/journal.pmed.1002740.

Kontinentalist
2020 Abandoned at sea: The desperate journeys of Rohingya refugees. Kontinentalist and UNHCR, 8 December. Имеется по адресу https://kontinentalist.com/stories/the-rohingya-in-myanmar-a-refugee-crisis-at-sea.

Koser, K. and M. McAuliffe
2013 *Establishing an evidence base for future policy development on irregular migration to Australia*. Canberra: Department of Immigration and Citizenship.

Kotiswaran, P.
2019 Transnational criminal law in a globalised world: The case of trafficking. *UC Irvine Journal of International, Transnational and Comparative Law*. Symposium: Transnational Ordering of Criminal Justice, Vol. 4.

Lavietes, M.
2020 PayPal teams up with U.S. group to combat human trafficking. *Reuters*, 16 January. Имеется по адресу www.reuters.com/article/us-usa-trafficking-paypal-trfn/paypal-teams-up-with-us-group-to-combat-human-trafficking-idUSKBN1ZF2X1.

League of Nations (LoN)
1904 International Agreement for the Suppression of the White Slave Traffic. 1 LNTS 83, 4 May. Entry into force: 18 July 1905 (amended by a Protocol approved by the United Nations General Assembly on 3 December 1948, 30 UNTS 23).

1921 International Convention for the Suppression of Traffic in Women and Children. 9 LNTS 415, 30 September. Entry into force: 15 June 1922 (amended by a Protocol approved by the United Nations General Assembly on 20 October 1947, 53 UNTS 13).

1926 Convention to Suppress the Slave Trade and Slavery. 60 LNTS 253, 25 September. Entry into force: 9 March 1927.

1933 International Convention for the Suppression of the Traffic in Women of Full Age. 150 LNTS 431, 11 October. Entry into force: 24 August 1934 (amended by a Protocol approved by the United Nations General Assembly on 20 October 1947, 53 UNTS 13).

Lepp, A. and B. Gerasimov
2019 Gains and challenges in the global movement for sex workers' rights. *Anti-Trafficking Review*, 12:1–13. Имеется по адресу www.antitraffickingreview.org/index.php/atrjournal/article/view/373.

Liechtenstein Initiative
2019 *A Blueprint for Mobilizing Finance against Slavery and Trafficking. Final Report of the Liechtenstein Initiative's Financial Sector Commission on Modern Slavery and Human Trafficking*. September. Имеется по адресу www.fastinitiative.org/wp-content/uploads/Blueprint-DIGITAL-3.pdf.

Limoncelli, S.A.
2016 What in the world are anti-trafficking NGOs doing? Findings from a global study. *Journal of Human Trafficking*, 2(4):316–328.

Liu, G.
2017 National referral mechanisms for victims of human trafficking: Deficiencies and future development. In: *Migration Research Leaders Syndicate in Support of the Global Compact on Migration* (M. McAuliffe and M. Klein Solomon, conveners). IOM, Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/system/files/pdf/national_referral_mechanisms.pdf.

Marks, E. and A. Olsen
2015 The role of trade unions in reducing migrant workers' vulnerability to forced labour and human trafficking in the Greater Mekong Subregion. *Anti-Trafficking Review*, 5:111–128.

Marschke, M. and P. Vandergeest
2016 Slavery scandals: Unpacking labour challenges and policy responses within the off-shore fisheries sector. *Marine Policy*, 68:39–46.

McAdam, M.
2019 The international legal framework on human trafficking: Contemporary understandings and continuing confusions. In: *The SAGE Handbook of Human Trafficking and Modern Day Slavery* (J. Bryson Clark and S. Poucki, eds.). SAGE, London, pp. 18–37.

2020 *Lessons from COVID-19 in Responding to Trafficking in Persons in Times of Crisis, with a Particular Focus on Victim Assistance*. Policy Brief, IACAT, ASEAN-ACT.

2021 *Understanding the Smuggling of Migrants Protocol*. Regional Support Office, the Bali Process, and UNODC. Имеется по адресу www.baliprocess.net/UserFiles/baliprocess/File/SOM%20Protocol_Mar2021.pdf.

McAuliffe, M.
2016 Resolving policy conundrums: Humanitarian protection in Southeast Asia. Migration Policy Institute, Washington, D.C.

McAuliffe, M., A. Kitimbo, A.M. Goosens and A. A. Ullah
2017 Understanding migration journeys from migrant's perspectives, In: *World Migration Report 2018*. International Organization for Migration (IOM), Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2018-chapter-7.

Monzini, P.
2015 Exploitation of Nigerian and West African workers and forced labour in Italy: Main features and institutional responses. In: *Eurafrican Migration: Legal, Economic and Social Responses to Irregular Migration* (R. Colucello and S. Massey, eds.). Palgrave Macmillan, London, pp. 57–73.

National Survivor Network
2016 *National Survivor Network Members Survey: Impact of Criminal Arrest and Detention on Survivors of Human Trafficking*. August. Имеется по адресу https://nationalsurvivornetwork.org/wp-content/uploads/2017/12/VacateSurveyFinal.pdf.

Observatorio del Proyecto Migración Venezuela
2020 *Qué dicen los números sobre la trata de personas en contextos migratorios en Colombia?* Proyecto Migración Venezuela Semana, UNODC. Имеется по адресу https://s3.amazonaws.com/semanaruralvzla/documentos/1590177644_doc_trata_de_personas_1pdf.

Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE) and Tech Against Trafficking
2020 *Leveraging Innovation to Fight Trafficking in Human Beings: A Comprehensive Analysis of Technology Tools*. Vienna, May. Имеется по адресу www.osce.org/files/f/documents/9/6/455206_1.pdf.

Pandey, S., H.R. Tewari and P.K. Bhowmick
2018 Reintegration as an end of trafficking ordeal: A qualitative investigation of victims' perceptions. *International Journal of Criminal Justice Sciences*, 13(2):447–460.

Polaris
2020a COVID-19 may increase human trafficking in vulnerable communities. Polaris project blog, 7 April. Имеется по адресу https://polarisproject.org/blog/2020/04/covid-19-may-increase-human-trafficking-in-vulnerable-communities/.

2020b PayPal, Polaris join forces to fight human trafficking. Press release, 16 January. Имеется по адресу https://polarisproject.org/press-releases/paypal-polaris-join-forces-to-fight-human-trafficking/.

Police Executive Research Forum
2020 *How Local Police Can Combat the Global Problem of Human Trafficking: Collaboration, Training, Support for Victims, and Technology Are Keys to Success*. Critical Issues in Policing Series, August. Имеется по адресу www.policeforum.org/assets/CombatHumanTrafficking.pdf.

Rabasa, A., C.M. Schnaubelt, P. Chalk, D. Farah, G. Midgette and H.J. Shatz
2017 *Counternetwork: Countering the Expansion of Transnational Criminal Networks*. Rand Corporation, Santa Monica. Имеется по адресу www.rand.org/pubs/research_reports/RR1481.html.

Regional Platform for Interagency Coordination for Refugees and Migrants from Venezuela (R4V)
2020 *COVID-19 Fuels Vulnerabilities to Human Trafficking and Smuggling for Refugees and Migrants from Venezuela*. Имеется по адресу https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/76845.pdf.

Robinson, C., C. Branchini and C. Thame
2017 Global trafficking prevalence data advances the fight against trafficking in persons. *Anti-Trafficking Review*, 8:157–160. Имеется по адресу https://gaatw.org/ATR/AntiTraffickingReview_issue8.pdf.

Sanchez, G. and L. Achilli
2019 *Critical Insights on Irregular Migration Facilitation: Global Perspectives*. Migration Policy Centre, European University Institute, Firenze. Имеется по адресу https://cadmus.eui.eu/handle/1814/62384.

2020 *Stranded: The Impacts of COVID-19 on Irregular Migration and Migrant Smuggling*. Policy Brief, Issue 2020/20, Migration Policy Centre, European University Institute, Firenze, May. Имеется по адресу https://cadmus.eui.eu/handle/1814/67069.

Sawadogo, W.R.
2012 The challenges of transnational human trafficking in West Africa. *African Studies Quarterly*, 13(1&2):95–115.

Taylor, L.R.
2020 Letting go of the dream of traffickers behind bars: We can do better for exploited workers. *Anti-Trafficking Review*, 15:176–181. Имеется по адресу www.antitraffickingreview.org/index.php/atrjournal/article/view/498/398.

Teixeira, F.
2020 Brazil halts mobile group's anti-slavery operations due to coronavirus. *Thomson Reuters Foundation News*, 17 March. Имеется по адресу https://news.trust.org/item/20200317170106-u1tz8.

Tjaden, J.
2020 Assessing the impact of awareness-raising campaigns on potential migrants – what we have learned so far. In: *Migration in West and North Africa and across the Mediterranean: Trends, Risks, Development and Governance* (IOM, ed.). International Organization for Migration (IOM), Geneva, pp. 426–434. Имеется по адресу https://publications.iom.int/fr/system/files/pdf/ch37-assessing-the-impact-of-awareness-raising.pdf.

Triandafyllidou, A. and M. McAuliffe (eds.)
2018 *Migrant Smuggling Data and Research: A global review of the emerging evidence base*. Volume 2. International Organization for Migration (IOM), Geneva. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/migrant-smuggling-data-and-research-global-review-emerging-evidence-base-volume-2.

Организация Объединенных Наций
1949 Convention for the Suppression of the Traffic in Persons and of the Exploitation of the Prostitution of Others. 96 UNTS 271, 2 December. Entry into force: 25 July 1951. Имеется по адресу www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/trafficinpersons.aspx.

1956 Supplementary Convention on the Abolition of Slavery, the Slave Trade, and Institutions and Practices Similar to Slavery. 226 UNTS 3, 7 September. Entry into force: 30 April 1957. Имеется по адресу www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/supplementaryconventionabolitionofslavery.aspx.

2000a Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. 2225 UNTS 209, 15 ноября. Вступление в силу: 29 сентября 2003 года. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/Publications/TOC%20Convention/TOCebook-e.pdf.

2000b Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. 2241 UNTS 507, 15 ноября. Вступление в силу: 28 января 2004 года. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/Publications/TOC%20Convention/TOCebook-e.pdf.

Департамент по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций (ДЭСВ ООН)
2020 *International Migrant Stock 2020*. Population Division, New York. Имеется по адресу www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock.

Экономический и Социальный Совет Организации Объединенных Наций (ЭКОСОС ООН)
2002 *Рекомендуемые принципы и руководящие положения по вопросу о правах человека и торговле людьми. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека Экономическому и Социальному Совету.* 20 мая. E/2002/68/Add.1. Имеется по адресу https://undocs.org/E/2002/68/Add.1.

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (ГА ООН)
2010 *Доклад Специального докладчика по вопросу о торговле людьми, особенно женщинами и детьми*. 9 августа. A/65/288. Имеется по адресу https://undocs.org/A/65/288.

2011 *Доклад Специального докладчика по вопросу о торговле людьми, особенно женщинами и детьми.* 9 августа. A/66/283. Имеется по адресу www.ohchr.org/Documents/Issues/Trafficking/A-66-283.pdf.

2018 *Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции.* 19 декабря. A/RES/73/195. Имеется по адресу www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/73/195.

2020 *Доклад Специального докладчика по вопросу о торговле людьми, особенно женщинами и детьми, Марии Грации Джаммаринаро.* 17 июля. A/75/169. Имеется по адресу https://undocs.org/A/75/169.

United Nations Global Compact (UN Global Compact)

n.d. Explore our enhanced library. Webpage. Имеется по адресу www.unglobalcompact.org/library.

Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН)

2006 *Guidelines on International Protection No. 7: The Application of Article 1A(2) of the 1951 Convention and/or 1967 Protocol relating to the Status of Refugees to Victims of Trafficking and Persons at Risk of Being Trafficked.* 7 April. HCR/GIP/06/07. Имеется по адресу www.unhcr.org/publications/legal/443b626b2/guidelines-international-protection-7-application-article-1a2-1951-convention.html.

Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) и Международная организация по миграции (МОМ)

2021 UNHCR and IOM welcome Colombia's decision to regularize Venezuelan refugees and migrants. UNHCR–IOM joint press release, February. Имеется по адресу www.unhcr.org/news/press/2021/2/60214cf74/unhcr-iom-welcome-colombias-decision-regularize-venezuelan-refugees-migrants.html.

Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН), Международная организация по миграции (МОМ) и Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН)

2020 Joint statement by UNHCR, IOM and UNODC on protection at sea in the Bay of Bengal and Andaman Sea. Press releases, 6 May. Имеется по адресу www.unhcr.org/news/press/2020/5/5eb15b804/joint-statement-unhcr-iom-unodc-protection-sea-bay-bengal-andaman-sea.html.

Совет по правам человека Организации Объединенных Наций (СПЧ ООН)

2014 *Резюме проведенных консультаций по проекту основных принципов в отношении права жертв торговли людьми на эффективные средства правовой защиты Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека.* 2 мая. A/HRC/26/18. Имеется по адресу www.refworld.org/docid/539998e94.html.

2020 *Воздействие пандемии коронавирусной инфекции на современные формы рабства и сходную с рабством практику. Доклад Специального докладчика по вопросу о современных формах рабства, включая его причины и последствия.* 4 августа. A/HRC/45/8.

Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН)

2008a *An Introduction to Human Trafficking: Vulnerability, Impact and Action*. Background paper, UNODC and United Nations Global Initiative to Fight Human Trafficking, Vienna. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/human-trafficking/An_Introduction_to_Human_Trafficking_-_Background_Paper.pdf.

2008b *From Protection to Prosecution – A Strategic Approach: A Victim Centred Approach as a Key to Increasing the Effectiveness of Criminal Justice Responses to Human Trafficking*. Background paper, The Vienna Forum to Fight Human Trafficking, 13–15 February. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/human-trafficking/2008/BP007FromProtectionToProsecution.pdf.

2011 *The Role of Corruption in Trafficking in Persons*. Issue paper. Vienna. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/human-trafficking/2011/Issue_Paper_-_The_Role_of_Corruption_in_Trafficking_in_Persons.pdf.

2013 *Злоупотребление уязвимостью положения как одно из «средств» по смыслу определения торговли людьми.* Пояснительная записка. Вена. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/human-trafficking/2012/UNODC_2012_Guidance_Note_-_Abuse_of_a_Position_of_Vulnerability_E.pdf.

2014 *The Role of "Consent" in the Trafficking in Persons Protocol*. Issue paper. Vienna. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/human-trafficking/2014/UNODC_2014_Issue_Paper_Consent.pdf.

2015 *The Concept of "Exploitation" in the Trafficking in Persons Protocol*. Issue paper. Vienna. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/human-trafficking/2015/UNODC_IP_Exploitation_2015.pdf.

2016a *Monitoring Target 16.2 of the United Nations Sustainable Development Goals: A Multiple Systems Estimation of the Numbers of Presumed Human Trafficking Victims in the Netherlands in 2010–2015 by Year, Age, Gender, Form of Exploitation and Nationality*. Research Brief, UNODC & National Rapporteur on Trafficking in Human Beings and Sexual Violence against Children. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/research/UNODC-DNR_research_brief.pdf.

2016b *Global Report on Trafficking in Persons 2016*. Vienna. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/2016_Global_Report_on_Trafficking_in_Persons.pdf.

2017 *Evidential Issues in Trafficking in Persons Cases*. Vienna. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/human-trafficking/2017/Case_Digest_Evidential_Issues_in_Trafficking.pdf.

2018a *The International Legal Definition of Trafficking in Persons: Consolidation of Research Findings and Reflection on Issues Raised*. Issue paper. Vienna. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/human-trafficking/2018/Issue_Paper_International_Definition_TIP.pdf.

2018b *Global Report on Trafficking in Persons 2018*. Vienna. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/2018/GLOTiP_2018_BOOK_web_small.pdf.

2020a Impact of the COVID-19 pandemic on trafficking in persons. Preliminary findings and messaging based on rapid stocktaking. Thematic brief. Vienna. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/Advocacy-Section/HTMSS_Thematic_Brief_on_COVID-19.pdf.

2020b *Interlinkages between Trafficking in Persons and Marriage*. Issue paper. Vienna. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/human-trafficking/2020/UNODC_Interlinkages_Trafficking_in_Persons_and_Marriage.pdf.

2021 *Global Report on Trafficking in Persons 2020*. Vienna. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/data-and-analysis/tip/2021/GLOTiP_2020_15jan_web.pdf.

United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) and Southern African Development Community (SADC)
2017 *Trafficking in Persons in the SADC Region: A Statistical Report*. UNODC and SADC Anti-Trafficking in Persons Network. Имеется по адресу www.unodc.org/documents/southernafrica/Stories/EN_-_TIP_Statistical_Report.pdf.

Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ)
2011 Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека. Осуществление рамок Организации Объединенных Наций в отношении «защиты, соблюдения и средств правовой защиты». Женева. Имеется по адресу www.ohchr.org/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_EN.pdf.

2020 *The Importance of Implementing the Non-Punishment Provision: The Obligation to Protect Victims*. Имеется по адресу www.ohchr.org/Documents/Issues/Trafficking/Non-Punishment-Paper.pdf.

United Nations Treaty Collection (UNTC)
2021 United Nations Treaty Series Online, UN, New York. Имеется по адресу https://treaties.un.org.

Van Reisen, M. and M. Estefanos
2017 Human trafficking connecting to terrorism and organ trafficking: Libya and Egypt. In: *Human Trafficking and Trauma in the Digital Era: The Ongoing Tragedy of the Trade in Refugees from Eritrea* (M. Van Reisen, and M. Mawere, eds.). Langaa Research & Publishing CIG, Mankon, Bamena, Cameroon, pp. 159–192.

Winterdyk, J.
2018 Combating human trafficking at the local level: Better informing (inter)national action plans. *International Annals of Criminology*, 55(2).

Worsnop, C.Z.
2019 The disease outbreak–human trafficking connection: A missed opportunity. *Health Security*, 17(3):181–192.

Yea, S.
2017 The politics of evidence, data and research in anti-trafficking work. *Anti-Trafficking Review*, 8:1–13. Имеется по адресу https://gaatw.org/ATR/AntiTraffickingReview_issue8.pdf.

Zsombor, P.
2020 Thailand's Prime Minister orders crackdown on officials abetting human traffickers. *VOA News*, 29 December. Имеется по адресу www.voanews.com/east-asia-pacific/thailands-prime-minister-orders-crackdown-officials-abetting-human-traffickers.

Глава 11

Accenture
2018 *Artificial Intelligence, Genuine Impact*. Имеется по адресу www.accenture.com/us-en/insights/public-service/artificial-intelligence-genuine-impact.

Aggarwal, S.
2018 Dreading your visa application process? Here's how AI is reducing the drudgery. *Qrius,* 14 November. Имеется по адресу https://qrius.com/dreading-your-visa-application-process-heres-how-ai-has-made-it-easier/.

Al Hamar, J., J. Chamieh, H. Al-Mohannadi, M. Al Hamar, A. Al-Mutlaq and A.S. Musa
2018 Biometric of intent: A new approach identifying potential threat in highly secured facilities. Conference paper. Institute of Electrical and Electronics Engineers. Имеется по адресу https://doi.org/10.1109/W-FiCloud.2018.00037.

Angelov, P. and E. Soares
2020 Towards explainable deep neural networks (xDNN). *Neural Network*, 130:185–194.

Ashri, R.
2020 *The AI-Powered Workplace: How Artificial Intelligence, Data, and Messaging Platforms Are Defining the Future of Work*. Apress, New York City.

aus dem Moore, J.P., V. Chandran and J. Schubert
2018 *The Future of Jobs in the Middle East*. The World Government Summit and McKinsey and Company. Имеется по адресу www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/featured%20insights/middle%20east%20and%20africa/are%20middle%20east%20workers%20ready%20for%20the%20impact%20of%20automation/the-future-of-jobs-in-the-middle-east.ashx.

Australian National Audit Office (ANAO)
2008 *DIAC's Management of the Introduction of Biometric Technologies*. Department of Immigration and Citizenship, Australia.

2012 *Processing and Risk Assessing Incoming International Air Passengers*. Australian Customs and Protection Service, Australia.

Bansak, K., J. Ferwerda, J. Hainmueller, A. Dillon, D. Hangartner, D. Lawrence and J. Weinstein
2018 Improving refugee integration through data-driven algorithmic assignment. *Science*, 359(6373):325–329.

Baynes, C.
2019 Government "deported 7,000 foreign students after falsely accusing them of cheating in English language tests". *The Independent,* 14 June.

Beduschi, A.
2019 The big data of international migration: Opportunities and challenges for states under international human rights law. *Georgetown Journal of International Law*, 49(4).

2020a International migration management in the age of artificial intelligence. *Migration Studies*. Имеется по адресу https://doi.org/10.1093/migration/mnaa003.

2020b *Research Brief: Human Rights and the Governance of Artificial Intelligence*. Academy of International Humanitarian Law and Human Rights, Geneva. Имеется по адресу www.geneva-academy.ch/joomlatools-files/docman-files/Human%20Rights%20and%20the%20Governance%20of%20Artificial%20Intelligence.pdf.

Bhuyan, O.U.
2018 Smartcards issued to migrant workers remain unused. *New Age*, 10 August.

Bither, J. and A. Ziebarth
2020 *AI, Digital Identities, Biometrics, Blockchain: A Primer on the Use of Technology in Migration Management.* The German Marshall Fund of the United States. Имеется по адресу www.gmfus.org/publications/ai-digital-identities-biometrics-blockchain-primer-use-technology-migration-management.

Broeders, D. and H. Dijstelbloem
2016 The Datafication of Mobility and Migration Management. The Mediating State and its Consequences, in Irma Van der Ploeg and Jason Pridmore, J. (eds) *Digitizing Identity: Doing Identity in a Networked World*, Routledge: Oxon.

Buolamwini, J. and T. Gebru
2018 Gender shades: Intersectional accuracy disparities in commercial gender classification. *Proceedings of Machine Learning Research*, 81:1–15.

Burrell, J.
2016 How the machine 'thinks': Understanding opacity in machine learning algorithms. *Big Data and Society*. Имеется по адресу https://doi.org/10.1177/2053951715622512.

Calo, R.
2017 Artificial intelligence policy: A primer and roadmap. *University of California*, 51(399). Имеется по адресу https://lawreview.law.ucdavis.edu/issues/51/2/Symposium/51-2_Calo.pdf.

Campbell, Z.
2019 Swarms of drones, piloted by artificial intelligence, may soon patrol Europe's borders. *The Intercept,* 11 May. Имеется по адресу https://theintercept.com/2019/05/11/drones-artificial-intelligence-europe-roborder/.

Castles, S.
2004 Why migration policies fail. *Ethics and Racial Studies*, 27(2):205–227.

Chetail, V.
2008 Paradigm and paradox of the migration–development nexus: The new border for the North–South dialogue. *German Yearbook of International Law*, 52:183–215.

Chui, M., M. Harrysson, J. Manyika, R. Roberts, R. Chung, A. van Heteren and P. Nel
2018 *Applying Artificial Intelligence for Social Good.* McKinsey Global Institute, New York, December. Имеется по адресу www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Featured%20Insights/Artificial%20Intelligence/Applying%20artificial%20intelligence%20for%20social%20good/MGI-Applying-AI-for-social-good-Discussion-paper-Dec-2018.pdf.

Council of Europe (CoE)
1950 Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. 4 November. ETS No. 005 (entry into force: 3 September 1953).

Crawford, K., R. Dobbe, T. Dryer, G. Fried, B. Green, E. Kaziunas, A. Kak, V. Mathur, E. McElroy, A. Nill Sánchez, D. Raji, J.L. Rankin, R. Richardson, J. Schultz, S. Myers West and M. Whittaker
2019 *AI Now 2019 Report*. AI Now Institute, New York. Имеется по адресу https://ainowinstitute.org/AI_Now_2019_Report.pdf.

Creemers, N., D. Guagnin and B.-J. Koops
2015 *Profiling Technologies in Practice Applications and Impact on Fundamental Rights and Values*. Wolf Legal Publishers, Nijmegen, The Netherlands.

Currier, C.
2019 Lawyers and scholars to Lexisnexis, Thomson Reuters: Stop helping ICE deport people. *The Intercept*, 14 November. Имеется по адресу https://theintercept.com/2019/11/14/ice-lexisnexis-thomson-reuters-database/.

Danish Institute for Human Rights (DIHR)
2020 Human rights impact assessment guidance and toolbox, DIHR: Copenhagen. Имеется по адресу: www.humanrights.dk/tools/human-rights-impact-assessment-guidance-toolbox.

Darch, C., Y. Majikijela, R. Adams and S. Rule
2020 *AI, Biometrics and Securitisation in Migration Management: Policy Options for South Africa.* Policy Action Network, South Africa. Имеется по адресу https://policyaction.org.za/sites/default/files/PAN_TopicalGuide_AIData5_Migration_Elec.pdf.

Department of Immigration and Citizenship (DIAC) [Australia]
2008 *Australia's App Advance Passenger Processing System*. National Communications Branch. Имеется по адресу https://easyeta.com/pdf/APP-Guide.pdf.

Duan, Y., J.S. Edwards and Y.K. Dwivedi
2019 Artificial intelligence for decision making in the era of Big Data – evolution, challenges and research agenda. *International Journal of Information Management*, 48:63–71. Имеется по адресу https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2019.01.021.

Duffield, M.
2016 'The resilience of the ruins: towards a critique of digital humanitarianism', *Resilience*: *International Policies, Practices and Discourses*, 4(3):147–165.

Ernst, E., R. Merola and D. Samaan
2018 *The Economics of Artificial Intelligence: Implications for the Future of Work*. International Labour Organization, Geneva. Имеется по адресу www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_647306.pdf.

Ertel, W.
2017 *Introduction to Artificial Intelligence.* Springer International Publishing, Cham, Switzerland.

Eubanks, V.
2018 *Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor*. St. Martin's Press, New York City.

European Commission
2017 *Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council and the Council. Seventh Progress Report towards an Effective and Genuine Security Union*. 16 May. COM(2017) 261 final. Имеется по адресу https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:52017DC0261.

2018 *Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions*. Artificial Intelligence for Europe, Brussels. Имеется по адресу www.forbes.com/sites/ericmack/2015/07/27/hawking-musk-wozniak-freaked-about-artificial-intelligence-getting-a-trigger-finger/?sh=746de77f7416.

2019 *A Definition of AI: Main Capabilities and Scientific Disciplines*. High-Level Expert Group on Artificial Intelligence. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/definition-artificial-intelligence-main-capabilities-and-scientific-disciplines.

European Court of Human Rights (ECtHR)
2008 *S. and Marper v. The United Kingdom*. Judgment, Grand Chamber. Applications nos. 30562/04 and 30566/04. 4 December. Имеется по адресу http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90051.

European Union (EU)
2016 Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). 4 May. OJ L 119. Имеется по адресу https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02016R0679-20160504&qid=1532348683434.

Fang, L. and S. Biddle
2020 Google AI tech will be used for virtual border wall, Cbp contract shows. *The Intercept*, October 21.

Feldstein, S.
2019 *The Global Expansion of AI Surveillance*. Carnegie Endowment for International Peace, 17 September. Имеется по адресу https://carnegieendowment.org/2019/09/17/global-expansion-of-ai-surveillance-pub-79847.

Ferguson, A.G.
2017 *The Rise of Big Data Policing: Surveillance, Race, and the Future of Law Enforcement*. New York University Press, New York City.

Flach, P.
2012 *Machine Learning: The Art and Science of Algorithms that Make Sense of Data.* Cambridge University Press, Cambridge and New York City.

Franzi, J.
n.d. Australian advanced passenger processing (APP). Presentation for the Australian Department of Immigration and Border Protection.

Gammeltoft-Hansen, T. and J.C. Hathaway
2014 Non-refoulement in a world of cooperative deterrence. Law and Economics Working Papers, University of Michigan Law School. Имеется по адресу https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1216&context=law_econ_current.

Gil, D., S. Hobson, A. Mojsilović, R. Puri and J.R. Smith
2020 AI management: An overview. In: *The Future of Management in an AI World: Redefining Purpose and Strategy in the Fourth Industrial Revolution (*J. Canals and F. Heukamp, eds.). IESE Business Collection, pp. 3–19.

Gmelch, G.
1983 Who Returns and Why: Return Migration Behavior in Two North Atlantic Societies. *Human Organization*, 42(1):46–54.

Google Cloud
2020 *Vision AI*. Имеется по адресу https://cloud.google.com/vision.

Graves, A. and K. Clancy
2019 Unsupervised learning: The curious pupil. *DeepMind,* 25 June.

Haenssgen, M.J. and P. Ariana
2017 The place of technology in the Capability Approach. *Oxford Development Studies*, 44(1):98–112.

Hanke, P.
2017 Artificial intelligence and big data – an uncharted territory for migration studies? National Center of Competence in Research.

Haoyang Li, D.
2020 How AI can realize the promise of adaptive education. *Forbes*, 26 March. Имеется по адресу www.forbes.com/sites/insights-ibmai/2020/03/26/how-ai-can-realize-the-promise-of-adaptive-education/#711dfa0912b3.

Hathaway, J.
2005 *The Rights of Refugees under International Law*. Cambridge University Press, Cambridge.

Heath, G.
2019 AI and intuitive decision-making in irregular people movement. *Border Management*, March. Имеется по адресу http://bordermanagement.net/?p=1641.

Hemmadi, M.
2017 Meet Botler, an A.I. chatbot that helps people immigrate to Canada. *Canadian Business,* 8 February.

Hernandez, K. and T. Roberts
2020 Predictive analytics in humanitarian action: A preliminary mapping and analysis. Institute for Development Studies, United Kingdom.

Hertog, S.
2019 The future of migrant work in the GCC: Literature review and a research and policy agenda. Fifth Abu Dhabi Dialogue Ministerial Consultation, 16–17 October. Имеется по адресу http://eprints.lse.ac.uk/102382/1/Hertog_future_of_migrant_work_in_GCC_published.pdf.

Huszti-Orbán, K. and F. Ní Aoláin
2020 *Use of biometric data to identify terrorists: Best practice or risky business?* Human Rights Center, University of Minnesota, Minneapolis. Имеется по адресу www.ohchr.org/Documents/Issues/Terrorism/biometricsreport.pdf.

Международная организация по миграции (МОМ)
2016 *The Assessment of Border Crossing Points in the Volta and Western Regions and Training Capacity of Ghana Immigration Service*. Имеется по адресу https://publications.iom.int/books/assessment-border-crossing-points-volta-and-western-regions-and-training-capacity-ghana.

2020 *Technology to Support Analysis and Responses – IOM Covid-19 Analytical Snapshot #24*. Migration Research Division. Имеется по адресу www.iom.int/sites/default/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_24_-_technology_to_support_analysis_and_response.pdf.

International Organization for Standardization (ISO)
2019 *IT Security and Privacy — A framework for identity management — Part 1: Terminology and concepts*. Имеется по адресу www.iso.org/standard/77582.html.

Международный союз электросвязи (МСЭ)
2019 *Всеобщий охват цифровыми технологиями*. Ноябрь. Имеется по адресу www.itu.int/en/mediacentre/backgrounders/Pages/digital-inclusion-of-all.aspx.

International Telecommunication Union (ITU) and XPrize
2017 *AI for Good Global Summit Report*. Имеется по адресу www.itu.int/en/ITU-T/AI/Documents/Report/AI_for_Good_Global_Summit_Report_2017.pdf.

Israel, T.
2020 Facial recognition is transforming our borders and we are not prepared. *Policy Options*, November. Имеется по адресу https://policyoptions.irpp.org/magazines/november-2020/facial-recognition-is-transforming-our-borders-and-we-are-not-prepared/.

Jordan, M.I.
2019 Artificial Intelligence – the revolution hasn't happened yet. *Harvard Data Science Review,* 2 July. Имеется по адресу https://hdsr.mitpress.mit.edu/pub/wot7mkc1/release/8.

Jupe, L.M. and D.A. Keatley
2019 Airport artificial intelligence can detect deception: or am I lying? *Security Journal*, 33:622–635.

Kaplan, J.
2016 *Artificial Intelligence: What Everyone Needs to Know*. Oxford University Press, Oxford and New York City.

Kinstler, L.
2019 'Big tech firms are racing to track climate refugees', *MIT Technology Review,* 17 May. Имеется по адресу www.technologyreview.com/2019/05/17/103059/big-tech-firms-are-racing-to-track-climate-refugees/.

Koslowski, R.
2005 Smart borders, virtual borders or no borders: Homeland security choices for the United States and Canada. *Law and Business Review of the Americas*, 11(3). Имеется по адресу https://core.ac.uk/download/pdf/147641794.pdf.

Kuner, C. and M. Marelli (eds)
2020 *Handbook on Data Protection in Humanitarian Action*, ICRC: Geneva. Имеется по адресу https://shop.icrc.org/download/ebook?sku=4305.01/002-ebook.

Latonero, M.
2019 ‘Stop Surveillance Humanitarianism’, 11 July, *The New York Times*: New York.

Latonero, M. and P. Kift
2018 On digital passages and borders: Refugees and the new infrastructure for movement and control. *Social Media + Society*, March. Имеется по адресу https://doi.org/10.1177/2056305118764432.

LeCun, Y., Y. Bengio and G. Hinton
2015 Deep learning. *Nature*, 521(7553):436–44.

Lohn, A.
2020 *Hacking AI: A Primer for Policymakers on Machine Learning Cybersecurity*. Center for Security and Emerging Technology, Georgetown University, December. Имеется по адресу https://doi.org/10.51593/2020CA006.

Ma, W., O.O. Adesope, J.C. Nesbit and Q. Liu
2014 Intelligent tutoring systems and learning outcomes: A meta-analysis. *Journal of Educational Psychology*, 106(4):901–918.

Mack, E.
2015 Hawking, Musk, Wozniak warn about artificial intelligence’s trigger finger. *Forbes*, 27 July. Имеется по адресу www.forbes.com/sites/ericmack/2015/07/27/hawking-musk-wozniak-freaked-about-artificial-intelligence-getting-a-trigger-finger/.

Madianou, M.
2019 ‘Technocolonialism: Digital Innovation and Data Practices in the Humanitarian Response to Refugee Crises’, *Social Media + Society*, 5(3):1–13. Имеется по адресу https://doi.org/10.1177/2056305119863146.

Majidi, N., C. Kasavan and G.H. Harindranath
2021 In support of return and reintegration? A roadmap for a responsible use of technology, in McAuliffe, M. (ed) *Research Handbook of International Migration and Digital Technology*, Edward Elgar: Oxford.

Martin-Ortega, O. and C. Methven O’Brien (eds)
2019 *Public Procurement and Human Rights: Opportunities, Risks and Dilemmas for the State as Buyer*, Edward Elgar: Oxford.

Matyus, A.
2020 ICE weaponizes state-issued licenses against Maryland’s undocumented immigrants. *Digitaltrends*, 27 February. Имеется по адресу www.digitaltrends.com/news/ice-weaponizes-state-licences-against-undocumented-immigrants/.

McAuliffe, M.
2016 How transnational connectivity is shaping irregular migration: Insights for migration policy and practice from the 2015 irregular migration flows to Europe. *Migration Policy Practice*, 6(1):4–10.

McAuliffe, M. and A.M. Goossens
2018 Regulating international migration in an era of increasing interconnectedness. In *Handbook of Migration and Globalisation* (A. Triandafyllidou, ed.). Edward Elgar Publishing, Northampton, Massachusetts.

McAuliffe, M. and J. Blower
2021 Migration, mobility and digital technology in a post-COVID-19 world: initial reflections on transformations underway. In McAuliffe, M. (ed.) *Research Handbook on International Migration and Digital Technology*. Edward Elgar, Cheltenham.

McAuliffe, M., J. Blower and A. Beduschi
2021 Digitalization and artificial intelligence in migration and mobility: Transnational implications of the COVID-19 pandemic. *Societies* 2021, 11. Имеется по адресу www.mdpi.com/2075-4698/11/4.

McAuliffe, M. and K. Koser
2017 *A Long Way to Go: Irregular Migration Patterns, Processes, Drivers and Decision-making*. ANU Press, Canberra.

McCarroll, E.
2020 *Weapons of Mass Deportation: Big Data and Automated Decision-making Systems in Immigration Law*. Georgetown University Law Center. Имеется по адресу www.law.georgetown.edu/immigration-law-journal/wp-content/uploads/sites/19/2020/08/Weapons-of-Mass-Deportation-Big-Data-and-Automated-Decision-Making-Systems-in-Immigration-Law.pdf.

McCarthy, J.
2007 *What is Artificial Intelligence?* Stanford University, Stanford. Имеется по адресу http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf.

McGregor, L., D. Murray and V. Ng
2019 'International Human Rights Law as a Framework for Algorithmic Accountability' *International & Comparative Law Quarterly*, 68:309–343.

McLaughlin, R. and T. Quan
2019 *On the Edge of Tomorrow – Canada's AI Augmented Workforce*. The Information and Communications Technology Council. Имеется по адресу www.ictc-ctic.ca/wp-content/uploads/2020/02/canadas-ai-workforce-FINAL-ENG-2.24.20.pdf.

Mehr, H.
2017 *Artificial Intelligence for Citizen Services and Government*. ASH Center for Democratic Governance and Innovation. Имеется по адресу https://ash.harvard.edu/files/ash/files/artificial_intelligence_for_citizen_services.pdf.

Miessner, S.
2019 Meet Kamu: Co-designing a chatbot for immigrants. *The Service Gazette*, August 15. Имеется по адресу https://medium.com/the-service-gazette/co-designing-a-chatbot-for-immigrants-81bc3b3b7937.

Molnar, P.
2018 Using AI in immigration decisions could jeopardize human rights. Centre for International Governance Innovation. Имеется по адресу www.cigionline.org/articles/using-ai-immigration-decisions-could-jeopardize-human-rights.

2019 New technologies in migration: Human rights impacts. *Forced Migration Review,* 61:7–9.

2020 *Technological Testing Grounds: Migration Management Experiments from the Ground Up*. EDRi and the Refugee Law Lab. Имеется по адресу https://edri.org/wp-content/uploads/2020/11/Technological-Testing-Grounds.pdf.

Molnar, P. and L. Gill
2018 *Bots at the Gate: A Human Rights Analysis of Automated Decision-Making in Canada's Immigration and Refugee System*. Citizen Lab and International Human Rights Program, University of Toronto. Имеется по адресу https://tspace.library.utoronto.ca/handle/1807/94802.

Morozov, E.
2014 *To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism*. Public Affairs, New York City.

Nguyen, M.-H.
2020 How artificial intelligence and machine learning produced robots we can talk to. *Business Insider*, 27 January. Имеется по адресу www.businessinsider.com/chatbots-talking-ai-robot-chat-machine.

Niestadt, M., A. Debyser, D. Scordamaglia and M. Pape
2019 *Artificial Intelligence in Transport Current and Future Developments, Opportunities and Challenges*. European Parliamentary Research Service, March. Имеется по адресу www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/635609/EPRS_BRI(2019)635609_EN.pdf.

Nilsson, N.J.
1982 *Principles of Artificial Intelligence*. Springer-Verlag, Berlin and Heidelberg.

2010 *The Quest for Artificial Intelligence: A History of Ideas and Achievements*. Cambridge University Press, Cambridge.

Noble, S.U.
2018 *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*. New York University Press, New York City.

Norris, P.
2001 *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty and the Internet Worldwide*. Cambridge University Press, Cambridge. Имеется по адресу https://academic.oup.com/migration/advance-article/doi/10.1093/migration/mnaa003/5732839?login=true.

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD)
2019 *Artificial Intelligence in Society*. Paris. Имеется по адресу www.oecd.org/publications/artificial-intelligence-in-society-eedfee77-en.htm.

Organization of American States (OAS)
1969 American Convention on Human Rights (Pact of San Jose). 22 November. OAS Treaty Series No. 36 (entry into force: 18 July 1978).

Parker, B.
2019 'New UN deal with data mining firm Palantir raises protection concerns', *The New Humanitarian*, 5 February 2019.

2020a 'The cyber attack the UN tried to keep under wraps', *The New Humanitarian*, 29 January 2020.

2020b 'Dozens of NGOs hit by hack on US fundraising database', *The New Humanitarian*, 4 August 2020.

Pasquale, F.
2015 *The Black Box Society: The Secret Algorithms that Control Money and Information.* Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts.

Peters, A.
2019 There's now a chatbot to give refugees instant legal aid. *Future of Philanthropy,* 12 July.

Pizzi, M., M. Romanoff and T. Engelhardt
2020 AI for humanitarian action: Human rights and ethics. *International Review of the Red Cross*, 102(913):145–180. Имеется по адресу https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2021-03/ai-humanitarian-action-human-rights-ethics-913.pdf.

Pricewaterhouse Coopers (PwC)
2011 Policy study on an EU electronic system for travel authorization (EU ESTA). The Australian mission, Australia. Имеется по адресу https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/e-library/docs/pdf/esta_annexes_en.pdf.

Rashid, S.R. and A.A. Ashraf
2018 *The Mapping and Scoping of Services for the Migrant Workers of Bangladesh at Various Stages of Labour Migration Cycle*. International Organization for Migration, Bangladesh.

Rawlings, L.
2019 Identifying hostile intent: Behavioural analysis. *Border Management Magazine*, 26 April. Имеется по адресу www.bordermanagement.net/?p=1660.

Read, R., B. Taithe and R. MacGinty
2016 'Data hubris? Humanitarian information systems and the mirage of technology', *Third World Quarterly*, 37(8), pp. 1314-1331. https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1136208.

Rivlin-Nadler, M.
2019 How ICE uses social media to surveil and arrest immigrants. *The Intercept,* 22 December.

Rizvi, A.
2004 Designing and delivering visas. *People and Place*, 12(2).

Rudin, C.
2019 Stop explaining black box machine learning models for high stakes decisions and use interpretable models instead. *Nature Machine Intelligence*, 1:206–215.

Sandvik, K.B., K. Lindskov Jacobsen and S.M. McDonald
2017 'Do no harm: A taxonomy of the challenges of humanitarian experimentation', *International Review of the Red Cross*, No. 904. Имеется по адресу https://international-review.icrc.org/articles/do-no-harm-taxonomy-challenges-humanitarian-experimentation.

Sengupta, Y.
2019 The role of chatbots in mental healthcare. *DZone,* 26 March. Имеется по адресу https://dzone.com/articles/the-role-of-chatbots-in-mental-healthcare.

Shelfer, K.M. and J.M. Verner
2003 Using competitive intelligence to develop an automated visa approval system. In: *Towards the Knowledge Society* (J.L. Monteiro, P.M.C. Swatman and L.V. Tavares, eds.). Vol. 105. The International Federation for Information Processing. Springer, Boston.

Sivasubramanian, S.
2020 How AI and machine learning are helping to fight COVID-19. World Economic Forum, 28 May. Имеется по адресу www.weforum.org/agenda/2020/05/how-ai-and-machine-learning-are-helping-to-fight-covid-19/.

Snow, J.
2018 Amazon's face recognition falsely matched 28 members of Congress with mugshots. American Civil Liberties Union, 26 July. Имеется по адресу www.aclu.org/blog/privacy-technology/surveillance-technologies/amazons-face-recognition-falsely-matched-28.

Solon, O.
2016 Karim the AI delivers psychological support to Syrian refugees. *The Guardian*, 22 March.

Suresh, H. and J.V. Guttag
2020 A framework for understanding unintended consequences of machine learning. *arXiv*, 28 January. Имеется по адресу https://arxiv.org/pdf/1901.10002v3.pdf.

Takyar, A.
2020 AI applications across major industries. *Leeway Hertz*, 12 August. Имеется по адресу www.leewayhertz.com/ai-applications-across-major-industries/.

Taylor, L. and F. Meissner
2019 'A Crisis of Opportunity: Market-Making, Big Data, and the Consolidation of Migration as Risk', *Antipode*. Имеется по адресу https://doi.org/10.1111/anti.12583.

TechAmerica Foundation
2012 *Demystifying Big Data: A Practical Guide to Transforming the Business of Government*. Federal Big Data Commission. Имеется по адресу https://breakinggov.com/documents/demystifying-big-data-a-practical-guide-to-transforming-the-bus/.

Tegmark, M.
2016 *Benefits and Risks of Artificial Intelligence*. Future of Life Institute. Имеется по адресу https://futureoflife.org/background/benefits-risks-of-artificial-intelligence/.

Thales Group
n.d. Automated border control – Slash queues with faster eGates. Имеется по адресу www.thalesgroup.com/en/markets/digital-identity-and-security/government/eborder/eborder-abc.

Trapp, A., A. Teytelboym, A. Martinello, T. Andersson and N. Ahani
2018 Placement optimization in refugee resettlement. Working paper 23, Lund University. Имеется по адресу https://project.nek.lu.se/publications/workpap/papers/wp18_23.pdf.

United Kingdom Government Digital Service and Office for Artificial Intelligence
2019 *A Guide to Using Artificial Intelligence in the Public Sector*. Имеется по адресу www.gov.uk/government/publications/understanding-artificial-intelligence/a-guide-to-using-artificial-intelligence-in-the-public-sector.

Организация Объединенных Наций (ООН)
1951 Конвенция о статусе беженцев. United Nations Treaty Series, 189:137, 28 июля (вступление в силу: 22 апреля 1954 года).

1966 Международный пакт о гражданских и политических правах. United Nations Treaty Series, 999:171, 16 декабря (вступление в силу: 23 марта 1976 года).

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций (ГА ООН)
1948 Всеобщая декларация прав человека. 10 декабря. Резолюция 217 A (III). Имеется по адресу www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/217(III).

2011 *Доклад Специального докладчика по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости Гитху Муйгаи.* 24 мая. A/HRC/17/40. Имеется по адресу https://undocs.org/A/HRC/17/40.

2014 *Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век*. 21 января. A/RES/68/167. Имеется по адресу https://undocs.org/A/RES/68/167.

2019 *Доклад Специального докладчика по вопросу о крайней нищете и правах человека.* 11 октября. A/74/493. Имеется по адресу https://undocs.org/A/74/493.

Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций (КПЧ ООН)
1988 *Замечание общего порядка № 16: Статья 17. Право на уважение личной и семейной жизни и тайны корреспонденции, а также на защиту чести и репутации.* 8 апреля. В: HRI/GEN/1/Rev.1, 1994 год, с. 21. Имеется по адресу https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCCPR%2fGEC%2f6624&Lang=en.

1992 *Замечание общего порядка № 20: Статья 7 (запрещение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания).* HRI/GEN/1/Rev.1, 1994 год, с. 30. Имеется по адресу https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCCPR%2fGEC%2f6621&Lang=en.

2004 *Замечание общего порядка № 31. Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участники Пакта.* 26 мая. CCPR/C/21/Rev.1/Add.13. Имеется по адресу https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2f21%2fRev.1%2fAdd.13&Lang=en.

2007 *Замечание общего порядка № 32. Статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство.* 23 августа. CCPR/C/GC/32. Имеется по адресу https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2FC%2FGC%2F32&Lang=en.

Совет по правам человека Организации Объединенных Наций (СПЧ ООН)

2008 Защищать, соблюдать и восстанавливать в правах: Основные положения, касающиеся бизнеса и прав человека. *Доклад Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях Джона Рагги.* 7 апреля. A/HRC/8/5. Имеется по адресу www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/8session/A-HRC-8-5.doc.

2011 *Доклад Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях Джона Ругги. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций, касающихся "защиты, соблюдения и средств правовой защиты".* 21 марта. A/HRC/17/31. Имеется по адресу https://undocs.org/en/A/HRC/17/31.

2020a *Расовая дискриминация и инновационные цифровые технологии: правозащитный анализ. Доклад Специального докладчика по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости.* 18 июня. A/HRC/44/57. Имеется по адресу https://undocs.org/en/A/HRC/44/57.

2020b *Воздействие использования частных военных и охранных услуг в сфере иммиграционного и пограничного контроля на защиту прав всех мигрантов. Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение.* 9 июля. A/HRC/45/9. Имеется по адресу https://undocs.org/A/HRC/45/9.

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций (ГС ООН)

2020 *Доклад Генерального секретаря. Дорожная карта по цифровому сотрудничеству.* Нью-Йорк, июнь. Имеется по адресу www.un.org/en/content/digital-cooperation-roadmap/.

United States Department of Homeland Security

2005 *A Review of U.S. Citizenship and Immigration Services' Alien Security Checks.* Office of Inspector General. Имеется по адресу www.hsdl.org/?view&did=464051.

Vilone, G. and L. Longo

2020 Explainable artificial intelligence: A systematic review. *arXiv*, 29 May. Имеется по адресу https://arxiv.org/abs/2006.00093.

Walch, K.

2019 How AI is transforming agriculture. *Forbes*, 5 July. Имеется по адресу www.forbes.com/sites/cognitiveworld/2019/07/05/how-ai-is-transforming-agriculture/#3c79edb94ad1.

Walsh, T., K. Miller, J. Goldenfein, F. Chen, J. Zhou, R. Nock, B. Rubinstein and M. Jackson
2019 *Closer to the Machine: Technical, Social, and Legal Aspects of AI*. Office of the Victorian Information Commissioner. Имеется по адресу https://ovic.vic.gov.au/wp-content/uploads/2019/08/closer-to-the-machine-web.pdf.

Watson, D.S. and L. Floridi
2020 The explanation game: A formal framework for interpretable machine learning. *Synthese*. Имеется по адресу https://link.springer.com/article/10.1007/s11229-020-02629-9.

Wickens, C.D., B.A. Clegg, A.Z. Vieane and A.L. Sebok
2015 Complacency and automation bias in the use of imperfect automation. *Human Factors*, 57(5):728–739. Имеется по адресу www.researchgate.net/publication/275101423_Complacency_and_Automation_Bias_in_the_Use_of_Imperfect_Automation/link/555b890608aec5ac2232401e/download.

Wolchover, N.
2015 Concerns of an artificial intelligence pioneer. *Quantamagazine*, 21 April. Имеется по адресу www.quantamagazine.org/artificial-intelligence-aligned-with-human-values-qa-with-stuart-russell-20150421.

Wong, R.W.-M. and A.H.W. Chun
2006 eBrain – Using AI for automatic assessment at the Hong Kong immigration department. American Association for Artificial Intelligence. Имеется по адресу www.cs.cityu.edu.hk/~hwchun/research/PDF/eBrain_IAAI.pdf.

World Customs Organization (WCO)
2019 *Study Report on Disruptive Technologies.* WCO Permanent Technical Committee.

World Customs Organization (WCO), International Air Transport Association (IATA) and International Civil Aviation Organization (ICAO)
2010 *Guidelines on Advance Passenger Information.* Имеется по адресу www.icao.int/Security/FAL/Documents/2010%20API%20Guidelines%20Final%20Version.ICAO.2011%20full%20x2.pdf.

World Health Organization (WHO)
2020 Estonia and WHO to jointly develop digital vaccine certificate to strengthen COVAX. 7 October. Имеется по адресу www.who.int/news-room/feature-stories/detail/estonia-and-who-to-jointly-develop-digital-vaccine-certificate-to-strengthen-covax.

World Intellectual Property Organization (WIPO)
n.d. *Artificial Intelligence and Intellectual Property*. Имеется по адресу www.wipo.int/about-ip/en/artificial_intelligence/.

Zou, J. and Schiebinger, L.
2018 AI can be sexist and racist – it's time to make it fair. *Nature*, 559(7714):324–326. Имеется по адресу www.nature.com/articles/d41586-018-05707-8.

Zuboff, S.
2019 *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power.* Public Affairs, New York City.

МОМ
ООН МИГРАЦИЯ

17 route des Morillons, P.O. Box 17, 1211 Geneva 19, Switzerland
Тел.: +41 22 717 9111 • Факс: +41 22 798 6150
Электронная почта: hq@iom.int • Веб-сайт: www.iom.int